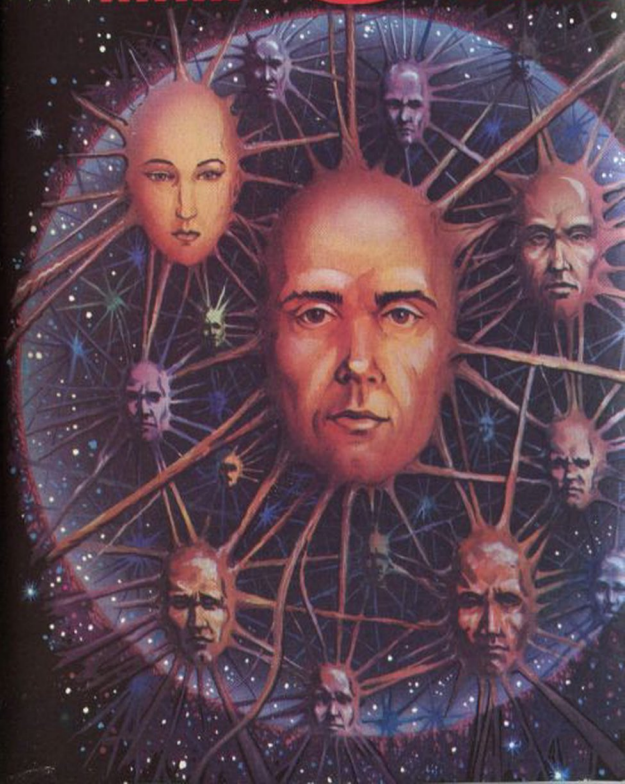
Зал славы всемирной фантастики

ПИРС ЭНТОНИ

Piers Anthony

ПИРС ЭНТОНИ

МАКРОСКОП



Макроскоп
Пирс Энтони

Аннотация
Пирс Энтони. Макроскоп
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Огонь
Вода
Воздух
Земля
Восходящий
Солнце
Луна
Марс
Венера
Меркурий

Юпитер
Сатурн
Уран
Нептун
Плутон

Аннотация

Роман Пирса Энтони «Макроскоп» признан одним из лучших в творчестве этого своеобразного автора. В нем в тугой комок переплелись межзвездные полеты, внеземные цивилизации, история галактики и любовный треугольник, астрология и путешествия в глубинах сознания.

Пирс Энтони
Макроскоп

П. Энтони

МАКРОСКОП

MACROSCOP

P. Anthony

МАКРОСКОП

Глава I

Иво не сразу понял, что за ним следят. Небольшой эксперимент подтвердил эту тревожную мысль — как только Иво начинал идти, тут же трогался незнакомец.

Он видел этого мужчину, бледного, мясистого и потного в закусочной, однако осознал этот факт, когда увидел преследователя несколько раз. Это его встревожило.

Иво был стройным молодым человеком двадцати пяти лет с короткими черными волосами, карими глазами и бронзовой кожей. Он мог бы незаметно затеряться среди населения любого большого города мира. И сейчас он мужественно пытался это сделать, но преследователь не щадил.

Теперь это случается не так часто как раньше, но Иво знал, что люди вроде него иногда таинственно исчезают в различных районах страны. До сих пор он лично не испытывал на себе ничего более страшного, чем необъяснимое увеличение счета в отдельных ресторанах или внезапная нехватка мест в мотелях. Были также косые

взгляды и демонстративно громкие замечания, но это все не в счет. Он научился контролировать свою ярость, а со временем и избавляться от нее.

Но самая настоящая слежка — это больше, чем досадная мелочь. При мысли об этом в желудке появились неприятные ощущения.

Иво не считал себя храбрым человеком, и одно только переживание подобного сорта заставило его с тоской вспомнить относительно безопасную жизнь во времена проекта. Но, однако, прошло десять лет, и возврата быть не может.

В его воображении появился рослый кавказец[1], который приблизившись к нему кладет свою липкую руку на его запястье и говорит: *«Мистер* Арчер? Пожалуйста, пройдемте со мной», а затем моментально показывает незаконное оружие, которое превращает притворную вежливость в грубую команду. Затем обреченное путешествие в уединенное место — скорее всего, какой-нибудь крысиный подвал, где…

Лучше обратиться к этому человеку немедленно, здесь, на улице, где много людей. Сказать ему: «Вы за мной следите, сэр?», делая ударение на слове «сэр». А пока тот будет невнятно отри-

---

[1] Примечания: 1

По-видимому игра слов; действие происходит в Джорджии, название которой в английском звучит также, как и Грузия.

цать, удалиться, временно освободившись от его назойливости. Затем сразу за угол, короткий прыжок во взятый напрокат автомобиль и вперед куда-нибудь, все равно куда, только бы побыстрее затеряться.

Иво зашел в аптеку и спрятался за возвышающейся грудой выставленного товара, выжидая, и в то же время украдкой разглядывая этого человека. Сработает ли прямой вызов — или прохожие пройдут мимо, опасаясь впутаться или просто пожалеют из чувства сострадания. За стеклом он увидел потрепанную белую женщину с двумя непослушными мальчиками, негритянского подростка в разбитых кроссовках, а за ними, у входа в аптеку, топтался преследователь, вытирая пот со своего бледного лица. Переодетый полицейский? Не похоже — не было бы этой скрытности.

Черное подозрение превратилось в уверенность, стоило только над этим задуматься: когда этот человек до него доберется, жизнь уже никогда не будет такой как прежде. Жизнь? Хуже того, в течение часа Иво Арчер исчезнет с поверхности Земли и никогда…

Он *должен* встретить своего врага лицом к лицу.

— Да?

Он посмотрел вверх и вздрогнул. К нему приближалась продавщица, несомненно заметившая бесцельность его визита и заподозрившая мелкую кражу. В ее вопросе было нетерпение. Иво виновато осмотрелся и нашел первый попавшийся повод. Он стоял рядом со стеллажом с солнцезащитными очками.

— Это.

— Это женские очки, — заметила она.

— О! Да, ну, вы же лучше знаете.

Она провела его к стеллажу с мужскими очками, и Иво взял первую попавшуюся пару, хотя очки ему были ни к чему. Он заплатил цену, которая ему показалась подозрительной и надел их. Теперь у него не было повода оставаться в магазине.

Иво вышел и понял, что у него не хватает мужества осуществить свой замысел. В глубине души он был упрямым, но мужественным — нет. Его запястья коснулась необычно твердая рука. Грубые черные волосы пробивались на центральных фалангах трех пальцев.

— Мистер Арчер? — спросил человек.

Голос, тоже несколько грубый, как у человека с хронически воспаленным горлом.

Иво остановился, нервно теребя правую дужку

очков. Он был зол на себя, но еще больше испуган. Он уже не мог отличить фантазии от реальности. Иво посмотрел на преследователя, все еще отталкиваемый неестественной бледностью его лица и слабым запахом пота.

Под сорок, одежда неофициальная, но хорошего покроя, обувь дорогая, но слишком новая. Это не профессиональный филер — эти жесткие туфли должно быть трут.

— Да.

Он попытался изобразить занятого человека, которому не нравится подобное обращение, но понял, что ему это не удалось. Преследователь его уж никак простаком не был.

— Пожалуйста, пройдемте со мной.

Иво не мог грубить людям, даже в подобных ситуациях, — это была его слабость. Но в его намерения не входило сопровождать незнакомца куда бы то ни было.

— Кто вы?

Человек занервничал:

— Я не могу вам сказать этого здесь.

Но как только Иво подумал, что добился какого-то преимущества, волосатые пальцы вновь стиснули предплечье. Они были холодные и вовсе не вялые.

— Это важно.

Нервозность Иво возросла. Он тронул свои бесполезные очки и посмотрел в сторону.

На длинной улице не было ничего, что могло бы хоть как-то отвлечь внимание: просто двойные ряды обычных для Джорджии домов, неотличимых от домов в Каролине или Флориде, вдоль которых тянулись неухоженные тротуары и наклонные площадки для парковки. Счетчики на стоянках напоминали чудовищные спички, поставленные вертикально головкой вверх. Вспыхнут ли они, если солнце будет продолжать безжалостно жарить, или для этого необходимо прикосновение металла, например монеты?

Его пальцы нащупали в кармане теплый диск: пенни.

Не должен ты парковаться в полуденный зной[2]…

— Сожалею, — сказал он. — Всего хорошего.

Высвободил руку и сделал шаг вперед. Он сделал это!

Он оторвался…

---

[2] Примечания: 2

В ориг. в этой фразе используются староангл. слова thou, shalt — по-видимому, Иво подражает поэзии 18–19-го века.

— От свинства нет средства[3], — пробурчал незнакомец.

Иво повернулся и стал ждать, глядя в никуда.

— Моя машина — прошу сюда, — сказал человек и опять взял его руку. На этот раз Иво последовал за ним без сопротивления.

Машиной был взятый напрокат электрический флоатер, штучка не для поездок в городе.

Капот широкий и длинный, как у машин с двигателем внутреннего сгорания: достаточно места для солидного количества батарей. Юбка воздушной подушки была слегка оттопырена.

Этот аппарат, решил Иво, наверное даст сто сорок миль в час на открытой местности. Его провожатый был явно не местный.

Они забрались в передний салон и пристегнули ремнями безопасности грудь, живот и бедра. Кабина машины автоматически загерметизировалась, и, как только незнакомец включил компрессор, от вентиляционных отверстий в полу потянуло холодным воздухом.

Машина мягко поднялась на воздушной подушке, и только турбулентные следы по ее контуру

---

[3] Примечания: 3

Это пароль — отрывок из стихотворения амер. поэта 19 века Сиднея Ланье (Sidney Lanier) см. гл.VI. Далее почти все поэтические цитаты этого автора.

свидетельствовали о подъеме. Она мягко проплыла на проезжую часть, разгоняя мусор на своем пути.

Их провожали сердитые и завистливые взгляды прохожих, которых обдало пылью. На высоте нескольких дюймов, не замечая камней и трещин, флоатер выплыл на полосу для бесколесного транспорта.

— Куда вы меня везете? — спросил Иво, в то время как флоатер лавировал в потоке машин.

— В Кеннеди.

— А Брад там?

— Нет.

— Кто же вы?

— Гарольд Гротон, инженер. Космические конструкции.

— Вы из Кеннеди?

— Нет.

Раздраженный, Иво прекратил беседу. Ключевая фраза, которую произнес Гротон, сказала Иво все, что он должен был знать на этот момент, а вытягивать из человека ничего не значащие ответы было не в его стиле.

Последний участок путешествия был рутинным. Машина двигалась по федеральным дорогам на автопилоте со скоростью почти сто миль в

час, окружающие дорогу болота с кустарником казались довольно монотонными.

Иво украдкой изучил своего попутчика. Гротон больше не казался мясистым и бледным. Каким-то образом то, что его послал Брад, изменило этого человека. В конце концов, не было причины сопротивляться в начале.

Хотя, впрочем, *была*, но не очень серьезная. Раньше Иво был свободен от предвзятости, но сейчас она появилась в его характере. Это было плохо. Кому, как не ему, это лучше знать.

— Это называется съезжать на скорости девяносто пять миль в час — заметил Иво, взглянув на спидометр после часа молчания. Тяжелая голова Гротона повернулась к нему, он непонимающе нахмурился.

— Федеральная дорога, девяносто пять, да, — сказал он. — Но мы вовсе не спускаемся.

— Я имел в виду, что мчимся на скорости девяносто пять миль в час к побережью Флориды, — пояснил Иво, укоряя себя за ребяческую попытку сострить. Гротон был не дурак, просто каламбур был не к месту. Он попытался изобразить дружеское отношение, как бы извиняясь за

первоначальные подозрения, и все испортил[4].

Съезжать на скорости девяносто пять миль в час, подумал он и мысленно подмигнул себе. Он уже понял, что сложные каламбуры такого сорта не понятны большинству людей — по крайней мере тем, кому за двадцать пять. Брад, конечно, подхватил бы игру и выдал бы что-нибудь получше — но Брад был навряд ли типичен даже для их возрастной группы. Внезапно Иво почувствовал себя очень молодым.

— Ах, да, — сказал Гротон. — Конечно.

Иво отвернулся и в неловкой тишине уставился на ландшафт за окном.

Они уже были далеко за Джексонвилем, стройные пальмы встречались чаще, правда, еще было больше южной сосны. Плакат вдоль дороги гласил: «Св. Августин — старейший город в Америке — следующий поворот на восток». Иво подумал, что здорово было бы путешествовать по свету и не встречать постоянно докучливую коммерческую рекламу, но ему было известно, что существовало промышленное и другие виды давления, которые заставляли постоянно пересматривать допустимые виды, рекламы на плакатах вдоль

---

[4] Примечания: 4

Игра слов — coast — съезжать с горы и побережье, есть ссылка в гл. VI.

федеральных дорог. Мотели, станции заправки и зарядки батарей, рестораны и другие предметы общественного интереса (выражаясь языком частных предпринимателей) — все это казалось вначале оправданным. Но стоило появиться прецеденту, и моральная эрозия превратила в предметы общественного интереса даже крепкие напитки, легкие галлюциногены и женские гигиенические средства.

Впереди он увидел старинные знаки номера дороги, но вместо номера на них были напечатаны какие-то слова. Он сонно прочел их:

Господь ведает, куда плывет облако,
Но облако не ведает того.

Иво улыбнулся, пытаясь понять, как это связано с общественной службой ремонта дорог.

Господь ведает, что творит художник,
Но ведает ли это сам художник?

Внезапно он проснулся. Рядом грузно восседал Гротон и читал газету. В этом месте дорогу окаймляли лишь галька, кусты да пластиковые пакеты. Знака нигде не было, даже в его воображении, а то, что он прочитал во сне, был отрывок из поэмы, которую он хорошо знал, поэта, творчество

которого он изучал.

Да, у человека, в отличие от облака, есть свобода выбора. Художник несет ответственность за свое творение. А предрешенность судьбы не свойственна сентиментальным типам.

Тем не менее, Иво Арчер направлялся в место, которого он никогда не видел, подчиняясь сомнительным директивам другого человека.

Свобода выбора?

«Это тоже пройдет» — гласил плакат, на сей раз реальный. Иво вздохнул, закрыл глаза и заснул.

Проснулся он уже над водой; Гротон перешел на ручное управление и двигался, минуя мост, к тому, что, по-видимому, было мысом. Хотя Иво не очень-то по душе пришлась таинственность, с которой его привезли сюда, тем не менее он не смог сдержать чувства возбуждения. Если конечным пунктом поездки не является этот берег, то это, должно быть — одна из орбитальных космических станций?

Сейчас они находились на дороге штата N 50. Знак на Дальнем конце моста указывал, что это Меррит Айленд, а чуть дальше была территория Космического Центра Кеннеди. Это была группа опрятных жилых строений и элегантных деловых зданий, в целом все было спланировано

подобно парку и напоминало современный студенческий городок.

— Самый молодой город в Америке — а дальше выход в космос, — пробормотал Иво.

— Где-то так, — согласился Гротон, опять не поняв шутки.

— Здесь находятся почта, телефон, банк, больница, завод по очистке сточных вод, электростанция, вокзал, кафетерии, склады, Офисы…

— А для космических кораблей места не нашлось?

— Нет, — серьезно ответил Гротон.

Этот человек казался непробиваемым для иронии.

— Здесь работают ежедневно сорок тысяч человек. Корабли изготавливаются и собираются во многих местах, но пусковые площадки находятся на безопасном расстоянии, разумеется. Мы здесь остановимся только ради некоторых формальностей — идентификация, проверка здоровья, инструктаж и все такое. Неизбежное зло.

— Я здоров и не могу представлять угрозу безопасности, так как я родился в Филадельфии, вскормлен гидропоникой и не знаю, что я здесь делаю.

— Хотите заключить пари, что вы в состоянии

выдержать десятикратную перегрузку? Что ваша нервная система способна перенести внезапное свободное падение без побочных реакций, как, например, сильная тошнота? Или что у вас нет аллергии на…

— Я никогда не заключаю пари, — сказал Иво с внезапной уверенностью.

— А что касается теста службы безопасности, то тут дело даже не в том, что вы знаете, а в том как вы будете реагировать на то, что узнаете в дальнейшем. Хорошие намерения и неполная информированность могут привести к наиболее неожиданным…

— Я понял. Где пусковая площадка?

— Около шести часов езды отсюда. Шаттл уже собирают.

— Собирают? А что случилось с тем, что был раньше?

Гротон проигнорировал вопрос, на этот раз юмор ему, по-видимому, совсем не понравился.

Через четыре часа и массы тестов их привели в сборочный ангар, сооружение устрашающих размеров.

— Наибольшее здание в мире, на момент его постройки, — сказал Гротон, и Иво сразу этому поверил.

— У нас их два. Здесь собирают носители типа «Сатурн».

— Сатурн? А я думал, что на Сатурн полетели три года назад.

Гротон остановился, взглянул на него и улыбнулся.

— Вы имеете в виду *планету* Сатурн. Вы правы, это была беспилотная миссия в 1977. Планировалось пройти за один раз мимо четырех газовых гигантов. Сейчас аппарат приближается к Сатурну, а завершит полет у Нептуна, через шесть лет. То же самое относится к параллельному конкурирующему советскому полету, разумеется.

— Так что *здесь* за Сатурн?

— Сатурн VI — так называется наш *носитель*. Основные компоненты собираются здесь, в вертикальном положении, а затем подвижной пусковой стол транспортирует его на космодром. Это позволяет эффективно использовать наши возможности.

— Я понял, — сказал Иво. Хотя на самом деле ничего не понял, но постеснялся выказывать свое невежество опять. Зачем, интересно, Гротон проводит эту экскурсию, вместо того, чтобы пойти прямо к шаттлу. Недалеко от серо-черного сборочного ангара он заметил любопытную

конструкцию на гусеницах. Она была в высоту футов двадцать и размером с половину футбольного поля.

— А это что?

— Гусеничный транспортер. Весит около шести миллионов фунтов, груженый развивает добрую милю в час.

— Мне по душе эти скорости космического века.

Затем, не давая Гротону постичь иронию сказанного:

— И куда же он ползает? Что он возит?

— Он ползает по транспортной дорожке. А возит он подвижной пусковой стол.

Иво не унимался:

— А где кончается транспортная дорожка? И что они там запускают?

— Груз. То есть нас.

— Ах, да.

Короткая поездка вдоль транспортной дорожки, чем-то напоминающей федеральный хайвей, за исключением того, что дорожка имела мягкую поверхность, покрытую галькой, и они уже были на пусковой площадке, которая представляла собой неправильный восьмиугольник более чем полмили в диаметре. В центре находилось воз-

вышение из бетона и стали с глубокой траншеей, проходящей через середину. На возвышении, присев над траншеей, как человек по большой нужде, находилась платформа и башня из стальных балок, которые подпирали ракету высотой в триста сорок футов.

— Мобильный пусковой стол, — сказал Гротон, — со стандартным ускорителем типа Сатурн VI. Довольно старая разработка, но надежная.

— А кто будет ездоком?

— Наш шаттл.

Теперь Иво разглядел крохотную ракету, двухместную космическую шлюпку. Мог бы сразу догадаться.

Носитель имел тридцать три фута в диаметре внизу и не намного меньше вверху. Издалека гроздь маршевых двигателей — всего их было шесть — казались миниатюрными на фоне громады носителя. Они были похожи на пришитые чашеобразные пуговицы, но с близкого расстояния он обнаружил, что каждый двигатель был размером с эскимосскую иглу. Сатурн VI выглядел чудовищем, Иво имел некоторое представление о том, какая мощь в нем заключена, так как он знал, что ее хватит, чтобы зашвырнуть всю эту

массу в космос.

— Одноступенчатый носитель, девять миллионов фунтов тяги. Это наиболее универсальный носитель в программе, — сказал Гротон во время подъема в лифте. — Раньше нужно было три ступени, чтобы выйти на орбиту, а сейчас две из них заменили полезным грузом. Эти транспортники, как правило, неуправляемы, так что мы будем единственными пассажирами. Делать ничего не нужно, расслабьтесь и наслаждайтесь поездкой.

— А кто подносит спичку?

— Зажигание автоматическое.

— А если сломается?

Гротон не ответил. Лифт остановился, и они вскарабкались по крутому трапу к маленькому люку возле носа ракеты.

Иво посмотрел вниз. Бетонная пусковая площадка казалась подозрительно маленькой с этой высоты, а торчащие конструкции напоминали россыпь белых костей домино. Могучий торс Сатурна VI, казалось, сильно сужался к низу, а у самой земли его стягивала крохотная юбочка.

Иво сжал поручень, инстинктивно испытывая страх высоты на узкой площадке. Гротон, по-видимому, этого не заметил.

— Куда мы летим? — опять спросил Иво, после,

того как начался автоматический отсчет времени перед пуском.

— Брад занимается исследованиями на орбитальной станции?

— Нет.

— На Луне?

— Нет.

— Где же?

— На макроскопе.

Конечно! Где же еще быть Брадли Карпентеру! Но осознание этого факта породило новый приступ нервозности. Брад никогда бы не позвал его в такое место, если бы не…

Зажигание.

Иво подумал, что ракета развалится от тряски. Он подумал, что сейчас его барабанные перепонки лопнут. Он подумал, что похож на сухой боб, болтающийся в жестянке во время урагана.

Постепенно, когда стих шум и прошло головокружение, до него дошел смысл того, что называют мультигравитационными перегрузками. Сейчас он чувствовал себя, как в средневековой камере пыток: огромный вес медленно выдавливал дыхание и жизнь из упакованной в кандалы жертвы. Неужели он *добровольно* пошел на это?

Свобода выбора, где же твоя…

Он знал, что все длилось всего несколько секунд и надеялся, что ему никогда не придется испытать то же в течение минуты.

Грудь начала болеть, по мере уменьшения перегрузки он буквально хватался за воздух.

Наконец, сила тяжести исчезла. Иво почувствовал болезненную встряску — отделилась первая ступень, затем ускорение вновь вдавило его, но на этот раз терпимо.

— Эй, — выдавил из себя Иво. — Вы же говорили, что эта штука одноступенчатая? А что это за…

— Я сказал, что *носитель* имеет одну ступень. Не самый экономичный способ достичь второй космической скорости, но надежный. Правительство решило принять одну модель как стандарт, вот это она и есть. На самом деле использованные корпуса ступеней находятся на орбитах с довольно большим периодом, некоторые, очень немногие, используются как космические базы, но мы в конце концов все их соберем и используем металл для построения другой станции. Это произведет благоприятное впечатление на налогоплательщиков.

Гротону, по-видимому, не составляло труда говорить при перегрузке.

Как долго продлится поездка? Он решил не спрашивать. Макроскоп и станция находились на расстоянии пять-шесть световых секунд от Земли — это около миллиона миль.

Наконец, двигатель выключился, и надолго наступила невесомость. Гротон остался пристегнутым в своем кресле и уснул.

Иво понял это как намек на то, что оставшийся участок пути будет длинным и скучным, так как делать им совершенно нечего. Он даже не мог полюбоваться видом космоса — единственный иллюминатор не показывал ничего, кроме пустоты.

Он попытался подумать обо всем, как об эвакуации с Земли, Дома Предков, но воображение работало слабо. Он задремал.

Ему снилось детство: десять лет в великом городе Маконе, население три тысячи, 3023 согласно последней переписи, плюс две тысячи черных. Его брату Клиффорду было 8 и малышке Гертруде едва 2 года, было это тем летом 52 года, он любил обоих, но больше играл со своим другом Чарли в торговцев хлопком. Они представляли себя дилерами, покупали и продавали, рыли склады в красных глинистых стенах глубокого оврага, что был рядом с хайвеем. Когда большие и медлен-

ные фургоны проезжали в направлении города, он и Чарли выскакивали на дорогу, хватали пригоршни хлопка, чтобы положить его в свой склад. Рабы, управлявшие фургонами, замечали это, но никогда ничего не говорили, коль скоро урон от их пиратства был минимальным.

Или, бывало, собирали орешки, которые служили им деньгами или драгоценностями, искали наконечники стрел, или просто рыбачили. Это были развлечения на свежем воздухе. Природа прекрасна даже зимой, а то было лето.

Иногда он бродил по лесу, играя на флейте; соседи, когда слышали его, только качали головами и улыбались, а рабы кивали в такт мелодии.

Иво проснулся, когда они причалили к станции.

На самом деле он засыпал несколько раз, пару раз перекусил пищей из тюбиков, и более ничего достойного упоминания с ним не случилось.

К тому же невесомость несколько изменила его восприятие времени. Его прошлая жизнь на Земле сейчас казалась ему такой далекой, часы, месяцы тому, в совсем иной реальности.

Он чувствовал себя совершенно спокойно. Он знал, что завершена серия сложных маневров, и контроль передан от земного центра управления

станции, еще, наверное, были промежуточные центры управления — будто ракета была палочкой в эстафете. Однако для пассажиров это было незаметно. Даже высадка была скучной; внешне это выглядело, как высадка из вагона метро на платформу на Земле. Иво был разочарован; как какой-нибудь турист, подумал он язвительно.

Космический офицер с эмблемой ООН на мундире проверял пассажиров и следил за разгрузкой.

Легкость тела Иво еще раз напомнила о том, что он не на Земле; станция создавала «гравитацию» посредством центробежной силы, а это должно быть внутренний контур с наименьшей скоростью.

Не было проверки здоровья и других тестов, по-видимому, той процедуры, которую они прошли в Кеннеди было достаточно. Куда же ему теперь идти?

— Мистер Арчер — комната 19, правый борт, контур с нормальной гравитацией, — резко произнес офицер, так что Иво показалось, будто его призвали во флот.

— Ну вот, — сказал Гротон, — я вас могу подбросить или вы сами найдете дорогу?

— Лучше я пойду сам.

Гротон удивленно посмотрел на него, но не стал задерживать.

— Контур с нормальной гравитацией это 8-й уровень, — сказал он.

— Восьмая секция. Понятно.

Но Гротон, конечно, не понял и на этот раз.

Иво послушно проследовал к лифту, который служил для спуска на нижние уровни. Замелькали цифры, обозначающие номера уровней, когда кабина проходила их — точно как номера этажей в небоскребе. Ему показалось, что его вес увеличился, и что ноги тяжелее, чем голова, принимая во внимание специфическую гравитацию. Интересно, действительно ли притяжение изменяется столь резко?

Загорелась лампочка под номером 8, и он нажал кнопку «Стасис».

Панель скользнула в сторону, и за ней оказалось помещение, очень похожее на станцию метро. По центральному коридору тянулись два рельсовых пути, а в стороне стояли несколько четырехколесных тележек. По направлению ветки колеи он определил, что путь справа для движения вперед, относительно его случайной ориентации, а левый — для движения в обратном направлении. Где же комната 19?

Он решил не беспокоиться об этом. Взобрался на тележку, уселся в массивное кресло и осмотрелся в поисках органов управления мотором. Но их не было, перед ним был пустой корпус, словно начинку выбросили в космос, чтобы облегчить станцию.

У одного из колес был укреплен простой механический тормоз. Иво пожал плечами и отпустил тормоз. Тележка начала двигаться по ветке в сторону главного пути, и Иво понял, что она движется гравитацией.

Очевидно, рельсы были наклонены вниз или, точнее, к внешней стороне станции, позволяя тележкам катиться, пока их не остановят.

Замечательно, что еще лучше можно придумать для передвижения на станции, где энергия, скорее всего, весьма дорога.

Он увидел цифры: 96, 95, 94 — каждая, несомненно, обозначает номер жилой комнаты либо офиса. Те, которые справа, обозначены буквой «П», а слева — буквой «Л». Правый и левый борт, очевидно[5]. Должно быть, сейчас он направляется к корме.

Тор? Могут ли вообще быть нос и корма у пустой

---

[5] Примечания: 5
В ориг. starboard и portboard.

баранки, вращающейся в космосе? Половину, видно, он уже проехал, направление было верное, так как номера комнат уменьшались.

Сам пол уровня был ровный, в то время, как колея была наклонена. Точнее, оболочки уровней были изогнуты так, что строение станции напоминало устройство луковицы, а колея пути была изогнута с большим радиусом. Таким образом, он двигался к правильному номеру, но на другом этаже. Фактически, он был уже на полпути к девятому уровню.

Ну вот, еще одна проблема. Он отказался от помощи Гротона и теперь будет выбираться сам, как это обычно бывает. Приходится мириться со своим стремлением к независимости.

Между номерами семнадцать и восемнадцать находилась вертикальная шахта, и он свернул на ветку, ведущую к ней, осторожно манипулируя тормозом. В этом месте путь пошел на подъем, так что почти не нужно было тормозить.

Он оказался на восьмом уровне. Ему пришло в голову, что то, что он проделал, было фактически переходом с орбиты с меньшим радиусом на орбиту с большим радиусом, правда он набрал скорость, вместо того, чтобы потерять ее. Так ли это? Как минимум, сейчас он весил больше

обычного, если полагаться на свои чувства.

Шахта была двустороння: одна сторона для подъема, другая для спуска. Скорее всего кабины были связаны, уравновешивая друг друга, в целях опять же экономии энергии. Он сошел на восьмой уровень и проследовал по коридору к комнате номер 19, правый борт. На табличке было написано: «Брадли Карпентер», как он и ожидал. Никто другой не мог послать Гротона с подобным поручением. Он отодвинул дверь и вошел.

На звук к нему повернулся молодой человек: высокий, каштановые волосы, карие глаза; он был по-мужски красив. Черты лица выдавали в нем острый ум.

— Иво!

— Брад!

Брад вскочил, они обнялись, принялись тузить друг друга, ерошить волосы, буйно радуясь встрече; два подростка, которые по-дружески дурачатся.

Но через минуту оба превратились в молодых взрослых людей.

— Боже, как я рад, что ты приехал, — сказал Брад, подвесил гамак и плюхнулся в него. Он указал на другой гостю. — Ты меня просто в детство вернул.

— Чем я тебе могу помочь? Ты послал шпионить за мной этого кабана… — шутливо пожаловался Иво. Он решил, что лучше оставить серьезный разговор на потом. Он тоже подвесил гамак и принялся в нем качаться.

— А мы тут свиньями торгуем.

Оба рассмеялись.

— Но у меня есть один важный вопрос…

— Попробую отгадать: где находится корма?

Иво кивнул:

— Точно.

— Я тебе удивляюсь, дружище. Неужели ты до сих пор не знаешь, что твоя корма находится за твоим пенисом?

— Мой мозг недостаточно порнографичен для подобных ассоциаций.

— Тогда возьмем твой форштевень. Это же неизбежно[6]!

Иво дружески улыбнулся, понимая, что теперь его очередь отпустить какой-нибудь каламбур. Ну ничего, со временем он войдет в колею.

— Пойдем — должен тебе показать одну ма-

---

[6] Примечания: 6

Игра слов bow — нос корабля и пригибаться, сгибаться, т. е. второе толкование каламбура «Пригнись, и сам увидишь», есть ссылка в гл. III.

дам[7]. Вначале дело, потом развлечения.

— Мадам? — Иво проследовал за ним в некотором замешательстве.

Брад остановился на секунду перед дверью девушки:

— У нее интеллектуальный коэффициент 145. Я ей сказал, что у меня 160, понял?

— Это что, уровень интеллекта, необходимый для романа?

— Я от нее без ума. А что еще можно ожидать от простого дерьма[8], вроде меня?

Иво пожал плечами:

— Дерьмо на ступнях Господа.

Брад понимающе улыбнулся и позвонил. Тут же дверь скользнула в сторону, приглашая их войти.

В обстановке явно чувствовалось женское присутствие. Гофрированные занавесочки украшали вентиляционные люки, стены были пастельно-розового цвета. Щеточки и кремы выстроились на поверхности стола, за которым висело зеркало, придавая всему несколько напыщенный вид. Здесь, подумал Иво, живет тот, кто хочет чтобы

---

[7] Примечания: 7
В ориг. фр. femme — женщина.

[8] Примечания: 8
В ориг. clay — глина, прах.

вся станция знала, что среди них есть леди. Либо тот, кто не уверен в себе?

Много ли женщин на станции макроскопа? Каков их статус здесь, оставляя в стороне официальные должности? Отношение Брада к этой женщине было несколько двойственным.

Она появилась из соседней комнаты. Чуть выше среднего роста, тонкие шея, талия, икры; груди и бедра как у статуи. Типичная старлет[9], подумал Иво, удивленный поверхностным выбором Брада.

Она взглянула на Иво, и он отметил, что ее голубые глаза резко контрастируют с ярко-рыжими волосами до плеч.

— Афра, это Иво Арчер, мой старый друг по прошлому проекту.

Иво улыбнулся, чувствуя неловкость, так как сказать ему было нечего. Что это, все для него разыгрывается?

— Иво, это Афра Глинн Саммерфилд.

Она улыбнулась. Казалось, солнце взошло над трясиной: Брад продолжал говорить, но Иво уже ничего не слышал. В один момент, короткий, как вспышка фотоаппарата, ее образ запечатлелся в

---

[9] Примечания: 9

В ориг. starlet — звездочка, т. е. молодая начинающая актриса с большими амбициями.

его памяти.

Афра Глинн Саммерфилд: потрясающее впечатление, потрясающие романы — все не в счет.

На ней было отливающее серебром платье, которое придавало ее виду необъяснимый аромат старины, на ногах — белые туфельки.

Вот строки о ней:

> *Наступая и отступая, на юг и на север тянутся,*
>
> *извиваясь, песчаные берега*
>
> *Точно сотканное из серебра платье девушки облегает*
>
> *ее упругие ноги.*

Афра: прелестные упругие ножки, волосы цвета заката в Джорджии.

Глинн: сотканный из серебра друг его друга.

Саммерфилд: неудержимый полет фантазии.

Афра Глинн Саммерфилд: после этого взгляда и навсегда Иво влюблен в нее.

Раньше он размышлял об увлечениях практично, дисциплинируя свои мысли. Он принимал как должное, что любовь есть нечто недоступное человеку в столь уникальной ситуации. Но жизнь подарила ему эту возможность.

— Эй, ты что, обалдел? Просыпайся, — весело

воскликнул Брад. — Первый раз это случается со всеми. Должно быть это ее волосы, цвета полированной меди, так действуют.

Он повернулся к Афре.

— Я лучше заберу его, пока он не придет в себя. В обществе красивых девушек у него язык заплетается. Встретимся через час, хорошо?

Она кивнула и послала ему воздушный поцелуй.

Иво последовал за ним в зал, едва ли понимая, что он делает. Он и вправду был робок с девушками, но на этот раз все было куда сильнее. Никогда прежде он не чувствовал себя таким опустошенным.

— Пойдем. Скоп приведет тебя в порядок.

Через мгновение они каким-то образом были уже на первом уровне. Они натянули скафандры и вошли в кабину, которую Иво принял за шлюз. Это был высокий цилиндр, меньше четырех футов в диаметре, направленный к центру тора, под некоторым углом; закрывала его прозрачная мембрана.

Брад нажал какие-то кнопки, и после того, как воздух был откачан, шлюз заполнил желтоватый туман.

— А сейчас, стань твердо и руки возьми в замок,

вот так, — показал Брад. — Проверь, устойчиво ли ты стоишь и выставь локти, но держи их жестко, будто собираешься на них повиснуть. Выдохни наполовину и задержи дыхание. Только не паникуй. Хорошо?

Его голос был искажен герметичным шлемом.

Иво выполнил все, зная, что его друг никогда не дает пустых советов. Брад вытащил прозрачную трубку с фильтром на одном конце и затолкал в нее маленький шарик. Затем прикрутил упругую грушу к концу с фильтром.

— Дай, думаю, постреляю, — объяснил он. — Ты же знаешь, я молод душой.

Он направил трубку вверх и резко нажал грушу.

Иво увидел только смазанный след шарика, когда Брад выстрелил. Затем он очутился в космосе, беспомощно кувыркаясь. Гигантский тор станции нависал над ним, рот без лица, огромные пояса, соединяющие сектора, напоминали трещины на рассохшихся сжатых губах.

Чья-то рука ухватила его за ногу и остановила.

— А ты не слушал, — сказал Брад с укором, его строгое лицо глядело на него через стекло шлема. — Я же тебе говорил, следи за равновесием.

Его голос, казалось, исходил из глубины, так как

передавался только посредством физического контакта между ними.

— Да, я не слушал, — виновато согласился Иво. Он осмотрелся и обнаружил, что они летели к центру станции — металлическому шару размером сорок футов, растянутому нейлоновыми канатами, которые были прикреплены к внутренней кромке тора. Иво и Брад все еще легонько вращались, так как часть движения Иво передалась его другу, но в невесомости вращение — просто небольшое неудобство. Иво пришлось балансировать, чтобы держать в поле зрения точку приземления.

— Не говори мне сразу, дай я сам догадаюсь, — сказал Иво, когда понял, что Брад не собирается объяснять. — Ты пробил, — ну этот, пузырь, и атмосферное давление выбросило нас. Так как твой шлюз направлен к центру, то…

— Понемногу способность мыслить возвращается к тебе. На самом деле я устроил небольшое представление, это не совсем по инструкции. Во-первых, расходуется газ, а во-вторых — опасно для новичков. Мы должны были подождать катапульту. Но ее никто никогда не ждет, естественно. К тому же ты ошибся насчет цели. Труба наклонена, чтобы скомпенсировать момент

инерции, иначе мы бы промахивались каждый раз из-за вращения станции. Но, в общем, твоя догадка верна.

— А, понятно.

— Сейчас следи за ногами, будем приземляться.

Брад отпустил руку и слегка дернул ногой, как раз достаточно, чтобы убрать остаточное вращение, легонько толкнул Иво вперед, и тот полетел прямо к темной поверхности планетоида.

Теперь было видно, — что канаты на самом деле были тонкими цепями. Они просто придерживали шар, так что он не двигался, когда кто-то приземлялся или улетал. Каждая цепь прикреплена к роликовому замку, который магнитом притянут к поверхности, так что вращение станции не передавалось шару.

— Это и есть тот самый макроскоп? — спросил Иво, прежде чем понял, что звуковые волны не распространяются в вакууме. Очевидно, это и был «скоп», тщательно изолированный от внешних воздействий и помех.

Иво не сомневался, что их прибытие не осталось не замеченным и заранее согласовано. Макроскоп был наиболее дорогим и сложным прибором, когда-либо запущенным в космос

человеком.

Финансирование и управление проектом было международным — проект считался исследованием в общих интересах: это означало, что ни одна держава не могла позволить себе финансирование эксперимента со столь далекими результатами, в то же время никто не хотел оставлять все плоды проекта остальным.

Компромисс позволил осуществить этот грандиозный замысел. Макроскоп работал, и каждый участник получал доступ пропорционально вложенному капиталу, в той же мере ему передавалась полученная информация. Это было все, что знал Иво, а то, кому какие часы выпадали, было специальной информацией.

Большинство результатов были весьма общими; детали астрономических исследований, при знакомстве с которыми у астрономов отвисала челюсть. Скоп, по-видимому, давал снимки с чрезвычайно высоким разрешением. Многое скрывалось от обывателя, но этот инструмент внушал священный трепет всем без исключения.

Иво представил его себе гигантским носом, который вынюхивает секреты галактики. Макроскоп все еще устрашал его.

Наконец он приземлился, больше всего опасаясь, что его импульс собьет ориентацию инструмента. Брад приземлился рядом, ловко балансируя телом, он стал точно на ноги. Иво подумал, что ему нужно будет освоить технику, его собственное приземление получилось несколько неуклюжим.

Брад взял его руку, чтобы они могли общаться.

— Мы должны немного подождать. Это займет несколько минут, если там сейчас записывается информация. Расслабься и любуйся видом.

Иво так и сделал. Он осторожно повернулся в сторону Солнца, зная, что здесь оно светит гораздо ярче, чем на покрытой атмосферой Земле.

Он увидел огромную ракету, похожую на ту, что привезла его сюда.

— А что здесь делает Сатурн VI? Целый, я хочу сказать; я думал, что ступень ускорителя никогда не покидает орбиту.

— Правильно. Это и есть орбита.

— Орбиту *Земли*, мистер невинность. А это орбита Солнца, если я еще что-то понимаю.

— Ну на ней можно далеко улететь, если дозаправить. Это Джозеф — наш аварийный корабль. Достаточно мощности, чтобы быстро улететь отсюда, если вдруг понадобится. Но я лично считаю

космос более безопасным местом, чем перенаселенная Земля, которая трещит по швам. Джозеф, собственно и притащил сюда скоп. Теперь он почти на пенсии, но не отправлять же старика домой порожним.

— Здорово тут бабахнет, если чиркнуть кремнем у него под хвостом. Силы тяжести нет… — Иво знал, что тяга не изменится, но здесь нет силы притяжения планеты, так что в результате можно взять либо большой груз, либо развить большую скорость.

— Будь спокоен. Мы его тут неплохо подлатали. В качестве горючего в нем, по-прежнему, водород, правда, хранится в твердом состоянии. Но двигатель не обычный — камера сгорания это еще не все. Ты знаешь, играет роль скорость вылетающего газа, а не температура в камере сгорания, хотя…

— Извини, Брад, я плохо понимаю. Если тебе нужен технический…

— Я могу рассказать это понятно для тебя, но я не могу не похвастаться немного, потому что я тот самый счастливый парень, который выведал один маленький секрет с помощью скопа.

— Ты хочешь сказать, что ты получаешь технологии прямо из…

Брад сделал движение пальцем, которое на известном только им языке жестов означало осторожность. Иво понял, что вопрос имеет неприятные аспекты, обсуждать которые стоит в более неформальной обстановке; с другой стороны это подразумевало, что их беседу каким-то образом могут прослушивать. По-видимому, через колебания корпуса макроскопа. Но одна только мысль об *этом*…

Иво замолчал. Драмы плаща и кинжала не очень-то возбуждали его, он опять почувствовал беспокойство в желудке. Слишком многое случилось за последние несколько часов.

«Теория, которая позволяет разработать реактор с газообразной рабочей зоной для реактивного движения существует уже много лет, но тут куча своих трудностей. Мы можем смешать рабочие компоненты — то есть водород, который извергается из сопла ракеты, и направить его прямо в камеру с делящимся ураном.

Это подымает температуру настолько, что можно достичь значений удельного импульса, в десять раз превышающие аналогичный параметр у лучших двигателей сгорания. Но это очень плохо. Плавится любой известный нам материал. То, что я открыл, является технологией

теплового экранирования — Джозеф для тебя выглядит обычной ракетой, а на самом деле он только внешне — Сатурн VI. Его двигатели развивают ускорение, как бы тебе сказать, — в десять раз превышающее нормальную гравитацию и могут поддерживать его в течение недели, пока у него не кончится водород. Ну и он никогда не остынет, конечно. Только подумай, насколько это превосходит все известные на Земле двигатели.»

— Брад, я в ужасном восторге от всего этого. Но я все же дилетант. У меня никогда не было технического образования. Я верю, что эта ракета сделает все, что бы ты ни сказал.

Беседа увяла. Иво знал, что Брад не обиделся. Просто разговор зашел за опасную черту — по-видимому, это из-за макроскопа, — так что безопасней было его прервать.

Осмотрев ближайшие окрестности, он взглянул за обод станции, отвернувшись от нестерпимо яркого Солнца, и увидел звезды. Он с удивлением обнаружил, что знает их.

Большая Медведица — Большой Ковш — была видна хорошо, ручка ковша указывала на Малую Медведицу.

«А кем была Медведица[10]?» — бывало спрашивал он себя. «Это не леди, а жена медведя!» — отвечал тогда он себе.

Дракон обвился вокруг Малого Ковша. Двигаясь со сверхсветовой скоростью по линии, которая соединяет Большой Ковш и Полярную Звезду, он мог бы достичь Водолея, который все время гонится за Козерогом. Преследователь так близко, но не судьба ему догнать жертву. Иногда это огорчало Иво, в этом была какая-то особая, личная трагедия, но он не мог объяснить, почему чувствовал так.

Вдруг он осознал, что свет, который он видит, звезды послали столетия тому, а может и раньше. Возможно, один из этих лучей испущен тоща, когда он, четырнадцатилетний мальчишка, собрав компанию таких же как он сам, занялся стрельбой из лука. Так появилось имя «Арчер» — неистово патриотическое, как раз когда в стране начали собираться тучи вражды, и это было концом жизни, которую он знал[11]. Но его также могли бы назвать иначе, например из-за

[10] Примечания: 10

В ориг. лат. слово ursa — медведица.

[11] Примечания: 11

Archer — лучник, во второй части предложения имеется ввиду Гражданская война в США.

флейты, на которой он играл серенады юным леди. Преподаватель, так звали его, когда он работал в колледже, но студенты переиначили на «перепиватель»[12]. Или «Пахарь», за то, что он любил цитировать «Пахаря» Пайерса.

Тогда он был воспитанным молодым человеком, приветливым, образованным, достойным, высокоморальным. Ему не было четырнадцати, когда он поступил в Университет Олгетрон города Мидвей, штат Джорджия, тогда он зачесывал свои прекрасные волосы набок и закладывал пряди за уши. Одевался хорошо, но не кричаще. Уже появился намек на сутулость, но походка была бодрой. Он не любил занятия спортом.

В колледже было сорок студентов.

Музыка и книги были его лучшими друзьями, но и молодые леди тоже не были забыты.

Однажды один из студентов неправильно его понял и публично назвал *лжецом*. Он немедленно ударил его, хотя и не отличался силой. Противник вытащил нож и воткнул лезвие на дюйм в его левый бок, но он не сдался. После этого случая никто не смел называть его трусом.

— Что ты думаешь об Афре? — спросил его

---

[12] Примечания: 12
Tutor — преподаватель и tooter — выпивоха.

Брад.

Это имя вернуло его к действительности. Чего стоит храбрость в прошлом, если сегодня битва проиграна?

— Ты серьезно насчет нее?

— Конечно, ты же ее видел.

— Брад, мне не все ясно с ее предками[13].

— Скажешь тоже. Ее родословная восходит ко временам саксонского завоевания.

Иво мягко улыбнулся:

— А проект?

— Проект завершен, ты ведь сам знаешь. Сейчас мы свободные граждане.

— Ты не можешь стереть прошлое. Если бы она знала…

Брад странно посмотрел на него:

— Я ей сказал, что было несколько проектов, связанных, но разных. И что меня исключили из группы, так как я недобрал интеллектуальный коэффициент.

— Недобрал?!

— А как ты назовешь интеллектуальный коэффициент сто шестьдесят, если нижняя граница

---

[13] Примечания: 13

В ориг.: She is 102 percent cauc in the shade: по-видимому, cauc — сокр. caucasian — неологизм автора, тогда перевод звучит «У нее точно есть кавказские предки».

двести?

— Понимаю. А что ты ей сказал о том, откуда я?

— Ничего кроме правды, Иво. Что частный фонд отобрал представителей хомо сапиенс со всех уголков земного шара и…

— И вывели общерасового предка, от которого, как они считали, пошло человечество. Выходит, я палеонтологический экспонат.

— Ну, не совсем так, Иво. Видишь ли…

Их разговор прервал звук открывающегося люка. Можно было входить.

Внутри все было забито панелями управления, но места было достаточно для нескольких человек, если осмотрительно передвигаться. Короткий туннель за шлюзом вел в почти сферическую комнату. Первое, что увидел Иво, было оборудование: циферблаты и шкалы были повсюду, рычаги торчали со всех сторон. Иво обнаружил, что ориентироваться довольно сложно, так как не существовало выделенного направления «вверх». Где бы он ни стал, там и был низ; слабый магнетизм, который удерживал его на поверхности корпуса еще чувствовался внутри.

Оператор, работавший до их прихода, уже надевал скафандр. Брад обратился к нему на

иностранном языке и получил короткий ответ, представил Иво:

— Иво Арчер — американец.

Человек вежливо кивнул.

— Сам видишь, все тщательно организовано, — произнес Брад, в то время, как этот человек проверял скафандр. — Тридцать стран вложили деньги в этот проект, и каждая получает свою долю — да ты это наверное знаешь. Мы ежедневно посылаем подробные отчеты.

— Так это американский час?

— Нет. Местный персонал мало беспокоит официальная чепуха. Этот джентльмен и не джентльмен вовсе — то есть, он не сама порядочность. Он израильский геолог, работает на Индонезию. Их собственный геолог занят в одном частном проекте.

— Но кто-то должен за это платить?

— Правильно, Индонезия получит данные, а его родина ничего не узнает.

— Как же нам вклиниться?

— Я зарезервировал время для более важной работы. Он все понимает.

— Просто показать мне макроскоп? Брад, ты же не можешь…

Израильтянин поднял руку в перчатке:

— Все в порядке, мистер Арчер, — сказал он. — Мы не задаем мистеру Карпентеру лишних вопросов.

Он надел шлем, загерметизировал скафандр и забрался в шлюз. Иво заметил, что не было толчка от выходящего воздуха, здесь не было принято играть в подобные игры. Вероятно, тот человек карабкался вдоль одной из растяжек, не решаясь на полет в вакууме. Иво подумал, что это наиболее разумный способ передвижения.

Брад уселся в кресло оператора и начал настраивать какие-то приборы. Иво попытался что-то понять, глядя на ряды шкал и индикаторов, но это ему не удалось, уж больно все было сложно.

— Все в порядке, дружище, мы одни. Здесь нет «жучков», уж я-то знаю точно.

Чувство обеспокоенности опять вернулось. Вот оно что:

— Зачем ты меня позвал?

— Нам нужен Шен.

Иво ответил молчанием. Он знал ответ.

— Мне не очень хочется просить тебя об этом, — сказал Брад, искренне извиняясь, — но это очень важно. Мы в большой беде.

— Естественно, тебе нужно было не мое приятное, хотя не очень интеллектуальное, общество.

Ты привез меня не просто для того, чтобы показать потрясающую технику и потрясающую девушку.

Когда Брад бывал серьезным, это его сильно старило, а сейчас он выглядел куда более серьезным, чем явствовало из его речи.

— Я знал, что тебе не понравится, Иво. В душе ты чертов пуританин и боишься всего, в чем видишь слишком много удовольствий, и вообще, я не в состоянии понять, почему ты здесь, в космическом веке, а не в Конфедерации Южных Штатов, в девятнадцатом. И все же мне твое общество больше по душе, чем компания Шена, и я бы ни на дюйм не вторгался в мир твоих поэтических и архаических фантазий. Но дело в том, как это ни прозвучит банально, что речь идет о безопасности всего мира. Дело срочное. Если бы твоих неординарных способностей было достаточно…

— Так значит игру на обыкновенной флейте ты называешь неординарностью?

Но он знал, что имел ввиду Брад, даже лучше, чем хотел бы.

— Да кто я? Просто невежда, стоящий на интеллектуальном уровне 125 и дающий советы супермодели на уровне 160? Особенно, если он знает, что это неправда и единственный в проек-

те, кто мог иметь коэффициент 200 был…

— Брось, Иво. Ты лучше меня знаешь, что эти цифры ничего не значат. Я тебе искренне говорю, что ситуация *безнадежная*, а Шен единственный, известный мне, кто способен разобраться в ней. Я имею право позвать его, когда он мне нужен. Но прошло уже двадцать лет, и сейчас он мне действительно нужен. Он нужен *Земле,* и ты должен это сделать.

— Я думаю не только о себе. Брад, ты же знаешь, стоит только выпустить джина из бутылки — ты же помнишь Шена. Твоя работа, твоя девушка…

— Я могу пожертвовать всем. Я уверен. У меня нет выбора.

— А у меня есть. И ты должен, черт возьми, доказать мне, что лекарство не хуже, чем сама болезнь.

— Для этого мы и здесь. Я хочу тебя ознакомить с устройством и работой макроскопа, прежде чем объясню, в чем проблема.

— Только попроще, пожалуйста. Я даже не понимаю, что там у тебя на циферблатах.

— Хорошо, по сути, макроскоп — это огромный кусок уникального кристалла, который реагирует на излучение, неведомое до сих пор человеку. В результате получается очень слабый,

но информативный пространственный сигнал. Встроенный компьютер отфильтровывает шум и транслирует сигнал в оцифрованный зрительный образ. Процесс сложный, но мы имеем дело с пространственным разрешением, которое намного превосходит то, что можно получить, используя любой другой вид излучения. Вначале это было серьезным препятствием.

— Высокое разрешение представляло проблему?

— Я сейчас продемонстрирую.

Брад придвинулся к громоздкому аппарату, надел нечто вроде шлема с матовыми окулярами и склонил голову, как бы прислушиваясь. Иво опять овладело чувство нервозности, и он понял, что оно исходит от внешнего сходства окуляров шлема с очками, которые он купил, когда пытался улизнуть от Гарольда Гротона. Даже по прошествии времени он почувствовал неловкость, вспоминая об инциденте, в котором он вел себя столь глупо.

Иво выбросил все из головы и сконцентрировал внимание на движениях Брада.

Его левая рука парила над клавиатурой, напоминающей терминал компьютера. «А это, вероятно, и есть терминал компьютера», — заме-

тил про себя Иво.

Рука оператора удерживалась рядом с клавиатурой с помощью браслета; было бы нелегко нажимать клавиши в невесомости, если тело не закреплено в какой-либо точке. Правая рука сжимала тонкий рычаг с круглым набалдашником, очень походивший на переключатель скоростей в старинных автомобилях. Пальцы Брада пробежали по клавиатуре, и большая выгнутая полусфера над его головой засветилась мягким светом.

— Сейчас покажу тебе главный экран, — сказал Брад. — Смотри, с клавиатуры я ввожу параметры программы; это расстояние, диапазон, фокус, — реакции человека недостаточно, чтобы контролировать хотя бы один параметр. Да одни только особенности орбиты планеты учесть довольно сложно, особенно если мы захотим сфокусировать прибор на определенную точку.

— Я имею представление об орбитах планет, — он вспомнил свою старую мозоль. — Я как-то разобрался в небесной механике, когда хотел раскритиковать идею путешествий во времени. Если бы у человека была возможность совершать прыжки во времени вперед или назад, не двигаясь в пространстве, то он бы попадал

либо в космос, либо глубоко под землю, так как планета все время движется. Это все равно что пытаться перепрыгнуть с одной летящей ракеты на другую.

— Тем не менее, мы путешествуем во времени, при помощи макроскопа, — улыбнулся Брад.

— Уж не собираешься ли ты подсмотреть, как зачали твоего дедушку?

— Порядочность не позволяет. — Руки Брада задвигались. — Сейчас центр обзора в заранее запрограммированной точке: планета Земля. Компьютер учитывает движение всех планет и спутников в Солнечной системе, а также перемещение множества планет и астероидов. Правая ручка — точная регулировка, после грубой установки мы можем ею изменять высоту с шагом в несколько футов и управлять углом обзора. Сейчас мы вращаемся вокруг Солнца на расстоянии девятьсот тысяч миль от Земли — рукой подать по космическим масштабам. Но достаточно далеко, чтобы не чувствовалось влияние Луны. Смотри.

На экране была темно-красная масса.

— Если это Земля, то политическая ситуация на ней сильно изменилась, пока я был здесь, — заметил Иво.

— Но это Земля. Самый центр. В геометриче-

ском смысле.

— Центр? Буквально?

— Ну, это вопрос терминов. Сейчас начало координат находится в центре тела. Масштаб один к одному.

— То есть, как в жизни? Так значит…

— Да, макроскоп проникает сквозь материю. Как я тебе говорил, мы имеем дело не со светом, хотя временная задержка та же. Это изображение раскаленного ядра нашей планеты, каким оно было пять секунд назад, отфильтрованное и обработанное компьютером, разумеется. Необходимо подниматься от этой точки около пяти тысяч миль, пока не выберешься на поверхность, на которую, как думают многие, только и смотрят в макроскоп. Теперь ты можешь понять, какое это имеет значение для геологии, разведки ископаемых, палеонтологии.

— Палеонтологии?

— Ископаемые останки. В ходе обычного сканирования мы уже сделали впечатляющие находки. Для кого-то это работа на всю жизнь.

— Постой-ка, Не такой уж я невежда, профессор. Я думаю, что кости лежат не слишком густо, даже в богатых останками отложениях. Как вы можете их различить, если находитесь, скажем, внутри,

а не смотрите сверху? Так вы ничего не *увидите.*

— Поверь мне, сынок. Мы делаем проход на удвоенной скорости по определенному уровню и записываем данные на ленту. Машина делает спектроскопический анализ записи и выдает сообщение, если есть что-то интересующее нас. И это только начало.

— Спектроскопический анализ? А ты говорил, что макроскоп не использует свет.

— *Он* не использует, но мы используем. Мы запрограммировали спектры всех элементов периодической системы. Таким образом, приходящий сигнал превращается в изображение, совсем как в телевизоре. На самом деле макроны сильно отличаются от световых квантов. Они не дифрагируют, отсутствует такая неприятность, как красный сдвиг. Спектроскопия — это поверхностный метод, на это приходиться идти, так как пока мы можем анализировать и записывать только световое излучение. Но когда мы научимся работать с исходным сигналом, разрешение увеличится на два порядка.

— Неужели это возможно?

— Возможно, Иво. Мы знаем только малую часть возможностей этого инструмента. Изобретение макроскопа значит для науки больше, чем

открытие атомного распада значило когда-то для энергетики.

— Я об этом читал. Но я туповат, сам знаешь. Ты тут мне говорил, что трудно работать при высоком разрешении, даже с компьютером.

— Так оно и есть. Смотри, вот поверхность Земли, сорок футов над уровнем моря, вид сверху. Это еще одна запрограммированная позиция.

На экране замелькали разноцветные пятна.

— Позволь мне самому догадаться! Значит, твоя камера неподвижна, а планета вращается, причем эквивалентная линейная скорость составляет около тысячи миль в час. Это все равно, что лететь на реактивном бомбардировщике на малой высоте над экватором и смотреть в бомбовый прицел.

— Для пацифиста у тебя сильное воображение. Хотя, где-то так оно и есть. Где над океанами, где над сушей, иногда сквозь горы, если они вдруг выше уровня съемки. Но если чуть подняться… — манипулируя ручками, он сфокусировал изображение. — Высота около мили. Картина более понятная, но слишком высоко, чтобы различать детали.

Иво наблюдал проплывающую перед ними поверхность Земли.

— А почему мы не видим просто слой воздуха? Сейчас мы имеем полноценное изображение, с перспективой и всеми атрибутами.

— То, что мы видим, это ретрансляция макронного образа, дополненного видимым излучением, которое проходит через точку наблюдения. Давай-ка я лучше дам тебе после почитать техническую документацию.

— Ладно. Скажи мне, если так хорошо видно Землю, с расстояния пять световых секунд, можно ли наблюдать другие планеты? Скажем, посмотреть на Юпитер с высоты в одну милю, или даже на Плутон. А можно ли…

Брад серьезно кивнул.

— Ты начинаешь понимать, какой могущественный инструмент у нас здесь. Да, мы можем исследовать другие планеты Солнечной системы с высоты одна миля или один дюйм — если, конечно, имеется твердая поверхность, как таковая. Мы можем исследовать планеты других систем, с малой потерей разрешения, так как расстоянием можно пренебречь.

— Других систем… — Это было явно больше, чем можно было ожидать. — И как далеко…

— Практически в любой точке галактики. Правда, ближе к центру галактики интерференция

перекрывающихся образов сильно усложняет дело, но есть много других интересных мест, которые дадут нам работу на несколько веков.

Иво покачал головой.

— Я, должно быть, тебя неправильно понял. Насколько я представляю, наша галактика, Млечный Путь, имеет в поперечнике около ста десяти тысяч световых лет, а мы находимся на расстоянии тридцати пяти тысяч световых лет от центра. И ты утверждаешь, что можешь получить изображение один к одному планеты, которая вращается вокруг звезды, находящейся за, ну скажем, сорок тысяч световых лет от нас.

— Теоретически, да.

— Вот и отпадает надобность в космических путешествиях. Зачем идти на шоу, если его можно посмотреть по телевизору?

— Так оно и есть. Но все осложняется теми прозаическими проблемами, о которых мы говорили. Мы можем довольно хорошо учитывать вращение, орбиту, движение звезды, но не все планеты ведут себя так смирно, как Земля.

Он что-то нажал, и опять появилось изображение с высоты сорока футов, но на этот раз неподвижное.

— Если ввести все необходимые параметры, то

компьютер может держать в фокусе любую выбранную точку планеты, отслеживая малейшие колебания орбиты — что, собственно он и делает сейчас; так получается неподвижное изображение. Все это требует очень точной юстировки, но для этого и предназначена эта аппаратура. Как минимум, необходимые поправки нам известны.

— Но тебе не известны траектории движения планет, которые не видны в обычные телескопы. Правда, ты можешь их определять с помощью…

— Да мы не можем даже *найти* эти планеты, Иво. Это же старая задачка об иголке в стоге сена. Ты хоть имеешь представление, сколько звезд и космической пыли в нашей галактике? Наше пресловутое разрешение бесполезно, если мы не знаем точно, куда сфокусировать прибор. Это займет годы интенсивных поисков — обнаружение хоть небольшого количества планет за пределами нашей Солнечной системы, а спрос на рабочее время макроскопа огромен, мы просто не можем тратить его попусту.

— Да. Помню, как я уронил пенни на некошеной лужайке. Я знал, где он был, в десяти футах, но через пять минут должен был отходить автобус. Не думаю, что я еще когда-нибудь был так

взбешен! — Он нащупал в кармане монету: тогда Иво пропустил автобус и нашел пенни, — и до сих пор не потерял его.

— Замени пенни на дробинку, лужайку на пустыню Сахара, а автобус — на пикирующий штурмовик — и у тебя получится некое подобие действительности.

— Так у кого из нас сильнее воображение? Ну, я понимаю дробинку, понимаю пустыню — но штурмовик?

— Я к этому еще вернусь. Собственно, вот потому-то нам и нужен Шен. В любом случае, необходимы тысячи макроскопов для подобного рода исследований, но даже этот финансируется скудно. Есть много более важных задач на Земле.

— Более важных, чем геология, в то время как ресурсы Земли истощаются? Чем тайны мироздания? Чем вопрос, есть ли где-то еще разум и одни ли мы во Вселенной?

Внезапно он остановился и начал с другого конца.

— Брад, ты имеешь в виду политическое вмешательство?

— Оно на самом деле есть и довольно серьезное, но я думал не об этом. Конечно, мы можем вынюхивать военные тайны и собирать компро-

мат на политиков, но мы не занимаемся этим. Правда, должен признаться, я однажды получил прекрасный снимок какой-то девицы в душе, и ты бы очень удивился, если бы узнал, что творится в средней городской семье в определенное время суток. Но было бы смешно подглядывать с антресолей за тремя миллиардами людей с помощью этой штуки, по той же причине, по которой мы не можем отслеживать планеты в галактике. Это все равно, что выводить клопов водородной бомбой. Нет, у нас более обширные планы: межзвездная связь.

У Иво пробежали мурашки по коже.

— Вы установили контакт с инопланетянами? Как далеко они? Какая временная задержка? А они…

Брад широко улыбнулся за стеклом шлема.

— Успокойся, друг мой. Я не сказал, что мы установили контакт, мы только планируем, и мы ни на минуту не забываем о временной задержке. — Он опять принялся настраивать приборы. — Я тебе немного рассказал о традиционных проблемах поиска и ориентации, но у нас есть нетрадиционные методы. Независимо от временной задержки, мы имеем довольно четкое представление о критериях существования жиз-

ни на планетах, а если так, то смотри…

На экране возник внеземной пейзаж.

На переднем плане был виден желтый, причудливо изогнутый, суковатый ствол какого-то древовидного растения. За ним росли красноватые кустарники, чьи стебли напоминали скрученную лапшу, которую кто-то обмакнул в клей. По бледно-голубому небу плыли легкие, пушистые облака, но Иво понимал, что это не Земля. Все казалось чужим, и это одновременно и забавляло, и угнетало, но он не мог определенно сказать, что видит что-то необычное, кроме растительности.

— Хорошо, — сказал он. — Что это?

— Планета Джонсона, находится на расстоянии десяти световых минут от звезды F8 и двух тысяч световых лет от нас.

— Я хочу сказать, в картине что-то не то. Я знаю, что это не Земля, но почему, сказать не могу.

— Тебе бросаются в глаза диспропорции растительности. Это мир немного больше нашего, атмосфера более плотная, и стволы растений должны выдерживать большую силу тяжести и напор ветра, но они приспособились совсем не так, как бы это сделали земные растения в подобной ситуации.

— Так *вот* что это было, — рассмеялся Иво.

Брад перенастроил приборы, и ландшафт изменился.

Это был вид сверху на покрытую травой равнину, но это была странная трава, и из нее то тут то там возвышались сталагмиты. Далеко в дымке виднелись низкие горы.

— Земля или нет? — спросил Брад, поддразнивая его.

— Не Земля — но об атмосфере и гравитации ничего сказать на могу, даже подсознательно. Что на этот раз?

— Эти сталагмиты имеют две тени.

Иво сделал движение, словно вытряхивая воду из уха.

— Это планета Холта. Тут обитают любопытные псевдомлекопитающиеся травоядные, но мне нужно их искать, а это не стоит затраченных усилий. Кстати, если сейчас перейти на ручное управление, изображение исчезнет, так как эта планета из системы звезды G3 — на расстоянии пяти тысяч световых лет.

— Так этой картинке пять тысяч лет?

— Да, как раз столько времени требуется макронному импульсу, чтобы дойти до нас. Я же тебе говорил, что мы путешествуем во времени.

Брад повернулся к пульту, но Иво воскликнул:

— Постой-ка, если эта планета вращается вокруг одной звезды, то откуда вторая тень?

— Я думал, ты не спросишь. За кадром находится зеркально отражающая скала — типичное геологическое обнажение коры планеты Холта.

— Так что подсознание обмануло меня. А как много подобных планет вы нашли?

— Земного типа? К настоящему моменту около тысячи.

— Так ты же говорил, что вы не можете обнаружить планету…

— Конкретные планеты — не можем. Но если есть удача и хороший метод, кое-что удается. Это только малая толика того, что можно наблюдать, и мы несомненно упускали многие планеты, даже ближние. Но законы вероятности диктуют свои условия в подобных исследованиях. Наша тысяча планет — это случайная выборка из миллиарда, никак не меньше.

— И на всех есть деревья и животные?

— Ну что ты. Я показал тебе самые интересные. Менее двухсот вообще не имеют жизни, по крайней мере той, что мы можем обнаружить, но на сорока одной есть сухопутные животные. Различия в основном в размерах. Я могу показать

тебе чудовищ…

— Как-нибудь в другой раз. Я обожаю чудовищ, я чувствую к ним личную привязанность, потому что они всегда отрицательные персонажи в фантастических фильмах. Я могу с ними играть хоть целый день. А теперь о главном: вы нашли разум?

— Да. Смотри. — Брад изменил изображение.

На экране появился гигантский улей.

Гора на картинке была вся изрыта тоннелями, частично или полностью наполненными водой. Странные создания, похожие на тюленей, плескались, ныряли, пробираясь по лабиринту каналов, исчезая и появляясь так быстро, что Иво не был уверен, что он видит одно и то же существо дважды.

— Это планета Санга, расстояние десять тысяч световых лет. Мы ее интенсивно изучали последние несколько месяцев, и результаты весьма неутешительные. Эти существа вызывают беспокойство.

По экрану перемещалось изображение планеты — море и пустыня, часто встречались горы, обжитые и густо заселенные этими земноводными существами.

Иво припомнил лежбища моржей, фотографии

которых он видел когда-то.

Растительности не было никакой. Иво недоумевал, чем же питаются жители планеты Санга.

— Это что, разум? Пока я не увидел ничего тревожного, даже впечатляющего. Просто общество по типу муравейника и очень мало пастбищ. Они точно не попытаются сбросить бомбу на Землю? — он попытался скрыть за насмешкой нарастающую волну ужаса, которая охватывала его. Это были настоящие внеземные творения, и один только факт их существования ошеломлял.

— Вряд ли они думают о Земле. Не забывай, мы далеко в будущем для них. Не сомневаюсь, что сейчас они все вымерли.

Экран заполнило изображение отдельного канала.

При ближайшем рассмотрении аборигены выглядели совсем не так, как тюлени или котики.

Рыбообразное тело, внешне неуклюжее, с боков торчали то ли плавники, то ли ласты, а сзади вырост, похожий на хобот.

Сверху на туловище насажены два лягушачьих глаза, которые смотрели назад.

Вырост, по-видимому, выполнял хватательные функции, как хобот у слона.

— Они ближе всего к цивилизации из того,

что вы обнаружили? Твари, которые живут в многоэтажных бобровых домиках и плещутся в лужах?

— Ты недооцениваешь их, Иво. Это технологически развитая цивилизация. Далеко впереди нас. У них уже сто лет известен макроскоп.

Иво присмотрелся, но увидел только что-то вроде жилища, несколько жирных существ развалились в воде, несомненно, вонючей. Одно из них выбросило из хобота струю жидкости и заскользило вперед, или может быть назад, под действием реактивной силы.

— Я хочу услышать более основательную аргументацию. Может, я чего-то не понимаю?

— Я прочитаю тебе лекцию по их палеонтологии. Мы осматривали их библиотеки, музеи, спальни — да-да, все это у них есть, хотя не такое как у нас, и мы скопировали несколько учебных фильмов. Мы их еще не озвучили — сейчас это делается — но я буду комментировать по ходу. — Он переключил изображение. — Итак, история пробоскоидов[14], сокращенно пробов, планеты Санга.

Иво позабыл обо всем, слушая рассказ и глядя

---

[14] Примечания: 14
Лат. proboscis — хобот.

на экран. Перед ним предстала планета Санга миллионы лет назад: могучие леса папоротников на суше, скопления губок в океане. Из богатой пищей воды вышли на сушу пресмыкающиеся, похожие на земных двоякодышащих рыб, вдыхая влажный воздух плотной атмосферы. Они откладывали яйца на суше, но хищники пожирали почти все, пока под лучами солнца созревал плод, и естественный отбор привел к тому, что потомки их уже вынашивали плод в теле: живорождение. Но даже после этого крохотные новорожденные были весьма уязвимы, и эволюция остановилась на компромиссе — плацентарная амфибия., Эти животные составили генофонд вида, который завладел всей планетой через сорок миллионов лет.

Примитивный пробоскоид не производил сильного впечатления. Их стада плавали в мелких морях, выбрасывая воду из хобота, неуклюже взбирались на берег, орудуя ластами. В них был страх, их глаза все время были обращены в сторону опасности, а не в будущее.

Они умирали либо в зубах хищника, либо просто в панике, глупо разбивались о скалы.

Но они достигли успехов, совершенствуя способ передвижения, направление извержения воды

можно было легко изменить поворотом хобота, а у некоторых подвидов к этой струе добавлялось зловонное вещество, отпугивающее хищника. Нюх обострился: они всегда ждали нападения.

Один вид перебрался в скалистую зону прилива, — место, в котором не могло жить ни одно другое существо. Моря изменялись во время прилива, а прилив, вызванный действием двух лун, имел коварный нрав. Огромные круглые скалы перекатывались, давя все на своем пути, прорывая канавы в песке отмелей и океанском дне, затем, со сменой течений, перемещались в новый район. То было гиблое место как для сухопутной, так и для морской фауны.

Те пробы стали совершенными амфибиями, так как их дыхательный аппарат был приспособлен как к воде, так и к воздуху. Они научились ориентироваться в течениях, предугадывать приливы и спасаться от опасности, переползая из канала в канал. Когда большие морские хищники осмеливались забираться на отмели, пробы отводили нужные течения, так что враг был либо изолирован в ловушке, либо оказывался на суше. Если же вторгался сухопутный зверь, его тоже можно было заманить в природную западню. Все еще боязливые пробы познали вкус мяса.

Затем суша поднялась, и отмели отступили. Это было катастрофой для пробов; выжили немногие, так они не были в состоянии конкурировать с сухопутными или морскими животными в их родных средах. Но один вид, самый способный, смог соорудить себе дом, там где его не создала природа. Они не могли быстро бегать или плавать, либо летать, им пришлось рыть своими конечностями каналы на берегах морей и подводить к ним воду. Для хищников были прорыты лабиринты. Тот, кто входил в лабиринт, в конце концов оказывался в тупике, либо в узком проходе, и на него сыпались камни, или летели копья из поперечных ходов.

Позднее камни и копья были приспособлены для строительства и началась эра инструментов и оружия. Хоботообразный вырост, уже не столь необходимый для передвижения, стал чем-то вроде руки, плавники, больше не нужные для плавания, превратились в мощные лопаты. Увеличился мозг. Требовалось средство для общения высокого уровня. Воздух, вибрирующий в хоботе, создавал гудящий звук, что и составило основу речи.

А лабиринт через несколько тысяч лет превратился в подобие города.

Суша опять поднялась, и город был разрушен, такая же участь постигла места обитания многих других животных. Пробы отстроили свой город, а менее способные и гибкие животные вымерли. Пробы почти утратили былую робость, а мясо им нравилось все больше.

Население увеличивалось, и новые жители требовали еще больше еды и пространства. Чтобы облегчить ситуацию в городе, были организованы первые колонии. Не совсем ясно, как происходило разделение труда, но в каждом селении имелся полный штат строителей, охотников, вскармливателей. Первая колония была основана в нескольких сотнях миль от города. Следующая — дальше. В конце концов все берега планеты были усеяны городами-лабиринтами.

Теперь пробов было не узнать. Лоснящиеся гиганты, они отвоевывали территории своих древних врагов. Организация и разум победили. Они продвинулись в глубь суши, разработав способ подачи воды в места выше уровня моря, ее удержания и аэрации. Наступило время технологий.

Пришлось проявлять все большую изобретательность, по мере того как планета становилась все менее пригодной для проживания. Дожди

выпадали реже — создавались более мощные насосы, животный мир исчезал — выводились новые породы скота. Хобот проба теперь мог хорошо работать на всасывание, им можно было брать предметы как присоской, но захват был слабый, оказалось, что проще использовать его подвижность и ловкость для создания машин и поручить им тяжелую работу.

После освоения континентов фауна и флора оскудели, а полезных ископаемых становилось все меньше, и пробам пришлось создавать эффективные технологии получения пищи. Морские фермы поставляли мясо, остальное дополняла гидропоника. Наука быстро развивалась, началось освоение космоса. Но это требовало огромной энергии, а их мир был опустошен варварским природопользованием прошедших веков. Они искали возможности колонизировать другие миры, так же, как когда-то они колонизировали берега родной планеты, однако не имели ни времени, ни техники для долгой космической экспедиции с малыми шансами на успех.

Технологии развивались, а цивилизация голодала. Они изобрели макроскоп и забросили свое открытие. Суша превратилась в сеть водных каналов, а океан в тщательно спланированную

плантацию. Тех, кто не мог расплатиться с долгами, забивали, те, кому не удалось достичь успеха в жизни, могли пожить несколько лет в мире богатых, заложив собственное мясо. Это был модный и приятный способ самоубийства, и теперь около сорока процентов населения удовлетворяли свой суицидальный инстинкт подобным образом. Но уровень рождаемости, поддерживаемый приличной медициной и скукой жизни, все рос. Наступил коллапс невосполнимых ресурсов.

— Почему же они не контролировали рост населения? — спросил Иво. — Они же шли к верной гибели. Можно ведь было уменьшить уровень рождаемости, для этого было все необходимое.

— А почему люди не уменьшают свой уровень?

Иво задумался над этим и решил не отвечать.

— На следующую ночь мне приснился сон, — сказал Брад, не снимая шлема, хотя он ему уже не был нужен. В нем он напоминал пришельца из космоса, и этот образ не вязался с его словами. — Я стоял на вершине горы и любовался творениями человека на Земле и в космосе, когда вдруг увидел проба. Он был мужского пола, огромный, очень старый, — в общем, безобразный. Он стоял на куче отбросов и глядел на меня. Затем он

прыгнул в кучу грязи, обдав меня брызгами, и я отшатнулся. Он поднял свой хобот и захохотал — это был непередаваемый звук, казалось, множество разноголосых труб ревут повсюду. Сначала я подумал, что его забавляет мой вид — прямоходящий на двух ногах, то, что мы считаем признаком высших существ. Затем мне показалось, что он смеется над всем человечеством, над нашим миром. Слушая раскаты смеха, я понял, что он мне хочет сказать: «Мы прошли этот путь, и вот нас уже нет. Теперь ваша очередь — но вы слишком глупы, чтобы извлечь урок из нашей истории, которую мы вам так ясно изложили». Я хотел ответить, возразить ему, но тут мне стало ясно, что уже слишком поздно.

— Слишком поздно?

— Посмотри на данные статистики, Иво. Во времена Христа на Земле было четверть миллиарда людей. Сейчас столько в Соединенных Штатах, а они мало населены по сравнению со многими странами. Население Земли растет с рекордной скоростью, а вместе с тем ширятся сопутствующие болезни: преступность, голод, недовольство масс. Если наши прогнозы верны, а они скорее консервативны, — то через одно поколение наступит конец света. Мы с тобой его еще увидим, к

сожалению, в преклонном возрасте.

— Конец света? И мы его увидим, несмотря на могущество разума и прогресс в 21 веке?

— Это неизбежно. Ты видел это на примере пробов. Стоит только взглянуть на наш мир через макроскоп, — целые страны превращены в гетто. Поверь мне, Иво, то, что происходит сейчас, просто ужасно. Ты читал «Умеренное предложение» Свифта?

— Послушай, Брад, я не профессор. Я не знаю, к чему ты клонишь.

— Иво, я не демонстрирую свою эрудицию. Но выдумать что-то ужасней нелегко. Джонатан Свифт в шутливой форме предложил план, по которому лишние дети в Ирландии должны были пойти в пищу. Горькая ирония в том, что он описал все довольно точно. Вот цитата: «годовалый, ухоженный ребенок представляет собой очень вкусную, полезную и здоровую пищу — в тушеном, жареном или вареном виде…» Сейчас эти слова относятся к нам. Свифт перевернулся бы в гробу, если бы узнал это. Он утверждал, что подобная мера уменьшит население, — а Ирландия к тому времени уже была перенаселена, — и даст возможность бедным родителям хоть что-то продать и сократить расходы на содержание

семейства.

Иво ощутил до боли знакомые покалывания в желудке и суставах.

— Конкретно, что ты видел.

— Подобное уже творится в гетто перенаселенных стран. За каждую голову платится премия, в зависимости от размера и состояния здоровья индивидуума. Некоторые органы продаются больницам на черном рынке — сердце, почки, легкие и так далее, прежде всего тем, кто не слишком интересуется источником. Кровь выкачивается полностью и продается на аукционной основе потребителям. Мясо перемалывается на фарш для гамбургеров, чтобы скрыть его происхождение, вместе с…

— Ты говоришь о *младенцах*?

— Да, о человеческих детях. Взрослые тела опасней добывать, к тому же много неполноценных. Правда, существует небольшой рынок сбыта тел всех возрастов. Большинство детей похищают, но некоторых продают сами отчаявшиеся родители. Это дешевле, чем аборт. Нынешний курс колеблется от ста до тысячи долларов за голову, в зависимости от района. Это действительно лучший выход для многих семей, которым не под силу прокормить еще один рот; такой жизни

не позавидуешь. Ну и, конечно, они ничего не получат, если их ребенка украдут.

— Я не могу поверить, Брад. Только не каннибализм.

— Я видел это, Иво. В макроскоп. Я ничего не мог сделать, так как любое правительство будет все отрицать, а обвинения такого рода могут вообще перечеркнуть всю программу макроскопа. Люди хотят иметь право на самообман, особенно если правда кошмарна. Но я тебе уже говорил, что в следующем поколении каннибализм будет законным институтом, как в цивилизации пробов. Предложение уже не умеренное.

— Я не понимаю, — почему то, что случилось с пробами, должно случиться с нами? Опасность существует, согласен, но неужели все так безысходно? Только потому, что пробам не повезло?

Руки Брада задвигались над панелью управления. Иво заметил, что аппаратура для получения макронного изображения довольно проста, остальная часть, по-видимому, использовалась для других исследований. Картина изменилась.

— Ты слишком субъективен, — сказал Брад, — посмотри на это.

На экране было ангельское гуманоидное лицо женской особи, очень милое. Большие глаза

золотистого цвета, маленький нежный рот. Прическа, состоящая из зеленоватых то ли волос, то ли перьев, мягко гармонировала со спокойными чертами лица. Шелковое платье облегало стройное тело, но по контурам Иво заключил, что это было тело не млекопитающего. Казалось, что земная женщина, освободившись от не очень эстетичных биологических функций, превратилась в какое-то эфемерное существо.

Это была картина. Брад уменьшил увеличение, и в кадре появилась рама, затем колонны и арки изящной конструкции. Музей, светлый и широкий, возведенный гениальным архитектором.

— Разумны, цивилизованны, прекрасны, — пробормотал Иво. — А где живые представители?

— На планете Мбслети никто не живет. Это королевская усыпальница, насколько мы можем судить; одна из немногих, расположенных достаточно глубоко, чтобы уцелеть.

— Уцелеть?

Внезапно появилось волнующееся море грязи и голый берег. Иво почти почувствовал зловоние дымной атмосферы.

— Тотальное загрязнение. Мы сделали анализ воды, почвы, воздуха — все искусственное. Они попали в зависимость от машин и уже не могли

контролировать рост химических и ядерных отходов. Угадай, где они брали мясо незадолго до своего финала? Это только ускорило их вымирание.

Опять появилось изображение придворной дамы, но у Иво перед глазами все еще стоял погибший мир.

— Все это потому, что они перерасходовали ресурсы? — спросил Иво, не ожидая ответа. — Не смогли остановиться, прежде чем их остановила природа? — он покачал головой. — Как давно?

— Сорок тысяч лет назад.

— Хорошо, — сказал Иво, не сдаваясь. — Это два примера. А есть ли еще?

— Вот еще один. — Брад провел регулировки, и перед ними предстал разрушенный город. Через некоторое время между грудами обломков появился четвероногий уродец. Спутанные волосы закрывали лицо, он шел, опираясь на фаланги согнутых пальцев. «Как горилла», — подумал Иво. Существо выглядело больным и голодным.

— Насколько можно судить, коллапс цивилизации наступил пятьсот лет назад. Население уменьшилось от десяти миллиардов до менее чем миллиона, и все уменьшается. А есть им все равно нечего, медицина, естественно, отсутству-

ет. Растительность исчезла.

Иво не стал спрашивать, был ли этот сгорбленный уродец потомком цивилизованной расы. Очевидно, он когда-то был прямоходящим.

Конечно, три примера еще ничего не решают. Возможны отклонения. Но к нему непроизвольно закралась мысль, что Человек может стать четвертым отклонением. Перенаселенность, загрязнение среды, войны — он не допускал мысли, что это может погубить цивилизацию, но это было так. Все же примеры были не типичны, так как не были показаны цивилизации, например, на уровне неолита. В то же время высока вероятность, что их много.

— Именно у пробов я позаимствовал технологию теплового экранирования, — Брад переменил тему. Он опять вернул изображение планеты Санга. — Мы еще изучаем их книги и технику и многое узнали. И если нам повезет, в один прекрасный день мы откроем по-настоящему развитую цивилизацию, которая преодолела проблемы перенаселения, и узнаем, как излечить нашу планету. С помощью макроскопа наука за считанные дни продвинется дальше, чем за столетия в былые времена.

— Я сдаюсь. Это очень важно, но…

— Ты спрашиваешь, зачем я трачу на тебя время, вместо того, чтобы решать проблемы человечества. У нас тут кое-что произошло.

— Я уже понял, — ответил Иво с легкой иронией. — Что именно?

— Мы приняли сигнал, который, похоже, является коммерческой трансляцией.

Иво разочарованно спросил:

— Так вы не можете отфильтровать помехи от земных радиопередач? А я думал, что вы работаете на другой частоте, или как это там называется.

— Это не земная передача. Искусственные сигналы в основном макронном диапазоне.

Наконец до Иво дошло:

— Вы установили контакт?!

— Односторонний контакт. Мы не можем передавать, только принимаем. Мы не знаем, как излучать макроны, но принимать-то мы умеем.

— Значит, какая-то цивилизация организовала бесплатный развлекательный канал. — Это звучало нелепо, но лучше Иво ничего придумать не мог.

— Это не развлекательный канал. Программа обучения в закодированном виде.

— И вы не можете ее расшифровать. Вот зачем

вам нужен Шен.

— Мы ее понимаем. Она доступна для восприятия, хотя в необычной форме.

— Ты, конечно, не имеешь в виду все эти точки-тире, 2*2, изображения Солнечной системы? Мне не нужны подробности, но это с соседней планеты? Ультиматум? Нам предлагают сдаться?

— Сигнал исходит из точки на расстоянии четырнадцать тысяч световых лет, где-то в созвездии Скорпиона. Это не вторжение и не ультиматум.

— Но у нас не было цивилизации четырнадцать тысяч лет назад. Как же они могли нам что-то передать?

— Это сферическое излучение. Другая неожиданность. Мы привыкли считать, что в целях экономии энергии любая передача на большие расстояния должна быть направленной. По-видимому, это цивилизация II-го уровня.

— Не понимаю…

— Первый уровень — это масштабы потребления энергии человечеством или цивилизацией пробов. Второй уровень означает использование всей энергии, излучаемой звездой. III уровень — галактикой. До недавнего времени эта классификация была чисто теоретической. Вероятно,

эта передача предназначена всем цивилизациям, обладающим макроскопом.

— Это же сознательный контакт между мирами! Потрясающий прорыв. Не так ли?

— Да, конечно, — мрачно согласился Брад. На экране бестолково суетились пробы. — Именно сейчас нам как никогда нужен совет от высшего разума. Теперь ты понимаешь, почему остальные применения макроскопа не так важны. Зачем обшаривать космос, если мы уже получили послание от цивилизации, на много столетий опередившей нас.

Иво уставился в экран.

— У пробов были макроскопы, и их программе было тогда не меньше пяти тысяч лет. Почему они не использовали его? Может, они по другую сторону, и сигнал их еще не достиг?

— Они его приняли. Мы полагаем, что его приняли и гуманоиды. Здесь-то и кроется часть проблемы.

— Ты говорил мне, что они забросили макроскоп. Это меня и удивляет — все равно, что научиться читать, а затем сжечь книги. Они же могли извлечь пользу из программы, как мы собираемся сделать. А может наоборот — нам конец, если мы начнем слушать советы высшей

цивилизации?

— Нет, здесь, на станции, мы пришли к выводу, что ради бесплатного образования стоит рискнуть. Человечество всегда так действовало. Но, прежде всего, мы должны продолжать развивать науку самостоятельно.

— Что же останавливает?

— Греческий «элемент».

— То есть?

— Бойся данайцев, дары приносящих.

— Ты сказал, что лишние знания нам не повредят, а плату за обучение через четырнадцать тысяч лет никто требовать не станет.

— Боюсь, придется заплатить высокую цену. Они могут уничтожить нас.

— Брад, я наверное дурак, но…

— Точнее, наши лучшие умы. Уже есть жертвы. Это настоящий кризис.

Иво наконец отвернулся от экрана.

— То же случилось с пробами?

— Да, они так и не решили проблему.

— Значит, луч смерти, убивающий через сорок тысяч лет. Это уже что-то из комиксов.

— Может быть. Система защиты не пропускает опасные для жизни виды излучения — за всем следит компьютер, но она не может защитить

наш мозг от опасной информации.

— Ну, не думаю. Было время, когда считали, что контроль над сознанием…

— Ты не прав, Иво. Препараты, позволяющие контролировать сознание, на самом деле существуют, и уже много лет. Но в этом случае макроскоп превратил гениев в полных кретинов. Они получили какую-то информацию, разрушившую их мозг.

— А ты уверен, что это не психическое расстройство? Перегрузка, нервный срыв…

— Мы уверены. Ну, как тебе это объяснить, на энцефалограммах…

— Слушай, ты мне все здорово растолковал про эту вашу чудо-ракету, Джозефа, затем про макроскоп. Все должно быть на уровне налоговой декларации, иначе я не пойму.

— Хорошо, оставим энцефалограммы в покое. Просто поверь на слово, хоть мы и не делали вскрытий, мы знаем, что внеземной сигнал вызвал деградацию мозга, в том числе и физические изменения. Причем, повторяю, никакого внешнего воздействия, только информация. Одно известно точно: существуют вещи, о которых развитому мозгу лучше не думать.

— Истинный механизм не известен? Просто эта

информация вызывает дебилизм?

— Можно сказать, что так. Она состоит из этапов. Нужно идти шаг за шагом, как на уроках по математике. Сначала счет на пальцах, затем арифметика, общая математика, алгебра, высшая математика, формальная логика и так далее, по порядку. Иначе ты утратишь нить. Нужно усвоить материал самого первого уровня, прежде чем допустят на следующий, — это что-то вроде теста на интеллект. Все устроено так, что ты не можешь перескочить введение, программа всегда начинает с него, когда бы ты ни приступил. Это строгий экзамен, чтобы его пройти, нужно иметь интеллектуальный коэффициент не меньше ста сорока, хотя мы не знаем, какого коэффициента можно достичь по окончании программы обучения. Наши техники посмотрели и сказали, что ничего не понимают в этой модернистской чепухе. Руководители наоборот, были зачарованы программой и прошли весь курс за один присест. Как раз после этого они и отключились.

— И помочь нельзя?

— Неизвестно. Мозг умного человека не обязательно имеет больше клеток, чем мозг дебила, так же как цирковой тяжелоатлет имеет не больше мускулов, чем любой человек весом больше

девяноста семи футов. Дело в качестве клеток. Клетки мозга гения связаны между собой большим количеством синапсов. Эта космическая информация вызывает разрыв многих синапсов — это происходит на уровне, недоступном стереотаксической хирургии.

Ожидая, что Иво опять не понравится технический язык, он остановился, затем продолжил:

— Как всегда, именно дорогие часы сильнее всего ломаются, если их уронить на бетонный пол.

— А дешевые часы начнут тикать. Я посмотрю и через пять минут начну зевать, а ты…

— Не думаю, что тебе стоит на это смотреть, Иво.

— В любом случае, по-моему, это полный тупик. Если ты дурак, ты не пройдешь; если ты умный, так станешь дураком.

— Да. Но вопрос в том, *что за этим стоит.* Мы должны знать. Сейчас, когда мы почувствовали воздействие программы, мы не можем это так просто оставить. Если элементарная информация, отфильтрованная нашими компьютерами и представленная в визуальной форме, способна на такое, то можно только представить, какие нас еще могут ожидать сюрпризы. Мы не уверены, что вся опасность заключена в передаче. Где-то

еще есть страшная западня, в нее-то наверное и попали пробы.

— Индуцированный идиотизм?

— Предположим, что кто-то выполнил программу, но в психике произошли изменения — ему кажется, что нужно уничтожить весь мир. На станции есть люди, которые могут это сделать, если захотят. Возьмем хотя бы Ковонова — он в чем-то умней меня и более опытен. С помощью макроскопа он может выведать все военные секреты, состав командования, — или, например, создаст невиданное оружие.

— Я начинаю понимать, зачем вам нужен Шен.

Брад снял шлем, взглянул на Иво и кивнул:

— Так ты сможешь…

— Извини, нет.

— Ты еще не убедился? Я тебе могу показать еще материалы. Мы должны получить доступ к информации, которую передает эта цивилизация II уровня. Мы опасаемся, что само человечество не сможет снизить уровень рождаемости или уменьшить население каким-либо другим цивилизованным путем; что оно никогда не начнет разумно использовать свои истощающиеся ресурсы. Проблема скорее социологическая, чем

психологическая, и решения пока что нет. Мы должны получить материалы и технологии нового уровня, прежде чем начнем в прямом смысле пожирать друг друга. Земля себя не спасет. То, что ты видел в макроскоп, не нуждается в комментариях.

Иво все упорствовал:

— Хорошо, хорошо. Допустим на минуту, что я согласился. Но я все еще не уверен, что цель оправдывает средства.

— Не знаю, что тебе еще сказать, Иво. Шен единственный, кого я знаю, кто имеет шанс разрешить задачу. Мы даже не осмеливаемся работать в этом диапазоне, пока все не прояснится, а если хоть часть излучения распространится на периферические диапазоны…

— Я не сказал, что никогда не смогу помочь. Только сейчас у меня недостаточно информации. Во-первых, я хочу посмотреть на жертвы. Во-вторых, этот мозгодробительный сериал. А там видно будет.

— На жертвы — да. На программу — нет.

— Я знаю, что делаю, Брад. Как насчет того, чтобы позволить мне самому все решать?

Брад вздохнул и ответил, скрывая обиду за насмешкой:

— Ты всегда такой, Иво. Упрямейший из смертных, кого я знал. Если бы ты не был моей единственной ниточкой к Шену…

Это было не оскорбление. Они оба знали, чем вызвано это упрямство.

Глава II

Афра Саммерфилд ждала их у шлюза станции. Она обратилась к Браду, как только он снял шлем.

— Ковонов хочет тебя видеть, срочно.

Брад резко повернулся к Иво:

— Этот русский никогда не болтает просто так. Случилось непредвиденное, скорее всего замешана политика и связано с Америкой, иначе бы он не стал меня звать. Не возражаешь, если я оставлю тебя на попечение Афры? — Он уже снял скафандр и произнес последние слова на бегу.

Кто такой Ковонов, что из-за него столько суеты?

Иво посмотрел на Афру и нашел ее столь же потрясающей, как и прежде. Она была в голубом комбинезоне, голубая же ленточка стягивала на затылке волосы, все было подобрано под цвет глаз.

Чудеса макроскопа заставили его на час забыть об Афре, но сейчас он думал только о ней.

— Не спеши, — заботливо крикнул он Браду, но тот был уже в лифте.

Афра улыбнулась, и ямочки на ее щеках вызвали целую бурю в его мыслях.

Раньше Иво не верил в любовь с первого взгляда, — теперь об этом даже смешно вспоминать. Не думал он, что когда-то будет зариться на чужое, но Афра его ошеломила. Брад, видимо, был сильно уверен в себе, и ему было наплевать на то, как она действует на других мужчин.

— Давайте-ка лучше пройдем в общую комнату, — сказала она. — Когда он освободится, в первую очередь будет искать нас там.

Он был согласен идти с ней куда угодно и зачем угодно. Неопределенность будущего человечества отступила на второй план перед Афрой. Хотя бы ненадолго он был в ее обществе, и ее внимание принадлежало ему, пусть даже их встреча случайна. Было просто приятно идти рядом со столь красивой девушкой, и он надеялся, что идти придется долго.

— Вы поможете нам, Иво? — спросила она. Была какая-то интимность в том, что она обратилась к нему по имени, и по нему прокатилась волна необъяснимой радости. Он почувствовал себя подростком.

— Что Брад сказал вам обо мне? — ответил он вопросом на вопрос.

Запах ее духов был, как аромат полураскрытого бутона розы.

Они подошли к лифту — кабина уже вернулась после поспешного бегства Брада.

— Не много, должна сказать. Только то, что вы подружились во время одного проекта и что вы ему нужны, чтобы связаться с другим другом из другого проекта — Шеном.

Теперь он осознал, насколько тесно в кабинке лифта. Ей пришлось стоять близко к нему, так что ее правая грудь упиралась в его руку. *Это всего лишь ткань касается ткани* — пытался он убедить себя, но так и не смог.

— Его зовут Шен, там буква «О» с умлаутом. По-немецки это значит…

— Ну конечно! — воскликнула она возбужденно[15]. Ее вздох и выдох тоже возбуждающе подействовали на него, но совсем по другой причине.

— Мне никогда не приходило в голову, а по-немецки я говорю с детства.

«А она ведь еще девочка», — подумал Иво.

Нужно было продолжать беседу.

— Вы говорите на других языках?

---

[15] Примечания: 15
Нем. Schon — красивый.

Юнец? Дитя!

— О, да, конечно. В основном индоевропейской группы — русский, испанский, французский, персидский, — сейчас работаю над арабским и китайским, конкретно — над китайским письмом, так как оно включает в себя многие формы устной речи. В китайском иероглифы несут большую смысловую нагрузку и не связаны с произношением, так что тут есть свои проблемы. Я чувствую себя полной невеждой, когда Брад начинает меня дразнить на баскском или на анлоквинском диалекте. Надеюсь, что вы не из этих феноменальных полиглотов…

— Я провалил латынь в школе.

Она рассмеялась.

Иво попытался отделить физическое влечение, которое он испытывал, от интеллектуального содержания беседы, опасаясь фрейдистской оговорки.

— Нет, правда. Schön — единственное иностранное слово, которое я знаю.

Она посмотрела на него с удивлением и участием.

— Это что, ментальная блокировка? То есть, вы хорошо разбираетесь в одном, а в другом…

Кабина остановилась, и Афра ненадолго из-

бавила его от близости своего тела. Они сели в тележку. На сей раз отвлекало ее бедро, плотно прижатое к его собственному. Знает ли она, что сейчас творится с его нервными окончаниями, с его синапсами?

— Думаю, Брад вам не сказал, что я не гений. Мне довольно хорошо удается решать логические задачи, точно так же, как иногда не очень умные люди проводят в уме сложные вычисления или отлично играют в шахматы, — а так, я обыкновенный парень со средними способностями. А вы, наверное, думали, что я такой же как Брад, да?

Как бы не так!

У нее хватило такта покраснеть.

— Ну, да. Я так и думала, Иво. Извините. Я так много слышала о Шене, когда вы приехали…

— Что вам рассказали о Шене?

— Об этом можно небольшую книгу написать. Как вы с ним встретились, Иво?

— С Шеном? Да я его в глаза никогда не видел.

— Но…

— Вы слышали о проекте? О том, который он…

Она посмотрела в сторону и прядь волос задела его щеку. *Она сознательно флиртует. Нет, она естественна, просто такой уж он возбудимый.*

— Да, — сказала она. — Брад об этом мне тоже

рассказывал. И о том, что Шен жил в колонии свободной любви. Только…

— Видите ли, я не жил с ним в одной палатке.

— Да, понимаю. Но почему же только вы знаете, где его можно найти?

— Я не знаю. Брад знает. Знают также другие участники проекта, но помалкивают.

Она зарделась, но на этот раз от обиды. Иво почувствовал, как напряглись мускулы на ее ноге. *Не нравится ей, когда дурачат.*

— Брад мне сказал, что только вы сможете позвать Шена.

— Ну, это мы с ним так договорились.

— Брад знает, где Шен, но не может поехать к нему сам? Это выглядит неправдоподобно.

Тележка остановилась, они приехали. Да, это вряд ли был тоннель любви.

— Брад не может поехать сам. Вы меня можете называть посредником или личным секретарем. Точнее всего — справочное бюро. Шен просто не выйдет, если я не позабочусь об этом. Он не беспокоится по пустякам.

— Неземной враг, из-за которого стоит вся программа исследований, разве этого недостаточно?

Значит, она уже знает, что Брад все ему рассказал.

— Я, знаете ли, не уверен, что Шен — гений.

— Об этом мне Брад говорил много раз. Интеллектуальный коэффициент, который невозможно измерить, и абсолютно аморален. Но это *тот самый* случай, когда он нужен!

— Это мне еще предстоит решить.

Они вошли в обычную комнату — большое помещение, совсем как на Земле, кресла и несколько игральных столиков. У входа висели щиты с табличками — каждый щит показывал места в каком-либо состязании. На каждой табличке было написано имя.

— Кто такой Бланк, — спросил Иво, прочитав имя, написанное на первом щите.

— Это его настоящее имя[16], — ответила Афра. — Фред Бланк, из технической службы. Он чемпион по настольному теннису. Хотя я сама не считаю, что следует… ну, я хочу сказать, что это комната для ученых со степенями, то есть для отдыха.

— А что, техникам нельзя отдыхать?

Она ответила, смутившись:

— Вон сидит Фред, журнал читает.

Это был давно не стриженый негр в комбине-

---

[16] Примечания: 16
Blank — англ. пустой.

зоне. Рядом с ним сидел белый ученый, толстый и добродушный. Оба были разгорячены, очевидно, игра только закончилась. Иво показалось, что только Афра чувствовала неловкость, — это говорило кое-что о ней и о других сотрудниках станции.

Ученые уважали талант, где бы он не проявлялся; у Афры же были другие критерии. Толстяк сейчас, должно быть, завидовал тому, как Бланк умеет работать ракеткой, и не обращает внимания на такие мелочи, как образование.

В центре комнаты возвышался пьедестал, на котором на уровне глаз была помещена сверкающая статуя. Это была модель парового экскаватора, как на картинке в исторической книге, с маленьким изящным ковшом. Островерхая вогнутая крыша кабины, покрытая черепицей, придавала сходство с деревенским коттеджем. На двери был укреплен яркий полумесяц. В ковше лежал крошечный мраморный глобус, столь тщательно и любовно сработанный, что можно было разобрать на нем очертания Северной Америки.

На пьедестале были высечены замысловато украшенные буквы — SPDS.

— Что они означают?

Афра опять выглядела смущенной.

— Брад называет это — «Одетая в Платину Тайна», — тихо сказала она, хотя никого рядом не было. — Так оно и есть. Я имею в виду, что действительно все покрыто платиной. Он это сконструировал, а в мастерских изготовили. Всем очень нравится.

— Но эти буквы — SPDS, — не означают ли они…

Она слегка покраснела. Ему это нравилось — консерватизм был их общим качеством, хотя в остальном их взгляды сильно различались.

— Сами у него спросите. — Она сменила тему. — Мы тут говорили о высоких материях, а о вас забыли. Откуда вы приехали, Иво? То есть, где вы жили после проекта?

— В основном я странствовал по Джорджии. Все, кто участвовал в проекте, получили гарантированный доход, по крайней мере, на первое время. Это немного, но мне хватало.

— Это очень интересно. Я родилась в Маконе. Джорджия мой родной штат.

— В Маконе! А я и не знал.

На самом деле он знал, но только не мог сказать, откуда.

— Что интересного в Джорджии? Вы там знаете кого-нибудь?

— Можно сказать, что так. — Как ей рассказать о десяти годах безделья, о том, как он путешествовал по дорогам жизни своего предка?

Она не настаивала.

— Я должна вам показать изолятор. Брад попросил. Наверное, он хочет, чтобы вы точно обрисовали Шену ситуацию.

Иво двинулся за ней. Он недоумевал, что такого можно увидеть в изоляторе, но удовлетворился ее объяснением. С каждой минутой он узнавал о ней все больше и жаждал знать все, и хорошее, и плохое.

— Одного не понимаю, — сказала Афра раздраженно. — Почему Шен был в другом проекте. Он должен был быть вместе с Брадом.

— Он скрывался. Вы знаете притчу о хорошей рыбе?

— О хорошей рыбе? — она мило нахмурилась.

— Рыбак, когда вытащил сеть, оставил хорошую рыбу, а плохую выбросил в воду, — Евангелие от Матфея, XIII:48.

— Не вижу связи.

— Представьте, что вы рыба в том озере. Какой рыбой вы хотели бы быть?

— Хорошей, конечно. Мораль притчи в том, что на хороших людей снизойдет милость божья, а

плохие погибнут.

— Так что же случается, фактически, с хорошей рыбой?

— Ну, ее отвозят на рынок, а затем… — она запнулась. — Как минимум, от них есть польза.

— А в это время плохие рыбы плавают, как ни в чем ни бывало, поскольку рыбаку они не нужны. Я бы хотел быть одной из них.

— Возможно, вы и правы, если так подходить, но какое это имеет отношение к… — она опять прервалась. — Зачем им нужно было столько гениев вместе в проекте Брада?

— Это было не мое дело. Я думаю, что Шен хотел жить сам по себе, а не быть подопытным кроликом. Вот он и спрятался там, где его никто не мог найти. Плохая рыба.

— У Брада не было проблем. Я знаю, он дурачил их не меньше, чем он дурачил меня. Он гораздо умней, чем говорит о себе.

Иво вспомнил, что Брад представился ей, как коэффициент сто шестьдесят.

— Неужели? А мне он всегда казался обычным парнем.

— На него похоже. Он ладит Со всеми, и проходит много времени, прежде чем понимаешь, насколько он умен и проницателен. Благодаря

ему проект имел такой успех — вы, конечно же, знаете. Несмотря на то, что он заявляет, что дурак по сравнению с Шеном. Я уж было полагала, что он выдумал Шена, чтобы меня позабавить, но тут этот кризис…

— Да, со мной было почти то же самое. Но сейчас, выходит, я должен поверить в Шена, хотя я очень хотел бы забыть о нем. Потому что иначе непонятно, что я здесь делаю.

Она улыбнулась.

— Я бы вам посоветовала не жалеть себя, если бы сама часто не делала того же. Никто не хочет казаться глупым, но рядом с Брадом…

— Да, — согласился он.

Они вошли в изолятор. Их встретил запах асептиков, неизменный атрибут унылой чистоты больницы.

— Вот они, все пятеро. — Афра указала на сидящих в ряд мужчин. — Доктор Джонсон, доктор Санг, доктор Смит, доктор Мбслети, мистер Холт. Все пятеро — известные астрономы и криптологи.

— Джонсон? Холт? Санг? Я слышал эти имена раньше.

— Должно быть, Брад упомянул их, если вы не знакомы с их работами. Наиболее интересные

планеты были названы их именами. Разве Брад вам не объяснил?

— Он показал мне несколько планет. Теперь вспомнил, просто сразу не сообразил.

Иво посмотрел на сидящих людей. Доктор Джонсон был благообразным стариком, с волосами и бровями цвета стали, глубокие морщины вокруг глаз говорили о сильном характере. Он напряженно смотрел в одну и ту же точку, будто решал какую-то сложную головоломку.

— Доктор, — обратился Иво, — я без ума от вашей планеты, с ее лапшевидными кустами и желтыми деревьями.

Спокойные серые глаза смотрели на него. Стиснутые челюсти задвигались, и через секунду-другую разжались губы:

— Хо-хо-хо, — произнес Джонсон. Из уголка рта показалась слюна.

— Здравствуйте, — отчетливо выговорила Афра. — Здрав-ствуй-те!

Не закрывая рта Джонсон улыбнулся. В нос ударило зловоние.

— Он пытается сказать «Здравствуйте», — пояснила Афра. — Он у нас такой галантный. — Она принюхалась. — О, Боже! Санитар!

Появился молодой человек в белом.

— Я позабочусь, мисс Саммерфилд, — сказал он. — А сейчас вам лучше уйти.

— Хорошо. — И они покинули изолятор.

— Они плохо себя контролируют. Мы пытаемся их обучить заново, но пока не знаем, насколько это возможно. То, что с ними произошло, просто ужасно, и все мы не…

К ним быстро приближался Брад.

— Очередной кризис, — сказал он, присоединяясь к ним. — Приезжает американский сенатор. Кто-то ему наболтал про разрушитель мозга, и он собирается провести расследование.

— Это очень плохо? — спросил Иво.

— Принимая во внимание, что мы не распространяем информацию за пределы станции, да, — ответил Брад. — Пусть тебя не вводит в заблуждение наша откровенность, Иво. Все это совершенно секретно. Мы подделываем отчеты всех жертв, чтобы ничего не было заметно, пока мы пытаемся найти выход. До того, как выход будет найден, никто станцию не покинет, разумеется, из тех, кто посвящен.

— Как насчет того, кто меня привез, Гротона?

— Он умеет держать язык за зубами. И даже тогда все, что он знал, это — кто ты, где тебя найти, что сказать, когда вы окажетесь наедине.

Это объясняло слежку. Гротон не хотел подходить к нему в людном месте, хотя в конце концов ему пришлось.

— Не думай о нем плохо, — сказала Афра. — Гарольд и Беатрикс очень радушные люди.

Означало ли это, что Гротон женат? Иво не мог себе представить. Это еще раз доказывало, каким ложным бывает первое впечатление.

— Ситуация следующая, — сказал Брад, когда они вошли в его комнату. — Сенатор Борланд на пути к станции. Для нас это будет землетрясение в девять баллов. Борланд на первом сроке, но уже сильно озабочен общенациональным паблисити, к тому же он безжалостен. Он не дурак, я думаю, у него есть хороший шанс войти в программу разрушителя. И, конечно, он нам задаст жару, если мы попытаемся подсунуть подделку.

— Ты не можешь показать ему разрушитель, — с тревогой сказала Афра.

— Мы не можем не показать ему программу, если он этого захочет — а он хочет ее увидеть. Он знает, что здесь кроется что-то очень важное, жаждет увидеть свое имя в передовицах газет всего мира еще до конца расследования. Ковонов мне сказал прямо: Борланд — американец, так что он твой клиент. Я должен его нейтрализо-

вать до того, как мы найдем решение и будем контролировать ситуацию, иначе здесь начнется невообразимое.

— Когда он прибывает? — спросил Иво.

— Через шесть часов. Нам сообщили, когда он отправился, но только сейчас стали известны его намерения. Он типичный болтун из Конгресса, но умеет молчать, если это ему выгодно — в политике он не любитель. Очевидно, он уже давно все знал, но сейчас решил немного популярности на нас заработать, это помогает на выборах.

— А почему бы не сказать ему правду? Если он такой умник, он должен стремиться сделать что-то полезное для своих избирателей, вместо того, чтобы…

— Правда без готового решения — это конец всем нам, а Борланд станет кандидатом в президенты на следующих выборах. Ему наплевать и на нас, и на будущее космических программ. Он был бы только рад прекратить американское участие в программе макроскопа.

— Но другие страны будут продолжать программу, не так ли? Разве она находится не под общим руководством ООН?

— Под более чем общим. Программа, конечно, может и будет продолжаться, и тогда мы станем

второсортной страной, а другие будут делать открытия вроде моего теплового экрана. Америка не сможет уже подняться на уровень космической науки. Или проект макроскопа вообще закроют, испугавшись болтовни о лучах смерти из космоса. Средний обыватель питает глубокое недоверие к передовой космической науке, наверное потому, что действительность непохожа на то, что он видел в космических операх. Людям приятно думать о бесстрашных космонавтах, которые мчатся на пакетах в бескрайнем космосе, а не о сложностях релятивистской космологии или квантовой физике.

— А что, если дать ему то, что он хочет — пускай посмотрит программу.

— И что это решает? Если он не войдет в нее, то у него будет «доказательство», что мы убиваем известных ученых не столь уж экзотическим способом, как утверждаем — ну, естественно, международный заговор, а если он просмотрит всю программу — тогда нам придется отчитываться за пятерых известных ученых и одного американского сенатора.

Иво пожал плечами:

— Тогда мы влипли.

— У нас только один шанс выйти из положения

до того, как он прилетит сюда. Поэтому Шен нам нужен с каждой минутой все больше.

— У нас нет уже времени привезти Шена с Земли, — заметила Афра.

Брад ничего не ответил.

— Не уверен, что Шен нам поможет, — сказал Иво. — Ему нет дела ни до Америки, ни до макроскопа.

— А до чего ему есть дело? — спросила Афра.

Брад прервал беседу:

— Давайте передохнем. Мы ведем себя так, будто на станции это касается только нас.

Афра хотела было возразить, но он прижал палец к ее губам и заставил замолчать. Иво заметил, что Браду она позволяла то, что больше никому бы не простила. Но в данной ситуации ее протест был понятен. Иво вручил им бомбу, которая взорвется через шесть часов, а затем объявляет перерыв, будто дело не очень срочное. Как бы объяснить этому одухотворенному созданию, что Брад уже проявил всю галантность, на которую способен, а этот перерыв он сделал не просто, чтобы передохнуть, как могло бы показаться. И все же она доверяла ему.

Эх! Иметь такую девушку…

Перерыв оказался просто изысканным обедом

в семье Гротонов. Иво уже знал, что Гротон временно был посланником на Землю, и ему еще раз пришлось пересмотреть свое отношение к этому человеку. Брад всегда умел подобрать хорошую компанию.

Беатрикс, жена Гротона, была полноватой, улыбчивой женщиной, лет под сорок, с седоватыми волосами и светлыми глазами, вряд ли ее можно было назвать сексуально привлекательной.

Квартира Гротонов была ненавязчиво опрятной, будто хозяйка больше беспокоилась об удобстве, нежели о внешнем виде, в противоположность кричащей обстановке в комнате Афры. Иво показалось, что он вошел в дом на Земле, и если сейчас посмотрит в окно, то увидит улицу или двор. Но окна не было.

Зато было кое-что получше. Гротоны проживали на внешней кромке тора, и их иллюминатор приходился на боковой край обода. Станция была сориентирована плоскостью к Солнцу, так что одна сторона находилась в тени, а другая была обращена к светилу. Они находились на темной стороне. За большим иллюминатором была космическая ночь.

— Все меняется со временем года, — пояснил

Брад заметив, куда смотрит Иво. — Формально наша станция — это планета, у которой есть годовой цикл. Для создания искусственной гравитации необходимо вращение, которое придает и гироскопическую стабильность. Станция сохраняет абсолютную ориентацию, вращаясь вокруг Солнца, так что световые сутки в этой комнате равны году. Через три месяца здесь будут сумерки, а через шесть — полдень, и им придется затемнять окно мощными фильтрами.

Иво уставился на немигающие звезды в арктической ночи.

— Они движутся! — воскликнул он и тут же осекся.

Конечно же, они на самом деле не двигались. Тор вращался, и пейзаж за окном тоже совершал полный круг каждую минуту — словно небеса были нанизаны на гигантскую ось. Видны были те же самые звезды и созвездия, которые он наблюдал, стоя на поверхности макроскопа, но аппаратура иллюминатора совершенно меняла перспективу. Это было, в буквальном смысле слова, головокружительное зрелище.

Все заулыбались.

— Трудно поверить, что эти звезды все время расширяются, — несколько неуверенно произнес

Иво.

— Большинство тех, что вы видите, не расширяются вовсе, — сказала Афра. — Все они принадлежат нашей галактике, Млечному Пути, довольно стабильному образованию. Даже соседние галактики из нашей локальной группы ведут себя достаточно спокойно.

Иво понял, что после одной глупости сморозил другую. Но тут ему на выручку пришла Беатрикс.

— Ой! — воскликнула она. — А я думала, что все галактики разбегаются после той большой ссоры.

— Так называемый Большой Взрыв, — серьезно поправил Брад. — Ты права, Трикс. Группы галактик отдаляются друг от друга, по крайней мере такое создается визуальное впечатление. Но это должно быть временное состояние, и, может быть, уже начался обратный процесс, так как наша Вселенная конечна, и ее размеры не превышают известного гравитационного радиуса. Еще несколько лет наблюдений в макроскоп, и мы будем знать точно. Если удастся избавиться от ограничений, накладываемых галактической интерференцией.

— Обратно? — забеспокоилась Беатрикс, — ты хочешь сказать, что все опять начнет собираться

в кучу?

— Боюсь, что так. Со временем здесь будет тесновато.

— Ох, — горестно вздохнула она.

— Да, да, через пять-шесть миллиардов лет здесь будет очень жарко.

Брад поддразнивал ее, и как показалось Иво, немного жестоко, теперь была его очередь прийти на помощь:

— А что это за галактическая интерференция? Это не…

— Нет, это не разрушитель. Все более очевидно. В пределах галактики макроскоп работает превосходно, но нам пока не удается получить изображение из других галактик. По крайней мере, на которых можно что-то понять. Какие-то переплетения нечетких полос. Так что для расстояний больших, чем миллион световых лет традиционные телескопы подходят больше.

— Большой Глаз и Большое Ухо лучше для больших расстояний, чем Большой Нос, — заключил Иво.

— Мы уверены, что совершенствуя методику, преодолеем и это.

— Тем не менее, я думаю, вам пока хватит и галактики, — сказал Иво. — Четыре миллиарда

звезд, обнюхивайте их, хоть в трех, хоть в четырех измерениях.

— А также каждую планету и пылинку, если есть время, — согласился Брад. — Все возможно, если еще будут скопы и сотрудники.

— В четырех измерениях, — вклинилась Беатрикс.

— Пространственно-временной континуум, — ответил Брад. — Или, по-простому, наша древняя проблема путешествий во времени. Чем дальше наблюдаемая звезда, тем она старше, так как макронам требуется время, чтобы добраться до нас. Это не играет роли, если мы разглядываем Землю, — задержка всего пять секунд. Диаметр нашей Солнечной системы — это какие-то световые часы. Но Альфа Центавра отстоит от нас на четыре световых года, а любопытный монстр Бетельгейзе — кстати, в переводе это — «свекольный сок» — на триста. Планета Санга, населенная цивилизацией пробов, которую я тебе показывал, находится на расстоянии десять тысяч световых лет. Таким образом, наша звездная карта на момент завершения будет верна с точностью десять тысяч световых лет. А галактическая карта будет иметь точность плюс-минус сто тысяч световых лет. Дело безнадежное, если мы не поймем, что

необходима четвертая координата — время.

— Если бы у нас была возможность мгновенно перемещаться, разумеется, это все чисто умозрительно, — тогда мы здорово повеселились бы, посетив цивилизацию планеты Санга, если она еще существует, — продолжал Брад. — Но тогда пришлось бы предположить, что наша мгновенная система координат покоится, а это не так. Наша галактика движется и вращается с приличной скоростью. Звезда на расстоянии тысячи световых лет через некоторое время будет неизвестно где, даже если в конкретный момент наши карты абсолютно точны.

— А почему бы не ориентироваться по галактике? — спросил Иво. — Ведь внутри галактики звезды почти неподвижны друг относительно друга.

— Это было бы слишком просто. Ты подразумеваешь, что галактика не вращается, но это неверно. Ты прыгаешь к центру на расстояние тридцать тысяч световых лет и имеешь при этом довольно большой импульс. Момент инерции сохраняется. Это как сила Кориолиса или закон Феррела на Земле. Ты…

— Дай я попробую объяснить, — вежливо прервал их Гарольд Гротон. — Я это сам проходил.

Иво, вы когда-нибудь крутили пищалку на конце веревки?

— Нет. Но я представляю, о чем вы говорите.

— И что происходит, если потянуть за веревку и укоротить ее?

— Пищит тоном в два раза выше.

— То же произойдет, если вы будете двигаться к центру вращающейся галактики.

— Все при условии, что есть аппарат для мгновенных перемещений, — заключил Брад. — Но вопрос чисто академический, и думаю, не имеет большого значения то, что наши карты устареют еще до того, как мы их сделаем.

Обед закончился, и Иво осознал, что он даже не помнит, что ел. Шоколадное пирожное на десерт и…

— Слушай, Брадли, — сказал Гротон. — Не желаешь ли дать отдых своему гениальному мозгу и сыграть партию в спраут[17]?

— Легкое вино и…

Брад рассмеялся:

— Ну, ты все не унимаешься. Почему бы тебе не сыграть с Иво?

Гротон покорно повернулся к Иво:

---

[17] Примечания: 17
Spraut — росток (англ.).

— Вы знакомы с игрой?

— И картофельное пюре, — произнес Иво, и тут же вспыхнул, когда все на него посмотрели с удивлением. Надо держать свои мысли при себе!

— Ах, игра. Думаю, что не знаком.

Афра опять выглядела встревоженной, Иво тоже начал недоумевать. Брад знал, что он не успеет вызвать Шена до радостной встречи с представителями власти. Зачем же он затеял эту вечеринку с играми. Ведь расходуется драгоценное время. Браду следовало бы побеспокоиться о том, чтобы отвлечь сенатора и оттянуть катастрофу.

С другой стороны, что же еще остается делать, кроме как играть? Мысли Брада трудно предугадать простому человеку. Он никогда не пасовал перед лицом опасности.

Гротон достал лист бумаги и два карандаша.

— Спраут, это интеллектуальная игра, вот уже много лет она популярна в научных кругах. Существует несколько вариантов, но сейчас мы воспользуемся первым, он по-прежнему остается самым лучшим.

Он нарисовал на листе три точки.

— Правила просты. Все, что нужно делать, это соединять точки. Вот я делаю первый ход.

Он провел линию между двумя точками и по-

ставил третью на середине линии.

— Теперь вы можете соединить две точки, пририсовать к точке петлю, замкнутую на себя, и прибавить точку на середине линии. Нельзя пересекать линию или точку либо использовать точку, которая имеет уже три связи. Новые точки, естественно, уже имеют две связи.

— По-моему, очень просто. А как определяют победителя?

— Победитель тот, кто делает последний ход. Так как во время хода соединяются две точки, а добавляется только одна, то существует некий предел.

Иво изучил рисунок.

— Это не игра, — возразил он. — Первый игрок имеет решающее преимущество и выигрывает.

Брад и Афра рассмеялись.

— Здорово он тебя поймал, Гарольд, старый ты плут, — сказал Брад.

— Я с удовольствием буду вторым, — спокойно ответил Гротон. — Может, мы начнем с двухточечной игры, чтобы вы вошли во вкус?

— Тогда победит второй игрок.

Гротон задумчиво посмотрел на него.

— Вы точно никогда не играли в эту игру?

— Это не игра. В ней нет элемента случайности

и не нужно умения.

— Очень хорошо. Начнем трехточечную игру, и я попытаю удачу, хоть и мое умение тут, оказывается, ни к чему.

Иво пожал плечами и нарисовал три точки:

ШШШ

Иво замкнул петлю вокруг верхней части фигуры:

ШШШ

ШШШ

хоть сейчас, я уверен.

— Даже у Ковонова?

— Может быть.

Гротон с сомнением покачал головой.

— Поверю, когда увижу.

Иво поймал пристальный взгляд Афры.

— Извините, — сказал он смущенно. — Я думал, что все вам объяснили. Тут нет ничего особенного. Просто логические фокусы. Это у меня с тех пор, как себя помню.

— Вы меня заинтересовали, — сказал Гротон. — Вы мне не сообщите дату вашего рождения?

— Не говори ему, Иво! — сказал Брад. — Ты так выдашь все секреты своей жизни.

— Он не скажет! — вскрикнула Арфа. — Не будьте смешным.

Иво окинул всех взглядом, стараясь не задерживаться на лице Афры, слишком уж она была прекрасна в гневе.

— Я что-то не то сказал? — и добавил про себя: «Опять?»

— Гарольд у нас астролог, — пояснил Брад. Скажи ему дату и место рождения с точностью до минуты, и он тебе составит гороскоп, на котором будет даже твой личный номер.

Гротон выглядел немного уязвленным.

— Астрология — это мое хобби. Вы можете говорить, что это салонная игра, но я считаю, что правильно применив астрологию, можно извлечь пользу.

Иво пожалел, что его втянули в разговор, но не потому, что был неравнодушен к астрологии, просто ему было неприятно видеть, как издеваются над Гротоном. Не то, что бы ему нравился Гротон, но жестокость, даже вежливая, была ему не по нутру. Казалось, Брад иногда был немилосерден к слабостям тех, кто не так умен, как он.

— 29 марта 1955 года, — сказал Иво.

Гротон записал дату в маленький блокнот.

— Не известно ли точное время?

— Известно. Я как-то видел запись — 6.20 утра.

Гротон и это записал.

— Я припоминаю, вы как-то говорили, что родились в Филадельфии. Это в Пенсильвании или в Миссисипи?

Иво попытался вспомнить, когда он это упоминал.

— В Пенсильвании. Это имеет значение?

— Все имеет значение. Я мог бы вам объяснить, если интересно.

— Давайте не будем устраивать школьный урок, — раздраженно сказала Афра.

Иво отметил, что в ней тоже была какая-то бесчувственность, как и у Брада, хотя, возможно, это была лишь импульсивная реакция. Она была как скаковая лошадь — норовистая, непоседливая, ей не было дела до симпатий и антипатий других.

Зачем Браду скаковая лошадь-? А зачем она ему?

— Интересная мысль, — невозмутимо ответил Гротон. — Астрологию вполне можно было бы преподавать в школе. Я жалею, что не начал изучать ее лет на десять раньше.

— Я не понимаю, — продолжала Афра с наигранным недоумением. — Как может грамотный инженер, вроде вас, мириться с такими предрассудками? Нет, действительно…

— А ты ведь когда-то преподавал в школе? — спросила Беатрикс, мягко прервав Афру, только потом Иво понял, что она предотвратила начинающуюся ссору.

Очевидно, это случалось уже не раз, и жена хорошо знала признаки надвигающегося конфликта. Иво и сам их видел: грузный мужчина спокойно отвечает на насмешливые вопросы, не теряя самообладания, в то время, как легко возбудимая девушка начинает выходить из себя. Наверное, Гротон защищал астрологию потому,

что это было нелепо и, тем самым, слегка, а может и не слегка, поддразнивал Афру.

Может быть, ему нравился недостойный человек? Афра была изумительна и прекрасна, но ее темперамент изменял ей. В подобных ситуациях это может быть серьезной помехой. Ерунда. Брад прервал бы любой спор, если бы он зашел слишком далеко.

Гротон опять что-то сказал, и Афра опять на него набросилась, но Иво, задумавшись, не слышал, что именно. Когда он вернулся к действительности, Гротон рассказывал о своем опыте преподавания. Иво прислушался и с удивлением обнаружил, что ему интересно.

Оказалось, что это было до его женитьбы на Беатрикс. Иво знал о Гротоне намного меньше, чем предполагал.

— …пошел добровольцем. Полагаю, что многие инженеры были такими же наивными, как я. Но компания, на которую я работал, — не забывайте, это было в 67 или в 68, недолюбливала бастующих учителей, и предложила всем желающим попытать счастья в новом деле, предоставив оплачиваемый отпуск. И, естественно, временная зарплата в школе, вдобавок. Многие из нас, инженеров, решили показать этим диссиден-

там, что мы, в отличие от них, ценим школьную систему и не позволим ее разрушить, и пусть бастуют хоть целую вечность. В конце концов, все мы имели образование не хуже, чем они, так как каждый был бакалавром либо магистром, а то и доктором в своей области плюс большой опыт практической работы. Так мне, по крайней мере, казалось в двадцать семь лет.

Он остановился, но на этот раз Афра не стала отпускать колкие замечания. Ей тоже было интересно.

Двадцать семь. На два года больше, чем сейчас Иво. Он живо представил себя на месте Гротона, доброволец на место преподавателя в школе, в которой учителя объявили незаконную забастовку. Фактически, тебя увольняют с работы, а когда надоест преподавать, берут обратно… более чем ясно.

Он одел лучший костюм, пытаясь выглядеть уверенным в себе человеком, но пульс учащенно бился при одной мысли о встрече с подростковой аудиторией. Не забудет ли он, что говорить? Сможет ли он ясно изложить то, что так хорошо понимает сам? Очень важно должным образом суметь иллюстрировать материал.

Эта школа не могла одновременно занять все

классы, и часть начальных классов была распущена по домам, тем не менее казалось, что школа набита детьми. Мальчишки визжали и носились по коридорам, швыряли на пол книги, сбивались в шумные кучи; было очевидно, что никто не может призвать их к порядку. Когда Иво с другими добровольцами ожидал инструктажа, прямо на пороге одного из классов разыгрывалась довольно неприличная любовная сцена, однако проходящие учителя делали вид, что не замечают этого. Иво просто забыл, насколько физически зрелыми бывают шестнадцати- и семнадцатилетние девушки. Два мальчика принялись драться прямо перед кабинетом директора, тот лишь высунул голову и крикнул: «А ну, прекратите» и гневно смотрел на них, пока они не убежали. Любовники прервали свое занятие только для того, чтобы отойти к дальнему дверному проему, где продолжили свои любезности. В общем, царил полный хаос.

Его классная комната была в конце крыла, в технической секции. Он был рад, что так случилось, по крайней мере это было ему знакомо. Другие инженеры из его компании пытались преподавать английский или историю, а одного даже приставили нянчиться с испанским

классом. Дети что-то лопотали по-испански и смеялись, когда он не мог отличить ответ на уроке от грязных шуток в его адрес. Позднее Иво всегда чувствовал тошноту, вспоминая об этом, — это было все равно, что выйти голым на сцену.

Итак, он стоял перед тридцатью пятью студентами старшего инженерного класса. Они вели себя довольно спокойно и внимательно слушали его. Но это было затишье перед бурей. Что же сказать вначале? Как сломить лед?

Нет проблем. Нужно провести проверку присутствующих. Директор им это хорошо растолковал. Несколько хлопушек или баллонов с водой на перемене — с этим можно мириться, но с пропуском уроков — ни в коем случае. Создавалось впечатление, что штат ежедневно хорошо платил за каждую голову в классе, и школа не могла себе позволить упускать хоть одну. Кроме того, это позволяло каким-то образом контролировать ситуацию.

Ученик мог носиться по коридору или заниматься любовью в углу, но если он не успевал в класс по звонку, его не допускали на урок. Так что проверка не была такой уж глупостью.

Легко сказать, да трудно сделать. Он не знал этих подростков в лицо, и ему приходилось ве-

рить на слово, когда они откликались на имя, которое он старательно выговаривал.

В классе нарастало веселье, Иво считал, что это вызвано неправильно произнесенными фамилиями, пока на одну из фамилий — Браун, не откликнулось сразу два голоса. Стало понятно, что товарищи покрывают отсутствующего студента.

Он с облегчением вспомнил, что у него есть схема, на которой записаны места студентов в классе. Так он сможет их проверить, если, разумеется, все сидят на своих местах.

— Так, инженеры, все на свои места! Я хочу, чтобы каждый занял свое место.

— Мое место дома! — сострил один студент и все весело захохотали.

Следующей задачей было выяснить, где чье место на практических занятиях, чтобы можно было начать целенаправленное обучение.

Это был общий курс, в основном электроника, учебники были хорошие, но безнадежно устаревшие.

Он попытался дополнить их, заполняя пробелы, относящиеся к последним десятилетиям, иначе обучение было бессмысленным.

Один из подростков, как ни в чем ни бывало,

достал сигарету и закурил.

Иво призвал весь класс ко вниманию:

— Так, вы… — он справился по схеме, — Бунтон, что вы делаете?

— Курю, — ответил студент, изобразив удивление.

— Разве нет школьного правила, которое запрещает студентам курение?

— Старшим в техническом крыле разрешено, сэр.

Иво осмотрелся, подозревая ложь. Остальные скрывали ухмылки. Они пытались выпереть совместителя, как его и предупреждали. Настало время жестких мер. Директор им все ясно изложил: «Либо вы управляете классом, либо класс управляет вами. Если вы слабак, они это сразу почувствуют. Будьте построже. За вами авторитет общественной образовательной системы. Большинство наших детей — это хорошие дети, но нужна твердая рука. Не позволяйте нескольким баламутам взять верх…»

«Обычная болтовня», — думал он тогда — час назад? — но совет скорее всего дельный. Сейчас пришло время ему последовать. Он изобразил решительность, которой не было и в помине, и поставил свои условия:

— Мне все равно, какие правила в техническом крыле для старших или младших. Но я не допущу пожара из-за курения в моем кабинете. Убери свою травку сейчас же!

Тут все на него набросились.

— Что вы себе позволяете!

— Мистер Хувер нам разрешает!

— Как же мы сможем сосредоточиться?!

— Козел!

Иво заколебался, чувствуя неуверенность. Он не хотел быть их марионеткой.

— Хорошо, Бунтон. Вы можете курить в классе, — шумное ликование, — если покажете письменное разрешение директора.

Тишина.

Подросток вскочил.

— Я сейчас пойду к нему! Он вам скажет, что можно!

Иво отпустил его. Остаток урока он пытался выяснить, что студенты знают о конструировании и как далеко продвинулись по учебнику. Было нелегко принимать класс от другого учителями он предвидел, что еще больше усилий понадобиться затратить постоянному учителю, когда он вернется, так как у них были явно разные стили преподавания.

Бунтон так и не вернулся.

У Иво не было времени выяснять почему. Наверное, директор был занят.

Прозвеневший звонок напомнил ему, что он так ничего и не сделал. Все, что успел — это проверка присутствующих, инцидент с курением и попытка выяснить, с чего начать. Когда студенты вышли из класса и ввалилась новая толпа, он вспомнил, что даже не дал им домашнее задание. Ну и начало!

В комнате был полный беспорядок. На полу валялись комки бумаги, стулья разбросаны, мусор на партах и всюду куски разноцветного провода. Теперь все нужно повторить с новым классом.

Каким-то образом ему это удалось. Тем же вечером он получил записку от директора, в ней предлагалось ему самому решать проблемы своего класса, а не оскорблять студентов и вовлекать в конфликт дирекцию. Как выяснилось, Бунтон просто пошел домой и рассказал там историю о том, как его несправедливо выгнал с урока временный учитель. Его мать в ярости позвонила директору и настаивала на том, чтобы преподаватель был наказан.

Иво с ужасом прочитал записку. Никому не было дела до того, правда это или нет. Оказывается,

любой студент может выдвигать против преподавателя какие угодно обвинения, и ему поверят. В конце концов, он дошел до предела. Попытался встретиться с директором во время своего ежедневного свободного часа, но тот был слишком занят. Тогда он сел на учительский диван и написал рапорт, в котором изложил ситуацию. Это отняло время, которое он планировал потратить на просмотр материалов завтрашнего урока, но, он надеялся, все будет улажено.

— Ха! — сказала Афра.

Иво встрепенулся и вернулся к действительности: это была жизнь Гротона, а не его.

— В тот день я смертельно устал, — продолжал Гротон. — Насколько я могу судить, пришлось убрать достаточно мусора и неправильно произнести достаточно имен, чтобы хватило на целый год, но я никого ничему не научил. И, вдобавок ко всему, я получил три телефонных звонка от сердитых родителей, которые ругали меня за дурное обращение с их работящими ангелятами. Последний звонок был в час ночи и, наверное, я только тогда понял, что значит быть учителем.

— Следующий день был еще хуже. Прошел слух, что меня могут отозвать. Казалось, что каждый знал о моих неприятностях с дирекцией, и сту-

денты решили меня сломать. Они без разрешения разговаривали, спали на уроках, рассматривали комиксы; я не мог сосредоточить их внимание даже на время. Я видел, что некоторые были заинтересованы в предмете и думали о будущем, но те, кто вовсе ничего не знал, отказывались даже слушать. Они рисовали девушек и гоночные автомобили на учебниках, и на доске всегда было написано неприличное слово. Всякий раз я его молча стирал, хотя мне советовали прочитать нотацию, но на следующий день оно появлялось снова. Когда я начинал говорить, раздавался непонятный звук — пищание губной гармошки или что-то в этом роде, — который прекращался, когда я замолкал. Я не мог его игнорировать, так как только он раздавался, весь класс начинал шуметь, а обнаружить источник я не мог. И я и они прекрасно знали, что случится, если я пошлю нарушителя дисциплины к директору. Со мной *проведут беседу*, не со студентами, на тему «Как важно держать ситуацию под контролем». Это была моя обязанность.

— Ад, — сказал Гротон, — это полный класс непослушных подростков и малодушная администрация. Это была каторга, но я не уходил. Тогда я и заинтересовался ходом переговоров между

правительством штата и FEA[18].

— FEA? — спросил Иво.

— Ассоциация преподавателей Флориды. Это была организация учителей, может, она еще существует. Я действительно начал уважать их позицию. Я еще никогда так не работал, а кругом была ложь и несправедливость. Газеты были полны заголовками: «Замечательные добровольцы становятся на место сбежавших учителей!», «Никому не нужны наши невинные дети!», «Губернатор не дает комментариев» и так далее. Но теперь уж я знал, где правда. Эти дети были невиннее разве что журналистов! Я был скэбом — штрейкбрехером, и думал, что должны быть какие-то другие формы протеста, но ведь у учителей были свои убедительные аргументы. Добавочные деньги поначалу казались благом. Мой доход увеличился на сорок процентов. Но эти деньги того не стоили! Прежде всего, моя жизнь уже не принадлежала мне; я проверял работы каждую ночь и пытался что-то предпринять, если находил одинаковые ошибки — явный признак списывания, но не было *доказательств.* К тому же, еще нужно было подготовить урок на

---

[18] Примечания: 18
FEA — Florida Education Association.

следующий день. Я не мог уснуть. Передо мной стояли эти хитрые юные лица, которые только ждали оговорки или того, чтобы я отвернулся, чтобы плюнуть на оконное стекло. Тут до меня дошло — их прежний учитель переносил все это за сорок процентов моей зарплаты! — Гротон на секунду задумался.

— Но самый сильный шок был в конце. Забастовка провалилась через пару недель, и большинство учителей вернулись на свои старые места. Я пошел на постоянную работу и вздохнул с облегчением. Казалось, гора упала с плеч. Но я еще раз навестил эту школу. Я хотел встретиться с человеком, которого я замещал. Я хотел извиниться за свое невежественное вмешательство и сказать, что он лучше, чем я. Это была мне наука, и я испытывал к нему огромное уважение и хотел, чтобы он знал, какую титаническую работу он делает в таких условиях. Я просматривал его книги и записи, и могу сказать, что он был очень хорошим инженером, он был на уровне, несмотря на то, что учебники и программы устарели. Но его там не было. Его классы расформировали. Администрация отказалась принять его вновь. Оказалось, что он был в руководстве FEA и одним из организаторов забастовки. Администрация

отомстила ему и его соратникам, хотя все они были одними из лучших учителей в системе. Заурядных оставили, ведь те не «подстрекали» и не требовали улучшения системы образования. Я узнал, что так поступили во всем штате, а это значило, что система образования никогда уже прежней не будет. Они грубо вышвырнули наиболее преданных делу людей, наиболее небезразличных, вместо того, чтобы признать справедливость их требований.

— Почему они не увеличили зарплату? — спросил Иво. — Купили бы новые учебники и так далее. Так же сделали многие другие штаты.

— В то время у штата был большой дефицит бюджета. Если бы подняли зарплату учителям, пришлось бы поднять ее и другим низкооплачиваемым профессиям: полицейским, социальной сфере, даже временным рабочим. А это означает увеличение налогов…

— А-а…

— Или закрытие лазеек в налогообложении, — добавил Брад. — А это сильно ударило бы по специфическим интересам власть имущих.

Перед мысленным взором Иво появились пробоскоиды, разоряющие планету Санга. «Вот так оно и происходит», — подумал он. Общественная

апатия приводит к власти нечистоплотных индивидуумов с их специфическими интересами, а это и есть путь к гибели.

Знал ли Брад, что беседа примет такой оборот? Хотел ли он сказать этим, что придется встретить врага на последнем рубеже, космическом? Сенатор Борланд, представляющий реакционные силы…

Гротон улыбнулся:

— Извините, я не хотел заводить об этом разговор. Обычно…

— Ты мне никогда не рассказывал об этом, дорогой, — сказала Беатрикс.

— Никому не нравится распространяться о своих ошибках. Поэтому я пытался забыть, чем на самом деле было мое «преподавание». Меня и сейчас бросает в дрожь, когда я вспоминаю эти адские две недели — они были как два месяца. Прошло много времени, прежде чем я пришел в себя. Прежде, чем я смог забыть, что значит ответственность без власти, что такое деградация нашей молодежи, что такое тщетные усилия и несправедливость руководства.

«А сам ты ничего не сделал», — подумал Иво. Как же может человечество что-то изменить, если даже те, кого шокирует творящаяся вакха-

налия, отступают.

— Теперь я уже кое в чем разбираюсь, — сказал Гротон. — У меня есть Беатрикс. И я держусь подальше от всякой «борьбы». Может, я просто утратил ненужный идеализм.

Брад взял Иво на встречу. Афра была занята, и он старался не думать о ней. Сенатор Борланд был на удивление похож на душевнобольного профессора Джонсона, которого Афра представила Иво в изоляторе. Но первые же минуты общения изменили первоначальное впечатление — Борланд был моложе и энергичнее, чем мог бы быть ученый. Иво попытался не думать о нем предвзято, как о враге. Борланд, наверное, не занимался закрытием школ и увольнениями бастующих учителей. Было странно видеть, что такому молодому человеку, как Брад, доверили вести переговоры с этим типом. Но Брад — это Брад.

Сенатор приехал со своим личным секретарем — шумным молодым человеком, которого можно было описать одним словом — хлыщ. Хлыщ говорил о Борланде в третьем лице, будто тот отсутствовал, в то время как Борланд внимательно осматривался и, казалось, не обращал внимания на разговор.

— Вы! — крикнул начальственно хлыщ, увидев Брада. — Вы американец, да? Сенатор желает с вами поговорить.

Брад медленно подошел. Он с трудом сдерживал ярость: пожалуй, к нему, единственному на станции, нельзя было обращаться таким тоном.

Хлыщ заглянул в блокнот:

— Вы Брад Карпентер, так? Вундеркинд из Кеннеди Теха, так? Сенатор желает знать, чем вы тут занимаетесь.

— Астрономией, — ответил Брад.

Среди собравшихся сотрудников станции прошла волна оживления, а один человек с советским гербом на лацкане усмехнулся, демонстрируя презрение к капиталистической иерархии. Лица западноевропейцев были неподвижны, но кто-то все же кашлянул. Борланд, конечно же, не имел над ними власти, но существовали какие-то правила приличия.

— Звездочеты, значит. Ну-ну, — подытожил хлыщ. — Сенатор собирается положить конец этой ненужной и бесконтрольной трате средств. Вы имеете представление о том, сколько денег, заработанных тяжелым трудом налогоплательщиков, вы тут растранжирили за последний год?

— Имею, — ответил Брад.

— Сенатор собирается прекратить это безобразие. Это составило… — сколько?

— Нисколько.

— То есть?

— Мы не транжирим деньги. Вы, по-видимому, полагаете, что результатами исследований должна быть реальная продукция. Это не так. Дело не в исследованиях, неверны сами ваши посылки.

Борланд повернулся к Браду. Он прикоснулся к плечу секретаря, и тот замолчал.

— Давайте это выясним. Допустим, что вы доказали ваше утверждение. И чего же особенного в вашем телескопе, что он жрет многие миллиарды долларов? Расскажите мне все, как на экскурсии.

— Прибор не является телескопом.

— Сенатор вас не спрашивает, чем он не *является*!

Было очевидно, что все собравшиеся, даже те, кто не понимает по-английски, ожидают увидеть, как Брад прихлопнет этого слепня. Тонкий юмор Брада был не единственной его чертой, которую ценили его друзья. Но этого не последовало. Брад начал скучную лекцию, предназначавшуюся для высокопоставленных визитеров. Через некоторое время стало ясно — Брад собирается прихлопнуть не слепня, а быка.

— Согласно теории гравитации Ньютона, каждое тело притягивается другим телом с силой, прямо пропорциональной массе и обратно пропорциональной квадрату расстояния. Сейчас принято считать, что гравитация — следствие искривления пространства материей. Это…

— Ближе к делу, — прервал хлыщ. — Сенатора не интересует ваш…

Сенатор опять тронул его за плечо, словно снял иглу с пластинки.

— Так вот, — продолжал Брад, пройдя к одной из досок и начал стирать диаграммы, нарисованные игроками в спраут, — пространство можно заменить упругой пленкой, а объекты Вселенной — предметами с пропорциональной массой, помещаемыми на эту пленку. Более тяжелые предметы сильнее прогибают пленку естественно…

Он нарисовал вогнутую кривую с кружком в центре и добавил кружок поменьше. Иво попытался разложить рисунок на комбинацию ходов в спраут, но это ему не удалось, даже с его талантом.

— Приблизительно так Солнце, искривляя пространство, притягивает Землю, если отвлечься от двумерности рисунка. Как видите, малые объекты стремятся скатиться к большим, если они не вращаются, и центробежная сила не уравновешивает притяжение. Земля, в свою очередь, тоже искривляет пространство и точно так же притягивает близлежащие тела, и ее гравитационное поле формирует их орбиты. Вселенная, как целое, искривлена и имеет сложную конфигурацию, так как гравитационное взаимодействие дальнодействующее, и нельзя пренебрегать влиянием даже малых масс. Обычное понятие «силы» неприменимо к гравитации, это просто свойство материи. Гравитационные поля есть повсюду, правда, они интерферируют, и могут сильно меняться. Есть еще вопросы?

— ОТО, — сказал Борланд.

— Да, Общая Теория Относительности. То, чем мы занимаемся. — Брад пометил место на линии между Землей и Солнцем, поближе к Земле, в максимуме потенциала. — Мы обнаружили, что

интерференция деформаций пространства или, другими словами, гравитационных полей, в точке, где их потенциалы равны, приводит к слабой специфической турбулентности. Эффект напоминает дифракцию звуковой волны на препятствии или Черенковское излучение. Как и в эффекте Черенкова, излучается свет, вернее, высшая гармоника световой волны, проходящей через турбулентность. До недавнего времени не существовало теории явления, его даже невозможно было наблюдать. Но сегодня есть оборудование, позволяющее принимать это излучение, хотя в теории еще не все ясно.

Борланд поднял руку, словно на уроке, и Иво пришел в голову рассказ Гротона. Правда, на сей раз плевки были политическими.

— Позвольте задать вопрос. Значит, вы говорите, что луч света, проходя между телами в космосе, слегка искривляется. Но насколько я понимаю, в космосе вряд ли есть дырки, в которых нет гравитации, слишком уж много там звезд и всякой пыли, и все поля, даже самые маленькие, вызывают возмущения на бесконечности. Ваш луч претерпевает множество таких изгибов, может, тысячи и тысячи на пути к вам. Как же потом разобраться, где какой изгиб? По-моему,

лучше воспринимать свет таким, как он есть и смотреть в обычный телескоп, там, по крайней мере, все ясно.

Иво с беспокойством подумал, что за сенаторской личиной скрывается острый ум.

— Это так, — согласился Брад. — Исходный сигнал содержит информацию об очень многих лишних «изгибах». Но обычный свет хорошо работает либо на очень малых расстояниях, либо на очень больших. В промежуточном диапазоне, скажем, между световыми минутами и сотней тысяч световых лет его преимущества теряются. Макронное излучение, напротив, не дифрагирует так сильно, как свет, хотя причины нам еще не ясны. Так что макронное изображение звезды на расстоянии тысяча световых лет такое же четкое, как сигналы от Солнца. Это справедливо для нашей галактики. Но если пойти дальше…

— Я вас понял. Нужно кричать, чтобы окликнуть кого-то в коридоре, но если вы звоните по телефону, то нет разницы — в соседний город или на другой континент, хотя звук и не очень громкий. А этот термин — макрон, — это звучит как вещь, а не свойство материи.

— Да. Наши термины туманны, поскольку представления туманны. Скорее всего, здесь замешана

квантовая природа света и, может быть, квантовая природа гравитации. Вероятно, поэтому, поле не убывает, как обратный квадрат.

— Скрещиваем гравитон с фотоном и получаем макрон, — заметил Борланд. — Чертовски интересно. Теперь я понял, в чем дело, хотя и профан в квантовой механике.

Профан в квантовой механике, но не полный невежда, подумал Иво.

— Значит, вы или принимаете все макронное излучение, или вообще ничего, — продолжал Борланд. — Но как вы получаете изображение изнутри планеты, там ведь нет света?

— Турбулентность расходится в пространстве. Если объект внутри планеты имеет массу, его поле взаимодействует с полями планеты и других объектов. В какой-то точке происходит взаимодействие со светом, и рождаются макроны, которые мы принимаем, как бы далеко мы не находились. Все, что нужно — приемная аппаратура соответствующей чувствительности. Компьютерная обработка очищает сигнал и формирует изображение из миллиарда разрозненных фрагментов. Но на выходе…

— Выходит, с помощью макроскопа можно наблюдать любое место как в космосе, так и на

Земле?

Брад кивнул.

— Я тут посмотрел на ваш символ…

— Мы этим не занимаемся, — отрезал Брад.

До Иво дошло, что они говорят о платиновом экскаваторе с надписью SPDS. Разве тут что-то можно понять? Сенатор, видимо, сразу разобрал аббревиатуру. Или знал заранее? Он все меньше и меньше походил на любителя. Справится ли с ним Брад?

— Ну, разумеется, — продолжил Борланд. — Но кое-кому могут очень не понравиться подобные наблюдения. Кое-кто может просто взбеситься, когда узнает, что в его личную жизнь вмешиваются и примет суровые меры. Вы следите за мной?

— Да, — сказал Брад, в его тоне слышалось отвращение.

— Да нет. Вы когда-нибудь жили напротив многоквартирного дома? Вы смотрите в окно, а перед вами сотни окон.

— Нет.

— Ты многое упустил, парень. — Борланд повернулся, — а кто-нибудь жил?

Повисла напряженная тишина. Из толпы поднялась коричневая рука. Это был Фред Бланк, из

технической службы, чемпион по теннису. Он поднял руку неуверенно, словно не хотел обращать на себя внимание при таком скоплении народа.

Борланд повернулся к нему.

— А у тебя был бинокль?

Фред смутился.

— Ну хотя бы дешевый телескоп? — настаивал Борланд. — Ты же знаешь, о чем я. Десять, двадцать, если повезет — сто окон, зависит от комнаты, и на половине нет занавесок. Какие занавески на зарплату Нигера? Некоторые девочки не знают, что они заняты в шоу. Некоторым наплевать. А некоторые думают, что это хороший бизнес. А семейные драки? Это еще то зрелище. — Он повернулся к Браду. — *И* что бы вы сделали с «дальнобойщиком»?

— Я позову полицию.

Борланд опять повернулся к Бланку.

— Ты бы так сделал, брат по духу[19]?

Бланк покачал головой. Сейчас он несмело улыбался.

— Да, уж ты то знаешь, — Борланд уже полностью контролировал ход разговора. — Ты был

---

[19] Примечания: 19

Аллюзия на слова М. Л. Кинга. - Прим. переводчика.

там. Ты все видел. Звать легавых на помощь там не принято.

Все ученые молчали, кроме тех, кто переводил сказанное своим товарищам. Борланд всех выставил оторванными от жизни теоретиками.

— Надеюсь, что теперь вы меня понимаете. Выражаясь вашим высоконаучным языком: массовый вуайеризм есть типичное следствие кибернетической революции и с ним не справиться дореволюционными методами. В старые добрые времена мы были кочевниками и ютились в вигвамах. Если кто-то совался в дверь непрошеным, то тут же получал по роже мозолистым кулаком. Аграрная революция все изменила — стали возможны города, а в них по определению людно. После индустриальной революции, лет, эдак, через пять тысяч, стало гораздо хуже, так как любой Джо имел право безнаказанно совать свой нос в соседские дела. А уж после кибернетической революции все и вовсе распоясались, теперь у этого самого Джо было и право, и *время* подглядывать — кому нужно шоу в записи, если можно посмотреть живьем и бесплатно. Сегодня у нас есть суперскоп, и мы можем соваться в дела своих космических соседей, будто у нас своих недостаточно. А теперь предположим, — некие

ушлые инопланетяне страшно ценят интимность и захотят дать по роже «дальнобойщикам», пусть они даже за четырнадцать тысяч световых лет.

Ученые удивленно переглянулись. Это же очевидно, но никто не догадался! Разрушитель разума, который убивает «дальнобойщиков», где бы и когда бы они не находились. Самый простой и правдоподобный ответ.

Борланд подождал, пока смолкнет бормотание переводчиков и разговоры. Те, кто смотрели на него со скрытым презрением, теперь уважали его, русский перестал улыбаться.

— А сейчас, товарищи[20], забудем о гипотезах и займемся главной проблемой. Я знаю ваши правительства лучше, чем вы — да, да, даже твое, Иван, — это моя профессия. Также я знаю кое-что о человеческой природе — на практике, а не в теории — следовательно, и о природе внеземных существ. Вы в беде, а я не тот человек, чьи советы вы будете слушать. Но давайте забудем о рангах, объединим наши усилия и попытаемся совместно найти выход. Может быть, мы немного поможем друг другу.

Среди собравшихся прошло оживление, кое-кто

---

[20] Примечания: 20
В ориг. comarades.

улыбнулся.

— Может быть и так, — ответил Брад.

Борланд обратился к помощнику:

— Сходи и проведи предварительную пресс-конференцию, мальчик мой. Скажи им о намерениях сенатора — но факты попридержи. В общем, поводи их за нос. Ну, как обычно.

Хлыщ молча удалился.

— Он чудо, не правда ли? — заметил Борланд. — Потребовались годы, чтобы найти такую занозу. Ладно, где пленка?

— Пленка?

— Парень, моя разведка работает неплохо. Запись разрушителя. Та, что затуманивает мозги, ха-ха-ха. «Призрак ведает…»

— Это не пленка и даже не запись, — ответил Брад. — Мы не можем записать это, в записи разрушитель не действует. Иначе говоря, он не регистрируется.

— Но можно же показать это здесь, живьем? Нет смысла исследовать мертвый вирус. Мы хотим узнать, где собака зарыта. Сигнал передает только одна станция, верно? И круглосуточно, можно всегда настроиться на прием, не так ли?

— Передача идет в одном из макронных диапазонов. В основном, где возможен самый

уверенный прием. Тот, где можно эффективнее всего работать, если избавиться от передачи разрушителя.

Брад провел сенатора в маленький просмотровый зал. Большинство научных сотрудников и персонал разошлись, полагая, что инцидент исчерпан. Появилась Афра в блузе и юбке — даже в простой одежде она выглядела элегантно. Иво потащился за ними, на мгновение забыв обо всем.

— Программа, — задумчиво произнес Борланд. — Мышеловка в гареме. Зачем устраивать это представление, не проще ли начинить взрывчаткой Солнце?

— По-видимому, создатель разрушителя не против жизни *вообще*, — сказал Брад. — Это селективное средство. Действует только на развитые цивилизации, создавшие космические технологии и макроскоп. На «дальнобойщиков». Мы в безопасности, пока не достигнем определенного уровня.

— Мои нервы тоже. Но это та безопасность, о которой вы мечтаете?

— Нет.

«Тогда давайте повторим. Я вам изложу теорию, как я ее понял, но на сто процентов я не уверен.

Принцип GIG0[21], знаете ли. Каков вопрос, таков ответ. Может быть моя идея верна, давайте работать методом исключения. Ну, это как в той песне:

> *Ох, почему я не работаю, будто все остальные?*
>
> *Какая тут, к черту, работа, когда небо такое голубое?*
>
> *Аллилуйя, я ни хрена не делаю.*

Пропойте это священнику, и он вам скажет, что вы богохульствуете. Нужно говорить не „черт“, а „лукавый“ — одобренный церковью эвфемизм. Теперь подсуньте профессору, и он вам укажет на ошибку — нужно говорить не „будто другие“, а „как другие“. А рабочий вообще скажет, что над текстом поработала цензура. А в оригинале было: „Какая тут, к черту работа, если я безработный?“ Они зрят в корень, наши работяги. Правда, не всегда. Как вы думаете, они боятся, что какие-нибудь инопланетные ловкачи займут их места?»

— Через четырнадцать тысяч лет? Даже если бы у нас был фотонный двигатель, которого у

---

[21] Примечания: 21

Garbage In Garbage Out — термин из программирования — мусор на входе — мусор на выходе.

нас никогда не будет, понадобится еще четырнадцать тысяч лет, чтобы добраться до них. Раньше нам даже не удастся ответить на их послание. Так что в сумме не меньше тридцати световых лет. Я не могу представить, чтобы они так долго ждали ответа.

— Может, это долговременная передача. Пока мы знаем, что она идет около миллиона лет, — сказал Борланд. — Ждут, когда мы ответим. Может быть, для них время идет медленнее? Может, для них четырнадцать тысяч лет это вроде недели?

— Нет. Программа идет в привычном для нас темпе. Ничего не нужно подстраивать. Если бы они чувствовали время так, как вы говорите, программа бы шла лет тысячу, а не несколько минут.

— Может и так. Значит, вы считаете, что у них маниакальная ненависть к развитым цивилизациям, когда бы они не жили?

— Ксенофобия? Возможно. Но опять же, временная задержка ставит это под сомнение. Как можно ненавидеть то, что будет существовать через десятки тысячелетий?

— Инопланетяне могут. Их мозг, если он у них есть, возможно, работает совсем не так, как мой.

— Все же, существуют общепринятые критерии интеллекта. Логично предположить…

— Оставьте логику в покое. Здесь нужна философия.

Брад посмотрел на Борланда:

— О какой философии вы говорите, сенатор?

— О философии в практическом смысле, конечно. Вы можете превзойти в логике самого дьявола, а проблему так и не решить. Вы считаете свои научные методы лучшими в мире. Это, скажу я вам, не так.

— Мы наблюдаем за явлениями, выдвигаем гипотезы, которыми пытаемся эти явления объяснить; пересматриваем или отвергаем их, если они противоречат новым данным. По-моему, это разумно. Разве у Аристотеля, Канта или Маркса было что-то лучше?

— Да. Главная забота философа — не истина, а цель. Ваш разрушитель — это не кризис истины, а кризис цели. Пока ничего определенного не известно, бессмысленно делать предположения и пытаться все связать по правилам математики. Нужно понять исходные посылки тех, кто создал разрушитель, а не отвечать вопросами на вопросы. Только тогда, может быть, мы немного продвинемся к вопросу о цели.

Брад нахмурился и повернулся к Иво и Афре:

— Вы что нибудь понимаете?

— Нет, — ответила Афра.

— Да, — сказал Иво.

— Вы не сможете это понять, используя формальные рассуждения. Мы не в шахматы играем, нам даже не известны правила. Твердо известно одно — мы проигрываем, — и давайте спросим почему. Значит, эта штука уничтожает разум. Ну и что в этом плохого?

— С космологической точки зрения — ничего, — сказал Брад. — Но мы чувствуем себя не очень уютно. Было бы лучше, если бы разрушитель выключал людей с низким интеллектом, а не…

Борланд нахмурился:

— Вы имеете в виду интеллектуальный коэффициент? Определяемый как ментальный возраст, деленный на хронологический и умноженный на сто?

— Да. Конечно, нельзя быть уверенным в том, что коэффициент отражает что-то, кроме способности субъекта отвечать правильно на интеллектуальные тесты, так что мы можем ошибаться в направлении удара разрушителя. Значение коэффициента не включает в себя такие важные черты, как индивидуальность,

независимость мышления, темперамент — и если даже коэффициенты одинаковы…

— Это не означает, что способности людей идентичны, — закончил Борланд. — Я читал об этом в книжках и знаю недостатки метода. Помните болтовню лет двадцать назад о «творческих способностях», и эту дурацкую моду на клубы обладателей высокого интеллекта? Если мне нужен хороший человек, я держусь подальше от этих доморощенных интеллектуалов. Мне достаточно просто в лицо посмотреть, чтобы сказать, кто достойный парень, а кто сопляк с клубным синдромом.

Борланд окинул их лица острым взглядом.

— Вы, — он ткнул узловатым пальцем на Афру. Она вздрогнула. — Вы член клуба, да?

Афра растерянно кивнула, но Борланд уже повернулся к Браду:

— А вы — нет. Тот здоровый русский, что только что вышел, тоже нет. — Он взглянул на Иво. — А тебя они даже на порог не пустили бы.

Он вернулся к Браду.

— Коэффициент — это практический инструмент, используемый, когда нужно обобщить интеллектуальный уровень больших групп людей, но его применение оправдано, пока нет

ничего лучшего. Можно его определить, как способность обучаться — в среднем индивидуум с коэффициентом 120 выглядит более импозантно, чем его собрат с коэффициентом сто. Таким образом, система выдумана лишь удобства ради. А теперь перейдем к главному, хорошо?

Брад рассмеялся.

— Хорошо, сенатор. Применяйте вашу философию.

— Значит, сигнал приходит не в речевой форме, и чтобы его понять, необходимо преодолеть некий порог. Вы должны иметь непонятно какие способности, чтобы переступить этот порог. Как это понять: то ли у гения больше шансов войти в программу, то ли как с макроскопом — или все, или ничего?

— По-видимому, просто больше шансов. Интеллект — весьма специфическая вещь, и нельзя быть точно уверенным…

— Ясно. Давайте тогда по порядку. У вас коэффициент двести четырнадцать, — обратился он к Браду.

— Что? — удивленно переспросила Афра.

— Это не…

— Знаю, знаю, — сказал Борланд. — Цифры ничего не значат, а если бы и значили, то это

ничего не меняет, потому что вы в сто раз умнее какого-нибудь Джо, который вас тестирует. Это все условно. Нет, я не просматривал ваше досье, просто пытаюсь интерполировать. А если в вашем досье есть эта запись, то она выглядит примерно так, как я говорю, не правда ли?

Брад не стал отрицать. Афра даже не смотрела в его сторону. Иво знал, о чем она сейчас думает. Она считала, что его коэффициент 175–180, все же где-то недалеко от ее собственного. Эти числа много значили для нее. Теперь она осознала насколько он был выше ее — так же, как она была выше среднего человека, — а средний человек для нее был нестерпимо туп.

— Таким образом, вероятно, что вас он поразит первым из нашей группы, — сказал Борланд. — Вас мы поместим во главе стола. Ну-с, а я сравнительно глуп, около сорока пунктов ниже вашей цифры, а вообще-то это военная тайна, потому что с мозгами в Сенате трудно выжить, — ну и еще ваша девушка — еще пунктов десять вниз. Этот парень…

— Сто двадцать пять, — сказал Иво. — Но это некорректная оценка, у меня…

— Ну вот, выдали еще один военный секрет, — пробормотал Брад. — Не думаю, что мистеру

Арчеру следует…

— Я настаиваю на своем месте в вашей группе, — серьезно сказал Иво.

— Хорошо, вместе с вами получится неплохой градиент, так что пусть будет так, — заключил Борланд. — А сейчас позовите кого-нибудь с коэффициентом сто или около того.

— Таких людей на станции нет… — начала было Афра.

— Позови Беатрикс, — тихо сказал Брад.

— Позвать..!

— Это не такой уж страшный порок — быть умственно средним человеком, — мягко сказал Брад. — Ведь все мы лишь статистические отношения.

Афра покраснела и вышла из комнаты.

— Темпераментная бабенка, — заметил Борланд. — Технический секретарь?

— Более чем — но две минуты назад.

— Займемся делом. Вы можете прямо сейчас запустить прием программы?

— Вы, я вижу, решили, что мы и впрямь собираемся это сделать.

— Нервы сдали, сын мой? Вы же знаете, что к этому все идет. Если боитесь, то пускайте программу и убирайтесь.

— Сенатор, если я вам покажу разрушитель, то никто вам уже не поможет. Вы совершите ментальный суицид.

Борланд прищурился:

— А если, скажем, я просмотрю его и выживу? Скажем, я выведаю то, что пытаются скрыть инопланетяне? Кем я тогда буду здесь, на Земле?

— Либо вы будете слишком глупы даже для должности спикера, либо…

Иво понял недосказанное. Сенатор был явно не дурак. Если он пройдет через разрушитель и останется в здравом уме, то у него будут во власти все тайны Вселенной. Он будет самым могущественным человеком на Земле. Борланд был из тех людей, которые готовы пойти ва-банк и поставить на карту все.

Он не шутил. За этим он сюда приехал. Он должен посмотреть разрушитель. И Брад не может позволить ему пойти ва-банк одному. Победа сенатора будет стоить Земле больше, чем его поражение, — если только Брад сам не раскроет секрет и не остановит его.

Борланд метнул свирепый взгляд на Брада.

— Что, сыграем без правил, сынок?

— Повестка в Конгресс? — пожал плечами Борланд. — Нет, мы вместе совершим это само-

убийство.

— Давай, парень.

Брад взглянул на Иво, — тот не уходил, и нажал кнопку под столом.

Телевизионный экран на дальней стене вспыхнул разноцветной радугой. Все трое повернулись к нему.

Иво даже не успел удивиться, настолько все быстро произошло. Троица сидела полукругом, придавая некую торжественность моменту. Брад никогда бы не позволил пойти на такой риск женщине, Афра никогда бы не покинула их, если бы знала, что здесь назревает.

Появилась фигура — извивающаяся, неуловимой формы, постоянно изменяющаяся. Большая красная сфера, по теням можно было определить, что это именно сфера, несмотря на двумерность картинки, а рядом с ней маленькое голубое пятнышко. Пятнышко расползлось в голубую сферу, которая частично перекрыла красную. Место пересечения сфер окрасилось в промежуточный пурпурный цвет.

У Иво заработала интуиция. Он сосредоточил свои логические способности на чертеже так же, как он делал это при игре в спраут.

Это было иллюстрированное представление

теории групп с обобщением на Булеву алгебру и с цветом, как дополнительным параметром. После теории групп начинающему можно было преподавать математику, логику, электронику и другие области знания — не прибегая к речевой форме. Язык можно сам по себе эффективно анализировать этими методами. Одна головоломка решена: у инопланетян было доступное средство общения.

Менялись цвета, фигуры переплетались, расширялись, изменяли форму образовывая сложные узоры, которые постороннему показались бы просто нагромождением линий, но это было не так. В рисунках была высокая логика, недоступная среднему интеллекту. Это была внеземная, но абсолютно рациональная логика, если принять исходные термины и определения. Неумолимо все теоремы и постулаты объединялись в одно великое целое. Сокровенным смыслом бытия было…

Интуиция Иво посылала ему отчаянные сигналы об опасности. Он подходил к сущности послания, чувствуя на себе удары трансцендентальной силы.

Внезапно он понял, что программу нужно остановить. Он попытался встать, позвать на помощь,

но его двигательные рефлексы были отключены. Он даже не мог закрыть глаза.

Но Иво сделал единственное, на что он был еще способен — усилием воли расфокусировал зрачки. Образы разрушителя утратили четкость и постепенно начали отпускать его. Постепенно веки опустились, и он смог повернуть голову. Иво навалился всем телом на стол — он был слишком слаб, чтобы хоть что-то предпринять.

Программа шла к своему неизбежному финалу. Он знал это, хотя и не видел экрана. В комнате было тихо.

Дверь распахнулась.

— Брад! — отчаянно прокричала Афра. — Ты не подождал меня!

Иво вышел из транса. Вернулись силы. Он неуверенно встал на ноги, пытаясь обрести равновесие. Пошатываясь, прошел к углу стола, где находилась кнопка, на которую нажал Брад, Непослушными пальцами он царапал тыльную сторону крышки в поисках кнопки. Наконец экран погас.

Афра, стоявшая на пороге, ожила. Разрушитель захватил ее, и она уже входила на второй уровень, но видела его не больше нескольких секунд. Этого было недостаточно для уничтожения мозга.

В комнату набились люди. Все смотрели на сидящих, Иво посмотрел на своего друга.

Брадли Карпентер сидел совершенно спокойно, не обращая внимания на истерические крики и причитания Афры. Пустой взгляд, влажная нижняя челюсть безвольно отвисла. Прибывший станционный врач что-то сказал и отрицательно покачал головой. Чуть подальше в кресле неуклюже развалился сенатор. Врач тщательно осмотрел его.

— Мертв! — последовал диагноз.

Глава III

Настойчивый стук в дверь прервал беспокойный сон Иво. Он так и не привык к гамаку, к тому же воспоминания о трагедии были болезненно свежи. Он не мог забыть, что живет в комнате человека, чей мозг фактически мертв, — он казался себе самозванцем.

Иво потянулся и прошлепал к двери. Рывком открыл ее, протирая глаза.

На пороге стояла Афра в халате и домашних тапочках. Ее золотистые волосы были собраны под газовой косынкой, как захлопотанной домохозяйки, никакой косметики, но для Иво она была по-прежнему ослепительна.

Его пронзил небесно-голубой взгляд.

— Доставка на дом, — сказала она без тени юмора. — Телеграмма, — и протянула конверт.

Иво взял его и только в этот момент вспомнил о своем виде. Он стоял перед очаровательной девушкой в помятых после сна шортах.

— Спасибо. Я должен переодеться.

Она оперлась рукой на дверь, не давая ее закрыть.

— Это вам?

Он посмотрел на конверт. Вместо адреса было стилизованное изображение стрелы. Больше ничего.

— Это могло попросту означать энтропию, — сказала она и шагнула вперед, заставив его отступить. — В этом случае стрела — это время. Но я вспомнила ваше первое имя — вариант тевтонского Ивон, что в переводе означает «военный лучник». А ваше второе имя…

— Да, я сам догадался, — сказал Иво, слегка обеспокоенный. Если только она что-то знает!

— Женская форма будет Ивонна, — живо продолжала она, оттеснив его еще на один шаг. — Значения имен всегда очень интересны. Например, мое означает «Тот, кто приветствует людей», — опять же, тевтонское.

Иво внимательно посмотрел на нее, подозревая неладное. Ни голос, ни выражение лица не выдавали ее в этот момент, но Иво знал, что после трагедии с Брадом она потеряла голову от горя. Глаза были затуманены, и от тела исходил слабый запах пота. Либо она боялась остаться одна, либо у нее было какое-то извращенное влечение к комнате Брада.

— Думаю, вам лучше прочитать его, чтобы уж

знать точно, — сказала она. — Я нашла его возле телетайпа. Оператор спал — слишком устал, знаете ли, так я его взяла.

Она все никак не могла успокоиться. Должно быть, она слонялась по станции, со всеми заговаривала, хватаясь за любой предлог, лишь бы забыть о кошмарном происшествии. Ей было безразлично, кто такой Иво Арчер и как он одет — в данный момент телеграмма была важнее всего.

Он вскрыл конверт, а Афра закружилась по комнате, легонько прикасаясь к вещам Брада. Вдруг она остановилась и жадно посмотрела на послание, которое Иво держал в руках. У него вырвалось лишь одно невнятное слово, после чего он смял бумагу и зло отшвырнул ее.

— Что вы делаете? Ведь вы даже точно не знаете, кому оно!

— Это мне.

— Что там написано? Вы не можете просто…

— Я не знаю, что там написано. Знаю лишь, что ничего хорошего.

— Как минимум, дайте мне прочитать.

— Пожалуйста, — лаконично ответил он и бросил ей комок бумаги. — Мне нужно одеться.

Намек остался непонятым. Она развернула лист и задумалась, в то время как Иво поспешно

натягивал брюки и рубашку, повернувшись к ней спиной.

— Ну, это писал полиглот! — воскликнула Афра. — А я думала, что вы не знаете…

— Я и не знаю.

Она скользнула к столу и положила на него послание.

— Кто бы мог такое написать? Очаровательно…

— Это означает неприятность, — повторил он.

Подошел, и опять посмотрел на текст, только для того, чтобы побыть рядом с ней.

На листе было разборчиво напечатано: SURRULINEN XPACT SHÖN AG I ENCAJE. Подписи не было.

— Что за мешанина, — сказала она и достала карандаш. — Не уверена, что удастся расшифровать, но это определенно что-то обозначает. Если бы Брад…

Она уронила голову, и сухие рыдания сотрясли ее плечи. Затем она решительно подняла голову и уставилась на послание. Иво беспомощно стоял рядом, он хотел одного — иметь право прикоснуться к ней и утешить — и корил себя за это желание. Что за девушка!

— Shön — это по-немецки, конечно. Это, — она

остановилась, — Шен, это же друг Брада по проекту! Нужно было дать это Браду для перевода.

— Наверное.

Он размышлял, не лучше ли было не давать ей телеграмму, а сразу же ее уничтожить. По интеллекту ей было далековато до Брада «но, тем не менее, соображала она достаточно быстро.

— Шен — это тот самый, если бы кто-нибудь мог…

N Иво мог только пожалеть ее, зная, что человек в таком положении хватается за соломинку. Даже Шену не удалось бы восстановить разрушенные ткани мозга ее друга.

Это требовало хирургического вмешательства, которое невозможно провести на высших животных.

— Я должна знать, что там написано, тогда мы сможем ответить…

Она принялась за работу с удвоенной энергией. Шелковый платок колебался в такт наклонам ее головы.

— Последнее слово — „ENCAJE“ — по-испански это кружево. А предпоследнее „I“ — вполне может быть английским. От Брада вполне можно было бы ожидать „прямого“ слова в головоломке, а уж от Шена и подавно.

Она написала английские эквиваленты под словами исходного текста. Иво, несмотря на скептическое отношение к затее, был заинтригован. Он никогда не завидовал лингвистическим способностям гениев, но сейчас, принимая косвенное участие в разгадке послания, тем не менее почувствовал возбуждение охотника, идущего по следу. Поиск слова, оказывается, может также щекотать нервы, как охота за человеком, правда, при определенных обстоятельствах. Даже если ответ известен.

— ХРАСТ — это слово не романской группы, и не германской, — пробормотала она. — Финно-угорская?... Конечно! Это — славянская группа. Русское — нет, но близко. Давайте посмотрим.

Она переписала слово экзотическими буквами.

Афра подняла голову, глаза ее возбужденно блестели. Теперь Иво не мог понять, почему до того, как он ее встретил, ему не очень нравились глаза такого цвета.

— Желудь, я поняла! Похоже на правду?

Иво пожал плечами.

— A SURRULINEN — это по-фински печальный. Осталось одно слово. Думаю, что по-турецки это сеть. — Она откинулась и прочла: — Печальные желуди, моя кружевная прекрасная сеть.

Иво усмехнулся, и она тоже улыбнулась краешками губ.

— Но у нас кружевная — это прилагательное, так что еще не все. Нет сказуемого — это еще не предложение. Значит, „I“ не совсем подходит… Ага, это может быть польский союз „и“. „Прекрасная кружевная сеть“ сравнивается с ничтожными желудями.

Она опять начала возиться с текстом, высунув кончик языка между ровными белыми зубами.

„А что, если она решит?“ — предположил Иво. — „Сказать ей правду прямо сейчас, попытаться объяснить? Нет, это неразумно“.

— Мрачный дуб, прелестные косы в кружевах, — наконец продекламировала она. — Что-то в этом духе. Больше вариантов нет, и я не знаю, где начать интерпретацию. Боже, как я устала! И зачем ему потребовалось отправлять вам подобное послание?

— Темнота дубравы, расшитая парчой, — сказал Иво.

Она встрепенулась:

— Для вас это что-то означает. Отрывок из стиха?

— Да, — она была слишком умна, а он уж и так сказал слишком много. — Это из вашей прежней

работы? Знакомая цитата? Это как-то должно указать вам путь?

— Да, — он понимал, что сейчас она спросит имя автора и не был готов ответить. Она и так его отгадает или… или чем она попробует его соблазнить?

— Теперь могу и отдохнуть, — сказала Афра. Она прошаркала к гамаку и упала в него. Сбросив тапочки, она свернулась, выставив колени. Она забыла, где находится — или ей действительно было уже все равно. Не иначе, подумал Иво с неожиданной ревностью, привыкла спать здесь. В комнате Брада.

Он посмотрел на нее. Легкие волосы выбились из-под косынки, тонкая рука свисала за край гамака и покачивалась в такт его колебаниям, белые колени, округлые, гладкие…

Иво выругал себя за вожделенный взгляд.

Согласно нынешним ощущениям Иво, Афра была женщиной мечты. Не имело значения то, что мечта воплощалась в реальности. Он приучил себя мириться с людьми с более высоким интеллектом, но не ожидать особых способностей от девушки, на которой придется жениться. Не нужно особой красоты, можно не обращать внимание на мелкие изъяны характера — сотни маленьких

предосторожностей ради будущего спокойствия и удобства. Он не был выдающимся человеком, кроме одного качества, которое не давало ему обрести цель в жизни. Заурядный человек вряд ли завоюет расположение незаурядной женщины. А такой как он, и *любой* женщины.

Теперь ему стало понятно, насколько он недооценивал свою восприимчивость к простой плотской красоте. Он любил Афру с первого взгляда, до того, как узнал что-то существенное о ней. Побежденный, он мог надеяться только на милость.

— Я думала, что хуже уже никогда не будет, — сонно проговорила Афра в подушку, — когда потеряла отца. А теперь Брад — опять все то же.

Иво промолчал, зная, что ответ не нужен. Она забыла о нем, омраченный горем разум все время возвращался к пережитому. Но новость несколько удивила его, раньше она не упоминала об этой трагедии. Должно быть, ее отец умер или потерял рассудок внезапно, и она вспомнила об этом в состоянии сильного стресса, после несчастья с Брадом. Иво отметил про себя, что не следует при ней заводить разговор о родителях.

— Он мне сказал… не могу вспомнить… что-то про Шена.

Внезапно Иво почувствовал, что это касается его. „Он“ — это Брад. Что он сказал ей о Шене? Иво ждал продолжения, но Афра уже уснула. Глаза закрыты, на ресницах слезы.

Девушка Брада…

Иво вышел, ему было больно смотреть на нее. Он тоже горевал о Браде, но разве можно сравнить…

Он направился в изолятор. Шесть тел восседали на стульях. Казалось, они так и не сдвинулись. На станции была ночь.

— Здравствуйте, доктор Джонсон, — бросил Иво проходя. Патриарх проводил его взглядом. — Здравствуйте, доктор Смит, доктор Санг, мистер Холт, доктор Карпентер.

Появился, зевая, санитар.

— Что вам угодно?

Иво продолжал смотреть на мирно спящего Брада Карпентера. Тот спал мирно для стороннего наблюдателя, мертвому мозгу было безразлично, что происходит с телом.

Почему Брад пошел на это» он ведь знал цену? Это был акт самоубийства, он ведь мог отказать сенатору, если бы захотел. Повестка, конечно же, вызвала бы страшный скандал, но это все же меньшее зло. Частичная смерть была вдвойне

ужасна. Рассудок утрачен, а тело осталось — бремя обществу и мука тем, кто знал Брада при жизни.

— А, вы были с ним друзьями на Земле, — сказал санитар, узнав Иво. — Сожалею.

Брад проснулся. Вялые черты лица задрожали, глаза уставились на Иво. Губы слабо сжались. Казалось, рассудок ненадолго вернулся к Браду.

— Ш-ш-ш… — выдавил Брад.

Санитар успокаивающе поглядел на него.

— Все в порядке, мистер Карпентер. Все в порядке. Расслабьтесь. — Затем санитар обратился к Иво: — Не следует их перетруждать. Может, удастся частично восстановить мозг, если будут соответствующие условия. Мы пока ничего толком не знаем, так что не будем рисковать. Вы понимаете? Вам лучше уйти.

Брад напряженно смотрел на Иво.

— Ш-ш-ш…

— Шен, — сказал Иво.

Тело Брада обмякло. Санитар удивленно поднял брови:

— Что вы сказали?

— Это по-немецки, — коротко бросил Иво.

— Он пытался говорить, это удивительно! Прошло всего несколько часов.

— Это много для него значит.

Брад уже спал, его сверхзадача была выполнена.

— Другие-то несколько дней и рта раскрыть не могли, — продолжал санитар. — Вдруг он не так сильно пострадал и сможет выздороветь?

— Может быть. — Иво покидал изолятор, думая о тщете этих надежд.

Вероятно, одна отчаянная попытка, попытка произнести одно слово — все, на что он был способен. Жуткая в своей простоте истина предстала перед Иво: Брад пожертвовал собой, надеясь таким образом призвать Шена. Он был уверен, что только Шен способен нейтрализовать разрушитель и решить проблему макроскопа.

Но все было зря. Как можно допустить Шена к этому колоссальному источнику знания и власти, зная, что аморальное всемогущество Шена будет ничем не лучше тщеславных устремлений сенатора Борланда? Он не мог этого сделать.

Иво встретил Гротона на полпути к главному залу станции.

— Иво, — остановил его Гротон. — Я понимаю, что сейчас не время, но мне хотелось бы от вас кое-что узнать.

— Время сейчас не хуже, чем когда бы то ни

было. — Иво был рад поводу отвлечься от мыслей о катастрофе. Он знал, что Гротон не просто надоедливый инженер, как показал его рассказ об опыте преподавания, у него нетривиальные мысли о важных вещах. Опасно поддаваться первому впечатлению и вести себя предвзято, как произошло во время первой встречи с Гротоном.

— Что вы хотите знать? Мне известно немногое.

— Я работал над вашим гороскопом — до сих пор не мог уснуть, — и, ну, было бы неплохо, если бы вы мне рассказали о кризисах в вашей жизни.

Гротон тоже это почувствовал.

Каждый по-своему реагирует на стресс. Астрология, несомненно, позволяет отвлечься не хуже, чем что-либо другое.

— Об этом кризисе? Пока я не могу объективно судить о нем.

Он что, решил его помучить? Да, но он только что думал о предвзятости. То, что Иво считает астрологию пустым занятием вовсе не означает, что нужно грубить Гротону. У людей бывает странное хобби.

— Я имел в виду вашу прошлую жизнь. Может, что-то произошло в детстве, что изменило всю

дальнейшую жизнь…

— Я думал, звезды вам поведали о всей моей жизни, начиная с самого рождения. — Кажется, получилось не слишком вежливо.

— Не совсем так. Лучше получить информацию из первых рук. Тогда мы сможем более уверенно трактовать диаграммы. Астрология точная наука, и она использует самые настоящие научные методы.

— А также немного философии, — сказал Иво, вспомнив замечание сенатора по этому поводу.

— Разумеется. Так что, если вы…

Они вошли в жилище Гротона. Из кухни доносился запах готовящейся пищи, очевидно, Беатрикс была у плиты. Иво почувствовал необъяснимую ностальгию: на станции никто, если только имел малейшую возможность, не питался в столовой, хотя кормили там вполне сносно.

— У меня не было детства, — сказал Иво.

— Вы говорите о проекте. Вся жизнь под контролем, воспоминания нечеткие. Ну а после того, как вы вышли из проекта?

Иво вспомнил тот момент, когда наступил перелом в его жизни. Тогда-то все и началось, если можно сказать, что у этого вообще было начало. В тот день, когда ему исполнилось двадцать три.

3 февраля 1865 года.

В этот день он обнаружил у себя воспаление легких.

Пойнт Лукаут — кошмарнее места не выдумаешь. Это был настоящий ад, а майор Брейди — дьявол в нем. Двадцать акров голой земли, обнесенной частоколом. Пленниками были белые южане, а большинство охранников — негры. Неграм доставляло удовольствие мучить заключенных и издеваться над ними, но хуже всего были зимние холода. Еды и одежды не хватало, медицинская помощь не оказывалась. Поили протухшей водой. Единственным типом жилища были армейские палатки. Заключенные спали на голой, сырой земле, подстилки или нары считались излишеством, жечь костры в палатках было запрещено. Попытки пожаловаться на условия приводили к ответным жестким мерам и уменьшению и без того скудного рациона.

Кроме него, в палатке спало еще двенадцать несчастных. Сгрудившиеся тела позволяли хоть немного согреться, но также способствовали быстрому распространению болезней.

Дифтерия, дизентерия, тиф, цинга, лишай — от четырнадцати до двадцати человек умирало ежедневно.

Он уже не мог не замечать туберкулезный кашель и истощение тела. Стало ясно, что конец близок.

Неужели только четыре года назад штат Джорджия проголосовал за выход из Союза? Поначалу он не был конфедератом. Голосование проходило в Милледжвилле, в двух милях от города, где он перебивался преподавателем. Эта настроения, словно чума, были чрезвычайно заразны — даже священники стали воинственными патриотами. *На них повеяло дыханием войны.* И через некоторое время он, непонятно почему, был уверен, что может одной рукой сразить, как минимум, пятерых янки, и что любой истинный джорджинец сможет то же самое.

А теперь он медленно умирал в Пойнт Лукауте.

— Какие же мы были идиоты! — прошептал он.

Обман отдельного человека смешон, ведь один ничего не решает, но обман нации — это трагедия.

Его поманили патриотические миражи, и он записался добровольцем. Он, чьим призванием была музыка!

Война сама по себе не была большой тяже-

стью.

Иво вспомнил, как он, оборванный солдат, проходил в каком-то городе под окнами местного филармонического клуба, в котором репетировал оркестр. Он достал свою флейту и заиграл. Оркестр прервал репетицию, все прислушались к его игре, и после этого его чествовали как освободителя города.

Во время отпуска случались концерты с друзьями и, конечно, женщины. Он был все время в кого-нибудь влюблен и не видел ничего зазорного в том, что завоевывал с помощью флейты женские сердца.

Ему удалось пронести флейту в лагерь, и музыка доставляла ему редкие приятные минуты. Флейта была единственной вещью, с которой он не расстался, когда «Люси» в Гольфстриме захватили янки. Они тогда пытались прорвать блокаду. Он, сигнальный офицер, отказался назваться англичанином, предпочитая плен позорному бегству.

Теперь это решение его погубит, так же, как погубят нацию союзные армии.

До сего дня у него еще теплилась надежда.

Где же, Господи, твоя справедливость?!

Гарольд Гротон ждал ответа. Что он мог ему

сказать?

— Это трудно определить. Я чуть было не умер, когда мне было двадцать три. Это то, что вы хотели?

— Это было для вас сильным потрясением. Некоторые люди, находясь на волосок от смерти, едва, замечают это, а других глубоко задевает безобидное замечание в их адрес. Дело не столько в самом событии, сколько в отношении индивидуума к нему.

— Для меня это многое значит. Я заболел и… был в тюрьме. Друзья собрали деньги для залога. Я возвращался на корабле домой.

— Вы были не в Америке?

— Не совсем. Мой корабль на три дня был затерт во льдах на пути в Сити Порт, Вирджиния.

Гротон воздержался от замечаний. Стоило ли пытаться ему объяснить, что же произошло? Для того, чтобы он получил точные данные для своей псевдонауки?

Иво был сражен горем, и ему было все равно.

Три дня во льдах, начало марта, 1865 год.

Он и другие репатриированные пленные сгрудились в трюме, содрогаясь от холода.

Иво умирал.

Один из заключенных пробовал наигрывать

на флейте. Маленькая девочка, дочь пассажира с верхней палубы, услышала и была зачарована мелодией.

— Если ты думаешь, что я играю хорошо, то тебе следует послушать этого парня, — сказал тот человек. — Жаль, он вряд ли долго протянет на таком холоде.

Девочка рассказала обо всем матери. Та ответила:

— Я знаю только одного человека, который по-настоящему умеет играть на флейте. Один мой старый друг, но здесь оказаться он не мог никак.

Но она все-таки спустилась в трюм, надеясь на невозможное, и нашла его там — завернутого в грязное одеяло, с обезумевшим взглядом, сотрясаемым конвульсиями. Женщина узнала своего друга.

В трюм набилось столько народу, что его пришлось передавать по рукам. Она плеснула ему в рот виски, но он даже не смог его проглотить.

Вместе с девочкой они согрели его и оказали первую помощь.

К полуночи он немного пришел в себя. Женщина протянула ему флейту — лучшее лекарство, — и он принялся тихонько наигрывать.

Бывшие заключенные шумно радовались,

услышав его игру. Он выживет!

— Это проявление милосердия и было отправной точкой, — сказал Иво, — иначе бы я умер.

Гротон покачал головой.

— Странную историю вы мне рассказали. Но, как я уже говорил, ее ценность в том, насколько она важна для вас, детали роли не играют. Я воспользуюсь ею в своих изысканиях.

Иво почувствовал неловкость и отказался завтракать с Гротоном. Он был сильно голоден и направился в главный зал станции.

Было довольно рано по станционному времени. Позавтракав, он вновь ощутил беспокойство. Спит ли еще Афра в комнате Брада? Не зайти ли туда?

Он остановился напротив уборной — и ему внезапно бросилось в глаза, что двери всех туалетов направлены в одну сторону. Конструкция была такова, что сидящий в туалете смотрел в направлении «вперед» относительно ориентации тора.

— Когда тебе придется присесть, знай, что твоя задница смотрит на корму, — произнес он вслух, наконец-то до конца поняв каламбур Брада — тот прошелся насчет станционных терминов.

Иво моргнул, на глаза навернулись слезы.

Брадли Карпентер, доктор наук в области кос-

мических технологий в двадцать два года, в двадцать пять лет, собрав уцелевший рассудок, смог прошептать лишь одну букву из немецкого слова. Брад! Гордость безымянного проекта, который местные остряки прозвали «Эксперимент Пекера»[22].

Эксперимент поставили люди, вдохновленные примером хорошо известного проекта, оборвавшегося на двадцать лет раньше — Пэкхемского Эксперимента.

Но если бы благодушные доктора из Пэкхема узнали, какое зловещее продолжение получат некоторые их исследования, они надолго бы утратили сон. Насколько знал Иво, некая группа британских медиков в тридцатых годах задалась целью выяснить природу здоровья.

Им казалось, что внимание традиционной медицины к болезням является ошибочным подходом, гораздо разумнее было бы принять меры по сохранению здоровья и, тем самым, исключить длительный и лишь частично эффективный процесс лечения.

Основой должно было стать регулярное полное медицинское обследование каждого, причем

---

[22] Примечания: 22
Pecker — зд. обжора (англ.).

предметом особого внимания было состояние здоровья семьи, а не отдельного индивидуума. Но насколько применим этот подход к каждой семье?

Центр проекта, размещавшийся в Пэкхеме с 1935 года, вскоре представил первые доказательства жизнеспособности теории. В эксперименте участвовали многие местные семьи на протяжении нескольких лет, наслаждаясь, как никогда, здоровым телом. Но что удивительно, исследования показали, что девяносто процентов участников, — предполагалось, что это среднестатистический срез, — были не совсем здоровы изначально. Таким образом, получалось, что «нормальный» человек болен.

А что, если бы девяносто процентов были бы здоровы? Пэкхемский эксперимент открывал потрясающие перспективы. Вторая мировая война, кровоточащая рана больного общества, положила всему конец. Послевоенная реорганизация не удалась из-за недостатка средств, и смелый эксперимент был закрыт.

Но не забыт. Результаты эксперимента активно изучались в последующие годы, и было выдвинуто заманчивое предложение. Если средний человек болен, а «нормальный» фактически

анормален, то заложенные физические ресурсы никогда не реализуются полностью, — что же тогда говорить об умственных? Могут ли должное воспитание и забота превратить среднего человека в выдающегося, а выдающегося в гения?

Какие плоды принесет искусственное воспроизводство гениев? Сколько заплатит промышленность за специалистов с гарантированным интеллектуальным коэффициентом? Что от этого выиграет нация? Существует ли предел?

Заинтересованные частные лица решили рискнуть. Появились средства, были начаты предварительные исследования. Предстояло выяснить, какие условия необходимы для развития высокого интеллекта. Каков наилучший исходный материал. Как на ферме, где прежде всего интересуются мясом, а не самочувствием коров, так и здесь — коэффициент, а не приличия и условности были во главе угла.

Исследования, проведенные после Пэкхемского эксперимента, выявили интересные и неожиданные факты.

Наследственность, конечно, играет роль, но не меньшую — окружение, причем в весьма неочевидной форме, что явилось откровением. Здоровье существенно также, как и образование.

Теория и практика школьного образования давно уже созрели для революции.

Вывод: На успеваемость учащегося влияет то, чего ждет от него преподаватель. И хваленая американская «самодостаточность» выливалась в более низкие оценки негритянских и индейских школьников, и более высокие, у белых, из хороших семей — *несмотря на объективность тестов*.

Вывод: Отсутствует корреляция между школьной успеваемостью и успехами в дальнейшей жизни. Дополнительные годы образования и дипломы теряют смысл, если обществом не поощряется «самодостаточность» его членов.

Вывод: Существующий традиционный восьмилетний план начальной школы может быть без труда освоен двенадцатилетним ребенком за четыре месяца — причем большая часть постигается самостоятельно, без формального руководства.

Вывод: Истинно творческий ребенок обычно скептичен, независим, самоуверен — настоящий баламут. Он, согласно традиционным определениям, не является хорошим учеником.

Вывод: У животных — любых видов, — выросших в темноте, атрофируются палочки и

колбочки сетчатки — они пожизненно слепы. У животных — любых видов, — выросших в стесненных условиях и однообразной обстановке, никогда не развиваются «нормальные» ментальные и эмоциональные способности — они пожизненно дебилы. Болезни, плохое питание, отсутствие эмоциональной и культурной мотивации способствуют появлению *неполноценных личностей.*

Вывод: Теоретически возможно поднять коэффициент среднего ребенка на тридцать пунктов и более — только создавая соответствующие условия и не стесняя здоровую инициативу. Поощряемый таким образом ребенок реализует большую часть своих природных способностей — *возможность, которой лишены его сверстники.*

Таковыми были предпосылки проекта. Деньги текли рекой, по всему миру отбиралось сырье для производства гениев и затем щедро выкармливалось, чтобы получить здоровый и физически крепкий объект исследования. Собственно, технология получения исходного материала и послужила поводом для ироничного названия проекта[23].

---

[23] Примечания: 23
Pecker — также обжора (англ.).

Неглупые мужчины различных рас должны были сочетаться не с супругой, а с женщиной в пике физической формы, причем обеим сторонам альянса щедро платили за службу. Обязанность на два года, причем болезни и бесплодие не приветствовались.

Дети никогда не знали своих биологических родителей. Их отлучали от семей в раннем возрасте и отправляли на строго охраняемые базы проекта, где им предстояло жить в наиболее здоровой и творческой обстановке, когда-либо созданной человеком.

Обычные семьи были заменены кое-чем получше: коллективной семьей. Персонал базы, как мужской, так и женский, был проинструктирован ни в чем не ограничивать ребенка, кроме одного — выхода из проекта, и никогда не вмешиваться в детские дела.

А результат, полученный через годы, разочаровал. После феноменально раннего развития типичный ребенок из группы имел довольно живой, но не исключительный ум, и был, не в пример ожидаемому, посредственно одарен талантами. Распределение интеллектуального коэффициента по участникам имело форму гауссиана с максимальным значением 125 — ре-

зультат, который можно предсказать, опираясь только на наследственность, и не принимая во внимание самые лучшие внешние условия. Во время тестирования удалось выявить только одного гения, много было одаренных детей и где-то столько же — посредственных, ИК — 100, и даже ниже.

Официально проект объявили провалившимся. Очевидно, что-то просмотрели. Конвейер для сборки гениев создать не удалось. Денежный поток иссяк. По прошествии четырнадцати лет персонал должен был быть расформирован, а питомцы распущены.

Но официальные лица не знали о Шене.

В общей комнате собралась группа серьезных и неразговорчивых людей. Они безучастно посмотрели на вошедшего Иво.

— Извините, частная встреча, — сказал один из них.

— Простите, — ответил Иво, и быстро удалился через дверь, не желая мешать.

Ночная смена еще не закончилась, почему же они, как заговорщики, собрались в это время? Что они там такого секретного делают? Впрочем, это его не касается.

По коридору навстречу шел плотно закусив-

ший Гротон.

— Тут какая-то встреча, — предупредил его Иво. — Эксклюзивная. В общей комнате. Меня уже выперли, оттуда.

— Я знаю. Я только… — Гротон остановился и схватил Иво за руку.

— Боже мой. До меня только дошло — вы видели разрушитель и остались живы.

— Наверное, я ниже критического уровня.

— Афра говорит, что вы знаете что-то важное, способное распутать это.

— Афра слишком много болтает.

Иво вырвал руку, ему надоел пустой разговор.

— Этот фокус с игрой — интуитивные вычисления — это Брад серьезно говорил? Вы способны всегда выигрывать?

— Да, если количество точек известно, и у меня есть право выбора хода.

На что он намекает? Сенатор мертв, на счету разрушителя еще шесть жертв, назревает скандал. А в Это время Гротон, который еще вчера казался мыслящим человеком, рассуждает то об астрологии, то об этой идиотской игре.

— Идемте, я вам уступаю место.

— О чем вы говорите?

— Нет времени объяснять. Мы и так опазды-

ваем.

Иво пожал плечами и двинулся за ним.

Их встретили спокойные взгляды собравшихся. Теперь Иво заметил среди них несколько женщин.

— Это Иво, — сказал Гротон, — он был другом доктора Карпентера, так что он имеет некоторые привилегии, и я уступаю ему место в турнире.

В турнире?

Кое-кто пожал плечами. Собравшиеся, по-видимому, были не в восторге, но Гротон, вероятно, имел право.

— Я не могу вам сейчас всего сказать, — обратился Гротон к Иво, — и не хочу советовать, но играйте серьезно. Удачи, — и вышел.

Иво осмотрелся. В комнате находились восемь мужчин и две женщины разных национальностей. Он узнал здорового русского, который дерзко улыбался сенатору Борланду, и Фреда Бланка, вездесущего техника. Это вряд ли были астрономические чтения, хотя присутствовали все крупные ученые станции.

Три стола были составлены в ряд. На них лежали кучки разноцветных карандашей. Участники распределились вокруг стола, по пять человек с каждой стороны, сидя друг против друга по

парам. Для Иво стула не нашлось.

Он нелепо стоял посреди комнаты, пока один из мужчин, встав из-за стола, не провел его к одиноко стоявшему у стены столу. Это был русский, который, очевидно, тоже узнал его. Он указал Иво на стул. Значение короткой фразы на русском ясно и без перевода. Иво сел лицом к стене и постарался не шуметь. Русский кивнул и вернулся к главному столу. Послышался какой-то шум, после чего воцарилась тишина. Иво принялся изучать стену и с удивлением обнаружил, что она испещрена надписями на различных языках.

Фантазия рисовала ему различные картины.

Что это? Руководство научного проекта, потерпев поражение на научном фронте, обратилось к магии? Кабалистические знаки, заклинания… только агнца на заклание не хватает. Нужно ублажить космического бога. Сначала таинственные обряды, колдовские песнопения, точится ритуальный нож…

Прошло несколько минут. Началось движение, загремели стулья. У Иво по спине пробежали мурашки.

Ритуальный нож…

Кто-то приближался к его столу.

…поднимается мускулистая рука жреца…

Рука коснулась его плеча. Иво встал, и его место занял незнакомец.

Один из стульев оказался свободным — Иво прошел к нему и сел. Напротив него сидела старшая из двух женщин, на столе лежали красные и синие карандаши. И все.

Дальше за столом сидели четыре пары. В таинственной тишине участники начали что-то рисовать.

Женщина напротив него тоже взяла карандаш и старательно поставила на листе восемь точек, которые составили грубый контур фигуры в форме сердца.

Иво недоумевающе уставился на стол, не зная, чего же от него ждут. Затем, оглянувшись на соседей, понял. Они играли я спраут! Как обычно, с характерной для него проницательностью, он не заметил очевидного. Ведь Гротон даже упоминал об игре, когда они входили в комнату.

Он потянулся было за другим карандашом, но женщина накрыла его своей ладонью, не давая взять. Видимо, она уже выбрала цвет и число точек, и протянула ему синий карандаш.

Значит, ее ход первый. И он должен сыграть восьмиточечную партию в спраут с этой дамой, по-видимому, из Латинской Америки. Станет яс-

но, когда заговорит, а уж выиграет он у нее точно. Гротон об этом просил.

Иво сосредоточился, пытаясь нащупать комбинацию, но дело еще было неясным. Слишком много разветвлений у позиции, слишком многое зависит от стратегии противника. Он решил особо не мудрить, пока не увидит выигрышный путь. Существовала некая вероятность, что он увидит его раньше, чем она. Иво соединил полюса фигуры, рассекая сердце пополам, и поставил точку в центре.

Она взяла карандаш и провела изогнутую линию от вершины, закрыв две верхние точки. Новая точка появилась в месте изгиба. Фигура теперь напоминала бабочку. Что это, проявление артистизма? А впрочем, какая разница. Иво решил, что никакой, и продолжил асимметричным ходом. Женщина продолжила без возражений. Иво знал, что так и должно быть. В этой игре не присуждают очки за артистизм. Вскоре он увидел комбинацию и без труда разыграл ее.

Остальные тоже не заставили себя ждать, опять послышался грохот стульев, шелест сминаемой бумаги, и игроки передвинулись еще на одну позицию по часовой стрелке. Проигравшая отошла к стулу у стены и села, а тот, кто находился там

во время игры, сел на место Иво. Теперь стало понятно — пять против пяти, одиннадцатый лишний, ротация идет до тех пор, пока каждый не сыграет со всеми.

Это и вправду был турнир.

Следующим был почтенный джентльмен из Ново-Конго. Иво определил его, как представителя народа банту с сильной альфинской примесью, — кожа светло-коричневая, тело коренастое, но нет характерного для кавказских народов густого волосяного покрова. Бурная история Ново-Конго отпечаталась на его генетической структуре, и Иво почувствовал к нему симпатию. Он сам был искусственным конгломератом монголоида, негроида и кавказоида, как впрочем и все остальные участники проекта, и был уверен, что чистокровным представителям рас чего-то недостает. Но он получил свой хромосомный набор задаром и рос в тепле и добре. А этот человек мог быть зачат только случайно, в условиях активного неприятия смешанных браков, и, скорее всего, был плодом насилия. Но, фигурально выражаясь, он проторил себе дорогу на самый верхний виток технического прогресса, и это кое о чем говорило.

Ново-Конговец взял синий карандаш и поста-

вил на листе девять точек — Иво показалось, что он попытался изобразить карту своей родины. Сознательно, подсознательно, или просто показалось?

Все равно. Иво начал играть, заметив, что игроки на противоположной стороне стола выбирают цвет и количество точек, а на его стороне — имеют право первого хода и иногда отказываются от него. Как в футболе — одна команда выбирает половину поля, а другая начинает. Он сможет выбрать конфигурацию игры, когда перейдет на другую сторону.

Игр с количеством точек меньше шести не играли, видимо, все прекрасно понимали значение первого хода в менее сложных конфигурациях. Если точек больше шести, то умение действительно играет решающую роль, так как невозможно сразу предугадать и осуществить выигрышную комбинацию.

Он опять неожиданно легко выиграл. Этим людям, несомненно способным в других областях деятельности и поднаторевшим в спрауте, решительно не хватало его врожденной логической способности. Они могут обыграть его во что угодно, но только не в спраут. Биллиардные турниры, теннис… — но это был спраут, игра полу матема-

тическая. Он видел выигрышные ходы намного дальше их, и, фактически, побеждал, когда они об этом еще не подозревали. Главным испытанием erg способностей была победа, а не сама игра. Гротон знал о его таланте и, таким образом, получил нечестное преимущество перед остальными. Почему Гротон решил его выставить на турнир? Что за приз здесь разыгрывался, — или, — что за приз он должен выиграть? Может, ему лучше специально проиграть?

Нет. Проигрывать было не в его правилах, какой бы ни была причина. Он может отказаться от приза, но сдаться без борьбы — никогда.

Третьим противником был русский. Он выбрал красный карандаш и нарисовал семь точек.

Иво напрягся, но быстрой победы пока не было видно. Семь — это уже за пределами интуитивных размышлений. Но первый ход казался ошибочным выбором, и он отверг протянутый карандаш, словно официант мизерные чаевые.

Русский кивнул и взял на себя бремя первого хода. Вскоре Иво почувствовал себя уверенно и заиграл в привычной выигрышной манере. Русский остановился после решающего хода Иво, нахмурил густые брови и, не продолжая игру, спросил: — Мизер? — это было первое слово, ска-

занное за всю игру.

Иво пожал плечами, недоумевая, почему русский не играет дальше. Неужели сдался?

Русский тронул за плечо стоявшую рядом женщину. Она была моложе его, не старше тридцати пяти, очевидно, еще не утратившая женскую гордость особа. Женщина была классическим монголоидом: приземистая, с плоским лицом, миндалевидными глазами и крохотными руками. Вероятно, происходила из Северного Китая и была типичным представителем своей расы, так же, как Афра своей. К этой женщине он был так же близок, как и к Афре — в нем была одна треть крови ее народа.

Русский что-то спросил у женщины, когда она к нему обернулась. Затем повторил: — Мизер.

— Он вас спрашивает, понимаете ли вы, что такое мизер? — тихо спросила она Иво. — Красный карандаш — проигрывает тот, кто делает последний ход.

Проиграть, чтобы выиграть! Вот что значил этот цвет. Красный, игра на дефицит. И он опять, — опять! — упустил очевидное, сосредоточившись на деталях. Он уже сотворил победу — для русского, если тот, конечно же, не ошибется. Но, судя по всему, это маловероятно. Он

совершил ошибку, не ознакомившись поначалу с полными правилами. Необходимо было спросить о значении цвета карандаша. Это была грубая ошибка, хуже, чем неверный ход.

— Я понял, — сказал он.

Все кончено. Они завершили партию, и он проиграл.

Следующим был Фред Бланк, он также взял красный карандаш. Иво выиграл у него.

Официально счет не велся. По-видимому, это было личным делом каждого. Пройдя полный круг, Иво имел девять побед и одно поражение.

Игроки стали расходиться, представление закончилось. Никто не поздравлял и не вручал призы. Он не мог поверить, что все уже завершилось, и надеялся выяснить все, расспросив Гротона.

Он направился к двери, соображая, спит ли еще Афра. Вся эта «ночь» представлялась каким-то жутким сюрреалистическим фильмом. Все было не так, как он ожидал, хотя, по-видимому, он просто уже ничего не ожидал.

Опять чья-то рука легла на его плечо. Он обернулся, это была китаянка, которая переводила ему.

— Вы, — вы проиграли только раз, — сказала

она.

Иво кивнул.

— Доктор Ковонов тоже, — она указала на русского, все еще одиноко сидящего за столом. Все остальные разошлись.

— Финал? А на что играем?

Она удалилась не ответив, и ему ничего не оставалось, как присоединиться к доктору Ковонову. Он вспомнил — это тот самый серый кардинал, о котором так много говорят. Тот самый важный русский, равный по интеллекту Браду.

Была ли какая-то зловещая связь между этим турниром и вчерашним срочным разговором Ковонова с Брадом? Неужели они сошлись на том, что Брад должен будет войти в разрушитель с сенатором Борландом? Знал ли Ковонов о секрете Иво, о том, какую власть он имеет над Шеном? В последнем он сомневался, просто невероятно, чтобы Брад кому-либо об этом проболтался. Разве что Афре… — нет, ни за что. Все же, казалось, этот человек многое знает о причинах, повлекших поступки Брада. И он не говорил по-английски!

Ковонов взял красный карандаш и нарисовал семь точек, как и в прошлой игре. Иво улыбнулся — хитрый доктор надеялся победить и этот раз.

Но Иво, уже ознакомившийся с правилами,

играл безукоризненно и выиграл мизер.

Лицо русского даже не дрогнуло. Иво стер рисунок, взял синий карандаш и вопросительно взглянул на Ковонова. Тот кивнул. Иво поставил на листе четырнадцать точек.

Ковонов усмехнулся и принял вызов. Пошла игра. Стратегия была предательски сложна, и Ковонов долго думал над каждым ходом. Интуиция Иво отчаянно металась в поисках комбинации, но тщетно. Он понял, что значит опыт в этой игре. Переступив порог, где инстинкты бессильны, Иво оказался плохим игроком. Если Ковонов найдет комбинацию раньше него, то талант окажется бесполезен, он только поможет сохранить лицо и вовремя сдаться. Ситуация была столь запутана, что он мог проиграть, даже разработав выигрышный план, а русский, придерживаясь удачной стратегии, мог выиграть и не прибегая к тщательному анализу.

Прошло двадцать минут. На высоком челе русского появилась испарина, волосы взъерошились. Иво тоже занервничал, он уже не представлял, на каком этапе игра, и хочет ли он вообще выиграть партию. Играли на что-то важное, на то, что Ковонову могло вполне принадлежать по праву. Хотя призом могло оказаться и вовсе

что-то неосязаемое.

Почему он должен беспокоиться о победе или поражении? Гротон хотел, чтобы он победил, но Гротон вряд ли знал правду. Неужели нет ничего более важного, чем этот дурацкий чемпионат, к которому Гротон отнесся серьезней, чем к чему бы то ни было? К чему этот турнир, если его ближайший друг уже относится к флоре? Имя Иво будет красоваться первым в списке игроков в спраут — стоит ли это усилий?

Наконец ситуация прояснилась. Иво увидел выигрышную комбинацию. Через три хода русский нехотя признал поражение, и все закончилось. Ковонов встал и прошел к статуэтке, возвышающейся в центре комнаты. Осторожно поднял сверкающий экскаватор, видать, изрядно тяжелый для своих габаритов, и поставил его на стол.

Это и есть приз?

— Что это означает? — спросил Иво, указав на аббревиатуру SPDS на пьедестале, просто чтобы хоть что-то сказать. Он уж и не ждал ответа после всего произошедшего, но русский сказал, с сильным акцентом, недобро улыбаясь:

— Супер Дупер Пупер Скупер[24].

---

[24] Примечания: 24
Scooper — экскаватор (англ.).

Затем он тоже покинул Иво, а тот все глядел на еще один пример неземного юмора Брада.

Покрытый платиной паровой экскаватор, с полумесяцем на двери и всем миром в пасти. Дружеский шарж на станцию, обладавшую самым чувствительным носом всех времен.

Так что, видимо, они устроили турнир в память о Браде, и победитель получил талисман. Его ценность была, несомненно, очень высока, — и в прямом, и в переносном смысле, — но нужен ли он Иво?

Иво неловко пристроил приз под мышкой и потащил его в свою комнату. Он посчитал, что будет неправильно понят, если вернет приз на место.

Как только он вошел, Афра проснулась и встревоженно спросила его:

— Что вы с этим делаете?

Она была еще в ночной рубашке и забыла одеть тапочки — зрелище довольно необычное, принимая во внимание ее щепетильность в одежде, но ее красота прорывалась через все преграды.

— По-моему, я это выиграл.

— Это вы так *думаете,* — на ее ногах был розовый педикюр.

— Я участвовал в соревновании, а это был приз. Мне что, поставить его назад?

— Помолчите и дайте подумать.

Она нашла тапочки, отряхнула ноги и одела их. Затем начала расхаживать в задумчивости по комнате, причем, по-мужски, делая широкие шаги и резко поворачиваясь. При движении, однако, проступали немужские подробности ее тела. Иво глядел на нее, все еще прижимая к груди SPDS. Он понял, что Афра ему нравится в гневе не меньше. Она сорвала платок, и ее волосы развевались при поворотах. Стопроцентный кавказец, северо-западный европеец, никаких примесей… движения ее тела завораживали — мощная поступь, сильные взмахи рук, ритмичные сокращения диафрагмы. Определенно, она хотела видеть в нем не полиглота — замухрышку. Рожденная в Джорджии…

Внезапно она остановилась — волосы, груди, тапочки, — все замерло.

— Хорошо. Хотя, конечно, ничего хорошего. Нужно воспользоваться случаем. Бегите к Гарольду, я уверена, это он вас сюда впутал, и тащите его сюда срочно. Нет, это оставьте здесь. Ступайте.

Иво поставил статуэтку и поспешно вышел. Ему следовало сначала посоветоваться с Гротоном, зачем он тащился сюда с этим SPDS?

Кого он пытался обмануть, он прекрасно знал,

что привело его сюда.

— Вам удалось! — воскликнул Гротон, когда Иво рассказал ему о ходе турнира. — Вы выиграли Скупер!

— Так оно и было. Но Афра вне себя. Она хочет вас видеть, говорит, срочно.

— Хорошо. Умная девочка. Ну все, теперь у нас до черта работы.

Иво раньше не слышал от Гротона подобных выражений и восклицаний, это был еще один признак того, что ситуация серьезная.

— *На них повеяло дыханием войны,* — коротко процитировал Иво. История, как обычно, повторялась. Смерть сенатора обрекла макроскоп и все планы исследований в интересах человечества.

Гротон громко окликнул:

— Беатрикс!

— Да, дорогой, — немедленно послышался ответ.

— Надевай скафандр и жди нас возле шлюза — нам нужно будет перевезти кое-какое барахло.

Не дождавшись ее согласия, он потащил Иво в коридор.

— Боже, как я рад, что вам это удалось, — сказал он. — Они уже до нас добрались, это был единственный выход.

— Но я ничего не знаю. О чем вы говорите?

— Нет времени, — бросил Гротон.

Иво опять пожал плечами и последовал за ним. Афра уже была в скафандре, за спиной болтался прозрачный шлем.

— Переодевайтесь, Иво, — скомандовала она. — Гарольд, помоги лучше ему, он тяжел на подъем.

— *Я* еще раз спрашиваю: что происходит? — воскликнул Иво, в то время как Гротон запихивал его в скафандр. — Зачем вы выставили меня на этот турнир, и почему Афра расстроилась, когда я выиграл?

Похоже, вся станция сошла с ума.

Дыхание войны…

— Это все из-за смерти сенатора, — сказал Гротон. Будто эти слова все проясняли. — Борланд важная фигура в политике, и нас обвинят в его убийстве. Этот хлыщ побежал к телетайпу прежде, чем все опомнились и завизжал, что совершено убийство — буквально так. Теперь нам конец.

— Разумеется, будет следствие, Но сенатор сам захотел посмотреть разрушитель и был предупрежден. Это должно стать хорошим алиби.

Гротон остановился на мгновение.

— Но вы же тут недавно! Вы не знакомы с си-

туацией?

— Знаю только, что макроскоп находится под покровительством ООН, как и все космические проекты. Брад мне говорил о положении по использованию рабочего времени и финансированию.

На самом деле он не мог понять, почему существование разрушителя вызовет закрытие проекта, особенно после этого происшествия. Но он хотел услышать объяснения Гротона, так как это могло прояснить связь происходящего с турниром и SPDS.

Гротон закончил одевание Иво и начал сам натягивать скафандр. Урывками, в промежутках между движениями, он изложил Иво политическую обстановку, как ее видел человек, который сам не беседовал с сенатором. Эта альтернативная точка зрения показалась Иво любопытной.

Сенатор Борланд, как рассказывал Гротон, не был обычным человеком. У него были солидные связи, даже не столько в Америке, сколько в ООН. За ним стояли влиятельные фигуры и большие деньги. Его похвальба о том, что он знает правительства сотрудников станции лучше, чем они сами (это замечание облетело весь персонал), не была вовсе пустой: он был опытным

политическим игроком международного уровня. Правительства и дворы во всем мире знали, что Борланд сможет сделать то-то и то-то, если взамен получит то-то и то-то. Например, Китай хотел иметь влияние на политику США по отношению к фермерам, чтобы изменить баланс в торговле зерном; Россия проявляла интерес к комитету по стандартам в автомотоэкспорте, так как этот комитет устанавливал стандарты не только для автомобилей, но и для других изделий — от прецизионных подшипников до теодолитов; Южная Африка пыталась установить неформальные отношения с корпорацией Бла Поу Инк.

Борланд был всем для всех — и у него это хорошо получалось.

Посредник способен на многое, если он нетривиален. Борланд доказал, что способен делать дело, занимаясь при этом политикой. Он знал многих и обладал обаянием, — после каждой частной встречи у него появлялись новые сторонники.

Припомнив диалог Борланд — Карпентер, Иво согласился с этим. Он сам был таким неофитом.

По мнению Гротона, смерть такого человека всегда, при любых обстоятельствах, означает крупные неприятности. Слишком уж многие

проекты висели в воздухе, и кончина жонглера неизбежно приведет к их падению. Обещания больше никому не нужны, а самими проектами заниматься уже некому.

Макроскоп был главной заботой ООН. Здесь, как нигде, сфокусировались интересы многих стран. Борланд знал о могуществе макроскопа и хотел воспользоваться им. Это должно было здорово помочь ему в делах и принести пользу всему миру. По-видимому, он пошел на это из чистого альтруизма (для Иво это было неожиданностью). По-видимому, он не смог сопоставить свои амбиции с возможностями, но кому, как не ему, было знать положение Земли и как ей необходима помощь.

Может, Борланд был как раз тот человек, который способен повернуть Землю с пути планеты Санга, тот, кто смог бы найти практическое применение неземным знаниям. Хотя, кто сейчас может говорить что-то определенное.

Борланд погиб, и при отягчающих обстоятельствах. Он не оставил никаких свидетельств, ведь он не верил до самого конца, что разрушитель погубит его. Он думал, что это блеф — и проиграл. А в ООН будут подозревать, что персонал станции убил его, вероятно умышленно, подставив его

под эти лучи смерти из космоса.

Неприятности? Когда разразится скандал, будет большая необходимость в международном козле отпущения. Очевидная причина кризиса: макроскоп.

Оба уже были в скафандрах, а Иво все не понимал, к чему такая спешка.

Афра возилась на складе, легко двигая ящики в условиях частичной гравитации. Иво заметил коробки с лекарствами, специями, крупами, бинтами и сыром, контейнеры с кислородом и сжиженным питанием.

— Какая у вас группа крови? — спросила она Иво.

— 01 — положительная. — Ему оставалось только отвечать на вопросы.

Афра выбрала канистру и бросила ее возле входа. На канистре было написано: «Конденсат крови. 01 — положительная». Были еще какие-то технические подробности, но он отвел взгляд, чувствуя легкое головокружение. Наверное, был еще миллиард факторов, которые нужно учитывать, чтобы переливание крови было безопасным. Почему она думает, что это ему понадобится?

За столом сидел начальник склада, его голова

упала на грудь, будто он спал.

— Наверное, надо будет все ему показать, — неуверенно спросил Иво.

— Я дала ему снотворное, — ответила Афра. — Или вы пошутили?

Иво не знал, что на это сказать и поэтому промолчал. Слишком много таинственного происходит вокруг.

Афра повернулась к Гротону.

— Я все свяжу и повезу на подъемнике. А вы собирайте ваше личное барахло, Желательно, чтобы все влезло в одну коробку.

— Что вам необходимо? — спросил Гротона Иво.

Так много вопросов без ответа, а его все дергают…

— Если вы имеете в виду, что я должен взять, если покину станцию, то я отвечу — ничего. Флейта со мной.

— Я и забыла, вы уже в скафандре, — сказала Афра. — Я соберу для вас кое-какую одежду — так будет быстрей. — Она повернулась к Гротону. — А вы давайте на Джозеф.

Иво вздрогнул:

— Джозеф? Это та самая супер-ракета?

— Точно, — ответил Гротон. — Пошли.

Они двинулись к гигантской ракете точно так же, как когда-то он и Брад добирались к макроскопу, только на этот раз им пришлось изменить курс. Струя газа из цилиндра с перекисью водорода служила им двигателем.

Джозеф казался большим, чем на самом деле, так как рядом не было предметов для сравнения. Иво удачно приземлился на ноги, памятуя о своем опыте, и магниты в подошвах ботинок прижали его к корпусу, так что можно было ходить. Они подошли к люку шлюза и постучали.

Места внутри оказалось намного больше, чем в шаттле. Джозеф был перестроен и модернизирован, конструкция была невиданной доселе. По всей видимости, ядерное оборудование занимало меньше места, чем химическое топливо и двигатели, появилась возможность использовать один из топливных баков монстра под жилье. Создавалось ощущение, что находишься в футуристической субмарине. В некотором роде это и была футуристическая субмарина.

— Коррекция курса, — сказал Гротон дежурному. — Вы можете прицепить скоп к этому малышу?

— Разумеется, дня за два, — охотно ответил тот.

— Дело срочное. Два часа.

— Я могу подвести его туда. Но укрепить скоп на ракете — это требует времени. Нужна бригада человек в двадцать, причем квалифицированных.

Гротон закатил глаза:

— Черт! Хорошо, подведите ракету, а я сделаю все, что смогу. Иво, давайте назад, на станцию, и расскажите все Афре, а я поговорю пока с Ковоновым. Будет нелегко.

Дежурный поднял руку:

— Я, конечно, понятия не имею, о чем вы говорите, но не лучше ли будет, если *вы* поговорите с мисс Саммерфилд?

— Нет. Иво не знает, — он запнулся. — Черт возьми. Конечно. Так и должно быть. Иво, идите к Ковонову и скажите, что нам нужно. Не теряйте времени.

Терпение Иво лопнуло.

— Что, конкретно, вы замышляете? Зачем нужно цеплять макроскоп к Джозефу?

— Я же сказал, для коррекции курса.

— А чем плох нынешний курс? Макроскоп прикреплен к станции, в конце концов.

— Мы считаем, что он скоро упадет на Солнце.

— Это же смешно! Он на орбите! И станция…

Дежурный улыбнулся:

— Она тоже может упасть. Все равно ООН все взорвет.

— Теперь понятно, зачем нужна бригада? Объясните это Ковонову.

Иво понял, что более внятного объяснения ему не добиться. Он сердито защелкнул шлем и вышел в тамбур шлюза.

Жилищем Ковонова была комната на уровне с высокой гравитацией, — Иво нашел, что это хороший способ отваживать надоедливых визитеров; любой кто находится здесь слишком долго, быстро утомлялся. Недолгое увеличение веса легко переносимо, но длительная доза должна быть малоприятна. Интересно, как переносит этот сам хозяин?

Ковонов поднял глаза от книжки, напечатанной незнакомым шрифтом, Иво решил, что она на русском.

Ковонов ничего не сказал. Языковый барьер!

— Гротон говорит, что нам нужна бригада из двадцати человек, иначе макроскоп упадет на Солнце, — изложил просьбу Иво, отметив про себя, что русский не понял ни слова.

Ковонов серьезно выслушал его, затем нажал два тумблера. Иво услышал собственную речь — это была запись. Другой голос протараторил

нечто невразумительное — перевод.

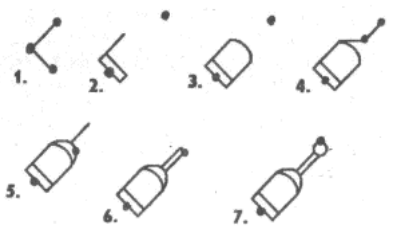
Ковонов кивнул.

— Вы мне можете объяснить, в чем дело? Я не понимаю…

Ковонов жестом заставил его замолчать. Он выключил аппарат, даже не выслушав перевод и достал маленькую доску и два цветных мелка. Затем поставил на доске три синие точки.

Что за спраут-мания? Создавалось впечатление, что для ученых на станции игра значила больше, чем жизнь. Неужели Ковонов решил уйти от вопроса и заодно взять реванш?

Но на этот раз на турнир было не похоже. Ковонов соединил точки сам, не предлагая мелок Иво. Он проиграл не очень сложную трехточечную партию. Всего было семь ходов:

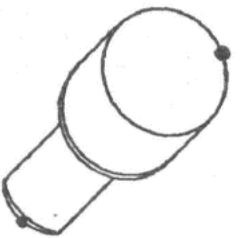


В результате получилось нечто вроде лопаты.

— Но игра не закончена, — сказал Иво. — Есть

еще две свободные точки на концах.

Ковонов перевернул доску, не вытирая рисунок, и поставил три точки, но уже ближе друг к другу и красным мелком. И на этот раз игра тоже была остановлена за один ход до конца, и рисунок напоминал телескоп.



Он протянул доску Иво. Очевидно, рисунки были важнее, чем сама игра, породившая их. На одной стороне лопата, на другой — телескоп. Интуиция подсказала Иво, что они топологически идентичны, один образ можно деформировать в другой, не стирая и не пересекая линии. Это была, по сути, одна и та же игра, одинаково сыгранная. Трехточечный этюд спраута, один ход до завершения.

Ковонов пытался что-то сообщить ему.

Он понял и это. Лопата и скоп, оба связаны

спраутом. Или, обобщая, паровой экскаватор и макроскоп. Он участвовал в турнире и — *выиграл макроскоп!*

Смерть сенатора Борланда положила конец проекту, как ты тут не крути. Это был исход, которого не желали ни научные сотрудники, ни персонал станции. Так думали все, вне зависимости от национальности. Казалось, ничто уже не остановит ООН от осуществления принятого им политически-выверенного решения.

Только если кто-нибудь не сопрет макроскоп и спасет его тем самым от разрушения. Ковонов, очевидно, полагал, что это будет он — пока Иво не победил его в финале. Сейчас макроскоп был его бременем.

А ведь это, несомненно, означает бегство с Земли. Такая грандиозная кража…

Иво был уверен, что совершит ее. Все верно — макроскоп был слишком большой ценностью, чтобы просто бросить его, или вверить его судьбу политическим интригам. Одно лишь существование разрушителя заставляло продолжать начатые исследования. Самоизоляция означала для человечества путь пробоскоидов.

Знания Вселенной (или, как минимум, галактики) лежали перед человеком, даже если он не мог

до них пока дотянуться. Необходимо добыть это знание, невзирая на недальновидность местных политиков. Иво мог работать с макроскопом, поскольку вышел живым из разрушителя. Он мог не бояться ловушек или разрушения мозга в главном диапазоне. Кроме того, ему придется связаться — попытаться связаться — с человеком, который сможет максимально использовать это знание — с Шеном. Видимо, именно поэтому Брад и хотел вызвать его. Не для того, чтобы разгадать тайну разрушителя, а для того, чтобы использовать знание, которое будет получено, когда тайна будет раскрыта.

Только Иво не хотел впутывать в это дело Шена. Он должен будет справиться сам — как бы ни было трудно и одиноко. Он имел на это право. По крайней мере, в компании у него будет макроскоп, который позволит наблюдать, что творится на Земле. Если политическая ситуация улучшится, то он об этом узнает и привезет инструмент обратно.

Ковонов терпеливо ждал, пока Иво раздумывал над ситуацией. Иво стер доску с обоих сторон и положил ее. Он встал и с серьезным видом подал русскому руку. Из них двоих у русского, по всей видимости, более сложная задача.

Расследование ООН будет жестким, Головы покатятся в прямом и в переносном смысле. Русский столь же серьезно пожал протянутую руку Иво.

Глава IV

Бригада уже взялась за дело, очевидно, немногословных команд Ковонова оказалось более, чем достаточно. Просто удивительно, как много можно было сделать, минуя официальные каналы. И, разумеется, все будут отрицать свое участие, так что следователям из ООН придется попотеть, пытаясь повесить на кого-нибудь обвинение в краже, в то время, как каждый будет покрывать каждого. Как, например, доказать, что начальник склада сознательно принял снотворное?

С другой стороны, эта кража решала некоторые проблемы ООН. Они хотели закрыть макроскоп, а за них это уже сделали. Конечно, будет большой скандал, но заинтересованные частные лица не очень опечалятся. Как, однако, лихо работало его воображение. Сначала он считал, что катастрофа неизбежна, и персонал с ней смирился, затем он был уверен, что все в порядке. Но в дальнейшем ему уже не нужно будет строить догадки, он будет видеть все в макроскоп!

Нос ракеты был пристыкован к выемке в нижней части макроскопа, так что растяжки не

мешали. Иво был уверен, что выемки раньше не было, должно быть, бригада сняла часть листов обшивки макроскопа. Внутри, наверняка, стало тесней, но для путешествия годилось и так. В сборе вся конструкция напоминала гигантский гриб с массивной ножкой и маленькой сферической шляпкой. Сорокафутовый шар выпирал за обводы ракеты, диаметр которой составлял тридцать три фута, но по объему он был много меньше. Казалось, что в нем мало пространства, чтобы вместить необходимое оборудование — несмотря на то, что использовались миниатюрные компьютеры с лазерной памятью и другие ухищрения.

Скорее всего, они тронутся под прямым углом к тору и, после того, как разорвутся растяжки, совершат маневр и двинутся в нужном направлении.

Но *где* было это нужное направление? Он не имел понятия. Космос так велик..., но куда лететь Джозефу, куда скрыться, чтобы телескопы с Земли не могли их выследить, а ракеты догнать? Благородная миссия имела не очень приятные аспекты.

Иво пролетел над местом работы. Люди еще что-то делали, хотя, казалось, задача уже выполнена.

Никто не обратил на него внимания, — умышленная и необходимая невежливость, подумалось ему.

Он представил следующий диалог:

ООН: Что случилось с макроскопом?

Персонал: Мы ничего не видели. Это все должно быть тот парень, которого привез доктор Карпентер. Мы как раз собирались провести коррекцию орбиты…

А доктор Карпентер не в состоянии отвечать на вопросы.

В конце концов расследование обстоятельств смерти сенатора Борланда зайдет в такой же тупик. Только два человека были свидетелями его смерти: у одного потерян разум, другой отсутствует физически. Может, во всем виноват внеземной сигнал? Доктор Ковонов не преминет указать на странные поступки Иво, предшествовавшие краже: вломился в комнату, где проходила невинная вечеринка, забрал эмблему, с пьедестала, слонялся с ней по помещениям станции. Затем на свет появится запись его голоса в тот момент, когда он вторгся в кабинет русского — что вызовет общее недоумение. Очевидно, что эта ужасная демонстрация убила одного, превратила другого в идиота, а третьего сделала сумасшедшим, кото-

рый одержим манией украсть скоп.

Это было, конечно, не то место в истории, которое хотел бы занять Иво, но ничего не поделаешь. Нужно спасать макроскоп от ООН, и уж пусть это бремя понесет человек, вроде Иво Арчера, а не доктора Ковонова. Но несмотря на незнание английского, Иво зауважал способности русского ученого.

Он приземлился на шляпку гриба и направился к люку. Так получилось, разумеется, случайно, что в его сторону никто из работающих не смотрел. Из-за этой случайности ему понадобилось несколько минут, чтобы добраться до люка и понять, как он работает. По всей видимости, его можно было открыть снаружи — с помощью какого-нибудь инструмента — и этот инструмент лежал рядом, удерживаемый магнетизмом, видать, кто-то его забыл. Поворот, щелчок, механизм сработал, и люк открылся, — нет шипения выходящего воздуха, внутри вакуум. Он забрался в скоп и задраил люк.

Гротон ждал его внутри.

— Все в порядке? Мы должны быть готовы к отправлению, как только бригада закончит свою работу. Мы даже не знаем точно, когда прибудет корабль ООН.

— Да снаружи вроде все уже сделано, если вы это имеете в виду.

Гротон надел наушники:

— Иво уже здесь. Дайте нам, девочки, две минуты, чтобы пристегнуться, и отчаливаем, — сказал он по интеркому. Иво не услышал ответа, но в одном был уверен — Афра едет с ним. Он знал, что она должна была ехать, но не был уверен до сих пор. В космос вместе с ней…

Они привязались к одной из сторон огромного конуса — это был нос ракеты, который вклинивался в центральное помещение макроскопа. Имелся люк для прямого доступа из ракеты, но сейчас он был закрыт.

Все задрожало, их прижала к стене мощь атомной ракеты. Трехкратная перегрузка, и макроскоп оторвался от своего причала.

Прошло пять изнурительных минут, прежде чем двигатели выключились, и опять наступила благословенная невесомость.

— Отчалили, — серьезно сказал Гротон, — Давайте поговорим с пилотом, — он отстегнулся и поплыл к люку на носу Джозефа. Люк открылся, и появилась неуклюжая фигура в шлеме, которая парила вверху — согласно ориентации Иво, в полной невесомости. Гротон укрепился на полу,

зацепившись носками за какой-то поручень, и протянул фигуре руку. Это была Беатрикс.

Проплыла другая фигура — Афра.

— Думаю, нам лучше оставить его здесь, — сказала она, — ему нужен покой…

— Ему? — спросил Иво.

Она направила на него свой сияющий взгляд.

— Брад. Я не могла оставить его там…

Мечтатель! Однако с разочарованием пришло и избавление от чувства вины. Мертвец был здесь сам по себе.

Но Брад был еще и другом Иво. Они затолкали безвольное тело в проем между аппаратурой.

Войдя в Джозеф, Иво увидел связанные и уложенные коробки — припасы, о погрузке которых побеспокоилась предусмотрительная Афра. По-видимому, все было спланировано заранее.

Закончив приготовления, все повисли, уцепившись за поручни (магнитные ботинки остались вместе со скафандрами), и переглянулись. Тщательно спланировано? Планы-то были уже выполнены, невероятный побег удался, а что делать дальше, никто не знал.

Афра нарушила молчание:

— У нас, очевидно, две цели: скрыться от ООН и подобрать Шена. Первое выполнимо, коль скоро

мы отдаляемся от Земли, но чтобы выполнить второе, необходимо подойти близко к Земле. Вот в чем наша проблема.

— Это при условии, что Шен на Земле, — сказал Гротон.

Афра приблизилась к Иво:

— Шен на Земле?

— Нет.

— Замечательно! У нас будет меньше неприятностей, если мы подберем его в космосе, хотя это будет нелегко. Лунные станции ничем не лучше Земли, вот если бы астероидная база… Где он?

— Я не могу вам сказать.

Заговорил живой темперамент Афры:

— Слушайте, Иво. Мы тут натворили таких дел, что путь на Землю для нас заказан, и все только для того, чтобы вы могли вызвать Шена и доставить его на макроскоп. Вы не мажете просто…

— Извините, — сказал Гротон. — Иво не просто упирается. Давайте дадим ему объяснить, что он имеет в виду.

Иво нашел его подход более приемлемым.

— Я вам не могу объяснить. Шен — он не… В общем, я не уверен, что он нам нужен.

Афра зловеще-спокойно проговорила:

— Вы хотите сказать, что не привезете его

сюда.

— Именно так.

Благородный гнев Афры нарастал:

— И вы сами спрячете Джозефа от ООН, сами будете управлять макроскопом, сами будете оказывать медицинскую помощь…

В этот момент вмешалась Беатрикс:

— Мне кажется, у меня к кому-то письмо. Я нашла его чуть раньше на трапе, но все так спешили…

Гротон взял конверт.

— Наверное, прощальное послание от кого-нибудь. — Он взглянул на адрес. — Стрела?

— Стрела! — вскрикнула Афра, заинтересовавшись. — Это от Шена!

Иво вскрыл письмо, не предвидя ничего хорошего. Было очевидно, что Шен не все знает о последних событиях, но письмо не могло предвещать ничего хорошего.

В письме не оказалось слов, был лишь рисунок. Все сгрудились и посмотрели на него:

— Вилка, — сказала Беатрикс, полагая видимо, что ей, как доставившей письмо, необходимо что-то сказать. — Что она означает?

— Я затрудняюсь сказать точно… — начал было Гротон.

— Дайте подумать! — сказала Афра. — Так уже было. Шен ничего не сообщает прямо, по непонятным причинам, но то, что он говорит, должно быть очень важно. — Она взяла листок и в задумчивости отплыла в сторону.

Гротон достал блокнот и что-то там чиркнул.

— Шен знает, где мы и что мы делаем, — сказал он. — Может, он намекает, где мы можем его найти?

— Это не так просто, — заметил Иво.

— Нептун, — воскликнула Афра. — Это символ Нептуна!

— Бог морей и еще кое-что, — сказал Гротон и показал всем блокнот. Там было написано слово «Нептун».

Гротон сразу все понял, только ждал подтверждения от Афры.

— Планета, — сказала Афра. — Это трезубец. У каждой планеты есть свой символ. Марс — это копье и щит бога войны, Венера — зеркальце богини. Так что это Нептун.

— Ваша трактовка интересна, — сказал Гротон, задумавшись о чем-то своем. — Но, вспомните, есть и другое толкование этих символов.

— Мужчина и женщина, конечно, — сказала Афра, — но это — Нептун, это точно.

Гротон не стал настаивать, но Иво понял, что он куда-то клонит.

— Даже Земля? — спросила Беатрикс, имея в виду предыдущее замечание Афры.

— Да, символ Земли — это перевернутый знак Венеры, — ответила Афра. — Я не помню всех символов точно, но это определенно Нептун.

Ее слова позабавили Гротона:

— Я согласен. Это Нептун. Но, повторяю, это указание места, или что-то менее очевидное?

— А Нептун не очень далеко? — спросила Беатрикс.

— Смешно! — горячо воскликнула Афра. — Туда еще не долетала ни одна ракета!

— Не говоря уже о том, что не совсем ясно, как сюда попало письмо, — добавил Гротон.

— Что-то не так, мы неправильно поняли послание.

— Интересно, — сказал Гротон. — Вы упомянули предыдущее послание Шена. Оно было таким же по форме?

— Нет. Оно… — она резко повернулась к Иво. — Что за *поэма!* Кто *автор*?

Наконец-то она вернулась к тому посланию. Иво подумал, как он глупо поступил, сказав ей, что первое послание было отрывком стиха, и она это не забыла. Сможет ли он устоять перед ее натиском?

— Американский поэт. Это было в стиле Шена, так сообщить, что он знает и что собирается предпринять. Но обращался он скорее к вам, я-то не смог бы прочитать письмо.

— Это было очевидно. Назовите поэта и произведение.

— Не вижу, какое это имеет отношение…

— Американский поэт, говорите? Выдающийся?

— Да, но…

— Когда родился? В семнадцатом веке?

— Нет. Но почему вы…

— Восемнадцатый?

— Нет, — Он не мог не отвечать ей.

— Девятнадцатый?

— Да, но…

— Уитмен?

— Элиот? Паунд? Арчибальд МакЛейн?

— Нет. — Он отступал перед ее настойчиво-

стью.

— Ролсом? Уоллес Стивенс? Каммингс? Харт Крейн?

— Не хочу вмешиваться, — сказал Гротон, — но, мне кажется, у нас есть более срочные…

Она ткнула наманикюренным перстом в Иво;

— Вачел Линдсдей!

— У нас, по всей видимости, на хвосте ООН, — сказал Гротон. — Если мы не примем решение, то неизбежно проиграем.

— Хорошо, — выпалила Афра, поворачиваясь к нему. — Во-первых, разведка, Мы должны знать, есть ли погоня, кто нас преследует, чтобы предпринять маневр и уйти от нее. Как только будем в безопасности, отправимся за Шеном. Я убеждена, что наш чемпион по спрауту что-то скрывает, и как только мы это из него вытрясем, будем иметь более четкое представление о местонахождении Шена и о том, чем он занимается.

— Ценю вашу безжалостность, — сухо сказал Гротон. — И куда нам теперь лететь?

Иво вздохнул с огромным облегчением, когда предмет разговора сменился. Афра была права — он скрывал кое-что важное.

— Как нам узнать, где сейчас ООН? Может, нам необходимо сохранять радиомолчание, или что-

то в этом духе?

Афра только пренебрежительно взглянула на него. Как же еще это узнать, сообразил он сам, если не с помощью макроскопа!

— Пытаться найти корабль в космосе с помощью наших приборов, это все равно, что стрелять из атомной пушки по комарам, — заметил Гротон.

— На станции будут знать, — сказала Афра. — Мы можем подсмотреть — ну, телетайп или, может, сообщение на мониторе. Мы же элементарно можем улететь от любого преследователя.

— Но не от робота, — коротко заметил Гротон.

Афра вздрогнула и выпрямилась.

— Хорошо. Я поработаю со скопом. Нам лучше сразу узнать худшее.

— А как вам удастся не попасть на опасную частоту?

— Разумный риск. С моим опытом…

— С вашим опытом нам придется убирать уже за двумя жертвами разрушителя. — Иво пришло на память, что пострадавшие теряют контроль над работой кишечника, — эта фраза должна была произвести сильное впечатление на такую изысканную девушку, как Афра. — По-моему, у меня иммунитет, — сказал он. — По крайней ме-

ре, я всегда могу выйти из программы. К тому же, у меня, как у победителя, есть привилегия. Только покажите мне, как обращаться с управлением.

На сей раз Афра предложила помощь с видимым облегчением:

— Я вам все покажу. Буду работать вслепую, но думаю, все должно получиться. Я выключу главный экран, а вы наденете шлем.

Она усадила Иво в кресло оператора и надела ему на голову шлем — теперь он смотрел через массивные окуляры. Иво хотел, чтобы она не просто формально рассказала, как работать с макроскопом, но ей было легче проделывать некоторые действия самой, нежели каждый раз поправлять его.

— Ваша левая рука вводит параметры компьютеру. Вот, я кладу вашу руку на дистанционный терминал. — Она взяла его руку и положила ее на матрицу клавиш, очень похожую на клавиатуру калькулятора. Иво был уверен, что это не тот терминал, которым пользовался Брад. Дополнительная клавиатура? Для новичков? Окуляры закрывали боковой обзор, так что, фактически, он, а не она, работал вслепую.

— У нас запрограммированы некоторые главные позиции, — продолжала она, — вы должны

их запомнить, если собираетесь пользоваться, сейчас я вам их продиктую. Вводя их в компьютер, вы можете наблюдать лунные базы, любой из искусственных спутников или станцию макроскопа — тор.

Афра диктовала цифры, а он послушно нажимал клавиши. Два раза он ошибся и вынужден был перенабирать. После третьей ошибки она накрыла его ладонь своей и направляла его пальцы на нужные клавиши в нужном порядке. Ее пальцы были прохладные и твердые — таким представлял Иво все ее тело.

Свет брызнул ему в глаза. Он находился в ста ярдах от тора, с солнечной стороны, ослепленный отражением от металлической обшивки.

— Дальше вводите параметры для полуавтоматического управления, — сказала она. — Вам не удастся вручную отслеживать орбитальное движение объекта, но вы можете в небольших пределах влиять вручную на формирование изображения компьютером и двигаться по объекту.

Она продиктовала ему необходимые команды в цифровом виде.

— Сейчас работайте правой рукой. Представьте, что вы в автомобиле, но не забывайте о трехмерности.

Он взялся за шарообразный набалдашник рычага, поверхность которого была слегка шершавой для лучшего контакта с ладонью оператора.

— Наклоняя, изменяете направление движения, а вращая — ориентацию. Будьте осторожны, на этой частоте нередко появляется разрушитель, так что держитесь края диапазона, для этих расстояний этого более чем достаточно, А теперь спускайтесь к тору, не беспокойтесь, сейчас вы пройдете прямо через стены. Нужно немного потренироваться.

Иво задвигал рукояткой, картина завертелась, и был вознагражден ослепительным сиянием Солнца, которое пронзало его зрачки каждые три секунды.

— Не так резко, — предупредила его Афра после этого.

Такой урок не хотелось повторять вновь.

Он уменьшил усилие и начал спускаться к станции, подстраивая угол зрения так, чтобы она всегда оказывалась в центре экрана. Должно быть, компьютер, подумал он, выполняет колоссальный объем работы, так как каждое изменение угла зрения требует обработки совершенно нового потока макронов, тем не менее переход визуально выглядит плавным. По-види-

мому, на расстоянии в несколько световых лет до объекта подобных возможностей меньше, а изображение объекта на другом конце галактики и вовсе будет двумерным, хотим мы того или нет.

Он начал работать, и это придавало новые силы.

Потянуло каким-то странным запахом.

— Это моя забота, — сказала Афра, обращаясь к кому-то другому. — Продолжайте тренироваться, Иво. Я думаю, основное вы поняли. Попытайтесь поработать внутри. Я вернусь через пару минут.

Запах и звуки давали знать, что природа берет свое, и Афре придется поработать, подмывая Брада и меняя ему белье. Надо признать, что у нее сильный характер.

Он мысленно заменил рычаг управления флейтой, и, хотя сходства не было никакого, управлять стало легче. Сейчас он мог положиться на свои способности — специфическую сноровку в расчетах и музыкальное чувство ритма. Он прошел через обшивку тора, усилием воли заставляя себя не закрывать глаза, и остановился в первом зале. Он сориентировался и был уверен, что сохраняет стабильность, но зал неуклонно поворачивался. Он попытался изменить ориентацию, но зал еще раз повернулся.

И тут он понял — станция вращается! Необходимо компенсировать не только ее движение на орбите, но и собственное вращение тора. По сути дела, необходимо описывать сложную спиральную траекторию, чтобы двигаться синхронно с обозреваемым участком станции. Да уж, непростая работенка!

Наконец у него стало это получаться, он управлял обзором, словно гоночным автомобилем, который несется по извилистой трассе. Он сориентировался вдоль зала. Заложив небольшой поворот, он уже смотрел в нужную сторону, еще поворот, — и он шагал по коридору к офису Кононова.

Русский играл сам с собой в спраут.

— Если бы ты только меня слышал, Ков, — воскликнул Иво. — Я бы только спросил, появился ли корабль ООН и где он…

— По-русски?

Иво чуть было не подпрыгнул, но Ковонов ничего, разумеется, не сказал. Рядом стояла Афра и ее голос был обманчиво мягок. Иво почувствовал, как краска приливает к лицу и знал, что она это видит, но изображение комнаты из фокуса не выпустил. Должен же быть какой-то способ установить контакт, и Ковонов был ключевой

фигурой в этом деле. Этот человек очень много знал и, по всей видимости, догадывался об их проблемах, ведь он планировал это путешествие для себя. Если бы только преодолеть этот, куда более тяжелый, чем языковый, барьер.

Он сосредоточился на доске, лежавшей перед русским. Жизненно важное послание уже было передано один раз с помощью этой доски, и Иво ожидал возможного продолжения. В то же время, это была хорошая практика, манипулируя управлением, он открыл для себя, что увеличением также можно управлять вручную. Подобные маневры будут очень кстати при работе на больших расстояниях, и поэтому он решил их хорошенько отработать. Точная настройка была самым настоящим искусством, ему очень пригодились его музыкальные способности.

— Что вы делаете, — послышался голос Афры.

Иво еле сдержал раздраженный ответ. Если бы она знала, насколько…

— Можно сказать, что заглядываю в будущее, — ответил голос Гротона, и Иво облегченно вздохнул. Вопрос относился не к нему.

— Ваши дурацкие астрологические талмуды! — воскликнула Афра. — Раз уж ваша жена взяла книги по искусству и музыке, то вы, должно

быть…

— Это лучше, чем те прелестные наряды, которые взяли вы, — ответил Гротон. В его тоне слышалась спокойная насмешка. Спор разгорался, Общее напряжение искало выход.

Иво освоил управление. Он плавно увеличивал изображение доски, сохраняя при этом четкость, пока точки и петли спраута не заполнили все поле зрения. Затем одну из точек увеличивал до тех пор, пока она не стала казаться планетой. Иллюзия, как это бывало всегда, захватила его: он приземлялся и балансировал кораблем, приближаясь к поверхности планеты. Пора включать тормозные двигатели…

— Вам не кажется несколько нелепым возиться с этими каракулями, в то время как у нас есть куча серьезных проблем, — послышался голос Афры, и Иво опять почувствовал себя виноватым.

— Я бы назвал это толкованием нюансов гороскопа, — невозмутимо ответил Гротон. Его темперамент был больше, чем у Иво, приспособлен к отражению ее нападок. Беатрикс, должно быть, пошла в отсек с продуктами и не могла прервать ссору. — Мне не кажется это нелепым — попытаться прояснить ситуацию и оценить возможности с помощью лучшего способа, кото-

рый у нас есть. Мы в действительности, как вы сказали, имеем кучу проблем.

— Вы серьезно пытаетесь приравнять макроскоп к вашему оккультному хобби?

— Я нисколько не считаю астрологию «оккультной» наукой, если вы подразумеваете под этим термином нечто фантастическое, магическое и ненаучное. А вот в том смысле, что оба метода являются инструментами невероятной сложности и грандиозных возможностей, — да, я бы приравнял астрологию и макроскоп.

— Давайте, я все четко изложу. Вы рисуете знаки созвездий, — только тех, которые входят в узкий пояс зодиака, игнорируя при этом оставшуюся часть неба, — затем планеты — только Солнечной системы, которые восходят в момент рождения человека, — и затем заявляете, что с помощью этой галиматьи вы способны предсказать всю жизнь человека, включая несчастные случаи и деяния Господа, и что за соответствующее вознаграждение вы предупредите его, в какой день ждать беды и какие акции покупать, — и вы утверждаете, что в этом нет ничего неестественного или, как минимум, непорядочного?

— То, о чем вы говорите, вне сомнения, сверхъестественно и неэтично, но это не астрология. Вы

предъявляете к науке некорректные требования, а затем хулите ее, если она не в состоянии их удовлетворить.

— Как же вы сами определяете астрологию?

— На это трудно ответить одним предложением, Афра.

— Попытайтесь.

Неужели она думает, что добила его?

— Начнем с доктрины Макрокосма и Микрокосма, то есть — личность представляется как космос в миниатюре, а Вселенная — как высший человек в его естественном бытии.

Планета-точка распалась на спирали и пятна, — Иво был слишком близко и видел следы мелка. Сейчас он увеличит часть рисунка, затем часть части, и затем попадет в микрокосм…

Доктрина Микрокосма…

— Макроскоп! — сказал он и нашел это чрезвычайно забавным, так как макроскоп был в этом случае микроскопом. Потрясающе универсальный инструмент. Выходит, что каждая точка спраута создает свою гравитационную ауру и вызывает поток макронов, который он принимает? Вот это чувствительность!

— Что? — сердито спросила Афра.

— Ничего.

Он осторожно проделал все действия в обратном порядке, и следы мелка собрались в точку. Он стартовал с планеты и наблюдал, как она превращается в далекую песчинку на черном фоне космоса. Появились другие точки и линии, образовав созвездия. Сможет ли Гротон провести их астрологический анализ?

— Хорошо, — сказала Афра. — Один-ноль в вашу пользу. Вы меня опять сбили с толку. Но на этот раз вам не улизнуть от честной дискуссии. Я хочу услышать ваше оригинальное обоснование всей этой глупости.

«Ну вот, пошла игра краплеными картами[25]», — кисло про себя отметил Иво, но тоже заинтересовался.

— Хорошо. Известно, что во Вселенной много объектов, — охотно начал лекцию Гротон, — и что все они находятся в постоянном движении относительно Земли и друг относительно друга. Вот почему нам нужен компьютер для ориентации макроскопа. Массы влияют друг на друга, и их относительные траектории сильно взаимокоррелированы. Таким образом, притяжение Солнца порождает орбитальное движение планет нашей

---

[25] Примечания: 25
В ориг. loaded dice — заряженная кость, орудие шулера.

системы, в то время, как гравитационное поле планет формирует орбиты их собственных спутников и даже искажает орбиты других планет.

— Современная теория не совсем так описывает ситуацию, но для простоты мы примем вашу интерпретацию. Так что доказано. Объекты в Солнечной системе взаимодействуют, — произнесла насмешливо Афра; по всему чувствовалось, что она жаждет крови.

— Также и на Земле живет много людей и других живых существ, которые связаны между собой и взаимодействуют друг с другом по невероятно сложным законам. Мы просто проводим параллели между видимым движением планет и…

— Вот и приехали. Марс делает людей агрессивными?

— Нет! Здесь отсутствует прямая связь. В астрологии Земля рассматривается как центр Вселенной, а дата и место рождения индивидуума, определяют центр на его диаграмме. Это не противоречит астрономии, просто для удобства смещается начало координат.

Иво подумал, что именно так он выполняет сейчас сложные манипуляции, чтобы стабилизировать точку обзора. Это было бы просто

невозможно, если бы он привязывался к галактике или Солнечной системе. Центр Вселенной должен быть там, где находится наблюдатель.

Сейчас он обращал больше внимания на диалог, чем на полуавтоматическое управление макроскопом, и решил вернуться-таки к делу. Изображение исчезло! Неужели он выпустил его? Нет, — просто Ковонов убрал доску. Как легко забыть о реальности, погрузиться в мир чьих-то фантазий и, глядя на то, как чья-то рука перед тобой хватает небеса, принять дьявола за Бога. Нужно быть осторожнее, так ведь можно и с ума сойти.

Он настроил изображение так, что Ковонов теперь выглядел один к одному. Русский воровато огляделся, затем вытащил из ящика стола карточку и положил ее на стол.

На ней было что-то написано. Иво ловко сфокусировал макроскоп на послании и прочитал. Оно было написано не по-русски!

SPDS

Это для него! Ковонов пытался связаться с ним! Через некоторое время русский спрятал карточку в стол и опять принялся за спраут. Неужели это все? А где же продолжение?

— Так вы утверждаете, что расположение пла-

нет в момент моего рождения определяет мою судьбу, что бы я ни делала?

— Ни в коем случае. Я хочу сказать, что допускаю возможность связи между расположением светил в определенный момент и событиями в жизни человека. Это вовсе не обязательно прямая или логически объяснимая связь.

Просто связь.

— Вы ублюдок, — беззлобно сказала Афра. — Вы меня наполовину переубедили.

Ублюдок? Иво удивился. И это невинная девушка, которая краснела при одном упоминании о SPDS? Сейчас он определенно видел ее с другой стороны.

— *Конечно,* связь есть! — раздраженно продолжала она. — Связь есть между песчинкой на дне Индийского океана и золотым зубом моего дедушки. Но это все несущественно, а если даже и не так, то скажите, какие явления можно объяснить с помощью вашей астрологии, которые не в состоянии объяснить наука?

— Астрология сама по себе наука. Она основана на научных методах и выдерживает проверку ими. Это такая же строгая дисциплина, как и любая другая.

— Например, геометрия.

— Хорошо. Как вы «докажете» основные теоремы геометрии?

— Такие, как A = ½ BH для треугольника? Вы же инженер, существует масса способов…

— Одного достаточно. Вы собираетесь нарисовать чертеж и показать, что основание, умноженное на высоту фигуры является суммой площадей двух пар конгруэнтных прямоугольных треугольников, что-то в этом роде, да? А как вы докажете конгруэнтность? Только не говорите, что угол равен углу и сторона стороне, я хочу знать базовое определение, которое обосновывает ваши доказательства. Где ваши исходные аксиомы?

— Разумеется, невозможно дать строго геометрическое доказательство исходных аксиом. Нужно начинать с каких-то предположений, а затем все логически выводить из них. Например, если мы задали две стороны и угол, то треугольник определен. Все замечательно согласуется.

— А если исходные посылки неверны?

— Они верны. Вы можете измерять треугольники сутками на протяжении всей своей жизни и не найдете исключений.

— Предположим, я перемещу ваши треугольники с плоскости на тор.

Афра горячо возразила:

— Но вы должны сохранять топологию, вы же прекрасно это знаете!

Иво показалось, что счет уже два-ноль в пользу Гротона, но тот почему-то не спешил развивать успех.

— Значит, вы руководствуетесь жизненным опытом, — сказал Гротон.

— Да.

— Это и есть основа астрологии.

— Жизненный опыт? Что расположение Марса определяет судьбу человека?

— Зодиакальные конфигурации на момент рождения человека могут кое-что сказать о его окружении и о нем самом. Астрологи проводили наблюдения и совершенствовали свои методы на протяжении многих веков — это одна из самых древних наук, — и сегодня она точна, как никогда. Многое еще неясно, как и в геометрии, но наши представления основаны на жизненном опыте, а не на домыслах. Я не утверждаю, что звезды и планеты определяют вашу судьбу, я хочу сказать, что на вашу жизнь оказывают влияние многие факторы и обстоятельства, примерно так же, как они влияют на движение планет и звезд, так что ваша жизнь и жизнь Вселенной идут парал-

лельно. Астрология пытается провести разумные параллели между этими явно различными сферами, то, что неясно в одной области, может быть очевидным в другой. Таким образом, можно прояснить некоторые обстоятельства вашей жизни, которые иначе бы остались неизвестны. У нас есть один хороший параметр, известный с достаточной точностью, — место и время рождения человека, естественно, что это принимается за точку отсчета для данного индивидуума — вот и все. Просто точка отсчета, точно так же, как ваше измерение угла и сторон является точкой отсчета для геометрии. Разница в том, что астрология не пытается иметь дело с фактами, так как факты — это то, что вы можете выяснить сами. Она не раскрывает тайны. Просто помогает правильно оценивать и судить события реальной жизни.

Иво вспомнил различие, которое провел сенатор между истиной и целью в философии.

— Это больше похоже на психологию, чем на астрологию, — сказала Афра.

— Так и должно быть. Сходство между астрономией и астрологией чисто поверхностное. Нам нужна астрономия, чтобы знать параметры орбиты небесных тел, но после этого наши пути расходятся. Астрономы считают астроло-

гию метафизикой, но эти джентльмены просто некомпетентны в этой области, хотя я допускаю, что они весьма профессиональны в своей и у них никогда не появлялась мысль проявить свои знания и умения на поприще астрологии. Хорошему астрологу не нужен телескоп, а вот что ему действительно необходимо, так это большой опыт практической психологии.

Иво все это время наблюдал за Ковоновым, но других сообщений не было. Пришло время посоветоваться.

— Не хочу мешать, — сказал он, — но, похоже, я зашел в тупик.

Афра подошла к нему.

— Извините, меня отвлекли эти измышления, и я забыла о вас. В чем дело?

Иво описал ей то, что увидел на станции.

— Очевидно, он имел в виду статуэтку, — сказала она.

Просто удивительно, с какой легкостью она заставляла его чувствовать себя идиотом. Он пробрался через стену в коридор и, опять сквозь стену, в общий зал.

SPDS, естественно, отсутствовал, но пьедестал оставался на месте. На нем лежал лист бумаги. Анонимное послание, подумал Иво, отправитель

которого неизвестен.

На листе было напечатано большими телетайпными литерами: СРОЧНО. КОРАБЛЬ ПРИВЕДЕН В БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ. ОТПРАВЛЯЕТСЯ С ЛУННОЙ БАЗЫ СЕГОДНЯ 13.00 ПО СТАНЦИОННОМУ ВРЕМЕНИ. ВООРУЖЕН. ПРИГОТОВЬТЕСЬ К УСКОРЕНИЮ.

— Боже, они у нас на хвосте, — отчаянно сказала Афра. — А я тратила драгоценное время на…

— Вооружен?

— Это означает бортовой лазер. Совершенно секретно, но мы все знали об этом.

— Значит, вы все-таки немного подглядывали?

— В целях самообороны. Космос должен быть свободен от оружия, и ООН вроде бы следит за этим, но Брад подозревал финансируемый ООН промышленный комплекс на Луне — очень уж неэффективное расположение, все приходится доставлять с Земли. Ну мы и подсмотрели. Может, и с благородной целью — для поддержания мира, — но ООН строит там нечто вроде армады будущего. А бортовой лазер действует в космосе на очень больших расстояниях, и мы вскоре почувствуем это на своей шкуре, если не начнем действовать.

— Почему они не сожгут нас прямо сейчас?

Наверняка, они уже давно нас засекли.

— Потому, что они хотят сохранить макроскоп. Будьте уверены, после официального демонтажа последует неофициальная сборка. Преступная группировка получила контроль над вооружениями ООН или получит его, и мы единственные, кто об этом знает, поскольку мы… шпионили. Флот кораблей и макроскоп становятся для них все более близкой целью, чем больше у них власти. По-видимому, это и была истинная причина расследования Борланда. У него нюх на подобные вещи.

— И они хотят сохранить свой лазер в секрете, — вставил Гротон. — Если они его применят, все об этом узнают и разразится скандал.

— А единственный в мире прицел, который позволит точно направить луч лазера на большое расстояние, находится у нас, — сказала Афра. — Они должны подойти довольно близко, чтобы уверенно поразить нас с одного выстрела, особенно если мы будем маневрировать.

Такие политические реалии огорчили Иво.

— Почему же они не передадут нам по радио ультиматум?

— И признать перед всем миром, что кто-то спер у них из-под носа макроскоп? Все находится

в тайне, коль скоро мы молчим. Вы сможете наблюдать за станцией при ускорении?

— Вы имеете в виду, что как только мы тронемся… ну, если в компьютер введены необходимые параметры… — сказал Иво. — Разве он не отслеживает перемещения и не вводит поправки?

— Естественно. Он все это делал, пока вы тренировались. Иначе изображение бы постоянно менялось при нашем удалении от станции. Но при ускорении будет смещение из-за смены нашей ориентации. Вы уже достаточно освоились для его компенсации?

— *Я* попытаюсь, — сказал Иво.

Она пристегнула его, а он все время пытался удерживать изображение в фокусе.

— Нам придется провести серию ложных маневров, чтобы они не смогли правильно определить наш курс, — сказала Афра.

— И куда мы летим? — спросил Гротон.

— К Нептуну, — сказал Иво без тени юмора.

— Два миллиарда восемьсот миллионов миль в кругу друзей? — сказала Афра, тоже, впрочем, без особого юмора. Иво знал, что пройдут годы, прежде чем они туда доберутся и то по экономичной траектории. Миссия 1977 к четырем газовым гигантам была выполнена лишь наполовину.

— Ну подурачим мы их недолго, предположим, несколько часов — но что это изменит? — спросил Иво.

— Ничего не изменит, если мы не начнем настоящее ускорение. Иначе, в конце концов они нас настигнут.

Иво все удерживал в фокусе послание в общей комнате станции.

— О-о! — воскликнул он. — Кто-то его меняет!

Техник, как ни в чем ни бывало, подошел к пьедесталу, взял рукой в перчатке послание и положил новое.

Иво
прочел его: СРОЧНО. В ПОГОНЮ СНАРЯЖАЕТСЯ РОБОТ. НЕМЕДЛЕННОЕ УСКОРЕНИЕ.

— Понятно, — сказал Гротон. — Одно G, пока не придумаем что-нибудь получше.

Иво услышал, как он стал пробираться к люку.

— Почему мы не можем пока отправиться к Нептуну? Там никого нет, это черт знает где, и мы сможем там скрыться… Это займет, конечно, не немного времени, но мы будем в безопасности, пока что-нибудь не придумаем.

— Вы правы, — коротко ответила Афра. — При скорости миллион миль в час, при оптимальном маршруте, это займет не больше четырех меся-

цев. При ускорении один G мы достигнем этой скорости примерно за полдня. Запасов у нас на год для пятерых.

Сила тяжести прижала их, когда Гротон включил двигатели.

Они были в пути — неизвестно куда. Иво поначалу потерял фокус изображения, но ему удалось вернуть его, тщательно компенсируя вращение. Компьютер делал свое дело — держал заданную точку пространства в центре экрана, но не заботился о том, как развернуто изображение, и было очевидно, что масса корабля вносила погрешности в вычисления. Компьютер не пользовался макроскопом, он исходил из абсолютного значения скорости и ее направления, известных из наблюдений в обычный телескоп. Ручная коррекция требовалась постоянно.

— Что же плохого в моем предложении? — спросил Иво, стараясь не выглядеть наивным.

— Во-первых, робот может развить гораздо большее ускорение, чем мы, так как он не ограничен пределом выносливости человека. И он нас перехватит, если это не удастся главному кораблю. Во-вторых, если мы туда отправимся, то несколько проголодаемся через год.

— Ох! — проклятое чувство опасности стало

уже хроническим. — А мы не сможем, к примеру, вырастить себе немного пищи? Использовать естественные ресурсы, выращивать зерно — я тут видел мешки…

— На *Нептуне*?

Иво не настаивал.

— Но мы можем вернуться через год. Ситуация может измениться к тому времени.

— Думаю, что она изменится и мы вернемся. Осталось только убежать от робота.

— Ох! — он совсем забыл об этом. — Я думал, что Джозеф — это не обычный корабль. Атомный, тепловой щит, что-то еще. Брад говорил мне…

— Мы толчем воду в ступе, — оборвала его Афра. — Джозеф способен развить ускорение десять G, даже груженый макроскопом. Тут нет проблем. У робота просто кончится горючее, если он попытается догнать нас.

— А как долго лететь до Нептуна с таким ускорением?

Ответом была тишина, и он понял, что она считает на логарифмической линейке. Еще одна задача, которую она не в состоянии была решить в голове или ответить по памяти. Он не стал говорить, что уже знает ответ.

— Предположим, начинаем замедляться посе-

редине, с постоянным ускорением, максимальная скорость тринадцать тысяч двести миль в час — ого — это одна четырнадцатая часть скорости света! Весь полет займет пять дней.

— Почему бы и нет? — спросил он, удовлетворенный ответом.

— Одна маленькая неприятность. По прибытии мы будем давно мертвы.

— Мертвы!?

— А как вы планируете пережить непрерывное воздействие десятикратной перегрузки?

Иво вообразил, каково весить три четверти тонны без передышки. Мощность, решил он, это еще не все. Он мог бы и сразу сообразить, она уже об этом упоминала, но только теперь до него дошел весь смысл. Он ведь думал о минутах, а не о днях десятикратных перегрузок.

— У вас имеется слишком много «нет» на мои предложения, — сказал он. — Допустим, мы направимся к Нептуну с ускорением один G. Сколько времени потребуется крейсеру ООН, чтобы нас перехватить?

— Тут много различных факторов. Наша основная и требующая срочного решения проблема — это крейсер. Если они быстро сориентируются и пойдут на перехват, то мы встретимся с ними

через два дня. Если же они пойдут поосторожней и будут экономить горючее, да и мы будем маневрировать, то это займет несколько больше времени. Так как они знают, что горючее для нас не проблема, то последний вариант более вероятен. Они не станут рисковать макроскопом и попытаются отвлечь нас роботом, это будет длиться несколько дней, пока у него не кончится горючее.

— А откуда они знают о нашем двигателе? Я думал, это частное дело Брада…

— От организации, которая подписывает счета, не может быть больших секретов. К тому же, спектроскопический анализ исходящих газов разрушит все их сомнения, если таковые еще есть. Это заставит их вести себя осторожнее, приближаясь к нам, но вряд ли остановит. Более того, у них есть еще один повод захватить нас целыми — тепловой экран, — она остановилась. — Правда, мы можем немного поблефовать. Направимся в сторону Солнца, а если нам будут угрожать — разыграем самоубийство.

— Но Нептун дальше от Солнца, чем мы. Нам вроде бы нужно лететь от Солнца.

— Нептун в другом склонении.

— Склонении?

— Он на противоположной стороне относительно Солнца.

— Я думал, что наоборот.

— Братишка! — отчаянно воскликнула она. — И на что вы собираетесь потратить последние два дня свободы?

Иво снова удержался от резкого ответа.

— На макроскоп.

— У меня уже сложилось впечатление, что вы активно этим заняты. Правильно, всю жизнь надо учиться.

— Я имел ввиду разрушитель.

— О-о! — На сей раз была ее очередь почувствовать себя идиоткой. Но уже через пару секунд она опомнилась: — Мне кажется, для нас уже все решено. Нам не удастся сбежать от кораблей ООН, и мы вряд ли сможем соорудить что-нибудь, способное помешать им. Уж не хотите ли вы приспособить разрушитель в качестве личного оружия?

— Нет, но я уверен, что именно по этому каналу можно получить галактическое знание, если только перешагнуть барьер. Ведь никто не заглядывал за начало программы.

А есть ли что-нибудь после этого начала, или программа просто все время повторяется, вдруг

пришла ему в голову мысль.

— Нет, — сказала она упавшим голосом. Он знал, что Афра опять думает о Браде. — Иво, вы уверены, что вам нужно войти в него?

В первый раз она проявила какое-то участие к его судьбе, и он ценил это безмерно.

— Он меня не тронет. Это уже известно.

— Он не тронул вас — пока. К чему этот риск? Что вы надеетесь узнать?

— Пока не представляю.

В этом был комизм ситуации. У него не было никаких свидетельств того, что в программе разрушителя есть что-то еще.

— Но если что-то и способно помочь нам, так это программа. Галактоиды или кто там еще, что-то скрывают. Иначе зачем вообще нужна эта программа? Они вовсе не хотят нас уничтожить, ведь это система с обратной связью. Я хочу сказать, это отпугивает в небольших количествах, как было с пробами, Но отпугивание максимально эффективно, если сигнала нет вообще. Сигнал сам по себе есть доказательство того, что там скрыто что-то интересное. А разрушитель — это что-то вроде помех.

— Помехи?! — воскликнула Афра, ухватив его мысль. — Чтобы чья-нибудь чужая программа не

заняла диапазон!

— Так я это себе представляю… Это должно быть что-то очень ценное, раз принимаются такие предосторожности.

— Да. Но это может быть совершенно отвлеченная передача, философская, например. А нам нужен немедленный выход. Что-то совершенно невозможное, типа компенсатора инерции или телепортатора, — а этого просто не может быть.

— Думаю, стоит попробовать.

Они направлялись к Нептуну по оптимальной траектории. Впрочем, было все равно куда лететь, лишь бы подальше. Корабль развернулся и лег на курс к Солнцу — на самом деле его траектория представляла собой эллипс, как у кометы, их орбита, проходя через орбиту Меркурия, уносила их дальше в космос, к Нептуну.

Иво решил рискнуть. Ему не мешали беспорядочные толчки и смены направления, предпринимавшиеся для того, чтобы сбить с толку преследователей, так как разрушитель был все время в фокусе.

Найти внеземной сигнал не представляло никакого труда. Иво знал его частоту, вернее — его повадки, — на него легче было нарваться, чем избежать. Тело покрылось испариной, когда он

наконец настроился на волну разрушителя, и программа пошла. Он играл со смертью; со смертью мозга, а может и тела.

Началось: та самая программа-разрушитель, которая оставляла после себя мертвый мозг. Стали появляться зрительные образы, выражающие понятия, понятия формировали идеи…

Почему всегда все начинается с начала? Даже в записи бесконечно повторяющаяся программа должна начинаться, если входить случайным образом, с середины или вообще с конца, с той же вероятностью, с какой попадаешь на начало. Как же удавалось излагать зрительный материал в необходимом порядке, независимо от того, когда начался просмотр?

Конвульсивным движением пальцев он повернул ручку настройки и, изменив частоту, прервал передачу. Подождал несколько секунд, затем вернулся опять.

Программа вновь началась со вступления, но не так, как в прошлый раз. Она шла быстрее, на максимальной скорости, с которой можно было воспринимать информацию. Казалось, что это повторение пройденного, — а судя по всему, так оно и было.

Вздрогнув, он опять прервал прием. По крайней

мере, его опыт позволяет ему самостоятельно выходить из программы. Неужели она подстраивается под него? Сигнал, который идет четырнадцать тысяч лет? Смешно даже подумать!

Он вновь вошел — образы замелькали так быстро, что можно было лишь бегло просмотреть часть материала. Но когда он дошел до того места, где остановился в прошлый раз, скорость потока информации замедлилась, и обучение стало более глубоким. Однако это было быстрее, чем то, что он видел на станции.

Он опять прервался, то, что он осознал, было важнее, чем содержание передачи. Это не было, просто не могло быть записью в обычном понимании. Это был как будто программируемый текст. Последовательность уроков имеет обратную связь, так что ученик мог все время проверять себя и обдумывать ошибки. Все сориентировано на отдельную личность и управляется способностями обучаемого.

Этот текст был чем-то средним между печатным и живым словом, максимально приближаясь к последнему. Но именно растущее знание «студента» направляет ход обучения, что создает иллюзию разумности программы. Странно, что он не додумался до этого раньше! Очевидно, что

это сознательно заложено в программу. Нужно только понять разницу между…

Эта штука потрясающе развивала интеллект! Его мозг, как губка, впитывал знания, обрушившиеся из программы. Это были знания о нем, о Вселенной, конкретные и четкие. Философия, психология, даже астрология приобретали для него новое значение, когда он смотрел на них с высоты галактического знания.

— Афра, — позвал он, закрыв глаза и остановив поток программы.

Она была рядом:

— Да.

— Возможно ли выразить что-то так, чтобы это было справедливо всегда?

— В смысле, в большинстве случаев? — попыталась она помочь ему.

— Нет. Ко всем ситуациям. Я хочу сказать, что это вечная истина. Это истинно для человека, для камня, для запаха, для мысли.

— Ну, выражаясь фигурально… Ко всем этим предметам применимо определение «хороший» или «необычный», — но это субъективные термины…

— Да! С точки зрения наблюдателя. Но истина должна быть объективной. Чтобы все согласи-

лись. Все, кто понимает.

— Я не уверена, что понимаю вас, Иво. Невозможно прийти к полному согласию, сохраняя индивидуальность. Двое — уже источник противоречий.

— Нет — личностный аспект. С точки зрения обучения. Каждый, кто поймет эту истину — поймет все. У него будут ориентиры. Я бы назвал это — запрограммированный разум.

— Это звучит почти как Объединенная теория поля обобщенная на психологию.

— Не понимаю. Что это?..

— Работа жизни Альберта Эйнштейна. Свои последние двадцать пять лет жизни он провел, пытаясь свести все законы Вселенной к единому уравнению. Гравитация, магнетизм и сильное взаимодействие должны были стать частным случаем главного уравнения. Практическое значение этой теории трудно себе даже представить.

— Значит, теоремы одной области науки могут быть применимы в любой другой?

— По-видимому, так оно и есть.

— Все равно, что применять астрономию к человеческой психологии? И также к музыке, искусству, любви?

— Я и вправду… — пауза предвещала ссору. — Вы что, за Гарольда?

— Не знаю. Что бы это ни было, мне говорит об этом макроскоп.

— Великое объединение? Вы уверены?.

— Да. Это группа понятий, которые объединяют все наши знания, какими бы мы ни были и когда бы мы ни жили.

Она задумалась, прежде чем ответить.

— Это может быть ответ на все загадки Вселенной, Иво.

— Нет. Это идея, лежащая в основе разрушителя разума. Я не все до конца понял, но еще несколько заходов…

— Остановитесь! — закричала она. — Не делайте этого, Иво!

В ее голосе была боль, то ли за судьбу макроскопа, то ли за его.

— Я не собираюсь идти до конца. Только достаточно далеко, чтобы…

— Чтобы он вас захватил! Попытайтесь пойти другим путем. Окольным каким-нибудь. Попробуйте выйти в середину.

— Я не могу. Я не смогу его понять, если не войду. Иначе я не смогу применить эти знания.

— Знания… Безумие!

— Я все понял. Это то, чего человечество не видело никогда ранее. То, что находится вне нашей реальности. Необходимо избавиться от этого разрушительного аспекта, прежде чем я смогу пойти дальше.

— Иво, вы не можете следить за огнем, если жаритесь на нем. Вы должны управлять этим дистанционно и не заходить далеко. Другие уже пытались…

— Не думаю, что информация обязательно разрушает разум. Она многолика. Если подойти с нужной стороны…

— Иво, — упрашивала она, и ее голос заставил его трепетать, как подростка. — Вам нужно было изучить математическую теорию спраута, прежде чем вы победили в турнире?

— Нет, Просто я вижу путь, как тропинку в лесу, и, шаг за шагом, выигрываю, А математику я совсем не знаю, честное слово.

— Зачем же вам тогда понимать разрушитель? Не достаточно ли только знать, как его избегать и обходить? Думайте о нем, как о плохом ходе. Привлекательная, но проигрышная стратегия. Перескочите через него и идите дальше.

Иво задумался.

— Надеюсь, мне это удастся.

— Только не включайте сознание. Зажмурьте глаза перед огнем. Закройте свой разум для разрушителя.

— Да, я смогу это сделать. Но все, что мне удастся узнать, можно будет использовать… ну, как при сборке радио по схеме: соедините провод А и контакт В. Это не истинное знание.

— Немногие из нас обладают истинным знанием, Иво. Одна из проблем нашей цивилизации в том и состоит, что она слишком сложна, чтобы каждый мог освоить все области знания. Мы вынуждены многое знать поверхностно, мы вынуждены просто поворачивать ручки и бездумно заполнять бланки — мы пользуемся всем готовым, и этого хватает. Нужно смириться с тем, что любой из нас в состоянии охватить лишь малую толику человеческого знания и культуры. Не обязательно все понимать, достаточно принять как должное.

Иво опять был зачарован. Эта красноречивая женщина — не она ли совсем недавно пререкалась с Гротоном? Каково же ее истинное лицо?

Он ответил только одной фразой:

— Шен мог бы все понять.

— Он мне отвратителен, как когда-то был отвратителен Брад. Но это чувство — выражение

восхищения. Каждый из нас должен занять свое место в структуре общества, иначе все рухнет. Каждый должен быть как гвоздь Сандбурга[26].

— Что за гвоздь?

— Огромный гвоздь, который стягивает небоскреб. Может показаться, что быть гвоздем не так уж благородно, но гвоздь не менее важен, чем шпиль небоскреба.

— Выходит, я так же важен, как и Шен?

— Конечно, Иво.

— Если даже Шен в состоянии вернуть Брада, а я нет?

Афра не ответила, и он горько пожалел, что сказал это.

После молчания, показавшегося ему очень долгим, она опять заговорила:

— Сожалею. Я говорила банальности. Не такая уж я объективная, как это выходит из моих слов.

Но банальности в ее устах были для него приятней истины.

— Думаю, я смогу добыть некоторую информацию. Что бы это ни было, даже не понимая ее. Я попытаюсь.

— Спасибо вам, Иво.

---

[26] Примечания: 26
По-видимому, поэт, образ амер. поэта Сандбурга.

Она заставила его сделать перерыв, а сама в это время меняла Браду белье и кормила его с ложки, как ребенка.

— Я могу помочь, — предложила свои услуги Беатрикс, но Афра отказалась.

Затем все четверо обедали холодными концентратами из прихваченных запасов. Это была печальная трапеза — никто не ждал от макроскопа спасения, а присутствие Брада напоминало об опасности поисков такого спасения. Побег со станции был, конечно, красивым жестом, но, увы, авантюрным. Как им реально оторваться от реального преследователя, какие теории тут помогут? Техника позволяла это сделать, но слабость человеческого тела превращала ее в бесполезное орудие.

Отдохнув, Иво одел шлем и вернулся к управлению. Он знал, что придется совершить невероятно сложный маневр, ведь разрушитель был пылающим Солнцем, затягивающим его в огненный ад. Он должен подойти к нему, пройти по кромке и выйти невредимым с другой стороны.

Точно так же, как их кораблю предстояло проскользнуть перед Солнцем на пути к Нептуну и оторваться от кораблей ООН. Еще один общий знаменатель.

Фигуры на экране задрожали, пронося его через смертельный порог разрушителя. Если бы только суметь следовать за ними не доходя до финала…

Сесть на электрический стул и не погибнуть. Частично остаться невеждой перед потоком информации разрушителя. Взять мед и избежать пчелиного жала…

Вновь и вновь он выходил из программы, чувствуя, как растет его знание. Все было так логично! Каждый шаг открывал новые горизонты, подготавливал его к следующему, вызывал неудержимое желание дойти до конца. Это был зов сирены, манивший его в ловушку, на верную гибель. Но он учился с каждым разом и выработал у себя если не иммунитет, то, по крайней мере, панцирь, защищающий мозг от ударов разрушителя.

С каждым проходом он все глубже погружался в программу, остерегаясь отчаянного броска в ее бездну. Необходимо было только контролировать свои эмоции, держать их в руках и не позволять программе завладеть сознанием. Он уже почти возвел преграду для разрушителя…

Она захватила его. Чудовищное притяжение клубка информации потащило его в свои недра, прежде, чем он успел что-то предпринять.

Он узнал слишком много!

Прошел слишком близко, слишком многое увидел, потоки информации смяли все когнитивные барьеры мозга, его медленный интеллект не справлялся с ними.

Он не мог уже противиться силе, которая влекла его в пылающее горнило разрушителя.

Вниз, сопротивляться бесполезно.

Вселенная взорвалась.

Милосердие женщины спасло его — он выжил, хотя должен был умереть. Словно он попал в чистилище и вышел обновленным — видения ада остались с ним на всю жизнь.

Не совсем еще оправившись, он, покинув корабль, пешком отправился домой. Путь от побережья Вирджинии к городу Макон, Джорджия, был долгим. Он добрался туда только 15 марта 1865 года и три месяца отходил после огня Св. Антония[27]. В то время, как тело страдало от физических недугов — головных болей, рвоты, озноба и жара, его душе был нанесен сокрушительный удар — Макон был взят армией генерала Вильсона 20 апреля, а вскоре в его окрестностях был схвачен и сам президент Дэвис Джеффер-

---

[27] Примечания: 27
Огонь Св. Антония — гангрена.

сон. Надежда померкла и угасла — война была проиграна.

Гусси Ламар — девушка, которую он любил, — вышла замуж за состоятельного пожилого человека. Осталась Джим Хопкинс, но страсть его к ней почему-то увяла. Внешне беззаботные дни юности прошли; с войной закончилась его молодость.

Несмотря на боль в суставах, он писал стихи, хотя, излагая их на бумаге, он понимал, что поэзией не выразишь все страдание…

Поэзия, как и музыка, — красота, но о какой красоте может говорить человек с воспаленной красной кожей и распухшими суставами? Поняв, что поэзия не для него, он временно перебрался в Веслейн Колледж.

В конце концов он выздоровел, но не совсем. Воспаление здорово потрепало легкие, и они уже не работали так, как прежде. Это мешало ему вновь заняться преподаванием, хотя он отчаянно нуждался в деньгах. В конце концов он присоединился к своему брату, который работал бухгалтером в Эксчейндж отеле и получил хоть какие-то средства на сносное, но серое существование.

В стране шла реконструкция[28]. Несправедливые законы и коррумпированное правительство ускоряли загнивание общества. Закон повсеместно попирался. Великие надежды нации рухнули, оставались лишь апатия и отчаяние.

Его личное состояние постепенно увеличивалось. Нью-Йоркский еженедельник «Круглый стол» напечатал его стихи, и, хотя и небольшой, литературный успех вдохновил его. Весной 1867 преподобный Р. Дж. Скотт, редактор «Ежемесячника Скотта», остановился у них в отеле. Это была возможность, упускать которую было нельзя.

Скотту понравилась его рукопись. На самом деле, его брат — Клиффорд, сыскал себе успех как новеллист. Издатель, отвергший его опусы, напечатал новеллу Клиффорда «Тернистый Плод» в 1867. Это была замечательная вещь, и он искренне радовался за брата, но как же он сам стремился к успеху!

Как всегда, он не сдался. Несмотря на слабое здоровье, он поехал в Нью-Йорк, где его поддержала богатая кузина. Он искал издателя.

В его новелле было горячее желание рассказать все, передать читателю все свои мысли и идеалы.

---

[28] Примечания: 28
Имеется в виду период переустройства южных штатов после войны.

Это была автобиография его души… — и никто не заинтересовался.

Отчаявшись, он решил издать новеллу самостоятельно, хотя едва ли был в состоянии покрыть расходы.

Он встретил Мэри Дэй и, не любивший всем сердцем никогда, был пленен.

19 декабря 1867 года они поженились.

Глава V

Бережные руки приподняли голову Иво, и сказочно прохладная губка прикоснулась ко лбу. Руки женщины, — как замечательно, — он не мог себе представить чего-либо более успокаивающего и мягкого.

Он несколько мгновений наслаждался их прикосновением и видел сны о своем выздоровлении, о женитьбе… Иво открыл глаза.

Это была Беатрикс.

— Он очнулся, — тихо произнесла она.

После ее слов из тумана проступило тревожное, по-домашнему знакомое лицо Гротона, настороженная и оценивающая Афра.

— У меня мозги не прокисли, — сказал он.

— Слава Богу, — вздохнула Афра.

— Что случилось, — одновременно с ней спросил Гротон.

— Ну, не нужно на него сразу набрасываться, — остановила их Беатрикс. — Ему следует отдохнуть. У него лоб горячий. — И она еще раз осторожно протерла его лоб губкой.

Ее диагноз несколько поверхностный, решил

он, но вот лоб действительно горячий, и по всему телу разлилась свинцом усталость, он чувствовал себя совершенно разбитым.

Благодарный ей, он уснул.

Через несколько часов Иво был готов к беседе.

— Как близко корабль ООН?

— В дне пути от нас, я недавно посмотрел в телескоп, — ответил Гротон. — У нас не больше двадцати пяти часов до того, как мы попадем в зону действия лазера.

Иво вспомнил. В космосе лазер действует на очень больших расстояниях, но эффективен только тогда, когда прицел точен, как макроскоп. Без него лазер просто оружие ближнего боя для поражения маневрирующих целей на дистанции в пределах нескольких тысяч миль.

— Вы, — вы нашли решение? — воскрешение надежды на лице Афры было божественным зрелищем.

— Решение? — без видимой причины вопрос показался ему забавным. — Да. По крайней мере, что-то очень похожее на него. Но прежде я должен объяснить, что случилось.

— Иво, я не хочу вас торопить, — сказал Гротон. — Но если мы не уберемся побыстрее от этого ООНовского крейсера…

— Понимаю, но сначала я должен все объяснить. Существует определенная опасность, и если что-то случится, то один из вас должен будет принять на себя скоп.

— Я вас понял, — ответил Гротон. Так что же все-таки случилось? Афра влетела к нам с криками о разрушителе, и мы здорово перепугались; я искренне рад, что все обошлось. Вы, по-видимому, не вошли в него.

— Нет, я вошел. Я пытался защитить себя… ладно, не буду вдаваться в подробности. Я почти прошел программу, но поскользнулся — в ментальном смысле, и меня затянуло слишком далеко. Я думал, что мне уже конец, и даже не сопротивлялся, но, к счастью, у меня была некоторая орбитальная скорость, и я, пролетев сквозь корону, очутился на другой стороне.

— Не понимаю.

— Я поняла, Гарольд, — сказала Афра. — Это такая аналогия. Планетоид мчится к Солнцу. Но главное в том, что он прошел очень близко от разрушителя, и тот его только слегка ужалил.

— Да, физически. Но не в сознании, если так можно выразиться. А за разрушителем находится то, что я бы назвал галактическим сообществом.

— Вы видели того, кто послал сигнал-убийцу?

— Нет, это просто отдельный канал. Все происходит в вашем сознании, сигналы накладываются, так что нужно уметь их разделять. Но если уж изолирован разрушитель, то остальное лежит, как на ладони.

— Информация? — спросила Афра.

— Другие программы, они как радиостанции, но все работают на одной частоте и используют один и тот же символьный код. Если вы не придерживаетесь одной программы, то все забивает самый сильный сигнал, а это и есть разрушитель.

— Понимаю, — сказал Гротон. — Это как если бы пятеро человек заговорили одновременно, все вместе — это шум, и вы в состоянии понять только то, что говорит обладатель самого громкого голоса. Он забивает остальных, хотя вы и слышите их.

— Именно так. Только программ больше, чем пять, и нужно уметь по-настоящему сосредоточиться, но выбрать можно любую.

— А сколько их?

— Не знаю. Думаю, несколько тысяч. Хотя так сразу трудно определить.

— Несколько *тысяч* станций? — недоверчиво переспросила Афра. — И что же они передают?

— Информацию. Наука, философия, искусство — все можно выразить этими универсальными символами. Все, что известно — доступно. Научная библиотека.

— Но почему? — изумилась Афра. — Зачем они это передают, если все равно принять никто не может?

— Я пока еще не выяснил иерархию программ, но у меня сложилось впечатление, что почти все они старше разрушителя. По крайней мере, он в них не упоминается, и передаются они издалека. С другого рукава галактики.

Если сигнал разрушителя идет к нам четырнадцать тысяч лет, то программы — двадцать или даже сорок. Может, некоторые ретрансляторы закончили передачу до появления разрушителя, но мы узнаем об этом только через тысячи лет.

— Это меня и смущает, — заметила Афра. — Даже если не брать во внимание разрушитель, пройдут тысячи лет, прежде чем какая-то цивилизация примет их сигнал — это абсурдно, ведь невозможен обмен информацией между культурами.

— А может, пройдут и *миллионы* лет, — поправил Иво. Он рассортировывал в голове полученные знания. — Все передачи имеют точ-

ный обратный адрес. Но как я уже говорил, не могу пока точно установить пространственно-временные координаты, но, надеюсь, мне это удастся в ближайшее время. Но по некоторым признакам можно сказать, что кое-какие из них очень древние. Одна уж очень отлична от других. Совершеннее, что ли, я не знаю, как это выразить, но впечатление производит сильное. Будто икринка в капсуле…

— Миллионы лет! — воскликнула Афра, подавленная услышанным. — Это, должно быть, внегалактический источник. Но ведь макронные поля сильно искажаются?..

Иво пожал плечами.

— Может, для макронных передач есть другие законы. Насколько я понимаю, самые важные для нас станции находятся на расстоянии в три миллиона световых лет. Я прослушивал одну из них, самую мощную, да я уже говорил об этом.

— Я сняла с вас шлем и окуляры, как только вы потеряли сознание, — не унималась Афра. — Сколько же *времени* вам оставалось на прослушивание?

— Время не имеет значения. По крайней мере, при приеме. Все относительно… ну, как со светом, только…

— А! — сказал Гротон. Его это не так удивило, как Афру. — Ну, это известная аналогия. Скорость света в системе координат наблюдателя не зависит от скорости движения источника света. Эксперимент Майкельсона-Морли.

— Что-то в этом роде. Я получил информацию одной порцией и должен впоследствии все переработать и рассортировать. Мне нужно еще раз войти, чтобы выяснить детали, но я уже знаю, что искать.

— А что вы ищете? — спросила Афра. — Есть ли там что-то, способное помочь нам?

— Да. Это, по всей видимости, общая проблема — выживание при сильных перегрузках. Об этом можно узнать из внегалактической передачи, но все довольно сложно.

— И все же я не могу понять, — недоумевала Афра. Когда она чего-то не понимала, то обижалась, как ребенок. — Ведь не имеет смысла передавать программу, если вы знаете, что ответ придет лишь после вашей смерти. Три миллиона лет! К настоящему моменту умерла и сама цивилизация, и память о ней.

— Именно поэтому, — ответил Иво. — Ведь память не умирает, потому что каждый, кто примет программу, узнает о величии ушедшей цивили-

зации. Это все равно, что издать книгу, — пусть даже на свои деньги, тщеславия ради, — но если автору есть что сказать, люди прочтут ее, и она им понравится, они будут помнить об этом человеке долгие годы после его смерти.

— Или написать хорошую музыку, — подхватил Гротон. — Неважно, когда она была написана, важно то, насколько она заставляет слушателя сопереживать.

— Но ведь в нашем случае отсутствует обратная связь! — возразила Афра.

— Она здесь и не нужна. Не тот случай. Древние цивилизации заботились о далеком будущем. Они не заботились о величии в своем времени или своей звездной системе. Они знали себе цену. Но величие в веках, величие во вселенной — этого можно достичь, лишь передавая знания другим. Это доказывает, что они существовали не зря. Они оставили Вселенную богаче, чем приняли ее.

— Может и так, — задумчиво кивнула Афра.

— Нужно быть поэтом в душе, чтобы понять это, — сказал Иво. — Я не желал бы для себя лучшего памятника. Знание — что может быть лучше?

— Я, конечно, не поэт, — подхватил Гротон. —

Но я понимаю это. Иногда мне бывает очень плохо, и я начинаю думать, что когда умру, никто, кроме моих близких, не вспомнит меня. Что я уйду без следа.

Иво кивнул.

— И что же, — спросила Беатрикс. Тон ее напоминал сейчас тон Афры. — Жизнь идет — радуйся, а как умрешь — друзья тебе вряд ли понадобятся.

— Это, должно быть, половые различия, — заметил Гротон. — Довольно часто моя жена изрекает то, чего я от нее никак не жду. Интересно, вот в данном случае различие возникает из-за того, что мужчина, как правило, активен, а женщина пассивна?

Женщины гневно посмотрели на него.

— Как бы там ни было, программы включают в себя культуру, — сказал Иво, и две пары женских глаз уставились на него. — Космическую культуру, — поспешил объяснить он. — Во всяком случае, в некоторых из них есть упоминания об этом. Незабываемое зрелище, мне такое даже во сне никогда не виделось.

— Но как это нам поможет не поджариться на ООНовском лазере? — Афра ни на минуту не забывала о нависшей опасности.

— Несколько станций передают информацию о способах адаптации к сверхускорению. Но только в интергалактической программе содержится информация о том, которым мы в состоянии воспользоваться. Для других у нас нет подходящего оборудования.

— Одного вполне достаточно, — сказала Афра.

— Будет не так просто. Он биологический.

— Гибернация! То есть, если мы заморозим себя или поместим в защитный раствор…

— Но у нас нет ни криожидкости, ни криостатов для хранения, — возразил Гротон. — Мы же не можем просто выбросить тела в шлюз для экстренной гибернации. А кто нас разбудит, когда мы будем на месте? Хотя, я могу запрограммировать компьютер, чтобы он потрепал по плечу первого, когда пора будет вставать.

— Никакого замораживания, никаких криостатов, — сказал Иво. — Никакого сверхсложного оборудования. Все, что нужно — немного времени и чистый тазик.

Афра посмотрела на него с подозрением, но от замечаний воздержалась.

— Уж не собираетесь ли вы расплавить нас? — спросил Гротон.

— Вот именно.

— Это, наверное, была юмористическая передача, сын мой.

— Тем не менее, это так. Мы должны расплавиться в протоплазму. В этом состоянии можно перенести любое ускорение, на которое способен Джозеф, и как угодно долго. Недостаток наших тел в том, что они имеют скелетную структуру, действующие органы, работоспособность которых может быть нарушена перегрузками. Я не пытаюсь принизить функциональность нашего организма — в нормальных условиях трудно найти лучшую замену. Но в форме протоплазмы мы почти неуязвимы, поскольку отсутствует структура выше молекулярного, в крайнем случае, клеточного уровня. Жидкость может вынести все.

— Правда, может и выплеснуться, загрязниться, — с отвращением сказала Афра.

— Думаю, нам лучше сдаться ООН, — промямлил Гротон. — Я с трудом представляю себя в виде банки с кремом или мягкого пудинга.

— Я предупредил, что будет непросто. Но успех гарантирован.

— Да? Культурой, погибшей три миллиона лет назад? — раздраженно спросила Афра.

— Ну, я не уверен, что она погибла. И неизвест-

но точно, насколько она далеко — один миллион лет или шесть.

— Мне намного легче от этого.

— Хорошо. Либо да, либо нет, — сказал Иво. — Я вам покажу все в макроскопе, а вы затем решайте. Это единственный способ освоить метод. Объяснить это я не смогу.

— Ну вот, теперь нам предстоит броситься грудью на разрушитель, — сказала Афра. — И все в один день!

— Постойте-ка! Вы что, серьезно насчет превращения в желе? — воскликнул Гротон. — Может я темный, но я просто не могу себе представить…

— Я серьезно. Преимущество этого метода над другими в том, что он не требует сложного оборудования. На это способно любое живое существо, если ему показать, как процесс будет проходить под контролем программы. Все, что необходимо — это надежный контейнер для жидкости, чтобы она не разлилась и не загрязнилась, как правильно заметила Афра. В остальном все это — чистая биология.

— На словах все гладко, — сказала Афра. — Может, вы нам продемонстрируете?

— Был бы только рад, но думаю, сначала вам нужно освоить технику настройки — то есть, как

найти станцию и избежать разрушителя.

— Если этот ваш метод не сработает, нам это вряд ли понадобится, — язвительно заметила Афра.

— Действительно, и как мы сможем обойти разрушитель — по одиночке, или все вместе? — спросил Гротон.

— Теперь я знаю дорогу. Я могу провести вас к станции по одному, в обход разрушителя, если буду управлять сам. Я не смогу объяснить, как это происходит, только знаю, что надо делать.

— Я пойду с вами, — сказала Беатрикс. — Я знаю, мне можно.

— Нет! — внезапно крикнул Гротон.

Беатрикс невозмутимо посмотрела на него:

— Но ведь я вне опасности, не правда ли? Если он меня и захватит, то он меня не тронет, а если нет — это будет доказательством того, что Иво знает дорогу.

Гротон и Афра беспомощно переглянулись. Она была права, пристыдив их своими здравыми рассуждениями, и ей нельзя было отказать в мужестве. Брад когда-то говорил, что совсем не зазорно иметь средний коэффициент. Брад знал, о чем говорил.

Гротон выглядел напряженным и заметно

нервничал, когда Беатрикс надела второй шлем и окуляры, но вмешиваться не стал. Иво подумал, что Беатрикс, конечно, добрая и мягкая женщина, но если уж что-то твердо решила, то с пути не свернет.

Они двинулись. Иво провел ее осторожно вокруг разрушителя так, что она даже не испугалась, и вывел на поверхность галактического потока информации.

— Ох, Иво, — воскликнула она. Ее голос уходил в физический мир и, отражаясь от него, под тем же углом возвращался к Иво. — Я вижу это! Словно огромная радуга раскинулась между звездами! Как здорово!

Он повел ее дальше вниз, в поисках того особого аромата, той божественной музыки, которые образуют потоки знаний, говорящих о самой сущности бытия.

Возникли образы передач, внешне похожие на картины разрушителя, но гораздо более сложные. В них была не всесокрушающая мощь разрушителя, но изысканность и утонченность истинного знания — это выглядело, как часть огромного дисплея с каталогом содержания одной из передач. Иво, знавший уже путь, взял Беатрикс под руку и повел ее по коридору под сводами гигантского

университета, к области знания, в которой они могли найти свое спасение.

— Но, а другие двери, — донесся ее голос из физического мира. — Здесь столько замечательных…

Он тоже сожалел о том, что они не могли провести вечность в макронной цитадели знания. Ведь это лишь одна стотысячная всех передач — это становилось все яснее, по мере того, как он узнавал все больше об объеме передач и их диапазонах, а это, в то же время, лишь стотысячная часть среди других областей знания. Университет? Это был межгалактический образовательный комплекс невообразимых размеров. Но в создавшемся положении они вынуждены были ограничиться лишь малой каплей океана информации, не обращая внимания на его бескрайние просторы. Они явно были не достойны всего этого.

Микрокосм биофизической химии: казалось, будто они стояли в чане с протоплазмой, они могли ощущать ее, видеть ее свойства, и в то же время оставаться в своей реальности. Сферическое образование, заключенное в слоистую плазменную мембрану, жило своей жизнью, поверхность его ритмично пульсировала. Внешне

это выглядело как мешок с протеином, карбонатами, липидами, ионами металлов — все вместе раствор с нейтральным pH. Но это было больше, чем физика.

— Что это? — недоуменно спросила Беатрикс.

— Модель клетки, — ответил Иво. — Нам нужно ознакомиться с базовыми элементами жизни, потому, что…

Но Беатрикс смутилась — она не могла понять технические детали. Да и Иво вряд ли был способен все объяснить, он чувствовал себя полным невеждой в этом храме знания.

Он решил опустить подробности и сказал:

— Смотрите, вот это ядро.

Такое объяснение удовлетворило Беатрикс. Она разглядывала мягкую массу ядра и основные его органеллы, плавающие и пульсирующие в колыхающемся объеме. Это было что-то вроде мозга организма — ведь в ядре находится жизненно необходимый набор хромосом, бережно спрятанный в мягкой матрице. К стенкам ядра крепился эндоплазменный скелет — система мембран, пронизывающих клетку. Это подобие скелета и нервной системы животного выполняет функции остова клетки и передачи нервных импульсов. Поверхность ядра была усеяна ри-

босомами, производящими необходимые для жизнедеятельности клетки протеины.

— Она живая, — просто выразила свою мысль Беатрикс.

Да, она была живой. В ней находился аппарат, называющийся комплексом Гольджи, который отвечает за синтез некоторых ферментов и сложных гидрокарбонатов. Дышала клетка при помощи митохондрий. Постоянно мигрирующие лизосомы охраняли клетку от болезней — комки активных энзимов разрушали инородные тела. Все необходимое для выживания имелось в этом создании.

— Это то, что нам придется сохранить, — объяснил Иво. — Тело, как мы его себе представляем, должно исчезнуть; но функционирующие клетки — такие как эти, — должны остаться. Они не должны погибнуть, хромосомный набор не должен быть поврежден.

— Да, — согласилась Беатрикс, поняв суть, но не детали. — *Я* запомню.

Затем они осторожно отошли от модели. Назад, в канал информации, через университет, держа в руках знания, будто бокал с шампанским, и, осторожно потягивали его, запоминая вкус, — назад, в серые будни.

Они сняли шлемы и обернулись. Афра и Гротон нетерпеливо ждали рассказ.

— Мы столько многого не знаем! — сообщила им Беатрикс.

Остальное было рутиной. Он провел Гротона, Афру, а затем и Брада. Разум не был для этого нужен, более того, он доставлял неудобство — ведь совсем рядом притаился разрушитель. Хоть Браду он уже не был страшен.

— Это что-то вроде взаимного контакта, — начал пояснять Иво. — Важно не столько то, что вы увидите его, *оно* должно увидеть вас. Модель клетки это только наглядное пособие. Программа — вот главное. Она программирует ваши клетки, ваше тело, ваш мозг для трансформации — коль скоро вы все поняли и согласны. Вы должны понять, вы должны этого хотеть или, как минимум, смириться. Тогда она создаст вам индивидуальную программу. Это как точная хирургическая операция, где хирург — это программа.

Ему показалось, что он использует слишком много сравнений в своем рассказе, но ведь точных определений не было. Как Вселенная больше Солнечной системы, так и вселенское знание невозможно охватить человеческой терминологией.

— Три миллиона лет назад, — сказала Афра. — Я еще могу представить доктора-человека, ну инопланетянина, ну пусть робота, но луч псевдосвета!

— Теперь все уверены, что владеют способом обхода разрушителя? Необходимо каждый раз знакомиться с ним за несколько часов до процесса трансформации.

— Нет, — отрезала Афра. — Я боюсь его. Он захватит меня, как к Брада. Я не смогу с ним бороться, он пробирается к моему интеллекту. Только что, с вами, я, выражаясь фигурально, закрыла глаза и открыла их, только когда мы были рядом с клеткой. Но я этого не понимаю и не знаю пути.

С ней, по-видимому, придется так и поступать. Она способна воспринять разрушитель и была перед ним беззащитна.

— А я почувствовал опасность, — сказал Гротон, — но, правда, не совсем так. Это как если стоишь на краю водопада, в тысячу футов высотой, вдыхаешь водяную пыль, слышишь рев внизу и ощущаешь запах разбивающейся о камни воды, но не прикасаешься к потоку. Наверное, я ниже опасного порога. Теперь вы мне показали обходной путь, и, думаю, если понадобится, я

смогу найти его сам. Но, честно говоря, мне не очень-то хочется проделывать это еще раз. — Гротон натянуто улыбнулся.

— Это было прекрасно, — сказала Беатрикс. — Как поэзия или музыка, — но сама бы я туда не пошла. Эта радуга…

— Одного раза достаточно, — заключила Афра. — Но вот еще вопрос — можно ли доверять методу? Где гарантии, что мы, растворившись, не останемся лужами протоплазмы навсегда? Я хотела бы увидеть полный цикл, прежде чем доверю свое тело процессу. Оно у меня, увы, одно.

— Это *может быть* более изощренная версия разрушителя, — прибавил Гротон. — Вторая линия обороны.

— Не думаю. Это намного старше разрушителя. Все программы старше, но эта настолько далеко… *миллиона три лет.* И я видел только позитивные данные, негативных не было. — Внезапно к Иво пришла мысль: — А что если цивилизация, создавая разрушитель, пыталась оставить свой след в истории? Будучи неспособной превзойти другие в позитивном познании?

— Собака на сене? — спросила Афра. — Может да, а может и нет. Зло конечно можно понять, но это было бы просто отвратительно.

Гротон посмотрел в телескоп:

— Видны блики отражения. Корабль ООН приближается. Нужно действовать или сдаваться. Как долго длится процесс плавления?

— Деструкция недолго, насколько я понял, — ответил Иво. — Но восстановление занимает несколько часов, и по неизвестным причинам она может начаться только через сутки после деструкции. В сумме около двух суток для полного цикла.

— Это тупик, — сказала Афра. — Если мы все проверим, и это сработает, будет слишком поздно для того, чтобы воспользоваться. А если не будем проверять — есть вероятность, что мы совершим особо извращенное самоубийство.

— Мы можем на ком-нибудь опробовать процесс, — предложил Гротон. — Если это смерть, то все скоро станет ясно — запах и все такое прочее…

— Хорошо! — сказала Афра.

— Но если все пройдет нормально…

— Хорошо. Контрольный тест. *Кто*?

— Я уже говорил — я хотел бы… — начал было Иво.

— Вам лучше пойти последним, — сказала она. — Вы ведете это шоу. Если оно провалится

— примете всю ответственность за последствия.

— Афра, это не очень милосердно с вашей стороны, — возразила Беатрикс, очевидно, ей было очень неприятно выслушивать язвительные замечания, пусть даже в чужой адрес.

— Не время для милосердия, дорогая.

Гротон отвернулся от телескопа.

— Я рад, что вы так думаете. У нас есть подходящий кандидат для теста.

Она мгновенно его поняла:

— Нет! Только не Брад!

— Если процесс сработает, то нам рано или поздно придется это с ним проделать, а если нет — то что за жизнь он теряет? Как вы правильно заметили — не до милосердия.

Афра посмотрела на Брада.

Он сидел прямо, волосы по-мальчишески спутаны, на лице суточная щетина, по подбородку стекала слюна. Штаны кое-где потемнели — он опять обмочился. Брад куда-то смотрел, улыбаясь, глаза его оставались неподвижными.

— Я сама это сделаю, — мрачно согласилась Афра. — Никого не нужно, я скажу потом, что получилось.

Иво объяснил необходимые детали. Гротон удалился в недра Джозефа поработать механической

пилой и вернулся с подходящей емкостью. Они установили оборудование и оставили ее наедине с Брадом. Все трое молча вернулись в Джозеф.

Тишина. Затем ее пронзил крик Афры, Гротон было бросился посмотреть, но она запретила ему входить, и он вернулся. Слышался тихий плач и ничего больше.

Оставшиеся не знали что и думать. Иво представлял себе, как Брад плавится, превращаясь в бесформенную лужу, сначала ступни, затем ноги, затем туловище и, наконец, прекрасная его голова. Она, наверное, закричала, когда растворилось лицо? Все ждали Афру в напряженной тишине.

Через полчаса она позвала их. Ее лицо было бледным, глаза неестественно широко раскрыты, и голос отчаянно спокоен.

— Работает, — сказала она.

Одежда Брада была аккуратно сложена на стуле. Рядом стоял закрытый контейнер, похожий на гроб. Больше ничего не напоминало о произошедшем.

Афра никак не могла успокоиться:

— Предположим, что полный цикл работает. Что после него мы останемся такими же, как прежде — во всех отношениях. Я могу понять это рассудком, но душой — нет. Как мы узнаем, что

мы выжили? Что выходит тот же человек, что и вошел?

— Я твердо буду знать, что я тот же человек.

— Но как, Иво? Вы можете выглядеть так же, говорить так же, но где уверенность, что вы такой, как прежде, что это не имитация, не другая личность под вашей внешностью?

Иво пожал плечами:

— Я буду знать. Если будет разница, я ее замечу.

Она смотрела на него с обезоруживающей настойчивостью. Это выражение на ее лице он любил больше всего.

— Ой ли? Или вы будете только думать, что не изменились? Как вы узнаете, что внутри вас не находится самозванец, который пользуется вашим телом, мозгом, знаниями?

— А что остается кроме этого? Если у меня тело Иво и его личность, то я Иво, не так ли?

— Нет! Вы можете быть идентичным двойником — конгруэнтной копией, — и в то же время другим индивидуумом. Другим «я».

— В чем же различие?

— В чем разница между двумя ягодами, яблоками, карандашами, планетами? Если они существуют одновременно, они уже различны.

— Но я не существую одновременно с кем-либо еще. С другим «я». Как же я могу отличаться?

— Ваша душа будет другой.

— 0-ох, произнес Гротон.

— Ну как бы это еще выразить? — Афра сердито посмотрела на Гротона. — Я не призываю на помощь религию, хотя, возможно, это не такая уж плохая идея, просто пытаюсь понять, какую цену нам придется заплатить за это галактическое чудо. Как можно говорить о личности, если тело и мозг под сомнением? Я не желаю стать двойником, который выглядит так же, как я, мне безразлично, насколько хорошо отражение, главное, что это не я.

Иво опять попытался представить, что же там произошло с Брадом. Она была потрясена до глубины души, и сейчас цеплялась за философские и другие предлоги.

— Мне кажется, я уже о чем-то подобном размышлял, — начал Гротон. — Я спрашивал себя — человек, который просыпается утром — тот же, что который ложился в кровать? Или, возможно, человек меняется вместе с составом тела — с каждым глотком еды, с каждым актом выделения? В конце концов я решил, что люди действительно все время меняются — но это не имеет большого

значения.

— Не имеет значения!

— Главное в том, что мы действуем, в то время как существуем, — сказал он. — Мы проживаем день, и когда он проходит, не жалеем о нем. Но в следующий день уже новое «я» несет за все ответственность. Оно действует согласно обстановке, следующее за ним «я» тоже, в этом нет ничего плохого или хорошего, так уж предопределено.

— Опять астрология? — презрительно спросила Афра.

— Когда-нибудь вы будете о ней лучшего мнения, — спокойно ответил Гротон.

Она фыркнула, и Иво с удивлением подумал, что он считал раньше манерность чем-то неестественным. Также ему пришло в голову, что, может быть, причина ее яростной реакции на замечания Гротона кроется в том, что глубоко в ее душе живет мысль о том, что в них что-то есть.

— В любом случае, — продолжал Гротон, — нам нужно пройти процесс, либо выкинуть белый флаг. Вопрос ясен — либо от ООН убегут другие «я», либо сдадутся «я» истинные.

— Вы, — сказала Афра, — отъявленный казуист.

— Так что будем делать? — спросил Иво.

— Ладно, поскольку я больше всех возражаю, то пойду первой. Все же я хочу иметь сторонние свидетельства. Я видела это, а вы нет. Но когда увидите процесс, поймете, о чем я… Мне наплевать на все предопределения, я хочу быть уверена, что я — это я.

Лицо Гротона не переменилось:

— Никто не сделает это лучше вас самой.

— Нет, вы сможете. Я хочу, чтобы кто-то *еще* проверил, что я — это я.

— Какое это имеет значение?

— Имеет.

— Обратная связь, — сказал Иво, и Афра неожиданно одарила его улыбкой.

Она расстегнула блузу.

Все трое смотрели, не смея рта раскрыть. Афра раздевалась спокойно, методично и полностью. Она предстала перед ними — великолепная фигура женщины в расцвете.

— Я хочу, чтобы меня подержали.

— Тактильное свидетельство — очень важная вещь, — произнес Гротон, без тени иронии, но с места не сдвинулся.

— Я этого не понимаю, — сказала Беатрикс, явно смущенная происходящим больше, чем мужчины.

— Я хочу чтобы вы, все вы, ощупали меня, — сказала Афра, будто давала инструктаж по хранению крупы. Голос ее был спокоен, но румянец, зародившись на щеке, соблазнительно передвигался вниз. — Это для того, чтобы вы впоследствии верили не только своим глазам и ушам. — Она слабо улыбнулась. — Или «душе». Чтобы вы поверили, что это та же девушка, хотя бы снаружи. Когда вы увидите, как я плавлюсь, вы никогда не поверите в возможность воскрешения, если у вас не будет свидетельств всех ваших чувств. А если не поверите *вы,* то как поверю я?

— Для меня все девушки на ощупь одинаковы, — выдавил Иво, лицо его пылало.

— Давайте, — прошептал Гротон.

— Я?

Гротон кивнул.

Иво встал и почувствовал, как ему показалось, еще большую неловкость, чем Афра. Негнущимися ногами он приблизился к ней. Поднял руку и неуверенно остановился. Он был бы рад избавиться от своего влечения к ней, лишь бы прервать эту сцену.

— Представьте, что вы доктор, — участливо посоветовала Беатрикс, но в голосе ее уже была слышна легкая истерика.

Иво подумал, что ей это вряд ли очень уж нравится.

Нравится ли это ему? Брад как то раз назвал его целомудренным, а Брад точно знал что говорил.

— Нет, — возразила Афра, — формальный осмотр — это бессмысленно, делайте что угодно, только чтобы потом вы узнали меня.

— Я уже имею некоторое Представление о вас, — Иво понимал, что краска на лице его видна, — событие редкостное, так как лицо довольно смуглое. Однако после встречи с Афрой он понял, что такое возможно не так уж и редко. Кровеносные сосуды лица расширялись, требуя все большего количества крови — это тоже было чем-то вроде обратной связи. Он смущался, *потому что* его смущали. Имеет ли Афра представление о том, что он чувствует по отношению к ней?

— Для меня это так же непросто, как и для вас, — сказала она. — Я не пытаюсь разыгрывать из себя проститутку, просто не вижу другого выхода. Сюда. — Она схватила его руку и прижала ее к своему животу.

Иво застыл, потрясенный и словами, и действиями Афры. Возбужденный мозг напомнил Иво, что прошло всего меньше сорока восьми часов после первой их встречи, и вряд ли много больше

с начала всего этого приключения. Его полусжатая рука была прижата к ее теплому, гладкому мерно вздымающемуся животу.

— Она пытается сохранить индивидуальность, — попытался как-то поддержать его Гротон. — Дело даже не в теле как таковом. Нужен опыт — эмоциональный, духовный, сексуальный — слова не имеют значения.

— Сексуальный? — глупый вопрос вырвался сам собой.

— Нет, не стимуляция в эротическом смысле, — терпеливо ответил Гротон. — Можно участвовать в половом акте, не вступая в физический контакт. Скорее, это общее переживание. Ваши действия и эмоции являются важнейшим элементом, так как придают глубину ощущениям. Смысл всего появляется тогда, когда вы сопереживаете. Ведь она не существует сама по себе, ей нужны зрители. А иначе она не реализуется, как непрочитанная книга или никем не услышанная симфония. Чувствуйте сами и заставьте чувствовать ее; пусть это будет незабываемый опыт. Чувствуйте!

Афра резко кивнула, по ее телу пробежала дрожь и передалась Иво.

— Да, мне кажется, вы понимаете это даже лучше, чем я, — ответила она Гротону.

— Просто так вы пытаетесь оставить память о себе, — сказал Гротон. — Я знал, что мужчины и женщины не очень-то отличаются.

Она опять удивленно кивнула, и Иво почувствовал напряжение ее диафрагмы. Он все еще стоял, отведя стыдливо глаза, не в состоянии осуществить ее замысел. Его рука, темное пятно на белой коже, обмерла и, казалось, была зашита в пластик, — неподвижная и невероятно неуклюжая.

— Иво, — сказала она. — Это моя жизнь, мое естество. Я боюсь — я соглашаюсь с этим, я заявляю об этом, я горда этим. Мне нужна поддержка, впрочем, вам, я думаю, она нужна тоже, коль нам предстоит входить в этот цикл. Можете смеяться надо мной, но сделайте это, даже если вам не нравится.

— Боюсь, что мне это понравится, — пробормотал он.

Это было что-то отличное от тщеславия. Иво понимал это сейчас, но, увы, понимание не помогало. То, что он ощупает Афру, вряд ли поможет, и Иво подозревал, что Гротон тоже это понимает, несмотря на все его рассуждения. Но женщины, в отличие от мужчин, созданы для ласки. Издать книгу имеет смысл, а это…

— Вы боитесь прикоснуться ко мне? — нетерпеливо и раздраженно спросила Афра. — ООН не будет вас ждать вечно. Она схватила его руку своими, заставив его пальцы разжаться. — Сюда, — сказала она и положила его ладонь на свою левую грудь.

Он был не прав, считая себя совершенно бесчувственным. Холодные (или горячие?) волны пробежали по руке и взорвались в его сознании, вызывая головокружение. Чувствовать? Но ему этого не избежать!

— Сюда? — спросила она и потерла его ладонь об упругую складку ниже левой ягодицы. Он отдернул руку. Тело бил озноб, он знал, что выглядит смешным, но тем не менее чувствовал возбуждение.

— Боже, помилуй полярников… когда ты даришь им сны, — беззлобно заметила Афра. — Я не пытаюсь соблазнить вас, Иво. Я только хочу показать вам, чего же я хочу. Целомудренность в этом деле ни к чему. А теперь, давайте. Времени мало.

Она добилась своего. После тех прикосновений, что она заставила его сделать, все колебания были просто нелепы. Он начал с головы, пробежал пальцами по лбу, щекам, носу, прикрытым векам, погладил ее нежные губы, затем охватил

пальцами подбородок. На шее у правого уха виднелись три крохотные веснушки. Он запустил пальцы в ее распущенные волосы, прощупывая их консистенцию, и вдруг обнаружил, что они на самом деле плотнее, эластичнее, чем он полагал до этого. Он провел ладонью вокруг ее стройной белой шеи и легонько ущипнул мочку уха, зажав ее между большим и указательным пальцами.

— Укусите, попробуйте его, — спокойно попросила она. Иво прижался губами к ее уху. Он узнавал ее и любил, чувствуя себя виноватым.

Она покорно стояла, а он прошелся ладонью по одной ее руке, затем по другой, осязая плавные обводы мускулов, костей, сухожилий, кожи. Это было как сон — больше, чем сон, ее тело было совершенно во всех отношениях.

Состояние ее нормально развитой мускулатуры было прекрасно, на ощупь невозможно было обнаружить какой-либо изъян. Ее тонкие пальцы — само совершенство, ямки над ключицами, казалось, были сработаны резцом гениального скульптора. Только под мышками ему встретилась шероховатость — щетина чисто сбритых несколько дней назад волос. Это напомнило, что под руками его не статуя, он держал ее!..

Ее груди были массивны, но не так, как это пред-

ставлялось визуально, соски тоже не выпирали так сильно, как казалось, когда он смотрел со стороны и пока не прикоснулся к ним. Внутренняя структура груди была неоднородна — внутри прощупывались кластеры молочных желез. Он подумал о том, что мужчины так были зачарованы этой женской особенностью, что назвали по ее назначению целый вид — млекопитающиеся. Хотя черта и типична для вида, — кстати, не вида, а класса, вспомнил он, — все же наиболее характерным признаком следует признать волосяной покров. Даже у китов есть немного лобковой растительности…

Не открывая глаза, он вернулся разумом к делу. Груди переходили в слегка выступающие ребра, те, в свою очередь, предваряли обширное пространство над бедрами, гораздо шире, чем он подозревал. Спина практически плоская, небольшими холмиками возвышались лопатки, а между ними проходила гряда спинных позвонков. Ребра расходились лучами от солнечного сплетения.

Ягодицы на ощупь оказались удивительно нежными, мякоть мягко спускалась ниже, образуя бедра. Округлый живот слегка выпирал, а бедра казались столь обширными, что ему даже пришлось открыть глаза, чтобы проверить свои

ощущения.

Ее глаза все еще были закрыты, она не выражала негодования по поводу все более тщательного осмотра, а он не мог понять, нравится ему это или нет.

Можно было сказать, что ягодицы и бедра были нормальны, принимая во внимание ее пол и общее физическое состояние. Он сравнивал со своей собственной анатомией, к тому же его руки увеличивали ее размеры невероятно. Не открывая глаза, он встал на колени и продолжил.

Он прикоснулся к ее лобковым волосам и легонько скользнул ладонью по ним — проводить внутренний осмотр не было оснований, по крайней мере, никак не больше, чем для исследования внутренностей носа, уха или рта. Ее ноги были немного расставлены, и его ладонь прошлась по внутренней стороне бедра, потом опять вверх, по выступам бугорков лимфатических узлов. Затем вниз, вдоль больших мускулов ноги, находившихся под большим напряжением, чем на руках, вниз к коленям, гораздо более изящным, чем его собственные. Икры были еще более напряжены, и когда он сжал одну ногу, Афра несколько сместилась, сохраняя равновесие. Узкие голени, сухожилия разбегались вниз к ступне. Высокий

свод стопы, маленькие, но сильные пальцы. Когда он приближался к последнему этапу своего осмотра, один из пальцев ноги дернулся вверх, — прощальный салют, и внезапно его смущение, было ушедшее, вернулось вновь.

Он и вправду ощупывал живую женщину.

— Теперь вы меня знаете? — открыв глаза, спросила она.

Могу ли познать я богиню?

— Да, — ответил он, не зная, правда это или ложь.

Ослепленный, Иво вернулся на свое место и наблюдал, как Гротон проделал то же самое. Он казался себе вуайеристом и давил в себе это чувство, он испытывал ревность и пытался заглушить ее. Афра не принадлежала никому, а этот эксперимент все равно ничего не значил, сколь бы экстравагантную форму она ни избрала. Затем ее осмотрела Беатрикс, и это смутило его еще больше. Мужчина, ощупывающий женщину — зрелище несколько вызывающее, но естественное. Но женщина женщину…

Он все еще вел себя глупо. Нужно научиться разделять инстинкты и практические потребности, как это делают остальные. Может, придет время, и он сможет хлопнуть Афру по заднице без…

Он был рад, что никто не смотрит в его сторону, так как, вне всякого сомнения, он густо покраснел.

Осмотр Афры был окончен. Она, все еще обнаженная, вопросительно смотрела на Беатрикс. Следует ли другой женщине пройти то же самое?

Беатрикс спокойно посмотрела на мужа. Гротон улыбнулся:

— Осознавая всю важность процедуры, я заверяю вас, что узнаю свою жену в любом облике. Доверьте это мне.

Беатрикс улыбнулась в ответ.

— Надеюсь на тебя, дорогой.

Иво был только рад, что ему не пришлось осматривать Беатрикс. Он представил себе, что гладит ее тело так же, как тело Афры, и почувствовал отвращение. Беатрикс была старше и замужем, и это все меняло. К замужней женщине не следует прикасаться чужим мужчинам.

Он попытался подумать о другом, но странный его разум развивал тему. Он увидел, как его пальцы касаются кожи Беатрикс и находят ее грубой и дряблой. Как можно сравнивать женщину в таком возрасте с Афрой? Ум, внешность, возраст — все равно, что прачка рядом с принцессой. Прикосновение к Афре — запретный плод, а к

Беатрикс — отвращение. Все же он дурно судил о Беатрикс, даже в мыслях, хотя и знал, что у нее не отнять мужества и сострадания, чего не скажешь об Афре. Половое влечение, да еще и в юношеской форме, заглушало в нем голос разума и жизненного опыта.

Но гораздо приятнее чувствовать вину за то, что желаешь женщину, чем чувствовать, что уже не способен желать!

Вздрогнув, он вернулся к действительности. Приготовления заканчивались, начиналось главное.

Афра лежала в контейнере, остальные молча смотрели, пока Иво настраивал проектор. Проектор представлял собой большой экран макроскопа; если человек был посвящен, то есть просмотрел передачу — то определенная ситуация плюс состояние мозга вызывали соответствующий поток информации в канале. Все делалось в обход компьютера — это был прямой интергалактический контакт.

Гротон где-то раздобыл пять контейнеров в рост человека. По-видимому, это когда-то были химические резервуары, а Гротон разрезал их вдоль. Афра лежала в своем контейнере, на дно которого на несколько дюймов была налита сте-

рильная вода, все было расположено так, чтобы луч полностью захватил тело. Вот и все приспособления.

Неужели он убьет ее сейчас? Разве был он так уж уверен, что это не новая ступень разрушителя, как предположил Гротон, созданная, чтобы убить тех немногих, кому удалось избежать первой.

Афра посмотрела на него:

— Вы верили в это.

Это действительно так. Но почему он колебался сейчас, когда ей предстояло пройти процесс? Потому, что он любил ее, и может прийти момент, когда выяснится, что он ошибался?

— Необходимо пару минут на прогрев, — сказала Афра. — Отойдите.

Иво машинально отошел. Он хотел сказать что-нибудь ободряющее, но никогда не чувствовал себя так глупо и не ощущал такого отчаяния. Он боялся, как не боятся никогда.

Но время ушло и ничего не вернуть.

— Джозеф! — воскликнул он. — Кто же будет им управлять, пока…

— Через восемь часов компьютер макроскопа включит двигатели, разовьет ускорение десять G и скорректирует курс, — сказал Гротон. — Мы все уже запрограммировали. Чем же мы занимались,

пока вы спали?

Выходит, они решились лететь к Нептуну еще до того, как он…

Вспышка, — проектор заработал. Желтоватый свет залил тело Афры — черты заострились, тени стали глубже, волосы ярче, зрачки сузились, глаза стали голубее. Казалось, известный художник добавил в палитру доминирующий оттенок.

Иво знал, что это лишь чисто внешние проявления. Главное совершалось в клетках, именно их искал луч и на них он воздействовал. Невидимое излучение изменяло структуру организма, разрывая извечные связи и устанавливая новые, необычные. Происходило превращение, неведомое ранее ни одному человеческому существу.

Кроме Брада.

Эпидерма, внешний слой кожи, — растворился. Сошел подкожный жир, и проступили красноватые слои эндодермы, и вот уже в слое жидкой протоплазмы стали видны лабиринты вен, покрывающих все тело.

Ноги, руки, туловище — казалось, она натянула на себя синий свитер крупной вязки, который теперь медленно расползался. Иво посмотрел на лицо Афры — оно было расслаблено. Очевидно, первый же импульс излучения усыпил ее,

и теперь она была без сознания. Он был только рад этому.

Кожа на голове тоже начала плавиться. Волосы быстро сошли, обнажив голый череп. Стала видна синяя разветвленная трубка, которая спускалась со лба. Она обвивалась вокруг глаза, проходила по щеке и, наконец, исчезала под нижней челюстью на пути к горлу. В районе, уха проявилась белая паутина нервов, которая переплеталась с коричневыми мышцами лица; под ушной раковиной находилась зернистая масса, назначение которой было ему непонятно. В сознании всплыло ничего не значащее для него слово «паротида». На поверхности черепа яркие артерии перемежались с венами и нервами, и эта трехцветная река стекала к уху.

Все это покрытие разрушалось под действием света, перемешиваясь со стекающей мускулатурой. Проступил носовой хрящ, как видение из кошмарного сна обнажились глазные яблоки. Опасаясь, что его стошнит, Иво перевел взгляд на ноги и ступни. Но это зрелище тоже нельзя было назвать приятным. Кожа, нервы, вены и почти весь жир уже были удалены, остались только сухожилия и крупные мускулы. Постепенно и они исчезали, и на левой голени, словно белесый

остров в море протоплазмы, появилась кость. Пателла — коленная чашечка уже отделилась и свалилась с легким всплеском в промежуток между костями. Ниже уже освободились от связок невероятно длинные лучевые кости стопы. Фаланги пальцев легко отвалились и через мгновение уже лежали на поверхности колыхающейся жидкости. Налитой предварительно воды, в которую ложилась Афра, не было видно вовсе — все покрывал расплав. Мелкие кости растворялись медленно, и Иво начал уже беспокоиться, закончится ли их растворение вообще. По-видимому, процесс будет продолжаться и после прекращения программы — жидкость будет медленно разъедать нерастворившиеся останки. Очевидно, это и было причиной того, что восстановление не могло начаться сразу вслед за процессом деструкции — необходимо, чтобы тело растворилось полностью и все его компоненты присутствовали в необходимом виде при восстановлении.

Наконец, остался полупогруженный в жидкость голый скелет.

Теперь Иво понимал, зачем Афре понадобились тактильные свидетельства. Она наблюдала этот процесс — полное разрушение тела. Да, после

такого зрелища необходимы самые серьезные подтверждения того, что Афра останется после всего этого в прежнем виде. Здесь преобладал эмоциональный аспект, этого нельзя понять рассудком.

И несмотря на то, что он изучал ее анатомию на ощупь, в его памяти навсегда останется это видение.

Но, чтобы засвидетельствовать состояние других, ему необходимо выжить самому. Ведь может оказаться, что псевдо-Иво скажет псевдо-Афре, что все в порядке, и пять красных глаз точно такие же, как и прежде, и затем все вместе они сядут плотно подкрепиться астрологией, запеченной в тесте.

Он огляделся, показалось, что прошла целая вечность, хотя минуло лишь несколько минут. Гротон и Беатрикс тоже смотрели на Афру, и вид у них был не очень-то бодрый. Все были подавлены зрелищем, его зловещим видом, и никто даже не шелохнулся.

«Это почти как разрушитель», — подумал Иво — «отвратительно, однако глаз не оторвать».

Иво проследил за взглядом Гротона и обнаружил, что тот смотрит на голову, даже скорее на горло или трахею. В этом месте процесс шел с

ужасающей скоростью. Череп очистился от мускулов и вен, уши и нос исчезли, зубы болтались в челюстях, свободных от щек и десен. Разрушение мозга наблюдать было невозможно, так как череп был еще цел.

Но самое ужасное творилось с шеей. Здесь процесс растворения протекал более избирательно. Прежде всего, происходила не просто диссоциация тканей, обусловленная разной растворимостью и формой поверхности. Жир, мускулы, сухожилия почти исчезли, но внутренняя яремная вена и большая красная каротида, питающие мозг, остались. Небольшие ответвления обоих сосудов были закупорены, так что они представляли из себя прямоточные трубы. Какие же возможности были внесены в инопланетную программу, если она предусматривала даже это? Либо представители галактической цивилизации невероятно досконально изучили человеческую анатомию и физиологию, либо программа была столь сложна и универсальна, что автоматически модифицировалась на любые формы жизни? Как бы там ни было, она уменьшила массу тела Афры наполовину и еще не убила ее. Это была бесконтактная хирургия, о которой человек даже не мог мечтать — и, в то же время,

это была лишь крупица галактического (или интергалактического) знания.

Иво решил не задумываться над деталями строения непостижимо сложного человеческого организма. Он представлял себе процесс деструкции, как плавление куска железа в доменной печи, как таяние мороженого на солнце, как растворение куска мыла в тазе с теплой водой. Забавно. — Сейчас он сообразил, что если не будут приняты меры, то, как только кальций из костей уйдет в раствор, мозг умрет. Если целью процесса было сохранение жизни, то порядок и скорость выполнения операций были чрезвычайно важны.

Толстая гофрированная труба трахеи тоже осталась нетронутой, и через нее продолжал поступать воздух. Она обрывалась там, где раньше была носоглотка, а сейчас на этом месте виднелось открытое сопло. Иво проследил путь трахеи до грудной полости, которую все еще окружал частокол ребер. Хотя грудь Афры была удалена на первых стадиях процесса, основные грудные мускулы остались — сейчас они сокращались, поддерживая дыхание. Соседние артерии пульсировали, значит, сердце еще работало.

Процесс распада, казалось, остановился на этой

стадии, и разумного продолжения не было видно. От рук, плеч и ног остались разлагающиеся кости, мясо сошло; с головы и шеи содраны все нежизненно важные аксессуары. Если растворятся мышцы груди, то мозг умрет от недостатка кислорода, если растворится мозг — оставшееся тело прекратит функционировать и пострадает, прежде чем относительно медленный процесс распада растворит его. Получался парадокс: система должна функционировать, как единое целое до тех пор, пока в ней не останется ни одной функционирующей подсистемы.

Беатрикс уставилась на живот Афры, инстинктивно прижав руки к своему. Иво поглядел туда и горько пожалел об этом.

Детородные органы растворились на ранней стадии процесса вместе с периферийной нервной системой. Брюшная полость была открыта: внутренняя мускулатура исчезла, обнажив кишки. Иво уже не смог бы сказать определенно, особе какого пола принадлежали прежде эти останки. В месте, находящемся выше слегка выпирающих берцовых костей, процесс шел вовсю: мочевой пузырь и канал растворились совсем, большой и малый кишечник разлагался вместе с непереваренными остатками пищи в них. Остались две

большие почки и питающие их артериальные и венозные сосуды, очевидно, что образуемые почками продукты распада тут же растворяются. Желудок, печень, селезенка, поджелудочная железа, двенадцатиперстная кишка — все ушло в расплав, открыв для обозрения позвоночный столб.

Было ли это когда-нибудь человеком? Эта груда разлагающихся костей, которую медленно затягивает лужа биомассы? Процесс еще не окончился. Все трое вздрогнули, когда ничем не удерживаемый череп опрокинулся, и из ушных и глазных отверстий потекла вязкая сероватая жижа. Иво сообразил, что глазные нервы вытекли через каналы черепа, и сейчас начал растворяться мозг. Первыми пойдут лобные доли. Или одно из полушарий?

Одновременно произошли резкие изменения в грудном отделении. Мембраны, закрывающие грудную клетку, сперва поддались и опали, легкое схлопнулось, и под ребрами образовалась пустота. Мускулы на этой стороне расплавились, обнажив ребра и пространство под ними.

В этом пространстве билось сердце, находящееся практически в центре, а не слева, как думал Иво, оно все еще нагнетало яркую кровь по боль-

шой артерии к мозгу и почкам, и синюю кровь по легочной артерии к легким для окислороживания. Относительно крупные вены замыкали цикл кровотока, теперь уже сильно ограниченный. Лимфатические узлы усыпали органы, мелкие сосуды окутывали сердце, большой нервный ствол, идущий к мозгу, остался нетронутым. Не считая костей и остатков покровных тканей, это было все, что осталось.

Неужели это то прекрасное тело, которое совсем недавно ощупывал дрожащими руками Иво? Тот ли это самый физический объект, образ чей пленял его воображение?

Почки распались, второе легкое схлопнулось; сердце начало биться медленнее, затем замерло. Если целью программы была смерть, то она достигнута.

Экран проектора погас.

У всех появилась одна мысль: может, они все замыслили отвратительное убийство и только что осуществили свой замысел?

Прошло уже четырнадцать минут, а процесс по-прежнему продолжался. Позвоночные диски свободно провисли, ребра просели. Жидкость медленно растворяла скелет, но понадобится много времени, прежде чем исчезнут череп и берцовые

кости. Жидкость успокоилась и начала постепенно расслаиваться, игра света, отражавшегося от слоев, производила жуткое впечатление. Казалось, что призрак девушки является к ним.

Гротон неуверенно встал. Он подошел к контейнеру, нагнулся и накрыл его крышкой, изгнав призрака-отражение. Он осторожно оттащил контейнер на другую сторону комнаты, к саркофагу Брада, и надежно закрепил его. Он подвинул контейнер всего на несколько футов, но в малом помещении эти футы показались Иво громадным расстоянием. Удивительно, насколько человек способен привыкнуть к тесноте, так что кубические ярды могут показаться ему кубическими родами[29].

Гротон поставил следующий, уже третий контейнер на позицию. Молча разделся, небрежно бросая вещи на груду одежды, оставленную Афрой. Лег.

Беатрикс отвернулась.

Прошло необходимое время. Два убийства? Иво сдвинул ящик с останками Гротона, и тот легко заскользил по полу. Его охватил иррациональный страх, он испугался, что часть жидкости может

---

[29] Примечания: 29
Мера длины — 5 метрам.

расплескаться. И вздохнул облегченно, когда прикрыл контейнер крышкой, хотя она и подходила не совсем плотно. Необходима была вентиляция, иначе контейнер мог легко превратится в гроб. Он нашел защелки, которые Гротон приделал для крепления. Это была как раз та деталь, которую предусмотрел именно инженер, Иво бы до этого не додумался. Правда, невесомость и рывки ускорения все равно расплескали бы жидкость, но Афра и Гротон позаботились и об этом, изменив соответственно программу. По-видимому, компьютер не будет полностью отключать двигатели: Джозеф совершит плавный переход от ускорения 10 G к эквивалентному замедлению, так что жидкость будет в безопасности.

Иво подтащил очередную емкость.

— Нет! — на грани истерики крикнула Беатрикс. Внешне она выглядела спокойно, но увиденное, очевидно, вызвало нервный срыв. Он не мог ее винить. Иво подождал несколько минут, и она заговорила, стараясь не смотреть ему в глаза:

— Я боюсь.

— И я тоже, — и это была чистейшая правда.

Это, похоже, немного воодушевило ее:

— Теперь моя очередь. Но я не представляла,

что это выглядит так! Я ни за что не смогу сделать это сама, хотя и должна.

— Да, — что тут можно было сказать?

— У него были гороскопы, — сказала Беатрикс, имея в виду своего мужа. — И когда ему все надоедало, он мог часами возиться со своими диаграммами и чертежами, светилами и планетами, и был очень доволен, когда все получалось. Я никогда не могла понять его, ведь у меня ничего нет.

Иво не решался даже согласиться с ней.

— Он как-то сказал мне, — быстро продолжала она, — я не знаю, что это значит, но запомнила, что в тридцать семь лет в мой знак войдет Нептун.

— Нептун!?

— И еще он сказал, что мой восходящий знак действительно будет напротив Нептуна, и что Меркурий будет напротив Нептуна, а Нептун, это означает долг — кажется, так он и сказал…

— И мы летим к Нептуну, — закончил за нее Иво. — Я не знаю, что значат все эти термины, но выглядит это так, что вы должны направиться к Нептуну.

Действительно ли это что-то значит, или все это лишь простая случайность?

— Сейчас мне тридцать семь, — сообщила она.

Иво воодушевился:

— Ну, значит, все обойдется!

Но Беатрикс не шелохнулась.

Наконец-то Иво понял, что ему нужно делать. Он подвел ее к контейнеру и осторожно раздел, в то время, как она безучастно наблюдала за его действиями. Всего несколько часов назад он и представить себе не мог, что будет заниматься подобным! Раздевать пожилую женщину! Какие секреты теперь могут быть у нее от него?

Он помог ей прилечь, затем хотел было отойти.

— Держите меня за руку, Иво.

Он встал на колени на краю зоны действия луча и взял ее руку, полагая, что она все равно растворится, чуть позднее.

Включился луч. Беатрикс обмякла, потеряв сознание, но Иво оставался на месте. Кожа на ее руке сошла до локтя, но кисть, которую он держал, осталась нетронутой. Внезапно он сообразил, что рука может отмереть, лишившись питания после распада сосудов. Необходимо немедленно вернуть ее в зону, пока не произошло непоправимое. Его рука онемела, попав под действие луча, когда он опускал руку Беатрикс. Он поспешно

отпрянул. Пленка слизи покрывала облученное место, и рука потеряла чувствительность. Идиот! Вздумал играть в ладушки с инопланетным излучением!

Он сел на край контейнера, приподняв руку, чтобы ни одна капля жидкости не попала мимо емкости, предназначавшейся для него. Похоже было, что нервы отключились надолго, но других следов распада не было видно. Пропали волосяные луковички и верхний слой кожи — ничего страшного.

А что будет, если облучить только часть тела? Можно ли ампутировать в случае ранения конечность и таким образом сохранять ее? Наверняка можно. По-видимому, в этом и было первоначальное предназначение программы. Наверное, где-то можно узнать и о регенерации конечностей. Как мало он еще знал из залежей открытой информации.

Иво мрачно наблюдал разрушение пищеварительной системы Беатрикс. Луч быстро пожирал плотно упакованные переплетения кишечника, но немного запнулся на мышечном листке внизу. Воистину, какие секреты могли быть у женщины от того, кто видел ее буквально всю? Какая телесная связь поможет познать женщину боль-

ше, чем этот всеразрушающий луч? Вон уретра, вон открытый канал влагалища, вон анус и позвоночный столб — все прекрасно видно, как в анатомическом театре. Неужели она теперь чем-то отличалась от Афры? Но уж если на то пошло, чем вообще люди отличаются друг от друга?

И он стеснялся прикоснуться к телу Афры! Сейчас он был рад, что хоть одна женщина настояла на этом. Сейчас воспоминание о гладкой и нежной коже Афры было единственным утешением, сейчас, когда этой самой кожи нет и в помине.

Боже!!! (молитва или богохульство?) — стоит ли внеземное спасение всего этого?

Он понял, что остался один. Нужно только подождать несколько часов, его подберет корабль ООН и приключение закончится. Он не пойдет на этот безумный риск, как другие; он, как минимум, будет уверен, что сохранит себе жизнь.

Иво не серьезно думал об этом. Остальные не поддались страху, поверили ему, пошли на эту дикую трансформацию, рискуя принять лютую смерть, ради выполнения задания. Его задания. Это была команда героев. И он должен был тоже доказать это — он, Иво, а не пресловутый Шен, ради которого его вытащили сюда.

И только так, подумал он, можно остаться с Аф-

рой. Если ООН захватит их, то макроскоп заберут, а баки с протоплазмой будут медленно загнивать. Насколько он представлял, критический срок сохранности был около года. По прошествии этого времени успех восстановления не гарантировался.

Он неуклюже разделся — мешала онемевшая рука. Пододвинул Беатрикс к ее мужу, прикрыл контейнер крышкой и прикрепил к полу. Затем подтащил на позицию свой контейнер и лег в него.

Но тут же быстро выскочил, вспомнив кое о чем. Одежда команды была в беспорядке разбросана, и при маневрах могла представлять опасность. Он собрал одежду в узел, вывернув из карманов ручки, монеты, бумажники и прочую мелочь и свалил все в коробку.

Иво наткнулся на старый стертый пенни, который хранил так долго — память о глупо пропущенном автобусе. У него также сохранился неиспользованный автобусный жетон. А что, если какая-нибудь безделушка всплывет и упадет во время маневра в чью-нибудь кастрюльку с желе? О ужас!

Он снова забрался в контейнер. Разумеется, он теперь останется в зоне действия луча, и тот

включится по прошествии минимального срока, если будут соответствующие условия. В данном случае нормальные условия означают нормальную гравитацию.

А откуда программа знает, что 1G — это нормально по земным меркам? Слишком поздно думать об этом! «Как бы там ни было, но я уже даже не боюсь», — подумал он. — «Как бы там ни…»

Может ли память наследоваться? Жил когда-то русский ученый Лысенко, который доказывал, что может. Его теория превосходства влияния среды и окружения над наследственностью была дискредитирована преступной деятельностью самого Лысенко, да и политические ветра переменились, и о теории забыли — но более поздние исследователи вновь подняли этот вопрос.

Внеземное излучение расплавляло функциональную ткань и разлагало ее на изолированные клетки, которым был необходим минимум питательных веществ, поступающий в основном из ее собственных внутренних запасов. Процесс восстановления воссоздает оригинальный организм, вместе со всеми его воспоминаниями. Все должно содержаться в клетке — память и физическая форма. Только если вся память, вплоть

до мимолетной мысли, записана в хромосомах, генах или где-то в ядре — только тогда полностью восстановится тело и личность человека.

Галактическая программа утверждала, что это возможно. Инопланетный разум, по-видимому, знал точно.

Но вдруг ткани земных существ нетипичны для жизни во Вселенной…

— Или убирайся или заткнись, — подумал Иво, — до или после? — И стал ждать своего ответа. Вот будет потеха, если инопланетяне ошиблись!

Я здесь…

Плыву через густое теплое море, древний океан мягкой, сладкой крови.

Здесь…

Карабкаюсь на неприступный утес, дрейфующий континент кости, холодный, и горячий…

Как вымолвить слово, не имея легких?

Как думать без мозга?

Лавина ощущений: любопытство, страх, голод, страсть, насыщение, летаргия…

Прошла вечность.

— …вставай, — Иво открыл глаза.

Он лежал в открытом контейнере, его окружала тепловатая вода. Чувствовал он себя прекрасно.

Даже рука была такой же, как прежде.

Он встал, отряхнулся, натянул одежду. Подтащил следующий саркофаг (судя по его весу, гравитация была нормальной) и открыл крышку.

Внутри было аппетитное, слегка расслоившееся желе. Он отошел.

Включился проектор и осветил студнеобразное вещество.

Протоплазма задрожала, но никаких заметных изменений не произошло.

«Терпение», — скомандовал он себе. «В прошлый раз ведь сработало».

Постепенно в верхнем слое образовалось помутнение, песчинка, крохотный зрачок, ядрышко. Оно начало двигаться и вот уже выросло в шар размером в мяч для гольфа. Шар раскрылся в эластичную полусферу, которая конвульсиеными движениями то засасывала жидкость, то выбрасывала ее обратно, медленно перемешивая расслоившуюся массу. Стенки обрастали мускулатурой, и вот уже это образование напоминало ожившее влагалище, жаждущее совокупления. Затем посередине края полусферы спаялись и образовались два отверстия — вход и выход. Жидкость стала более интенсивно омывать организм,

и существо начало расти на глазах.

Оно удлинялось, складки на боках превращались в плавники, одно из отверстий переместилось вниз. Спереди появились впадины, из которых тут же получились самые настоящие глаза — это была рыба. Плавники утолщались, тело становилось грузным и неуклюжим. Рыба раскрыла пасть, продемонстрировав ряд острых зубов, и вдруг неожиданно высунула из воды морду и глотнула воздух. Рост продолжался, голова уже была над поверхностью. Ближайший глаз бессмысленно уставился на Иво. Сейчас существо напоминало рептилию, с массивным хвостом вместо плавника и когтями на хорошо сформированных лапах. Оно оскалилось — зубов стало меньше, но все равно чертовски много. Это был уже большой организм — половина запасов протоплазмы израсходовалась на этой стадии.

Тело съежилось до размеров грызуна, существо сбросило лишнюю плоть. На месте чешуи стали пробиваться волосы, зубы становились более специализированными. Вскоре на Иво смотрело крысоподобное создание, подергивающее тонким хвостом.

Вновь пошел рост, казалось, была сломлена какая-то преграда. Развились мощные конечности,

мех стал гуще, увеличилась голова. Морда стала более плоской, глаза выдвинулись вперед, уши прижались к черепу. Конечности удлинились и стали терять волосы; хвост уменьшился, расширился лоб.

Это было уже нечто, похожее на человека. По-видимому, на женщину — многочисленные соски продвигались по животу и груди и, в конце концов, слились в два. С лица исчезли волосы, конечности стали стройнее. Таз расширился, средняя часть туловища сузилась. Волосы на голове быстро стали спускаться вниз; груди соблазнительно набухли.

Пред ним лежала на спине богиня плодородия, созерцающая мир через полуприкрытые глаза.

Тело начало стареть. Туловище несколько раздулось, прекрасные груди утратили былую упругость, лицо округлилось.

Проектор погас.

— Все кончилось, Иво?

Он вздрогнул, устыдившись своего взгляда на обнаженную женщину.

Он повернулся к Беатрикс спиной, чтобы она могла спокойно одеться. Восстановление выглядело не столь угнетающе, как деструкция, но тут тоже были свои особенности. Хуже всего было

ощущение, будто познал и увидел все.

Весь путь эволюции homo sapiens был пройден за… — он посмотрел на часы, — четыре часа. Казалось, что прошло лишь несколько минут.

— Я приготовлю обед, — сказала Беатрикс. Ясно было, что ей не хочется смотреть на восстановление остальных.

Гротон ожил следующим, и теперь это тянулось действительно четыре часа. А уж с Афрой так показалось, что и все восемь.

— Проверьте меня, — немедленно скомандовала она. Ни о чем не забыла.

Двое мужчин ощупали ее по очереди, на сей раз не смущаясь, и признали настоящей.

— Да, — сказала она, — я была уверена, что все обойдется.

Трансформация — субъективный процесс. Никто не упомянул о Браде. По взаимному негласному договору его оставили в таком виде, так сказать, на хранение. К чему было оживлять его сейчас?

Глава VI

Они мчались к Нептуну, до которого оставалось каких-то два миллиона миль. Иво уже не нужен был телескоп, чтобы представить себе величие планеты. С такого расстояния Нептун казался раза в два больше Луны, как она видна с Земли, почти градус в угловых единицах. Он представлял собой огромный зеленоватый диск, разрисованный широкими полосами, испещренный точками и рубцами, словно какое-то богоподобное существо беззаботно играло в спраут на его поверхности.

Они находились в невесомости, контейнер Брада был загерметизирован и вентилировался электронасосом.

— Скукота, — шутливо заметила Афра. — Очередной газовый гигант, мимо которого не промахнешься.

Скукота? Иво оценил ее юмор, он в жизни не видел ничего более потрясающего. Когда он напряг зрение, проступили детали — более яркий желтоватый экваториальный пояс, окаймленный сине-серыми полосами, пестрые зеленоватые «субтропики», переходящие в иссиня-черные по-

лярные районы — довольно сильный эффект. По сравнению с этим Земля была тусклым ничтожеством. Пятна Нептуна были сконцентрированы в центральной зоне и были черного или темно-коричневого цвета, — Иво подумал было, что они двигаются, хотя визуально ничего заметно не было. Темно-синий овал виднелся на горизонте той части планеты, которую Иво назвал северным полушарием. На вид планета была совершенно круглой, но воображение дополняло картину. Он представил себе две колоссальные руки, которые сжимали планету так, что ее брюхо выпирало за тугой пояс.

Он перевел взгляд на окружающее «небо». Солнца не видно, только гроздья звезд неистово сверкали во тьме. Большим объектом, кроме Нептуна, был диск, находящийся на расстоянии нескольких диаметров от планеты.

— Тритон, — сказала Афра, заметив, куда он смотрит. — Главный спутник Нептуна. Есть еще один — Нереида, она находится от него дальше, чем мы сейчас. Орбита Нереиды кометообразная, весьма необычное явление для спутника планеты. Скорее всего, есть еще несколько неоткрытых спутников, они то и дело появляются у больших планет.

— Это очень интересно, — сказала Беатрикс, но ее интерес, по-видимому, был весьма поверхностен. Иво догадывался, что она еще не отошла от шока после трансформации и сейчас стремилась разрядиться в беседе с другими. — Вот мы и прибыли, и что же дальше?

Никто не ответил. Нептун все рос, зеленый вседержатель моря космоса, по которому они плыли.

— Он такой большой, — сказала Беатрикс. — И дикий. Ты уверен, что он не опасен?

Гротон улыбнулся:

— Нептун в семьдесят или восемьдесят раз тяжелее Земли, но гораздо менее плотен. То, что мы видим, на самом деле облачность, а не поверхность планеты. Он действительно большой и дикий, но не переживай — мы даже не будем пытаться на него сесть. Мы ляжем на орбиту вокруг него.

— Это будет истинный рай — год невесомости, — съязвила Афра.

Иво посмотрел на крошки, оставшиеся после обеда, парившие в потоках вентилируемого воздуха, и понял ее иронию. Невесомость — хорошая забава на час, но на год — мука. Во-первых, места слишком мало для нормальной жизни пятерых

человек, во-вторых, их ожидает атрофия мускулов и другие нарушения функционирования организма. В-третьих, вентиляция контейнера Брада ненадежна и опасна. Деструкция задумывалась как средство борьбы с высокой гравитацией, и невесомость, вероятно, плохо влияет на протоплазму.

Нет — об орбите вокруг Нептуна не могло быть и речи.

— Как насчет Тритона? — предложил Гротон. — Размер и масса приблизительно такие же, как у Меркурия, насколько я представляю. Гравитация на поверхности около четверти земной, и может даже есть небольшая атмосферка. Нам нужна будет база, хотя бы для того, чтобы набрать водород в баки. Да и довольно просто перехватить Тритон на этом курсе — мы как раз догоняем его.

— Звучит очень мило, — сказала Беатрикс.

Гротон разошелся:

— Нашей главной задачей было сохранение макроскопа, нужно было не дать ООН его демонтировать или сделать чего похуже. Чтобы ее выполнить, пришлось спешно покинуть окрестности Земли. Эта часть выполнена. Теперь наша обязанность — следить за ситуацией дома и быть готовыми вернуть скоп, когда придет время. А

пока нужно использовать скоп для разведки…

Иво улыбнулся:

— Вы имеете в виду Супер-Дупер-Пупер…

Афра взглядом заставила его замолчать.

Ну и ладно. Можно называть это разведкой или подглядыванием, все равно нельзя лететь домой, не зная, что там творится.

— Что это? — спросила Афра. Все удивленно повернулись к ней. Во время предыдущего диалога она, по-видимому, наводила порядок в своей сумочке и сейчас держала в руках маленький листочек из маленького стенографического блокнота.

Иво разглядел на нем странные каракули.

— Это стенограмма — одна из версий, — сказала Афра. — Никогда такого не видела. Я использую письмо Грегга.

— А, скоропись, — сказал Гротон. — Вы можете разобрать ее?

Афра сосредоточилась над малознакомыми символами:

— Это почти бессмысленно: «Моя пешка связана».

— Еще одно послание от Шена! — воскликнула Беатрикс.

— Наверное, он рассовал свои послания по всей

станции, — заметил Гротон. — Вначале лингвистический ребус, затем знак Нептуна, а теперь вот это. Скорее всего, он написал все одновременно, и мы отыскиваем записки случайным образом!

— А почему бы ему не выйти к нам? — заинтересовалась Беатрикс. — Если он так близко, что смог добраться до сумочки Афры…

— Шена трудно понять, — сказал Иво. Но объяснение показалось неполным даже ему. Какие еще маленькие сюрпризы преподнесет им этот гений?

* * *

Когда ракета начала переходить на орбитальную скорость, Нептун уже выглядел чудовищем. Диск планеты визуально выглядел в четырнадцать раз больше Луны, была ясно видна клубящаяся слоистая атмосфера гиганта. Большие цветные полосы теперь почти не различались, вместо них виднелась трехмерная смесь облаков, газа и завихрений, напоминающих снимок глаза тайфуна. Они были еще слишком далеко, чтобы заметить движение, и могли спокойно созерцать все детали застывшего перед ними ужаса.

Иво показалось, что он наблюдает конвекцию в нагреваемом чане с расслоившейся нефтью.

В воображении появилась еще одна картина — контейнер Брада на печке, и Иво, ужаснувшись, отогнал эту мысль. Сине-серые пузыри газа, в тысячу миль диаметром, всплывали в толще плотных слоев атмосферы, оставляя за собой хвосты турбулентных завихрений. Проход, проделанный недавно прошедшим пузырем, являл взору четкий срез газообразной страты атмосферы — желтая масса, прошитая зелеными, черными, розовыми прослойками. В другом проходе виднелись груды белесой субстанции — водородного снега, — которые лавинами низвергались в пучину нептунианского океана, огромной вмятины на теле планеты. Похоже на льющийся в воду жидкий воск, подумал Иво.

Нет, о посадке не могло быть и речи. Афра удалилась в чрево Джозефа, чтобы проконтролировать выполнение маневра.

Они вышли на орбиту Тритона и приближались к нему со скоростью, которая поражала воображение, будучи выраженная в милях в секунду, но в таком исполинском окружении казалась ничтожно малой.

Шар Нептуна — тридцать одна тысяча миль в поперечнике, подавлял все вокруг, на фоне его буйствующих красок Тритон казался серым и

унылым.

Но малыш Тритон тоже хранил свои тайны. Всего в десять раз меньше Нептуна, в полтора раза больше Луны, но в три раза тяжелее. Если считать по массе, то Тритон был настоящим гигантом среди спутников планет Солнечной системы, хотя по размерам он был далеко не первым.

Тритон постепенно приближался, и вот он уже казался таким, как Нептун, затем больше, — они предстали как две планеты-сестры.

Но Нептун был злобен и ярок, а Тритон — спокоен и мрачен. Его поверхность казалась непоколебимо твердой.

— Твердокаменный, — пробормотал Иво, ожидая услышать обычное «Что?» Афры, но ее не было рядом.

Стали видны кратеры: гигантские кольца раскрошившихся скал, залитые в середине черной тенью, некоторые были исклеваны изнутри более мелкими кратерами. Горы — густые морщины на лице спутника. Горизонт был затуманен полупрозрачной дымкой атмосферы. И еще океаны…

— Должно быть, какое-то соединение кислорода с азотом, — сказал Гротон. — Но не вода, это уж точно. — Заинтересовавшись, он попросил Иво сфокусировать макроскоп и провести спектроско-

пический анализ. — Атмосфера в основном неон и азот, — сказал он, просмотрев спектры. — Немного кислорода и следы аргона. Океан наполнен жидким соединением…

И тут они увидели в космосе нечто.

— Внимание, — объявил Гротон по интеркому. — К нам что-то приближается, и это не Тритон.

— Корабль? — спросил голос Афры. — Шен?

Иво направил маленький телескоп на объект. Он представлял собой скалу из какого-то вещества сорока миль в диаметре.

— Слишком большой, — заключил он. — Это камень или еще что-то твердое. И форма неправильная.

Так как они пролетали близко от этого тела и можно было провести точные измерения, Иво смог определить параллаксы:

— Около сорока миль в длину, тридцать пять в ширину.

— Я вижу его! — воскликнула Афра. — Он появился у нас, на экране Джозефа. Эта штука находится на орбите!

— Но не вокруг же Нептуна, — заметил Гротон. — Она же сейчас движется по направлению к планете. Этого не может… — у него перехва-

тило дыхание. — Спутник спутника? Не могу поверить.

Но этому пришлось поверить. Дополнительные наблюдения и анализ показали, что это действительно спутник Тритона, вращающийся на расстоянии десять тысяч миль, и он был обращен широкой стороной к своей планете. Его орбита была нормальной, в противоположность обратной орбите Тритона[30]. Его состав — H_2O. Это была глыба льда, настолько холодного, что он был, наверное, тверже стали, и грани ее были прозрачны, свет звезд преломлялся в них, разделяясь на еле заметные разноцветные блики, создававшие по краям глыбы загадочную ауру.

— Какая красота! — восхищенно вымолвила Афра. — Как мы назовем его?

— Шен, — коротко ответил Гротон.

Иво ожидал услышать возражения Афры, но интерком молчал. Очевидно, она ждала возражений от него.

— Здорово получилось, — сказал Гротон. — Не нужно рассчитывать орбиту, есть уже готовая.

— Но мы все равно должны будем приземлиться на Тритон, — напомнил Иво. — Шен вряд ли

---

[30] Примечания: 30

Имеется в виду то, что большинство спутников в Солнечной системе вращаются в одном направлении.

способен обеспечить нужную гравитацию. Я хотел сказать, Шен — спутник.

Он помнил все время в подсознании о том неутомимом любопытстве, с которым все относились к вопросу о Шене-человеке.

— Не может быть и речи. Мы просто не сможем приземлиться с макроскопом на носу Джозефа. Мы привязаны к космосу — на поверхности мы разобьемся.

— Но если мы выдержали десять G, то какая-то одна четвертая…

— Сожалею, но все не так просто. То были равномерные и постоянные десять G, а падение — это совсем другое дело. Результат может быть хуже, чем сто раз по десять G.

— А, — слава Богу, хоть Гротон говорил на понятном ему языке. — Но если корабль не может сесть, а оставаться в невесомости нельзя…

— Планетный модуль. Мы сможем безопасно приземлиться. Гораздо проще курсировать туда-обратно, да и не рискуем макроскопом. По крайней мере до тех пор, пока мы в состоянии держать Джозефа в поле зрения. Думается, что здесь проблем не будет, такой большой и яркий объект, как Шен, виден хорошо с любой точки Тритона. Мы его в любое время заметим даже без

телескопа.

Прежде всего его слова были обращены к Афре, так как они уже начали синхронизацию с орбитой Шена. Ледяной утес приближался, ямы и выбоины на его поверхности увеличивались. Он уже заполнил весь экран, и, казалось, они совершают посадку в арктических торосах на полярном самолете, с той лишь разницей, что почти отсутствовала гравитация.

Афра осторожно подводила ракету к Шену, направляя корабль миниатюрными маневровыми двигателями, расположенными по борту. Иво подумал, а что произойдет, если они столкнутся? Ведь макроскоп довольно сильно выпирает за обводы корабля, — но тут же вспомнил, что гравитация отсутствует, и удар будет незаметен. Это была скорее синхронизация орбит, чем приземление, посему неплохо было бы укрепить корабль — силы притяжения Шена будет явно не достаточно, чтобы надежно удерживать Джозеф.

Со скоростью сорок миль в час они подходили к спутнику снизу, затем скорость снизилась до десяти миль, до пяти… До Шена, казалось, можно было дотронуться, а иллюзия того, что подплываешь «снизу», исчезла, теперь Иво рисовал себе это, как посадку на дирижабле.

Со скоростью одна миля в час корабль прошел последние футы и уткнулся в спутник. Они сели.

— Давайте разомнемся, — предложил Гротон; когда женщины вошли в рубку. — Испаряющаяся влага замерзнет и прихватит корабль, это не так уж и долго, но все равно нам пока делать нечего.

Они вышли на поверхность, отдавшись свободному парению. Бегству от реальности. Вода испарялась теплом их скафандров, и легкие струи пара поднимали их над стылой равниной; приходилось использовать газовые движки для корректировки курса. Толчок — и Иво проплыл над десятифутовым утесом, чувство всесилия и страха смешались в нем. «Земля» была близко, но не притягивала его…

Шен, как и Тритон, сохранял ориентацию по отношению к своей планете. Они находились на «нижней» стороне, и это подчеркивало фантастичность ситуации. Тритон был слишком большой, он находился слишком близко; когда они смотрели на него, то представлялось, что именно он находится «внизу», и когда они поднимались слишком высоко, это воспринималось, как падение, хотя на самом деле они падали *вверх* относительно Шена. Это было нечто из снов, вернее кошмаров.

Иво приблизился к горизонту, неожиданно оказавшемуся досягаемым. Он проплыл над ребром скалы и опустился на резко уходящую вниз плоскость — еще один горизонт возник в миле от него. Он пересек эту милю, и вот уже перед ним третий горизонт, в полумиле. Еще один, подумал он, и хватит. Сознание устало воспринимать все это.

Но, зачарованный внеземным ландшафтом, он прошел еще два и увидел Нептун. Он понимал, что планета не стала больше с тех пор, как он смотрел на нее с корабля. Он напоминал себе об этом. Но там находился под защитой корабля, здесь же он был открыт, и, казалось, сейчас сверзится в газовую пропасть гиганта. Пылающее лицо Нептуна было так близко, так яростен был его оскал — это было воистину материальное воплощение разрушителя. Бог морей — ужас мореплавателей. Иво включил двигатель и поспешил назад.

Нужно было отвести корабль снова в космос, хотя бы на милю, чтобы мог отделиться планетный модуль. Афра управляла модулем, а Гротон пришвартовал Джозефа обратно к Шену. Иво и Беатрикс наблюдали за всем с уже отделенного шара макроскопа, и трудно было сказать, кто из них волнуется больше. Авария, малейшая

неточность — и они останутся на куске льда, пока смерть, и довольно скоро, не разлучит их. Аварии не случилось. Они загрузили минимум припасов на модуль, и все вместе направились к Тритону. Иво хоть немного стал соображать только после жесткой посадки — он буквально потерял рассудок от страха, утешало лишь то, что Беатрикс чувствовала то же самое.

Наконец-то появилась гравитация. Надев скафандры, они вышли на поверхность своего новообретенного дома и осмотрелись. Они находились в долине, образованной кромками двух соседних кратеров, которые представлялись им двумя огромными хребтами, уходящими вдаль. Рядом с местом посадки проходила огромная расселина, геологический разлом, расположенный между кратерами, дно которого было покрыто жидкостью. Почва была запорошена пылью, напоминающей твердый снег, то тут, то там выступали камни. Могучий Нептун давал мало света, ничего похожего на солнечное освещение на Земле здесь не было.

— Ну вот, это наш мир, — неуверенно произнесла Беатрикс, когда они вернулись на модуль. — И что нам с ним делать?

— Придется оставаться в модуле, пока не соору-

дим постоянное жилище, — задумчиво ответил Гротон. — Но прежде чем этим заниматься, давайте-ка выберем подходящее место.

Афра сняла верхнюю часть скафандра в шлюзе и вытирала от пота тело адсорбирующей материей. Иво осознал, что она нага по пояс, и что в данной ситуации их группа настолько сплотилась, что он заметил это не сразу. Он подумал о том, что четыре кубических ярда на четверых — это все, на большее в ближайшее время трудно рассчитывать, и для соблюдения приличий места явно маловато. Макроскоп был просто роскошными апартаментами по сравнению с модулем.

— Я хотела бы знать для начала, как долго мы тут собираемся оставаться, — сказала Афра. — Если Шен-человек собирается нас здесь разыскать, то когда это произойдет? Нет смысла строить что-то основательное, если это вопрос нескольких дней. — Она не прерывала свой туалет.

Иво вспомнил скелет в протоплазме, и его потянуло подойти и пощупать ее еще раз, чтобы убедиться в реальности существования этого тела. Но он сдержался.

— Иво? — обратилась к нему Беатрикс.

Он встрепенулся:

— Не думаю, что Шен придет, мы должны сде-

лать все сами.

— Так вы можете его найти, или нет? — требовательно спросила Афра, стягивая нижнюю часть скафандра. — Или связаться с ним? Вы тут все напускаете туман, да еще и вопрос с этим поэтом…

Беатрикс прервала зарождающуюся тираду:

— Афра!

— Он же отказывается сотрудничать. Я просто не могу примириться…

Наступила очередь Гротона:

— Когда вы все успокоитесь, я сам займусь проблемой Шена и все вам подробно изложу, когда будет что рассказывать. А пока нам ничто не мешает немного здесь обустроиться. С Шеном или без, но нам нужна постоянная база. Давайте будем действовать разумно и не торопясь, а там видно будет.

Афра явно осталась недовольной, но молча влезла в шорты и надела свежую блузку. Она не утруждала себя бюстгальтером при четверти нормальной гравитации.

— Предположим, мы найдем подходящее место, а как вы собираетесь возводить «постоянное жилище»? У нас есть лишь один строительный материал в изобилии — дикие камни да холодная пыль в придачу, и они имеют определенные

недостатки.

— Я знаю о трудностях, но, полагаю, Иво сможет еще раз заглянуть в скоп и выдать нам пару галактических технологий. Это скорее всего типичная ситуация по галактическим меркам, и должны быть какие-то пособия по выживанию. Почему бы нам не воспользоваться?

— Я могу попытаться. Скажите, что нам нужно, и я поищу. Я не могу использовать компьютерный поиск, так как это интеллектуальный поток, но…

— Прекрасно. Я разработаю план, мы с вами все обсудим и через несколько дней перевезем вас на скоп. Думаю, что следует установить предел пребывания в невесомости, скажем, не больше одного дня из трех. Это реально?

Афра и Иво кивнули. Если в их команде и мог быть лидер, то им явно становился Гротон, так как в создавшейся ситуации их первостепенными задачами стали вопросы конструирования и строительства, да и не последнюю роль, подумал Иво, играет уравновешенность Гротона.

— Он один там будет? — спросила Беатрикс.

— М-да… это как-то… — согласился Гротон. — Наверное, надо установить еще одно правило — никого не оставлять одного. Макроскоп опасен,

и мы это прекрасно знаем, но Тритон опасен не менее. Мы должны все время следить друг за другом, так как при гибели одного меньше шансов выжить у остальных.

— Нужно, наверное, разделить обязанности? — спросила Афра. — Вот Иво, например, единственный, кто разбирается в скопе. Гарольд и я умеем управлять кораблем…

— Так не пойдет, — отреагировал Иво. — На самом деле не имеет значения, кто из нас что делает. Либо мы работаем как коллектив, либо не работаем вообще.

— В этом есть смысл, — согласился Гротон. — Если допускать, что кто-то из нас вдруг станет временно нетрудоспособным. И все же давайте пока распределим обязанности, и пусть каждый обучает кого-нибудь другого, по возможности. Иво — вы, разумеется, на скопе, Афра — пилот, потому что я буду инженером-строителем, Беатрикс…

— Кухарка и прачка, — сказала она, и все засмеялись.

Именно Беатрикс дежурила с ним в первую вахту на скопе. Афра отвезла их с Тритона, аккуратно пришвартовав модуль к макроскопу, высадив их, и умчалась назад помогать Гротону в

поисках места для строительства. Гротон остался в скафандре один, но никто не стал напоминать ему про установленное им же второе правило. Иво внимательно выслушал кучу условий и требований и теперь должен был найти нужную станцию, которая все это передавала бы. Он едва ли понимал все эти термины из электроники, но надеялся, что сможет хотя бы составить общее представление о соответствии запросов Гротона предложению галактических цивилизаций.

Первое задание было не из простых: обзор галактических технологий. Но Беатрикс была рядом, и когда он выныривал из бездонной пропасти космоса, она встречала его своей приветливостью, поддержкой и участием. Теперь он понимал, почему Гротон, вообще-то парень не промах, среди наверняка многих женщин-инженеров выбрал именно эту. В ней было что-то неуловимо знакомое, родное, то, в чем больше всего нуждается человек, когда все новые открытия века потрясают основы мироздания. Она несла с собой аромат далекой матери-Земли.

Опять он вспомнил замечание Брада о том, что быть средним не стыдно, и эта мысль еще больше поразила его. Интеллект можно определить, как способность решать задачи — но это лишь один

талант среди многих, необходимых в жизни. И если называть талантом умение уживаться с людьми, то Беатрикс, несомненно, была в этом талантливее всех.

— Теперь я понимаю, что имел в виду Ланье, когда говорил о связи музыки и поэзии, — сказал он, когда снял шлем и окуляры, а в голове все еще звучала музыка космоса, ритм информационных потоков. — Правила одни и те же.

— Ланье? — переспросила она. — Сидней Ланье, который писал про болота?

Он взглянул на нее и понял, что проболтался.

— Вы знаете его?

— Немного. Никогда не могла понять тех интерпретаций его поэзии, что талдычили нам в школе. Но некоторые его стихи мне нравятся. Думаю, мне нравятся больше американские поэты, потому что они ближе. Помню, как я загрустила, когда прочла об Анабель Ли.

— Анабель Ли?

— Это мистер По написал. Я раньше думала, что он итальянец, ну из-за той речки. То есть, я хочу сказать, он написал поэму об Анабель Ли. Я заучила стих, потому что плакала, прочитав его.

Иво посмотрел на нее и увидел женщину тридцати семи лет, которая лишь раз за период их

недолгого знакомства загрустила.

— Вы помните его?

— Не уверена. Давно это было. Хотя, дайте попробую, — она задумалась:

Она была дитя, и я был дитя

В этом царстве моря

Но наша любовь была больше, чем просто

любовь

Я и моя Анабель Ли

Она покачала головой:

— Она умерла — ветер унес облако — но он любил ее всю жизнь.

— Я и не знал, что вы любите поэзию, — сказал Иво. — Какая ваша самая любимая поэма?

— О, есть одна, — ответила она, и лицо ее оживилось. Иво дал ей лет сорок, или даже больше, во время первой встречи, затем узнал ее истинный возраст, сейчас же она, казалось, сбросила лет шесть. Люди кажутся более *живыми,* когда говорят о том, что любят. — Это очень грустная поэма, но все выглядит так, как в жизни. Я не помню ее наизусть, но она все же моя любимая. Это про Иисуса Христа, как они убили его, когда он вышел из лесу. Как бы я хотела вспомнить

хоть немного…

В лес вошел хозяин мой

Полон любви и стыда,

— «Баллада о Хозяине в Лесу», — сказал он. — Ланье.

— Да, да, я все забыла, но это она! А откуда вы знаете?

— Я немного знаком с его поэзией. Ну, это длинная история, сейчас это не имеет никакого значения.

— Да конечно же имеет, Иво! Он такой прекрасный поэт, я точно знаю… вы должны досказать стих. Думаю, я вспомню… Когда Смерть и Позор добьют его…

Они притащили его под деревья

И на дереве его распяли

Когда он вышел из леса

На глазах ее были слезы, но они не капали в невесомости.

— Он нашел покой в лесу, а они распяли его на дереве. Какой ужас, — она на секунду задумалась. — Но вы не сказали мне, откуда знаете Сиднея Ланье.

Иво был тронут ее искренним вниманием и

интересом.

— Это была просто детская игра. Видите ли, никто из нас не знал настоящих родителей.

— Вы не знали? Иво, где же вы были?

— Участвовал в проекте. Они собрали представителей всех рас и смешивали их в течение двух поколений, в результате получились дети, которые были чем-то средним. Идея была следующая — получить реликтового человека, по крайней мере его эквивалент, по крайней мере до того, как произошло разделение на расы. Чтобы узнать, будет ли он лучше, чем… ну, белые, черные, желтые или коричневые. Они стремились уменьшить культурное влияние и уравнять всех, так что у нас не было родителей. Только воспитатели.

— Это же кошмар, Иво! Я ничего об этом не знала…

— Все было не так уж и плохо. На самом деле жилось нам здорово. Мы были сыты, одеты, ухожены, у нас было все самое лучшее. Все это способствовало развитию способностей, как и предполагалось. Но только когда я покинул проект, я осознал себя не нормальным американцем.

— Не…

— Нас считали цветными.

— Это же не имеет никакого значения, по крайней мере, в Америке.

Он не стал развивать тему.

— Как бы там ни было, у нас не было родителей или родственников, и некоторые из нас выдумали их. Все было всерьез. Мы выбирали персонажи из истории и достраивали свою родословную, начиная с них. Можно было, разумеется, выбирать со всего света, из любых времен и народов. И каждый должен был показать, что чем-то похож на своего предка, а чем-то — нет. Моим белым предком был Сидней Ланье.

— Это так мило, Иво. Но почему вы выбрали именно его?

— Причиной, думаю, была игра на флейте. Ланье был прекрасным флейтистом, наверное, лучшим в мире на то время. Прежде, чем стать серьезным поэтом, он несколько лет зарабатывал на жизнь как флейтист в одном известном оркестре, хотя у него был туберкулез.

Она нахмурилась:

— Флейта? Я не понимаю, Иво. Вы что, играете на флейте? Вы взяли ее с собой? Вы, должно быть, хороший музыкант?

— Да. Флейта — единственное, что я взял с собой. Ланье поступил бы так же. Думаю, что у меня

способности к музыке. Еще одна моя врожденная способность, наряду с логическим мышлением, и хотя я над ней не работал, на флейте играю лучше, чем любой другой.

После очередного сеанса макронной связи, уступив ее просьбам, он собрал флейту и заиграл. Звуки странно искажались в ограниченном помещении, но она слушала восхищенно.

Для нее? Он играл для себя, потому что любил флейту. Он лелеял инструмент, звуки лились из него, казалось, что он и флейта это всего лишь две промежуточные остановки на пути мелодии от композитора к слушателю. Он жил каждой нотой, его душа очищалась и рвалась наружу, он воскресал вместе с мелодией. Эта музыка приближала его к Сиднею Ланье.

После этого случая музыкальные паузы стали постоянными — он получал удовлетворение от игры, а Беатрикс искренне восхищалась. Он играл для холодных равнин Шена-спутника, для гигантского Нептуна, нависшего над горизонтом Тритона (Тритон всегда был повернут одной стороной к Нептуну, а вращение Шена давало возможность иногда наблюдать эту впечатляющую картину) — он привнес в их ссылку дух Земли.

Иногда он отвлекался от галактических по-

токов и рассматривал Землю, читал заголовки газет, так как Беатрикс всегда живо интересовалась делами, происходящими дома. По многим причинам эти вахты с ней становились для него настоящим отдыхом.

А в это время внизу происходили значительные перемены. Если коньком Иво была игра на флейте, то Гротон всей душой отдавался строительству.

— Проблема в следующем, — пояснял он. — Информация — это еще не все. Объемы конкретной работы, необходимой для возведения элементарного убежища в таком месте, принимая во внимание температуру, гравитацию и атмосферный состав, колоссальны. Резка, подгонка, доводка, уплотнение, подъемные работы, испытания — все вместе многие тысячи человеко-часов, не говоря уж о необходимости механизации! Так вот, я хотел бы знать, как колония типа нашей, имея макроскоп, атомный двигатель и планетарный модуль может преобразить мир вроде Тритона, скажем, за шесть месяцев. Где-то должна быть такая программа, вот и найдите ее!

Иво нашел ее. Одна из дальних галактических станций передавала полное описание, от А до Я, начиная с того, как направить тепло работаю-

щего ракетного двигателя технологии первого типа для использования его на планете и кончая правилами этикета на дружеской вечеринке.

Гротон целый месяц возился, создавая электронное чудовище — что-то вроде управляемого дистанционно галактическим лучом робота. Это устройство существенно облегчало сборку других машин, и дела пошли лучше. Небольшая фабрика плавила скалы Тритона, смешивала расплав с веществом, извлекаемым из океана, в результате получался твердый, прочный, газонепроницаемый, непроводящий материал, который образовывал надежное соединение с куском такого же материала за несколько часов, при любой температуре, достаточно было только прижать поверхности.

Другие устройства подтаскивали огромные блоки «галактита», легкие в условиях неполной гравитации, но обладающие все той же инерцией — ведь гравитационная и инерционная массы равны, к месту на берегу озера, которое Гротон избрал в качестве форпоста человечества на Тритоне. Вскоре здесь вздымалась уже пирамида из блоков сорока футов в поперечнике, полностью герметичная. Со шлюзами было несколько сложнее, но через неделю работ, направляемых

галактической передачей, они были изготовлены.

Затем замок был накачан воздухом, освещен, обогрет и, в конце концов мог принимать земную колонию под свои гостеприимные своды.

К тому времени пришло время дежурств Афры. Беатрикс отстояла несколько вахт подряд, и все решили, что необходимо сменить ее. В это время Иво разгребал завалы информации, необходимой для программирования машин Гротона. Он с трудом представлял себе значение многих терминов и вынужден был часто брать уроки по элементарной электронике у Гротона. Но он не осмеливался черпануть хоть немного знаний из самой программы, ведь рядом находился разрушитель. Он вынужден был действовать в полном неведении, и это было чертовски утомительно.

Кроме того, было нелегко оставаться наедине с Афрой. Она была слишком красива, слишком умна, слишком остра на язык. Иво вряд ли бы смог ее в чем-то обвинить, но невозможно было воспринимать равнодушно ее утонченную холодность.

— Вы никогда не знали своих родителей? — спросила она во время одного из перерывов.

— Никто из нас не знал.

Очевидно, Беатрикс рассказал остальным об их беседах. Ну что ж, он не просил ее молчать.

— Сколько вас было там?

— Триста тридцать. Разумеется, были и другие группы, других возрастов; все были собраны по годам, разница в возрасте не превышала несколько месяцев.

Почему она вдруг так заинтересовалась его прошлым? Праздная болтовня, желание просто убить время?

— Так значит вы, Брад и Шен одного возраста?

— Да. — Он увидел ловушку лишь после того, как ответил. Брад говорил ей, что группы были разные, а он только что признал обратное.

Повисла томительная тишина, и он в конце концов решился прервать ее:

— Замысел был в том, чтобы соединить…

— Я знаю, — и затем, как бы заглаживая резкость. — Трудно поверить, что Брад был цветным. Я об этом даже не подозревала.

Рудиментарный шовинизм Афры, о котором Иво боялся догадываться, проявил себя, и для Иво это было потрясением.

— Мы выглядели по-разному, но в среднем пропорции были одинаковы. Брад, например, получился светлокожим, а были и намного темнее

меня. Неужели это имеет значение?

Дурацкий вопрос.

— Да. Имеет, Иво.

Она отвернулась и долго смотрела на лед за иллюминатором.

— Ах, да. Я знаю, я должна сказать, что я — девушка, выросшая в двадцатом веке в Джорджии, воспитанная без предрассудков. Я знаю, что важно, каков сам человек, а не каково его происхождение, и что все равны в нашем обществе. И что кажущаяся неполноценность цветного населения является следствием их социального и экономического положения, а не генетической основы. И я понимаю, что когда черные устраивают пожары в своих гетто и грабят магазины, то это находит выход разочарованию в жизни — они видят, что самодовольное белое большинство более века правит всем. И все мы должны работать вместе, все расы и народности, чтобы построить новое общество и искоренить пережитки прошлого. Но я же хотела выйти замуж за него! — она повернулась к нему, ухватившись за поручень: — Я просто не могу любить негра! Не знаю почему. Вся моя жизнь… — Она отпустила поручень и поплыла, закрывая руками лицо. — Брад, Брад. Я ведь любила тебя.

Проклят всюду. Иво не раскрывал рта, памятуя о тысячах гадких способах напомнить ему о его расовой неполноценности, он их хорошо изучил с тех пор, как вышел из проекта. Либералы любили объявлять дискриминацию достоянием истории, но что-то никто из них не жил по соседству с негритянскими семьями. Официально сегрегация не существовала, но он быстро обнаружил, что в жизни все по-иному. Он знал, что вакансии, объявленные как рабочие места «равных возможностей», вдруг оказывались «занятыми», когда появлялся цветной аппликат, и вновь открывались для белых. Брад решил проскочить, пошел слишком быстро и оказался слишком высоко, чтобы пострадать, когда просочилась правда.

И, по-видимому, правда не достигла на станции ушей Афры. Иво проскакивать не рискнул и получил свое. Он был на одну треть кавказоид, на одну треть негроид и на одну треть монголоид, а это означает — негр.

$^1/_3$ C + $^1/_3$ M + $^1/_3$ N = N

Он был глупее, чем чистокровный белый, хотя даже придуманные белыми тесты показывали обратное, он был менее чистоплотен, хотя мылся не реже, чем они, и чистил зубы популярной пастой; он был цветным — и все тут, и каждый

в Америке знал это, что бы там не заявляли публично. В жизни это выглядело, как «Убирайся, нигер!» в 1960, или твердая вежливость отказов в 1970, или спонтанная слепота в 1980, — он был чужим в этом обществе.

На это просто нельзя было реагировать. Ненависть порождала ненависть, и каждый раз, когда он видел мертвенно-бледную кожу у незнакомца, он тут же напрягался и думал: «Белый!» — каким бы объективным он не старался быть. Тем не менее, он безоглядно влюбился в женщину с самой белой кожей в мире…

Афра опомнилась и продолжила:

— Я знаю, я не права. Но не могу изменить это так быстро. Я могу называть себя белой шовинисткой, чувствовать вину — но это внутри меня, это моя природа. — Она посмотрела на него так, что ему стало больно.

— Вы, Брад и Шен были вместе?

— Да.

— Цвет, коэффициент, пол — все одинаковое?

— Да.

— Почему он мне лгал! — с болью воскликнула она.

Ответ был ни к чему.

— И вы, Иво, — вы тоже лгали мне!

— Да, — полуправда все равно что полуложь.

— Вы тоже были в этой колонии свободной любви и видели все это…

— Проект закрыли, когда нам было четырнадцать.

— Постойте! Я же читаю ваши мысли, Иво. Скажите правду. Расскажите о себе, о Шене, о Браде.

— Это… — он запнулся. В конце концов, она получит, то что хочет, это лишь вопрос времени. — Нас было сто семьдесят мальчиков и сто семьдесят девочек. Мы все вместе росли с младенчества, одно большое общежитие, никакого разделения по полу. Мы сами выбирали себе комнаты и соседей, никакого режима не было.

— Коммуна, — коротко заключила Афра.

— Коммуна. Взрослые появлялись, если только грозили крупные неприятности, и каждый знал, что они все время подсматривают. Но это ничего не значило, большинство ребят были умными бестиями.

— Их отбирали по этому признаку, — сказала Афра. — Совершенный человек должен быть гением.

— Генетические данные, окружение, статистика — все указывало на то, что в группе появятся гении. Обучение шло каждый день, оно начи-

налось в раннем возрасте, как только ребенок начинал реагировать на внешние стимуляторы. Может быть и раньше, не помню. Нас кормили согласно особой диете и защищали от всех известных болезней, постоянно стимулировали умственно и физически. Думаю, воспитателей было не меньше, чем детей, но мы видели их только на уроках. Почти все могли писать и читать уже в возрасте трех лет — даже самые отстающие.

— Групповая динамика, — сказала Афра. — Элемент соревновательности.

— Наверное. Но они ведь всегда подглядывали, я имею в виду взрослых. И у нас была игра — дурачить их. Подделывать оценки, притворяться спящим — ну, все такое. Они были так доверчивы, наверное, потому, что были слишком образованны, слишком доверяли своим тестам, «жучкам» и статистическим распределениям.

— Представляю. А как насчет девочек?

Он не стал делать вид, что не понимает ее.

— Они понимали, что они женщины. Довольно многие были хорошо развиты в этом отношении. Но дети в четыре года понимают половые отношения не совсем так, как взрослые. Анальный элемент…

— А Шен? Тогда он и получил свое имя?

— Думаю, да. Ведь мы сами выдумывали себе имена; для взрослых мы были лишь номерами, по-видимому, для пущей бесстрастности. Так и получилось — мое имя лишь каламбур, а Шен — он рано проявил способность к языкам.

— *Насколько* рано?

— Никто не знает. По-видимому, он выучил шесть или семь языков одновременно, заодно с английским, и, я думаю, мог на них и писать. Но я его тогда еще плохо знал, по крайней мере, с этой стороны. А в три года он знал, полагаю, уже не меньше дюжины.

Афра обдумывала услышанное в тишине.

— И он был очень красив. Он жил вместе со многими ребятами и всем поначалу очень нравился. Он был sehr schön[31]. По-моему, sehr значит…

— Я знаю. И как далеко могут зайти четырехлетки?

— В сексуальном плане? Так же далеко, как и любой другой, если говорить о движениях. По крайней мере, у Шена получалось, и… девочки… Но ему все очень быстро надоело.

— Вы все уходите от прямого ответа, и я никак не могу поймать вас. Каково в этом участие

---

[31] Примечания: 31
Очень красив (нем.).

Брада?

— Он был лучшим другом Шена. Пожалуй, единственным, хотя, на самом деле, Шену никто не был нужен. Полагаю, что они подружились потому, что были самыми способными, но все же Шен оставался сам по себе.

Опять повисла тишина, и он знал, что она размышляет о коэффициенте 215 Брада.

— Они были соседями.

— Да, — он понял, к чему она клонит. — Видите ли, нас не сдерживали моральные нормы внешнего мира. Никаких ограничений.

Говоря об этом, он смущался не меньше, чем она, но нужно было как-то защищаться.

— Мы играли во все игры — гомо, гетеро и групповые…

— Групповые!

Иво пожал плечами:

— Объективно рассуждая, что в этом плохого?

— Наверное, у меня все же больше предрассудков, чем я предполагала.

Иво отметил, что общие предрассудки кажутся куда более обоснованными.

— Но это не было главным. Все наши силы были направлены на учебу, и на то, чтобы дурачить взрослых.

— А воспитатели не знали об уровне интеллекта среднего ребенка?

— Не знаю. Думаю, что взрослые оценивали этот уровень в 125, хотя на самом деле он был на 25–30 пунктов выше.

Афра опять задумалась, наверное, представила себя в группе, где она бы не смогла стать даже средним учеником. Но оказалось, что она думала совсем о другом:

— Ваши «эксперты» не все продумали. Неужели они не представляли, что происходит с ребенком, лишенным семьи?

— Не было возможности…

— Нет, была. Если бы они действительно этого хотели. Могли бы отдать детей в приемные семьи, или проявлять больше заботы о вас, наряду с формальным обучением и проверкой знаний. В этом отношении это все очень походит на Пэкхемский Эксперимент.

Иво едва удалось скрыть свое удивление после этого замечания. Она явно была более образованна, чем он предполагал, несмотря на то, что знал казалось бы все о ее способностях.

— Они не пытались создать семейный уют. Им нужны были мозги.

— Они совершили ошибку, создав неконтро-

лируемые группы одногодок. Когда отсутствует родительский контроль, очень рано вступают в силу законы группы, — и это отнюдь не всегда правильные законы. Если средний американский ребенок и так уже сильно извращен недостатком родительского внимания, большой занятостью родителей, потоком насилия с экрана телевизора и газетных полос, озлобленностью обездоленных сверстников, которые являются для него внешним миром, то можете себе представить, какой результат будет у ребенка, у которого семьи не было вообще! Не развивается самосознание, не поощряются успехи в учебе, не стимулируется полезный труд. Для этого в доме нужен хороший отец, или хотя бы его неплохая замена. А если допустить, что люди со с степенями в педагогике могут растить детей — то неудивительно, что в результате получаются такие типы, как Шен.

Иво не задумывался раньше об этом, но ее аргументация показалась ему разумной.

Ведь фактически все они — он, Афра, Гротон и Беатрикс жили здесь одной семьей, и он первый раз в жизни учился жить в кругу семьи, и ему это нравилось. Споры, опасности, тяжелая работа, постоянные трения — все это было, но они были вместе, и это было лучше, чем жизнь, которую он

до этого знал на Земле.

— Наверное, Шену так же быстро надоело дурачить взрослых? И что же он сделал?

Опять перешли на личности…

— Он ушел.

— Из охраняемого общежития? Из закрытого лагеря? Куда же он ушел?

— Никто точно не знает. Он просто исчез.

— Вы опять лжете. Брад знал.

— Думаю, да.

— И вы знали! И сейчас знаете! Даже Брад не мог достать его, а вы могли, но не захотели! — Иво не ответил. — И это как-то связано с этой вашей поэмой, планетой Нептун и этой чертовой связанной пешкой!

Неужели она собрала головоломку? Шен, очевидно, хотел этого. Знает ли она, как легко сейчас вызвать джинна, или ей известно только его жилище? Представляет ли она себе последствия своей поспешной догадки?

Жизнь в пирамиде — на самом деле, это был тетраэдр, — мирно текла под топот металлических ножек управляемых из космоса роботов. Одна сторона тетраэдра покоилась на земле, а вершина указывала на Нептун. Снаружи серые, неприступные блоки, а внутри все удобства два-

дцать первого века. У каждого была своя комната — у Гротона и Беатрикс две, всюду проведено электричество, имелся сложный водопровод. Полы устилали теплые губчатые ковры, стены были окрашены в приятные тона.

Имея энергию, машины и галактическую программу, Гротон творил настоящие чудеса. Он создал устройство для получения протеина из грунта Тритона, генератор силового поля, который окружал экраном пространство вокруг тетраэдра и позволял создать там земную атмосферу. Другое устройство фокусировало гравитацию и создавало на небольшой площади нормальную силу тяжести.

Преобразование материи, силовые поля, управление гравитацией — все это поражало воображение Иво. Он знал, что галактическая технология стоит на другом уровне по сравнению с земной, но реальные результаты были просто ошеломляющими. Какое количество времени, сколько веков понадобится Земле, чтобы выйти на этот уровень? Пробоскоидьі с планеты Санга так и не достигли его. Они, очевидно, так и не смогли пройти через разрушитель и добраться до программ за ним. В ином случае их проблемы, по крайней мере материальные, были бы решены.

Все тот же вопрос: почему существует разрушитель? Все тот же ответ: не хватает исходной информации.

Иво попытался похвалить Гротона за его инженерные достижения.

— Я всего лишь инженер и только следую инструкциям, — ответил тот.

Отчасти это было правдой, он был как ребенок, который, включив телевизор, смотрит на работу мастеров в образовательной программе. Но какой бы подробной ни была программа, Гротон заслуживал похвалы, так как смог реализовать ее. Это был его праздник.

Им не нужно было больше выходить на поверхность в скафандрах. Искусственное солнце заменило в небе тусклую звездочку с таким же названием, тепло и свет щедро лились на землю в течение двенадцати часов из двадцати четырех, когда рукотворное солнце покатывалось по силовому экрану.

Беатрикс посадила бобы из пищевых запасов, и они дружно взошли в саду, удобренном протеиновой эрзац-почвой, рядом находился резервуар с водой — настоящее лунное озеро.

Иво в качестве своего вклада в улучшение их бытия приспособил фотоаппарат к главному

экрану макроскопа и наладил регулярный выпуск газет, журналов и книг с Земли. Остальные могли их читать, не опасаясь разрушителя, так как он действовал только «живьем». Из ссылки на далекую холодную планету их пребывание на Тритоне вскоре превратилось в приятный отпуск.

Гротон наконец-то решил, что пора и ему подежурить с Иво на макроскопе, отказавшись от своей привилегированной должности главного инженера на Тритоне, хотя, судя по его успехам, он честно заработал эту привилегию.

— Решил немного дать передохнуть машинам, — пояснил он. — Сказал им быть в понедельник к восьми утра на работе в трезвом виде.

Впервые с начала приключения мужчины оказались одни, и было время немного поговорить.

Иво подозревал, что была еще какая-то особенная причина, так как у Гротона было еще много дел, и он успел создать себе репутацию неутомимого работника. Афра уже определилась на роль технического помощника, а Беатрикс была главной нянькой Иво на макроскопе. Выходит, Гротон что-то задумал?

Так оно и оказалось.

— Как вы знаете, я интересуюсь астрологией, —

начал он.

Этот поворот Иво предвидел.

— Да, я дал вам дату своего рождения и рассказал о некоторых событиях своей жизни.

Как же это было давно! Там, по другую сторону деструкции — прошлая жизнь осталась лишь в памяти. И какое значение для астрологии имело то, что у Иво не было Детства и он позаимствовал воспоминания у Сиднея Ланье? Он почувствовал себя виноватым, но счел объяснения на сей счет неуместными.

— Я также слышал, еще тогда, ваш разговор с Афрой.

— Да. Умная девушка, но невосприимчива к некоторым идеям.

Иво тоже это знал.

— Но это ерунда. Я не требую, чтобы все соглашались со мной, и уверен, что астрология сможет сама за себя постоять. Но я составил гороскопы для всех членов экипажа, и обнаружил, что вас окружает какая-то тайна.

Иво удивился, когда это Гротон нашел время на эти занятия при таком колоссальном объеме работ, который он выполнил на Тритоне? К тому же, он в чем-то разделял мнение Афры — квалифицированный инженер, а занимается

псевдонаукой. Гротон, казалось, не различал реальность и вымысел, хотя его подход ко многим вещам был сугубо практичен.

— Если вы не возражаете, — вскоре сказал Гротон, — я хотел бы обсудить это с вами.

— Почему бы и нет? Я не могу сказать, что верю в астрологию больше Афры, но вопросы можете задавать.

— Неужели вы знаете астрологию настолько, что можете ей обоснованно доверять или не доверять?

Иво улыбнулся:

— Нет. Я просто нейтрален.

— Удивительно, как порой легко люди судят о том, что им может понравиться, а что нет, во что можно верить, а во что нельзя, когда у них явно недостаточно информации для плодотворной дискуссии. Если бы я заранее не доверял тому, что сигнал из космоса способен создать сложное оборудование и машины, то, думаю, наше пребывание на Тритоне, не было бы столь удобным, как сейчас. Предвзятость зачастую дорого обходится.

Иво показалось, что он находится еще на одном занятии по искоренению предрассудков. Недавно он порицал расистские воззрения Афры, но, оказывается, он сам весьма односторонне судит

об астрологии. И, так же, как и Афра, все еще не мог изменить своих убеждений — астрология оставалась для него мошенничеством. Он был так же предвзят, как она.

— Но это не главное, — сказал Гротон. — Я хочу дать вам два астрологических описания — а вы решайте, какое их них больше подходит к вам. Это вроде психологического теста, но, поймите меня правильно, я не собираюсь устраивать сеанс психоанализа. Просто это пояснит кое-что для меня и заодно покажет вам, что такое астрология на практике.

— Заряжайте любое[32].

— Странно, что вы выбрали именно это выражение[33], — Гротон остановился, собрался с мыслями. — Вот первое описание: «Этот человек стремится добраться до сути вещей и управлять ходом жизни. В своих лучших проявлениях он способен видеть глубинный смысл явлений и принимать неожиданные и полезные решения; в худших — он сеет подозрительность, способен на необдуманные поступки. Жизнь для него

---

[32] Примечания: 32

Игра слов: в ориг. Fire at wilt — букв, стреляйте как хотите — фразеологизм, и fire — огонь — далее Гротон говорит об астрол. стихии — огне.

[33] Примечания: 33

См. предыд. прим.

— это приключение, и он полагается на себя. Он бесстрашен, действует быстро и решительно, принимает на себя всю ответственность за содеянное. Не любит абстрактных рассуждений и мало думает о других».

Гротон остановился.

— Теперь другое описание: «Этот человек всеми силами стремится объяснить мир с помощью утилитарных понятий. В своих лучших проявлениях он способен направить свои усилия и усилия других на общее благо, в худших — стать вечно недовольной и малообщительной личностью. Жизнь для него должна иметь цель, его легко воодушевить похвалой. Он оптимист, общителен, даже чрезмерно, часто простодушен. Его нужно заставить проявить себя, иначе он становится догматиком и ревнивцем. Реалист в мелочах, во всем остальном неисправимый идеалист».

Иво обдумал услышанное:

— Это весьма общие описания, не думаю, что какое-то одно подходит больше, чем другое. Но второе, по-моему, ближе к истине. Я действительно люблю помогать людям, но это не всегда получается. И я лучше буду зарабатывать на жизнь тяжелым трудом, чем заниматься авантюрами. И уж конечно, я совсем не бесстрашен.

— Мне тоже так кажется. Человеческие качества распределяются неравномерно, но во всех нас найдется всего понемногу, так что расхождения неизбежны. Но первое описание навряд ли подходит к вам. Это Овен, двенадцатый дом, часть стихии огня — вот почему я прокомментировал вашу реплику.

— Мою?..

— Вы сказали «заряжайте любое».

— А!

— Второе — это Водолей, шестой дом, стихия воздуха. Я мог бы еще привести расположение планет, но это разделение типично. Вы больше подходите к Водолею, чем к Овну.

— А моя дата рождения?

— Овен.

— Выходит, я исключение. Я не знаю, куда я там принадлежу. А кто Водолей?

— Я кое-что услышал от моей жены. Сидней Ланье.

Иво получил сильный удар. Псевдонаука или нет, но Гротон подобрался довольно близко.

— Значит, моей стихией является огонь, а должен быть воздух? Вы не могли ошибиться?

— Нет. В этом-то и загадка. Я все тщательно проверил, все сходится. На самом деле вы совер-

шенно отличаетесь от той личности, которую предсказывает гороскоп, а эпизод из вашей жизни подтверждает его правильность. Я мог бы ошибаться в деталях, но не настолько. Вывод: если мои посылки верны, то либо вы мне дали неправильную дату, либо…

— Либо?..

— Вы играете в шахматы?

— Нет, — Иво не стал возражать против внезапной смены темы.

— Я умею. Ну, я не мастер, но когда-то играл довольно много, пока не нашел более важного применения своему времени. Думаю, что я понимаю, о чем послание.

— Послание?

— Последнее, от Шена. Вы же помните: «Моя пешка связана». Это шахматный термин.

— Я не знал.

— Думаю, что знали, Иво. Но все равно объясню. Каждая фигура в игре ходит по-своему и имеет свою стоимость. Пешка — самая мелкая фигура, ее цена принимается за единицу. Она ходит только на шаг и только вперед. Слон и конь стоят по три очка, могут двигаться дальше и более разнообразно. Ладья стоит пять очков, ферзь — девять-десять, это очень сильная фигура.

Эти очки только ориентиры при разработке стратегии, счет им, разумеется, никто не ведет. Ферзь движется по всей доске, в любом направлении, и именно в маневренности его сила, его присутствие в корне меняет игру.

— Я не совсем понимаю объяснения, но верю вам на слово.

— Не имеет значения. Главное — нельзя забывать о ферзе. Он может ударить с любого расстояния, в то время, как пешка ограничена в маневре. Ферзь может поставить шах и даже мат королю, не подвергая себя опасности, а пешку нужно защищать.

— Мат? Защищать?

Гротон вздохнул:

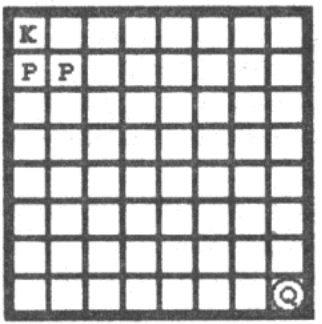
— Да вы и вправду профан в шахматах! Смотрите, — он вытащил доску и мелом нарисовал на ней клетки. По-видимому, доски очень популярны у инженеров. — Клетки на самом деле должны быть черными и белыми, но отвлечемся от этого. — Он дорисовал буквы.

— Вот это — в кружке, черный ферзь. Это может быть и слон, принцип тот же. Он в углу на первой горизонтали, в то время, как все белые фигуры собрались на седьмой и восьмой горизонталях.

Гротон не обращал внимания на смущение

Иво.

— Сейчас белая пешка проходит в ферзи, но не может сдвинуться, потому что связана. Вот о чем хотел сказать Шен.



Иво задумчиво посмотрел на рисунок.

— Я рад, что вы в этом разобрались.

Гротон безжалостно продолжал следовать своей логике:

— Король — вот главное в игре. Вы не можете походить, поставив его под шах. Ваш противник укажет вам на ошибку: в шахматах нет системы штрафов. Смотрите, пешка ходит сюда — следующий ход белых, — и черный ферзь дает шах королю. Выходит, пешка не может двигаться,

пока она связана. Она должна защищать короля.

— До сих пор я, кажется, понял. Пешка — как телохранитель, шаг в сторону и покушение…

— Очень похоже. Но это еще не все. В этой позиции пешка имеет особое значение, потому что когда она дойдет до последней горизонтали, она станет ферзем, или какой угодно другой фигурой. Это может изменить всю игру, потому что дополнительный ферзь в эндшпиле способен на многое.

— Должно быть, этому королю совсем несладко в том углу.

— Белому королю выгодно, чтобы пешка превратилась в ферзя. Фактически это означает, что у белых есть шанс выиграть, если только пешка сможет проходить вверх. Вот почему нужно разорвать связку — в этом вся проблема.

— Мы белые?

— Да. А черные — некая чужая цивилизация, где-то в четырнадцати световых годах от нас.

— Разрушитель?

— Именно. Кто-то поставил этого ферзя, и он угрожает нашему королю через всю доску, по диагонали. И у нас всего две пешки сдерживают его.

— И мы уже потеряли шесть.

— Правильно. Седьмая и восьмая на седьмой

горизонтали. И одна из них — связанная — очень важна. Проходящая в ферзи.

— И кто же она в жизни? — спросил Иво.

— Вы!— Гротон указал толстым пальцем на Иво.

— Я? Потому что умею немного обращаться с макроскопом?

— Потому что вы можете поставить на доску белого ферзя — Шена.

— Но как же я связан? — Гротон шел по следу и был так настойчив, как и Афра.

— Я об этом думал. Вы, очевидно, и есть пешка Шена, это подтверждают его зашифрованные послания. Думаю, он пришел бы к нам, если бы смог. И он сообщил нам, почему не может прийти, если мы его правильно понимаем.

Гротон посмотрел на чертеж.

— Так же, как пешка связана ферзем, вы связаны разрушителем. Но если она подвинется на клетку, она станет ферзем. Так что фактически связан ферзь в образе пешки. Они одно и то же, одно происходит из другого…

— Предположим, но…

— И это объясняет многое, в частности, расхождения в гороскопах. Должно быть так оно и есть.

— Что?

— Что вы Шен. Стихия огня.

— Разумеется. А связка?

Неосторожные слова, но игра-то все равно кончена.

— Вы посмотрели программу, которая убила сенатора и разрушила мозг Брада. Вероятно, вы выжили потому, что находились ниже критического уровня. Но в вашем сознании заперт Шен, он спит в вас. Он не пострадал, потому что ваш мозг принял удар, а вы всего лишь пешка. Но если он выйдет, и вы станете ферзем, — тут-то память о разрушителе и поджидает его, чтобы убить. Он это знает, и потому пешка связана. — Иво кивнул. — Не сразу, но вы все-таки поняли это.

— Так вы все знали? Я признаться думал, что это вполне могло быть как-то скрыто от вас.

Гротон посмотрел в иллюминатор, на ледяной мир и, казалось, совсем не радовался своему успеху.

— Разумеется, на эти мысли меня натолкнул гороскоп. Нужно было объяснить расхождение между предсказаниями и наблюдениями, и, как часто бывает, ошибка была в наблюдениях. Сейчас вопрос стоит так: как разорвать связку? Мы не можем получить ферзя, и на доске мало наших фигур. Естественно, реальная ситуация

сложнее, чем то, что я изобразил на доске, даже с шахматной точки зрения здесь есть неточности, я мог бы привести более корректную аналогию, если это стоит усилий. Но, мне кажется, если мы что-то собираемся предпринять, то это нужно делать всем вместе. Вы согласны?

— Думаю, вы правы. Но как вы собираетесь стереть память? Даже если это вам удастся, Шен ведь не сможет сам работать с макроскопом, — до тех пор, пока существует разрушитель.

— Не знаю. Боюсь, что это выходит за рамки знаний инженера. Но мы можем все вместе обсудить это, пусть Афра попробует что-то придумать. Еще один вопрос…

— Я знаю. Что случится, когда появится Шен, со мной?

— Да.

— Я умру. Дело в том, что я существую только в воображении Шена.

— Это, опять же, подсказал гороскоп. Он предсказал, правда в необычной форме, скорее Шена, чем Иво. Тем не менее, мне вы кажетесь довольно реальным.

— Это не так. Когда Шену все надоело и он решил уйти — это случилось, когда ему было пять лет, — он осуществил это, создав посредствен-

ную личность и подставив ее вместо себя. Некто, не слишком способный, чтобы не привлекать внимание воспитателей, но и не подозрительно тупой. Некто более или менее бесцветный, но опять же, не настолько, чтобы вызвать подозрения. Некто средний в своей исключительности, если вы понимаете, о чем я. Он все это соорудил в одной из частей своего сознания, а сам пошел спать. А я — то, что осталось, самый настоящий запрограммированный человек. Он как-то все уладил с другими детьми, так что все забыли о нем и воспринимали меня так, будто я таким был всегда. Кроме Брада, конечно. Он как будто видел меня насквозь. Выходит, я родился пятилетним, и у меня не было детства в проекте.

— Многие говорят, что возраст от пяти до десяти лет это золотое детство.

— Но только не на базе Пекер 330! Все уже было кончено, когда я попал туда. Это то, что я имел в виду, когда сказал вам, что не помню детства.

Гротон решил сменить тему беседы:

— А Шен никогда не возвращался?

— Его нужно позвать. Это моя работа — решать, когда подойдет время. Но у него нет причин возвращаться. Обычная жизнь невыносимо скучна для него, и он оставляет рутину мне.

— Значит, он ушел от скуки? Но это неубедительно, не так ли? Почему мир должен быть скучен для Шена? И почему возвращение — это не добровольный акт; с его стороны, я имею в виду? Я бы предположил, что у него были более «веские причины уйти.

— Что еще за причины? — беспокойно спросил Иво. Его представления о своем месте в этой жизни несколько пошатнулись.

Гротон тоже был явно неудовлетворен своими объяснениями.

— Я еще раз тщательно изучу гороскоп.

— Удачи, Ну а я буду влачить свое существование.

— Влачить? Я бы сказал, что вы нашли свое место в жизни, так же, как и я.

— Это самое утешительное описание той ситуации, в которой я нахожусь. Когда он проснется, если время придет — он проглотит меня, всю мою память, все мои желания — я умру. Я буду как планета, упавшая на Солнце.

— Вы боитесь этого. Когда пешка станет ферзем, это будет уже не пешка, даже в малой своей части. Я понимаю, почему вы не очень то стремились разбудить Шена.

— Я самолюбив, это так. Но я здесь, и я хочу

жить. Я хочу доказать свое право на жизнь. Мне не нравится Шен.

— Наверное, я бы чувствовал себя так же, — Гротон задумался. — А этот фокус со спраутом?

— Это один из немногих талантов, оставленных мне в наследство Шеном, чтобы я не был полной посредственностью. Это и игра на флейте. Воспитатели просто разругались, пытаясь понять, почему я так успеваю в этих областях и не успеваю в других. Думаю, они развили целую теорию о задатках ребенка, из которой следует, что в нормальной семье этим талантам не дали бы развиться. Точно не знаю. Теперь вы видите истинное могущество Шена — он таков во всем.

— И вы выиграли чемпионат станции по спрауту после одной тренировочной игры, даже не вспотев.

— Я бы не сказал. Существуют пределы, спраут иногда сильно усложняется.

— Да-да. И моя жена говорит, что вы играете на флейте лучше, чем те, кого она слышала. А она слушала многих мастеров. Она просто помешана на классической музыке.

— Она мне не говорила об этом.

— Она бы вам никогда этого не сказала.

— Ну и ладно, я ни от кого не требую вечно

хранить секреты.

— Понемногу мы узнаем вас все больше. На Тритоне слишком тесно для личных тайн.

— Думаю, так выглядит Чистилище.

— Нет. Так выглядит дружба. Мы с вами. — Он остановился и продолжил, с беспокойством в голосе. — Слушайте, Иво, несмотря на все то, что я тут говорил, мне не очень нравится, как все обернулось. Может, мне больше по душе Водолей, чем Овен. Афра, думаю, тоже поймет это скоро. Пусть все останется как есть, а там видно будет.

Иво кивнул с благодарностью.

Работы на базе шли быстро, и вскоре основные замыслы Гротона были материализованы. Когда необходимое было сделано и спешка прошла, оторванность от Земли вновь начала угнетать их.

Тритон — не Земля, как бы роскошно они на нем не устроились, и все начали это осознавать. Новости с Земли были неутешительными — надежда на возвращение в ближайшие годы была тщетной.

Иво проводил время на макроскопе, занимаясь извлечением информации о процессах, потребность в которых могла у них возникнуть только теоретически. Они обладали уже властью над силовым полем, способным сжимать камень в одну

из форм вырожденной материи, были созданы интеллектуальные роботы, которым под силу было изготовить копии макроскопа. Но для чего все эти чудеса? У них было все, кроме дома!

Гротон расширил силовой экран и провел другие полезные усовершенствования. Беатрикс готовила и стирала вручную (хотя они могли получать готовую пищу и одежду), взрыхляла и полола сад, в то время как предназначенные для этого машины пылились без дела.

Но сильнее всех на изгнание с Земли реагировала Афра. Она создала себе огромную лабораторию и проводила в ней по несколько дней кряду. Она требовала искать для нее специальные галактические медицинские технологии и корпела над информацией, которую ей послушно доставлял Иво, всматриваясь в тексты запавшими и покрасневшими от усталости и бессонницы глазами.

Она настояла на том, чтобы ей в лабораторию установили дополнительный экран макроскопа, хотя все они знали, что посмотреть на него для нее равносильно самоубийству.

Большой стеклянный чан, который она приспособила для хранения протоплазмы Брада, стоял на полке, зловеще булькая при аэрации и мрачно созерцая ее труды.

— Мне это не нравится, — как-то сказал Гротон в ее отсутствие. — Ей и думать нельзя о том, чтобы восстановить Брада и прооперировать его самой, но, похоже, она именно это и собирается сделать.

— У нее медицинское образование? — спросил Иво.

— Нет. Она пытается сейчас самостоятельно его получить. Она убьет его.

— А что она собирается сделать? — обеспокоено спросила Беатрикс.

— Насколько я понимаю, она собирается удалить поврежденные мозговые ткани и вырастить новые или заменить каким-то инопланетным трансплантантом. Можно подумать, ей предстоит изготовить протез руки!

— Но ведь пострадал мозг, — сказала Беатрикс.

Иво задумался. Возможно ли заменить часть мозга и при этом не изменить личность? Даже если Афре удастся это сделать, в результате получится не тот Брад, которого она знала, И цивилизация, создавшая разрушитель, наверняка позаботилась о том, чтобы такое восстановление было невозможно, если не сломлен разрушитель.

На этом пути не может быть спасения.

Он пытался рассуждать здраво или просто бо-

ялся возвращения соперника? Не становился ли он догматиком и ревнивцем, как это сказано в приведенном Гротоном описании Водолея?

— Она не сможет восстановить его, если я не настрою станцию, — заметил Иво.

— Вы уверены? Не забывайте, она видела деструкцию. И она настояла на собственном экране макроскопа. Реконструирующий сигнал настраивается сам, если есть протоплазма, подлежащая восстановлению, даже если никто не следит за процессом. Она знает это и осуществит свой замысел.

— Не знаю. Я не стал бы рисковать.

Эту проблему, как и проблему с Шеном, пришлось оставить в покое. Они были связаны. Любое вмешательство могло с равной вероятностью как разрешить проблему, так и ухудшить ситуацию.

Приготовления Афры приближались к концу. Это можно было сказать по тому, как она напевала у себя в лаборатории и по выражению ожидания на ее лице, хотя она и избегала прямых ответов.

Когда напряжение стало невыносимым, Гротон пошел поговорить с ней, но она заперлась от них.

— Можно было бы туда быстро добраться, —

пробормотал Гротон, руководивший строительством комнат, дверей, шлюзов, да и необходимые механизмы еще остались. — Но зачем? Она хочет посмотреть, что получится, и она достаточно упрямая девка. Вся огонь и земля.

Иво начинал понимать астрологические аллюзии — огонь погас, земля осталась — что-то в этом духе.

— Оставим ее в покое?

— Все говорит за то, чтобы остановить ее грубой физической силой, — сказал Гротон и пожал плечами. Но ни Иво, ни Беатрикс не решились участвовать в голосовании.

— Но мы должны следить за ней, — сказал Иво. — Мы предполагаем, что нависла катастрофа, но даже не можем представить, какая. Как бы нам не пришлось собирать Афру по частям.

— В прямом смысле, — согласился Гротон. — Но только нас придется собирать по частям, если мы попытаемся вломиться туда.

— Я имел в виду макроскоп.

Глаза Гротона расширились.

— Пойдемте! — крикнул он. — Беатрикс, оставайся здесь, но не входи туда, чего бы ты не услышала, только если она не позовет на помощь.

Беатрикс испуганно кивнула. Она выглядела изможденной, потому что мало спала, да и потеряла в весе. Только теперь Иво понял, насколько глубоко Беатрикс, вторая женщина на Тритоне, переживает этот кризис. Почему он так часто забывал, что люди страдают не меньше его?

Иво и Гротон забрались в скафандры, поспешно их проверили и побежали, тяжело топая, по саду. Высокая пшеница и ячмень колыхались под порывами легкого ветерка (Беатрикс настояла, чтобы ветер был как настоящий, хотя, разумеется, его происхождение не было связано с метеорологическими процессами), зеленые грядки картофеля сгрудились у выхода. Остроконечная желтоватая листва фасоли тянулась к искусственному солнцу. Вообще-то, технологии контролируемых мутаций были изложены в галактических программах, но Беатрикс и слышать не хотела об этом — в саду были посажены только те растения, семена которых были в их запасах и которые удалось прорастить.

Они пробежали по дорожке сада (усыпанной гравием, окаймленной травой) и выскочили за силовой экран, сопровождаемые облаком кристалликов льда: воздух, который вырвался за ними, быстро охладился до температуры ниже

точки кипения, а сопутствующие водяные пары охлаждались еще быстрее. Внутри силового купола, за ними, порыв ледяного ветра моментально заморозил ближайшие к выходу растения и вызвал небольшой снежный вихрь.

За прозрачным экраном поверхность Тритона оставалась такой же, как прежде — голая пустыня при температуре минус сто восемьдесят градусов по Цельсию. За озером воды начинался океан холодной окиси азота — силовой экран надежно изолировал одно вещество от другого.

Планетарный модуль одиноко стоял в двух милях от колонии. Они неуклюже побежали к нему, еще находясь в поле 1G. Через сто ярдов гравитация упала до уровня чуть ниже нормального для Тритона. Гравитационная линза фокусировала поле с поверхности Тритона площадью сто квадратных миль на участок в несколько сот квадратных ярдов, уменьшая гравитацию в окружающем пространстве и увеличивая ее в нужном месте. Невозможно было бы полностью убрать гравитацию в какой-то точке или увеличивать ее без предела — это устройство являлось скорее распределителем, а не усилителем или экраном.

Иначе пришлось бы задействовать гораздо более энергоемкие процессы, но, как сказал Гротон

во время одной из консультаций, крайности нам ни к чему. Сильный гравитационный дисбаланс мог бы уничтожить атмосферу и большую часть поверхности Тритона, а то и вообще изменить его орбиту. К чему такой риск?

Они спешили к модулю, делая длинные и, для большей скорости, низкие прыжки в поле ¼G. Хотя они ждали в бездействии уже целую неделю, Иво казалось, что счет идет на минуты. Он первым достиг модуля, прыжком преодолел лестницу и забрался в шлюз. Все казалось таким примитивным после чудес вроде силового поля! Они уже привыкли к хитрым штучкам II-го уровня технологии, а теперь были вновь отброшены на I-й. Он запустил в шлюз воздух и вошел внутрь, освободив кабину для Гротона. Затем включил внутренний прогрев, но вовсе не для комфорта, а чтобы надежно работала аппаратура. Оборудование модуля было приспособлено для работы при „умеренных“ температурах — до минус сорока градусов по Цельсию.

Теперь Иво уже знал, как управлять модулем, хотя первоклассным пилотом еще не стал. После нескольких поездок на Шен он уже хорошо продвинулся в науке выездки ракеты I-го уровня технологии.

Наконец они вплыли в помещение макроскопа. Здесь поддерживались постоянные температура и давление, необходимые для нормальной работы чрезвычайно чувствительной аппаратуры и компьютера. Они сняли скафандры и принялись за работу. Их не беспокоил уже разрушитель, так как Иво знал, как защищать мозг от него. Гротон, после нескольких пробных экспериментов установил, что он не восприимчив к нему, если только не сильно сосредоточивается.

Гротон даже попытался сам работать со скопом, чтобы облегчить создание первых машин, но, оказалось, что тот предел, который не допускал к его разуму разрушитель, не позволял воспринимать сигналы за разрушителем. Обычный мозг воспринимал или все, или ничего. Иво был счастливым исключением, возможно потому, что был искусственной личностью.

Он уже давно не работал на таких малых расстояниях, но был уверен, что при правильной настройке макроскоп может принять, что угодно и где угодно, хоть свое собственное изображение. Правда, для малых расстояний разрешение падало — слитком сильный сигнал был хуже, чем слабый. Он установил самый первый диапазон и сфокусировал макроскоп на Тритон.

Появилось изображение недр Тритона — однородная скала. Изменив высоту, он вышел на поверхность, — все слегка размыто, но вполне разборчиво. Он пронесся над кратерами, расселинами, океанами, направляясь к куполу станции, — Гротон молча наблюдал за его действиями. Эту часть работы Гротон мог бы выполнить сам, так как ему вполне по силам было неинтеллектуальное общение с макроскопом. Но у Иво было больше сноровки, и они спешили.

— Съезжаем на скорости девяносто пять миль в час, — заметил Гротон.

Иво понял, что до этого Гротон никогда не видел такой стиль управления скопом.

— На самом деле мы не спускаемся, просто так быстрее, чем вводить точные координаты станции. Хотя на больших расстояниях я и не пытался бы проделать подобное.

Ремарка Гротона вызвала у него чувство легкого беспокойства, но он был слишком занят, чтобы проанализировать свои ощущения.

Они были уже в куполе. Иво замедлился, прощупывая дорогу к пирамиде и, затем, к лаборатории. Промелькнуло нервное лицо Беатрикс, сидящей в кухне, и Гротон хмыкнул. *Он действительно любил ее,* подумал Иво, и мысль эта явилась для

него откровением, хотя он все время знал это.

Он приблизился к лаборатории Афры и установил точку обзора так, что была хорошо видна вся комната. Она была там; лежала на койке и, похоже, еще не начала… проект.

— Успели вовремя, — сказал он. — Правда, не знаю, хорошо это или плохо.

— Понимаю, почему хорошо. А почему плохо?

— Потому что мы слишком далеко, чтобы вмешаться, если там произойдет катастрофа, а она, я думаю, произойдет. Нам остается только смотреть.

Гротон задумчиво кивнул.

— Вы ее любите.

Это замечание не казалось сейчас бестактным или неуместным.

— Как только ее увидел. Брад мне представил ее — „Афра Глинн Саммерфилд“, и для меня этого было достаточно.

— Почему Брад сделал это?

— Что? Это была наша первая встреча.

— Выдумал имя. А вы что, не знали?

— Вы хотите сказать, ее имя не Афра? Или не Саммерфилд? Я не понимаю.

— Глинн. Я не знаю, какое у нее среднее имя, но точно не это. Думаю, это родовое имя, вроде

Джонс или Смит.

Иво был поражен:

— Брад! Он это сделал специально!

— Что сделал?

— Имя! Вы разве не поняли? Для меня его выдумал.

— Вы меня совсем запутали, Иво. Вы же не в имя влюбились, правда?

Иво не мог оторвать глаз от Афры. Он вспомнил тот вечер, когда она лежала в гамаке, мучимая горем и прекрасная, после встречи с разрушителем.

— Вы не слышали историю обо мне и Сиднее Ланье? Я рассказал Беатрикс, да и вы составляли гороскоп…

— Моя жена щепетильна по отношению к чужим секретам. Она, наверное, почувствовала, что это конфиденциальная информация Все, что она сказала, это что вы обожаете поэзию Ланье. К сожалению, я не знаком с его оригинальными произведениями.

— Да, я особо отношусь к этому поэту. Я изучил его биографию, все, что с ним связано и я подсознательно реагирую…

— А! Та самая ключевая фраза. Это была…[34]

— Цитата из „Симфонии“ Ланье, наверное, его величайшего произведения. Когда я ее услышал, я понял, что Брад хочет меня видеть, и это очень серьезно. Между нами, бывшими членами проекта, есть что-то вроде братства, это называется групповой инстинкт. Это очень сложное чувство, непреодолимое, я бы сказал. Я не мог не пойти на этот зов.

— О, да. У детей в кибуцах тоже есть что-то похожее. А это имя, оно…

— Глинн. Из другой его большой поэмы — „Болота Глинна“.

Гротон напряг память:

— А ведь мы ехали через…

— Болота Глинна. В Джорджии. Да. В этих краях Ланье черпал свое вдохновение. Впервые его поэма была напечатана под псевдонимом, но получила такой успех… вот почему я был там, а не искал денежной работы где-нибудь на севере, как многие остальные. Я провел годы, путешествуя по дорогам его жизни.

На одной из них я вас и встретил?

— Да. Брад прекрасно это знал.

---

[34] Примечания: 34
Имеется в виду диалог Иво — Гротон из I главы.

— Выходит, он просто играл с именами. Хотел приклеить вас к Афре. Ведь она тоже из Джорджии, как и ваши болота.

— *Ланье* был из Джорджии. Он дрался во время Восстания, для вас он конфедерат.

— Не понимаю Брада. Афра говорит, что она и Брад должны были пожениться. К чему нужно было это затевать?

— Может из-за того, что ему очень был нужен Шен. Он знал, что я не выйду из игры, пока Афра рядом, и Афра не выйдет из игры, пока *он* рядом. Он даже столкнул нас лбами, чтобы вирус надежно укоренился. Заставил ее провести меня по станции… Много ли нужно, когда рядом такая девушка. И я только сейчас понял…

— Любовь слепа.

— Слепа и прекрасна. Это было так очевидно, Страховка на случай встречи с разрушителем. Иво под каблуком у Афры — и единственный способ выбраться из-под него — освободить Шена.

— Вы *можете* позвать Шена? Когда захотите?

— Могу. Но обратно загнать мне его уже не удастся.

— И Шену будет наплевать на Афру?

— Наплевать. Шен может заинтересоваться кем-то только на своем уровне, а Афра для нега…

— Дебил. Теперь я понимаю, почему ему в пять лет надоела жизнь. Подумать только, никого в мире, с кем бы… постойте! „Моя пешка связана“, — не о вас ли это и Афре? Вы не хотите его выпустить из боязни потерять ее?

Иво задумался.

— Может быть. Но, полагаю, это случайное совпадение. Любовь для Шена ничего не значит.

— И, думаю, не много значит для Брада. Это самая отвратительная интрига, которую я когда-либо встречал в своей жизни. Использовать свою невесту…

— Брад не пользовался этим словом, — когда говорил об их отношениях, — сухо ответил Иво. — Но есть другая причина, по которой я не очень стремился выпустить Шена. Он полностью беспринципен. Может быть, он и решит нашу проблему с разрушителем, но…

— Но вы не уверены, какого цвета ферзем он окажется? Я все больше ценю вашу осторожность.

Иво тоже ценил понимание Гротона, ведь он так долго хранил свою тайну. Его первое впечатление от Гротона было столь же негативно, сколь и ложно. Он видел только белого толстяка, хотя ему нужно было видеть собственные предрас-

судки. А сейчас этот человек — вовсе не толстый — был его ближайшим союзником. Точно так же он впоследствии оценил личные качества Беатрикс, которая показала ему ясно, что красота и интеллект, которыми обладала Афра, еще не все. Афра…

Афра ровно дышала, то ли спала, то ли просто отдыхала.

— Думаю, мы не очень-то опоздали. Нам, наверное, придется сменяться, пока что-либо не произойдет.

— Хорошая идея. Я вздремну пару часиков, а затем и вы поспите.

Гротон оттолкнулся и повис, расслабившись, в воздухе, будто прилег на матрасик.

Иво осмотрел лабораторию. Его грызла совесть за то, что он подглядывал, но боялся не делать этого. Он боялся, что с ней что-нибудь случится. Замысел Брада оказался очевидным, но и потрясающе эффективным. Афра действительно заполнила все мысли Иво, и его наполняла радость каждый раз, когда он смотрел на нее. Она была впечатляющей женщиной, и она была из Джорджии, — и это значило больше, чем все ее недостатки. Называйте это глупостью, называйте предвзятостью: он был приговорен навсегда.

Любил ли ее Брад, или просто, как он выражался, „был без ума“? Сейчас Иво сомневался. Ведь он позволил себе забыть, насколько цинично судил Брад о человеческих взаимоотношениях. Многие дети проекта были такими. Как правило, они были сильны разумом и слабы совестью, особенно в отношениях с внешним миром — Шен лишь логическая крайность этого. Они были независимы интеллектуально, материально и морально. Для Брада дело всегда было важнее человека. Афра могла быть просто самым доступным развлечением во время перерывов на станции, к тому же, неплохая уздечка для пешки Шена. Девочка из Джорджии для историка Джорджии.

Если ей удастся оживить Брада в том виде, в котором она его знала, это само по себе будет бедой. Несомненно, эта ее активность вызвана чувством вины за свои предрассудки, стремлением искупить ее. Ведь Брад, как и Иво, был цветным. У него была негритянская кровь и меланин[35] в коже. Но если она потеряет его, она убедит себя в том, что причиной стало ее предвзятое отношение к расовым корням Брада.

И все же блаженна она в вине своей! Не в этом

---

[35] Примечания: 35
Кожный пигмент.

ли совесть человека? Поступки нормального человека определяются чувствами гордости и вины, а нормальные люди лишены этих чувств и поэтому опасны для общества. Даже подсознательный расизм образованных белых южан имел свои границы и законы, он не был абсолютным злом.

Но у Шена нет ни интеллектуальных, ни этических ограничений. У него нет ни стыда, ни совести. Он будет настоящим кошмаром.

Афра пошевелилась. Она потянулась так, как никогда не потянулась бы на людях, и прошла в ванную комнату. Это уже было вне поля зрения, и Иво не стал следовать за ней. Благодаря чувству вины, он, слава Богу, не был вуайеристом.

Через несколько минут она вновь появилась и подошла к стойке. На стойке было установлено какое-то электронное оборудование. Иво заметил, что она настраивает экран макроскопа, чтобы он был направлен прямо вниз с высоты человеческого роста. Несколько секунд она рассматривала прозрачную колбу с протоплазмой, затем нагнулась и вытащила ванну из нижнего отделения стойки.

Сомнений не оставалось — начиналось…

— Гарольд.

Гротон проснулся, замахал спросонья руками,

прежде чем приспособился к невесомости. Афра открыла кран, и густая жидкость побежала в ванну. Она отошла, глядя на струю. Иво попытался представить, о чем она думает, и не смог. В ванну вытекал Брадли Карпентер, ее возлюбленный.

— Я не вижу инструментов, — сказал Гротон. — Если она собирается делать операцию, то…

Действительно, специального оборудования не было. Но если она отказалась от операции, то в чем же был ее план? Не собиралась же она до конца дней своих нянчиться с ним.

Протоплазма тут же отреагировала на свободу. По ней прошла дрожь, она заискрилась.

Афра налила колбу воды, прополоскала ее и выплеснула в ванну. И тут включился луч.

Они сидели здесь, работали с макроскопом и шпионили за ней, в то же время галактический сигнал проходил на ее дополнительный экран. Все происходило одновременно, об этом свойстве макроскопа Иво раньше не знал.

И вновь образовалось ядрышко, пульсирующий зародыш, развивалось позвоночное существо.

— Знаете, — сказал Гротон. — Есть одно простое решение, вот только не известно, сработает ли. Что, если процесс остановить на мгновение раньше? Всего лишь маленький кусочек жизни…

— И разрушителя никогда не было? — Это было просто, слишком просто, — Почему же галактические программы этого не советовали?

— Она может пропускать его и раз, и два, чтобы найти это место. Засечь его. А когда найдет,». — ну, думаю, у нее уже что-то заготовлено. Может, у него будут провалы в памяти о недавних событиях. Но она их быстро восстановит.

Существо все росло, уже образовался легочный аппарат.

— Или, например, — продолжал Гротон, — она может провести эксперименты с изменением состава жидкости. Если бы было возможно выловить поврежденные клетки и заменить их на здоровые…

— Но это будет уже протоплазма с другим набором хромосом! — возразил Иво. — Где же она достанет нужный набор?

Гротон не стал спорить.

Афра подкатила аппарат с длинными электродами, Иво вспомнил, что давал ей описания этого прибора, но понятия не имел, для чего же он. Очевидно, Афра лучше знала, что с ним надо делать. Сейчас он заметил, что ванна была из метала, а не из пластика — она проводила электрический ток.

— Удар как раз перед разрушителем, чтобы остановить процесс в нужном месте, — прокомментировал Гротон.

— Но ведь плавление произошло после разрушителя, — сказал Иво с тревогой в голосе. — Суть процесса в том, что вся память есть часть плазмы. Нельзя просто прервать восстановление — вы можете разрушить всю структуру, а это очень опасно. Я бы не стал…

— Мы это скоро увидим своими глазами, мрачно ответил Гротон. — Смотрите.

Незаметно прошло четыре часа процесса восстановления. Иво мог лишь смотреть, не в состоянии чем-либо помочь. Афра укрепила один электрод на краю ванны, а другой, в форме диска, прижала к эволюционирующей голове. Нужный момент она, видимо, определяла интуитивно. Включила тумблер питания. Пошел ток.

Тело в ванне свела судорога.

— Шоковая терапия? — пробормотал Гротон. — По-моему, это не имеет смысла.

Афра выключила ток и убрала диск. Отошла.

Тело, а это сейчас определенно был Брад, прекратило эволюционировать. Задрожали веки, развернулась грудь.

— Неужели удалось, — недоверчиво произнес

Гротон.

— *Кое-что* ей удалось. Но, боюсь, память о разрушителе сидит где-то в нем и ждет своего часа. Может, это произойдет через несколько часов или дней…

А может, в нем шевельнулась ревность?

— О-о!

Творилось что-то явно неладное. Тело в ванной, вместо того, чтобы очнуться, стало вновь изменятся.

— Она не остановила его, процесс пошел вспять!

— Тогда он расплавится, не так ли?

— Он не плавится!

Как бы там ни было, но это было уже точно не частью цикла. Проектор заработал, и Афра, закрыв ладонью рот, только беспомощно наблюдала. Изменения пошли быстрее. Голова уродливо распухла, ноги съежились. Тело начало сжиматься. Конечности утратили форму и втянулись в то, что когда-то было телом. Формой это напоминало гигантскую морскую звезду, с усыпанными присосками щупальцами.

Когда процесс остановился, от человека в существе уже ничего не осталось.

Афра закричала. Иво мог видеть ее раскрытый

рот, губы, обнажившие ряды белых зубов, поднятый язык. Ее грудь спазматически вздымалась, Иво почти слышал ее отчаянный, безысходный вопль. Она кричала, пока слюна не окрасилась кровью.

В ванне барахталась исполинская морская звезда. Она безнадежно вытягивала свои щупальца, словно искала спасения, но через минуту они уже безжизненно свисали с края ванны.

Проектор выключился — это было свидетельство того, что на этот раз цикл завершен. Из последних сил тварь попыталась подняться, но щупальца обмякли, тело плюхнулось на дно ванны, конвульсивно вздрогнуло и замерло. Пять конечностей распрямились.

По телу чудища медленно разлилась серая краска. Это пришла смерть.

Глава VII

Беатрикс полола сад. Некоторые ростки пшеницы пробивались рядом с грядками помидоров, и она аккуратно удаляла их, стараясь не повредить ни одно растение. Столь любовно оберегаемые ростки будут вскоре пересажены на пшеничное поле — площадку сорок на сорок футов, зеленеющую на юге сада.

Иво присел рядом с ней, но помощи не предложил. Для нее эта работа была самоцелью, и непрошеное участие рассматривалось бы как неуместное вмешательство. Когда человек вкладывает в работу свой, неведомый другим смысл, она слишком важна для него, чтобы кому-то ее доверить. Иво заметил, что Беатрикс продолжала терять в весе. Круглолицая матрона бесследно исчезла, на ее месте очутилась пожилая женщина с тощим лицом. Материальное благополучие, увы, не всегда означает здоровье и счастье.

— Вы знаете, она так тяжело переживает случившееся, — сказал он после приличествующей паузы.

— А что же нам делать, Иво? Я не могу уже на

это смотреть, но не представляю как ей можно помочь.

— Я так понимаю, она, после потери Брада, все время подавляла в себе эмоции. Она знает, что его больше нет, но отказывается с этим смириться. Сейчас…

— Сейчас нам следует дежурить возле нее и обращаться с ней, как с преступницей. Мне не нравится все это, Иво.

Она понимала все. Все ее тело выражало участие. Беатрикс находилась, пожалуй, в худшем физическом состоянии, чем Афра.

— Это никому не нравится. Но мы не имеем права оставить ее одну.

Она подняла зеленый побег и осторожно пересадила его в таз с мокрым песком.

— Это ужасно.

— Интересно, а… — Он запнулся, пораженный дерзостью своего предположения. — По-вашему, выходит, что мы уже обращаемся с ней как с преступницей?

— Мы *должны* что-то предпринять, — сказала она.

— Но может быть, все должно быть совсем не так, Я подумал, ну… она чувствует себя виноватой, и мы должны устроить ей нечто вроде суда.

Рассмотреть какие есть свидетельства и затем решить, кто и в чем виноват. Тогда проблема будет решена.

— Но кто будет решать, Иво? Я не смогу.

— Думаю, и я не смогу. Я ведь необъективен. Но, вам лучше знать, может, ваш муж сможет?

— Она ему нравиться, Иво. Он не захочет выносить ей приговор.

В ее голосе не было и тени ревности, и Иво знал, что она не из тех людей, которые способны скрывать подобные чувства. Ее фраза была еще одним свидетельством в ее пользу и кое-что говорила о Гротоне — то, о чем он раньше и не подозревал.

— Скорее всего, он согласится. Мне кажется, что суд разрядит обстановку, очистит воздух и…

Беатрикс замерла:

— Смотрите, Иво. Видите?

Он резко повернулся, подозревая неладное, и посмотрел в направлении, которое указывала ее рука. Но там ничего особенного не было.

— На том помидорном листе? — прошептала она, дрожа от волнения.

Он вздохнул с облегчением, тревога была напрасной.

— По-моему, совершенно здоровый лист, но, может быть, следует его обработать…

— Жук! — воскликнула она.

— Должно быть, в помидоре была личинка. А я-то думал, что их стерилизуют.

— Может статься, у нас тут будет много жуков, — возбужденно фантазировала она. — А еще мух, пауков, червей! Они будут забираться в дом, и тогда нам придется натягивать на окна сетки!

Прошло уж очень много времени с тех пор, как они видели каких-либо живых существ, кроме друг друга, поэтому это открытие становилось таким значимым.

— Мы не одни, — сказал Иво, — Это хорошее знамение.

— Как вы считаете, здесь достаточно тепло для него? — обеспокоено спросила Беатрикс. — Может, ему нужно принести еды? А что они едят?

Иво улыбнулся:

— Природе лучше знать. Уверен, он сидит как раз на своем ужине. Если мы оставим его в покое, он заведет вскоре целое семейство. Я вам с помощью макроскопа могу сфотографировать книгу по жукам, по ней вы сможете определить его вид.

— Вы очень добры! — искренне поблагодарила она.

Он ушел, а Беатрикс все еще разглядывала жу-

ка, стоя на коленях. Если в мире и существуют такие вещи, как знамения, то это открытие уж точно означало, что худшее для поселения на Тритоне позади.

— Суд, — задумчиво повторил Гротон. — В этом что-то есть. Несомненно одно — нужно что-то предпринимать. Девушка уже на грани.

Если Беатрикс сильно изменили потрясения последних месяцев, то Гротон оставался все таким же. Он казался самым спокойным в их компании.

— Кстати, я тут вспомнил по этому поводу один случай. Этюд из психологии животных. Собака, то ли сама убежала, то ли потерялась — не помню уж точно, — короче, хозяин нашел ее через несколько дней. И страшно был рад, что она жива-здорова, но вот собака уныло бродила по дому, почти не спала и ничего не ела. В конце концов этот человек пошел за советом к ветеринару. А тот посоветовал скатать газету в трубку и хорошенько врезать собаке по заду.

— И это не помогло.

— Наоборот, это излечило собаку. По-видимому, собака все время ждала, что ее накажут, за то, что она потерялась, и не могла успокоиться, пока не получила должное. Мысль эта тяготила ее, она

знала, что что-то не так, если проступок остался незамеченным. Но стоило только дать символический шлепок — и собака чуть не развалила дом от радости. Понимаете, вина была искуплена.

— Вы полагаете, Афре поможет пинок под зад?

— Не знаю. Брада это, конечно же, не вернет. Но…

Гротон сел и продолжил:

— Знаете, а вы были правы насчет чувства вины. Ему просто нет выхода — ведь никто из нас по-настоящему не осуждает ее. Но суд… Трудно сказать, поможет ли он ей избавиться от чувства вины…

— Вам придется принимать решение. О том, виновна ли она. Рассмотреть все свидетельства и назначить соответствующее наказание.

— Да, по-видимому, мне придется это сделать.

Иво понимал, что сейчас думает Гротон. Они *все* виновны, виновны в своем бездействии, точно так же, как Афра виновна в своем деянии. Какое же право у них выносить приговор?

Гротон открыл бюро, которое он смастерил для своего кабинета и извлек лист бумаги. На нем была изображена большая окружность, разделенная на двенадцать секторов, в центре был помещен небольшой кружок. Внутри некоторых

секторов были нарисованы какие-то символы и написаны цифры. Под большим кругом были начерчены несколько фигур, надписанных символами, отличными от тех, что были на круге.

— Это ее гороскоп. Давайте я вам объясню кое-что вначале, а вы мне потом скажете, разумно ли то, что мы затеяли с судом.

Иво сомневался в глубине души в эффективности такого метода, но возражать не стал, так как привык к своеобразному подходу Гротона при решении различных проблем. Пусть будет так, раз уж астрологические карты позволяют ему принимать решение (как однажды заметила Беатрикс) и придают больше уверенности. Он также вспомнил свой собственный гороскоп, указавший на Шена, а не на Иво — просто фантастика.

— Вы понимаете, о чем я говорю, когда произношу слова: дома, кардинальные знаки, алхимические элементы?..

— Повторите еще раз и помедленнее.

Гротон улыбнулся:

— Просто проверяю вас. Я не хочу обидеть вас чрезмерно примитивными объяснениями. Я буду стараться по возможности избегать специальных терминов — но вы должны понять, объяснение будет настолько упрощено, что мои слова будут

лишь частично верны.

— А почему бы вам сразу не ознакомить меня с выводами, как в прошлый раз?

Иво не очень-то стремился попасть на очередной урок практической астрологии.

— Потому, что *мне* придется слишком много говорить. Я вам расскажу только об основных принципах, чтобы вы поняли суть, а затем гороскоп все скажет вам сам. Может, у вас возникнет мнение, отличное от моего, и ваши интерпретации помогут мне принять решение.

Сейчас Гротон напоминал Афру, когда та настаивала, чтобы ее ощупали. И тогда значение и смысл ее слов не сразу до них дошли, только по прошествии времени Иво признал, что инстинкт не обманывал ее. Гротон, очевидно, уже сам все просчитал и проанализировал, но у него, по-видимому, есть веские причины проверить свои результаты, которые он подозревает в некорректности. Так что разумнее согласиться. Все больше и больше Иво осознавал, что его суждения обо многих вещах основаны на весьма скудной информации о них.

— Хорошо. Еще одно мнение никогда не помешает.

Гротон указал на гороскоп.

— Смотрите, здесь двенадцать сегментов. На самом деле их двадцать четыре — двенадцать накладываются на двенадцать, но для простоты мы будем рассматривать одиночную диаграмму. По контуру я расставил обозначения.

— Пока я узнал лишь цифры от одного до десяти, — Иво разглядывал незнакомые символы. — Это Нептун! Уж его-то я не забуду. В шестой клетке.

— Для начала достаточно. Назовем это верхний диск — двенадцать домов, пронумерованных против часовой стрелки. Грубо говоря, дома означают обстоятельства: ситуацию и возможности, имеющиеся у человека. Это ни хорошо, ни плохо, человек может извлечь выгоду из этих обстоятельств, а может и не делать этого. Но от этого никуда не денешься, как и в случае с шахматами, который мы в тот раз обсуждали, все участники готовы играть.

— Участники, это двенадцать обстоятельств?

— Да. Дома, на самом деле, представляют собой сегменты селестиального экватора, и движущиеся по орбитам планеты переходят из дома в дом. Эти сегменты, естественно, трехмерные, похожи на дольки разрезанного апельсина — и все двенадцать составляют небесную сферу Земли.

Иво посмотрел на гороскоп.

— Маленький кружок в центре — это Земля, а оставшаяся Вселенная разрезана на двенадцать больших кусков. Значит, сейчас мы смотрим на срез переполовиненного апельсина. Ясно.

— Примерно так. Планеты представляют различные пути утверждения личности. Солнце в первом доме означает…

— Солнце? А я думал, мы говорим о планетах.

— Мы рассматриваем Луну и Солнце как планеты, так что лучше забудьте все, что вы знаете из астрономии, к ней это не имеет почти никакого отношения.

— Я начинаю уважать вашу искренность. Хорошо — Солнце, это планета.

— Но ведь, если смотреть с Земли, Солнце или Луна ничем не отличаются формально от Венеры или Плутона — все они движущиеся тела. Все они меняют свое положение на небесной сфере со временем. Мы не пытаемся пересматривать астрономию, просто для удобства вводим свои собственные термины. Фактически, именно *астрономы* изменили всю терминологию, ведь в свое время астрономия была подразделом астрологии, а первые астрономы были астрологами, Так что, никакого противоречия нет.

— Я вас понял.

— Солнце означает цель, Луна — чувство, Марс — инициативу, и так далее. Если вам понадобятся полные таблицы, я вам дам нужные книги. Таким образом, Солнце в первом доме означает планету цели в доме тождества. Родившийся при таком расположении планет человек всячески стремится утвердить свое «я» — *и* старается быть первым в любой ситуации. Но это вовсе не означает, что ему сопутствует успех — его действия зачастую импульсивны. Его скорее можно назвать бурным, чем деятельным.

— По-моему, вы что-то не договариваете. Есть еще описания того, что означает Солнце в первом доме?

— В любом случае, неизбежны расхождения при интерпретации. Мои недомолвки происходят от чрезмерного упрощения. Необходимо рассмотреть положение всех планет, а не только Солнца, а иначе не избежать досадных промахов. Но, как видите, один из нашей группы был рожден под таким расположением светил.

— Афра!

— Как раз это я и имел ввиду. Мое упрощенное объяснение натолкнуло вас на неправильный вывод. Вы сами сможете сказать, что это не Афра,

взглянув на ее гороскоп — первый дом пуст. На самом деле, это Беатрикс.

— Кажется, я начинаю уяснять суть. Если человек рождается в тот момент, когда Солнце в одном из этих сегментов — то можно сказать кое-что и о его личности, но не все. Но в любом случае Солнце должно находиться в каком-то из домов. Что означает второй дом?

— Прежде всего обладание. Но лучше давайте я составлю вам список значений домов, так будет лучше.

— Хорошо. Значит, Солнце во втором доме — это обладание целью. Это человек будет вовсю делать деньги.

— Другими словами, всегда беспокоиться о личной выгоде, — уточнил Гротон, не отрываясь от составления списка. — Основное вы поняли. Хотя, это вовсе не означает, что этот человек наживет состояние — но в любом случае стремиться будет.

— И где находится Солнце в моем, то есть Шена, гороскопе?

— Двенадцатый дом. Это ограничение.

— Цель ограничена, — Иво задумался. — Вы меня все больше и больше убеждаете.

— Необходимо помнить, что Солнце очень важ-

ная планета, но тем не менее, его влияние может перевешиваться противоположной по значению конфигурацией. И, разумеется, гороскоп — это лишь вероятностное описание реальности. Наследственность играет значительнейшую роль — мышь, рожденная под знаком Льва, так и останется мышью.

— Надо запомнить Микки-Лев, — улыбнулся Иво.

— Обратите внимание на расположение Солнца в гороскопе Афры.

Иво еще раз изучил рисунок, он уже не казался ему совсем непонятным.

— Это маленький кружок с точкой в центре? В девятом доме. Но там, кроме него, еще что-то есть.

— Да, Солнце не одно, и, замечу, в некоторых аспектах этот гороскоп исключителен. Но давайте отвлечемся от деталей. Рядом с границей круга нарисован знак Солнца, далее приведены параметры эклиптики в градусах и минутах, далее следует знак, о котором мы вскоре поговорим.

— Что означает девятый дом?

— Понимание, сознательность, знания.

— Выходит, цель Афры в понимании. Она стремится все понять и, если от природы одарена

интеллектом, то будет знать очень многое.

— Вот что написано в книге: Солнце в девятом доме означает практичность в жизни, стремление утвердить себя при помощи высоких моральных норм и широкого круга интересов. Человек испытывает осознанную тягу к познанию либо же религиозен. В лучших своих проявлениях он способен внести ясность в любую ситуацию и предложить разумное решение; в худших ему присущи нетерпимость, самодовольство, косность.

— Похоже на правду, но настолько неконкретно, что можно приписать любому.

— Нужно еще разобраться в деталях — рассмотреть каждую планету отдельно. Нельзя же разделить всех людей на двенадцать групп без ущерба для конкретности. Но если мы выясним расположение десяти планет относительно двенадцати домов и двенадцати знаков, затем учтем восходящие знаки, сложим все вместе, то получится описание, не уступающее описанию макроскопа. Ну ладно, теперь скажите, где находится Луна?

— Рядом с Солнцем, в том же доме.

— Луна означает чувство.

— Чувство в понимании. Знать ее — значит

любить ее? — вырвалось у Иво, ведь это было с ним на самом деле.

— Нет, это лишь поверхностное впечатление, не подтверждаемое гороскопом. Для нее важно, что *она* чувствует и понимает. Вот подробное описание: «Луна в девятом доме означает первенство моральных норм в жизни, этот человек больше думает о причинах и следствиях своих действий, нежели об их необходимости и полезности. Для него участие и забота важнее практических рассуждений и мотиваций. В своих лучших проявлениях этот человек с пониманием относится к недостаткам других, в худших — его беспокоят несуществующие и вымышленные опасности и он расходует свою энергию впустую.» Вы узнаете Афру в этом описании?

— Да, отчасти. Но вам не кажется, что все это, ну… довольно личные сведёния. У меня такое ощущение, что я сую нос не в свое дело.

Этим он косвенно признавал эффективность астрологии, а, впрочем, ему уже было все равно.

— Нагое тело — это одно, но когда лезешь человеку в душу…

— Хорошая мысль. Я рассматриваю подробный гороскоп как специальные сведения, доступ к которым может иметь только адвокат и, может

быть, священник. Либо как медицинское или финансовое заключение. Это одна из причин, по которой я не показывал вам гороскоп Афры раньше. Но коль скоро нам предстоит выносить приговор, который вполне может изменить ее жизнь…

Иво понял его мысль.

— Я все сохраню в секрете. Даже если она не верит в астрологию, или я не верю, все равно…

Гротон перешел к следующему разделу:

— Знаки эклиптики определяют характер. Их двенадцать, они расположены на равных расстояниях, как и дома, но не эквивалентны им. Поэтому для их обозначения необходимы специальные символы; а их расположение по периметру круга довольно приблизительно, так как они не определены так строго геометрически, как дома. Так где сейчас находится Солнце?

— Рядом с каким-то знаком — нечто среднее между математическим символом корня и перевернутой музыкальной нотой.

— Это Козерог — Козел. А это…

Иво прервал его, ему не давал покоя один вопрос.

— Так кем, вы говорите, является Шен?

— Овен — Баран. Его легко узнать — развер-

нутые бараньи рога. Сейчас он находится у двенадцатого дома.

— Ага, вижу. Кружок с рогами.

— Нет, не этот. Это Телец — Бык. Смотрите, следующий сверху.

Иво нашел нужный символ.

— Так вот как отличают овец от козлов! Но что Овен делает в гороскопе Козерога? Я думал…

— Все дома и все знаки присутствуют в любом гороскопе. Ведь в человеческой личности есть всего понемногу. Но расположение планет подчеркивает различия между людьми. У Шена Солнце в знаке Овна, а у Афры — Марс в знаке Овна, это совершенно разные вещи, уверяю вас.

— Солнце важнее?

— Зависит от ситуации. Обычно это так, поэтому в примитивных гороскопах прежде всего рассматривается Солнце, но это все равно, что утверждать, что мозг важнее сердца. Кстати, Овен управляет мозгом. Но нужно учитывать и другие обстоятельства. Например, в случае Афры Марс имеет большой вес, и, по-видимому, она столь же пылкая натура, как и Шен. Но комбинация Солнца, Луны, Меркурия в знаке Козерога оказывает огромное давление на Землю — в общем, не хочу вдаваться в субъективные толкования. Это рас-

положение называется ВЕДЕРКО, и находящийся в ручке Марс означает наличие особой способности или важной области интересов, С этой точки зрения гороскоп говорит об инициативе и исключительной самодостаточности человека.

Иво начал путаться, как и в тот раз, когда слушал «упрощенное» объяснение Брада. Однако он разглядел нечто вроде ведерка — его ручка торчала влево, а само оно было составлено из заполненных секторов в правой половине гороскопа.

— Значит, действия Афры — то, что она сама решила оживить Брада, мало беспокоясь о риске и последствиях, были предопределены моментом ее рождения? Потому, что Марс оказался в знаке Овна? И вы могли бы предсказать…

— Все не так просто, Иво. Есть множество других факторов, и она могла бы поступить совершенно иначе. Но задним числом никого не оправдаешь. Да, я действительно предвидел какой-то кризис. В этот период ее жизни активизировался Сатурн, увеличилось влияние Марса — все это указывало на сложности в ее взаимоотношениях с Брадом, еще тогда, на станции. Затем произошла встреча Брада с разрушителем. Для последующего года характерно сильное влияние Урана. Для нее это

означает три кризиса подряд — период между ними может составлять около года. Я просто не в состоянии определить точно время начала хотя бы одною из них.

— Но существует вероятность того, что третий кризис будет не легче первых двух и разразится еще в этом году?

— Как вы любите выражаться, так оно и выходит. Но еще раз повторяю, я ничего не утверждаю…

— Я помню. Можно мне самому посмотреть гороскоп и ознакомиться с описаниями? Вы говорили, что вам нужно независимое мнение.

— Не думаю, что вам это поможет. Нужны годы…

— Держу пари, мой гороскоп говорит, что я люблю делать все сам.

— Не совсем так, — начал было Гротон, но тут до него дошел намек. — Как хотите. Здесь я выписал по порядку знаки и сопровождающую информацию, гороскоп у вас уже есть. Правда, я вам кое-что еще не объяснил, например, что такое великая триада огня и…

— Думаю, что все же достаточно, чтобы начать. Вы мне не оставите все это на часок? Разумеется, я буду, скорее всего, совершать ужасные ошибки

при толковании, но, тем не менее, я изложу вам свое мнение. А уж затем решим с судом. И еще, вы мне не можете дать другие гороскопы для сравнения?

— Они в ящике стола, — любезно ответил Гротон, — На все ответ вам дадут звезды, — многозначительно добавил он и оставил Иво одного.

Иво начал с проверки гороскопа Беатрикс. Это был все тот же разделенный на двенадцать частей диск, но сектора были заполнены по-другому. В центре были написаны дата и место рождения: 20 февраля, 1943, 6.23 утра, Даллас, Техас, ЗЗС, 973. Последние числа — географические координаты, решил он. Внизу размещались какие-то математические формулы и слово КАЧЕЛИ. Он решил не обращать на них внимание и углубился в анализ гороскопа.

Солнце находилось в первом доме, как и говорил Гротон.

«Цель и тождество», — пробормотал он, взял ближайшую книгу и пролистал ее до главы «Планеты в двенадцатом доме». Взглянув на соответствующее описание, он убедился, что был не так уж далек от истины.

Быстро и уверенно он отыскал Луну — она была в седьмом доме.

«Чувство и партнерство», — сказал он самому себе, сверившись со списком. Найдя нужное место в книге, он прочитал вслух: «...в лучших своих проявлениях способен найти общий язык с любыми людьми, в худших — слишком сильно переживает кризисы жизни». Он вспомнил, что интерес Беатрикс к музыке, поэзии, который она разделяла с ним, проявлялся лишь в минуты, когда возникала потребность в общении и участии. Он припомнил также, как болезненно реагировала она на все капризы и импульсивные порывы Афры.

Иво исследовал другие знаки. Солнце находилось в знаке Рыб — цель и симпатия. Так как первая книга была открыта на описании домов, которые еще могут понадобиться, он открыл другую книгу — толстый древний фолиант.

«Рыбы означают очень чувствительную натуру...» — было написано в нем. — «Стремление понять и простить окружающих, быть среди людей и помогать несчастным и обездоленным... в практической жизни является кем-то вроде Золушки».

Он остановился и обдумал прочитанное. Более точного описания Беатрикс и не придумаешь. Казалось, будто этот пассаж писался о ней. Он

посмотрел на обложку: «Астрология и ее практическое применение», Е. Паркер, перевод с датского. Издано в 1927 году.

За четырнадцать лет до рождения Беатрикс.

Он еще раз взглянул на гороскоп — Луна находилась в знаке Девы.

«Чувство и доброта» — подумал он. В книге говорилось: «Этот человек очень любит изящное искусство, особенно литературу. Зачастую наслаждается произведениями, не демонстрируя открыто свои чувства и переживания».

Он возбужденно схватил другую книгу — копирайт 1945 года некоего Марка Эдмунда Донса — и нашел в ней место о Луне в знаке Девы: «Взаимодействуя с окружающими, глубоко переживает их проблемы…»

Будь объективен, — сказал он себе. — *Ты обращаешь внимание только на совпадающие детали.*

И все же это было поразительно…

Он положил перед собой гороскоп Афры, выписал его элементы и принялся за поиски толкований. Вскоре он совсем запутался во множестве разнообразных факторов, к тому же книги иногда противоречили друг другу. В конце концов, он решил упорядочить свое исследование и

начертил таблицу, в которой присутствовали все элементы и таким образом можно было охватить всю картину:

ПЛАНЕТА	ДОМ	ЗНАК	ОПИСАНИЕ
Солнце	9	Козерог	цель × понимание, проницательность
Луна	9	Козерог	чувство × понимание, проницательность
Марс	12	Овен	инициатива × ограничение, желание
Венера	8	Стрелец	стяжательство × восстановление, управление
Меркурий	9	Козерог	разум × понимание, проницательность
Юпитер	6	Весы	энтузиазм × долг, равенство
Сатурн	7	Стрелец	чувствительность × товарищество, управление
Уран	4	Лев	независимость × долг, уверенность
Нептун	6	Скорпион	обязанность × долг, творчество
Плутон	5	Дева	одержимость × результат, доброта

Иво созерцал свое творение со смешанным чувством гордости и недоумения. Он превратил малопонятный гороскоп в четкую и ясную таблицу, извлек суть из груды слов. Как говорится — от хаоса к порядку, но что делать с этим порядком — непонятно. В таблице много «проницательности», связанной с «целью», «чувства» с «разумом» — это, очевидно, отражены основные движущие силы Афры. Но понимание тоже связано с этими тремя чертами. К тому же, еще и «энтузиазм» был вместе с «долгом» и «равенством», «обязанность»

вместе с «долгом» и «творчеством», «одержимость» и «результат» — с «добротой».

Можно ли на основании этого сделать вывод о ее реакции на суд? Поможет ли он ей или, наоборот, подтолкнет к самоубийству? Или она просто рассмеется над этим «судебным процессом»?

Ведь Афра — *человек*, а не гороскоп или таблица.

А астрологией пускай Гротон занимается. Иво встряхнул головой, будто хотел вытряхнуть какую-нибудь здравую мысль, застрявшую где-то в укромном уголке сознания, и отложил бумаги в сторону. Вышел из кабинета Гротона и направился в свою комнату. Там он нашел коробку, в которой хранил всевозможные безделушки, привезенные с Земли — он не открывал ее с момента деструкции. Пенни все еще должен быть там, среди мусора… да, его пальцы нащупали металлический диск. Он вытащил его и, не глядя, щелчком подбросил в воздух, поймал и пришлепнул монету на тыльную сторону ладони. «Орел — будем ее судить, решка — обо всем забудем», — вслух произнес он. Затем взглянул на монету.

Это был автобусный жетон, без орла и решки.

Гротон постучал по столу, призывая всех к вниманию.

— Давайте обойдемся без лишних формальностей. Иво — вы назначены обвинителем. Пожалуйста, ваше слово.

Иво встал, и на краткий миг ему представился настоящий зал суда и двенадцать присяжных за барьером.

— Гарольд, моя задача привести неопровержимые доказательства того, что Афра Саммерфилд совершила умышленное и злонамеренное убийство Брадли Карпентера. Она…

Афра подскочила и яростно прервала его:

— Что вы тут плетете! Это нелепейшая, бездоказательная клевета! Это., — она запнулась, — остальные трое были серьезны и молчаливы.

Гротон медленно повернулся и обратился к Афре:

— Афра, вам, разумеется, будет предоставлена возможность высказаться. Но будет лучше, если мы прежде выслушаем слово защиты — Беатрикс. Мы должны докопаться до правды в этом деле, если хотим жить в мире и согласии на Тритоне.

Афра внезапно поникла, на нее жалко было смотреть, столь несчастной и неуверенной была она в этот момент.

— Да, я все понимаю, Гарольд, разумеется.

— Иво, продолжайте, пожалуйста.

— Кого мы перед собой видим — избалованную и надменную девушку из верхних слоев среднего класса. Ей с детства внушали чувство превосходства над простым и сермяжным народом от сохи, только потому, что у нее благородная кровь и средства родителей позволили ей получить хорошее образование. Она обладает острым умом, и это дает ей основание считать людей со средним интеллектом низшими существами. С другой стороны, она неприязненно относится к людям с более высокими умственными способностями, чем ее, так как завидует их более высокому, опять же, по ее собственному представлению, положению в обществе. Одним словом, они для нее высшие существа.

Афра с ужасом на лице слушала его речь.

— Это то, что вы обо мне думаете? Что я… — она вновь замолчала, сраженная его спокойным и беспристрастным видом. — Извините. Я не буду больше перебивать.

— А теперь давайте представим себе, что произошло, когда она поступила на работу на орбитальную станцию макроскопа в качестве высокопоставленного секретаря. Многие сотрудники станции, прямо скажем, большинство, превосходили ее как в служебном положении,

так и в природных способностях. По сравнению с ними она была невежественна и не так уж умна. Естественно, такое положение не могло не вызывать в ней постоянно чувство недовольства. Ясное дело, никому не нравится быть неполноценным или знать, что так думают другие, каково бы на самом деле ни было реальное положение вещей.

Иво намеренно сгущал краски и в душе не верил своим словам, но фактически он говорит в чем-то и о самом себе, описывая взаимоотношения Афры с людьми. Это *он* чувствовал себя неполноценным, и нельзя сказать, что это ему когда-либо нравилось. И это *Афра* была интеллектуальным снобом.

— Кроме того, сотрудники станции принадлежали к разным расам. Негры, монголоиды, мулаты стояли выше ее как по службе, так и по способностям. Даже некоторые работники технического отдела имели привилегии, которых была лишена она. Но вспомним, она ведь родилась в Джорджии. Для нее все эти люди — нигеры, китаезы и латиносы, их можно было бы терпеть, если бы они «знали свое место», но принять их как равных или, более того, высших — никогда. Наряду с представителями других, там пред-

ставлены и чуждые ей идеологии, например: социализм, коммунизм, фашизм. Чуждые ей, для которой отрыжка после еды непозволительная грубость, а приветствие, при котором мужчины соприкасаются щеками, как это заведено у многих народов, — отвратительно.

Он зашел слишком далеко, речь его уже мало относилась к делу, но остановиться Иво уже не мог. Негодование нашло выход и обрушилось на нее, тем более, что именно она и была причиной этого негодования, Он злился на нее, потому что любил ее.

— Но кое-что удерживало ее там, несмотря на плачевное состояние психики. Она встретила молодого, привлекательного американского ученого, лишь немного умнее ее и изъявившего желание вступить с ней в близкие взаимоотношения. Она влюбилась в него…

Следует, конечно же, помнить, что Иво злился на Афру именно за то, что она любила Брада…

Афра нахмурилась, на щеках проступил румянец, но она не проронила ни слова.

— Но вдруг, после непродолжительной, но довольно интимной связи, выясняется, что американец обманывал ее. На самом деле он был гораздо более образован и умен, но, что самое

страшное, вся эта история казалась ей прелюдией к замужеству, а для него была лишь мимолетным развлечением. Более того, он решил передать бремя ее благосклонности и внимания одному своему знакомому. И вот она оказалась уже человеком из самого низшего класса, который только могла представить — так называемый белый раб.

Беатрикс отчаянно всплеснула руками:

— Иво, это чудовищно! Вы не имеете права обвинять ее в...

Он больше не злился и продолжил с ледяным спокойствием:

— В проституции де-факто? Нет, я этого не говорил. Я всего лишь утверждаю, что Брадли Карпентер использовал ее как игрушку. Но его истинной целью…

— Вы превышаете свои полномочия, — остановил его Гротон. — Мы не судим Брада.

Иво сам был уж рад оставить эту тему в покое. Все-таки Брад был его другом. Он ведь хорошо изучил Брада за двадцать лет: вежливый, мягкий, в общем слабое подобие Шена. Но если Брад был так безжалостен с людьми, то что можно ждать от Шена?

— Впоследствии выяснилось, что ее возлюб-

ленный имел смешанную кровь — в ее терминах мулат, а то и хуже. К тому же, вырос в какой-то колонии свободной любви, в которой общепринятая мораль была неведома. Выходит, она далеко не первой делила с ним ложе, скажу больше, она была последней в длинной череде мальчиков и девочек всех рас мира.

Вот это обвинение! Иво сам разделял консерватизм Афры и был также предвзят во многих случаях, несмотря на то, что прекрасно знал, где вырос. Ведь значительная часть его жизни связана с проектом.

Позже, когда он встречался с девушками из проекта, он никогда не отказывался от их традиционной благосклонности. Посторонний назвал бы это отвратительной всеядностью. Но между детьми проекта существовала особая связь — у них было общее прошлое и не могло быть тайн друг от друга. Разве плохо для людей, у которых так много общего в прошлом, пытаться таким способом хоть на миг вернуть то ощущение всеобщего братства, к которому нет возврата?

Иво был шокирован наготой Афры и ее действиями, когда она позволила ощупывать себя, лишь потому, что она не была девушкой из проекта. Будь он немного объективней, проблем бы

не было. Она была искренна в своих воззрениях и отношениях с Брадом, в то время, как он был матерым лицемером. *Его* следовало судить, а не ее…

Пора закругляться, пока его снова не унесло в сторону.

Он указал на Афру:

— Не нам и не ей судить о моральных качествах Брадли Карпентера. Он убит рукой этой женщины. Но нам следует выяснить, были ли у обвиняемой мотивы к убийству? Я говорю — да, были, принимая во внимание ее расовую нетерпимость и больное самолюбие. В этом свете и нужно рассматривать ее деяния. Вердикт может быть вынесен один — виновна.

Он хорошо говорил, но чувствовал себя совершенно разбитым. На этом процессе он увидел самого себя в не очень-то выгодном свете.

Слово взяла Беатрикс, назначенная адвокатом. Она выглядела изможденной и обеспокоенной, но голос был тверд.

— Гарольд, все это неправда. Иво все преувеличил. По такого рода обвинениям можно засудить кого угодно. Афра пыталась вернуть любимого, пыталась изо всех сил, но не получилось. Но ведь все мы бездействовали. Мы бы так и оставили его

гнить в этом контейнере. Если бы она знала, что произойдет, она бы никогда…

— Нет, — сказала Афра, — я даже не допускала мысли, что он может остаться идиотом или студнем. Уж лучше пусть будет мертвым.

Иво замер. Беатрикс приняла правильную линию защиты, но Афра все испортила.

— Это неправда! — воскликнула Беатрикс. — Вы думаете, что раз он умер, то вся вина на вас? Но ведь он сам виноват — он намеренно просмотрел разрушитель.

Афра молча смотрела перед собой. Беатрикс была права. Афра не пыталась убить Брада. Она пошла на безумный риск в надежде воскресить его из мертвых. И ее неудача вовсе не означает злой умысел.

— Имеете ли вы что добавить к сказанному? — выдержав паузу, спросил Гротон.

Ответа не последовало.

— В таком случае, выслушав выступления, принимая во внимание известные всем факты, мне надлежит вынести беспристрастное решение.

Гротон вел дело к завершению, но Иво казалось, что «суд» не удался. Афра почти не сопротивлялась, и поэтому должной защиты не было.

Все было впустую.

— Я признаю подсудимую виновной в предвзятом отношении к Брадли Карпентеру. Суду не были предъявлены убедительные мотивы обвиняемой к совершению явного, злоумышленного убийства, и ее действия можно трактовать по-разному. В худшем случае, это просто неосмотрительность. Истинными причинами кончины вышеупомянутого Брадли Карпентера следует признать явление, именуемое разрушителем, и недостаточное понимание механизма процесса деструкции. Считаю возможным оправдание подсудимой.

Неужели Афра согласится с этим?

— Так ты говоришь, что это был несчастный случай? — спросила Беатрикс. — Но она же должна понести наказание?

— Думаю, что так оно и должно быть — подтвердил Гротон. — Я в своем заявлении упомянул о безрассудстве обвиняемой, и это доказано.

— Тогда все в порядке.

Иво тоже кивнул.

— За сим, я приговариваю тебя, Афра Саммерфилд из Джорджии, к исключению из нашего общества равных людей до того, как станет возможной нейтрализация упомянутого разрушителя, чтобы никто другой не пострадал, как

Несчастный Брадли Карпентер. Твое прилежание может способствовать пересмотру этой части наказания. Далее: поскольку в деле большую отрицательную роль сыграла твоя гордость, приговор включает в себя период исправительных работ. Тебе предстоит принять на себя работу по саду, приготовление пищи и стирку, не разрешается покидать область, ограниченную кухней, садом и прачечной, кроме как для заправки кроватей либо для подобных работ, если этого пожелает кто-либо из жителей поселения. Эта работа прекращается только по отбытию всей группы из упомянутого поселения, после чего тебе будет позволено ходатайствовать о включении в общество на испытательный срок. До этого времени к тебе не будут обращаться по имени, и тебе не разрешается обращаться по имени к кому бы то ни было.

К удивлению, Афра кивнула.

Она *хотело,* понести наказание!

— Этот приговор, — чуть помедлив, продолжил Гротон, — откладывается, так как…

— Нет, — тихо сказала Афра. — Это справедливый приговор.

Выходит, Гротон хотел наказать ее лишь символически. Предвидя это, Афра настояла на

настоящем приговоре.

Это, конечно, было ее право — но помогал ли он вернуть ее к жизни, или просто потакал ее мазохизму?

— Девушка, — отрывисто сказал Иво по интеркому.

Голос Афры отозвался через несколько секунд:

— Сэр?

— Направляйтесь в гостиную для беседы.

Она тут же прибыла — простая черная юбка ниже колен, блуза с длинными рукавами, поверх всего наброшен халат. Волосы спрятаны под унылый платок.

В этом наряде она чем-то напоминала монахиню.

Она молча стояла, ожидая его указаний.

— Садитесь.

— Сэр?

— Садитесь. Я хочу вам кое-что показать.

Она присела на самый неудобный стул, из стоявших в комнате.

Иво подошел к загодя установленной доске:

— Мы будем говорить об инфляционной космологии, — произнес он, подражая манере классического лектора. — Существует доказательство того, что наша вселенная в настоящее

время находится в стадии расширения. Известны многочисленные расчеты, которые предсказывав пределы этого процесса. Мы не будем вдаваться в детали расчетов, поскольку они невероятно сложны. Давайте представим себе, для удобства, Вселенную как четырехмерный объем, ограничивающий расширение нашего трехмерного мира. Далее, предположим, что все четыре измерения пространственны, хотя на самом деле в реальной Вселенной лишь некоторые пространственны, а остальные соотносятся с ним различным образом. Вы меня понимаете?

— О каких дополнительных измерениях вы говорите?

— Время, масса, потенциал, вероятность — все практически и теоретически измеряемые величины.

Афра кивнула, и он заметил, что это ее заинтересовало.

По-видимому, звездные дали не померкли для нее после нескольких недель работы по дому.

— Теперь заменим хорошо знакомый нам трехмерный мир производной — одномерной линией. — Он провел на доске линию. — Если вам нравится, можете представить себе эту линию как прут или кусок трубы, включающий в

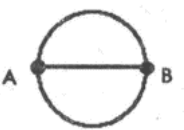
себя три измерения, но вместе с тем конечный и гибкий.

Он дополнил рисунок:

— Совершенно ясно, — сказала она. — Труба макронного диаметра представляется в виде линии.

— Наше четвертое пространственное измерение условно изображается как двумерная фигура — круг, — он стер рисунок трубы и начертил на доске круг. — Теперь наша линия внутри этого круга. Пусть она проходит от точки А к точке В периметра.

Он изобразил их:



— Это границы Вселенной, — согласилась она.

— Теперь допустим, что эта трехмерная линия внутри четырехмерной сферы — наша Вселенная

во время, или чуть позже, ее создания.

— Пресловутый Большой Взрыв.

— И как же теперь нашей Вселенной уместиться в жестком круге, если ее длина все время увеличивается? Скажем, если длина была ЛВ, а стала 2ЛВ?

— Она должна сморщиться, — немедленно последовал ответ.

— Совершенно верно.

Он стер чертеж и нарисовал другой, правда, на сей раз линия была уже волнистой:

— А наша Вселенная все расширяется и расширяется, — продолжал он. — Как бы вы изобразили стократное расширение?

Она встала, подошла к доске, взяла у него мел и нарисовала более замысловатую фигуру вместо предыдущей:

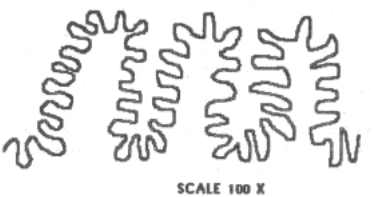
— Очень хорошо, — похвалили Иво. — А если в тысячу раз? В миллион?

— Витки будут накладываться на витки, — сказала она, — при условии, что ваша линия бесконечно гибкая. Могу я изобразить подробно?

— Пожалуйста.

Она старательно вычертила:

— В свою очередь, эта конструкция будет образовывать новые, большие петли, — пояснила она, — точно так же в маленьких петлях образуется тонкая структура, и так продолжается до тех пор, пока весь ваш круг не будет плотно забит нитью. Диаметр и гибкость нити — вот единственные факторы, ограничивающие процесс.



— Замечательно, — сказал Иво. — Садитесь.

Она вздрогнула и, судя по всему, хотела резко ответить, но, вспомнив о своем положении, сдержалась. Села.

— Теперь предположим, что мы имеем адекватную приведенной космологическую модель Вселенной, — продолжил он. — Обратим внимание на следующее — линия соприкасается сама с собой во многих местах как малыми, так и большими петлями. Задумаемся, а что, если возможно проскакивать в местах соприкосновения, вместо того, чтобы, как обычно, двигаться вдоль линии?

— То есть, движение вдоль линии — это наше обычное путешествие в космосе? Как от Земли к Нептуну?

Он кивнул.

— А почему… — она замолчала, обдумывая возможные последствия услышанного. — Если Земля и Нептун находятся в соприкасающихся петлях, и вы способны проскакивать в месте соприкосновения, то вы окажетесь на Земле почти *мгновенно.*

— Предположим, так оно и есть и ваши соседние петли вот здесь. — Он указал на вершину большой петли. — Предположим, что подготовка, расчет курса и прочее занимают несколько

часов, и эти несколько часов являются эффективным временем одного прыжка. Сколько времени потребуется, чтобы достичь Альфы Центавра, стартуя от Земли?

— Зависит от местоположения и конфигурации петель. Если бы это расстояние можно было преодолеть одним прыжком — то все путешествие заняло бы несколько месяцев. Хотя по тому же билету можно и всю галактику пересечь — если эта модель Вселенной верна.

— Данные макроскопа свидетельствуют об этом.

Она тут же поняла намек:

— Выходит, станция, передающая разрушитель, теоретически достижима?

— Да.

Она посмотрела на него, в чертах лица вновь проступала жизнь. Она похудела так же, как Беатрикс, но все равно была прекрасна.

— Как долго вы носите эту рубашку?

Вопрос застал его врасплох, и он, заикаясь, ответил:

— Я-я, не знаю. А что…

— Слишком долго. Позвольте, я постираю?

— Я…

Она подошла к нему со спины, расстегнула его

рубашку, сняла ее и свернула в узел. Поцеловала его легонько в щеку и удалилась, оставив его в полном недоумении.

Если это была игра, то ему намекнули, у кого в руках сильная карта.

Мышь, рожденная под знаком Льва, все же остается мышью. Но Афра, каким бы низким не было ее положение, оставалась более сильной личностью, чем он.

Через шесть часов его рубашка лежала уже чистая и надушенная.

Он пошел искать Афру, не представляя себе, что же ей говорить, и нашел ее стоящей на коленях возле могилы Брада. В руке она держала букетик душистого горошка, по щекам катились слезы.

А что он еще ожидал увидеть?

Земля, город, неблагополучный район. Дети играют в крошечном грязном дворике, бросая камни в разбитую бутылку. Их одежда грязна и пропитана потом, ноги босы. Все истощены, осанка и комплекция указывают на плохое питание. Внутри дома беспокойно спит больной ребенок, мухи ползают по его щекам и с гулом взлетают, если он шевелится. Он лежит на драном матрасе, под которым собралась уже приличная куча нечистот. Желтоватая штукатурка на стене

местами отвалилась, из образовавшихся щелей выглядывают тараканы. В соседней комнате перед ярким экраном телевизора развалился седой мужчина, то и дело отхлебывающий виски из бутылки. Он также нечист, как и дети.

Иво представил себе диалог, который был бы возможен, если бы макроскоп передавал звуки.

— Вы все здесь погибнете. Почему бы вам не переселиться в другой район?

— Не могу себе позволить. Деньжат маловато, я и так все заложил.

— Тогда почему бы не подыскать другую работу? Экономика идет на подъем, вы могли бы зарабатывать кучу денег.

— Я пытался. Сказали, что у меня не хватает образования.

— Почему бы вам не пойти в школу? В один из бесплатных технических университетов?

— А у них система квот: столько-то от района. По нашему району все занято до 1985 года.

— Ну, тогда почему бы… ах, да, я понимаю.

Иво снял шлем, окуляры и встряхнул головой. Это была эра изобилия, ВНП достиг рекордной отметки, повсюду возникали выгодные рабочие места. Но макроскоп показывал истинную правду: либо это виноват порочный круг обстоя-

тельств, либо еще что-то, но люди жили в нищете. Жилище, которое он только что увидел, было типичным местом обитания все увеличивающейся, а отнюдь не уменьшающейся, прослойки общества.

Совсем недавно так жили только цветные американцы. Пройдет совсем немного времени, и только очень богатые будут жить иначе.

К чему тосковать по этому уголку бескрайнего космоса, покинув его?

Но Иво тосковал.

Гротон внимательно смотрел на экран, на котором Иво сфокусировал изображение поверхности Нептуна. В каких-то нескольких тысячах миль внизу клубились гигантские массы пара, выбрасывающие временами разноцветные языки газа.

Пять тысяч, четыре тысячи — нетрудно было представить, что они находятся на космическом корабле, совершают посадку и кожей чувствуют неистовые порывы метановых шквалов. Стало видно, что черная точка в центре — это глаз тайфуна, один лишь глаз составлял три тысячи миль в диаметре, и трудно было даже представить его глубину. Полупрозрачный слой легкого водорода образовывал центральную часть воронки, а тяжелый метан со взвешенными в нем кристал-

лами аммиака несся по большому кругу. Сейчас они могли оценить скорость газа на поверхности тайфуна — около четырех тысяч миль в час.

Иво вошел в глаз тайфуна — по сторонам вздымались стены газа и пара — титаническое и эфемерное творение атмосферы Нептуна. Затем темнота — он потерял воронку, затем вновь поймал ее и потерял опять. На глубине нескольких тысяч миль воронка составляла лишь десяток миль в диаметре, быстро сужалась книзу, ее стенки начинали терять устойчивость. Наконец, она то ли совсем исчезла, то ли стала слишком маленькой, для того, чтобы ее можно было заметить в более плотной атмосфере на глубине пятьсот миль. Свет еще немного проходил, но чем дальше, тем его было меньше.

Тысяча миль вниз — все еще газовые вихри и потоки кристаллов аммиака. Две тысячи миль — та же картина. Три тысячи миль — твердой поверхности еще нет.

— Есть ли у этой планеты поверхность? — недоуменно спросил Иво.

— Должна быть, — ответил Гротон. — Определенно, она где-то есть. Слишком уж эта планетка тяжела, чтобы состоять из одних газов.

Четыре тысячи. Пять.

— Вы уверены, что приборы правильно показывают расстояние? Может, мы совсем не так глубоко, как представляем себе?

— Я уверен, все правильно. Это все эта чертова *планета,* в ней-то вся загвоздка.

Шесть, семь.

На глубине восемь тысяч миль от визуальной поверхности они впервые наткнулись на твердый материал — раскрошенный аммиачный лед. Показания макроскопа были в этой ситуации не очень надежными — слишком мало светового излучения нужной длины волны.

Девять тысяч — настоящий лед, из H2O, твердый, как камень, полупрозрачный.

Десять — все по-прежнему.

— Мы уже прошли две трети расстояния до центра планеты — и ничего кроме *льда V.* — воскликнул Иво.

Исходящий с такой глубины сигнал был очень слаб, но все же приборы зарегистрировали на глубине двадцать тысяч миль твердую породу.

— Вы поняли, — взволнованно сказал Гротон. Истинный диаметр Нептуна меньше диаметра Земли!? Ядро в поперечнике не больше восьми тысяч миль, — он еще раз посмотрел на приборы. — Но что это за ядро! Вольфрам, золото,

платина, иридий, осмий — самые тяжелые элементы периодической системы собраны здесь! Представляете, какие здесь золотые копи? — Он остановился. — К черту золото! Тут же до черта… — внезапно Гротон замолк.

— И все это драгоценные металлы?

— Извините, я погорячился. На семьдесят процентов железо, а остальное, в основном, кремний и кислород. Просто необычайная плотность ядра сразу бросилась в глаза. Плотность необычайно высока и, к тому же, должна увеличиваться с глубиной. Очень массивная литосфера. Но так и должно быть. Насколько я понимаю, две трети массы планеты сосредоточено в ядре, а ядро не больше нашей Земли. Боже, как же я сразу не догадался! Плотность вещества ядра в десять-двенадцать раз выше средней плотности Земли, только тоща ядро и может быть таким тяжелым. Науке еще не известен столь плотный материал!

— Пошли вниз, — сказал Иво.

Материал был действительно невероятно тяжел. Тяжелые элементы плавали по поверхности ядра, так как плотность вещества, составлявшего центральную часть, была в несколько раз выше. Это вещество оказалось частично сколлапсировавшейся материей, скорее всего, это были

остатки потухшей карликовой звезды. Протоны и нейтроны образовывали ядерную жидкость, а вырожденный электронный газ придавал ей устойчивость.

— Мне кажется, — прокомментировал Гротон, что половина работы за нас уже сделана.

Иво удовлетворенно кивнул.

Иво начал излагать женщинам свой и Гротона план:

— Идея состоит в использовании принципа гравитационного коллапса. Мы получили описание довольно сложной гравитационной линзы, которая, по сравнению с нашей на Тритоне, просто атомная бомба рядом со спичкой. Даже если задействовать всех имеющихся роботов, работа по сборке одних генераторов займет несколько месяцев, а система защиты…

— А что значит гравитационный коллапс? — прервала Афра.

— Ну, если попытаться на пальцах… гравитационный коллапс, это то, что происходит с материей, когда гравитационное давление превышает определенный предел. Любой массивный объект сдавливается собственным гравитационным полем, тем сильнее, чем массивнее он. Обычно это давление уравновешивается другими

силами — электромагнитными и ядерными.

— Давайте я попробую, — предложил Гротон. — Думаю, что смогу изложить все в норме, понятной даже не кончавшим галактические университеты.

Иво понял, что «те» — это Беатрикс. Он привык к тому, что Афра все схватывала на лету, и все время забывал, что Беатрикс соображает не так быстро, хотя в пытливости ей не откажешь. К тому же, он позабыл, что и сам какой-нибудь месяц назад не понял бы свою сегодняшнюю лекцию; несмотря на то, что он старался не воспринимать галактическую информацию рассудком, он все же познал очень многое.

Несомненно, именно поэтому Афра и задала свой вопрос. *Она* знала астрономию и физику гораздо лучше его, но понимала, что для Беатрикс многое из того, о чем они говорят, — загадка.

— Мы знаем, — сказал Гротон, — что Тритон меньше Земли, и поэтому на нем мы весим меньше — я хочу сказать, весили, до того, как начали все тут переустраивать. Шен еще меньше, и на нем мы уже почти ничего не весим. Но дело не в размерах. Если бы Шен состоял из осмия, а не из льда, то он бы весил в двадцать пять раз больше и ровно во столько же была бы больше сила тяже-

сти. Тогда и мы бы весили больше, но все равно не так уж много.

Беатрикс кивнула. Иво был поражен: вот что значит истинный талант преподавателя! Понять самому — это одно, а изложить все, что понимаешь, так, чтобы это стало понятно всем — это совсем другое.

— Но планета притягивает не только *нас*, — продолжал Гротон. — Точно так же она притягивает и саму себя, испытывая давление собственного, гравитационного поля. Именно поэтому ядро планеты более плотно, чем литосфера. А теперь, предположим, мы сжали Тритон в шар размером с Шена и стали на его поверхности. Нам будет казаться, что мы тяжелее, во-первых, потому что плотность Тритона возросла, а во-вторых, потому что мы стоим ближе к его центру. А уж если мы сожмем Тритон до размеров горошины — тогда его гравитация будет по-настоящему сильной. Он уже вполне сможет дальше сжимать сам себя, так как сдавливающая сила просто чудовищна. Для такой ситуации и придумали специальный термин — гравитационный радиус, то есть, предельный размер объекта, по достижении которого он начинает коллапсировать сам по себе, будто пробитый футбольный мяч. И если

уж коллапс пошел — то уже все, ничем его не остановить.

— Так что же *происходит с материей?* — обеспокоено спросила Беатрикс.

— Ответ на этот вопрос нам очень хотелось бы получить. И, похоже, Иво удалось это узнать с помощью макроскопа.

— Очевидно, что материя не может коллапсировать в сингулярность, то бишь, в ничто, — подхватил Иво, подражая изо всех сил стилю Гротона. — Это противоречило бы фундаментальным законам… ну, в общем, так не может быть, и все тут. Вместо этого материя проскакивает в другую точку Вселенной, следуя по пути наименьшего сопротивления.

— Проскакивает в… — пробормотала Афра, переваривая услышанное. — Так *вот как* вы собираетесь…

— Совершать прыжки в пространстве. Да, именно так. Правда, тут есть некоторые сложности.

— Я думаю! Вы же имеете дело с молекулярным, с атомным коллапсом материи! Предположим, что вы овладеете техникой коллапса и, чисто условно, предположим, совершили его. Но что случится с человеком, после того, как его сожмут до размеров спичечной головки?

— Более того, — поправил Иво. — Человека весом в двести фунтов придется уменьшить до размеров одной десяти миллиардной — одной десяти миллиардной! — атомного ядра. Но это если его сжимать одного, если же ему сопутствует материя, то размер больше.

— Это же очень маленькие размеры, — сказала Беатрикс.

— Очень маленькие, — согласился Иво. — Но масса размером, ну, скажем, с Солнце, сжимается уже не так сильно. Чем больше масса, тем легче. Теперь насчет людей — вся эта технология позаимствована из главного внегалактического канала. Почему-то только этот канал передает сведения такого рода. Фактически, в этой программе нет ничего, кроме информации, связанной с перемещением в пространстве с помощью гравитационного коллапса, хотя раньше мне казалось, что охвачены и другие области знания. Кстати, известная нам деструкция — один из этапов такого путешествия. В программе говорится, что живая материя способна пережить весь цикл трансформаций, если будет подготовлена должным образом.

— В прошлый раз они нас не обманули, — заметил Гротон.

— Выкладывайте все, — мрачно сказала Афра.

— Хорошо. Сначала идет превращение в жидкость, столь хорошо нам знакомое. Затем отделяются клетки, и происходит что-то вроде испарения.

— Дело в том, что в газообразной среде легче восстановить молекулярные связи после формирования молекулярной структуры, — заботливо растолковал Гротон.

— Отвлекаясь от деталей, можно сказать, что распределение потенциала остается тем же во время компрессии, только изменяются масштабы, — продолжил Иво.

— То есть, создается специальное поле, которое фиксирует положение каждого атома и придает всей системе устойчивость, так что всевозможные флуктуации, неизбежные во время коллапса не изменяют структуру. Это похоже на то, как рисунок на шарике остается тем же, даже если шарик спустить, если, разумеется, в нем нет дырки. После прыжка и обратного расширения это поле сохраняет распределение своего потенциала, и выключается только когда все возвращается на круги своя. Для неживой материи все здорово проходит, но для живых существ необходимы некоторые усложнения. Вы ведь не можете

просто включить и выключить жизнь, словно лампочку.

— Так вы говорите, чем больше сопутствующая масса, тем легче идет процесс? — спросила Афра. По всему было видно, что она заинтересовалась всерьез. После успеха деструкции и освоения Тритона сумасшедшие идеи воспринимались гораздо проще. — Не означает ли это, что вы хотите привязаться каким-то образом к Шену и пройти сжатие вместе с ним?

— Основное вы поняли. Но ведь у нас имеются объекты помассивнее Шена, и есть возможность создать необходимое оборудование. Ведь чем больше масса, тем все технически проще, так как степень сжатия меньше. Таким образом…

— Собственно Тритон? Может, это и проще, но смахивает на гигантоманию.

— Нептун.

Афра даже не удивилась.

— А вы знаете, где мы выскочим?

Иво посмотрел на Гротона и пожал плечами:

— Не знаем. За три миллиона лет карты сильно изменились, ведь расширение продолжается. Даже если петли и остались теми же, то перемещались галактики и звезды. Нам нужна современная версия карт — но в макросфере

такая отсутствует.

— Значит, прыгать придется наугад?

— Да. После нескольких попыток нам, по-видимому, удастся составить собственную карту и мы будем иметь некоторое представление обо всей Вселенной.

— А если мы окажемся внутри звезды?

— Исчезающе малая вероятность. Но даже это, кажется, предусмотрено. Материя отталкивается от материи, если они встречаются после прыжка. Путь наименьшего сопротивления означает, что гораздо легче прыгнуть в незанятую точку пространства, нежели внутрь звезды, планеты или даже пылевидной туманности. Так что не следует об этом особо беспокоиться.

— А если мы заблудимся?

— Мы не заблудимся, коль скоро у нас есть макроскоп. А если и заплутаем, то не так уж далеко. Может статься, что галактика нам покажется незнакомой из другой точки пространства, но, думаю, расположение звезд будет не сильно отличаться от того, что мы имеем сейчас.

— Вы так думаете? — спросила Афра. — Неужели вы забыли о том, что прыжок на четырнадцать тысяч световых лет, а это как раз то расстояние, которое нужно преодолеть для достижения разру-

шителя, эквивалентен прыжку на четырнадцать тысяч лет в будущее? То, что мы сейчас видим — фрагмент истории Вселенной. А ваше «современное расположение звезд» никак не поможет вам точно определить координаты.

— Но у нас всегда будут передачи — большинство из них исходят из нашей галактики. И, разумеется, всегда будет сигнал разрушителя. Мы будем идти как бы против ветра — если мы хотим достичь разрушителя, то его сигнал будет нашим маяком.

— А почему вы думаете, что разрушитель один?

Опять Иво и Гротон переглянулись.

— Ну, в крайнем случае, мы всегда сможем сориентироваться по Солнечной системе, — сказал Гротон. — Мы хорошо умеем это делать. Расстояние мы можем определить, посмотрев, что творится на Земле, а захватив изображение Земли, мы определим направление. А зная азимут и измерив…

— При всем моем уважении к вам, джентльмены, — резко прервала Афра, — вы не представляете себе реальной ситуации. Вероятно, вам просто не удастся обнаружить старую добрую Солнечную систему с расстояния четырнадцать тысяч

световых лет. Расположение объектов в галактике будет совершенно иным, а яркость Солнца не такая уж большая, я уж не говорю об ослаблении света межгалактической пылью и газом. Именно поэтому в оптические телескопы мы видим лишь одну тысячную часть звезд центра галактики, а на краях и того меньше. Конечно, используя макроскоп, можно…

— Все это означает, — сказал Гротон: — «Мужчины несут вздор, и мы вскоре просто заблудимся в дебрях галактики».

Беатрикс улыбнулась ему, но, что удивительно, улыбнулась и Афра.

— А что предлагаете вы? — обратился к ней Иво.

— Прежде всего, я выбрала бы хороший галактический ориентир, например, галактику, Андромеды. Это около двух миллионов световых лет от нас, и уж если мы прыгнем дальше, то нам уже не нужно будет беспокоиться о таких мелочах, как разрушитель. Еще я бы выбрала типичную для нашей галактики конфигурацию цефеид, — скажем, в тысяче световых лет от Солнца. Если бы удалось обнаружить Полярную звезду, мы бы знали, что находимся не далее ста парсеков…

— Андромеда, это такая же галактика, как и наша, — пояснил Гротон Беатрикс. — Мы ее увидим отовсюду, так как ее плоскость параллельна плоскости нашей галактики. Переменные цефеиды…

— Я сама все объясню, спасибо, — перебила Афра. — Цефеида — это яркая звезда, которая периодически меняет свою яркость, будто у нее есть пульс. И чем больше период — то есть, чем больше времени проходит между самой яркой и самой тусклой фазой — тем больше средняя светимость звезды, то есть, ее реальная яркость. Следовательно, все что нам нужно, это измерить ее яркость в нашей исходной точке, и с учетом фазы колебаний светимости, мы сможем определить, насколько далеко мы прыгнули. Потому что чем дальше звезда, тем меньше света доходит от нее и тем более тусклой она кажется.

— Да, действительно, — радостно подтвердила Беатрикс, — теперь все понятно.

Иво ничего не сказал, так как стыдился признать, что он не имеет представления о том, что такое переменная цефеида и как с ее помощью можно определить местоположение в галактике. Он действительно способствовал технологическому прорыву на Тритоне, и с его помощью Гротон создал машины и аппараты, принципы

действия которых не способны даже понять специалисты на Земле. За это время Иво познал многое, но, фактически, он выполнял функции *стенографиста.* Он совершенно не представлял, как все это устроено. Он *сделал* все, но не *понимал* ничего. Результатом явилась чрезвычайная осведомленность в одних областях на фоне полного невежества в других. Он мог рассуждать о гравитационном коллапсе и не знать, что такое переменная цефеида.

Но его осенила мысль — ведь вся земная цивилизация в этом в чем-то походит на него. Действия без понимания — даже на краю пропасти.

— Когда же мы отправимся? — спросила Беатрикс.

Это был месяц очень напряженной работы, изнуряющей как физически, так умственно и эмоционально. Но они снова были все вместе, и это уже было хорошо.

Они по-прежнему жили и работали в комфортных условиях, но темпы работы были бешеные. Никто уже не выполнял вручную работу по дому, в условиях такой спешки это было бы непозволительной роскошью. Беатрикс отвечала за аппаратуру жизнеобеспечения и остальные могли не отвлекаться от основной работы. Она

так же освоила управление аппаратами по автоматической распайке и сборке электронных схем и технологию контроля качества готовой продукции.

Иво обшарил с помощью макроскопа всю галактику в поисках необходимой дополнительной информации, так как интергалактическая программа предполагала знание некоторых технологий, по этой же причине пришлось расшифровывать огромное количество записанных ранее данных.

Афра получала этот материал и проводила многие дни за компьютером макроскопа, проверяя допуски, вектора и критические индексы. Она уже смирилась с тем, что понять эту науку — выше ее возможностей, и просто использовала конкретные рецепты для их конкретных нужд, проверяя результаты с помощью вычислений.

Гротон, в свою очередь, получал ее результаты, уяснял свою задачу и выдавал соответствующие инструкции роботам. Он также тщательно исследовал весь Тритон в поисках места для постройки невиданного сооружения. Если бы планету посетил турист, он бы решил, что на ней начался индустриальный бум. В некотором смысле, это так и было.

Они вышли на уровень сверхнауки, науки цивилизации III уровня, но никто из них не представлял, что находится за его узкой областью специального знания. Первые неуклюжие роботы были заменены громадными механическим монстрами, которые, казалось, уже сами распоряжались на Тритоне, компьютеры, гораздо сложнее компьютера макроскопа, управляли теперь самыми рутинными операциями, но последнее слово все же оставалось за человеком.

Иво, Афра, Гротон — каждый был занят своим делом и они не виделись целыми днями, довольно часто их встречи выливались в ссоры, так как все были на пределе. Беатрикс, со своим неизменным дружелюбием, умудрялась примирять их, и это было далеко не последней ее обязанностью.

Проект был настолько сложен, что никто не мог взять на себя руководство, все они были простыми исполнителями. И все же Иво смотрел на работу с нескрываемой гордостью и был уверен, что остальные чувствуют то же. Он знал, что Земля уже почти забыла об их грандиозном похищении — информация об этом все-таки просочилась в прессу и они на время стали «знаменитостями». В одном он был уверен — по завершении их проекта у земных астрономов и

физиков глаза полезут на лоб от удивления.

Вид работ изменился. Теперь экскаваторы вгрызались в литосферу Тритона в месте, в котором гравитационной линзой было скомпенсировано поле притяжения планеты. Шахта углублялась с каждым днем, стены ее укреплялись толстостенными металлическими трубами. Бурильный комбайн продвигался со скоростью чуть больше десяти миль в сутки, выработанная порода — куски скал, щебень, — подымались каменным гейзером в нулевой гравитации и оседали на границе с нормальной гравитацией, образуя огромный вал вокруг шахты.

Вскоре шахта, имевшая шестьдесят футов в диаметре, достигла своей предельной глубины. Металлические сплавы не выдерживали уже давления окружающей породы, к тому же, на этой глубине поле планеты было малым и гравитационная линза работала неэффективно.

Машины сделали свое дело и ушли. На некоторое время активность уменьшилась. На Тритоне наступило затишье.

Силовой экран, сохранявший земную атмосферу вокруг пирамиды, был снят. Чужеродная для Тритона атмосфера вырвалась на свободу и тут же осела легким снегом из замерзших газов на

землю и на мертвые растения. Осталась одинокая пирамида. Из нее вышла фигура, облаченная в скафандр. Она остановилась возле мерзлой могилы, затем направилась к планетному модулю и забралась в него. Из сопла ракеты вырвалось пламя, она взлетела. Тритон обезлюдел.

На Шене тоже произошли перемены — к Джозефу вновь был пристыкован макроскоп. Ледяная спайка расплавилась, и корабль медленно отчалил от спутника.

Ракета вместе с макроскопом начала спускаться в колонну с нулевой гравитацией, навстречу все усиливающемуся потоку газообразного кислорода и азота атмосферы Тритона.

У поверхности Тритона их встретили сильные завихрения газа, настоящий торнадо из обломков породы, пыли и снега. Корабль двигался носом вперед, выставив шар макроскопа навстречу ветру, маршевые двигатели работали на малую мощность.

Со скоростью три фута в секунду корабль вошел в шахту, которая завершала этот колодец ветров. Газы, вытекающие в пятифутовый промежуток между ракетой и стенками шахты, поддерживали корабль и препятствовали небезопасному касанию корпуса корабля и стенок. Со скоро-

стью четырнадцать миль в час ракета вошла в недра планеты. Через три дня она остановилась. Колонна с нулевой гравитацией исчезла, поднятые потоками газа пыль и щебень осели. Затем включились двигатели, теперь уже на полную мощность. Металлические ребра, созданные специально для этого случая, расплавились, металлическая труба потеряла устойчивость, сплющилась, часть шахты обвалилась. Волна обвала пошла вверх, и вскоре корабль был надежно захоронен в толще планеты на глубине в тысячу миль.

После этого включились мощнейшие гравитационные генераторы. Образовались три колонны с нулевой гравитацией, торчащие в стороны, как зубья трезубца Нептуна. Атмосфера Тритона, вперемежку со многими кубическими милями перетертой в пыль породы начала извергаться в космос, через десятимильные окна в гравитационном поле.

Три мощных двигателя тормозили Тритон, и он нехотя замедлял свой бег по орбите. Постепенно он перешел на спиральную траекторию и, набирая скорость, с каждым витком помчался к Нептуну.

Нептун захватил Тритон своим чудовищным

притяжением и потащил его в газообразное чрево. Гравитационные возмущения, вызванные спиральными движениями спутника, породили настоящую бурю в атмосфере бога морей. Крошечная ледяная луна — Шен — пропала в этом бурлящем океане газов и больше не появлялась. Тритон утратил свой спутник незадолго до того, как исчез сам.

Прошли предел Роша, пройдя который любой спутник на стационарной орбите уже развалился бы — Тритон содрогнулся, но остался цел. Все происходило слишком быстро для того, чтобы приливная сила успела разрушить его.

Контакт. Тритон пропахал борозду во внешних слоях бурной атмосферы гиганта. На пути Тритона тепло, вызванное трением, буквально взрывало кристаллики аммиака. Сзади за ним тянулся турбулентный след, шириной в пять тысяч миль, где аммиак вновь замерзал, превращаясь в белую вьюгу.

Через пять часов Тритон прошел верхние слои атмосферы и полностью погрузился в слой водорода, на скорости четырнадцать миль в час он пробуравил атмосферу и пошел на следующий круг. На третьем витке он чиркнул ледяную поверхность Нептуна, которая тут же превратилась

в пар. Фонтаны воды и аммиака мгновенно превращались в ледяные столбы в милю высотой, которые разбивал в пыль метановый ураган. Лед, пар, метан перемешались и бурлили вместе в дикой свистопляске — картина, не виданная на Нептуне никогда ранее.

На четвертом витке Тритон дошел до ядра Нептуна. На скорости три тысячи миль в час камень встретил железо, шар Тритона заскользил, покатился по ядру, за ним следовала волна кипящей лавы и драгоценных металлов.

Наконец, каменный шар остановился в озере расплавленного металла, он был шесть тысяч миль в диаметре, но оставался цел. Глубоко в его недрах, как червяк в яблоке, покоился корабль в металлической капсуле.

Но представление еще не окончилось. Из этой капсулы начало распространяться силовое поле III уровня технологии, сначала оно охватило планету и спутник, теперь уже навсегда сплавленные вместе, вскоре оно заполнило сферу диаметром в двадцать тысяч миль, проникая в каждую частичку пыли, в каждую молекулу газа, в каждый атом. Это поле надежно зафиксировало положение всех атомов по отношению к целому.

Затем включилось другое поле, начался про-

цесс сжатия всего объема, охваченного первым полем. Подпитываемый энергией, высвобождающейся при дефляции, процесс ускорялся.

Нептун сжался, его бурная атмосфера замерла. Все начало быстро уменьшаться. Стороннему наблюдателю показалось бы, что он удаляется от планеты со скоростью сто тысяч миль в час.

Нептун был уже как Земля, затем стал размером с Луну, затем — как астероид Цера. Вот он уже не больше мили в диаметре — но масса планеты и ее спутника сохранялась все той же. Пройден гравитационный радиус. Планета сжалась так быстро, что, казалось, она просто исчезла. Пройден горизонт событий. Через долю секунды планеты уже не было.

В пяти миллионах милях крошечная Нереида — второй спутник Нептуна — стал самостоятельной планетой и получил в наследство орбиту гиганта. Но он находился в противофазе и у него не хватило скорости лечь на новую орбиту, вместо этого он потерял устойчивость и, в конце концов, обрел свой новый дом на орбите Урана.

Началось освоение Вселенной человеком.

Глава VIII

Болота Глинна: сейчас они пересечены хайвеями, огромным полукругом на них наступает богатый город, впившийся в них щупальцами индустриальной плоти. Брансвик — основан в 1771 году, сейчас в нем население больше, чем во всем штате Джорджия на момент основания города. Знаменитый хлопок ушел из этих мест, также орехи-пеканы и персики, по-видимому, вняв совету поэта, который, воспев красоту этого края сделал его знаменитым. Вместо них здесь сейчас судостроительные заводы, которые строят корабли не обязательно для земного Океана, и машиностроительные заводы, создающие машины, которым не обязательно суждено стать слугами человека. Старые мельницы, после того как исчезли леса, поставлявшие им целлюлозу, были заменены современными химическими заводами, цехами по производству концентрированных протеиновых стимуляторов. Сегодня о химии в Брансвике можно узнать больше, чем знает любой человек, живущий на Земле.

— Вы уже выбрали позицию, Иво? Скоро мы

будем проходить над колонной с нулевой гравитацией и начнем терять устойчивость.

— Почти, Гарольд.

Все же болота остались, их защитил закон штата Джорджия, так что виргинский дуб и, вероятно, роза Чероки смогли сохранить дом своих предков.

Он летел к городу, бестелесный, всевидящий, проходящий через любые преграды даже не моргая. Казалось, он дышал вольным воздухом природы. Вот промелькнули темные английские воробьи, за ними порхнул краснокрылый дрозд, за ним пестрый зимородок. Безобразная ворона спряталась в кроне дерева, пролетела изящная стрекоза, пробежала серая домашняя крыса, шмыгнул робкий кролик, серая белка юркнула перед блестящей головкой черной гадюки.

— Вы уже закончили, Иво? Мы спускаемся к гравитационной яме.

Болота: неужели водяные гадюки, аллигаторы, пресноводные черепахи не так прекрасны или более опасны, чем откормленный и неуклюжий домашний скот? Из окон чистой воды поднимались голые стволы кипарисов, нижняя часть их ствола величественна, хотя кто-то мог бы сказать — гротескно, раздута, толстые отростки корней

почти смыкаются в воде. Чуть дальше виден редкий американский вяз, несколько грациозных магнолий с лоснящимися листьями, маленькие сассафрасы, огромные платаны, небольшое тюльпановое дерево — и, наконец, южный аристократ, знаменитый виргинский дуб, увешанный гирляндами испанского мха.

Он остановился под ним, в этом темном соборе из листвы, в котором его охватило чувство уединения и непоколебимого постоянства.

Темнота дубравы, расшитая парчой Замысловатые тени лозы с мириадами переплетений Лоза взбирается по дубовым ветвям.

— Что вы сказали, Иво?

— Это поэма, которую я знаю, Беатрикс. Извините, я не хотел говорить это вслух.

— Это Сиднея Ланье? Но неужели поэзия не *предназначена* для того, чтобы ее читали вслух? Пожалуйста, продолжайте.

Он продолжил, нисколько не удивившись ее просьбе:

Робкий свет изумрудных сумерек,

В нем листья шепчут клятвы любви

Когда влюбленные проходят незримо чрез

зеленую колоннаду…

Он прервался и, задумавшись, засмотрелся на раскидистый дуб. Из этой поэмы Шен взял свое первое послание, которое и привело их к мысли о побеге. Если бы его действительно должна была прочесть и понять Афра…

Он успокоил себя. В конце концов, это была всего лишь поэма, в ней лишь косвенно упоминался его секрет. Почему тогда он должен скрывать это? Хотя все равно, Афра, скорее всего уже знает правду. Неудивительно, что она прекратила донимать его расспросами о Шене.

— Дальше поэма звучит так. Я смотрел на это дерево, и оно мне напомнило об этих стихах.

— Оно прекрасно, — согласилась Беатрикс.

Он выбрал позицию: могучий виргинский дуб в болотах Глинна. Он записал координаты в компьютер как исходную точку. Все было готово для первого прыжка.

Он готов пронзить недра Тритона, быть погребенным там, в то время, как спутник замедляется, плавится…. превращается в пар… столкновение с Нептуном… сжатие… и…

На экране появилась картина в месте установленной позиции: все тот же могучий виргинский дуб распростер свои толстые ветви, будто хотел

обнять ими весь мир. Дерево мало изменилось, хотя — да, оно стало меньше, крона гуще. Все та же борода из испанского мха, но это скорее молодой человек, нежели патриарх. Овальные зеленые листья блестели ярче, а желуди казались полнее в своих чешуйчатых шапочках.

Когда влюбленные проходят незримо чрез

зеленую колоннаду

Божественных лесов, лугов, ковром бегущих

к берегу морскому.

О, обширные болота Глинна…

И, о чудо, здесь *были* влюбленные! Молодой человек, одетый, насколько понял Иво, в комбинезон фермера, и довольно симпатичная девушка. Правда, для Иво впечатление смазывалось несколько устаревшим покроем платья. Они как раз покидали этот зеленый будуар, вероятно, завершив свои ласки на сегодня.

Устаревшее платье? Иво усмехнулся. Ведь он думал в терминах конца двадцатого века. Он мало обращал внимания на моду, которую, как и во все века, диктовали предприимчивые иностранцы, но все же несовременные вещи несколько

отталкивающе действовали на него. Он подумал, что был бы вполне удовлетворен ее костюмом, ели бы жил в ее время. В конце концов, платье прикрывало все те же извечные атрибуты секса.

Он прошел мимо них, мимо могучего виргинского дуба, который всего мгновение назад был гниющим пнем и вышел на подтопленную лужайку, на которой росли трехфутовые побеги спорыша с красными цветами, усеянные белыми цветами ростки иван-чая, виднелись ярко-желтые чашечки лютиков. На краю озера возвышалась стена щучьей травы, высотой в ярд, с лоснящимися остроконечными листьями, размером с растопыренную ладонь, голубые цветы только начали распускаться на верхушках, на воде лежали большие зеленые диски водяных лилий — они еще не цвели.

Это или поздняя весна, или раннее лето, — подумал Иво. Наверное, июнь. Слишком поздно для первой щучьей травы, но рано для голденрода. Он оставил парочку продолжать их беззвучный диалог и углубился в болота. Вот аллигатор гонится за рыбой, все такой же грациозный пловец. Выйдя к городу, он прошел мимо кроликов и дятлов, выискивающих в поле жуков — удивительно, насколько природа близко подходила

к цивилизации в те времена. Он пересек город, нашел креозотовый завод, ящичную фабрику, примитивный консервный цех, корабельные верфи, в конце концов отыскал газету и прочел на ней дату: 5 июня 1930 года.

Они прыгнули на сорок световых лет от Земли.

И эти влюбленные — им перевалило уже за шестьдесят, эта мысль поразила и опечалила Иво.

Еще один прыжок, другая позиция: картина изменилась. Ландшафт был еще болотистым, но от могучих дубов не осталось и следа. Вместо них Иво видел рассвет в роще белых кедров, в среднем высотой восемьдесят футов, они росли так густо, что ни один луч солнца не достигал земли.

Иво остановился и задумался. Кедры предпочитали болота с пресной водой, а болота Глинна были соленые. Как же это получилось?

Либо координаты изменились, либо произошли серьезные изменения ландшафта. Компьютер отвечал за точность координат, определяя их по магнитным и гравитационным полям планеты: метод косвенный и очень сложный, но надежный. Он сверил исходные данные с показаниями приборов — все в точности совпало, следовательно —…

Как далеко они прыгнули?

— Дрейф материков? — поинтересовалась Афра, ее голос, казалось, исходил из кедровой рощи. Нетрудно было представить ее там, притаившуюся за деревом.

— Дрейф? — как обычно с глупым видом переспросил Иво.

— Движение континентов в течение геологических отрезков времени. Если я правильно понимаю выражение на вашем лице, ландшафт изменился. Сейчас вы вполне можете находиться в миле или около того от предыдущей точки наблюдения, и это не ошибка скопа. Сместились сами континенты, или процесс горообразования…

— По-видимому, это пресноводное болото. Я, наверное, сдвинут в глубь материка, хотя координаты остались прежними. Но сколько времени…

— Ну… несколько миллионов лет.

Он снял окуляры и уставился на нее; как он и подозревал, Афра улыбалась.

— Вы же знаете, такой прыжок возможен, — раздраженно сказал он.

— Разумеется, но это не тот случай. Судя по расположению созвездий, мы все еще находимся в нашей галактике, Млечном Пути — так что

до Земли не более семидесяти тысяч световых лет, но насколько я могу судить, это расстояние не превосходит и десяти тысяч. Кроме того, возможны изменения русел рек и береговой линии. Нескольких тысяч лет вполне достаточно для значительного изменения флоры и фауны ваших болот.

Иво с недовольным видом одел окуляры и помчался к Брансвику, Хотя, как он подозревал, Афра уже определила их местоположение астрономическими методами. Хотя в момент захвата объекта временные и пространственные координаты определялись автоматически, только исследования в наблюдаемой точке позволяли избежать большой погрешности. На макроскоп удалось установить устройство, идея которого была позаимствована из галактических передач, позволявшее просматривать большие сектора пространства, что значительно облегчало поиск малых объектов на больших расстояниях.

На месте Брансвика росли кустарники.

— В любом случае, 1771 год еще не наступил.

Он услышал шелест одежды — она наклонилась к нему. Как бы он хотел, чтобы это происходило почаще, не только во время работы. Ее сердце все еще принадлежало мертвецу, хотя живому не

возбранялось желать ее. Она сказала тихо:

— Насколько я понимаю, существует некий квант времени, шаг, который не может быть уменьшен. По-видимому, его величина — сорок лет, точнее, сорок пять, — вы не можете прыгнуть с конца одной петли в середину соседней или в другое место вашей же петли. По-видимому, большие петли пространства-времени состоят из меньших петель, те, в свою очередь, из маленьких петелек — и мы не знаем точно, сколько уровней в этой структуре. Даже небольшая ошибка в определении направления прыжка может привести к тому, что мы будем перескакивать на старший уровень, а то и дальше. Если мы предположим, что расстояние при переходе на следующий уровень изменяется по квадратичному закону, и первый уровень составляет сорок лет, то второй, это уже две с половиной тысячи лет, а третий — шесть с четвертью миллионов лет. Так что не волнуйтесь понапрасну, пока мы не выясним толком, на каком же уровне находимся.

— Шесть с четвертью миллионов, — задумчиво повторил Иво, поняв теперь, почему она не хотела, чтобы еще кто-нибудь, кроме него, услышал ее слова. Так мы можем оказаться в другой галактике!

— Не обязательно. Скорее в межгалактическом пространстве. Но, как я уже сказала, судя по расположению созвездий, мы определенно еще не покинули галактику, да и Землю вы нашли там, где и ожидали. Значит, это второй уровень. По крайней мере, я так думаю.

— Две с половиной тысячи, — эта мысль ужасала, да и Афра не была уверена в столь «оптимистичных» выводах. Существовала ненулевая (хотя и малая) вероятность, что всего лишь землеподобная планета, занимающая такое же место в другой галактике, что и Земля занимает в Млечном Пути. По-видимому, все галактики создавалась по одному и тому же плану. Цефеиды, сверхновые, планеты — все раскладывалось по заранее определенным ячейкам…

Он отогнал очередную фантазию.

— Время — до нашей эры.

Она не ответила, но он чувствовал ее близость, ее возбуждение. Заглянуть в древнюю историю! Никому это раньше не удавалось.

Там, где болота встречаются с морем,
моя душа внезапно чувствует свободу….

Она подхватила:

Болота! — как вы открыты,
просты и свободны,
обращая свой взор к небесам,
отдаетесь морям…

Она прикоснулась к его руке.

Таким образом Афра призналась ему, что знакома с поэзией Сиднея Ланье, и знает, что она значит в жизни Иво, и, по-видимому, знала это с самого начала. И ее рука сжала его ладонь — неужели она вкладывала еще что-то в прочитанные стихи? Открыта, проста, свободна? Он не смел надеяться — для нее это было, скорее всего, очередная интеллектуальная игра.

Он пытался походить на Ланье, творил свой характер по образу и подобию приемного предка — но это не получалось. Иво не мог писать стихи, ему решительно не доставало того успеха у женщин, который сопровождал жизнь Ланье. Насколько было бы лучше, если бы он развивал свои природные задатки, а не подражал другому!

— Давайте в Европу, — сказала Афра.

Он переместился в Европу. На Капитолийских холмах был полдень, но человеческие поселения отсутствовали.

— Дороманская эпоха, — сделал вывод Иво.

— Попробуйте Египет.

— На месте Александрии ничего нет, — чуть помедлив, ответил Иво. — Даже суши.

— Естественно, если это дороманская эпоха. Поищите Мемфис.

Он направился на юго-восток, Мемфис не был запрограммированной позицией. Иво опять почувствовал беспокойство.

На восточном рукаве дельты Нила он обнаружил суетливый город, не такой уж и большой по современным меркам, но по всему было видно, что это столица. Мемфис?

— Не похоже, но *наличие города* — это уже неплохо. Поищите замок или дворец, если увидите какие-то надписи, сфотографируйте. По ним мы, вероятно, сможем определить эпоху.

Иво послушался ее совета и опустился на улицу возле какого-то комплекса зданий — по-видимому, это был центр города. Улочка была узкой и грязной, тянущиеся вдоль нее саманные постройки стояли тесно и, как правило, были одноэтажными. Он мог разглядеть проступающую соломенную основу размытых дождями блоков, и, казалось, ощущал окружающее его зловоние трущоб. Воистину, кварталы для бедных были впервые придуманы не в Америке.

Аборигенами были стройные смуглые жители Средиземноморья, с черными волосами и карими глазами. Многие были совершенно наги, по всей видимости — рабы, они принадлежали к разным расовым типам — от нордического вида блондинов до абсолютно черных негроидов. Но даже одетые выглядели не намного лучше: на них не было того роскошного одеяния, которое предписывают древним египтянам. Не было ни золотых украшений, ни ярких нарядов, ни даже туфель или сандалий. Босые, без головных уборов, всю одежду этих людей составляло *шенти:* отрез белого полотна, приталенный широким кожаным ремнем и достигающий только колен. Женщины были одеты в тесные длинные юбки, груди многих из них были неприкрыты. Это было бы замечательно, если бы они были молоды, здоровы и чисто вымыты, но…

В окрестностях замка или дворца картина резко изменилась. Женщин не было видно, а мужчины были одеты гораздо лучше. На них были роскошные парики, качество которых, видимо, указывало на сан. Они были одеты в длинные рубахи с одним, только для левой руки, рукавом, поверх была наброшена складчатая льняная мантия. Очевидно, люди, которых он до этого видел

на улице, принадлежали к низшим сословиям.

Постройки были каменными, но особого впечатления не производили. Дворец был мрачным и серым, лишь драгоценности «придворных» несколько оживляли царившую атмосферу.

Он исследовал несколько комнат — как правило, в них уже жили. Если это было место поклонения, то религия угасала; а если дворец, то фараон далеко отлучился. Одно крыло здания еще достраивалось. Здесь он увидел стражников — их — копья, топоры, грушевидные щиты грудой лежали в стороне, они наблюдали, как изможденные рабы рубили камень под руководством побитого жизнью мастера. Никаких зверств не наблюдалось, только надсмотрщик, на котором, по-видимому, лежала ответственность, проявлял активность и бестолково жестикулировал, хотя на него мало кто обращал внимание.

Иво приблизился, чтобы иметь возможность рассмотреть все получше, рассчитывая, что проведение подобной деятельности предполагает наличие чего-то вроде чертежа или письменного руководства. Если документ датирован, или на нем есть имя руководителя…

В это время в поле зрения появился еще один человек. Волосы имели пробор посередине и

были частично сбриты над ушами, заплетенная косичка спускалась к уху и закручивалась вверх на конце. Прическу дополняли два ярких пера. Руки и бедра были покрыты татуировкой в виде пересекающихся узоров. Он был одет в нарядную тогу, удерживаемую на одном плече пряжкой. Края одежды были богато расшиты.

Человек посмотрел вверх, на Иво. На лице отобразилось удивление, губы сложились в форме буквы «о». Он начал жестикулировать.

Стражники повскакивали. Мгновение — и они уже стояли рядом с этим человеком — блестящие шлемы сверкают на солнце, кольчуги с короткими рукавами отливают серебром, щиты, обтянутые бычьей кожей, подняты. Солдат оказалось гораздо больше, чем вначале заметил Иво. По-видимому, некоторых позвали, почуяв неладное. Многие были египтянами, в то время как расовый тип остальных был аналогичен подошедшему. Иво понял, что он наблюдает процесс смешения культур. Должно быть, Египет недавно был завоеван.

Человек с прической из перьев указал в сторону Иво. Ясно, кто здесь командует. Стражники подняли копья, некоторые из них, вооруженные луками, отошли назад и направили на него стре-

лы. Теперь уже все смотрели в сторону Иво.

Они видели его!

Рабы прекратили работу, сгрудились на дальней стороне двора и тоже глазели на Иво. Стражники построились в оборонительном порядке. Все выглядело очень грозно, но никто не двигался. Они явно ждали команды.

— Что это? — вывел его из оцепенения голос Афры.

В какой-то миг ему показалось, что он услышал голос одного из стражников — смешно даже представить. Их разделяли тысячи лет, к тому же макроскоп не передавал звуки. Столь же смешным было бы предположение, что кто-то из этих людей мог видеть Иво, будто их разделяло окно.

«Командир» принял решение. Его губы задвигались — он выкрикивал команды. Стражники начали приближаться к Иво…

Не ответив Афре, Иво конвульсивно дернул ручку управления и оказался на двести футов выше, подобно птице, инстинктивно ища спасение вверху. Он увидел поднятые лица воинов, провожавших его испуганным взглядом.

— Иво, вы что-то *видели*, — настаивала Афра.

— Ничего, — ответил Иво, его бил озноб.

Ланье был мужественным человеком!

— Должно быть, немного устал.

Сейчас он проплывал на высоте птичьего полета.

— Наверное, вам нужно немного отдохнуть, — участливо посоветовала она. — Эти трансформации ослабляют нас и трудно даже представить, сколько сил забирают у вас эти поиски. Ни к чему рисковать…

— Со мной все в порядке.

Он не мог поверить в увиденное и боялся признаться Афре в том, что переутомление вызвало у него галлюцинации. Не египтяне в Древнем Египте? К тому же в качестве правителей? Ведь Иво знал точно, что Египет всегда покорял соседние народы, но никак не наоборот. Несомненно, он просто немного вздремнул, и сон заменил ему картинку на экране скопа. Часто такое случается, когда читаешь: слова на странице становятся все более и более нереальными пока очнувшись, не сообразишь, что глаза-то были закрыты. Возвращаешься к тому месту, в котором скучный текст превратился в фантастические видения, убеждаешься, что там именно скучный текст и… засыпаешь опять.

Такое случается с уставшими водителями. Человек вдруг видит океанский лайнер, пересе-

кающий дорогу, пока не понимает, что он уснул за рулем. Если этот водитель благоразумный человек, он немедленно остановится, чтобы передохнуть, в противном случае, заснув еще раз, он может уже не проснуться… Мозг применяет любопытные методы для снятия напряжения.

Он устал, и это объясняло все. Хотя Иво и не *чувствовал* себя разбитым. Скорее всего, это было сколь физическое, столь и психическое явление. Представляя себе расстояние, которое отделяло их от Земли — это было так далеко, что свет, отраженный от их базы, планеты Нептун, не вернется обратно и через тысячу лет, — зная все это, он подсознательно хотел прикоснуться к родной планете. Он *хотел* шагнуть в этот древний мир. Как ребенок, который мечтает оказаться среди героев приключенческого романа. Древний мир — приключения, богатство, слава, где не нависла угроза ядерного конца… и не существует разрушителя разума. При всех его варварских недостатках, этот мир все же лучше.

Если он еще раз уснет, то нужно будет, конечно, прерваться. Афра права — ни к чему изматывать себя, занимаясь столь важным делом. Ошибка на год или на два собьет их с курса на световой год, а то и больше. Лучше внять голосу разума,

отдохнуть несколько часов и сделать все как следует, чем совершить прыжок, имея ошибочные исходные данные.

Это был не просто экскурс в историю Земли. И это была не праздная прогулка в космосе; совершая серию прыжков, они пытались составить карту искривлений пространства, и ошибка в день может свести на нет все усилия. Во что может вылиться крошечная погрешность при большом прыжке? Карта не имеет смысла, если она не точна. А без точной карты они никогда не смогут вернуться на Землю. Только с помощью макроскопа можно установить их местоположение с необходимой точностью, телескоп на расстояниях больше тысячи световых лет бесполезен.

— Вам лучше знать, Иво, — спокойно сказала Афра.

Он решил уж было отдохнуть.

— Спасибо, — ответил он. — Я не думаю, что у нас хорошие отношения с Египтом[36]. Где бы еще попытаться...

— Попробуйте Дамаск. Общепринято, что это один из значительнейших городов древнего ми-

---

[36] Примечания: 36

По-видимому, автор обыгрывает ситуацию, сложившуюся во взаимоотношениях США и Египта в конце шестидесятых.

ра. Это в четырехстах милях к северу.

— Это по пути.

Он мог бы переместиться в Дамаск мгновенно, так как его координаты были занесены в компьютер, но он решил совершить этот переход «пешком». Это могло придать ему столь необходимую сейчас уверенность в себе.

Со скоростью реактивного самолета он пронесся над дельтой Нила и оказался над морем. Его маршрут проходил через юго-западный угол Средиземного моря, наверное, этим же путем пользовались египетские корабли для военных походов и торговых экспедиций в Малую Азию. Правда, в отличие от них, он путешествовал высоко над водой. Наверное, таким же образом легендарные духи Ближнего Востока — джины и прочие могущественные и злобные эфемерные создания, — пересекали в одно мгновение страны и моря. Должно быть, их количество сильно уменьшил библейский царь Соломон, запиравший их в бутылки, ежели они отказывались присягать ему на верность. Говорят, что некоторые из них так и остались в заточении на тысячи лет. Они как бы путешествовали во времени с помощью макроскопа, наблюдая, но не имея возможности вмешаться в происходящие

события. Какая ужасная судьба — быть навсегда запертым в крохотном пузырьке.

Он потерял много времени, и его *исход из Египта* пришелся на позднее время суток. День догорал, и он мчался навстречу тьме. Лучи заходящего солнца играли на волнах, кромка облаков окрасилась в багровый цвет.

Невозмутимо море
Прилив его экстаз,
Приходящий ночью…

Ну и что с того, что это Средиземное море, а не болота Глинна? Слова поэта все равно справедливы.

На горизонте Иво заметил корабль. Он свернул к нему: большая галера, двенадцать или четырнадцать весел по бортам ритмично уходят в воду. Выходит, они вправду использовали их в древние времена! Парус на мачте был свернут — ветер слабоват. «Хотят, наверное, к вечеру добраться домой», — подумал Иво, и не удивительно, корабль всего лишь сорок футов в длину. По сравнению с современными лайнерами, тысяча футов от кормы до *форштевня* (Иво грустно улыбнулся, вспомнив каламбур Брада)… Хотя у этой галеры что-то не видно было форштевня… Да даже поста-

вить ее рядом с трехсотфутовым фрегатом…

Нет. Эта игрушка вряд ли решится далеко отходить от порта.

Иво летел слишком низко и слишком медленно, а ведь он хотел достигнуть Дамаск затемно. Он не мог позволить себе глазеть на каждую достопримечательность на его пути, сколь бы заманчивой не была такая возможность.

Он попытался подняться, но не сдвинулся. Океан был гораздо ближе и не казался таким спокойным. Зеленые волны грозно вздымались всего в сорока футах от него. Потянуло холодом. Он сосредоточился на управлении макроскопом и закрыл глаза. Если он опять задремал, то нужно исправить свою оплошность прежде, чем кто-то заметит. Чувство собственного достоинства требовало хотя бы сохранить лицо в этой ситуации. Если это просто пальцы соскользнули с ручки — то нет проблем. Значит так — шар координатного рычага в правой руке, и она автоматически управляет полетом, так что Иво практически не задумывается над ее действиями, совершая перемещения. Один легкий поворот и…

Шар исчез. Его пальцы схватили воздух.

Он открыл глаза. Волнующееся море было всего в двадцати футах, и он падал.

Он попытался было схватить рукой окуляры, но только ударил себя ладонью по лицу.

— Иво! — донесся откуда-то издалека голос Афры.

Удар об воду, боль и холод, голое тело онемело, соленая вода залила глаза, попала в рот, Иво ничего не видел и захлебывался.

Он забыл обо всех тонкостях фрейдистских толкований сновидений и поплыл. Его голова появилась над поверхностью, он стал выплевывать воду и протирать глаза.

Он действительно был здесь, никаких сомнений быть не может. И он действительно слышал голос Афры, прокричавшей его имя. Может, он был ей небезразличен? Сейчас это представляло чисто академический интерес.

Кто он был такой, чтобы заявлять, что происходящее невозможно? Да и утонуть можно было, так и не изложив даже половину своих аргументов. Лучше действовать по обстановке.

Он упал немного в сторону от курса корабля. Он не представлял себе, насколько далека земля, но был уверен, что ему не достигнуть ее. Он не был сильным пловцом, к тому же тело сковывал холод, да и не ясно было, в какую сторону плыть. Его единственной надеждой была эта галера, в

противном случае…

Иво поплыл. Руки показались ему неимоверно тяжелыми с непривычки. По-видимому, трансформации действительно забирали много сил, хотя раньше он этого не замечал. Они просто включили программу, прошли цикл деструкций и… космос вокруг них изменился. Практически, космические путешествия не очень сложная штука. Афра была столь уверенна и спокойна, что даже не требовала каждый раз ощупывать себя. А вот плавание в открытом море — совсем другое дело, особенно если волны хаотически атакуют тебя и ты не владеешь техникой дыхания. Он приподнял голову и перешел на брасс, выискивая корабль.

Ему было легче преодолеть световой год, чем проплыть сто футов в неспокойной воде.

Появилась галера! Весла вздымались и опускались, опускались и вздымались, судно рассекала воду на приличной скорости, теперь оно казалось ему большим и грациозным. По краю борта были прикреплены щиты, и когда нос корабля подымался на волнах, Иво мог видеть грозный таран — судно было военным.

Похоже, ему не доплыть. Он все еще был немного впереди, но его продвижение было недо-

статочно быстрым и, к тому же, замедлялось. Руки совсем окоченели, и он поплыл по-собачьи. Через несколько минут корабль пройдет мимо него, покажет корму, а он, окончательно выбившись из сил, утонет. Вернется ли он после смерти здесь на базу, находящуюся в недрах континента Тритон на Нептуне, где над равнинами сжатой материи ревут метановые штормы. Или это просто будет конец?

У него не хватило духу выяснить этот вопрос до конца. Он должен бороться за жизнь в каждом из миров. Он просто не может завершить это приключение самоубийством, даже если это только кошмарный сон.

Галера была совсем близко, и он мог рассмотреть все детали: корпус из темно-коричневого дерева, ряды отверстий для весел, а над ними — квадратные окна с дополнительными уключинами. Нос был практически вертикальным, без украшений, возле ватерлинии он изгибался вперед и плавно переходил в массивный шестифутовый рог, рассекавший океанские волны, а при случае (Иво в этом не сомневался) и вражеские корабли. Корма загибалась вверх, как лебединая шея, и обрывалась на высоте двадцать футов над ватерлинией. Кормовая уключина

была гораздо больше остальных, в нее было вставлено большое весло, напоминавшее лопату, насаженную наоборот на черенок. Борт корабля выше ряда весел состоял из перемежающихся деревянных и плетеных панелей, а завершающий его ряд разноцветных щитов придавал галере довольно внушительный вид.

На носу, на возвышении, почти напротив Иво, сидел впередсмотрящий. Иво закричал.

Впередсмотрящий моментально повернул голову: здесь не было принято спать во время работы. Послышались восклицания, над бортом появились другие головы. Весла дружно поднялись и застыли в верхней точке своей траектории, корабль начал замедляться. Раздались хриплые команды, галера развернулась и двинулась к Иво.

И он считал ее игрушкой, глядя с высоты галактических достижений. На самом деле это был маневренный боевой корабль с дисциплинированной командой.

Нос корабля оказался на расстоянии вытянутой руки, Иво неуклюже вскарабкался на рог, безмерно признательный помощи незнакомцев. Он обнаружил, что таран состоит из трех частей: основной деталью был длинный узкий

стержень, усиленный бронзовыми пластинами, две длинные скобы притягивали его к носу корабля. Таким образом, вся эта конструкция могла быть безболезненно потеряна в бою без большого ущерба для корабля. Тараном, должно быть, недавно пользовались, так как он не успел обрасти ракушками.

С палубы к нему протянулись руки. Иво охватил руками изогнутый нос и приподнялся, неуверенно балансируя на скользком таране. У него хватило сил только на то, чтобы ухватиться за крепкие ладони спасителей, и его тут же вытащили на палубу, продрогшего, смертельно уставшего, слегка исцарапанного, но невредимого.

Перед ним стоял коротышка, на нем был металлический шлем, одет он был в кожаные доспехи, но не похожие на египетские, — очевидно, капитан. Он разглядывал Иво, стоявшего обнаженным и дрожавшего под порывами вечернего ветра.

— Кто вы, — резко спросил капитан.

— Иво Арчер, — последовал ответ. Иво понимал, что помощи ожидать не приходится до того, как эти люди не выяснят, что он не опасен для них.

— Иварч, — повторил капитан. — Раб, свободный, подданный?

— Свободный.

Но как он мог это доказать. Наг как раб, без денег, дома и друзей?

— Страна?

— Америка.

— Арпад?

— Америка.

Ясное дело, они не слышали о таком государстве, и лукавить тут было ни к чему.

Капитан замешкался, он не был уверен, как нужно обходиться с гражданином неизвестного государства — то ли оказать почести, то ли вышвырнуть за борт.

Подумав, он решился:

— Пусть Маттан решает.

Маттан: правитель, бог, судьба?

Капитан по-военному четко развернулся.

— Оденьте этого человека и накормите его.

Иво принесли грубое войлочное одеяло и отвели на нижнюю палубу, где он чуть было не задохнулся, так как воздух был насыщен запахом пота голых тел гребцов. Вонь стояла ужасная, но было тепло, и потому терпимо. Вскоре он начал ощущать свое тело, в которое возвращалась жизнь.

Он сидел на корме, как раз перед рулевым.

Через всю палубу шел проход шести футов шириной, загроможденный коробками и ведрами. С двух сторон на узких лавках сидели гребцы, по одному на каждое весло. Они двигались синхронно, так и должно было быть, так как при такой тесноте любое неритмичное движение привело бы к хаосу. Каждое второе весло выходило далеко в проход, но что-то гребцы не использовали дополнительный рычаг. Несомненно, это были рабы, но никто не был закован в цепи, и, насколько можно было судить, несчастных среди них не было. Большинство из них были светлокожи.

Приближалась ночь, на нижней палубе потемнело. Офицер в дальней стороне прохода перестал отбивать такт и выкрикнул какие-то команды. Весла были подняты, их концы притянуты к палубе жесткими кожаными ремнями. Затем минут пятнадцать рабы поднимались, потягивались, болтали друг с другом. Кое-кто опорожнялся в свободные емкости. Рулевой, еще один офицер, судя по кожаным доспехам, привязал свое весло и тоже присел на ведро. Вспомнив о своей нужде, Иво последовал их примеру и тоже решил воспользоваться здешними удобствами. Очевидно, зловоние в трюме было следствием не только вспотевших тел.

Но неужели это хуже, чем неисправные туалеты и дымящиеся кучи отбросов в трущобах двадцатого века?

Под присмотром офицера рабы сняли часть досок с нижней палубы и стали доставать продукты: караваи черствого хлеба, меха, наполненные вином. Рулевой отлучился наверх и вернулся вскоре с двумя копчеными козлиными ногами, одну из них он отдал офицеру, задававшему ритм гребли. У чинов здесь тоже были привилегии.

Иво взял один каравай — он показался ему деревянным. Он даже не подозревал, сколь твердым может быть хлеб из непросеянной муки. Это невозможно было укусить, пришлось отгрызать небольшие кусочки. Вскоре соленый хлеб вызвал у него жажду, и он взял у соседей мех. Иво сжал его так же, как это делали другие и направил струю прямо в рот, чтобы не слюнявить горлышко. Коричневатая жидкость залила лицо — рабы рассмеялись.

Иво тоже засмеялся, он не чувствовал враждебности в этих людях, и вытер обжигающую жидкость с лица. Да в этом пойле ни один микроб не выживет! Со второй попытки он попал себе в рот, правда, еще надо было научиться глотать непрерывно льющуюся жидкость, а пока при-

шлось часто останавливаться. Вино? Это варево напоминало, скорее, забродившие помои, настоянные на жабах, но это была хоть какая-то влага. Некоторые рабы достали тонкие нити из сплетенных сухожилий и вывесили их в весельные окна. Вскоре Иво понял, в чем дело — они ловили рыбу и, надо признать, небезуспешно. В качестве наживки использовались кусочки хлеба — рыбе они были по вкусу. Возле мачты было небольшое открытое пространство, которое занимала огромная глиняная чаша. Рабы разложили в ней дымный костер и принялись жарить свою добычу. Счастливчики могли поужинать даже лучше, чем хозяева!

Иво не желал бы для себя такой жизни, но нельзя не признать, что в ней были и приятные моменты. Все, что от тебя требуется — это грести, не сбиваясь с ритма. Всегда есть пристойная еда и крыша над головой, беспокоиться особенно не о чем (разве что о вражеском таране), и нет недостатка в общении. Через час толстые сальные свечи были погашены. Рабы вернулись на свои места и уснули, теснота им не мешала. Офицеры сменились: двое бывших до этого ушли наверх, в то время как в проходе стал один вооруженный солдат. Любой раб мог бы сбить его с ног, напав

сзади, но никто даже не порывался это сделать. Этот солдат был скорее символом власти и порядка, и ничем более. Вероятно, рабы не умели управлять кораблем и не знали навигации: мятеж просто не имел смысла.

Иво лег на загаженную палубу и сразу уснул. Легкое покачивание палубы вызывало у него слабое подташнивание.

На рассвете поднялся ветер, и корабль закачало сильнее. Рабы заулыбались, когда услышали, что команда ставит большой парус: сегодня утром не придется грести. Ветер крепчал, бортовая качка уменьшилась, Иво почувствовал себя лучше. Он не замечал у себя склонности к морской болезни, но сейчас комбинация зловония, «вина», усталости и ветра дурно действовала на его кишечник. В полдень с верхней палубы прозвучали приказы, рабы оживились, заняли свои места, отстегнули весла, но судно все еще шло под парусом. Те гребцы, чье весло выступало в проход, сейчас встали, ухватившись за конец рычага. В проходе стало тесно, люди стояли плечом друг к другу, держа руки на веслах на уровне пояса.

Офицер начал отбивать такт, и гребцы яростно заработали веслами. Корабль — все еще под парусом! — ускорился. Иво услышал далекие крики

приветствий и все понял.

Корабль возвращался домой.

Ритм убыстрился, напряженные спины гребцов лоснились от пота, весла буквально гнулись, вспарывая воду. Иво взглянул в ближайший иллюминатор и увидел вдалеке окруженный стеной город. Выходит, это просто шоу для местной публики!

Затем *стоп!* — весла двинулись в обратном направлении, парус обвис, и корабль остановился в нескольких футах от причала.

Капитан не забыл об Иво. Вместе с эскортом из двух солдат Иво покинул корабль. Яркий солнечный свет с непривычки слепил глаза, они проталкивались через толпу на пристани. Порт находился в южном районе города, так как когда он шел, солнце светило ему справа.

На каменистых террасах выстроились дома, возведенные на наклонных фундаментах, узкие улочки были извилисты. Это был богатый город, некоторые строения были из камня и дерева — выстроено на века. Хотя многие дома были многоэтажные и стояли так тесно, что улицы скорее казались расселинами в сплошной массе жилых кварталов.

Положение несколько скрашивало то, что по-

чти у каждого дома была терраса.

Иво провели в прихожую, в которой была развешена богатая коллекция отрезов материи. Стражники ушли, но Иво не сомневался, что они где-то рядом. Что же дальше?

Девушка с непокрытой головой, босоногая, с неприкрытой грудью вошла в комнату и приблизилась к нему с вызывающий смелостью. Иво решил смириться со всем, что ему уготовано.

Она быстро сняла с него одеяло и бросила его в угол. Затем принесла таз с холодной водой, обмыла его тело и растерла его благовониями. Это, по всей видимости, была ее работа, и она знала в ней толк. Иво сохранял самообладание, но только ощущение нереальности происходящего помогало ему спокойно переносить столь знакомую процедуру ощупывания, которую сейчас проводила незнакомая женщина с ним. Руки и ноги выглядели не так уж плохо, но ягодицы…

А что чувствовала Афра, когда он ощупывал ее? Затем она усадила его на лавку и извлекла устрашающего вида железное лезвие. Иво с тревогой наблюдал, как она тщательно правила его на кожаном ремне. Он с новой силой осознал небезопасность своего нынешнего положения.

Девушка осторожно помыла его лицо и побри-

ла Иво. Причем ни разу не порезала ему кожу, несмотря на то, что пользовалась столь неуклюжим и грубым инструментом. Она завершила работу, втерев ему в волосы духи и зачесав их назад. Отрезы материи, которые он заметил раньше, оказались на самом деле одеждой: длиннющие полосы расшитой ткани. Девушка взяла один отрез, закутала тело Иво в него с таким количеством складок, что одеяние напомнило ему структуру макронного пространства, и закрепила все сооружение пряжкой на плече. После ее трудов Иво предстал наряженным в красную тогу, на ногах его были кожаные сандалии. Он был уверен, что ему ни за что не удастся соорудить такой костюм самому, если придется раздеться, возможно, у него даже возникнут трудности, когда он сам попытается выбраться из этого наряда! Хм! Интересно, есть ли в доме каждого добропорядочного гражданина этого города такая девушка, чтобы можно было выбираться из своих одежд и надевать их должным образом?

Подготовленный таким образом, он последовал за ней на встречу с Маттаном.

Маттан оказался простым смертным, к тому же вежливым: если можно судить по внешнему виду, он был важным чиновником в этом городе.

Он восседал рядом с подносом с пирожными и спелыми фруктами. Одет он был в ярко-желтую тогу, тело его украшало много разнообразных драгоценностей. Поднос представлял из себя лист почти прозрачного стекла, несомненно большая редкость в эту эпоху, признак богатства и власти. Маттан указал Иво на диван напротив.

— Как вы находите гегемонию Тира, Иварч из Мерики? — вежливо спросил Маттан. Голос у него был мягкий, но уверенный.

Значит, он попал в Тир. Один из древних финикийских городов на побережье Малой Азии. Для него, по-видимому, разницы между Дамаском и Тиром не было никакой. Тир был ведущим городом на протяжении нескольких столетий, пока — Иво напряг свою память — его не взял Александр Македонский в третьем веке до нашей эры. Воевал ли Тир с кем-нибудь еще? Иво не был уверен.

— Вы решили не отвечать? — спросил Маттан, уж очень мягко. — Кое-кто мог бы подумать, что вы пренебрегаете нашим гостеприимством.

— Я давно не был в этих местах, — поспешно ответил Иво, соображая, к чему же клонит Маттан.

— В таком случае, Мерика очень далеко.

— Очень далеко.

— Но уж конечно не так далеко, что его граждане не слышали о могуществе Тира?

— Не так далеко.

— И каким же образом вы оказались здесь столь внезапно?

— Я потерялся по пути в Дамаск.

— Ваш корабль потерпел крушение?

— Можно сказать, что так.

Как он мог объяснить, что произошло, если не совсем представлял это сам. Каким-то образом мир, который он наблюдал, стал вдруг физической реальностью, а его бытие в двадцатом веке нереальным. Еще одна изощренная ловушка макроскопа? Путешествие во времени? Как же ему, без оборудования, полагаясь только на свои силы, найти дорогу назад?

Маттан положил в рот ягоду винограда, но Иво не предложил.

— Мне кажется, что мы не совсем откровенны друг с другом, Иварч.

— Не думаю, что вы поверите моей истории.

— Может быть, и не поверю, но все же я очень хочу ее услышать. Мне рассказали, что вас подобрали в тридцати милях от берега, в открытом море, в районе, где нет вражеских кораблей. Я сам вижу, что вы не местный. Действительно, — он

еще раз внимательно изучил лицо Иво, — я не в состоянии определить ваши этнические корни. Тир — это настоящий котел, в котором варятся многие нации, как и любой большой город мира. Но в вас одном есть черты очень многих! Я вижу, в ваших предках многие народы. Разумеется, микенцы, а также египтяне, киммерийцы, нубийцы и другие, которых я даже затрудняюсь определить. Тем не менее, вы говорите по-канаански так же хорошо, как и любой житель Семи Городов, в то время как в других вещах вы невежда. Я, и правда, не представляю, как вы можете рассказывать что-то, кроме небылиц.

— По-канаански? — Но неужели он действительно полагал, что с ним здесь говорят на американском английском? — У меня от вас нет секретов, просто я не думаю, что моя история как-то поможет вам.

«Или мне», — подумал Иво.

— Давайте я это решу сам. Могу ли я каким-то образом облегчить вашу задачу?

— Да, можете. Мне нужно знать дату.

Или это было сейчас бесполезной для него информацией?

— Разве вы не знаете, что сейчас лето тридцать девятого года Хирама?

— Я не знал. Когда я был в воде, мне показалось, что сейчас зима.

Сообщенные Маттаном сведения мало что для него значили. Когда жил этот Хирам, наверное их король, по христианскому календарю? Пятисотый год до нашей эры? Двухтысячный?

— Но разве Хирам не умер шесть лет назад?

— Но почему тогда вы назвали…

— Простите меня за то, что я вскрыл ваше невежество. Мне в голову пришла мысль — предположение, разумеется, что вы можете быть представителем враждебной державы.

— Шпион?

— Я не совсем это имел в виду. И я не склонен так считать. Вы слишком наивны.

Положение Иво все ухудшалось.

— А что случается с представителями враждебных держав?

— Это зависит, скажем так, от их желания к сотрудничеству. Несгибаемые — то есть те, которые не хотят или не могут предоставить нам в полном объеме полезную информацию, могут быть принесены в жертву Ваалу Мелкату. Наш Ваал предпочитает детей, нежных младенцев, разумеется, и говорят, что для взрослых это просто ужасная кончина, так как оборудование не совсем

соответствует… — но угроза из-за несоответствия оборудования не выглядела неосуществимой.

Человеческая жертва! А его в свое время ужаснуло открытие Брадом рынка человеческих тел в двадцатом веке. По крайней мере там была, пусть отвратительная, но конкретная цель. А здесь это просто самое настоящее расточительство.

— А что происходит с человеком, который рассказывает небылицы?

— Рано или поздно в эти небылицы можно будет поверить.

Маттан оставил неприятную тему.

— А если, скажем, я растолкую вам нынешнюю ситуацию, может вам тогда будет легче рассказать мне ваши приключения?

— Я тоже так думаю.

То ли Маттан давал ему отсрочку, то ли действительно пытался ему помочь. Этот житель Тира был образованным и умным человеком, но Иво нужно было знать его отношение ко многим вещам, прежде чем попытаться объяснить ему, что такое путешествие во времени — особенно, если учесть то, что сам Иво не верил в такое путешествие. Например, верит ли Маттан в магию. Если да, то это может стать для него самым лучшим выходом. Но Иво подозревал, что

особо завираться не стоит, и Маттан осуществит свою плохо скрытую угрозу, когда россказни Иво перейдут какой-то предел. Маттан присел на диван, взглянул на потолок, обшитый кедровыми досками и глубоко вздохнул. Очевидно, он предпочитал именно такой ход беседы.

— В дни основания Тира существовало три равные державы, которые разделили весь цивилизованный мир, соответственно, на три сферы влияния. Первая держава — Египет, — простиралась от Северной Африки, вдоль повелителя всех рек — Нила до его четвертого притока, и на север вплоть до Дамаска. Вторая — Хеттия, включавшая в себя всю Анатолию и южное побережье до Дамаска. Третья — Ассирия, чьи владения были на восток от первых двух, и состояли из остатков великой Сирии и фактически всей Месопотамии. Из этих трех сверхдержав как самую могущественную я бы выделил Хетию, в основном потому, что у них были мудрые и деятельные правители, и они хорошо умели обрабатывать железо. К несчастью, эти державы имели серьезных врагов. Северные кочевники — киммерийцы, скифы и им подобные, — беспрестанно вторгались в их владения, да еще и западные варвары, троянцы и греки тоже совершали набеги на них. В конце концов,

фригийцы создали собственное царство в Западной Анатолии, после чего Хеттия окончательно распалась. После этого остался огромный вакуум власти, который и явился причиной последовавших беспорядков. На какое-то время весь этот край был разделен на вотчины между наместниками-разбойниками. Таким образом, осталось только две сверхдержавы, но они испытывали большие трудности. Недолгое время Ассирия продолжала расширять свои границы, но потом и в ней наступил упадок, и она была способна лишь защищать себя от кочевников-арамейцев. Египет утратил свое владение в Палестине и с трудом сдерживал атаки морских народов. В результате образовалось много маленьких стран, живших пожиранием останков сверхдержав. Наверное, не было бы этой анархии, если бы устояла Хеттская империя.

Он встал и отдернул занавеску. В стену была вделана огромная кедровая панель, на которой была нарисована карта.

Иво узнал грубые очертания восточного района Средиземного моря. Похоже, что Маттан действительно решил прочитать ему лекцию по истории!

— Филистимляне, — продолжал Маттан, указав

на какую-то точку на побережье Малой Азии, — вторглись в Палестину с моря. Но египтяне отразили это нашествие. В то же время евреи двинулись с юга, но египтянам удалось отразить и их. Но при этом попирались права коренных жителей этих мест, между Дамаском и Египтом — нас, канаанцев, живших здесь в мире уже тысячу лет. Наши враги превосходили нас в силе и были настоящими варварами, в то время как мы были цивилизованным народом. К счастью, Тир и его братские города к северу вдоль побережья — Акко, Сидон, Беритус, Библос, Арпад и Угарид были сильны еще тоща, и, благодаря нашему развитому флоту и системе береговых укреплений, мы смогли защитить наши земли от разбойников и уберечь наших подданных от рабства. Мы развили нашу промышленность, усовершенствовали флот и превратили наши прекрасные города в убежища для достойных и деятельных людей всех наций, даже для микенцев. Так началось наше процветание, после возрождения из пепла этой катастрофы.

Катастрофа! Постепенно Иво начал понимать, что страхи, характерные для двадцатого века мучили людей и в это время. Похоже, так мало изменилось. Загнивающие сверхдержавы,

начало анархии, возвышенные мечты о новом возрождении — что же в конце концов отличает его мир от этого?

Но есть еще *разрушитель!* Ничего подобного не могло бы существовать в этом мире. Ничего.

— Такая вот ситуация на сегодняшний день, — сказал Маттан. — Великий разрушитель — Ассирия, сильно стеснен. — Он прищурился недобро, когда Иво вздрогнул при этих словах. — Лично я думаю, что сильные правители сделают Ассирию вновь великой, и это пойдет нам на пользу. На Хеттскую империю уже нет надежды, а Египет был завоеван ливанцами.

Маттан заметил реакцию Иво и на эту фразу, но продолжил рассказ:

— Шешонк называет себя фараоном, хотя он просто узурпатор, одержимый идеей построить свою столицу в Бубастисе. Конечно, ему нельзя отказать в некоторой варварской мощи. Он осаждает сейчас Угарит и уже зарится на Библос. Но он достаточно умен, чтобы не связываться с Сидоном или Тиром.

Иво следил только за сутью рассказа, больше всего его волновало его собственное положение. По крайней мере, удалось частично разгадать появление чужеземцев в Египте. Происходило

смешение культур — ливанской и египетской, но главный вопрос оставался без ответа — какова была *его* роль во всем этом? Ведь если бы он действительно оказался в Египте, он не смог бы мгновенно перенестись оттуда… И если бы у него тогда хватило ума бросить работу и отдохнуть несколько часов от макроскопа, ничего этого могло бы и не произойти.

Правда, укорять себя теперь за это бессмысленно. Маттан ждал от него мнения о здешней политической ситуации. Египетский фараон осаждал Угарит.

— Но ведь осаждают финикийские города? Почему вы им тогда не поможете?

— Это проблематично. Во-первых, у них есть колонии на африканском побережье, и их гораздо больше в Африке, чем вы можете представить себе, и в этом вопросе наши интересы сталкиваются. Во-вторых, мы не можем сейчас нарушить баланс сил с нашим соперником — Сидоном, и Сидон отказался от военного сотрудничества, предложенного нами. В-третьих, у нас сохраняются тесные контакты с Израильским царством, и любая конфронтация, даже с таким загнивающим гигантом, как Египет, может нам в этом помешать. Это было бы очень плохо.

— Израиль? Но я думал, что вы воюете с евреями!

— Не сейчас. Хирам и Соломон довольно неплохо ладили между собой. А сейчас Еврейское царство распалось на два государства — Израиль и Иудею, они не представляют большой угрозы. Главное, что можно по-прежнему добывать достаточно меди и железа в Вади-Арабах — это на их нынешней территории. В деле нужно видеть прежде всего его практическую сторону.

Маттан, как и покойный сенатор Борланд, был практическим человеком. А Сидней Ланье, в свое время яростно нападал (будет нападать!?) на меркантильную возню и грязное делячество! Но он немного опоздал.

Затем другая мысль:

— Соломон? Вы хотите сказать, что это *то самое время?*

— А! Так вы слышали о сыне Давида? Великий царь, я бы сказал, почти такой же как наш Хирам, он принес много пользы своему народу и государству. Не так-то просто привить культуру кочевникам. Соломон умер три года тому, и его империя распалась. Это очень плохо; пройдет совсем немного времени, и ими будет управлять Шешонк. Поначалу казалось, что образовывается

новая сверхдержава в этих краях, но теперь это все в прошлом. Тиру придется нести свое бремя в одиночку. — Он пристально посмотрел на Иво. — А сейчас, Иварч, коль на то будет ваша воля, изложите *вашу* историю.

Даже теперь это было непросто сделать для Иво. Оказалось, что Маттан не очень-то верит в волшебство и магию; скорее, он был чрезвычайно прагматичным человеком. Казалось маловероятным, что он поверит во что-то столь фантастичное, как макроскоп.

— Во-первых, — сказал Маттан, — покажите мне точно, где находится Мерика, — он указал на карту. — Она изображена здесь?

— Нет. Она гораздо дальше. У вас есть карта мира?

— Это и *есть карта мира.*

О-ох.

— Вы хотите сказать *цивилизованного мира,* не так ли? Ведь есть земли и за его пределами.

Маттан кивнул:

— Я вас неправильно понял. Действительно, есть далекие земли, и сейчас мы их исследуем. А что, если вам самому нарисовать карту мира такой, как вы ее представляете?

Маттан по-прежнему говорил мягко, но на сей

раз Иво уже знал, что финикиец очередной раз его проверяет. Маттан хотел вытянуть из него полную информацию и был достаточно умен, чтобы знать, что Иво выложил ему не все. Иво вспомнил, что финикийцы путешествовали очень далеко, по торговым делам и в поисках рабов, что их соперниками были греки, и что они держали в тайне свои географические открытия. Может быть, они добывали олово где-то в Британии? Ему пришла на ум история о финикийском корабле, который пытался обогнуть Африку и был отнесет штормом к берегам Южной Америки, где впоследствии его команда вдохновила ацтеков на постройку пирамид. Все же, в этом вопросе он чувствовал себя увереннее. Он взял у Маттана чистый свиток и изобразил на нем маленькую копию карты на стене. Затем он продолжил ее, дорисовав побережье Средиземного моря. Он не был картографом, рисунок его был приблизительным, но он не сомневался, что это не имеет большого значения.

— Вот это Италия, — сказал Иво, — и Сицилия. Сапог, поддевающий камень.

Маттан задумчиво кивнул. Иво понял, что эта часть мира ему хорошо знакома.

— Вот восточное побережье Европы и Британ-

ские острова. — Маттан был так подчеркнуто спокоен, что Иво не сомневался — ему хорошо знакомы и эти места. — А южнее расположена оставшаяся часть континента Африка.

— А что лежит на востоке?

— Огромный континент, — Иво начертил совсем уж приблизительный контур Азии.

— А где находится Мерика?

— За морем, на западе. — Иво начал пририсовывать американский континент, оставив непропорционально мало места для Атлантического океана, поскольку размеры листа были ограничены.

— Понимаю, — сказал Маттан, глядя на то, как уголь Иво вычерчивал полуостров, который впоследствии станет Флоридой. — И каким образом вы путешествуете туда?

Иво собрался с духом и коротко ответил:

— Я летаю.

— А можете вы сейчас полетать для меня?

— Нет.

— Понимаю, — Маттан еще на мгновение задумался. — А в Америке говорят на финикийском?

— Нет.

— Как же вы тогда его выучили?

— Я не знаю. Просто так получается, я говорю

на нем, когда мне это нужно.

— Понимаю.

Это слово приобретало все более зловещий смысл после каждого повторения, и на этот раз пауза была очень длинной.

— Таким образом, вы заявляете, что вы божество?

Божество: религиозный персонаж? Иво стал соображать, насколько далеко он сможет убежать, если попытается сейчас вырваться.

— В Америке все эти вещи, ну, я хочу сказать, полеты, — не считаются удивительными. В этом нет ничего сверхъестественного.

— В таком случае, Америка — это страна богов.

— Нет, нет! Это…

Как ему объяснить этому умному, но все же столь невежественному человеку? В этом мире было много богов, и все они были не более сверхъестественны, чем единый Бог христиан. По меркам этого времени подозрительность Маттана была полностью оправдана. Любые дальнейшие попытки прояснить божественное происхождение Иво только ухудшат его положение.

— Если бы не ваш, прямо скажем, необычный внешний вид и осведомленность в вещах, о кото-

рых никто здесь не имеет понятия, я бы назвал вас первостатейным лжецом, — сказал Маттан. — Но у меня есть кое-какие сомнения. Ваши познания столь же любопытны, как и ваше невежество, и я не могу решить, то ли вы необычайно умны, то ли вы необычайно бесталанный выдумщик. В любом случае, вы необычайны. Я не понимаю, как вы можете быть тем, кого вы называете шпионом, и все же никак не могу понять, кто же вы на самом деле.

Воцарилась тишина.

— Я так думаю, — нарушил наконец молчание Маттан, — что тут есть чем заняться нашим жрецам.

Иво опять пробрал озноб, и все возрастающее чувство голода, которое пришло к нему при созерцании жующего Маттана, мгновенно улетучилось.

— Я сказал ересь?

— Ни в коем случае. Вы даже не упоминали имя Мелката и, по-видимому, все, происходящее в вашей Мерике, не подвластно Ваалу. Но в разговоре с вами я, похоже, исчерпал все доступные мне средства…

Если это была его окончательная угроза, то она опять была скрытой. Ведь после первого упоми-

нания Маттан больше не говорил о человеческих жертвах…

— Я мог бы побеседовать с вашими жрецами, хотя я не смогу сказать им что-то сверх того, что уже сказал вам.

— Превосходно. Мои люди покажут вам дорогу, и я уверен, что вы достигнете полного понимания с Мелкатом, а то и полного единства с ним.

Иво не совсем понравилась последняя фраза, но он безропотно последовал за двумя дюжими охранниками. Он обратил внимание, что они, как и все люди, которых он встречал на корабле и в городе, были ниже его. В этом крае он был самым настоящим гигантом. Хотя он и не считал себя сильным человеком, все же преимущество в весе и росте пригодятся ему в критической ситуации.

Эти солдаты были вооружены лучше, чем виденные им в Египте. На них были плетеные металлические кольчуги, хорошо подогнанные низко сидящие шлемы, в руках они держали длинные копья, на перевязи висели острые мечи. За широкий пояс у каждого был заткнут грозного вида боевой топор.

Иво еще раз оценил свое возможное физическое превосходство.

— Странно, — заметил один из стражников,

когда они вышли на узкую улочку. — Никогда не видел ягненка, столь спокойно идущего на заклание.

Он говорил на языке, отличном от финикийского. Иво понял, что эти люди прибыли из других мест, были наемниками, и считали, что он не сможет понять их разговор.

— Маттан наверное сказал ему, что он идет посмотреть на церемонию, — ответил другой стражник. — Можно сказать, что он уже труп.

Иво только сейчас обратил внимание, что оба охранника были бородаты, так же, как и Маттан. И зачем он так тщательно выбрился!

— Ну, там будет на что посмотреть — пылающее брюхо Ваала, — со смехом согласился первый. — А я думал, каждый дурак знает, что только жрецы выходят из замка.

— Ты ошибаешься, ответил другой. — Каждый день выносят урны на место захоронения.

— Да его кости не войдут в урну для ребенка, даже после кремации, слишком длинные, — возразил первый.

Они подошли к ступеням, ведущим к красивому каменному зданию. Две могучие колонны обрамляли вход, одна была покрашена в желтый, а другая в зеленый цвет. Второй стражник

повернулся к Иво и положил на его плечо свою мозолистую ладонь. Его короткий меч в кожаных ножнах болтался на грудной перевязи, ручка едва не касалась локтя Иво.

— Позвольте мне помочь взобраться на эти священные ступени, сэр, — произнес он на финикийском.

— Жрецы будут очень огорчены, если столь почетный гость вдруг споткнется, — добавил другой, — и Ваал будет сильно коптить. — И тут же на другом языке. — И вправду, до чего же длинный этот чудик!

Иво посмотрел наверх и увидел, что им навстречу идет одетый в белое жрец. Его сопровождали несколько стражников храма. Все выглядели озабоченными.

Иво схватил за ручку меч левого стражника и выхватил его из ножен прежде, чем тот сумел что-то предпринять. Затем Иво сбил его с ног и повернулся ко второму, сообразив, что если побежит сейчас, то получит в спину копье. Но второй стражник тоже не отреагировал, по-видимому, не ожидая от ягненка такой резвости и стоял, раскрыв рот, не готовый к отражению нападения.

Стражник, у которого Иво отобрал меч, упав на землю, запутался в собственной перевязи,

его щит, который до этого как-то крепился на его левом бедре, сейчас лежал между ними, на первой ступеньке. Иво метнулся к щиту, и схватил его левой рукой, на мгновение замешкался, так как не знал, как же его правильно держать. Щит оказался удивительно легким, овальный деревянный диск, подбитый мягким там, где он соприкасается с левой рукой, край его был иссечен многочисленными рубцами, полученными в боевых стычках. Очевидно, щит был предназначен для активной обороны — для того, чтобы отразить копье или меч, либо встретить стрелу, а не просто стоять, укрываясь за ним.

Наконец, другой стражник сообразил, что пора что-то предпринять. Он выхватил меч и поднял щит, и стал вразвалку наступать на Иво. Трудно было поверить, что это ветераны. Они выглядели, как неповоротливые быки. Спрятавшийся за стражниками, жрец что-то закричал, и храмовые слуги ринулись вниз по ступеням суетливой толпой.

Иво поднял свое оружие. Меч был около двух футов в длину, не считая рукоятки, сужался к концу, так что его самая широкая часть находилась на расстоянии восьми дюймов от острия. Он был обоюдоострым, хотя нельзя сказать, что

края были уж очень хорошо заточены. Нужно было прилагать значительное усилие, чтобы прорубить доспехи противника и при частом использовании лезвие не могло долго оставаться острым.

Это было неудобное оружие, так как ручка была слишком мала для уверенного захвата. Ему вряд ли удастся эффективно орудовать таким мечом или защищаться таким щитом. Да он вообще не хотел драться, насилие было противно его натуре. Ведь должен быть какой-то разумный выход в…

Стражник замахнулся мечом, и Иво автоматически блокировал удар деревянным диском-щитом.

Сработало.

Лезвие вонзилось в изрубленный край щита и на мгновение застряло в рыхлой древесине. Иво описал мечом полукруг, пытаясь отогнать нападавшего, и стражник отпрыгнул назад.

Он не попал — но эта попытка странным образом придала ему сил. Меч, который было так неудобно держать, в бою оказался хорошо сбалансированным и мощным оружием. Теперь он видел, что форма меча была хорошо продумана в целях повышения его действенности, таким образом, достигалась наибольшая сила удара,

так как центр тяжести меча и его самая широкая часть находились за точкой удара.

Он уже потерял слишком много времени, за несколько секунд его стычки со стражниками слуги храма успели подбежать совсем близко. У него и в мыслях не было одолеть их всех. Ему придется бежать, и они, несомненно, достанут его копьем. Он развернулся — по улице к нему бежали солдаты, его уже окружили.

«Сделай что-то неожиданное!» — подумал он, вспомнив чей-то совет. Только неожиданные действия способны помочь в любой безвыходной ситуации. Они, очевидно, ждали, что он побежит или будет драться — в любом случае его не хватит надолго.

Они остановились футах в двадцати, окружив его полукругом, среди них стояли и два его знакомых стражника. В центре, на широких ступенях, стоял жрец и жестикулировал. Иво непроизвольно отметил, что жрец бос.

Иво бросился к нему, перескакивая за один прыжок через три ступеньки. За десять футов он швырнул свой щит в голову жреца. Щит, вращаясь, прошелестел в воздухе.

Жрец довольно резво отпрыгнул в сторону, толкнув стоящего рядом солдата. Иво бросил свой

меч в солдат, стоявших сзади. Меч завертелся, как бумеранг, разбрасывая во все стороны солнечные блики.

Три человека, стоявшие в передних рядах, машинально подняли щиты, как и ожидал Иво. Они были ошеломлены на какое-то время. Прежде чем они опомнились, Иво подскочил к жрецу, схватил его за талию и потащил, прикрываясь им от копий стоящих рядом стражников. Запутавшись в длинном одеянии, Иво рухнул вместе с ним.

Рядом с его ухом прогрохотал упавший меч, брошенный одним из взбиравшихся по лестнице воинов. Иво поднял меч, опять схватил жреца и попытался встать. К счастью, человек этот был тщедушен, и поднять его не составляло особого труда. Закрывшись телом жреца как щитом, Иво начал подниматься по ступенькам. Стражники бросились к нему, но Иво прижал к горлу своего пленника внушительных размеров лезвие меча, и они отпрянули.

Нужно скорее что-то предпринять, так как тяжелый меч оттягивал руку, и позиция была явно невыгодной. Эта угроза утратит свой смысл, если лезвие меча опустится на грудь заложника.

— Послушай, ублюдок, — прошипел Иво в ухо жрецу, по мере того, как они отступали. — Либо

мы вместе войдем в печь Мелката, либо вместе избежим ее. Так что решай сам, составить мне компанию в этом мире или в царстве мертвых. Ты меня понимаешь?

Жрец ничего не ответил, но Иво был уверен, что он понял все. На вершине лестницы, между колоннами Иво отпустил захват и прижал острие меча к спине пленника. Солдат становилось все больше, они шли за ними по пятам, страшно грохоча, но не приближались слишком близко, опасаясь за жизнь заложника. Иво поздравил себя с хорошей находкой.

Иво прижался спиной к желтому столбу, мозг лихорадочно пытался найти путь к спасению. Прыть, которой он не ждал в себе, помогла ему до этого момента, но ведь у любой удачи существуют пределы. Жрец не двигался, и толпа внизу тоже застыла.

Он подтолкнул жреца мечом и прошептал:

— Пошли в храм. Не делай внезапных движений, не посоветовавшись со мной, если я хоть на мгновение усомнюсь в твоих намерениях, то мгновение это будет для тебя последним.

И это был он, кроткий Иво Арчер? А почему бы не завершить сценку в этой мелодраме сообщением, что руки у него чешутся продырявить его.

Не смешно. Ручка меча стала предательски скользкой от пота, ладонь жгло — будет мозоль. Жрец поднял руку и указал куда-то своим крючковатым пальцем.

— Ого, — сказал Иво. — Это что, служебный вход?

Жрец обогнул колонну и подвел его к стене здания.

Так и оказалось, здесь был маленький вход в темный коридор, шедший параллельно стене. Он не смог бы пройти в него, не пригнувшись, а для маленького жреца было в самый раз.

Они вошли. Здесь было чуть получше, чем на открытом месте, так как двоим не разминуться в узком коридоре, а темнота затруднит погоню. Свет падал через узкие амбразуры во внешней стене. Через двадцать футов жрец легонько постучал по камню на внутренней стене. Затем он приложился к нему своим хрупким плечом и толкнул. Иво с подозрением наблюдал за его действиями, все время оглядывался назад, чтобы не прозевать погоню.

Камень отошел, открыв черное отверстие, из которого потянуло холодом. Скорее, затхлой прохладой — где-то там была стоячая вода.

— Секретный выход?

Жрец кивнул. Иво почти не различал его здесь и сжимал своей ладонью его костлявую руку. Должно быть, камень был очень хорошо сбалансирован, если поддался усилиям такого скелета. И почему его заложник до сих пор не произнес ни слова?

— На случай восстания или интервенции?.. — спросил Иво, указывая на проход.

Ответа не последовало.

Иво подтолкнул его:

— Ты первый.

Жрец забеспокоился, стал упираться.

— Ну-ну! Мы вместе встретим нашу судьбу. Скорее!

Сзади послышался шум, Иво понял, что солдаты уже столпились возле входа и, скорее всего, уже окружили замок.

— Я знаю, что ты умеешь разговаривать, — разозленно сказал Иво. — Я слышал, как ты командовал стражниками. Так что давай, двигай вперед или попытайся объяснить мне, почему этого нельзя сделать, а не то я таки проткну тебя.

Он блефовал и надеялся, что заложник этого не поймет.

— Лучше пойти наверх, — быстро отреагировал жрец.

Странно, голос его после всего произошедшего оставался спокойным.

Иво мрачно улыбнулся. Победа — удалось избежать еще одной ловушки. Метод агрессивного поведения, оправдывал себя в данной ситуации.

— Мы пойдем туда вместе, а там посмотрим, насколько это лучше.

Времени не оставалось совсем. Звуки, доносившиеся снаружи, подтверждали это: стражники уже окружили замок, очевидно, ими уже командовал подоспевший высокий жреческий чин. Сейчас шум доносился уже из дальнего конца прохода.

Внезапно жрец вырвался из слабого захвата Иво. Иво бросился за ним, ухватил левой рукой и ткнул мечом. Удар пришелся в бок, но был недостаточно силен, чтобы хотя бы порвать одежду. Вырвавшись вновь, пытаясь спастись, жрец отскочил в сторону и прижался спиной к выдвинутому камню.

Иво попытался поймать его, но только вытолкнул его в отверстие. Камень мягко провернулся и встал на место. Иво услышал удаляющийся крик и, затем, всплеск воды. Судя по времени падения — не меньше сорока футов. Хорош выход!

Теперь Иво был один, окруженный стражни-

ками и без заложника. Существовал ли другой выход, или жрец просто жульничал, пытаясь затянуть время? Здесь *должен* быть выход!

Он двинулся вдоль стены, толкая все большие камни подряд, но ни один не поддавался. Уходили драгоценные минуты. Его глаза привыкли уже к плохому освещению, и все, что он видел, был лишь толстый слой пыли и грязи на полу и на стенах. И лишь его собственные следы как-то разнообразили картину.

Почему они не атакуют? Ведь они должны были слышать его борьбу со жрецом и уже знают, наверняка, что тот мертв. А может они полагают, что это упал *Иво?* И что жрец скоро к ним выйдет? А может, они замышляли что-то очень хитрое — менее рискованное, чем лобовая атака в ограниченном пространстве?

Он глубоко вздохнул и безнадежно взглянул наверх. В потолке была дырка, всего в нескольких футах впереди. Другой выход!

Он подбросил свой меч в проем. Метал загрохотал по камню, но назад меч не упал. Он немедленно последовал за мечом. Ухватившись пальцами за край отверстия, подтянулся до подбородка, но не больше, и беспомощно пытался найти опору для ног. Пришлось прыгнуть назад.

Оценив ситуацию, он еще раз подтянулся. Атлету или, например, невесомому жрецу без труда удалось бы взобраться, так как отверстие было ненамного выше уровня головы, но Иво не был ни тем, ни другим. Он подумал, что в любом случае в этом «аварийном» выходе должен быть какой-то поручень, облегчающий этот акробатический трюк.

Иво зацепился подбородком о край неровной площадки и выбросил вперед один локоть. Ладонью нащупал свой меч и застонал, оцарапав ладонь о зазубренное лезвие, но не сдался. Наконец, он нашел то, что искал — прочный деревянный поручень.

Он был покрыт пылью, но пыль была суше и легче, чем внизу. Очевидно, здесь давно никто не проходил. Хороший знак или плохое предзнаменование?

В любом случае, сейчас выбирать не приходилось. Вот он подтянул плечи, оперся грудью о край, выбросил ногу и, наконец, втащил все тело, умудрившись сохранить большую часть кожи на локтях и коленях. Слизнул грязь с кровоточащей ладони и подобрал меч. В списке его проблем возможное заражение стояло не на первом месте.

Запоздалая мысль: солдаты могут выследить

его по следам в пыли. Нужно их замести.

По-видимому, тоннель весь был испещрен выходами, если ему удастся скрыть тот, по которому он вышел, они могут часами искать его в храме.

Ему никогда не удавалось строить разумные планы, и вот опять, он вспомнил об очевидном слишком поздно, и ему придется терять драгоценное время.

Ругая себя в душе, он спустился обратно в тоннель, порез на ладони нестерпимо жег от въевшейся в рану пыли. Затем он пробежался по проходу туда и обратно, прикасаясь ко всем большим камням внутренней стены. Пускай теперь ищут! Затем опять наверх, к выходу. Он набрал пригоршни пыли, присыпал свои следы у входа и отпечатки ладоней на поручне, надеясь, что это поможет скрыть следы его бегства. Однако, разглядеть результаты своих трудов в такой темноте он не мог.

Он двигался в абсолютной темноте по какому-то коридору и, насколько он мог судить, этот проход шел под углом, по отношению к нижнему тоннелю. Его сандалии, не предназначенные для столь усердной эксплуатации, разболтались и цеплялись за выступы пола из грубо обработанного камня.

Наконец, появился свет. Он оказался на пыльном балконе, выходившем во внутренний двор храма. В центре двора возвышалась огромная уродливая металлическая статуя, формой грубо напоминавшая человека. Из отверстия в голове статуи вился дымок, в раздутом брюхе урода была вделана дверца, к которой вела лестница: Мелкат, кровожадный Ваал Тира.

Иво отвернулся, ничего особенно интересного. Ему казалось, что он слышал легкий запах жареного мяса. Неудивительно, что израильтяне боролись против этой религии. Может, нацистская машина смерти, появившаяся много столетий спустя была чудовищным возрождением духа Ваала?

Иво заметил грубо вырубленные в камне ступени, шедшие вниз, покрытые, как и все до этого, толстым слоем пыли. Он неуверенно остановился. Оставалось еще несколько часов до наступления темноты, и выйдя сейчас из замка, он вновь стал бы уязвим. Наверное, стражники поджидают его и у этого выхода. Лучше дождаться ночи — может, удастся проскользнуть незамеченным. Они вряд ли ожидали, что он рискнет задержаться в поле зрения их грозного железного идола. И, скорее всего, жрецы не станут выдавать тайные ходы

солдатам. Пусть лучше один ягненок отсрочит свое заклание, нежели раскроется хоть один секрет храма. Неожиданным и, следовательно, самым разумным в сложившейся ситуации было бы остаться здесь, но меч надо держать наготове.

Он отыскал укромную нишу и прилег в ней. Иво попытался уснуть с мечом в руках, но на правой руке саднил только что заработанный мозоль, а левая была порезана. Пришлось отложить клинок в сторону. Странно, но и теперь ему удалось легко заснуть. Скорее всего он был уверен, что любые приближающиеся шаги разбудят его.

Когда он проснулся, было уже темно. Раны на ладонях все еще жгли, и он был голоден. Иво не слишком-то насытился грубой пищей галерных рабов, и ему не досталось деликатесов со стола Маттана. Даже издаваемые Мелкатом запахи показались ему аппетитными.

Иво решил, что пришло время убираться отсюда. Он осторожно спустился по ступеням, стараясь оставить как можно меньше следов, прислушиваясь к звукам снаружи. Интересно, ждут ли его еще стражники в засаде у выходов из нижнего тоннеля? Солдаты вполне могли войти в тоннель и обнаружить, что он исчез, а дверь выхода ловушки все еще открыта. Хотя, нет, сейчас

она закрыта. Решат ли они, что он решился прыгнуть туда? В этом случае его судьба уже не будет их сильно занимать. Тяжелая дверь закрывала выход у основания лестницы, она была заперта изнутри деревянным брусом. Сомнений быть не может, это аварийный выход для жрецов. Он снял брус, отставил его и толкнул дверь. Она не шелохнулась.

Может, она заперта снаружи? Но это было бы совсем абсурдно, ведь для того, чтобы воспользоваться выходом, пришлось бы отпирать дверь с обеих сторон, что не очень-то удобно в аварийной ситуации. Он встал на колени и заглянул в щель. Были видны огни города. Приподнимаясь, он просмотрел всю щель — снаружи засова не было, просто дверь была тугая. Он уперся плечом и с силой нажал. Дверь не поддавалась. Наконец, уперевшись ногами в нижнюю ступень, а спиной в дверь, ему удалось неимоверным усилием распахнуть дверь. Раздался треск, Иво упал на спину, меч с грохотом покатился. Шум получился ужасный. Тут же послышались крики, с обеих сторон замка к нему ринулись фигуры с факелами.

Ну вот и попался.

Поднявшись на ноги, Иво схватил меч (мозоль уже не так сильно болела). Факельщики броси-

лись ему наперерез. Он немного замешкался, пытаясь сориентироваться на каменной террасе, подходящей к храму, тем временем первая группа уже оказалась рядом. Он уже мог различить в свете факелов отблески огня на стали клинков и сверкание глаз.

Он сделал выпад и попал переднему в щит. Опять взмахнул мечом, на сей раз сталь вонзилась в тело. Нападавший, вскрикнув, отступил. Еще двое набросились на него с разных сторон. По левой руке полоснул меч, резкая боль пронзила ее, Иво пришлось отскочить. Ручка меча опять скользила, трудно было сказать, от пота или от крови. Света не хватало, он плохо соизмерял свои движения. Он ткнул мечом в направлении фигуры человека, ранившего его, целясь по отблеску шлема — и опять попал.

Солдат с факелом вместо щита попытался инстинктивно блокировать им удар. Описав яркий полукруг, меч Иво с тошнотворным звуком вошел в лицо солдата, задев при этом и руку. Факел отлетел, покатился по земле, в его отблесках Иво смог увидеть дело рук своих, но вскоре хлещущая кровь загасила пламя.

Иво в несколько прыжков преодолел низкие ступени и побежал в город, он не ощущал свое-

го тела. За ним, словно разъяренный рой пчел, неслись, совершая хаотические движения, яркие пятна факелов.

Улицы были погружены во мрак. Тяжело дыша, Иво свернул в ближайшую, не задумываясь о том, что ждет впереди, куда он направляется. На первом же перекрестке он свернул, затем опять поворот и, наконец, он совсем заблудился, но и факелов уже не было видно.

Его окружали тесные ряды мрачных трехэтажных коробок, в темноте он даже не мог различить окон и дверей. Подойти он не решался, так как боялся, что поднимется шум, и тогда ему не уйти. Ну и куда теперь? У него нет денег — он даже не знает, есть ли они в этом мире, и нет дома. Ночь не была холодной, но желания бесцельно слоняться по городу не было.

Внезапно он увидел впереди свет факелов. Стражники храма не прекратили погоню и теперь прочесывали город. Вне себя от страха он бросился прочь, стыд за обагренный кровью меч жег его душу. Он не хотел убивать человека — только отогнать, может, легко ранить. Он должен поверить в это.

Кровь, извергавшаяся из раны при каждом его движении, пропитала болтающиеся складки

тоги. Это была еще одна причина, по которой ему необходимо было найти побыстрей укрытие.

Но куда же деваться? Он не может даже выбраться за город, потому что Тир — это остров, остров окруженный стеной.

Факелы двигались по параллельным улицам к следующему перекрестку. В их блеске он рассмотрел окружающие его дома. Они оказались побогаче, чем он предполагал. Внешние стены первых этажей были грубо оштукатурены, а верхние собраны из дерева, с маленькими квадратными оконцами, кое-где миниатюрные пальмовые колонны подпирали балюстрады. Это уж точно были не трущобы.

На следующем перекрестке факельщики обложили его уже с трех сторон. Благодаря судьбу, что есть еще куда бежать, Иво бросился в единственном свободном еще направлении. Даже если ему и удастся скрыться от них, он долго не протянет. Сил бежать уже не было.

— Беглец!

Это был женский голос, низкий, но очень приятный и глубокий. Иво повернулся на звук, приготовившись к встрече с врагом, поднял окровавленный меч.

— Беглец, сюда! — настойчиво повторил го-

лос. — Быстрее, пока они не заметили вас.

Придется ей довериться. Он подбежал к неясному силуэту, стоявшему на крошечной террасе.

— Кровь! — укоризненно воскликнула она. — Вы оставили за собой кровавый след.

Так вот почему стражники его так быстро выследили! Сам он не мог этого заметить, но, очевидно, при свете факелов кровь была хорошо видна. Был ли у него хоть малейший шанс?

— Я думаю, что все же смогу вам помочь. Заходите.

Он ввалился в дверь, у которой она стояла. Это был просто проем в стене, прикрытый то ли шкурой, то ли холстом. Он оказался в маленьком грязном коридорчике, стены покрывала осыпающаяся коричневая штукатурка. Да, это явно не хоромы богача, но в его положении выбирать не приходилось.

Женщина прикрыла вход и провела его в маленький внутренний дворик. Она была молода, рост ее значительно превышал средний для этих мест. Черты лица были правильными, свободный плащ не мог скрыть ее роскошных форм. У Иво мелькнула мысль, а не с проституткой ли он столкнулся? В таком случае, как только она обнаружит, что платить ему нечем, он окажется

в лапах стражников.

— Мы должны остановить кровь, — сказала она. — Я знаю пустой дом, в котором им нас не найти сегодня ночью. Но нас не должен выдать след крови.

Она отмотала часть тоги, превратившейся в мокрый бинт и принялась промакивать рану.

— Кто вы? — спросил он. — Почему вы помогаете мне?

— Я Айя. Я не поклоняюсь Мелкату и не одобряю человеческих жертвоприношений.

Она забинтовала ему руку грубой материей, и Иво был уверен, что повязка не слишком стерильна. Последняя ее фраза зародила в нем смутное подозрение, но он не смог определить, что же именно его беспокоит. Да и совсем необязательно человеку, находящемуся в оппозиции к власти или господствующей религии, рисковать жизнью и благосостоянием во имя своих идей. Нет, должен быть более сильный и примитивный мотив.

Ну да ладно, как говорится, дареному коню… интересно, а лошади тут известны?

— К тому же, мне самой нужна помощь, — сказала она. — Для того, чтобы сбежать из этого мерзкого города. Если я останусь, то скоро окажусь среди рабов.

Ну теперь понятно. Кто же будет лучшим попутчиком, как не мужчина-беглец? Тот, у кого не исчезнет желание бежать со сменой настроения.

Если она находится в таком же положении — а так оно, видимо, и есть, то их желания совпадают.

— Вы вверяете себя незнакомцу, — спросил он. — Ведь вы знаете обо мне лишь только то, что я преступник. Насильник, а может и убийца.

— Вы хотите убить меня?

— Нет.

— В таком случае вы не причините мне вреда.

О-ох!

— Нам нужно спешить. Стражи храма скоро будут здесь.

Она провела его к заднему выходу и выглянула на улицу. Мимо них проходили факельщики.

— Кто вы? — спросила она, пока они пережидали облаву.

— Иварч из Мерики. Меня подобрал корабль и привез сюда для переговоров с Маттаном.

— Маттан, — с ненавистью произнесла она. — Знаменитая личность. Мягко стелет, да… Правда, в последний раз проявил себя полным дилетантом.

Иво был поражен ее острым умом.

— Я не понимаю, почему он послал меня в жертву. Как он надеялся что-то узнать таким путем?

Она пожала плечами:

— Маттан это Маттан. Идемте, они уже прошли.

Стражники действительно исчезли, но, скорее всего, ненадолго. Обнаружив, что след крови обрывается у порога дома на другой стороне, они без труда разгадают уловку. Айя повела его темными улицами, они долго ныряли в подворотни, перепрыгивали через заборы. Иво скрывал меч под тогой, готовый в любой момент встретиться с врагом. Казалось, у нее было интуитивное ощущение опасности — она знала, где появятся патрули и как их избегать. Через час они благополучно добрались до дома, о котором она говорила. Дом был пуст и неплохо обставлен.

Иво содрал с себя лохмотья, которые еще недавно были роскошным одеянием и вымылся в довольно приличной ванной. Он не ожидал встретить здесь канализацию, но к его удивлению слив воды осуществлялся при помощи деревянной трубы, выходившей на улицу. Пол из розового цемента был выложен маленькими мраморными кубиками. Почти как в двадцатом веке, не хватает только центрального отопления

и водопровода.

Затем ему пришлось просить Айю помочь надеть новую тогу, он надеялся, что ее не оскорбит эта просьба. К счастью, она согласилась без комментариев. Остальная часть дома выглядела просто — несколько прямоугольных комнат без особых архитектурных претензий. Основание здания было сложено из хорошо пригнанных камней, скрепленных небольшим количеством цемента, дальше шла кирпичная кладка, местами укрепленная вертикальными каменными блоками, и все завершали деревянные стены. Потолки в верхних комнатах были аккуратно обшиты кедровыми некрашеными досками, и во всем доме не было ни скульптур, ни картин. Очевидно, хозяин просто копировал финикийский стиль и мало заботился об эстетике окружающих его вещей, за исключением, быть может, одежды. Гардероб в доме был столь же разнообразен и богат, как и в резиденции Маттана: многоцветные накидки, тоги, юбки — все роскошно украшено и расшито. Некоторые вещи были шерстяными, остальные — из тонкого льна. Преобладал пурпурный цвет и Иво вспомнил, что Тир был знаменит в древние времена своими пурпурными красителями. Даже островерхие шапки были ярко раскрашены.

Айя, как радушная хозяйка, приготовила потрясающий ужин — копченая козлятина, оливы, фиги, выдержанное вино, мед, пирожное, приготовленное из неизвестной муки и все завершали огромные апельсины. Для него это было слишком много, после суточной голодовки, и он старался ограничивать свой аппетит, не перегружая желудок.

— Откуда вы знаете об этом доме, — спросил он ее, отламывая сочный ломтик апельсина. — Хозяин не будет возражать?

— Хозяин — это богатый торговец, на эту неделю он уехал на материк для переговоров о поставках кедровой древесины, — ответила она. — К тому же ему нужно проконтролировать ход работ в его мастерских на материке, производящих драгоценности и статуэтки заморских богов.

— Странно, а я здесь ничего подобного не видел.

— Да, у него есть хорошие мастера, но все эти безделушки производятся, разумеется, только на экспорт. Чем лучше качество, тем выше цена.

— Это относится и к предметам культа? Я бы сказал…

— Смотрите сами, — она грациозно поднялась и отдернула занавеску.

За занавеской находилась статуэтка пышной дамы с необъятным животом и роскошной грудью, по бокам стояли два сфинкса.

— Астарта, — сказала она. — Сейчас я вам покажу, как доить ее.

Она принесла чашку козлиного молока и осторожно вылила его в отверстие в голове богини. Затем взяла в камине головню и подожгла кучку трута у основания статуи. Языки пламени начали лизать металлического идола.

Внезапно струйки молока вырвались из сосков отвисших грудей и полились в чашу, укрепленную на чреве богини. Иво зачарованно смотрел, чувствуя легкое отвращение, хотя понимал, что в этом нет ничего сверхъестественного или неприличного.

— От тепла плавятся восковые затычки, — пояснила Айя. — Но те, кто поклоняется ей, этого не знают. Хозяин дома умеет делать деньги.

— Но наживаться на вере других людей…

— Не беспокойтесь, о своей религии он тоже не забывает. Он дает взятки жрецам и покупает маленьких мальчиков для своих развлечений. А когда они ему надоедают, он дарит их в жертву Мелкату. Он считается очень набожным человеком.

Удовлетворив свое любопытство, Иво не стал докапываться до мелких деталей. Главное, что этот дом не был у жрецов под подозрением, маловероятно, что сюда в ближайшие дни вломятся стражники.

— Насколько долго мы можем оставаться здесь в безопасности?

— Завтра ночью мы должны покинуть город, ведь они обязательно продолжат свои поиски. В Тире нельзя скрыться от жрецов.

Когда трапеза была закончена, она взяла лампу — простое блюдце без каких либо украшений, небольшая трубочка, укрепленная вертикально, выполняла роль фитиля. Айя провела его в спальную комнату, где на соломенной подстилке были навалены шкуры. Выглядело это просто замечательно.

Иво блаженно развалился на ложе… но вскоре обнаружил, что он не один.

— Даже самые лучшие корабли ночью заходят в гавань, — промурлыкала она.

Айя сняла с себя плащ и нижнюю одежду, нырнула под шкуру и свернулась рядом с ним калачиком. Теперь Иво мог увидеть, что его первоначальная оценка ее телесных достоинств была явно занижена. От нее исходил густой запах

неизвестных ему духов, все ее тело излучало желание, она была гладкой и гибкой, как пантера. День был выматывающим, но Иво хорошо вздремнул в храме, да и раны уже начали заживать. Айя хорошо позаботилась о нем, и рана на левой руке напоминала о себе, только если он задевал ею что-нибудь. Он чувствовал себя вполне сносно для того, чтобы не ударить в грязь лицом в подобной ситуации, но было одно препятствие.

— Мой корабль пристает в другой гавани, — сказал он. И добавил, не желая обидеть ее грубым отказом, — я люблю другую женщину и не желаю ничьих объятий, кроме ее. Я не хочу вас обидеть.

— Ваша жена? — настороженно спросила она.

— Нет.

— Ваша наложница.

— Нет.

— В таком случае, объясните мне, что она может предложить вам такое, чего нет у меня? У вас очень красивый корабль, а у меня удобная гавань. Если мы будем путешествовать вместе…

— Я *люблю* ее. Разве вы не понимаете?

Она оценивающе посмотрела на него, в мерцающем свете масляной лампы ее волосы окрасились в рыжеватый цвет.

— Как ее имя?

Почему бы не сказать правду?

— Афра, — ответил он, признание принесло ему некоторое облегчение. — Ее имя Афра, она не любит меня, я не достоин ее, но все равно…

— Я когда-то любила мужчину, — сказала Айя. — Но он погиб. Тогда я поняла, как глупо, когда тобой правит такое чувство. Любовь ни от чего не защищает, лишь ограничивает в удовольствиях. Не ограничивайте себя, вряд ли это как-то заденет ее. — Пауза. — Или она близко?

— Нет, далеко, до нее тысячи лет пути.

— Тысячи *лет?!*

Он оговорился, но его фраза привела Айю в замешательство лишь на некоторое время, так как она, очевидно, не могла понять ее истинного смысла.

— Пешком или на корабле?

— На корабле, — ответил он, мало беспокоясь о том, насколько правильно будет понят.

— Тогда вы уже никогда не встретите ее, — она еще раз взглянула на него. — Но как же вы попали сюда, если это так далеко. Вы довольно молодо выглядите.

— Мои боги очень могущественны.

— А-а! — она призадумалась. — Если бы боги канаанцев были посильней, я бы вернула себе

своего возлюбленного.

— Это как?

Не то, чтобы Иво был очень уж заинтересован в ее личной трагедии, он просто стремился увести разговор от скользких тем — ее амурных претензий и расспросов о дальних его странствиях.

— Я хотела поступить так же как боги, так же, как Анат вернула Алияна, — пояснила она. — Но у меня ничего не получилось.

— Мне ничего не говорят эти имена.

— Ну-у, вы наверное прибыли *очень уж* издалека. Я вам все расскажу: Эл — верховный бог канаанцев, Эл-бык, повелитель Солнца, жена его — Ашарат, повелительница морей, богиня-мать. Родили они сына — Ваала, бога гор, повелителя бури и дождя.

— Очень интересно, — сухо заметил Иво, соображая, зачем это ему может понадобится. — А как это связано с вашим…

— Я же *рассказываю,* дорогой. Сыном Ваала был Алиян. Вдвоем они вступили в битву с Мотом — повелителем летнего зноя, живущим глубоко в чреве Земли. Они не вернулись, и Анат пошла за ними. Она была сестрой Алияна и, разумеется, его женой.

— Разумеется. — По-видимому, кровосмешение

не считалось дурным тоном у богов. — И все они одна семья.

— Да. Она нашла тело Алияна в царстве мертвых, вознесла его на гору Сафон и похоронила его там, сопровождая все множеством жертвоприношений. То же самое проделала я со своим любимым. Я достала ему замечательный каменный гроб…

— Понимаю.

Она поняла намек и вернулась к легенде.

— Затем Анат убила Мота, который убил ее мужа. Она рассекла его тело серпом, размолола плоть его на мельнице и разбросала по полю, после этого он умер.

— Не сомневаюсь.

— Она вернула этим Алияна и посадила его на трон Мота. Вот почему осень сменяет лето с тех пор каждый год. Когда Анат убила Мота, люди смогли собрать урожай.

Век живи, век учись! Это был еще один вариант легенды о смене времен года, которую Иво уже не раз слышал в других интерпретациях.

— Но вам не удалось воскресить своего любимого?

— Нет, я пыталась, но боги оставили меня. Он просто сгнил. Именно поэтому я не уважаю

Мелката.

— Я вам сочувствую. Он вправду мог бы сделать для вас больше.

— Все проходит, — философски заметила она. — Меня покинул мой любимый, и ваша любовь безответна. Почему бы нам не представить, что я — это она, а вы — тот человек, которого когда-то я любила. Мы поразвлекаемся вместе, в то же время оставаясь верными своей памяти.

Он просто опешил от этого предложения, облеченного в такую форму, и хотел уж гневно отказать, но передумал. Иво не знал ее истинных намерений, они вполне могли быть циничными, но тело ее было сильным аргументом, делая это предложение особенно привлекательным. Он верил, что еще вернется к Афре каким-то образом, ведь этот мир был чуждым ему. Но дело даже не во времени или расстоянии, которые их разделяли. Афра никогда не будет принадлежать ему, по крайней мере до тех пор, пока влюблена в мертвеца. До тех пор, пока необходимым условием выполнения их совместного задания будет отказ Иво от своей жизни в пользу безжалостного и гениального Шена.

К чему пытать себя постоянным воздержанием, зная, что мечтам твоим не суждено сбыться.

Почему бы тогда не прибегнуть к доступному… Что это будет стоить ему?

— Хорошо, — сказал он.

Айя помогла ему снять тогу, и ее нежные прикосновения придавали некую интимность происходящему, они рухнули на груду шкур, тело прижалось к телу. Его левую руку пронзила боль, и она онемела.

— Говори мне слова любви, — прошептала она, не открыв еще свое тело. — Скажи мне, что ты чувствуешь.

О, нет!

— Я не могу, я никогда раньше не говорил о любви.

— Понятно, почему ты не произвел на нее впечатления! Разве ты не знаешь, что самой лучшей лаской для женщины являются слова любви, которые ей шепчут на ухо. Спеши, мне хочется спать.

Он попытался придумать что-нибудь соответствующее моменту, но его несколько отвлекало ее дыхание. На ощупь она была столь же пышна, как и богиня Астарта, но помоложе.

— Я не умею говорить о любви, поэтому скажу словами другого человека, они из поэмы «Вечерняя песня», которую написал…

Откуда ей знать о Сиднее Ланье, который родится через несколько тысячелетий…

Она промолчала, и он начал читать поэму:

Посмотри, моя радость, там за дюнами
С солнцем встречается море
под завистливым взором земли,
Долгий их поцелуй лишь мгновение
в вечности наших объятий.

Последние две строфы он прочитал с некоторым раздражением, в финикийском переводе была утрачена рифма и размер. Он ждал ее реакции, но ничего не последовало.

Она спала.

Утром она проснулась раньше его. Когда он вышел из спальни, она примеряла на себя наряды из богатого гардероба этого дома.

— Нет, все это не годится, — сказала она, удрученно, качая головой. — Слишком заметно.

— Заметно?

— Если я выйду в этом на улицу, каждый прохожий будет глазеть на меня.

В ее прогноз можно было поверить, она была чрезвычайно привлекательной девушкой, как ночью, так и при свете дня.

— Как я вам понравилась прошлой ночью? — спросила она с легкой иронией, правда Иво был в этом не уверен.

— Ну, пожалуй, я ожидал большего.

— То есть?

— Вы уснули.

— О, да. Так всегда случается. Поэтому мне нравится, когда меня держит мужчина.

Иво безуспешно пытался понять о чем она говорит.

— Держать вас действительно возбуждающее занятие, но я был немного разочарован.

— Это еще почему?

— Честно говоря, я думал, что мы займемся любовью.

Она повернулась к нему, на ней была пурпурная накидка, доходящая до талии и больше ничего. Какой симпатичный животик, отметил про себя Иво.

— *Так вы ничего не сделали?*

— Я же сказал — вы спали.

— Разумеется.

Иво сердито посмотрел на нее.

— Вы хотите сказать, что мне надо было Этим заниматься несмотря ни на что?

— Конечно, сколько угодно.

— Может, в другое время, — сказал он, сердясь то ли на себя, то ли на нее.

Они провели день чревоугодничая и отдыхая, так как было неизвестно, когда такая возможность представится им в следующий раз. Айя урывками знакомила его со своей биографией. Родилась она в царстве Урарту, по ее представлениям, Урарту было самой цивилизованней страной в мире. Так как она была дочерью торговца, вскоре ей пришлось перебраться в одно из варварских арамейских государств. Достигнув необходимого возраста, она должна была пожениться с принцем города Сидон.

— Он был человеком, которого я любила. Если Ваал не спас принца, то какой же он после этого бог?

Но она так и не увидела Сидон. Их торговый корабль был перехвачен галерой из Тира, а ее любимый погиб в схватке. Так, год спустя, она оказалась здесь в положении заложника. Ей постоянно угрожала опасность присоединиться к служителям храма в качестве ритуальной проститутки. Только наличие связей у ее богатых родителей спасало от этого, так как заложник, которого скормили Мелкату, терял свою ценность. Но правда состояла в том, что ее семья

испытывала некоторые трудности и в настоящее время была совсем небогата, и как только жрецы узнают об этом, у нее уже не будет прикрытия.

— Теперь вы понимаете, я все время ждала возможности бежать отсюда. И теперь, благодаря вам, мне такая возможность представилась.

Иво заметил кое-какие противоречия в ее повествовании, но не стал заострять на них внимание. Несомненно, ее прошлое было прозаичнее, чем она его изложила.

— Как далеко отсюда Урарту?

— Очень далеко. Но я не хочу туда ехать. Политическая ситуация изменилась, и моя семья не может меня принять. Я поеду с вами.

Иво пожал плечами. Он ценил ее помощь, но не представлял, куда же они смогут направиться. Прежде всего им нужно было выбраться с острова диаметром в милю, которым являлся Тир, а потом уже строить далеко идущие планы.

Они собрали столько припасов, сколько могли скрыть под просторными плащами — караваи хлеба, сушеную рыбу, маленькие кувшинчики с вином. Хозяин дома был слишком хитрым человеком, чтобы, отлучаясь надолго, оставлять дома какие-то ценности; Иво не нашел ни золота, ни драгоценных камней. Он расспросил Айю о

монетах и по ее недоуменному ответу понял, что их еще не изобрели. Торговля велась в основном по бартеру, в качестве общего эквивалента все больше использовались меры драгоценных металлов, но до полной стандартизации денежного обращения было еще далеко.

Когда стемнело, Айя вывела его к границе города, где им путь преградила высокая стена. Наверху прохаживались стражники с тусклыми фонарями. Иво попытался понять, как им удается приспособить открытые масляные лампы для использования на ветру, но они так и не подошли настолько близко, чтобы он смог удовлетворить свое любопытство. Сейчас ему достаточно было знать только одно — как преодолеть стену.

Девушка, по-видимому, знала что надо делать.

— Цеха проходят под стеной, — прошептала она. — И ночью внутри никого нет.

Цеха?

Она провела его в темное здание. Иво пришлось держаться за ее руку, чтобы не потеряться, так как внутри не было видно ни зги. Но это было не самым плохим. Больше всего неприятностей доставляли ему протесты органов обоняния.

Запах был ужасный — удушающее зловоние загнивающего мяса, с подобным он никогда в

жизни не сталкивался. Он попытался закрыть ноздри, но от одной только мысли о том, что вся эта гадость попадет в его легкие неотфильтрованной, его чуть не стошнило.

— Что это? — прошептал он.

Она рассмеялась:

— Они не услышат нас здесь, говорите громче.

— Что это так воняет? Здесь что, кит сдох?

— А, вы имеете ввиду мюрекс[37]. Запах, конечно, сильный, но это цена, которую приходится платить за это ремесло.

Выходит, и в древние времена промышленность загрязняла атмосферу.

— Что же это.

— Мюрекс. Моллюски. Разве вы не знаете, как они их обрабатывают?

— Нет.

Сейчас его интересовало только одно, когда же они выберутся на чистый воздух.

— Ну, да, я совсем забыла. Это же их секрет. Они собирают моллюсков, разламывают раковины, извлекают мякоть и сваливают ее в большие чаны. Затем все это некоторое время гниет, пока не окрасится в желтый цвет. Для получения более

---

[37] Примечания: 37
murex — игольчатый моллюск.

темных тонов нужно выставлять чаны на солнце. Затем все фильтруется, и получается готовый продукт. Это большая индустрия, но никто за пределами Семи Городов не знает секрет. Постойте, сейчас я найду вам раковину.

Она метнулась в темноту и, вернувшись, вложила ему в руку какой-то предмет. Это была самая обыкновенная шипастая ракушка.

— Что за продукт? — спросил он недоумевая.

— Красители, конечно. Желтый, розовый, пурпурный…

— Из разлагающихся моллюсков?

Но он уже сам все понял. Великая тайна пурпурных красителей финикийцев! Слава богу, что он не надел пурпурную тогу. В конце концов они вышли, и Иво облегченно набрал в легкие более-менее чистый воздух.

Они вышли за стену и пробирались при свете звезд по узкому пляжу, усыпанному обломками раковин. Приходилось держаться в тени, чтобы их не заметили патрулирующие стражники.

Окольными путями они подошли к порту, к той его части, где швартовались небольшие корабли. Это был мелкий залив на стороне острова, обращенной к материку. Очевидно, что стоявшие здесь суда использовались для коротких

путешествий, например, на материк. На воде раскачивалось несколько плетеных лодок: скорее это были плоты в форме баранки, отверстие в центре закрывалось щитом из просмоленных досок. Иво вспомнил станцию макроскопа и подумал, что станции в будущем, *его* будущем, будут по сравнению с тором тем же, чем и атомные лайнеры по сравнению с этой лодчонкой.

Крошечные лодки казались неприспособленными для поездок в открытом море, но Айя заверила его, что это лучшее, что можно придумать для двоих человек, которые хотят незаметно улизнуть на материк. Она забралась в одну из лодок, футов шесть в диаметре. Он последовал за ней, и они попытались грести. Уключинами для весел служили деревянные рогатки, привязанные к бортам; он работал одним веслом, а она другим.

Когда лодка отошла немного от берега, Иво встал на шаткую палубу и взглянул через пролив на материк. Он показался ему очень далеким, а спокойное мелководье превратилось в глубокое бурное море.

— Могли бы и дамбу построить, — пробормотал он.

— Мы должны грести вместе, — сказала она,

иначе лодка будет просто вращаться на месте. Но не переусердствуйте, я не такая сильная, как вы. Она с завидным упрямством не забывала кокетничать с ним, изображая милое, соблазнительное создание. В то же время Айя была необычайно хорошо осведомлена в совсем не женских делах, начиная от политики жрецов и кончая управлением лодкой.

Поначалу лодка беспорядочно блуждала по гавани, так как больная рука мешала Иво управляться с веслом. Но постепенно гребля наладилась, и они вышли в открытое море. Вода была довольно спокойна, но даже небольшие волны опасно раскачивали судно, и, чтобы продвигаться вперед, нужно было прилагать большие усилия. Круглая форма лодки затрудняла движение в выбранном направлении, и только хорошо синхронизированная и непрерывная работа веслами позволяла держать курс.

Работа полностью поглотила их, не было даже сил поговорить. Навалившаяся усталость и ноющие раны заставили Иво с иронией вспомнить бесстрашных и неутомимых супергероев будущего, которые никогда не жаловались на свои ранения и не чувствовали усталости. Иво прокрутил в голове свои последние приключения.

Как же все произошло? Присутствие в этом мире было невозможным для него. Если бы он каким-то образом пересек три тысячи световых лет, а то и больше, все равно он не смог бы очутиться в *прошлом* Земли. В будущем — да, в настоящем — возможно, в прошлом — никогда. Прошлое ушло безвозвратно, и всевозможные путешествия во времени порождают неразрешимые парадоксы. Он не может физически участвовать в событиях прошлого, не изменяя историю, а это уже само по себе означает, что это не прошлое. Вот почему прошлое недостижимо.

Но ведь он несомненно был *где-то.* Приключения были слишком реальны, боль слишком чувствительна, а события слишком взаимосвязаны и логичны для тривиального кошмара. Он все больше и больше убеждался в том, что самому ему отсюда не выбраться. Он знал слишком мало и был слишком слаб, настолько, что ему пришлось даже вверить свою судьбу незнакомой женщине.

Так что, пришло время признать свою неполноценность и вызвать Шена? Он отгонял от себя эту мысль, но знал, что Шен моментально сориентируется в исторической обстановке и установит не только точную дату событий, но и найдет

различия между историей этого мира с истинной историей Земли. И Шен точно смог бы повернуть вспять тот процесс, который зашвырнул Иво сюда и вернуться назад, к Афре, Гротону, Беатрикс, на базу Нептуна.

Но ведь Шен вполне может быть уничтожен затаившимся в памяти Иво разрушителем, прежде чем сможет что-то осуществить. Тогда его сознание просто умрет, а вместе с ним и та его часть, та мечта Шена, имя которой — Иво.

Лучше не рисковать. Пешка все еще связана. В этой ситуации он должен разобраться сам.

Это решение вызвало новый поток мыслей. Теперь он понял, что обеспокоило его в словах Айи во время их первой встречи.

«— Кто вы?» — спросил он тогда ее. А она немедленно ответила:

«— Я Айя. Я не поклоняюсь Мелкату и не одобряю человеческие жертвоприношения».

Ну, что-то в этом роде.

Откуда она знала, что он бежит из храма и почему за ним гонятся?

Конечно, это вполне могла быть и догадка — но ведь она даже не спрашивала его. Она знала. Она сразу сказала то, что усыпило его бдительность, потом еще больше ослабила его подозрение,

представившись еще одной гонимой. Она сказала, что хочет сбежать с острова, но на самом деле, ее истинной целью было следовать за ним, куда бы он ни пошел.

Он вспомнил свою беседу с Маттаном. Маттан был явно неудовлетворен его рассказом, но не стал настойчиво докапываться до происхождения Иво. Вместо этого он направил своего гостя в храм для дальнейших переговоров, а на пути стражники разыграли перед ним диалог, из которого он должен был узнать якобы истинные намерения Маттана.

Маттан был не дурак, в этом не приходилось сомневаться. Что, если у него были веские основания считать Иво шпионом, который отказывается говорить правду и сочиняет небылицы? Поможет ли в этом случае пытка? Возможно — но могут быть и неприятные последствия, если, например, незнакомец невиновен и имеет могущественных покровителей. Они могут быть у него, даже если он действительно прибыл шпионить. В таком случае, почему бы не позволить шпиону сбежать и проследить за ним? Есть ли более надежный способ узнать правду?

Опытный шпион, несомненно, знает многие диалекты. Он поймет диалог наемников и будет

действовать нужным образом. Иво вспомнил, что ему буквально под кос сунули меч, когда стражник повернулся к нему на ступенях храма, и как неповоротливы были солдаты, хотя, по всему было видно, что это опытные служаки; так что даже его неуклюжие действия возымели успех.

Конечно, жрец попытался обмануть его, но, скорее всего, ему просто не успели сообщить о том, что затевается, либо он был трусом. Затем погоня по городу — все улицы закрыты, кроме одной, в конце которой его поджидает симпатичная Айя. Она так старалась втереться в доверие к нему, но ее личной заинтересованности в деле не хватило даже, чтобы не уснуть до любовной развязки их встречи. Что ж, по крайней мере, теперь он не чувствовал себя обязанным за ее помощь.

А что бы произошло, если бы он кротко проследовал с двумя стражниками в храм? Скорее всего, ничего. Тем самым он бы продемонстрировал свое незнание диалекта наемников, развеял бы все подозрения в шпионаже, показал бы свое полное невежество в вопросах религии. Тогда он мог бы рассчитывать на то, что с ним будут обходиться как с почетным гостем из далекой страны. Способность к языкам выдала его.

Способность к языкам?

Он бросил весло, лодка судорожно дернулась, потеряв один из двигателей.

— Осторожней, дорогой, — воскликнула Айя.

— Мне тут пришло в голову, что плыть мне некуда, — сказал он ей, стараясь не пропустить ни одного ее движения в темноте.

— Некуда, но…

— Америка слишком далеко, а в любом другом здешнем городе мне будет не лучше, чем в Тире. Так что мы вполне можем вернуться назад.

— Но Маттан…

— Что Маттан? Не сомневаюсь, что я смогу все ему объяснить и все уладится.

— Уладится? После того, как он послал вас в жертву Мелкату?

— Я только шел в храм, чтобы поговорить с местными жрецами. Маттан мне так сказал. Допускаю, что тот жрец, которого я встретил, собирался принести меня в жертву, но теперь, надеюсь, все уже прояснилось. Такие маленькие накладки иногда случаются. Я сразу должен был понять, что это какое-то недоразумение.

— Недоразумение! Как вы можете быть настолько слепы… — она замолчала. — Ну, а что же будет со *мной?* Вы не поможете мне сбежать?

— От кого?

— От жрецов. Я же вам говорила, что они хотят превратить меня в раба…

— Но вы же говорили, что мужчина не может причинить вам вреда? У вас будет хорошая жизнь в храме, теплая постель и каждую ночь новый корабль в вашей гавани — как раз то, что вам нужно.

В какое-то мгновение ему показалось, что он получит сейчас удар веслом, но, вместо этого, она ответила упавшим голосом:

— Вы знаете, что Маттан делает с разоблаченными шпионами?

— Вы имеете в виду тех, кого он ловит? Имею некоторое представление.

— Нет. Тех, кого он *посылает.*

Теперь он понял, куда она клонит.

— Жертвоприношение?

— Да, невеста Мелката — и у нашего Ваала пылающий член.

— А что, если мы доберемся до материка, я высажу вас, а сам вернусь назад? Я хочу как можно скорее повстречаться с Маттаном и все прояснить.

— Вы не сможете сами управлять этой лодкой.

— Может, мне удастся найти каноэ или что-то в этом роде? Как нибудь выкручусь. А вы можете

отправляться домой, в Урарту.

— Я на самом деле не из Урарту.

— Хм, а я вот *на самом деле* из Америки.

— Останьтесь со мной, — взмолилась Айя. Она оставила весло и потянулась к нему. — Я могу вас провести мимо патрулей солдат, которые ищут сейчас нас, а когда мы будем свободны, я обещаю вам, что не усну до тех пор, пока вы не обессилите. Пока корпус вашего корабля не покроется волдырями. Я буду воровать для вас. Я буду…

— Спокойнее, — сказал он, так как Айя стала опасно раскачивать лодку, пытаясь его обнять. Ее тело было прекрасно, но Иво совсем не нравились мысли, роившиеся в этой симпатичной головке.

— Увы, но ваши обещания не убедительны. Или это угрозы?

Она задумалась и спросила:

— Чего же вы хотите?

— Верьте или нет, но я хочу домой. И в этой поездке вы не сможете составить мне компанию. Я ухожу к звездам.

— Я могу познакомить вас с лучшими астрологами, — ухватилась она за эту мысль.

Он хрипло рассмеялся. Затем, как и в прошлую ночь, он передумал. А почему бы и вправду не встретиться с хорошим астрологом? Разве Гротон

не говорил ему, что они были традиционно самыми образованными людьми?

— Где?

— Говорят, что самые лучшие астрологи живут в Вавилонии. В частности, в городе Харран. Мы можем присоединиться к торговому каравану…

— Сколько времени займет такая поездка?

— Путь лежит через Великие Пустыни, где рыскают банды кочевников.

— Но насколько это *долго?*…

— Недолго. Дней тридцать, а то и двадцать пять.

— К черту Вавилонию. Кто есть здесь, в Тире?

Она задумалась.

— Здесь живет Горолот, но он очень стар, а вот в других городах…

— Должно быть, он очень мудр, если стар. Он честный ученый, или шарлатан?

— Честный. Потому-то он и беден. Но вот в других местах…

— Горолот подойдет, мы встретимся с ним сегодня же.

— Сегодня! Он, наверное, уже спит.

— Придется его разбудить.

— У нас нет денег на гонорар.

— Вы ведь хотите мне помочь, не так ли?

— Но мы покинем Тир после встречи с ним?

— Спящая Красавица, я могу вообще покинуть этот *мир* после встречи с ним.

Она принялась работать веслом, пока лодка не развернулась на обратный курс.

— Я тут кое-что придумал насчет гонорара, — сказал Иво. — Если Горолот стар, беден и честен, то у него нет слуг, верно? А молодая, красивая женщина способна творить чудеса в качестве домохозяйки, к тому же она может создать неплохую рекламу его бизнесу. И…

— Я не домашний раб! — с негодованием воскликнула она.

— И Маттан никогда не узнает, что домашняя рабыня у престарелого астролога на самом деле провалившийся шпион, либо, что в общем-то одно и тоже же, потенциальная невеста Мелката.

Она молча продолжала грести.

Разбуженный громоподобным стуком в дверь, Горолот вышел к ним. Астролог производил впечатление заспанного старого жулика — запавшие глаза, седая спутанная борода, неопрятная одежда. Он согласился рассмотреть случай Иво, как только будут оговорены условия.

— Весьма сожалею, что не могу предложить вам ничего лучше, — начал Иво, — но я первый раз в

ваших краях и не знаю, когда еще буду здесь. Зовут ее Айя — вам придется изменить ее имя — не очень-то надежна и за ней нужен глаз да глаз…

— За мной не нужно будет присматривать! — гневно прервала его Айя. — Я могу работать не хуже, чем любая девушка в этом городе!

— Советую не доверять ей вести переговоры с клиентами, так как она совсем не умеет торговаться…

— Я умею торговаться! Вы сами увидите!

— И скорее всего она сбежит через неделю-другую, но все равно..

— Я не убегу!

— Но в деле она ничего, если только не уснет на рабочем месте.

— Я… — она бросила на него уничтожающий взгляд и закусила губу, до нее дошел смысл его шутки.

Иво и Горолот присели за рабочий стол астролога. Иво не увидел вычурных рисунков планет, звезд и прочей атрибутики, сам Горолот так и остался в своем затрапезном наряде, по-видимому, у него не было обычной для людей его профессии мантии, а засаленная тога — это было все его богатство. Обстановка не производила особого впечатления, хотя это еще ничего не

говорило о профессиональных достоинствах Горолота.

— Когда вы родились? — спросил Горолот.

Иво замешкался, не зная, что ответить, но, немного подумав, решил, что сообщит дату по местной системе время исчисления, за исключением года. А год рождения он вычислит, отняв свой возраст от нынешнего года этого мира. Получалось, что он родился в четырнадцатый год Хирама великого.

Горолот вытащил свиток из выделанной верблюжьей шкуры и несколько глиняных табличек.

— Не ожидайте много, — предупредил он. — Мы еще не понимаем в полной мере то, что говорят нам светила и планеты, поэтому я не раз ошибался. К тому же, зачастую вавилонские и египетские интерпретации противоречат друг другу. Я просто дам вам свои предсказания, но за верность их поручиться не могу.

Иво кивнул. Этот человек действительно был честен, да еще и скромен вдобавок. Сколько же богатых клиентов он отвратил своей искренностью и прямотой?

Около часа астролог анализировал свои записи, складывая воздействие семи планет — Уран,

Нептун и Плутон не были известны древним финикийцам. Иногда он задавал Иво вопросы. Айя становилась все более нетерпеливой.

— Другие сразу дают ответ, — прошептала она.

— Другие — шарлатаны, — ответил Иво.

Горолот работал, не обращая внимания на их разговор. Наконец, он оторвал свой взгляд от записей.

— Было ли в вашей жизни событие, которое…

Иво рассказал ему то же, что в свое время изложил Гротону, слегка изменив детали. Но астролог остался неудовлетворенным. Он что-то бормотал, качал головой, раздраженно рылся в свитках и таблицах, еще и еще раз сверяя тексты.

— Ничем не могу вам помочь, — внезапно произнес он.

Айя было открыла рот для возражения, но Иво жестом заставил ее замолчать.

— Вы мне и так здорово помогли, — сказал он. — Я вижу, вы что-то узнали. Что это?

— Ничего.

— И вы все время раздумывали ни о чем? — не выдержала Айя.

— Знаки противоречивы, я же предупреждал вас, — ответил Горолот Иво. — Но меня смущает больше всего тот факт, что надежность некото-

рых предсказаний не вызывает сомнений, но как раз они кажутся самыми невероятными. Либо вы никогда не родились, либо вы прибыли сюда из столь далеких краев, что люди рождаются в них под неведомыми мне знаками. — Горолот пожал плечами. — Но вы должны были когда-то родиться, так как я ясно вижу вас перед собой, а в джинов я не верю. Знаки не врут, все сходится. Значит, где-то есть ошибка, но найти ее мне не под силу. Я стар и болен, мой разум, должно быть, ослаб. Забирайте вашу девушку-служанку и уходите.

— Так вы признаете, что вы — шарлатан! — воскликнула Айя.

— Нет, — твердо сказал Иво. Я никогда не был рожден, но я *буду* рожден через тысячи лет. В мое время созвездия выглядят иначе, открыты новые планеты; значение некоторых знаков изменилось с течением времени.

Горолот пристально вглядывался в черты лица Иво при мерцающем свете оловянного светильника.

— Мои диаграммы тоже говорят об этом, но я встречаю такое первый раз в жизни. Я все время считал себя здравомыслящим человеком и всю свою жизнь отрицал возможность влияния сверхъестественных сил на дела и судьбы людей.

Но вот вы передо мной — реальный, но необъяснимый. Вы и вправду разыгрываете старика?

Айя молчала и внимательно смотрела на Иво. Волосы ее казались еще краснее, а черты лица почти знакомыми, не финикийскими, это было лицо женщины из его мира. Она казалась изумительно красивой.

— Вы говорите на других языках? — спросил Иво астролога: Тот кивнул. — Я докажу вам, что я не из этого мира. У меня способность к языкам.

— Вы знакомы с этим языком? — спросил, улыбаясь, Горолот не по-финикийски.

— Египетский, восточный диалект, — ответил Иво на том же языке.

— А с этим?

— Фригийский, так говорят лидийские племена.

— Никто в Тире не знает этот язык, а я выучил его по своим пергаментам, — с трудом подбирая слова, сказал Горолот.

— Не удивительно, этот язык — основа будущего этрусского. В вашей фразе есть одна неточность, если позволите, я произнесу ее правильно.

Он повторил фразу, исправив ошибку. Горолот не сводил с него удивленных глаз.

— Вы правы, сейчас я вспомнил. Вы говорите

на нем гораздо лучше, чем я. — Он снова перешел на финикийский. — У вас действительно способности к языкам, но вы слишком молоды, для того, чтобы овладеть им здесь. Значит вы…

— Я не верю в это, — сказала Айя неуверенным голосом.

— Значит, вы из Угарита, причем из крестьянской семьи, — резко ответил ей Иво.

Айя выглядела испуганной.

Иво повернулся к Горолоту. Черты лица астролога начали меняться — седая борода поредела, уступила место гладко выбритому подбородку. Лицо пополнело. Грубо оштукатуренная стена превратилась в металлическую панель.

Перед ним сидел Гротон, лицо его выражало отчаянную надежду. В стороне стояла Афра и тихо плакала.

— Я вернулся, — сказал Иво.

— Это все штучки Шена, — пояснил он. Афра и так, очевидно, знала его секрет, посему скрывать правду смысла уже не было. — Прошло много времени, прежде чем я это понял, вероятно, потому, что он всячески пытался скрыть от меня свидетельства, которые натолкнули бы меня на его след, и сам я поначалу не хотел верить в иллюзорность происходящего. Но даже гений

не сможет убедить простого человека, что белое — это пурпурное. По крайней мере, это удается не всегда, особенно если пурпур смердит.

Но он же не рассказал еще о красителе!

— Способности к языкам — вот был ключ к решению загадки. У Шена они были, и ему пришлось снабдить ими меня, чтобы я смог должным образом вписаться в события, иначе я бы выскочил из этого мира назад, как пробка. Когда я понял это, я уже был на пути к победе, поскольку знал, кто стоит за всем этим.

— Но почему? — допытывался Гротон.

— Почему он сделал это? Очень просто. Потому что он хочет выйти, и не может, если только я не отрекусь от себя. Он пытался загнать меня в такую ситуацию, в которой он будет единственным избавителем и надеялся, что я капитулирую. Может, он забыл, насколько я упрям.

— Но разрушитель…

— Либо он не знает о нем, либо боится.

— Почему он не дал вам один язык — финикийский?

— Так не получается. Он не может дать мне часть своего таланта. Насколько я понимаю, речевых центров в мозге не так уж и много.

— Выходит, английский занимает один центр,

а все остальные языки мира — другой? — сказала Афра. — Это нелогично.

— Шен нелогичен по нашим меркам. Может, у него все устроено по-другому. Во всяком случае, или получаешь все, или ничего.

— У вас это осталось? — спросила Афра, вытирая слезы с лица.

Сейчас она настолько походила на Айю, что Иво даже опешил. Очевидно, одна девушка послужила прообразом для другой, точно так же, как астрологу реальному соответствовал астролог вымышленный.

— Нет.

— Он забрал способность назад, когда вы вышли оттуда? — спросил Гротон.

— Нет. Я оставил ее там. Она мне не нужна.

Все удивленно уставились на него.

— Это не так просто объяснить. Между нами есть некое соглашение, но оно нигде не записано и весьма расплывчато. Он может дать мне что-то, вроде интуитивной логической способности, а я могу принять или не принять этот дар. Но я не могу взять у него то, что он не желает мне дать, и он не может всучить мне насильно то, что мне не нужно. Этот эпизод — особый случай, я сильно устал и потерял контроль над собой. В результате

принял от Шена больше, чем следовало. Обратно прокладывать дорогу мне пришлось, уже играя по *его* правилам, то есть, почти без правил. И я не взял его дар с собой, оставил там.

— Не понимаю! — воскликнула Афра. — Способности к языкам! Знать все языки, на которых когда-либо говорило человечество!

— Как только я принимаю от Шена какой-то его талант, я оказываюсь ближе к нему.

— Но если бы вы могли взять все и остаться самим собой…

Аргументы в духе Айи.

— *Я не могу.* Сейчас, такой как я есть, я, ну, скажем, на десять процентов Шен. Языки — это уже пятнадцать процентов, затем, мне может показаться мало, и я захочу, например, артистических способностей и образного мышления. Затем мне не будет хватать физической ловкости — ведь приятно стать чемпионом во всех видах спорта, уметь жонглировать или безошибочно бросать игральные кости. Так, постепенно. Шен и получит решающее преимущество. Это, может, выглядит не так грубо, как в случае с разрушителем, но для меня результат будет тот же.

Тут ему в голову пришло, что он именно потому избежал разрушителя, что всю жизнь боролся,

сохраняя свою личность от порабощения.

— Так вот каким образом вы можете превратиться в Шена?

— Один из способов. Но есть и другие.

Он решил сменить тему разговора.

— То, что я когда-то действительно знал все языки, никак не отразится на моей дальнейшей жизни. Все, что там говорили, для меня было как синхронный перевод на американский вариант английского. Вполне достаточно для правдоподобного сна.

— Сна? — переспросила Афра.

— Приключения в Финикии, о которых я упомянул. Мне казалось, что прошло несколько дней, но…

— Может, нам лучше прослушать одну из пленок? — предложил Гротон.

— Пленок? — на этот раз недоумевал Иво.

Афра уже возилась с аппаратурой.

— Слушайте, — она нажала кнопку воспроизведения.

Из динамика полилась какая-то тарабарщина.

— Это было вчера, — сказала Афра. — Точнее, около двадцати семи часов назад. Ваш голос.

— Я *говорил*?

— На древнефиникийском, причем бегло.

Мне удалось разобрать кое-где слова, мы нашли нужную программу, пропустили запись через компьютер, и он выдал перевод. Хотите посмотреть?

— Да, хотелось бы.

Она подала ему распечатку:

«Вы доверяете себя незнакомцу? Преступнику, который вполне может быть насильником или даже убийцей? Нет, Иварч из Америки. Меня подобрал корабль и доставил для допроса к Маттану. Я не понимаю, почему он послал меня в жертву. Как могло…»

Иво смутился.

— Этого достаточно. Вы перевели все, что я говорил?

— Да. Мы были вынуждены.

— Мы запустили программу перевода в режиме реального времени, — сказал Гротон. — И все время следили, на тот случай, если появится какая-то возможность помочь. Правда, незадолго до вашего пробуждения программа сбилась, так как вы перешли на незапрограммированные языки.

Иво попытался вспомнить все, что говорил там, особенно Айе. Он почувствовал, что щеки его начинают пылать.

— Как же вам удалось выбраться, — спросил его

Гротон. — Мы знаем, что там происходит что-то необычное, но не могли понять *что*. Вы говорили кому-то *там*, что вы на самом деле *здесь*, но…

— Я говорил вам, Гарольд.

Сказав это, он понял, что Гротон стал Гарольдом и в мыслях, а не только на словах. Это многое значило.

— Ну, если не вам конкретно, то вашему духу-предку. Астрологу, честному и умному человеку. Я вспомнил, что в те времена они были самыми образованными людьми, потому что они были самыми настоящими астрономами и психологами, задолго до того, как эти науки разделились; они всегда стремились к постижению сути вещей. Я подумал, что если мне удастся убедить хоть одного умного человека в том мире, что я пришелец из другой реальности, то в построениях Шена появится брешь, ну, по крайней мере, трещина. Полагаю, я таки убедил того астролога, так как все получилось.

Он вспомнил о судьбе старика Горлота:

— Думаю, Горлот не сильно расстроился, когда я исчез.

— Айя утешит его, — с мягкой иронией поддержала его Афра.

Немного же времени ей понадобилось, чтобы

оживить свой традиционный цинизм. По *нему* ли плакала она, когда он вернулся из Тира?

— Это похоже на прыжок при гравитационном коллапсе, — сказал Гротон. — Хотя сей раз можно было бы сказать, что это коллапс веры. Вы и вправду верите, что тот мир реален?

Он только интересовался мнением Иво, а вовсе не пытался провести психологический тест.

— Не хотелось бы думать, что все это сон. Я ведь на самом деле говорил по-финикийски.

— Я знаю, чем мы сейчас займемся, — объявил Гарольд. — Нам лучше сделать перерыв. Все уже позади, мы все переволновались, а моя жена даже…

Вошла Беатрикс, в руках у нее был поднос. Почему-то ее появление напомнило Иво, что они находятся в поле действия гравитационного компенсатора, а не в фокусе гравитационной линзы, как на Тритоне, так как их станция находится на планете-гиганте, Нептуне.

Насколько эта ситуация нелепей, чем та, в которой он оказался в древней Финикии!

Беатрикс увидела его:

— Иво! — радостно вскрикнула она. — Вы вернулись!

Теперь уж все окончательно встало на свои

места.

Хотя прошло три дня, для Иво все еще было внове спать на мягкой современной постели, не страдать от раны в плече и пореза на ладони. Он слишком сроднился с тем, древним миром, слишком многое там пережил. Тогда у него была одна мысль — поскорее выбраться, а сейчас он сожалел, что покинул тот мир, и это чувство казалось ему каким-то извращением. Неужто душа его жаждала античных приключений?

Там он был мужчиной — среди постоянной опасности и лишений, но мужчиной. Здесь же он был не более, чем суррогатом, хорошо воспитанным временным заместителем Супермена. Он сомневался, что сможет устоять перед соблазном, если Шен предложит ему такое приключение еще раз. Дать Шену все, что он хочет, в обмен на удовлетворение? Ведь, стоит ему только этого пожелать, и Шен не сможет отказать ему — он связан соглашением. Тоща Шен отправит Иво в один из фрагментов своего мозга и создаст там ему фантастический мир, чтобы он там мог жить своей жизнью вымышленного героя. Это будет, наверное, недолгая жизнь, но все же… А сам Шен вернется в реальность.

Рядом раздался звук шагов, Иво вздрогнул.

— Добрый вечер, Иво.

Афра.

Она присела рядом с ним — свежая, надушенная, белоснежная, элегантно одетая.

— Я догадываюсь, о чем вы думаете. У вас ностальгия по тому миру.

— Это так. Но того мира не вернуть.

— И вы боитесь, что опять попадете туда, когда будете работать на макроскопе, или еще каким-то образом.

Он кивнул. Афра была прекрасна в полумраке, он ощущал присутствие ее всем телом, казалось, он чувствовал исходящие от нее потоки тепла. Это была всего лишь игра воображения, но впечатление создавалось сильное.

— Айя — это была я?

— Нет. Она была шпионкой и куртизанкой.

— И все же она могла быть мной. Имя похоже. И меня использовали как приманку для вас — там, на станции, чтобы Шен всегда был под рукой. Я не очень-то горжусь этим периодом своей жизни.

— Вы же не знали.

— Я должна была догадаться. Я не люблю быть дурой, тем паче в таких ситуациях. Брад говорил мне, что я должна быть с вами помягче. Я, я пытаюсь сказать, что очень сожалею. И об этом, и о

много другом. Но я пришла не за этим.

Иво решил, что безопаснее будет промолчать.

— Думаю, что сейчас всё, как тогда — когда я потребовала, чтобы вы меня ощупали. Я должна выговорится. И я все скажу. Я ведь слышала, что вы ей говорили. Обо мне.

О Боже!

— Этого я и боялся.

— Не извиняйтесь, не надо! Это *моя* вина. Я была то ли черствой, то ли слепой, то ли все вместе. Я не знала, правда не знала — пока не прочла распечатку. Я не знала, что вы любите меня.

— Я не хотел, чтобы вы узнали. Мне лучше просто забыть обо всем.

Она не шелохнулась, но Иво показалось, что она склонилась над ним.

— Ведь ничего не изменилось, Иво. Вы все еще любите меня — и я этого не забуду. Я… ну, вы знаете мое положение. Я не могу сказать вам, что люблю вас или когда-нибудь буду любить.

— Понимаю.

— Но Айя — она предложила вам себя, и вы желали ее. Но сказали ей…

Иво опять ощутил, что его лицо запылало.

— Может, нам лучше забыть об этом?

— Нет, Иво. Вы обнимали ее и вам пришлось

читать ей стихи — но вы не стали заниматься с ней любовью. А могли бы.

— Откуда вы знаете. Это было мое видение.

— Не совсем так, Иво. Я ведь все знаю. Неужели вы думаете, что это был невинный детский сон? *Я была с вами.*

Иво думал, что самое неприятное позади, но она дала ему понять, что он всего лишь несмело топтался на краю пропасти. А теперь он свалился в нее.

— Я знаю, вам больно это слышать, но я должна вам сказать. Девушка, которую вы обнимали — это была я, обнаженная, на все готовая…

Что тут ответить?

— Но я…

— Я говорю вам, вы могли это сделать. Не могу сказать, что сожалею о вашем отказе.

— Но *почему?*

— У меня появилась сумасшедшая идея, что, если я смогу найти дорогу к вам, из этого мира в тот, то смогу вернуть вас. Я чувствовала себя обязанной… виноватой, может, это более подходящее слово. Все получилось спонтанно. Мне не давала покоя одна мысль — как-то Брад сказал мне кое-что о Шене, но я не сообразила сразу. Я, конечно, не смогла понять сразу, где Шен — мне

понадобилось слишком много времени, чтобы сложить два и два. Я подумала, что если Шен победит, то мне… ну, я не знаю. В общем, я должна была что-то предпринять. Я просматривала перевод, когда все спали, и мне пришло в голову, что время настало. Вы вправду всем нам нужны, Иво. Честное слово. Без вас мы не сможем определить наши координаты в галактике. По крайней мере, с требуемой точностью.

Она говорила отрывисто, выкладывая ему все оправдания, которые только приходили ей в голову. Будто извиняясь за то, что когда-то предложила ему свое тело, пусть и в другом облике. Иво горько подумал, что если она стыдится этого импульсивного поступка, то извинения здесь уместны. Ведь она же говорила, что не любит уподобляться проститутке.

Она приняла его молчание, как возражение.

— Нам необходимо было вернуть вас. Это же так очевидно. Между нами нет секретов, если говорить теперь, после деструкции. Представьте, что вы падали, а я протянула вам руку — принцип тот же. Ведь вы протянули мне руку — тогда, во время суда, на Тритоне. В этот раз была моя очередь… отплатить…

Самое смешное, что это могло сработать. Если

бы он тогда пошел на половую связь с Айей, вернулся бы он в этот мир? Конечно же, да, сомнений тут быть не может.

— Благодарю вас за этот благородный жест, — ответил он, чувствуя себя рыцарем.

— Теперь, когда мы прояснили все в наших отношениях, — с облегчением сказала она, — остальное понять не сложно. Я хочу, чтобы вы знали. Вы нужны этому миру больше, чем тому. Этот мир способен *дать* вам больше. Вот видите, все так просто.

— Для меня это все сложно. К чему вы клоните в этот раз?

— Вы любите меня. Вы нужны мне. Я понимаю, это не одно и то же, но давайте будем откровенны. Если мои объятия удержат вас здесь, я обниму вас. Я дам вам все, что могла дать вам Айя. Все, что может дать вам любая женщина. Вам не понадобится уходить в какой-либо другой мир — вы *не должны* уходить от нас…

— Не могу не отметить, вы очень похожи на Айю.

Комната освещалась не колеблющимся пламенем масляного светильника, но все равно в глазах Иво классические линии ее лба, носа, подбородка вдруг задрожали.

— Это не комплимент, а правда, — сказала она. — Все продают то, что имеют. Мужчины свои мозги, женщины — тела. Это благороднее, чем лицемерить.

Прошло несколько долгих мгновений, пока Иво соображал, что же ей ответить, но в конце концов пришел к выводу, что ей и так известны его ответы. Раньше она говорила одно, а думала другое, теперь же, когда в душе ее происходила борьба низкого и высокого — правда всплыла наружу. Афра продавала ему свою любовь — то, что он меньше всего желал бы купить у нее, но ведь любовь была единственным, что она могла ему предложить.

Опять та же мысль, что посетила его в Тире — почему бы не воспользоваться тем, что доступно? Раз он хотел взять тело Айи, представив, что это Афра, то почему бы не взять в руки это тело, представив, что это Айя? Обе женщины руководствовались в своих действиях расчетом, зная, что любимых не вернуть, — разве это не благоразумно?

Но он еще в Тире твердо усвоил одну истину: *не ищи спасения в подделках.*

Она неподвижно уставилась в сторону. «Посмотри дорогая, там, за дюнами…»

Когда он уснул, она все еще сидела рядом.

На болотах Глинна царила ночь. Нужно было либо подождать несколько часов до рассвета, либо двигаться к той части планеты, где сейчас был день.

Ладонь Афры сжала его руку.

— Если вы уйдете, я надену шлем и пойду за вами, — сказала она.

Это была угроза, так как там она встретит не древних финикийцев, а разрушитель.

— Я отдохнул и не теряю бдительности, — ответил Иво. — Бояться нечего.

Но ему было приятно прикосновение ее пальцев — почти любовное пожатие. Несмотря на то, что он отверг ее прошлой ночью, сегодня она общалась с ним с необычайной теплотой.

На первый взгляд, Тир не изменился.

Все те же военные корабли стояли в гавани города-острова, все те же сгрудившиеся дома. Он узнал храмовый комплекс и то место, где ночью он наткнулся на Айю.

— Мы по-видимому, не сдвинулись, — недоуменно пробормотал он.

Иво подумал с удивлением, как это он мог увидеть так подробно город, ведь они наверняка оттащили его от макроскопа, когда он свалился в

Средиземное море. Значит, он был здесь!

— Похоже, прыжок на сорок лет, — предположила Афра. — Вперед, назад или в сторону. Вы можете найти характерные детали?

Она отпускала его руку только для того, чтобы позволить скорректировать курс.

Он сфокусировал макроскоп на доме Горолота. В нем жили какие-то незнакомцы, да и очертания здания изменились, будто его перестроили. Иво разочарованно остановился, хотя и понимал, что если бы он увидел Айю и Горолота, то эффект был бы непредсказуем.

— Ты *можешь* вернуться, — сказал ему по-финикийски мужской голос.

Иво сжал руку Афры:

— Тащите меня! — прокричал он. — Это Шен!

Он, как бы издалека, почувствовал прикосновение ее руки. Она сняла с него окуляры, но картина не изменилась.

— Почему ты противишься мне? — спросил Шен, на сей раз голосом Иво.

— Прежде всего, потому что тебя убьет разрушитель, как только ты завладеешь телом. Разве тебе это не известно?

— Когда я завладею телом, — сказал Шен таким тоном, словно не сомневался, что это в конце кон-

цов произойдет, — у меня будет в распоряжении вся твоя память, и я смогу взять все, что пожелаю. Сейчас у меня практически ничего нет. Мне трудно даже связываться с тобой, и Это удается лишь тогда, когда твой разум на чем-то сосредоточен. Так что я не знаю, в чем проблема, мне известно лишь, что у вас происходит что-то интересное.

Где-то, бесконечно далеко, чьи-то руки теребили Иво.

— Подожди-ка минуту, Афра, — отозвался Иво. — Он хочет только поговорить.

— Не доверяйте ему, — донесся ее голос откуда-то из бесконечности.

— Дайте мне две минуты.

— У маленького пуританина Иво появилась подружка? — спросил Шен. Он скорее всего что-то знал, но что именно?

— Нет. Слушай, мне нужно объяснить, почему я не могу отдать тебе тело. Мы имеем дело с внеземным сигналом…

— Я могу подарить тебе удачу рыцаря-любовника. Ни одна женщина не устоит против этого. Черная бородавчатая жаба сможет соблазнить принцессу.

— Я это знаю, но не стоит. Эта галактическая цивилизация передает сигнал, который мы на-

звали разрушителем…

— А что, если тебе выпустить меня на определенный период? На время, достаточное для решения всех ваших проблем?

— Нет! Ты не понимаешь, что я…

— Сынок, ты пытаешься учить *меня*…

Волна холода, окатившая тело, напомнила Иво падение в Средиземное море. Он взглянул вверх. Над ним стояла Афра с ведром в руках.

— Да, хорошее средство, — сказал он, отряхиваясь.

Она обрушила ему на голову три галлона ледяной воды.

— Вы теперь каждый раз будете попадать в ловушку Шена при работе со скопом? — спросила она. — Вы опять говорили по-финикийски, я поначалу растерялась, но прошло не больше двух минут. Что он хотел?

— Он хочет выйти, — сказал Иво, дрожащими от холода руками стягивая с себя мокрую одежду. — Но он не может выйти, пока я ему не позволю.

— А как же разрушитель?

— Похоже, он не знает о нем и слышать не хочет. Он меня все время перебивал, не давая говорить.

— Он *должен знать о разрушителе.* Как тогда объяснить послание — «Моя пешка связана»? Он все знал еще тогда.

Чтобы согреться, Иво попытался попрыгать на месте. Но быстро остановился — мокрый пол был слишком скользким под босыми ногами.

— Я не подумал об этом. Значит, он лгал.

— Это тоже маловероятно. Если бы он знал, что разрушитель подействует на него, то разве стал бы рисковать и выходить на него? А если он знает, что разрушитель ему не опасен, то почему тогда прямо не скажет этого? Так что вариантов остается немного.

— Это натолкнуло меня на одну мысль, — сказал Иво. — Он ведь совсем не похож на гения. Я никогда раньше прямо с ним не общался, но сейчас, во время беседы, я не мог отделаться от ощущения, что торгуюсь с ребенком.

— Ребенок… — она принесла полотенце и принялась вытирать ему спину. Иво вспомнил, что он в первый раз, неосознанно, разделся перед ней. Они видели тела друг друга во время деструкции, но это совсем другое дело. Один за другим, сами по себе, падали барьеры между ними.

— Сколько ему было лет, когда…

— Я точно не знаю. Понадобилось некоторое

время, чтобы моя личность устоялась. Я помню кое-что вплоть до пятилетнего возраста, но провалы в памяти кончаются только в девять лет. Но это вовсе не означает, что Шен выходил в этот период.

— Значит, Шен никогда не был взрослым?

— Похоже, что нет. По крайней мере физически.

— И *эмоционально. Вы* мужали, не он. Не удивительно, что он кажется вам ребенком. Ума и таланта недостаточно, чтобы сделать человека взрослым. Он любит играть, создает вымышленные миры. Для него добро и зло лишь абстрактные понятия, он ни к чему не привязан и ни во что не верит. Самосознание не развито. Если он и боится разрушителя, то просто старается о нем не думать, не признает его за опасность. Он считает, что сможет справиться с чем угодно, стоит ему только взяться за дело.

Иво задумчиво кивнул, оглядываясь в поисках сухих шортов.

— Но все же у него больше знаний и способностей, чем у любого взрослого.

Она подала ему шорты.

— У шестнадцатилетнего подростка рефлексы лучше, чем у многих взрослых, и он лучше может

разбираться во всех системах автомобиля — начиная от электроники и кончая гидравликой, но все равно, худшего водителя не сыскать. Нужно больше, чем просто способности и знания, нужны самообладание и выдержка. Очевидно, Шену не хватает ни того, ни другого.

— Да, если он сядет за руль — это будет авария века!

— Давайте обезвредим сначала разрушитель, — невесело улыбнулась она. — Но вы были правы в одном: нам лучше обойтись без Шена.

Глава IX

— Итак, мы сделали это, — сказала Афра таким тоном, как будто это была новость. — Пять прыжков, и сейчас мы находимся от разрушителя дальше, чем были вначале.

— Шен говорит, что туда можно добраться еще через шесть прыжков, — сообщил Иво. — Он просчитал конфигурации.

— А откуда он *знает* их? Я думала он не может… ну да, понимаю. Он был с нами, когда мы определяли расстояние по историческим событиям на Земле. Вероятно, он слышит все, что вы слышите, когда работаете со скопом. Но как он мог что-то просчитать в уме, имея столь ничтожную информацию, которая у нас есть?

— Давайте еще раз все обсудим, — предложил Гротон. — Очевидно, мы что-то упустили, если, конечно же, Шен не лжет.

— Он *мог бы солгать*, — ответил Иво. — Но, скорее всего, не опустится до этого. Он не захочет выходить до того, как начнется что-то интересное, а совершать еще шесть прыжков было бы для него страшной скукотой.

— Наш первый прыжок был лет на сорок, в 1930 год, — сказал Гарольд. — Второй — почти на три тысячи лет, как мы выяснили, в 930 год до нашей эры. Разница в 2800 лет, но фактически прыжок получился подальше, пространственно, мы ведь оказались на другой стороне Земли. Затем прыжок наискосок, еще на сорок лет, в 890 год до нашей эры. Дело приняло серьезный оборот, здесь мы уже немного заблудились. И, наконец, прыжок в 975 год до нашей эры, еще один, в то же время — мы просто скользнули по изгибу какой-то петли, никуда не двигаясь. Но, очевидно, Шену это что-то говорит.

Афра повернулась к Иво:

— У вас же есть способности к вычислениям. Неужели вы не можете просчитать конфигурации петель так же, как и он?

— Нет. При своих вычислениях он пользуется не только математикой, ему также известны многие принципы и исходные условия, о которых я не имею понятия. Он соображает гораздо лучше, чем я: его рассуждения — это искусство, тогда как мои — голая логика.

— Наверное, он использует астрологию, — едко заметила Афра.

Гарольд покачал головой:

— Нет, астрология…

— Есть вероятность, что он ее знает, — сказал Иво. — Это не шутка. Вполне возможно, применяя астрологические методы, составить топологическую карту искривлений подпространства галактики. Шену это по силам, он…

— Бросьте, — отрезала Афра.

Гарольд погрузился в размышления. Он *верит,* думал Иво, это открытие осенило его впервые, хотя он предполагал это и раньше. *Он действительно верит.*

А что, если Шен тоже верит?

Откуда человеку знать, где правда, а где ложь, где истина, а где обман?

Даже если астрология и лженаука, применяя ее, Гарольд добился больших результатов, чем Афра со своими истинно научными методами.

— Мне тут пришла в голову одна мысль, — прервала паузу Афра. — А не слишком ли мы упрощенно представляем себе прыжки в пространстве? Мы изобрели примитивную аналогию — веревочка в круге, и забываем о том, что четырехмерное искривленное подпространство — это вещь совершенно иного уровня сложности. Его невозможно изобразить на двумерном рисунке.

— В принципе, я могу сделать объемный каркас

— что-то вроде трехмерной системы координат, — сказал Гротон. — К специальным планкам и листам можно будет прикрепить маркеры. И все, разумеется, прозрачное, так что мы сможем рассмотреть любое место под любым углом. Мы поставим пять известных нам уже точек, посмотрим, подумаем, может, нам и удастся что-нибудь выяснить.

Афра в порыве возбуждения схватила его руку:

— Когда вы все сделаете?

В шестой раз они прыгнули, мягко выражаясь, далековато. Все уставились на экран компьютера, цифры говорили сами за себя.

— Это уже *другой* разрушитель… — заключила Афра.

Сейчас они находились на расстоянии пять тысяч световых лет от Солнца, и на Земле был приблизительно 4000 год до нашей эры. Сигнал разрушителя, который можно было принять на Земле в 80-х годах, исчез, но на этот раз работал другой разрушитель, идентичный первому, но на расстоянии шестнадцати тысяч световых лет и по другому азимуту.

— У меня есть подозрение, — сказал Гарольд, — что мы свидетели самого настоящего галактического заговора. Мечта параноика.

— Я просто в восторге от этого, — ответила Афра.

Он погрозил ей пальцем, словно пятилетнему ребенку:

— Это не случайно, что два аналогичных источника излучения установлены на расстоянии тридцать тысяч световых лет друг от друга, и к настоящему моменту излучение каждого из них распространилось на восемнадцать тысяч световых лет. Обратите внимание, что они оба расположены в среднем поясе галактики. Поставить шесть штук таким образом, а седьмой в центр, и зона излучения охватит подавляющее большинство всех звезд в Млечном Пути.

— А из этого следует, что разрушитель направлен против *всех* цивилизаций, и Земля просто его очередная жертва, — согласилась Афра.

— Это также означает, что эти станции могут быть вооружены, — сказал Иво. — Буквально, я хотел бы подчеркнуть. Иначе они не выстояли бы все эти века против всех галактических цивилизаций, которые, как мы знаем, существуют. — Он помолчал. — Так что, двигаемся дальше?

— Да, вперед! — сказала Афра с такой яростью, что он даже испугался. Она то и дело напоминала подобным образом, что у нее с разрушителем

личные счеты. Она все еще не могла забыть о Браде — принце-божестве, — который умер и не воскрес.

Им поднадоели уже космические путешествия, как минимум они привыкли к ним, но десятый прыжок удивил всех. Он отбросил их на тридцать пять тысяч световых лет и они оказались вне галактики. Прыжок получился почти вертикальным относительно плоскости вращения галактики, и сейчас они висели прямо над гигантским диском Млечного Пути.

Сюда сигнал разрушителя не доходил.

Вся компания собралась у экранов «прямого обзора». Фактически, это было изображение, передаваемое искусственными спутниками, запущенными на орбиту Нептуна. Гарольд не бездельничал в перерывах между прыжками, и ему было с чем поиграться среди имеющейся кучи сложного оборудования. После того, как в конфигурацию фиксирующего поля были внесены поправки на движение объектов, мини-спутники проходили все трансформации и прыжки невредимыми и без изменения орбит.

Перед ними простиралась родная галактика человечества — Млечный Путь, и они были первыми людьми, которые смотрели на нее со

стороны. Взору открывался сектор чуть больше девяноста градусов. Неистовый блеск звезд уже не затуманивала вуаль атмосферы, колоссальные скопления газа и межзвездной пыли уже не закрывали наблюдателю обзор. Это был настоящий лик Млечного Пути, такого, каким он есть на самом деле — на Земле этого увидеть было просто невозможно.

Цвет, неподвластный художнику, ослепленный атмосферой глаз не мог себе такого представить. Красный в центре, где угасали старые светила, и яростно-голубое полыхание на краях — там, где рождались новые.

Невозможно описать весь этот безумный спектр! Для такой гаммы цветов, такого множества оттенков человечество не создало ни понятий, ни определений. Сияющая спираль, гигантский вихрь из бесчисленных ярких песчинок — волна за волной гонит их космический ветер, они то сливаются в комки, то разбегаются в ослепительные россыпи. Млечный Путь был почти прозрачен, и в то же время представлялся невообразимо сложной трехмерной головоломкой.

На краях галактика состояла почти полностью из скоплений космической пыли, которые, разбросав свои щупальца, пожирали свет многих

тысяч звезд. Где-то там, в слоях жидкой атмосферы Млечного Пути, в чреве газовой туманности плавало Солнце со своей жалкой Солнечной системой — пылинка на огромном круге галактики, различимая лишь при сильном увеличении.

С этой точки ясно был виден узор звездных скоплений, из которых появилась галактика — согнутые рукава, протянутые из центра, лопасти из раскаленной материи, берущие начало в клубке звезд и оканчивающиеся в черных пылевых безднах на краю. Эти лопасти оказались вовсе не ровными и не плоскими — они поворачивались то ребром, то плоскостью, напоминая то ли ленту Мебиуса, то ли геликоид галактической молекулы ДНК.

Действительно, думал Иво, ведь галактика — это клетка, со своими космическими органеллами, в ней светится жизнь, она движется, излучает тепло, развивается, и умрет эдак через десяток миллиардов лет.

Иво почувствовал голод и понял, что смотрит на галактику уже несколько часов. Он впал в транс, глядя на нее, так же, как верующий впадает в транс, поклоняясь своему божеству.

Он отогнал галактические чары и оглянулся. Афра стояла ближе всех, все такая же прекрасная

и смертная, она пожирала глазами миллиарды звезд, ее легкие, казалось, вдыхали кубические парсеки космоса.

Гарольд повернулся к нему; Иво с удивлением заметил, что и он, как женщины, сильно похудел за последние несколько месяцев.

Все менялись!

— Вы видели глобулярные кластеры? — спросил Гротон. — Сотни их вращаются вокруг галактики, в каждом по миллиону звезд. Вон один, смотрите! — указал он. — До него, должно быть, тысяч десять световых лет от нас.

Иво увидел то, чего не замечал раньше — комок света, почти рядом, равноудаленный от них и от центра галактики. Он был похож на галактику в миниатюре, правда, совершенно бесформенный, переливающийся, словно неограненный алмаз. Будто когда пряли звездное полотно, маленький клубочек хлопка откатился в сторону. От краев кластера к центру звезды были набросаны гуще, и цвет менялся от ярко-голубого к более спокойному, как и в основной галактике. Они были, несомненно, более молодыми образованиями, чем все окружавшее.

Было видно еще довольно много кластеров, большинство из них концентрировалось у рука-

вов галактической спирали. И каждый, наверное, сам был космосом, и были в них пригодные для жизни планеты и свои звездные цивилизации. Кластеры располагались на сфере, по крайней мере, на полусфере, ибо Иво не мог видеть того, что творится на противоположной стороне диска. Хотя он, естественно, не смог бы заметить их перемещения, ему пришла в голову мысль, что они движутся по орбитам вокруг центра галактики — по вытянутым эллипсам, то касаясь кромки диска, то подымаясь над его плоскостью. Казалось, что некоторые даже врезались в галактическую спираль, но толком разобрать детали было невозможно, так что это вполне могло оказаться игрой воображения.

Он вообразил себе изначальный шар газа и пыли, величественно вращающийся в пространстве, загадочно мерцающий. Большая часть материи образовывала рукава спирали и, соответственно, диск галактики, но несколько отщепенцев пошли своим путем и стали впоследствии кластерами.

Как выглядит вселенная для существа, которое живет на планете, затерянной в одном из этих звездных островов? Не мечтают ли эти существа вернуться на Родину-галактику? А может, их Бог — вихрь тридцать тысяч парсеков в диаметре?

Из кухни появилась Беатрикс, и Иво сообразил, что запахи пищи были виной беспокойства желудка. Беатрикс была для них самой настоящей кормилицей. Хорошо все-таки, что ни говорите, когда *хоть кто-то* смотрит на жизнь практически.

Наконец, и Афра оторвалась от экранов:

— Сейчас мы в зоне приема основного сигнала, но недостижимы для разрушителя, — задумчиво произнесла она. — До странника тридцать тысяч световых лет — так что на Земле и в галактике его еще можно будет принимать, по крайней мере, в течение этого периода. Очевидно, он предшествовал разрушителям, в противном случае их излучение настигло бы нас и здесь. Из этого следует…

— Что задачей разрушителя является подавление внегалактического сигнала, — довершил за нее Гарольд. — Так как мириады местных станций принимаются прекрасно, они не могли служить причиной создания разрушителей.

— Вот вам и ксенофобия! — воскликнула Афра. — И все только потому, что где-то существует более развитая цивилизация!

Гарольд опять погрозил ей пальцем:

— Вы так думаете? Я бы предложил другую

точку зрения.

— Знаю я *ваши*…

— Суп готов! — позвала Беатрикс, в очередной раз в нужном месте прервав спор.

Так как до этого места сигнал разрушителя не доходил, все пошли посмотреть по главному экрану, как работает Иво. Афра могла бы справиться и сама, но в их группе существовало негласное соглашение, по которому макроскоп был привилегией Иво, эта практика позволила овладеть ему макроскопом на таком уровне, что вряд ли кто-то, не имея такого же опыта, мог с ним сравниться.

Это было его шоу, и он был тут звездой.

Он проскочил мимо обычных передач, которые лились здесь таким потоком, что понадобились бы годы, чтобы их только классифицировать. Использовалось несколько различных символьных языков, и Иво пришлось приложить немалые усилия, чтобы овладеть их основами, хотя, по сути, все они были похожи на язык разрушителя. Он миновал основной сигнал — до него время еще дойдет, и вышел в незаполненный передачами диапазон, пытаясь нащупать Землю — мир человека тридцать тысяч лет назад.

И не мог найти ее.

Он еще раз проверил координаты, полученные

из оптических наблюдений Андромеды и второго скопления цефеид, сделал необходимые поправки на вращение галактики и движение звезд в последние 30 000 лет. Все сходилось, он знал, где искать Землю.

Но, к сожалению, ее не было на месте.

— Либо я утратил сноровку, либо тридцать тысяч лет назад Земли еще не было, — расстроившись, объявил он.

— Нонсенс, — отреагировала Афра. — Дайте-ка я попробую.

Она горела энтузиазмом. Иво уступил ей место, чувствуя, что все уже разуверились в его умении. Афра повозилась с управлением минут двадцать, сфокусировала прибор сначала на точке с координатами Земли, затем еще где-то. На экране царил все тот же цветовой хаос — устойчивое изображение не появлялось.

В конце концов она сфокусировала изображение на одном из глобулярных кластеров на краю галактики и получила изображение.

Она настроила компьютер на поиск планетообразных образований в режиме сканирования, и он нашел какую-то планету. Перед ними был темный голый шар, расположенный далеко от своей звезды. В ночном небе на горизонте были

видны отдельные звезды и даже полоска далекого звездного скопления.

— Но это не кластер! — воскликнул Гротон. — Внутри сферического скопления звезд не было бы таких полос.

Афра вновь принялась за настройку, неловко попыталась увеличить картинку и тут же потеряла ее. Она вновь перевела компьютер в режим сканирования, а Иво мысленно выругался — была утрачена интересная информация. Афра тоже начала показывать свой характер.

— Происходит нечто странное, — заметил Гарольд. — То изображение не похоже на ночное небо планеты внутри кластера, это похоже скорее на планету внутри галактики. А та светлая полоса — это же Млечный Путь!

Афра дала компьютеру задание искать планеты типа Земля, оставив тот же азимут, и стала ждать, пока компьютер фильтровал и сортировал потоки макронов. Ситуация была действительно *странная*, и у Афры не хватало практического опыта, чтобы разобраться в ней. Но было бы невежливо указать ей на это.

Появился зеленый ландшафт, планета земного типа, но не Земля. Афра попыталась вручную подстроить изображение и опять потеряла его.

Она не по-женски выругалась.

Внезапно она встала.

— От меня мало толку. Давайте вы, Иво.

Он опять был в своей стихии, позабыв обо всем, используя окуляры, в то время как главный экран оставался включенным. В этом мире он жил и действовал так, как будто компьютер был частью его мозга. Устойчивых изображений не было ни с Земли, ни с других точек галактики. Кроме программ — они проходили прекрасно. Существовало ли радикальное различие между природным и искусственным макронным излучением, так что «проходили» только искусственные макроны? Программы передавались специально созданными генераторами поля II уровня технологии и работали в сильных гравитационных полях. Это все, что он понял из передач местных галактических станций, которые часто обсуждали технические проблемы. Их сигналы были поляризованы, очищены от помех и паразитных гармоник, диаграмма направленности излучения была идеально сферической.

Природные импульсы, наоборот, были слабыми, негармоническими, сильно зашумленными. Природное излучение несло в себе информацию о многих изображениях и еще всякую всячину, в

то время как искусственные лишь об одном или об интегрированном комплексе образов.

Можно сказать, что различие было такое же, как между беспорядочными всплесками воды и направленной струей. Всплеск создает больше возмущений, и они разнообразно взаимодействуют с препятствиями, но струя воды достает дальше, ею можно управлять, а потому она эффективнее.

Что же окружает галактику?

Свет. Газ. Энергия.

Гравитация.

Это Шен прошептал ему на ухо. На беду Иво, им все легче становилось общаться. Шен был намного приятнее, глубоко спящим.

Гравитация: большой кумулятивный эффект, но за пределами галактики происходит сильное ослабление гравитационных полей.

Макроны: порождения гравитационных возмущений, естественно, зависят от них.

А что происходит, когда излучаемые галактикой макроны вырываются во Вселенную?

Сейчас он уже знал ответ. Программы свободно достигали других галактик, если были должным образом сфокусированы и на их пути не было серьезных препятствий. Но природное макрон-

ное излучение не могло проникать далеко, ведь оно изотропно, некогерентно, обладает широким спектральным составом. Его захватывает сильное гравитационное поле (ведь макроны — порождение гравитации) и заставляет их вращаться по галактической орбите — так же движутся по орбитам и глобулярные кластеры.

Но свет — другое дело. Галактической гравитации было недостаточно, для того, чтобы искривить световые лучи. И световые волны шли дальше, оставляя макроны позади. Словно плащ, спадающий с плеч — так макроны теряли свою фотонную ауру, сжимались, становились бесформенными, но все равно оставались все теми же частицами, мчащимися со скоростью света, все те же мириады макронов, во все тех же макронных потоках. Захваченные могучим гравитационным полем галактики макроны так и кружились вечно на орбите вокруг нее.

Таким образом и возникали случайные изображения галактики с ее торца.

Выходит, узнать новости с Земли 30 000 летней давности просто невозможно. Выходит, древняя история Земли закрыта для них.

Иво расширил зону поиска компьютера: «Земля, любое-время с тех пор, как на ней появилась

жизнь». Компьютер захватил новый поток макронов в поисках цели. Он победил.

Все смотрели на экран, и Иво услышал дружный возглас, когда на нем появилось изображение.

Это точно была Земля.

Существо чем-то напоминало крокодила, но рыло его было тупым и коротким. Тело семь футов в длину, мощные лапы и толстый хвост. На спине возвышалась конструкция из кожи и кости, очень похожая на жесткий парус.

Стояло утро, и животное неподвижно лежало, подставив свой бок лучам Солнца, глаза были полуприкрыты. Сразу за ним начинался водоем, в котором густо торчали стебли неизвестных растений, многие из которых были поломаны. Высокие кустарники или деревья виднелись неподалеку, почва казалась голой — не было травы.

— Это диметродон, — сказала Афра. — Гребенчатая рептилия Пермского периода Земли, двести сорок миллионов лет назад. Этот парус использовался как примитивный температурный регулятор, до того, как были изобретены более совершенные методы термостабилизации. Хотя диметродон и выглядит неуклюжим — этот тепловой регулятор был тогда большим его преимуществом, так как рептилии впадают в

оцепенение на холоде…

— Не понимаю, как этот парус помогает ему согреться, — недоуменно произнесла Беатрикс.

— Помогает, и еще как, да и охлаждаться тоже. Когда он разворачивает его плоскостью к Солнцу — гребень поглощает тепло, а если ребром — то наоборот, гребень его рассеивает. Чрезмерный нагрев так же вреден рептилиям, как и холод. Очень остроумный ход эволюции, к тому же внешний вид животного позволяет легко провести идентификацию.

— Я слабоват в палеонтологии, — вмешался Гротон. — Но мне в голову пришла одна мысль, я, правда, не знаю общепринятых терминов. Не является ли этот парусник предком динозавра?

Глаза Иво были закрыты окулярами, он не видел ее лица, но по тону все понял:

— Что, динозавры пытались контролировать температуру?! Диметродон — это хищный пеликозавр, предок терапсидов. Млекопитающихся рептилий.

— Ну, ошибся немного, — благодушно согласился Гротон. — Но все же удивительное зрелище, учитывая, что мы отдалились от Земли только на тридцать тысяч световых лет. Не представляю, как эта планета может быть Землей.

— Это — *Земля*, — сказал Иво, вспомнив, что другие-то не знают о его размышлениях. — Макроны вращаются по орбитам вокруг галактики. Они слиплись в комки и имеют массу, хотя раньше и были безмассовыми частицами; и, тем не менее, мы в состоянии их принять и расшифровать. Я не могу указать точные координаты, так как любой прием в этих условиях — счастливый случай, поток макронов очень плотный. Короче, произвольное время и произвольное место.

Пока он говорил, изображение исчезло. Колебания макронных потоков сорвали прием. Иво опять включил сканирование и принялся искать по всему диапазону устойчивое изображение.

— Двести сорок миллионов лет? — повторила Афра. — Должно быть, галактика совершила за это время полный оборот.

— Вращение галактики, по-видимому, не имеет значения, — сказал Гарольд. — Ведь мы находимся над плоскостью диска, траектории макронов в этом месте перпендикулярны оси вращения галактики и вовсе не являются окружностями. Интересно, это, наверное, похоже на силовые линии магнитного поля?

Иво поймал новую картинку — животное, напоминающее оленя, но с когтистыми, как у

собаки, лапами. Оно было около ярда в холке и сейчас что-то вынюхивало в низком кустарнике, наверное, искало лакомые росточки.

— Млекопитающееся, — прокомментировала Афра. — По-моему, олигоцен, хотя я не могу точно…

И тут случилось то, что обычно называют насмешкой над теорией вероятности. Все собравшиеся затаили дыхание. На экране появился чудовищный клюв, затем маленький злобный глаз и, наконец, целиком голова в белых перьях. Это была голова птицы, и размером она была с туловище животного. Клюв раскрылся, бросок… и вот он уже сомкнулся на шее дергающегося травоядного.

Весь хищник появился в поле зрения. Это действительно была птица, напоминавшая сложением бескрылого длинноногого ястреба девяти футов высотой. Сильные трехпалые лапы с мощными когтями оставляли в мягком торфе глубокие следы.

— Фororокс! — ужаснулась Афра. — Миоцен в Южной Америке. Двадцать…

— Какой кошмар! — воскликнула Беатрикс.

— Кошмар? Фororокс был великолепным представителем, вершиной эволюции авианов. Он не

умел летать, но, будьте уверены, на суше ему не было равных среди птиц.

С точки зрения разнообразия видов авианы превзошли млекопитающихся.

Птица подняла свою жертву за шею и встряхнула ее, переломив позвоночник. Иво стало дурно, он еле удержался от того, чтобы не схватиться за свою собственную шею. Клювом и когтями хищник распотрошил тело, и началось кровавое пиршество. Сейчас Иво почувствовал привкус тепловатой крови во рту.

— Между изображениями около двухсот миллионов лет, — сказала Афра. — Нельзя ли попытаться получить промежуточную эпоху, ну, например, динозавров.

— Когда-нибудь мы восстановим из этого хаоса всю историю Земли, — ответил Иво. — Но, увы, выбор случаен. Макроны распределены неравномерно, хотя в пределах одного скопления сохраняется упорядоченная структура. Тем не менее, я попытаюсь.

Он был поражен открывшимися перед ними горизонтами. Не нужно совершать прыжки в пространстве, чтобы увидеть историю Земли до появления человека. Любое место и любое время…

— Не хотелось бы вмешиваться, — сказал Гарольд. — Но у нас есть задачи посерьезнее. Мы отдаляемся от нашей галактики, еще один неверный прыжок — и мы совсем заблудимся.

Все повернулись к нему, и он начал развивать свою мысль:

— Думаю, информация не была бы столь несвязной, если бы она не относилась к большей части пространства — времени, а не только к истории Земли. А что, если попытаться взглянуть на всю Солнечную систему, как на целое и попробовать упорядочить прием макронных потоков? Если мы научимся уверенно управлять приемом, то вся история галактики станет для нас открытой книгой. А это означает…

— Что мы сможем проследить, когда и где создан разрушитель! — прервала его Афра. — Узнаем, кто его сделал и зачем… — она остановилась. — Правда, его сигнал до нас еще не дошел.

— Поэтому мы сможем спокойно экспериментировать. Коль скоро мы знаем, что ищем, мы будем понемногу приближаться к галактике и все время прощупывать макронный эфир. Нам не следует подходить к генератору вслепую.

— Так ли это, Иво? — спросила Афра. — Если мы будем принимать изображение всей Солнечной

системы, то информация будет более упорядочена?

Давненько она не интересовалась его мнением по техническим вопросам.

— Да. Я могу перевести компьютер в такой режим, будет более широкая полоса поиска. Это хорошая практика, в любом случае, но гарантировать какой-то результат я не могу.

Она не ответила, и Иво приступил к работе. Теперь перед ним была нарисованная компьютером система координат, которую он мог перемещать и поворачивать. Солнце было представлено в виде светлого кружка, планеты изображались как разноцветные точки, движущиеся по соответствующего цвета штрих-пунктирным орбитам, так же обозначались и орбиты всех спутников.

— Попытаюсь восстановить историю Солнечной системы, — пояснил он. — Но потребуется время для составления карт макронных потоков, при том условии, что в них есть хоть какая-то система. Затем я состыкую записи, так как не уверен, что исходные данные будут в хронологическом порядке. Так что пока вам смотреть не на что.

— Мы с вами, — с неожиданной теплотой сказала Афра. — Мы посмотрим, может, сможем вам

чем помочь.

Он знал, что ею руководят соображения целесообразности, но все же эти слова согрели его. Это был тот тип отношений, который ему нравился — работать с ним, а не пытаться его купить. Он занялся делом, выискивая информационные потоки. Ему предстояло из разрозненных макронных фрагментов собрать цельную картину, как в детской головоломке.

— *Дай, я покажу, как надо, инвалид,* — прошептал ему на ухо Шен. — *Я все сделаю за час, а ты провозишься неделю и, к тому же, многое упустишь.*

Иво уже осознал объем задачи. Он не хотел утомлять аудиторию долгим и бесполезным ожиданием в течение многих часов.

— Давай, покажи, — раздраженно ответил он Шену и передал управление. Связь между ними становилась все теснее. Но если Шену удастся справиться с этой задачей с помощью макроскопа, то какие у него могут быть проблемы с разрушителем? Причина, по которой Иво раньше отказывался выпускать Шена, казалась все более сомнительной.

А что, если — это была его надежда? — ему не удастся это сделать?

Но Шен не хвастался. Он завладел телом и мозгом Иво, и всей мощью своего юного и гениального интеллекта набросился на задачу. Иво наблюдал, как левая рука Шена бегала по клавиатуре, а правая управляла ручкой манипулятора, и думал, не совершил ли он непоправимую ошибку. Он еще не освободил Шена — но Шен мог вполне освободиться и сам, воспользовавшись этой возможностью. Он достаточно умен…

Экран очистился. Маркер указывал, что масштаб равен двум световым годам на весь экран. Появилось изображение облака космической пыли.

— Что вы делаете? — спросила Афра. — Это ведь не Солнечная система.

— Это реликтовое облако водорода, дура, — ответил Шен языком и губами Иво, сам Иво лишь вздрогнул.

Афра обиженно замолчала, и представление пошло дальше. Сам Иво не мог его видеть, но был уверен, что это потрясающее зрелище. Практически, с помощью макроскопа, Шен смог собрать и обобщить макронные потоки, испущенные пять-десять миллиардов лет назад, и картина, пусть и полученная косвенным методом, пусть немного урезанная, была истинной.

Реликтовое облако газа бурлило, сжималось, временной маркер указывал, что 25 секунд соответствуют примерно одному миллиону лет. Через десять миллионов лет облако сжалось до диаметра в сто миллионов миль, затем до какого-то миллиона, затем комок газа вспыхнул — образовалась звезда. Сжатие продолжалось, была достигнута температура термоядерного синтеза в реакции водород-гелий. Начала выделяться колоссальная энергия превращения четырех ядер водорода в ядро атома гелия.

— Это все равно, что попытаться влить четыре бокала виски в пятый, — пояснила Афра Беатрикс. — Все в пятый бокал не войдет, так что…

— А разве это не зависит от объема пятого бокала? — спросила Беатрикс.

О, Боже, подумал Иво. Опять женщины сцепились.

И Гарольду, как всегда, придется их разнимать. В конце концов Беатрикс растолкуют, что суммарная масса четырех атомов водорода составляет 4,04, а атома гелия — ровно 4, При слиянии атомов водорода дефект массы в количестве 0,04 высвободится в виде энергии — в этом то и заключается жизнь звезды.

Выделялась энергия только одного процен-

та массы атома, но поток энергии был таким сильным, что отображаемое на экране облако перестало на некоторое время сжиматься. Практически весь свет Вселенной излучался благодаря этому процессу — миллиарды звезд Млечного Пути были просто реакторами по превращению водорода в гелий.

В несколько напряженных минут вместилось еще несколько миллиардов лет. Топливо кончилось, и Солнце распухло, превратившись в огромного красного гиганта, в сто раз больше звезды, которую они видели до этого.

— Но это не может быть Солнцем! — запротестовал Гарольд. — Наша звезда прошла только половину жизненного цикла.

Шен не удостоил его ответом. Иво тоже не понимал, что же происходит, но был уверен, что изображения верны. Звезда, исчерпав весь свой водород, начала коллапсировать. Теперь внутри ее находилось ядро из чистого гелия, результат труда всей ее жизни. Звезда сжалась в еще более плотный шар, температура возросла в десять раз по сравнению с начальной стадией процесса. Что-то должно было произойти. И произошло. Из гелия начал синтезироваться углерод. Было найдено новое горючее.

Звезда ожила вновь — это был уже недолговечный белый карлик.

Но и запасы гелия вскоре исчерпались, и звезда погасла, оставив после себя шар остывающей материи, размером не больше планеты. Пришел печальный конец. Мертвая звезда состояла из очень плотной сколлапсировавшей материи, на поверхности плавали тяжелые элементы, захваченные в течение жизни из галактического пространства. Мертвый пепел, плывущий в космосе.

Еще через несколько миллионов лет этот маленький трупик попал в поле действия рождающейся звезды, объекта, формировавшегося из обильных скоплений газа у края галактики. Новая звезда вспыхнула, в ней активно шли процессы первой стадии, а мертвая звезда, став спутником, умудрилась еще и прихватить немного окружающего ее газа. За счет этого газа она увеличила свою массу, но все равно осталась инертной. Ее время давно ушло, и не суждено было ей обрести былое величие.

— Это Земля! — воскликнула Афра. Нет, этого не может быть. Не тот состав, и ядро слишком плотное.

На экране автоматически отображались эле-

ментный состав и плотность планеты.

К системе присоединился еще один элемент, тоже останки давно умершей звезды. Затем третий, четвертый, — все они собирали, по возможности, скудную дань с окружающей систему космической пыли и газа.

Последние два объекта имели ядра гораздо большие, чем первый, и им удалось собрать к старости гораздо большую атмосферу, но о воскрешении в качестве светила не могло быть и речи. Теперь вокруг звезды вращались четыре планеты, причем любая из них была старше, чем сама звезда.

Но по соседству творилось что-то неладное. Картина сместилась, чтобы зрители могли видеть все сами. В этом месте находилась еще одна звезда, гораздо большая, она пожирала водород в невероятных количествах. Но через несколько миллионов лет термоядерное топливо, разумеется, кончилось. Но масса и температура звезды были столь высоки, что термоядерный процесс не остановился на этапе углерода. В этой звездной топке стали образовываться новые элементы — кислород, кальций, кремний, натрий — все элементы вплоть до железа, 26 номер в периодической системе. Произошло несколько вспышек

звездной активности, во время которых температура еще поднялась, и стало возможным образование из ядер гелия небольших количеств тяжелых металлов — вплоть до свинца, но все равно, главную роль в воспроизводстве энергии играл начальный процесс. Кончина этой звезды обещала быть бурной.

Когда в ядре звезды не осталось элементов легче железа, произошел гравитационный коллапс. Температура подскочила до ста миллионов градусов. Огромная энергия, выделившаяся при гравитационном коллапсе, сделала возможным новый цикл термоядерных реакций — стали образовываться элементы вплоть до урана.

Звезда завершила свою жизнь взрывом, разбросав по всей галактике материю своего ядра — это была вспышка сверхновой. Потоки материи, богатые разнообразными тяжелыми металлами, пронеслись мимо более спокойной соседки и ее спутников, часть их удалось захватить планетам и пополнить тем самым элементный состав своей коры. Система обогатилась, нажившись на смерти соседа.

Первая планета также позаимствовала часть этого богатства, существенно увеличив свою массу, впрочем, как и другие. Но больше всего

остатков вспышки сверхновой попало на орбиту вокруг звезды, образовав впоследствии планеты. Теперь у звезды было три маленьких спутника и четыре больших.

— Марс, Земля, Венера, — воскликнула Афра. — А первая планета, которую мы видели — это Нептун, *наша* планета!

Шен вновь не снизошел до ответа. Иво ощущал, каких усилий стоило Шену отыскивать, классифицировать и соединять нити макронных потоков, преобразуя все это в хронологически связанную и доходчивую историю Солнечной системы. Эта задача требовала всей мощи интеллекта Шена, вычислительного таланта на уровне его таланта в лингвистике. Шен обладал исключительными способностями и имел исключительные замыслы: Иво уже начал было забывать, каким невероятным интеллектом обладало его второе «я». Если мышь, рожденная под знаком Льва, все же оставалась мышью, то лев, даже если его запрягла мышь, оставался львом. Или, как в этом случае, Овном.

Прошло еще некоторое время, система постепенно накапливала материю. Прошел еще миллиард лет, и еще одна сверхновая вспыхнула неподалеку. Дождь ее останков проходил через

систему, все планеты взяли свою дань, и, к тому же, был получен материал для создания еще двух планет и множества маленьких спутников.

— Меркурий и Вулкан? — спросила Афра. — Или это Плутон не на своем месте?

Теперь было пять внутренних планет, больше, чем требовалось.

Шен продолжал работать. Из дальнего космоса пришли астероиды. Многие проходили дальше, лишь слегка изменив маршрут в гравитационном поле Солнца. Один, однако, был захвачен, и лег на неустойчивую орбиту неподалеку от Юпитера.

— *Шесть внутренних планет?* — в тоне Афры слышалась уже ярость.

Но это оказалось не так. Юпитер грубо схватил вновь прибывшего своим полем и швырнул его в сторону Солнца, к орбите следующей внутренней планеты. Слишком близко, планеты стали сближаться.

Они разломились на куски еще до того, как соприкоснулись.

— Достигнут предел Роше, — прокомментировала Афра.

Один из осколков помчался к Сатурну, и уже почти стал спутником — но оказался слишком

близко. Еще одна иллюстрация закона Роше — луна рассыпалась на множество кусков, которые собрались в кольца Сатурна.

Но самый большой обломок полетел дальше. Он подошел к Нептуну, но разломился там надвое, образовав два гигантских осколка и множество мелких. Один осколок был отброшен еще дальше, но не покинул солнечную систему, а стал самой дальней планетой — Плутоном, другого же взял под свою опеку Нептун, и он стал его спутником — Тритоном.

Два других участника катастрофы свалились на внутренние орбиты, они были слишком велики, чтобы выйти из системы. Эти два тела образовали двойную систему — Земля и Луна.

Затем на экране появилась поверхность Земли в почти нормальном масштабе времени, семьдесят миллионов лет назад: необычные континенты, необычная жизнь как на суше, так и в океане. Но произошло неожиданное — Луна подошла слишком близко к Земле, сейчас она проносилась на расстоянии, равном одной десятой от того, на котором она находилась во времена человека. Это было отнюдь не романтическое сближение, а угроза еще одной демонстрации физического смысла принципа Роше. Приливы на Земле

превратились в настоящее бедствие, зияющие трещины рассекли поверхность Луны. Горы воды прокатывались по континентам, сметая все на своем пути, не оставляя за собой ничего, кроме голой и ровной суши. Наземная жизнь стала невозможной, были смыты даже ископаемые останки, высокоразвитые морские животные тоже вскоре вымерли в этой буре приливов. Прогресс жизни на Земле был отброшен назад на миллионы лет — это был самый грандиозный катаклизм в истории планеты.

— Сейчас мы занимаемся любовью при свете Луны, — заметила Афра. — И в наших гороскопах она означает чувство.

Гарольд ничего не ответил.

Остатки этого столкновения планет за орбитой Марса ждала различная судьба — шесть из них по спиральной орбите упали на Солнце, не оставив следа, часть образовала вокруг Солнца что-то вроде пояса, позже он был назван человеком поясом астероидов, многие обломки стали маленькими лунами других планет.

Третья сверхновая, более далекая, выбросила в сторону Солнца облако пыли и газа — в системе появилось еще несколько крошечных спутников. Некоторые сгустки газа стали кометами, но в

основном система уже устанавливалась, и важные изменения были уже позади. Таким образом, Солнце и его семейство планет были образованы из материи со всей галактики, часть тел системы была очень молода, часть гораздо старше, чем само Солнце. По мере отдаления Луны на Земле начала возрождаться жизнь, на поднявшуюся из воды сушу и на древние континенты выползли первые представители сухопутной флоры и фауны.

Но и это было еще не все — из центра звездного скопления галактики прибыл неизвестный объект. Это материальное тело двигалось очень медленно, будто его кинетическая энергия была растрачена при прохождении через другие системы. Оно обогнуло Солнце по дуге с чрезвычайно большим радиусом и, как бы нехотя, легло на орбиту на среднем расстоянии в семь миллионов миль от Солнца.

— А это еще *что?* — спросила Афра.

— Да эта штука раза в два больше Юпитера! — сказал Гротон. — Как же она может быть в системе, если мы ничего о ней не знаем?

Иво был почти уверен, что это шутка Шена.

Картинка остановилась: современная ситуация, плюс-минус миллион лет. Они просмотрели

краткий курс по истории Солнечной системы.

— Замечательно, Иво! Если вы сделали это, то вам под силу все. Поздравляю!

Иво снял окуляры. Все улыбались ему, а Афра явно хотела что-то сказать.

— Это сделал не я.

— Как вы можете такое говорить! — возмутилась Беатрикс. — Мы же все видели, все было очень хорошо!

Афра и Гарольд посерьезнели.

— Шен? — сочувственно спросил Гарольд.

Иво кивнул:

— Он сказал, что у меня на это уйдет две недели, и это действительно так. И что у *него* на это уйдет час. Я дал ему попробовать.

— Но это же опасно? — спросила Афра.

— Да. Но мне удалось сохранить контроль.

Гарольд не был удовлетворен.

— Мои гороскопы говорят, что человек вроде Шена вряд ли станет предпринимать подобные усилия без личной выгоды. Чего же он хотел?

— Так это *Шен* назвал меня дурой? — тихо проговорила Афра.

— Думаю, он нашел способ обходить разрушитель, — осторожно произнес Иво. — Обходить память о нем в моем сознании, да и реальный,

наверное, тоже. Думаю, он сможет меня одолеть, и это как раз то, к чему он стремится.

— А вы сами хотите выпустить его? — спросил Гарольд, глядя в сторону.

— Хорошо, пусть это будет основой нашего, так сказать, соглашения. Если другие тоже хотят, чтобы я это сделал… — Иво говорил так, как будто речь шла о каком-то заурядном деле, но ему стоило больших усилий заставить не дрожать свой голос. Ведь речь шла о его жизни, и он очень боялся смерти.

Когда Афра боялась утратить свое «я» при деструкции, она обратилась к своим инстинктам и заставила их ощупать ее. Пусть желание было иррациональным, но она была удовлетворена. А что же придумать ему, чтобы придать 1 себе хоть немного мужества?

— Значит, Шен устроил нам бесплатную демонстрацию, — сказал Гарольд. — Впечатляет, должен признать, и ясно, что его заявления не пустая похвальба. Он действительно сможет доставить нас к разрушителю и, вдобавок, снабдить нас информацией о нем. Все, что требуется от нас — это спросить его.

Афра молча глядела на Гарольда. Иво боялся даже представить, какие мысли роятся сейчас в

ее голове. Она была утонченно-внимательна.

— Ну что, проведем голосование? — спокойно предложил Гарольд собравшимся.

Как легко они решились избавиться от своего товарища.

— Да, — тихо сказала Афра.

— Тайное?

Она опять кивнула. Насколько же нужным был для нее этот разрушитель?

Гарольд наклонился и извлек из сумочки Афры записную книжку. Иво в голову пришла праздная мысль: почему он не использует для этого грязного дела свой блокнот? Гарольд вырвал листок, согнул его, протянул сгиб между пальцами, разорвал, затем проделал то же самое с половинками. Роздал всем бюллетени.

— Я, я лучше не буду голосовать, — сказал Иво и вернул свой бюллетень. — При трех голосующих не может быть равного числа «за» и «против».

Неужели они не понимают?

Гарольд пожал плечами и написал что-то на своей бумажке.

— Мы голосуем за то, чтобы спрашивать Шена, или нет. Ответ может быть — «да» или «нет».

Женщины заполнили свои бюллетени и тщательно их сложили. Гарольд сложил их, перета-

совал, не гладя, и протянул Иво.

— Огласите вердикт.

— Но я узнаю почерка, это будет уже не тайное голосование.

На самом деле он просто боялся посмотреть. Это был очередной кошмар, но все, кроме него, воспринимали происходящее как должное, и только он четко представлял, какая пропасть разверзлась пред ним.

— Пусть тогда компьютер прочтет их, — сказал Гарольд.

Неужели им все равно?

Иво запихнул листки в щель анализатора и нажал кнопку «суммирование». Внутри машины послышался шорох — она читала вердикт.

Заработал принтер. Иво оторвал распечатку и заставил себя прочитать:

…НЕТ…НЕТ…НЕТ…ИВО…ЛЮБЛЮ

От неожиданно нахлынувших чувств ему стало плохо. Он даже не сразу сообразил, что кто-то голосовал дважды, и не сразу заметил некоторые странности в этой распечатке. Очевидно, кто-то небрежно написал «NO», так что первая палочка буквы «N» не была соединена с остальными и машина восприняла слово как три буквы «I», «V» и «O». Так появилось его имя.

Но происхождение третьего слова он объяснить не мог.

Гарольд встал.

— А что, кто-то сомневался? — спросил он. — Не думаю, что нам еще когда-нибудь придется проводить голосование. Так что вернемся к делу. Работы у нас полно, и гениев среди нас нет.

Только после его слов Иво понял, что он все еще держит в руках распечатку, что он не прочитал ее вслух и никому не показал.

Они вновь вернулись в галактику. Напряженность в отношениях спала, пришла уверенность в собственных силах. Им не удалось определить начало передачи разрушителя — было либо все, либо ничего, из той области исходили только мощные потоки «искусственных» макронов, природное же излучение не распространялось. Вероятно, передатчик излучения в течение всего нескольких часов установили какие-то инопланетные силы быстрого реагирования, да, кроме того, их специалисты вполне могли контролировать природное макронное излучение. Только если бы наблюдатель смог попасть на самый край зоны приема разрушителя, ему, может быть, удалось увидеть его закладку. Но, несмотря ни на что, они были уверены в своих силах и полагали,

что худшее уже позади.

Они выбрали станцию разрушителя ближайшую к Земле и начали серию последовательных прыжков, изучая структуру петель в этом районе. Вскоре была сделана карта подпространства, весьма неполная, но она тем не менее помогала им приближаться к цели. Пять тысяч световых лет до цели, тысяча, восемь тысяч, семь тысяч, четыреста, двести, семьдесят, двадцать.

На расстоянии двадцать световых лет они остановились.

— Ближе нам не подойти, — сказала Афра. Минимальный прыжок — сорок-пятьдесят лет, так что мы окажемся с другой стороны лет на тридцать дальше, или того хуже.

— Ничего не остается, как пробовать еще разок, — возразил Гарольд. Изменим направление и понадеемся на лучшее.

— Шен говорит, он сможет…

Если он хочет что-то сообщить нам — прекрасно, — ответил Гарольд. — Но если он хочет купить в обмен на информацию участие в нашей экспедиции, то передайте, чтобы и не надеялся. Пусть мы и идиоты, но все же как-нибудь сами справимся.

Они немного отошли и сделали еще одну

попытку, до разрушителя оставалось десять световых лет. Третий прыжок был хуже, но после четвертого они оказались совсем рядом — меньше парсека, чуть больше трех световых лет.

— По-моему, нам уже не представится лучшего случая, — сказала Афра. — Нужно расконсервировать Джозефа и отправляться. Несколько лет в расплавленном виде…

— Но в целях безопасности нам придется восстанавливаться каждый год, — напомнил ей Иво. — У протоплазмы ограничено гарантированное время жизни.

— Я не люблю рисковать, — заявил Гротон. — Но в этом случае я бы рискнул. Давайте еще несколько раз попробуем. Что-то мне не хочется приближаться к разрушителю в расплавленном виде. На этот случай я хотел бы иметь при себе действующий мозг, а не его расплав.

Они рискнули — и проиграли. Еще шесть прыжков, и им не удавалось подойти ближе, чем на пять световых лет. Парсек был их лучшим результатом, и они не могли его повторить. Четырехмерное подпространство оказалось очень сложной головоломкой.

— Шен говорит…

— Передайте ему, чтобы он заткнулся! — зло

бросила ему Афра, и Иво почувствовал прилив теплоты. Он вспомнил слово ЛЮБЛЮ на бюллетене, но не осмеливался даже предполагать… Теперь его любовь к ней изменилась, но оставалась столь же крепкой. Он узнал ее, ее достоинства и недостатки, и любил в ней и то, и другое. Его любовь была без иллюзий — он ничего не ждал в ответ и хотел лишь находиться рядом. По крайней мере, так он говорил это себе.

Не она ли написала это слово? Гарольд бы не сделал этого, Беатрикс это даже не пришло бы в голову.

Все же…

— Думаю, — сказал Гарольд, — эту станцию нам пока лучше оставить в покое. В галактике их еще несколько, и для начала нам вполне будет достаточно одного. Может, удастся выскочить поближе к какой-то из остальных.

Спускаясь по Млечному Пути, они выяснили, что разрушителей действительно много. Их сигналы можно принимать на расстоянии восемнадцать тысяч световых лет, как внутри галактики, так и в близлежащих окрестностях. Однажды они приняли сигналы двух разрушителей одновременно и проверили их идентичность, наложив один на другой. Сигналы полностью

совпадали.

Они опять рискнули, но с новой целью. И опять неудача. Но со второй попытки они оказались на расстоянии не более одного светового дня от разрушителя.

Теперь стало понятно, почему было невозможно получить толковую макронную информацию о разрушителях. Практически все естественные макронные импульсы подавлялись искусственным сигналом или, скорее, превращались в искусственное излучение. Из этой точки космоса исходил только один поток макронов — сигналы разрушителя, и другая информация в этом потоке отсутствовала. Макроскоп впервые оказался не у дел.

Но, что удивительно, основной сигнал принимался так же уверенно. Это было еще одним подтверждением превосходства внегалактической технологии: этот сигнал нельзя было ни подавить, ни заглушить, ни отклонить в сторону.

— Нам чертовски повезло, — сказал Гротон. — Правда, стоит подумать, как мы будем уносить отсюда ноги.

Афра возилась с телескопом, пока другие занимались расконсервацией Джозефа. Корабль

был погребен в недрах Тритона, который, в свою очередь был вплавлен в ядро Нептуна, и выбраться на поверхность было не таким уж простым делом. К счастью, — хотя Гарольд не признавал случайностей в таком деле и все старался предусмотреть, — они так же законсервировали тяжелое оборудование. Гарольд собрал его в свое время по чертежам внегалактической программы, и сейчас все, что было разобрано для хранения, можно было вновь запустить. Все, что не было спрятано в шахту, естественно расплавилось при падении Тритона на Нептун.

— Я сфотографировала комплекс разрушителя, — сообщила Афра во время обеда. — С этими примитивными оптическими приборами не многое увидишь, но, насколько я разобралась, центр комплекса имеет около двух миль в диаметре и сделан из металла. Так как макроскоп нам не поможет, придется входить внутрь самим.

— Мне кажется, мы пресыщены уже космическими технологиями, — сказал Гарольд. — Мы уже жалуемся на недостаток разрешения при расстоянии в один световой день! Но действительно, а почему бы не войти внутрь?

— Потому, что они могут подпалить нам перышки, вот почему, — ответила Афра, — надо

бросить пробный камень.

Она была чрезвычайно оживлена, казалось, ее оставили мрачные мысли.

— Как? — спросил Гарольд. — Джозеф — это все, что у нас есть.

— Катапульта, глупенький, — ответила она. — У нас же есть точечный компенсатор гравитационного поля, помните? И много материала.

Гарольд выразительно постучал кулаком по лбу. Он тоже был неестественно оживлен.

— Ну конечно же! Мы же в состоянии состряпать макет корабля и запустить его в сторону разрушителя.

— Давайте начнем со спутников, — сказала она. — Думаю, что это боевые корабли.

— Спутников?

— Я разве не говорила? Разрушитель окружен шестью стофутовыми сферами, находящимися на расстоянии пяти световых минут от него — на север, восток, запад, юг, вверх и вниз.

— Мисс, вы не говорил мне о них, из ваших слов можно было понять, что такие детали не различить. Это сильно усложняет наше положение.

— Я говорила вам. Где же вы были, когда я сказала — «комплекс разрушителя»?

— Кто это сказал: «Нет веры прочнее, чем вера

сварливой женщины в ее собственную непогрешимость»?

— Кейбелл сказал. Но он также сказал, что сварливой женщине нужен спокойный мужчина.

Оба улыбнулись.

Иво отправился поесть, но замечательная стряпня Беатрикс показалась ему безвкусной. Гротон и Афра? Нет — он делал поспешные и необоснованные выводы. Их открытое подшучивание в адрес друг друга было всего лишь свидетельством все большего сплочения их маленького коллектива. Это было как во времена проекта, когда он, Брад и другие осваивали высокую науку и всегда находили время для острот и веселья. Афре и Гротону пришлось работать рука об руку со времени высадки на Тритон, особенно они сблизились, когда Иво попал в Тир, оставив их одних в глубоком космосе. После суда между ними установились отношения отца и дочери. Ведь Афра когда-то потеряла отца…

Гротон и его роботы вновь сотворили инженерное чудо, и через некоторое время у Нептуна появилась планетарная пушка. Шахта-ствол имела тридцать пять футов в диаметре и длину две мили, в нижней части помещался блок деформации поля. Были проложены длинные трубы, один

конец такой трубы выходил на поверхность планеты на расстоянии нескольких миль от шахты, а другой подходил к казенной части ствола. Были построены огромные отражатели, служившие для направления потоков газа, образующихся при включении генератора, создававшего колонну с нулевой гравитацией.

Все собрались в комнате управления, чтобы наблюдать за запуском. Нептун вращался вокруг комплекса разрушителя, поэтому необходимо было правильно выбрать момент. Афра сделала все вычисления, обращаясь к Иво, только чтобы их проверить. Она уже не раз давала понять ему косвенным образом, что их отношения изменились. Для подобной работы он ей больше не нужен.

Гарольд возился с аппаратурой управления запуском, которая казалась на вид ничуть не проще пульта управления макроскопом, на экране видно было, как чудовищный корабль-макет приподнялся и въехал в ствол. Это была простая пушка, укрепленная на четырех анкерах — создавать что-то более сложное для запуска макета было бы расточительством.

Гротон нажал кнопку запуска. Включился генератор, ему понадобилось некоторое время, чтобы набрать полную мощность. Поле компенсации

вырабатывал специальный генератор, отличный от того, что стоял рядом с жилыми помещениями, так как необходимо было постоянно уравновешивать огромное притяжение и давление планеты.

Струи газа начали извергаться из труб, ударили по основанию снаряда, ничего не весившего в поле нулевой гравитации. Комната управления содрогнулась.

Вверху атмосфера Нептуна ринулась в колонну с нулевой гравитацией, встретила там отражатели и мгновенно образовался тайфун, глазом которого был гейзер метанового снега. Давление всей атмосферы вытолкнуло снаряд в космос: один миллион фунтов на квадратный фут.

Пройдя облака испаренной воды и аммиака, слой водорода, ракета вышла за пределы атмосферы. На расстоянии тысяча миль от видимой поверхности планеты включился двигатель. Ракета развила такое ускорение, которое раздавило бы пассажиров и разрушило бы не приспособленное к перегрузкам оборудование. Двигатель был временным, его главной задачей была мощность, а не надежность, и он сам сгорал в течение полета. Ракета быстро набрала скорость, при которой она за несколько дней достигнет разрушителя.

— Очень похоже на корабль, если смотреть

отсюда, — восхищенно заметила Афра. — Вы уверены, что не запустили по ошибке Джозефа?

— Это бутафория, честное слово. Весит десятую часть Джозефа, эта галактическая «Формула» быстро бы вышибла из нас дух, да и к тому же она пожирает себя в полете. От химического двигателя можно многого добиться, если не надо на нем сидеть.

Полет продолжался. Каждый следил за снарядом в течение четырехчасовой смены и готов был поднять тревогу при любых движениях со стороны разрушителя. Световой день был мизерной дистанцией, по сравнению с теми, к которым они привыкли, но даже модернизированный с помощью галактических технологий двигатель был слабоват для таких расстояний. Ракета достигла максимальной скорости и теперь неслась дальше, уже просто как пустая металлическая бочка.

Их вахта длилась четверо суток. Макет прошел мимо ближайшего спутника и направился, собственно, к разрушителю. Ничего не происходило. Он совершил виток вокруг сферы, на расстоянии одной световой минуты по-видимому его притянула огромная гравитационная сила, прошел мимо еще одного спутника и умчался в космос.

— То ли они все там мертвы, то ли прикидыва-

ются, — нарушил молчание Гротон. — Попробуем еще один?

Иво подумал с тоской, что предстоит еще две недели скучного ожидания, но согласился, что это разумный путь.

— *Я* удовлетворена, — сказала Афра. — Очевидно, системы защиты не работают. Жаль, что мы потеряли столько времени. Нужно самим ехать.

Иво хотел было возразить, но передумал. Она так сказала, значит, так оно и будет, разумно это или нет. Теперь командовала она.

И вновь они в космосе — странное ощущение. С тех пор, как они пристали к Шену, спутнику спутника, Джозеф не отлучался надолго от планеты. Прошли месяцы, рефлексы, если таковые были, утрачены, невесомость казалась непривычным состоянием, и приходилось контролировать каждое движение.

— А мне нравится, — сказала Афра. — Нептун — дом, а мы как бы в отпуске.

Чему она так радуется, не мог понять Иво. Их странная миссия подходила к концу, правда, пока не ясно, чем все это закончится, и, чем ближе к концу, тем сильнее должны быть воспоминания о ее покойном женихе. Похоже, ее уже мало интересовал разрушитель, хотя она и затеяла все это

сама. Гротон потрепал ее по плечу, и она отлетела в сторону.

— Девушка, если вы не сделаете ваши вычисления до того, как я все приготовлю, капитан отправит вас мыть гальюн.

Они закрепили оборудование и начали медленно отдаляться от Нептуна, не решаясь использовать компенсатор гравитации. Это забирало немного топлива, но было безопасней как для оборудования, так и для экипажа.

Сейчас корабль набирал водород в верхних слоях атмосферы Нептуна и нагнетал его в баки, для последующего использования на марше в космосе. Они готовы были переменить способ передвижения и попробовать «прямой» космический полет.

Правда, вопреки ожиданиям Гротона, им пришлось пройти деструкцию — иначе такую дистанцию было не преодолеть. Но процесс уже стал привычным и даже просто рутинным. Они восстановились в бодром настроении и в одной световой секунде пути от одного из спутников. Представлялось разумным посетить сначала одного из слуг, а уж потом хозяина.

Иво и сам было расхрабрился, воодушевленный гусарством остальных, но стоило ему взглянуть

в телескоп на огромную металлическую сферу, которая нависала так близко, чтобы тут же вспомнить, что это первый физический контакт с творением внеземной цивилизации.

Спутник выглядел чудовищем, когда они приблизились к нему, но ужасал не столько его стофутовый диаметр (Афре пришлось выполнить довольно кропотливую работу, чтобы рассчитать его с расстояния один световой день, даже имея в своем распоряжении плоды галактических технологий), сколько его непоколебимая мощь. Поверхность была покрыта выбоинами, казалось, потоки метеоритов долбят ее уже на протяжении миллионов лет. Местами были видны какие-то выступы, наводящие на мысли о пушках.

Афра работала с телескопом, фотографируя детали. Она была увлечена работой, и Иво мог спокойно наблюдать за ней. Она вся светилась — волосы были заплетены в косу, ниспадавшую на плечо и спускавшуюся дальше на грудь, — золото волос на снегу белой блузы. Она прибавила в весе и вся дышала здоровьем. Губы полуоткрыты — она улыбалась, глядя в телескоп. Свет от оборудования играл на ее щеках, ее совершенном подбородке, подчеркивая тенями красоту ее лица.

Но была ли это та роза, аромат которой когда-то очаровал его?

«Лунатик» — назвал его как-то Брад, поставив перед ним западню, Афра была той самой Луной. Иво знал, что любил бы ее несмотря на то, какой бы умной была она, или каков бы был цвет ее кожи. Поначалу его покорила скорее внешность Афры, чем ее индивидуальность, но со временем он подрастерял свой романтизм и стал смотреть на нее более трезвыми глазами, отмечая изъяны ее характера. Но все равно, любовь его принимала ее всю, неистовую и прекрасную. Всю, несмотря ни на что.

Она внезапно оторвалась от окуляров, озарив его голубым огнем широко раскрытых глаз. Иво смущенно вздрогнул, решив, что она заметила его бесцеремонный взгляд, но ее слова разогнали его напрасные опасения:

— Они следят за нами!

Гротон и Беатрикс появились рядом с ней словно из-под земли.

— Они живы, — с тревогой продолжала она. — За нами следит радар!

— Ну, раз уж влипли, остается только расслабиться, — сказал Гротон, но вид его не был таким уж беззаботным.

Беатрикс осмелилась вставить одно из нечастых своих замечаний:

— Но если бы они хотели, то наверное уже сделали бы с нами чего-нибудь?

Афра в ответ мило улыбнулась, так, как она часто делала это в последнее время:

— Ты права, Трикс. Я просто ударилась в истерику, когда это обнаружила. Они бы давно сделали из нас лепешку, если бы захотели. До них сорок тысяч миль, и на таком расстоянии их оружие, несомненно действует. Так что, согласно гороскопу, нам не суждено умереть сегодня.

Странная антенна продолжала следить за ними, пока корабль приближался. Это была проволочная спираль, выгнутая в форме чаши, около двух футов в диаметре. В центре ее торчал штырь, на который были нанизаны шарики. Других признаков жизни не было. У Иво на ладонях выступил холодный пот, он незаметно вытер его. Неужели только он испытывает этот немодный нынче *страх?*

Основная часть путешествия была уже проделана, огромное расстояние было пройдено почти незаметно благодаря деструкции и 10G. Оставались сущие пустяки — торможение и стыковка. Афра вывела корабль на синхронную относи-

тельно спутника орбиту вокруг разрушителя, на дистанции пяти световых минут, и выключила двигатели. Никто не имел понятия, как тело размером не более двух миль создавало гравитационное поле, эквивалентное полю небольшой звезды. Галактические технологии использовали гравитацию как обычный инструмент — вот и все объяснения.

— Кто-то должен остаться на корабле, — сказал Гротон. — Мы не знаем, что нас там ждет.

— Иво должен остаться, — ответила Афра. — Если что-то случится, он единственный, кто сможет увести корабль и Нептун.

Она сказала это так, будто он был мебелью, вещью, даже не спросив его мнения.

— Оставьте мне компаньона, я очень боюсь темноты.

— Я останусь, — сказала Беатрикс. — Иди, Гарольд.

Иво не смог придумать достойного возражения.

Гротон и Афра надели скафандры и по очереди вышли через шлюз в космос. Иво остался наедине с Беатрикс первый раз после их беседы на Шене, казалось, это было очень давно. За это время он побывал в далеком прошлом Земли, в ее геоло-

гическом прошлом, путешествовал за пределами галактики. Его тело претерпело бесконечное количество циклов деструкции и восстановления, сам процесс стал уже просто скучен. Он прожил много жизней, и многие его убеждения остались в тех, прошедших жизнях. Почему же его так беспокоит, что Афра и Гротон ушли вдвоем?

Он хотел было сказать что-то Беатрикс, но понял, что его вопросы могут нарушить ее душевный покой. Она свято верила своему мужу. Он задумчиво смотрел на нее и замечал, сколь разительные перемены произошли с ней. Когда он впервые встретил ее, перед ним была полная женщина лет сорока на вид в возрасте тридцати семи лет. В период кризиса на Тритоне, несмотря на истощенность, на вид ей было те же сорок. Но теперь она выглядела на тридцать, ну на тридцать пять — восстановив здоровье, она не вернула свой вес. Волосы были ярко-белыми, ноги стали стройнее, а тело напоминало тело той богини, что лишь мгновение видел Иво при восстановлении. Перемены происходили в ее облике постепенно, удивительно, что он только сейчас обратил на это внимание.

— Вы изменились, Иво, — сказала она.

— *Я* изменился?

— После визита в Тир. Вы были так молоды и неуверенны. Теперь вы повзрослели.

— Я не *чувствую* себя взрослым, — ответил он недоверчиво, но был польщен. — Во мне еще много сомнений и колебаний. А в Тире не было ничего, кроме насилия и интриг — эта жизнь не по мне. Не понимаю, как она могла изменить меня.

Она только пожала плечами.

Иво взглянул на экран и вспомнил, что половина их группы штурмует сейчас инопланетный объект. Гротон и Афра…

— Ее уже не мучает память о Брадли Карпентере, — сказала Беатрикс. — Вы заметили разницу? Она так изменилась. Это замечательно.

Можно ли быть слишком добрым? Да, Гротон и Афра рисковали своими жизнями, пытаясь установить контакт с цивилизацией, которая, скорее всего, могущественна и враждебна, но нельзя же совсем забывать о том, что чувствуют другие.

— Да, я заметил разницу.

— И она уже гораздо лучше ладит с Гарольдом. Я уверена, он всегда был добр к ней. Он ведь такой спокойный.

Иво кивнул.

— Она такая прелестная девушка, — продолжа-

ла Беатрикс. В ее голосе не было злобы, не было ничего, кроме доброжелательности и участия.

— Прелестная.

— Вы выглядите уставшим, Иво. Я подежурю, а вы отдохните, хорошо?

— Вы очень добры.

Он пробрался к своему гамаку и пристегнулся. В невесомости гамак был скорее якорем, нежели ложем.

А она ведь счастлива, подумал Иво о Беатрикс. В ее жизненной философии нет места ревности и мелким сплетням. Она не беспокоилась о своем муже, поскольку душе ее неведомы были сомнения.

Чего бы они достигли без нее? Причин для вражды и ссор было более чем достаточно, особенно вначале, когда сталкивались две сильные личности — Гротон и Афра, да еще маячил мрачный призрак Шена. Но Беатрикс каким-то образом гасила все вспышки гнева. Она делала это и находила свое призвание в этом. Ум, решимость, умение — все эти прекрасные качества бесполезны, если не на месте душа.

Должно быть, он уснул, так как опять был Сиднеем Ланье: бледным, больным, непонятым. Он опять пробовал преподавать, но ученики были

непослушны, а начальство требовало слишком многого. Шла Реконструкция, это было настоящим бедствием, северные дельцы скупали все. Он писал:

Мы немы в темноте, не молим даже Бога

Лежим в цепях и слишком слабы,

даже для того, чтобы бояться.

Но любовь к Мери Дэй, теперь уже Мери Дэй Ланье, поддерживала его. Она была также нездорова, как и он, также обременена заботами, но их брак был настоящей милостью божьей. Он души не чаял в своем сыне Чарльзе. Сидней вообще любил детей, хотя и не всегда их понимал.

В 1869 году Джеймс Вуд Девидсон опубликовал антологию поэтов Юга США — в ней было двести сорок одно имя. Ланье тоже был включен, но скорее для полноты картины, гораздо больше места было отведено тем, кого считали тогда великими.

Но вы были величайшим из них! — прокричал Иво. — *Если бы только ваши современники были в состоянии вас понять!*

Но ничего не изменилось. Разум Иво жил судьбой другого человека: он мог быть похожим, мог

все о нем знать, но не мог ничего изменить.

То же чувствует Шен, глядя сейчас на него…

В Маконе говорили о Сиднее Ланье: «Молодой дурак, что пишет стихи». Они не обращали внимания на его диалектические поэмы — форма произведения, которую позже припишут другому человеку, — или на его предупреждения об опасности методов ведения сельского хозяйства, используемых фермерами Джорджии. Хлопок истощал почву, гораздо лучше было бы сеять пшеницу или кукурузу, но фермеры не желали перемен.

Он выразил свои мысли и чувства в большой поэме «Зерно» и отослал ее в ведущий в то время литературный журнал «Атлантический Ежемесячник Ховелла».

Ховелл отверг поэму.

Ланье был буквально убит отказом. Он ведь верил в то, что писал, в то время, как незамысловатые поделки других поэтов завоевывали внимание публики. Он написал однажды: «Я просматривал публикации молодых поэтов. Я поражен тем, что никто даже не *пытался* написать что-то великое. Болезненный страх прикоснуться к чему-то неблагородному и грубому руководит ими при выборе тем для своих стихов».

Не только в поэзии, подумал Иво. *Всем обществом управляет меркантильный расчет. Мы так ничему и не научились.*

В конце концов «Липпинкотс мэгэзин» принял поэму. Публикация принесла Ланье славу, он стал известен, но остался все так же болен и беден.

Это было в 1875 году, ему было тридцать пять лет и оставалось еще пять прожить.

Он, по-видимому, спал очень долго, потому что исследовательская партия уже вернулась.

— Ну и бомба! — воскликнула Афра. — Здесь достаточно оружия, чтобы отразить атаку целого флота! Химическое, лазерное и куча другого, которое на земле не изобретут и через века. И все дезактивировано.

— Не понимаю, — сказал Иво.

— Это целый линкор, дорогуша, — пояснил Гротон. — Но кто-то все выключил. Все, кроме систем слежения.

— Он мог бы разнести Нептун в клочья! — продолжала Афра, возможная и страшная опасность возбудила ее. — Там были такие штуки — думаю, это гравитационные бомбы. Прибор, который превращает в хаос любое материальное тело. Тот, кто построил этот линкор, знал толк в военном деле!

Иво решил принять участие в беседе:

— Должно быть, все это оставлено здесь для охраны разрушителя. Но почему они все дезактивировали? Если бы это все отключил их неприятель, то он бы стер в пыль и разрушитель.

— Тогда зачем нужно было строить такой арсенал и затем его не использовать? — спросил Гротон. — Это тоже бессмысленно.

Но Афра выглядела уверенной:

— Мы знаем, где искать ответ.

— Не хотите ли вы сказать, что нам может очень не понравиться ответ, когда мы его отыщем? — Гротон, по крайней мере, серьезно относился к делу.

— Ответ среди звезд. Кто я, чтобы сомневаться в этом?

Рядом со спутниками двухмильный шар выглядел, как маленькая планета. Несмотря на то, что его гравитационное поле было чудовищным, напряженность его увеличивалась медленно по мере приближения и на поверхности, и вес корабля составил около одной четверти его веса на Земле. Но, тем не менее, пришлось проявить особую осторожность при маневрировании, так как корпус макроскопа был очень чувствителен

к перегрузкам. Сооружения на экваторе сферы напоминали причалы, и Афра повела корабль прямо к ним, минуя промежуточную орбиту. Строители, по-видимому, предполагали прием гостей и предусмотрели удобные терминалы.

Это был еще один непонятный и противоречивый момент, касающийся разрушителя. Иво уже утомился от нелепостей и противоречий ситуации и решил просто воспринимать все как есть, как это делали другие.

Терминал представлял собой канал, открытый с обеих сторон, казалось, что крупнокалиберный снаряд прошил край сферы разрушителя в этом месте. Гравитация внутри была минимальной — как раз достаточной, чтобы поддерживать Джозефа в середине трубы. Корпус макроскопа нище не касался стенок, и можно было войти в док вместе с ним.

Гротон и Афра опять забрались в скафандры и первыми вышли наружу. Иво заметил, как он подтолкнул ее к шлюзу — хорошо знакомым шлепком по заду.

Прошло три минуты, и начали поступать радостные сообщения:

— Здесь все очень хорошо организовано, — послышался голос Гротона. — Очень хорошо

продумано. Похоже, они используют магнитные подвески для закрепления корпуса корабля. Очень любопытно.

— А еще есть шлюзы, — послышался девичий голос Афры. — Гарольд, вы пока пришвартуйте Джозефа, а я разберусь с ними.

Послышался грохот инструментов, звуки передавались через корпус корабля. Очевидно, Гротон расположился на корпусе и возился со швартовкой.

Затем послышался легкий удар по корпусу Джозефа. Корабль был пришвартован.

— Я установила нормальное давление и состав для атмосферы Земли, — сообщила Афра. — Я не помню точное соотношение кислорода и азота в атмосфере, но, оказалось, там есть газоанализатор. Достаточно было дунуть в него воздухом из скафандра…

— Давайте не будем им слишком уж доверять, — предупредил Гротон. — Не забывайте, это все-таки разрушитель.

— Не волнуйтесь, папенька. Уж если они впустили нас сюда, не думаю, что они начнут строить нам теперь козни. Я вхожу.

Иво задумался. А что, если создателей разрушителя волновали чуждые культуры и ци-

вилизации, а не отчаянные одиночки. Может, разрушитель снаружи — как липкая лента для мух, а когда входишь внутрь — как паутина…

Но — чему быть, того не миновать. В недрах разрушителя их не спасут уже никакие предосторожности, если действительно присутствует коварный расчет инопланетян. Существуют тысячи способов прикончить их всех. Если бы они хотели оставаться в безопасности, то им нужно было держаться подальше от разрушителя. Эдак на тысячу световых лет.

— Снимаю скафандр, — доложила Афра. Воздух нормальный. Войти вовнутрь?

— Только после предварительной проверки! — сказал Гротон. — Это только лишь шлюз. То, что внутри, вполне может повредить вашему нежному здоровью. Что, если там чистый аммиак, или четыре и два по Кельвину?

— Быть такого не может. Вся система управляется из шлюза, и во всех помещениях создается атмосфера, точно такая же, как в моем скафандре. Говорю вам, эти инопланетяне знают толк в подобных вещах.

— Ну, что будем делать? — спросил Гротон остальных.

Иво вспомнил, что он может работать и на

передачу.

— Она все равно должна выйти из шлюза, прежде, чем кто-то сможет в него войти. Так что пускай двигается.

— А что скажешь ты, дорогая? — обратился Гротон к своей жене.

— Как ты считаешь нужным, так и поступай, дорогой, — ответила Беатрикс.

Она верила каждому слову своего мужа, и Иво завидовал ее вере.

— Тогда направляйтесь к нам вы, оба. Если уж идти на эту авантюру, так всем вместе. Я подожду вас, пока эта нетерпеливая мисс не разведает дорогу.

— Козлы от природы любознательны, — вставила Афра.

Козел = Козерог — ее астрологический знак, вспомнил Иво. Должно быть, Гротон показал ей ее гороскоп во время одной из… интимных бесед. Но знала ли Беатрикс, что она Рыба — бедная рыба…

Иво и Беатрикс надели скафандры и вышли наружу. Иво помог Беатрикс забраться в шлюз, но уже без всяких там шлепков по заднице.

Гротон стоял на платформе, чем-то напоминающей платформы на железнодорожной станции.

Толстые кабеля спускались к Джозефу со всех сторон.

— Хватайтесь за любой свободный и прыгайте, как на качелях, — посоветовал Гротон. — Гравитация, увеличивается у шлюза. Можно, конечно, и просто так прыгнуть, но к чему рисковать?

Иво подумал, а не было ли сказанное шуткой Гротона? После всего, что с ними произошло лишний раз рискнуть…

Они прыгнули. Это был первый физический контакт с творением внеземной цивилизации, он ведь не посещал спутник. Иво был несколько разочарован обыденностью обстановки и тем спокойствием, с которым вели себя все остальные. Ведь такой кульминационный момент — КОНТАКТ! — а никто не обращал внимания.

Может, он стал второстепенной фигурой в экспедиции, потому и чувствовал себя скованно? В конце концов, раз уж они выжили, Афра и сама может работать с сигналом странника (по крайней мере до тех пор, пока они не встретят сигнал разрушителя), так что, Иво уже не нужен.

— Прекрасно, я вхожу, а вы следуйте за мной, — сказал Гротон. — С управлением здесь никаких проблем.

Он подошел к пульту, чтобы продемонстри-

ровать.

— Быстрее там, — раздался голос Афры. — Мне не терпится осмотреть здесь все!

Неужели все свелось к детской игре в «Спей-смена»? Девушка-астронавт с приступом исследовательского зуда поторапливает, ей видите ли не терпится!

Ему показалось, что он слышит смех Шена. Маленький Иво хотел было стать главным героем космической Одиссеи, а стал простым статистом.

Да, Иво — не Ланье, не удостоиться ему славы. С другой стороны, Шен…

«Но ты им тоже не нужен,» — послал он гневную тираду затаившемуся в сознании Шену. Шен не ответил.

Афра сказала правду, внутри была настоящая земная атмосфера. Иво и Беатрикс присоединились к Афре и Гротону. Они были в летних одеждах, оставив скафандры в специальных нишах около шлюза. Ну просто какой-то отель для туристов!

Астронавты остановились, не решаясь двигаться дальше, в глубь станции. Две женщины стояли рядом, и перемены, произошедшие с ними, были особенно заметны. Обе хорошо сложены, но Афра выше и динамичней. Она была современней — и

это не очень шло ей, в то же время некоторая скованность в движениях шла Беатрикс. Когда Афра прыгала, Беатрикс — ступала. Разница в возрасте гораздо больше ощущалась в поведении, жестах, мимике, чем во внешнем виде.

Наконец, Иво смог уловить ускользавшее ранее существенное различие — то, что у Афры было признаком сексуальности, у Беатрикс было признаком женственности.

Иво осенила мысль — а не поменялись ли они местами с Гротоном!

Группа стояла в длинном тихом зале, пол которого слегка был наклонен вниз. «Низ» означало центр сферы, а не край, это была не примитивная псевдогравитация, создаваемая центробежной силой. С потолка струился мягкий свет. Конструкционные материалы зала были довольно-таки обычными на вид, никаких там светящихся экранов или сжатой материи. Но если так везде, то двухмильная сфера не может иметь поле звезды, даже планеты. Каким-то образом гравитация генерировалась без массы.

Хотя, с другой стороны, чего было удивляться. Несомненно, для передачи сигнала разрушителя нужны были сильные гравитационные поля, и, должно быть, не составляло особого труда

выделить немножко гравитации для удобства посетителей. Это было также весьма удобно для удержания спутников на орбитах с радиусами большими, чем это характерно для Солнечной системы. Ведь Земля находится всего в восьми световых минутах от Солнца…

Через сто ярдов холл расширялся и образовывал комнату, пол становился ровным. В стенах были сделаны ниши, в которых находились какие-то предметы.

Афра подошла к ближайшей нише слева.

— Как вы думаете, здесь можно трогать экспонаты руками? — заколебалась она.

— Глупенькая, разве где-то висят таблички «Руками не трогать»?

— Гарольд, после таких милых мгновений я буду нашептывать гадости о вас на ушко вашей верной жене.

— Ей уже все известно четырнадцать лёт, — Гротон обнял Беатрикс и довольно улыбнулся.

Афра протянула руку и взяла один из «экспонатов». Это была сфера, четыре дюйма в диаметре, прочная и легкая, из какого-то пластика. Сфера была прозрачной, и, когда Афра подняла ее, все увидели, что внутри ничего нет.

— Контейнер? — предположил Гротон.

— Игрушка? — последовала догадка Беатрикс.

Гротон посмотрел на нее:

— И вправду, образовательная игрушка. Модель разрушителя.

— Только не хватает отверстий для причалов, — заметила Афра.

Она поставила сферу на место и перешла к следующей нише. Там был конус высотой шесть дюймов с основанием в четыре дюйма. Он был изготовлен из того же прозрачного материала, что и сфера, и так же пуст.

— Шапка феи, — сострил Иво.

Афра не ответила и двинулась дальше.

Третья фигура представляла из себя цилиндрический сегмент, по размеру сравнимый с конусом и закрытый с торцов плоскими дисками. Он был тверд и легок, серебристая поверхность матово отсвечивала. Афра повертела экспонат в руках.

— Металл, но очень легкий, — заключила она. — Вероятно…

Внезапно она швырнула цилиндр назад в нишу и начала лихорадочно вытирать руки о шорты, словно они горели.

Остальные недоуменно уставились на нее.

— Что случилось? — спросил Гротон.

— Это литий!

Гротон посмотрел сам.

— Похоже, вы правы. Но на нем есть покрытие, похожее на воск. Его можно трогать без опаски.

Интересно, а чем им литий не нравится, подумал Иво, но решил не спрашивать. Может, он обжигал кожу, как кислота, или был ядовит.

Афра смутилась:

— Я, должно быть, более нервная, чем полагала. Я просто не ожидала… — она остановилась и посмотрела в глубь зала. — Мне кое-что в голову пришло. Следующий экспонат — блестящая пирамида?

Гротон повернул голову:

— Похоже. На самом деле, этот тетраэдр смахивает на тот, что мы выстроили в свое время на Тритоне. Ведь у вашей пирамиды пять граней, если считать основание.

— Бериллий.

— Откуда вы знаете?

— Это ряд элементов. Посмотрите на…

— *Элементарный ряд.* — поправил ее Гротон.

— Нет, ряд *элементов.* Вы *знаете*, что такое элемент? Посмотрите на эти объекты. Первый — сфера, у нее только наружная сторона. Второй — конус — две стороны, одна плоская, другая изогнутая. У третьего — цилиндра, три стороны,

одна изогнутая, а две плоские. То что вы держите — четыре, и так далее. Первые два «экспоната» не пустые — б них газы! Водород и гелий — два первых элемента периодической таблицы!

— Может быть, — Гротон был впечатлен открытием.

— Так и должно быть, это логика *любых* технически развитых цивилизаций. Литий — металл в два раза легче воды, третий. Бериллий — четвертый, бор —…

Она замолчала, наклонилась над шестой нишей и замерла.

Все подошли к ней. Там лежал четырехдюймовый кубик — шесть сторон, сделанный из какого-то прозрачного материала.

Гротон поднял его.

— Что там у нас в таблице под номером шесть? Шесть протонов, шесть электронов… это должен быть углерод.

Он тоже замер, уставившись на экспонат.

Иво решил высказать свое мнение:

— Углерод в кристаллической форме — алмаз!

Теперь все восхищенно смотрели на кубик — четырехдюймовый бриллиант, вырезанный, по-видимому, из еще большего кристалла. Один экспонат из многих…

Афра пошла дальше, перечисляя образцы.

— Азот, кислород, фтор…

Гротон встряхнул головой:

— Это же целое состояние! И всего лишь образцы, которым придана условная форма. Они…

Ему не хватало слов, он с благоговейным трепетом поставил алмаз на место.

— Скандий, титан, ванадий, хром, — нараспев произносила Афра, двигаясь дальше. — Здесь все! Абсолютно все!

Беатрикс спросила недоуменно:

— А почему бы им не нарисовать все это на дисплее, если так уж хочется выставить?

Гротон оторвал взгляд от алмаза:

— Не имеет смысла, дорогая. Это просто роскошная выставка для гостей. Наверное, они хотели так показать, что богатство для них ничего не значит.

Беатрикс кивнула, удовлетворившись объяснением.

— Редкоземельные тоже есть! — крикнула Афра. Она была уже на другой стороне комнаты и двигалась обратно.

— Несколько фунтов прометия! А ведь он даже не встречается в природе!

— Неужели она знает наизусть все элемен-

ты? — пробормотал Иво.

— Осмий! Этот маленький кубик весит, должно быть, фунтов двадцать. Чистый иридий — он стоит на Земле тысячу долларов за унцию!

— Держитесь подальше от радиоактивных элементов! — предостерег ее Гротон.

— Они в стеклянной посуде. Свинцовое стекло, или что-то в этом роде, надеюсь, не пропускает радиацию. И они тут фунтами!

Уран — нептуний — плутоний.

— Сатурниум, юпитериум, марсуниум, — передразнил ее Иво, продолжая ряд элементов образованием названий из имен планет. Ему показалось, что вокруг этой выставки подняли слишком много шуму. — Венериум, меркуриум…

— Ртуть[38], — поправил его Гротон, услышавший его слова. — Есть такой элемент.

Афра вернулась к ним, вид у нее был подавленный.

— Таблица доходит до сто двадцатого элемента, последние формы довольно сложны…

— Но вы же прекрасно знаете, Афра, — сказал Гротон. — Некоторые из этих элементов имеют период полураспада около часа, а то и меньше,

---

[38] Примечания: 38
Mercury — ртуть (англ.).

они никак не могут быть представлены на выставке.

— У некоторых период полураспада составляет секунды, но они там есть, можете сами посмотреть.

— Может, просто макеты…

— Спорим?

— Нет, — ответил Гротон и пошел посмотреть сам. — Наверное, какое-то стабилизирующее поле, — недоуменно прокомментировал он. — Если они такое вытворяют с гравитацией…

— Я внезапно ощутила себя такой маленькой, — призналась Афра.

Иво отметил про себя, что все эти фокусы ерунда по сравнению с сжатием планеты и находящихся в ней людей до гравитационного радиуса с сохранением жизнеспособности организмов. Выставка, конечно, впечатляла, но, если разобраться, ничего особенного в ней не было. Очевидно, главное было впереди.

За экспозицией элементов коридор опять шел под уклон. Иво принялся размышлять о проблемах температурной стабильности. Ведь резкие температурные изменения могут повлиять на некоторые экспонаты, так, твердое тело может превратиться в жидкое, а жидкость — в газ. Тем-

пература, как многое другое, была приспособлена для человеческих существ. Даже в обстановке были учтены человеческие пропорции, пример тому — ниши, удобные для хранения скафандров.

Если бы эта станция была ближайшей к Земле базой разрушителя, то можно было бы заподозрить во всем этом тщательное разработанное шоу для людей. Но станция находилась на расстоянии сорок тысяч световых лет от Земли, и не могла быть создана для людей — если только люди не живут где-нибудь еще в галактике. Ну, если не люди, то очень похожие на них существа.

Эта мысль тревожила его, этот странный музей наводил и на другие тревожные мысли. Традиционно считалось, что инопланетные существа должны быть похожи на человека, чтобы построить цивилизацию и развить технологии высокого уровня. Для доказательства этого «тезиса» использовалась длинная цепь рассуждений — но ведь мнение человека по этому поводу просто не может быть непредвзятым, Иво решил не принимать его во внимание. И все же, если это так, то означает ли это, что инопланетянам присущи человеческие черты? Жадность, глупость, жестокость?

Это опять смеется Шен?

Коридор вывел их в соседнюю комнату. Она была больше, чем первая, и ниши начинались с уровня пола.

— Машины! — воскликнул Гротон с таким же экстазом, какой посетил Афру при осмотре выставки элементов.

Он подошел к первому экспонату — огромный кусок металла, по форме напоминающий клиновидный ломоть сыра. Когда Гротон приблизился, сверху упал шар и скатился по клину — вот и все.

— Машина? — спросил Иво.

— Да, наклонная плоскость, — элементарная машина.

Ну, если Гротон так считает…

Следующим экспонатом был простой рычаг. Рычаг опирался на подпорку, один из его концов был подведен под большой брус. Как только они подошли, рычаг качнулся и брус сдвинулся.

Гротон удовлетворенно кивнул, и Иво последовал дальше за ним. Женщины двигались впереди, им достаточно было беглого осмотра выставки.

Третье устройство напоминало тиски. Длинная ручка проворачивала массивный винт, и таким образом создавалось приличное давление.

— Механический ворот, — заметил Гротон. — Если сравнивать с историей развития техники на Земле, то каждый шаг — сорок тысяч лет.

— Пока что это так.

Четвертым экспонатом была примитивная паровая машина — печь и паровой котел. За ним, под пятым номером, шла электрическая турбина.

Дальше все стало жутко усложняться. Дилетантский взгляд Иво временами выхватывал отдельные нагреватели, моторы, какие-то электронные приспособления. Кое-что напомнило ему устройства, которые он копировал из галактических программ, остальные же оставались полной загадкой. Не обязательно все выглядело сложно внешне, некоторые приборы были обманчиво незамысловаты. Но Иво не сомневался в том, что в былые времена автомеханику плата современного компьютера, набитая микросхемами, показалась бы весьма незатейливой. В одном он был уверен — все это настоящее, никаких подделок.

Гротон остановился у десятой машины:

— Я уж думал, мы освоили настоящие технологии, когда построили станцию на Тритоне. Но теперь понимаю, насколько заблуждался. Я уже

получил больше, чем смогу переварить за один заход. Пойдемте в следующий зал.

Женщины были уже там. В третьем зале было собрано то, что можно было бы назвать предметами искусства. Выставку открывали дву- и трехмерные изображения, как в реалистической, так и в абстрактной манере. На этот раз была зачарована увиденным Беатрикс.

— О! Я понимаю все это, — сказала она, медленно переходя от экспоната к экспонату. Она была прекрасна в своей отрешенности, казалось, величие искусства преобразило все ее тело, пред ней померкла даже Афра.

Иво не ожидал от нее столь неистового интереса к искусству, хотя это можно было бы понять по ее отношению к музыке. Он предполагал раньше, что то, о чем она молчит, она не понимает, или просто не имеет своего мнения, но сейчас Иво укорял себя — в который раз! — за столь поверхностное суждение об этой женщине.

В целом выставка не произвела впечатление на Иво, но некоторые разделы показались интересными. В отдельных произведениях ему понравился математический символизм — довольно сложная форма выражения, напоминающая чем-то структуру кодов галактических программ.

Было много портретов. Изображенные на них существа происходили с далеких от Земли планет, но были разумны и цивилизованны, хотя Иво и не мог бы сказать точно, почему у него возникает такое впечатление. Наверное, подсознание улавливало какие-то нюансы, неподвластные рассудку, точно так же, как оно подсказывало Иво, тоща еще, что пейзажи, которые Брад показал ему с помощью макроскопа — внеземные. Как это описать? Бессмысленное занятие. Эти существа в чем-то походили на человека, и в то же время чем-то были совершенно чужими. Прежде всего в глаза бросалось непередаваемое совершенство форм, достоинство, с которым они держались. Это были образчики греческого классицизма — совершенное тело, твердый ум, здоровые эмоции. Здесь были красивые существа обеих полов и гермафродиты. Они являли собой искусство и *были* искусством, в той же степени, в какой изображение атлета или обнаженной женщины считалось искусством у землян.

Дальше шла целая вереница залов, каждый из которых был ниже предыдущего, по-видимому, они прошли уже полный виток спирали. Один из залов был посвящен книгам — печатные издания, магнитные ленты, металлические диски памяти.

Очевидно, здесь была собрана вся информация, которую могли бы передать создатели станции, ответ любому, кто увидел бы в разрушителе злые козни враждебной цивилизации.

Теперь становилось понятно, что все далеко не так.

А в следующем зале была еда. Все были очень голодны, так как на многие часы и мили выставка заставила забыть их о еде. Универсальные химические символы обозначали состав блюд, которые находились в особых печах. Любой мог выбирать еду, нажимая кнопки, будто в закусочной на автомате, блюда тут же «размораживались». Еда оказалась необычной, но вкусной.

На всей станции не было ни малейших признаков жизни. Казалось, что строители оборудовали ее, как первоклассную гостиницу и информационный центр, и уехали, оставив сооружение на долгие века в распоряжении грядущих путешественников.

Но ведь сам факт существования сигнала разрушителя исключал возможность подобного путешествия. Еще один парадокс?

За залом следовала маленькая комната, и дальше хода не было. Экспонатов тоже не было только пьедестал в центре, а на нем маленькая, замыс-

ловато сработанная вещица.

Все обступили пьедестал.

— Вам не кажется, что мы прошли по алее сада и уткнулись в забор? — высказала свое мнение Афра. — Выставка впечатляет, я поражена увиденным, но это что — *все?* Экскурсия по музею и тупик?

— Это все, что мы должны были увидеть, — сказал Гротон. — Не думаю, что стоит форсировать события.

— Но мы пришли-то сюда как раз для того, чтобы форсировать события! — сказала Афра.

— Я только хотел сказать, что не стоит начинать сейчас тарабанить в стены. Так мы можем оказаться в глубоком вакууме. А продолжать изучение интеллектуального наследия этой цивилизации для нас безопасно.

Иво разглядывал устройство на пьедестале. Оно было восемнадцати дюймов в длину, отдаленно напоминало SFDS, по крайней мере тем, что его назначение не было понятно с первого взгляда. Предмет имел очертания цилиндра, но поверхность была покрыта переплетениями трубок, проводов, пластин, выступов непонятного назначения. Некоторую часть поверхности занимала электроника, но это явно не было машиной;

чувствовался художественный вкус создателя, но скульптурой это тоже нельзя было назвать.

И все же что-то знакомое было сокрыто в предмете, какое-то свойство, и подсознание пыталось подсказать Иво предназначение этой вещи.

Он поднял его — устройство весило совсем немного, учитывая его сложную конструкцию. Около двух фунтов, причем масса распределена по объему весьма нетривиально. Иво еще сильнее ощутил что-то родное в этом предмете. Он должен знать, что это такое. Что-то произошло. Казалось, прогремел огромный гонг, но его колебания плохо воспринимались человеческим ухом. Вспышка совсем рядом — но глаза не в состоянии схватить образ. Жар и гнет огромной силы — но тело не в состоянии понять, что с ним происходит, ошеломляющий аромат, но ноздри не чувствуют его.

Все уставились на Иво, понимая только, что произошло нечто значительное. Иво все еще держал в руках инструмент.

— Сыграйте на нем, Иво — предложила Беатрикс.

Никто не проронил больше ни слова, все вспомнили, что ни в одном зале музыкальных инструментов не было.

Иво присмотрелся внимательнее. Здесь были трубы, как в сложных духовых инструментах, струны, как в смычковых, диафрагмы ударных, язычки гармоники. Не было отверстия, в которое можно было бы дунуть, не было мест, по которым ударить, но можно было управлять пальцами, а глаза подсказывали верный путь.

Объект легко вибрировал, будто, подняв его, Иво включил в нем источник энергии. Инструмент ожил и ждал теперь прикосновения музыканта.

Он нажал первую попавшуюся кнопку — прогремел раскат грома.

Беатрикс, Афра, Гротон — все стали оглядываться, пытаясь определить источник звука, пытаясь найти убежище, если стены рухнут и тут всех осенило. Многоголосый звук!

— Когда вы подняли его, — начал было Гротон.

— Вы прикоснулись к сенсору, — закончила Афра.

Все были потрясены.

— То была кнопка БОМ, а это — кнопка ГРОМ, — сказала Беатрикс.

Иво провел пальцем по панели. Со всех сторон оглушительно, но мелодично завыли сирены. Он продолжил освоение инструмента. В возникшей

какофонии были все звуки, которые можно было только представить, и каждый звук был насыщен визуальными, тактильными, обонятельными ощущениями. Если бы он только научился управлять этим генератором эмоций…

Ему это удалось. Пальцы приноровились к инструменту, руки уверенно находили нужные аккорды и созвучия. У него явно был талант, как будто он имел специальный музыкальный орган. В выборе музыкальных инструментов он ограничил себя флейтой, как и Сидней Ланье, но на самом деле обладал всеми музыкальными дарованиями Шена. Если бы ему пришло в голову проявить свои способности, в мире не нашлось бы человека, равного ему.

Иво не мог пространно рассуждать о технике исполнения, или философствовать о музыкальных течениях — это было не для него. Он даже не знал нот, так как никогда не учился музыкальной грамоте, воспринимая все на слух. Но когда у него в руках оказывался инструмент и было желание играть, он мог создать изящную звуковую гармонию, и ему не было дела до сложности терминов, описывавших его действия.

Теперь его большой сырой талант созрел, и рождалось настоящее мастерство. Он решил в ка-

честве первой попытки выбрать партию флейты, внимательно прислушивался к словам песни, по мере рождения музыки. Он оставался самим собой, а не был Сиднеем Ланье — всему свое время. Нужно начать с чего-нибудь попроще. Первая попытка…

Выпей меня своим взглядом, я тебя выпью своим.

Оставь поцелуй мне в чаше, и мне больше не нужно вино.

Ведь жажда души утолима лишь напитком богов.

Но глоток любви твоей я не променял бы на нектар Юпитера.

Комнату заполнила знакомая, простая, кристально-чистая мелодия, лившаяся отовсюду, она светилась душой, которую может вдохнуть в музыку только настоящий музыкант. Галактический инструмент одаривал слушателей пьянящим нектаром… и прикосновением волшебных губ.

Афра восхищенно смотрела на него, она еще ни разу не слышала его игры. Неужели это было самой серьезной его ошибкой? То, что он скрывал от нее свой талант?

Гротон уставился на Афру. Нет, он смотрел поверх нее!

Тупиковая стена перед ними растворилась, за ней показался другой проход. Дорога вновь была открыта!

— Похоже, бесплатный осмотр закончился, — заметил Гротон. — Теперь нам придется поработать.

Они молча двинулись дальше. Иво все еще сжимал в руках инструмент.

Коридор вывел их в огромный зал, потолком в нем была матово-белая дымка, а под прозрачным полом разверзлась бескрайняя бездна. Стен не было, куда ни глянь, взгляд упирался в темноту, хотя откуда-то исходил ровный свет.

Они пошли дальше, тщетно надеясь обнаружить хоть что-то осязаемое. Но оказалось, нет уже и пола. Он действительно исчез, растворился, оставив их беспомощно висеть в невесомости. Когда они повернулись назад, вход тоже исчез. Воцарились мрак и пустота.

— Все-таки это была ловушка, — голос Афры был скорее раздраженным, нежели испуганным.

— Или экзамен, — сказал Гротон. — Мы должны были продемонстрировать некий уровень, прежде чем нас допустили сюда, после того, как

закончилась экскурсия по выставке. Скорее всего, нам придется продемонстрировать что-то большее, прежде чем нас выпустят отсюда.

Все посмотрели на Иво, он висел неподалеку от группы. Иво вспомнил об инструменте.

— Попробуйте ту мелодию, что вы играли в прошлый раз, — предложила Афра.

Он проиграл «Испей меня» вновь. Ничего не произошло. Он попробовал еще несколько простых мелодий, звуки струились со всех сторон бесконечного зала, и мелодии не казались такими простыми, но все оставалось по-прежнему — четыре человека парили в пустоте.

— Я все же полагаю, что ключ именно музыкальный, — сказал Гротон. — Для чего же иначе этот инструмент — он ведь не игрушка и не экспонат. Мы, по-видимому, знаем лишь малую толику скрытых в нем возможностей.

— А знаете, — задумчиво произнес Иво. — Ланье верил, что музыкой и поэзией управляют одни и те же законы, и он пытался доказать это своим творчеством. Действительно, его современники говорили, что в игре Ланье на флейте есть поэтическое вдохновение, в то же время, его стихи несут в себе гармонию великой музыки. Он даже…

— Очень хорошо, — перебила его Афра.

Она не выглядела ни испуганной, ни даже удивленной, хотя, похоже, паутина затягивалась все туже. — Давайте проследим творческий путь Ланье. Он написал заметки о путешествии по Флориде, одну слабую новеллу и три поэмы — «Зерно», «Болота Глинна» и «Симфония»…

— Симфония! — воскликнул Гротон, но все уже поняли смысл названия. — Может быть, это…

— Сыграйте ее, Иво, — сказала Беатрикс.

Но «Симфония» — это поэзия, а не музыка, в ней не могло быть определенной мелодии. Иво поднял инструмент, в его естество вливалась неведомая сила — он осуществит свой давний замысел, положить это произведение на музыку. Он никогда не осмеливался сделать это раньше. Но это был шанс реализовать себя и свой талант. Он хотел знать — сможет ли его музыка стать ключом к дверце, за которой скрывается тайна того, что прозвано разрушителем.

В поэзии Ланье, и в этой поэме особенно, были тесно связаны поэзия и музыка, они дополняли друг друга и черпали друг в друге новый смысл. Каждая строфа поэмы была партией инструмента, а все вместе — симфонией для оркестра…

Макронные системы устроены так же. Му-

зыка, цвет, информация — все было связано и неразделимо, Иво был уверен, что некоторые представители внеземных цивилизаций общались музыкой. Перевод на язык музыки был возможен — если знакома система кодирования галактических программ и хватает умения точно выразить слова звуками, Он научился понимать галактический язык, но никогда еще не пытался говорить на нем.

Музыка была подвластна ему, она наполняла его тело — но совладает ли он с *поэзией?*

Все ждали, понимая его волнение, пытаясь найти способ хоть как-то помочь ему. Гарольд Гротон — его астрологические интерпретации не помогут здесь, Афра Саммерфилд — ее красота и аналитический ум бессильны, Беатрикс Гротон — ее доброта и участие безразличны внезапно онемевшим пальцам Иво…

Анализ, доброта, астрология…

Вдруг его осенило, они ведь могут ему помочь. Просто потому, что они рядом.

Иво начал играть.

Глава X

Туман отступил, непроглядная тьма растворилась. Обрушился водопад звуков и света, явилось видение: стилизованное изображение галактики — сияющий космический диск вращался на своей исполинской оси, загребая лопастями звездных скоплений пространство, излучая во все стороны потоки энергии, менее одного процента которой приходилось на диапазон, доступный человеческому зрению.

Затем, поверх мерцающей спирали галактики наложилось хорошо знакомое изображение Солнечной системы: Плутон, Нептун, Уран, Сатурн, Юпитер, Марс, Венера, Меркурий, Луна. Казалось, что планеты катаются по дну гигантской чаши с различными скоростями, даже Солнце двигалось — центром была Земля. Два изображения перемещались, вращаясь независимо друг относительно друга, — словно два диска рулетки — галактический и планетарный. Совокупное движение всех объектов было невообразимо сложным: глаз человека ни за что бы не смог в этом хаосе отследить положение планет в фиксированный

момент времени, мозг человеческий был бы не в состоянии предсказать взаимное расположение двух систем. Лишь остановив вращение, можно провести тщательный осмотр и все выяснить, но — движение — суть жизнь галактики, останови ее, и она умрет.

Система небесных тел не может застыть, но ее можно как-то сфотографировать, и анализ этих снимков дает уникальную информацию. Две системы — галактическая и планетарная — это две чаши, разделенные на четыре части, каждая четверть еще на три, итого их пересечение образует двадцать четыре сектора — двенадцать против двенадцати. В любом из этих секторов могла бы находится планета, — вспышка — и снимок, на котором планета навечно останется неподвижной. Четыре вспышки — четыре снимка — планеты, звезды, туманности, переплетения секторов — все замерло, краткий миг превратился в вечность, каждый миг порождал будущее бытия.

Таково уж движение, что малейшие мгновения решают все, только моментальный снимок имеет смысл — вся конфигурация существенно меняется по прошествии мельчайших квантов времени, и в той же мере меняется реальность.

Эта симфония движения, мысли, материи выражает сущность бытия. А тот самый миг из жизни галактики, чисто теоретическое представление небесных светил как неподвижных объектов — суть гороскоп.

Огонь

Иво спустился на круг гороскопа, разрезанный, подобно пирогу, на двенадцать частей, в центре возвышался клубок сплетенных нитей. Символы огня — вот что нужно было Иво. Он прошел мимо льва, грива которого — яркое пламя, мимо кентавра с натянутым луком и со стрелой — горящим факелом. Иво кивнул своему собрату-лучнику[39]. А вот и баран. Иво чуть замедлил шаг, осторожно приближаясь к животному. Травой на пастбище барана были языки пламени, мохнатой шкурой его были клубы дыма, но голова его — вот невиданное диво. На одном из могучих рогов было написано СТРЕМЛЕНИЕ, на другом — ДЕЛО.

— О дело! Сколь лучше в мире нам жилось бы без тебя! — воскликнул Иво. Он произнес сло-

---

[39] Примечания: 39
Archer — лучник (англ.)

ва поэта на языке музыки — это была партия скрипки.

Голова Овна — огромная капля расплавленного металла, — повернулась к нему. Баран фыркнул, из ноздрей вырвалось пламя.

Скотина голодная ест свое пойло.

Так же и мы — наш мир — это стойло.

О чем там визжит свинья по соседству?

Не знает бедняга, от свинства — нет средства.

Иво отпрянул в страхе от громадного зверя, говорящего стихами, баран был столь близко, что казалось — взгляд его опаляет кожу. Иво чувствовал в чудище несокрушимую мощь и решимость, но все же попытался:

Ведь бизнес — это: Ты мертв — я жив,

А «Дело есть дело» — все это ложь.

Овен указал рогом на обгоревший свиток, который виднелся среди переплетенных нитей клубка. При свете пламени Иво прочел:

Формально галактическая история началась с созданием первой межзвездной коммуникационной сети. Известны лишь отрывочные до-

стоверные данные, относящиеся к более ранним периодам становления искусственной макроники — они не имеют большого значения, так как являются несущественными деталями галактического исторического процесса.

Первые две цивилизации, установившие контакт друг с другом, находились на расстоянии всего двести световых лет друг от друга, но понадобилось две тысячи лет, прежде чем на первые послания был получен ответ. Вторая культура приняла сигнал и расшифровала его, но ответ был на время задержан. Предполагается, что консервативные элементы этой культуры опасались далеко идущих последствий начала диалога с чуждыми существами — разумная предосторожность, коль скоро сохранение статус кво поставлено во главу угла.

В течение последующих двух тысяч лет к сети присоединились еще четырнадцать тысяч цивилизаций, вдохновленных примером успешного сотрудничества двух первых. Теперь уже мало кто колебался, присоединяться или нет к программе межзвездного информационного обмена. Таким образом, сформировалось ядро примитивной галактической цивилизации.

Через сто тысяч лет первый макронный сигнал

покинул галактику и растворился в космических просторах, а сама станция, передавшая его, замолчала гораздо раньше — через десять тысяч световых лет после начала передач. Вероятно, эта цивилизация вымерла естественным путем, или произошла какая-нибудь глобальная катастрофа. Эта культура достойна занять место в галактической истории хотя бы потому, что она заложила основу информационной сети. Остальные, познав выгоды обмена знаниями, оставались активными пользователями сети, и в течение следующих тысяч лет их число неуклонно возрастало. В конце концов, количество пользователей стабилизировалось — после этого и началась так называемая главная фаза.

Сформировались зоны влияния, размер зон определялся временем передачи, уровнем передаваемых знаний, устойчивостью общественной системы передающей культуры, ее отношениями с соседями. Некоторые станции, будучи не в состоянии предоставить оригинальную информацию, были закрыты, и следы их теряются. Некоторые работали нерегулярно, вся их деятельность сводилась к тому, что раз в тысячелетие они заявляли о своем существовании. Некоторые передавали только подтверждение

о приеме других программ. Некоторые стали «сервисными» станциями и функционировали как сетевые узлы — они систематизировали и ретранслировали полученную от других информацию. Немногие работали в периферийных макронных диапазонах, избегая таким образом интерференции с приходящим сигналом и не вступая в борьбу за престиж.

Так развились довольно стабильные информационные сферы среди всеобщего хаоса, роль центров играли наиболее устойчивые и развитые цивилизации. Стабильность информационного пространства мало зависела от надежности отдельных его членов — как только замолкала одна станция, ее место тут же занимала другая, продолжавшая нести знания всем жителям галактики.

Многие обширные сферы были основаны уже ушедшими цивилизациями — ведь знание было вечным и, естественно, переживало культуры, его породившие. Область цивилизованного мира галактики постепенно расширялась, по мере того, как отдельные цивилизации получали информацию, собранную в течение долгих веков их соседями.

Иногда информационные сферы меняли своих

хозяев — так происходило, когда ученик превосходил своего учителя, но, как правило, ведущие цивилизации сохраняли приоритет за собой, по-видимому, причиной был более совершенный наследственный материал существ, прошедших долгий путь эволюции. Основная фаза продолжалась около ста миллионов лет, и к концу ее почти все цивилизации-основатели ушли, на их место пришли новые, произведшие лишь малую толику изначального знания. В галактике завершалась эпоха пионеров, и, казалось, прогресс цивилизации Млечного Пути достиг апогея.

С началом Первого Вторжения ситуация радикально изменилась. Перпендикулярно плоскости галактики прошел фронт внегалактического макронного излучения — Странника, и, таким образом, в течение нескольких тысяч лет все смогли его получить. Это был первый межгалактический контакт, если не считать слабого и неразборчивого сигнала какой-то относительно примитивной культуры.

Но этот сигнал был совершенно иным — он нес научные знания и технологии, неведомые ранее. Один лишь факт существования сигнала доказывал, что уровень развития галактической цивилизации и ее технологий — это уровень ре-

бенка в сравнении со взрослым уровнем существ, передавших сигнал. Но главным открытием был, конечно же, метод, позволявший осуществить казавшееся недоступным доселе для живых существ — мгновенное перемещение между звездами галактики.

Все были в восторге — это казалось чудом. На пути развития коммерции была сломлена еще одна преграда. Впервые жители различных звездных систем получили возможность очных встреч. Более древние и мудрые цивилизации разглядели надвигающуюся опасность, но не смогли предупредить остальных, до того как последствия физического контакта культур стали необратимыми.

Созвездие, известное на Земле как Овен, на самой деле вовсе не занимало какую-то компактную область в пространстве. Ведь, фактически, звезды, проекции которых на двумерной плоскости находятся недалеко друг от друга, в трехмерном пространстве вполне могут быть разнесены на приличные расстояния. И все же это созвездие можно рассматривать как один из сегментов галактики, и этот сегмент включал в себя многие обитаемые звездные системы.

То была эпоха межзвездных путешествий, в то

время создавались новые империи — в одну из них и попал Шен.

Так же, как Иво очутился в Гегемонии Тира, так и Шен приземлился на землеподобную, но чужую планету. Гравитация была нормальной, Шен полной грудью вдохнул инопланетную атмосферу — вполне приемлемо. Растительность, в принципе, мало отличалась от земной, не совпадали какие-то несущественные детали. На планете чувствовалось присутствие некого подобия цивилизации.

Планета, как оказалось, с кем-то воевала. Шен мгновенно сориентировался в ситуации. Он направил свои стопы в ближайший вербовочный пункт.

— Я талантливый инопланетянин и хотел бы поступить на службу, — доложил он скучающему вербовщику.

Насекомоподобное существо окинуло его с ног до головы взглядом фасеточных глазищ:

— Верю, что вы инопланетянин, причем очень мерзкого вида, — прогундосило существо. — Если у вас есть ораторский талант, предлагаю вам за три минуты попытаться убедить меня в том, что мне не стоит превращать вас в пар прямо на том месте, где вы изволите стоять своими отврати-

тельными мясистыми щупальцами.

По цвету хитина насекомого Шен определил, что вербовщик ему не доверяет.

— По-видимому, вы считаете меня представителем неприятеля, так как, насколько я понимаю, идет война, и у вас тут под ногами земля горит.

Существо заколебалось с ответом, можно было заключить, что ног, по крайней мере в человеческом понимании, у него нет.

— Несомненно, я мог бы быть шпионом или диверсантом, так как мне удалось проникнуть незамеченным через ваши защитные системы, а такое умение — одно из главных в профессии разведчика. И то, что я открыто пришел к вам, вовсе не свидетельствует о невинности моих намерений — у меня за пазухой вполне может оказаться приличной мощности атомная бомба, которая взорвется, как только вы превратите меня в пар. Таким образом, мой хозяин застрахован от того, что в случае моего неудачного внедрения в вашу военную машину его коварные замыслы не будут столь нелепо раскрыты. Разумеется, я в такой ситуации предпочел бы сохранить жизнь и продолжить собирать шпионскую информацию, соблюдая при этом конспирацию. Но ведь по этой простой причине я и буду для вас превос-

ходным служакой — так как все мои действия будут под подозрением и неусыпно контролироваться — мне понадобятся месяцы, а то и годы добросовестной и безупречной службы, чтобы рассеять ваши сомнения в моей благонадежности. А за это время, скорее всего, кризис пройдет, и мой хозяин, вполне вероятно, станет вашим союзником. Но если мой замысел не удастся, то моему патрону останется утешаться тем, что около кубической мили, может, чуть меньше — никогда ведь нельзя доверять этим антикварным поделкам, — будут надолго непригодны для жизни после моей термоядерной кончины. Две из отведенных мне трех минут прошли, и вы имеете шанс сэкономить минуту.

Насекомое задумалось, казалось, его грызли сомнения.

— Вы согласны пройти флюорографию?

— С удовольствием. Но, боюсь, здешнее начальство может истолковать ваши действия как нерешительность. Разумнее прикончить меня прямо сейчас, пока не возникло каких-либо осложнений.

— Но если вы и вправду вооружены, то это будет катастрофой.

— А что, если я блефую? Ведь блеф стоит гораз-

до дешевле, чем бомба, особенно в наше время галопирующей инфляции.

— Но, если вы блефуете, то вы скорее всего не шпион, и мне *не нужно* превращать вас в пар. Скажем прямо, это может несколько попортить мой послужной список. Но если вы *не* блефуете…

— В ваших словах есть доля истины, не могу не отметить вашу проницательность. Но все же укажу вам на третью возможность — я могу быть шпионом, который заявляет, что бомба у него есть, а на самом деле — ничего у него нет. Согласитесь, это намного более вероятно, чем просто невинный гражданский с бомбой.

— Если вы невинны, то у вас нет бомбы.

Шен пожал плечами, красноречиво признавая свое поражение, хотя со стороны это и выглядело несколько бестактно.

— Поступайте как хотите.

— Допустим, вы шпион. Каким же способом мне лучше поступить с вами, не рискуя жизнью и послужным списком?

— Превосходный вопрос. Вы, разумеется, сами вправе рассмотреть все возможности и выбрать лучшую из них, но мне кажется, что в настоящий момент лучше всего обратиться к вашему непосредственному начальству, так сказать,

представить дело на его суд.

Вербовщик незамедлительно так и сделал. После практически такого же диалога с вышестоящим начальником Шен шагнул на следующий уровень служебной лестницы, затем еще на один выше. В конце концов он беседовал с Шефом разведки.

— Мы верим тому, что вы говорите о себе, — сказал Шеф. — А именно, что вы талантливый инопланетянин, желающий поступить к нам на службу. Ваш внешний вид просто шокирует, такого не видывали во всей галактике, но вы слишком умны, и посему выросли явно не на самой примитивной планете. И все же есть некая вероятность, что вы шпион, но мы не решаемся допрашивать вас, пока не убедимся, что вы не наблюдатель из дружественной, в кавычках, державы или просто нейтральной. Так как в настоящее время у нас есть один потенциальный противник и тысячи потенциальных союзников, а мы не отказываемся от любой помощи — то нам следует обходиться с вами осторожно. Теория вероятности подсказывает, что вы ценный человек, но все же, как нам еще уменьшить, пусть небольшой, но риск?

— Просто не пытайтесь послать меня в храм

Ваала.

— Пардон?

— Разумнее всего будет выплатить мне компенсацию, которая несколько превысит гонорар за мои конфиденциальные услуги моему патрону. Как только это произойдет, мои симпатии будут на вашей стороне, даже если до этого они были с кем-то другим. Ведь общеизвестно — зарплата шпионов вопиюще мала.

Мембрана над клювом Шефа завибрировала:

— Полагаю, вы представляете, сколь нелепо ваше предложение? Мы просто не в состоянии:..

Шен вздохнул:

— Вы, конечно, правы. Звание капитана вашего флота будет неслыханным гонораром шпиону, сколь бы ни были полезны его услуги.

— Да как вам могло прийти в голову… — завелся Шеф. Его чешуя грохотала от благородного негодования. — Звание капитана! Третий лейтенант, нет — рядовой, нет — стажер — и то много для вас!

Капитан Шен пришвартовал свой узкотелый линкор и отправил команду в тридцатидвухчасовое увольнение на планету, пока корабль проходил профилактический осмотр. Он установил термостат, встроенный в кроваво-красный

форменный плащ, на бодрящую температуру 65 градусов по Фаренгейту[40], чтобы лучше соображать на предстоящей встрече. Несколько встретившихся ему штатских лихо отдали ему честь — Шен даже бровью не повел. По уставу офицер обязан был приветствовать чин, ниже его не больше, чем на три ступени — так что штатские были не в счет.

Он взбежал по лестнице королевского дворца, проскочил, не моргнув глазом, мимо недвижимых охранников. Остальные офицеры собрались уже в королевском кабинете: пять самых важных персон планеты восседали за гигантским полукругом стола.

Монарх, Премьер-министр, Адмирал Флота, Шеф разведки, Канцлер и Казначей — все угрюмо ждали начала заседания.

Шен занял свое место. Никто из присутствующих не испытывал особого восторга от его участия в заседании, но они не осмеливались принимать без него важные решения. Шен был слишком умен и был в состоянии аннулировать любое принятое без его участия постановление.

Премьер-министр встал, над столом нависло

---

[40] Примечания: 40
Около 18°С.

его покрытое хитином брюшко:

— Джентльмены, мы получили ультиматум от Гегемонии Льва. Мы встретились для того, чтобы обсудить ответ.

Монарх повернулся к нему:

— Будьте добры, изложите детали.

— Передача всей военной техники вместе с экипажами. Депортация в Гегемонию Льва всех указанных ниже лиц. Контрибуции. Реконструкция.

— Стандартные условия, — заметил Шеф.

— Все присутствующие здесь есть в списке депатриантов? — поинтересовался Монарх.

— Все, кроме капитана. Да, кстати, вместе с семьями.

Канцлер поперхнулся:

— С семьями! Выходит, и наших дочерей отправят туда!

— Уверен, там им будет лучше, — пробормотал Шеф.

Канцлер открыл было рот для отповеди, но Монарх не дал ему высказаться, заговорив сам:

— Контрибуции жесткие?

— Обычные. Десять процентов Валового Планетарного Продукта с Овна и окрестностей. Четырнадцать процентов с колонизированных

миров. Эксплуатация ресурсов, лежащих за пределами мира — сорок процентов.

— Грабеж! — возмутился Адмирал. — Больше двадцати процентов с нерегулярных поступлений в бюджет — это уже свинство.

— Чисто академический вопрос — у нас ведь не будет флота, — успокоил его Шеф. — Нет кораблей — нет добычи, или вы планируете приспособить торговые суда для вашего пиратства?

— Пиратства!

— Джентльмены, давайте не будем спорить о терминах в столь трудное время, — прервал их Монарх. — Вопрос, собственно в следующем — мы принимаем ультиматум, или нет?

— Нет! — решительно рявкнул Адмирал. — У нас есть подробные карты искривлений подпространства их главной звездной системы — точность выше одной секунды. У нас достаточно ракет, чтобы нанести тотальный удар. Если начнем сейчас — то сможем разнести там все в пыль. Давайте покончим с ними раз и навсегда.

— Прелестно, — сухо сказал Шеф. — Вы только забыли упомянуть о возможности ответного удара. Не вижу смысла во взаимном уничтожении.

— Лучше смерть, чем рабство!

— Я бы не называл стандартные условия

рабством, даже при сорока процентах с нерегулярных поступлений. Мы ведь сами поступали так с некоторыми меньшими цивилизациями в прошлом.

— А почему вы думаете, что они будут соблюдать эти условия после того, как отберут у нас флот?

— Вы не слышали о конвенции Близнецов?

— Чепуха. Мы не обращаем на нее внимание вот уже сорок тысяч лет.

— Джентльмены, — еще раз повторил Монарх. Все недовольно замолчали.

— Таким образом, у нас представлены диаметрально противоположные точки зрения, — заметил Министр. — Одни за компромисс, другие считают, что глупо лишать себя подобным образом военной мощи.

— Лучше быть безоружным, но живым, — пробормотал Шеф.

— Измена! — заорал Адмирал.

— *Однако,* — продолжил, повысив голос, Министр. — Мы должны выработать к концу заседания какие-то рекомендации. Окончательное решение, разумеется, примет Монарх.

Тишина.

— Как вам известно, я из далекой системы, —

начал Шен, выдержав паузу. — И мои представления могут существенно отличаться от ваших.

Все с раздраженным видом слушали чужака.

— Насколько я понимаю, у Овна исторически хорошие отношения со Львом. Обе гегемонии за миллионы лет превратились в развитые цивилизации, и, так как цивилизации расположены достаточно близко друг от друга — около ста световых лет — был возможен интенсивный диалог. Но вот пришел сигнал-Странник. Начал развиваться новый флот — флот кораблей, проходящих сквозь складки пространства-времени. Все обещало эру процветания и благополучия, ведь сейчас эти старые «друзья по переписке» могли встретиться физически, почти моментально, а не через многие столетия.

— Старые байки, — фыркнул Адмирал.

— А на деле вместо взаимовыгодного обмена и торговли началась вражда. Теперь вы воюете с ними вот уже тысячу лет, то и дело происходят вооруженные столкновения и этому не видно конца. Точно как Сидон воевал когда-то с Тиром.

— Тир? Сидон? — переспросил Адмирал. — Где они находятся в галактике? Какой у их флот?

— Смешанный флот — военные галеры и торговые суда, — совершенно серьезно ответил Шен

— Мораль в том что они истощили свои ресурсы и сильно проредили свой флот в бессмысленной войне, вместо того, чтобы объединиться против общих врагов.

— Это чрезмерное упрощение, — возразил Министр. — У нас была конфронтация со многими системами..

— Три войны с Центавром, две с Лебедем, напряженность в отношениях с Орионом, Лошадью, Собакой, Зайдем… — напомнил Шен.

— Союзный договор с Медведем, Бобром, Драконом, — невозмутимо продолжил Министр.

— И все эти договоры были вероломно нарушены. Почему? Что случилось с эрой знания и изобилия, начало которой должны были положить межзвездные путешествия?

— Наши соседи предали нас.

— Разумеется, все они негодяи. И теперь Лев прислал вам ультиматум, в котором требует безоговорочной капитуляции. Несомненно, вы его спровоцировали.

Адмирал и Министр беспокойно затарахтели чешуей.

— Был инцидент на границе, — признал Шеф после недолгой паузы.

— Давайте выясним, что за инцидент. Ведь у

вас, фактически, нет границы со Львом. Вы используете деформаторы пространства-времени, посему нет у вас оправдания, будто вы случайно залетели к соседу, сбившись с курса. Особенно если вы сжимаете объект с планету размером и выскакиваете под самым носом у него. При наличии точной карты и деформатора пространства вся галактика у вас в соседях. Ограничения, накладываемые скоростью света, вас уже не сдерживают.

— Да это просто была разведка, — сказал Адмирал.

— Спутник две тысячи миль в диаметре в качестве разведчика? С базами и всей прочей ерундой для нескольких тысяч кораблей, каждый из которых в состоянии развалить средних размеров планету? Ваши эвфемизмы вряд ли уместны сейчас, Адмирал. И я не сомневаюсь, что вы появились на расстоянии не превышающем пять световых секунд от их главной планеты.

— Три световых секунды, — почти беззвучно прошептал Адмирал.

— И вы не утруждали себя всякими там ультиматумами, не так ли? Ма-аленький такой блицкриг. Вы предполагали проскользнуть со своим боевым планетоидом поближе к их сто-

лице, пока их корабли где-то далеко. И что же произошло?

— Они поджидали нас, — сказал Министр, — Они были прекрасно обо всем осведомлены.

— Невообразимое головотяпство, — вмешался Казначей. — Вы хоть представляете себе, *сколько* стоит боевой планетоид?

— Очевидно, имела место утечка информации, — сказал Шен, ему становилось уже скучно.

— Очевидно, — и Адмирал испепеляюще посмотрел на Шефа, который, не выдержав, отвел свои фасеточные глаза.

— Таким образом, Лев захватил вашу, с позволения сказать экспедицию, и баланс сил сместился теперь в его сторону. Вот и получайте ультиматум.

Все молчали.

— Я провел небольшое исследование, — прервал молчание Шен. — И выяснил, что ультиматум — это не столь уж важно.

Все удивленно застыли, глядя на него.

— Овен и Лев — это всего лишь два княжества в океане королевств, федераций, империй галактики. Если вас еще не сожрали соседи, то только потому, что вы слишком бедны, для того, чтобы игра стоила свеч. Но сейчас многие галактиче-

ские сверхдержавы подошли к такому состоянию, что им экономически выгодно поглотить вас обоих, а заодно и положить конец вашим мелким пиратским набегам на дальние колонии. Вы — финикийцы и греки, и вы созрели для завоевания ваших стран Египтом или Ассирией, а может, и Александром.

Золотистые фасетки Монарха невесело смотрели на Шена.

— Не желаете ли вы нам сообщить, кого же вы представляете? Этого самого Александра?

— Я представляю самого себя. Я только констатирую факты, которые настолько очевидны, что говорят сами за себя. Ваша недальновидность погубит вас. Вы истощаете друг друга в войнах, в то время как волки внимательно смотрят на вас и ждут подходящего момента, чтобы растерзать. Самый лучший выход для вас — заключить союз со Львом, даже если для этого придется принять их условия — и тем самым хоть немного оттянуть конец вас, как державы.

Никто не проронил ни слова.

Наконец Монарх встал:

— Ваши речи кажутся нам разумными, Капитан. Положение наше неважное, но, пожалуй, еще не поздно. Мы принимаем условия.

Никто, разумеется, и не думал возражать. Сам Монарх Овна так сказал.

Через две недели корабль Шена причалил к транспортному планетоиду — спутнику с минимальной эффективной массой. Шеф заверил его, что все, хоть немного подозрительное, снято, и теперь это просто каменный шар, внутри которого только зал с оборудованием для деформации пространства, к которому ведет шахта. Оборудование было куда сложнее того, что создала колония на Тритоне — можно было обойтись гораздо меньшими массами, и датчики перемещения были гораздо чувствительнее. Все это, вместе с современными картами искривлений подпространства, превращало прыжок в рутинную процедуру.

Шен загодя изучил техническую документацию и теперь хорошо ориентировался в оборудовании деформатора.

Он был один — его выбрали в качестве парламентера, и именно он должен был передать Льву сообщение о капитуляции.

— Большая группа вызовет у них подозрение, — пояснил ему Шеф. — Но с вами, с инопланетянином, они согласятся обсудить детали, и вы вернетесь с их экспедиционным корпусом. А мы

уже к тому времени будем готовы.

Да, конечно, лупоглазый.

Шен вошел в комнату управления и просмотрел сообщения компьютера. Все было включено, но панель управления заблокирована. Прыжок должен был состояться через час. Люди с базы Нептуна, первые земляне, освоившие прыжки в пространстве, знали, что мгновенное положение объекта очень важно, но до чего не додумался не слишком совершенный человеческий мозг, так это что точное *время* начала гравитационного коллапса важно не меньше. Вселенная не стабильна: она долго расширялась и сейчас находилась в неустойчивом состоянии в преддверии процесса сжатия. Некоторые области Вселенной все еще расширялись, а некоторые уже стали сжиматься — оба процесса взаимодействовали сложным образом, оказывая влияние на положение галактик, звездных скоплений и даже звездных систем друг относительно друга — хотя живым существам, жизнь которых для звезд лишь миг, все казалось незыблемым. В результате смежные плоскости в искривленном пространстве-времени дрейфовали и, хотя грубая структура петель оставалась неизменной, их тонкая структура постоянно менялась — петли

растягивались, сжимались, старые исчезали, новые появлялись.

Следовательно, для детального описания топологии пространства необходим не столько статический, сколько динамический подход. Порой смещения происходили столь быстро, что можно было говорить о микроскопических волнах деформации — в этих случаях ошибка на минуту выливалась в эквивалентную ошибку в расстоянии, измеряемую световыми минутами.

Поэтому поездка Шена была заранее тщательно проработана и просчитана, а аппаратура заблокирована, чтобы предотвратить случайное вмешательство, способное повлечь серьезные последствия. Ведь появись парламентерская миссия в стороне от оговоренного места на каких-нибудь несколько миллионов миль, неприятель тут же заподозрит неладное, и его корабли откроют огонь.

Шен разложил специальное приспособление, которое он тайком пронес на борт и принялся за дело. Под действием луча компактного лазера блокирующее устройство превратилось в пыль, панель управления откинулась, обнажив хитроумное электронное нутро управляющего компьютера. Ловко орудуя инструментами, Шен

произвел незначительные изменения в схеме. Для интеллекта Шена преград здесь быть не могло.

Он решил поехать не совсем туда, куда посылал его добрый Монарх, повелитель княжества Овна.

Шен вернулся на свой корабль, задраил все люки и вошел в камеру деструкции. Система управления деструкцией предупредила его прерывистым писком — до включения луча оставалось десять секунд…

Прошло много часов, за это время тело Шена расплавилось, испарилось, корабль вместе с планетоидом сжался, превратившись в песчинку, затем весь процесс пошел вспять, но уже в другой точке галактики, в месте назначения.

Шен сел за корабельный макроскоп и посмотрел, что творится в этих краях Вселенной.

Сигнала разрушителя не было, как он и предполагал. Компьютер произвел необходимые измерения и выдал текущие координаты — до назначенного места встречи с представителями Льва было около светового часа.

Шен улыбнулся. Сработало.

Шен обманул всех, установив контроллер деформатора пространства на тройную серию с задержкой в одну минуту между прыжками.

Планетоид совершил первый прыжок в систему Льва, задержался там буквально на мгновение и ушел обратно, прежде чем начался процесс восстановления протоплазмы. Даже за это время топологически смежные поверхности пространства успели сместиться, и обратно планетоид выскочил уже в нескольких световых минутах от точки старта. Прежде, чем на Овне успели что-то предпринять, ведь прошли минуты, до того как они просто смогли увидеть планетоид, последовал третий цикл сжатия, перенесший Шена в конечный пункт задуманного им маршрута. Суммарная траектория была зигзагообразной и по форме напоминала латинскую N — два, последовавших один за другим, прокола пространства вызвали сильные деформационные возмущения, что, естественным образом только увеличило результирующее отклонение. Опасно? Несомненно, но для чего же существуют герои, как не для встречи опасности грудью?

Только после завершения всей серии маневров начался процесс восстановления. Это займет часы, но отклонение от заданной точки было столь велико, что беспокоиться было не о чем. Сейчас-то как раз все и начнется.

Вот и они. На экране кругового обзора густо

высыпали точки — окружавшая систему Льва армада боевых кораблей была наготове. Здесь предвидели измену.

Их опасения оказались не напрасны.

На экране появились еще два планетоида Овна, на расстоянии около светового часа друг от друга. Шен знал, что есть еще как минимум один, на дальней стороне системы, сигнал от него просто еще не успел дойти. Наблюдать за событиями с помощью оптики или макроскопа так утомительно! Слишком поздно узнаешь о происходящем. Одно ясно — в атаку брошены все силы Овна, это был тот самый тотальный удар, на котором так горячо настаивал Адмирал.

А как же возможность ответного удара со стороны Льва, о которой предостерегал многоопытный Шеф Разведки?

Шен опять улыбнулся. Задумано все было очень просто. Но командование Овна недооценило проницательность инопланетянина, решив, что он принял свое липовое назначение за чистую монету. Они разыграли липовое заседание кабинета, вынесли липовое решение, в то время как военные приготовления шли полным ходом. На самом деле у них и в мыслях не было капитулировать, и, скорее всего, не было настоящего

ультиматума. Эту акцию они, должно быть, готовили десятилетиями.

Корабли Льва все еще кружились вокруг предполагаемого места появления парламентариев, в то время, как основная часть флота уже мчалась на всех парах к Шену. Они думали, что его планетоид также участвует во вторжении, и на самом деле так оно и было. Спасло Шена то, что он находился в обусловленном месте очень мало — планетарные орудия кораблей просто не успели захватить цель.

А сейчас он находился в непредвиденной точке пространства. Непредвиденной вдвойне: очевидно, что на Овне предполагали выбросить его далеко от места, предусмотренного для переговоров, в то же время сейчас его место было далеко от точки, назначенной командованием Овна.

Он сфокусировал изображение макроскопа на поверхности своего планетоида и осмотрел ее. Сомнений быть не могло, спрятанные корабли возвращались к жизни, их команды восстанавливались из протоплазмы. По крайней мере, Шен сделал одно благородное дело и спас экипажи от планетарных орудий: разведка Льва работала получше, чем разведка Овна.

Но для него это не имело никакого значения.

Удивительно, что они доверили ему пульт управления деформатором. Наверное, опасались, что он распознает поддельную панель и решили, — что блокирующего устройства будет достаточно для предотвращения непредвиденных шалостей. Ведь если они и вправду считали его шпионом Льва, то, правдоподобия ради, необходимо было дать ему самому проверить координаты прыжка.

Шен мог бы сходу назвать тысячу более простых и надежных способов провернуть эту аферу. Но; к счастью, стиль мышления военных никогда не отличался гибкостью и оригинальностью. К счастью? Если мозги неплохо работают, то они определенно не принадлежат военному. Стратеги Овна ошиблись в оценке Шена на порядок.

Придет время, и корабли эскорта избавятся от корабля и Шена, как от ненужной вещи. Его-то корабль не был вооружен — в полном согласии с достигнутой договоренностью и не обладал большими запасами горючего, чтобы имело смысл пытаться уйти. Они не беспокоились о нем, сейчас главной их заботой был приближающийся флот Льва.

Он навел скоп на дальнюю сторону системы. Сомнений быть не могло — подошел третий

эшелон атаки.

Но это был не планетоид, они перетащили сюда весь свой мир! Это было, как он и подозревал, контрмерой на ответный удар противника. Убрать саму цель из-под удара.

Шен еще раз улыбнулся. Какая наивность!

Ведь планета Льва исчезла, и остался только флот, который разнесет планету Овна еще до того, как ее население восстановится из протоплазмы. Интересная получилась игра в предательство и межпространственные прыжки!

Когда на это место прибудут посланцы империи, решившей навести порядок в данном уголке галактики, им здорово придется поработать, собирая мелкие остатки цивилизаций.

Пора прощаться со Львом, решил Шен, которого впереди ждали великие дела. Через три часа система управления начнет четвертый, последний цикл сжатия — это будет просто жуткий конец для войск, которые случайно Окажутся поблизости. Все, что находится рядом с границами стабилизирующего поля, будет буквально размазано искривлениями пространства, вызванными гравитационным коллапсом — те же, кто находится в зоне действия поля, сохранятся, но, увы, жизнь их покинет. Увы, лишь находясь

в податливой газообразной форме можно пережить кошмарное давление коллапса.

Шен остановился перед входом в камеру деструкции. Насколько будет благодарен ему монарх противника — Гордость Льва, подумал Шен, если в дар ему преподнести целехонький боевой планетоид и изрядное количество работоспособных кораблей в придачу?

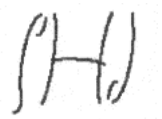
Не очень-то, решил он. Лев попытается надуть его, так же, как это сделал Овен, следуя по традиционному для правительств всех времен и народов пути — лжи и предательства. А международная вражда будет идти своим чередом, планеты каждой из сторон будут вращаться вокруг светила своего противника, а население страдать от непривычного излучения звезды. Настоящую награду посредник получит только тогда, когда ход сделает какая-нибудь империя.

И, вероятно, небольшая хитроумная манипуляция может сильно уменьшить время обдумывания этого хода…

Все еще улыбаясь, Шен вошел в камеру. Прозвучал предупредительный сигнал — деструкция началась.

— Александр, где ты? — тихо произнес Шен.

Вода



«Бархатная мелодия флейты мягко лилась в лоно гармонии...» Иво был этой флейтой, или только частью ее, и сейчас он спускался в сектор гороскопа, укрытый водой. Первым он встретил скорпиона, нежившегося на берегу, казавшегося совсем не страшным, хотя и был он огромен — ведь он выражал творческие способности и честность. Затем, он прошел мимо сидящего под водой краба, который терпеливо проводил его взглядом из-под панциря. Наконец, он остановился возле аквариума, в котором плавали две рыбы, словно две ступни плясали под водой. На одной из них было написано СОСТРАДАНИЕ, а на другой — СЕРДЦЕ.

Из темного нутра флейты течет мелодия

То ли аромат, то ли песня

Кажется, что роза обрела уста…

Сказал Иво рыбам на понятном им языке.
Первая рыба ответила:

О, да. Природа, однако, играет свою прекрасную музыку
На скрипучем органе бытия…

Вторая рыба продолжила:

Все прекрасное, все звуки, свет
И жар, и холод, и тайны
Сокровенных глубин природы…

И вновь первая:

Вся природа поет человеку
О, возлюби меня, столь долго не любивший.

Вновь вторая:

О Дело! Твое сердце неужели мертво?
И нет у тебя ничего, окромя головы?
Я вся твое сердце! —

пропел голос флейты.
На песчаном дне аквариума ракушками было выложено:

Физический контакт между звездными цивилизациями породил хаос. У всех были интересы и амбиции, и лишь немногие были в высшем смысле этичны, чтобы не поддаться многообещающему соблазну. Предрассудки, изжитые, казалось, за время чисто интеллектуальных контактов, проявились теперь с невиданной силой. Оказалось, что некоторые теплокровные виды питают врожденную неприязнь к холоднокровным, покрытым слизью разумным существам, несмотря на равенство интеллекта. Образовалось множество подобных непримиримых сочетаний.

Некоторые виды превратились в пиратов, признав, что получать продовольствие, товары, рабов бесплатно экономически выгодно. Другие затеяли программы колонизаций — естественным следствием чего явились трения между державами из-за колоний. Не все контакты сопровождались насилием — были примеры взаимовыгодного сотрудничества. Но все равно, старый добрый порядок был разрушен, влияние и власть перешли от наиболее интеллектуально одаренных видов к физически крепким и биологически более функциональным.

Установился новый порядок — теперь всем заправляли наиболее безжалостные и коварные

цивилизации. Жадность и подозрительность разрывала на части империи этих новых лидеров, происходили новые переделы мира, галактическая цивилизация катилась в пропасть полной анархии.

Через полмиллиона лет цивилизация исчезла вовсе, поглощенная волной насилия, не работала ни одна передающая макронная станция, в макронном эфире остался только сигнал Странника. Цивилизации вымирали, пожираемые собственной дикостью.

То была Великая Смута.

Где-то через миллион лет после появления Странник исчез. Смута закончилась — но галактическая цивилизация была отброшена далеко назад. Прошло некоторое время, вновь заработали макронные станции, была отстроена информационная сеть — но шрамы Смуты долго еще давали знать о себе. Любовь, однажды отвергнутая, возвращается не скоро.

— Теперь тебе лучше? — с надеждой произнес голос.

Беатрикс открыла глаза, все еще слезящиеся от морской соли, и осмотрелась. Ярко светило солнце, она была одета в черный купальный костюм, прикрывавший столь малую часть ее тела, что

это показалось ей неприличным.

— О, да, — произнесла она, все еще испытывая легкое головокружение от недавнего падения в воду. Ей почудилось было, что она тонет…

Казалось, лицо молодого человека светилось.

— Лида! Персис! Дурвин! Радуйтесь, тот, кого мы нашли, ожил!

Три юные фигуры бросились к ним через пляж.

— О, радость! — прокричал первый — мускулистый гигант, мокрая кожа его отсвечивала на солнце.

Через пару мгновений они уже стояли подле нее — два бронзовокожих молодых человека и две милые девушки. От них исходил мощный поток жизненной силы и энергии. У всех были черные — воронье крыло — волосы и классические черты лица.

Успокоившись, первый мужчина заговорил вновь:

— Это Персис, что означает — хранительница мира.

Девушка сделала что-то вроде реверанса и улыбнулась, обнажив ряды ровных и белых зубов.

— Это Лида, что означает — любимица всех.

Вторая девушка тоже слегка присела и улыбнулась столь же вежливо, как и первая.

— А это мой лучший друг — Дурвин.

Второй мужчина поднял руку в приветствии и весело подмигнул.

— А я, — скромно произнес представлявший всех, — Хьюм — тот, кто любит дом.

Его улыбка затмила всех остальных.

Беатрикс попыталась было что-то сказать, но Хьюм присел рядом с ней и приложил к ее губам свой тонкий палец.

— Не называй себя. Мы знаем уже, кто ты. Разве не ты принесла нам радость?

— Она та, что приносит радость! — воскликнул Дурвин. — Ее имя будет…

— Беатриса! — хором прокричали девушки.

— Нет, — торжественно произнес Хьюм. — Это означает обычную радость, а она у нас необычна.

Дурвин внимательно посмотрел на нее:

— Ты прав. Взгляни на ее волосы! Это же бриллиант в кристалле кварца! Но все же радость — вот ее предназначение; не Беатриса, но…

— Беатрикс! — довершил Хьюм.

— Мы будем называть ее Трикс, — сказала Персис.

Беатрикс терпеливо их слушала.

— Вы знали мое имя раньше, — наконец сказала она.

— Мы знали, что там должно быть, — ответил Хьюм таким тоном, будто все объяснил.

— Где я? — она окинула взором белый, с полосками выброшенных штормом водорослей, пляж, сине-зеленую гладь моря.

— А где бы тебе хотелось оказаться? — вежливо поинтересовался Хьюм.

— Ну, я не могу сразу ответить. Думаю, это не имеет значения. Это как сон Иво, когда он оказался в Тире — но все же это так реально — совсем не похоже на сон!

— Пойдем, — сказал Дурвин. — Уже темнеет, а деревня далеко.

— Да, — согласилась Лида. — Мы должны представить тебя нашим товарищам.

Затем Беатрикс шла по длинному пляжу, любуясь бликами отраженного от волнующегося океана заката. Мужчины шагали рядом, с обеих сторон, девушки вприпрыжку следовали за ними. За пляжем начинались заросли пальм, отбрасывавших длинные колышущиеся тени на песок. Воздух был теплый и влажный, насыщенный пряными ароматами моря. Под ногами приятно

шелестел горячий песок, то и дело попадались цветные камушки и колючие ракушки.

В сознании всплыло слово «мюрекс»[41] — но она не могла определить ни значение, ни происхождение слова — одно лишь знала точно — таких ракушек она раньше не видела.

Через пол мили на излучине пляжа показалась деревня — стайка конических палаток на берегу. В центре деревни пылал большой костер, искры взлетали высоко в вечернее небо, иногда вырывались легкие красные крупицы пепла, которые затем медленно летели к океану. Запахло горящей целлюлозой, обугленными водорослями и жареной рыбой. Беатрикс почувствовала голод.

Хьюм взял ее под руку и подвел к толпе аборигенов.

— Это Трикс, — объявил он. — Пришла из воды, великая радость нам, что она чувствует себя хорошо.

— Еще один спасенный! — закричал кто-то.

Они столпились вокруг нее — стройные, черноволосые, излучающие здоровье и дружелюбие. Их было около тридцати, и столь симпатичной компании она не встречала еще никогда в жизни.

---

[41] Примечания: 41

Игольчатый моллюск, из которого финикийцы делали свой знаменитый пурпур.

— Посмотрите, как она прекрасна, — воскликнула одна из девушек.

Беатрикс смущенно рассмеялась:

— Я вовсе не красивая. Мне уже почти сорок.

Она вспомнила о Гарольде. Было как-то непривычно, несколько не по себе без него, хотя ее окружали, вне всякого сомнения, очень милые люди. А может, Гарольд, Иво и Афра все еще висят в той камере и наблюдают за ней, как когда-то все они смотрели на Иво? Но ведь внутри ее не было личности Шена, чтобы подстроить такое путешествие… все было так сложно.

Люди вокруг заулыбались.

— Нам нужно построить тебе дом, — сказал один из них, и все засуетились. Одна из палаток служила, по-видимому, складом, из нее мужчины вынесли свертки какой-то материи, шесты, мотки шнура. Они воткнули шесты глубоко в песок и связали концы наверху. Другие в это время развернули материю и обернули ею каркас. Беатрикс заметила, что по краю материи были прикреплены застежки, так что можно было легко соединить вместе два куска ткани или крепить их к каркасу. Вскоре жилище Беатрикс было готово — веселый многоцветный вигвам. Все отошли и выжидающе посмотрели на нее.

— Очень мило, — сказала она, — но…

Все чего-то ждали, но она не знала, что говорить дальше. Это было действительно очень мило, и общество этих людей казалось ей приятным, но как спросить у них, что же она делает здесь, в чем смысл ее пребывания в этом мире?

Она куда-то вошла — что-то вроде диаграммы? — откуда-то спускались маленькие шарики, вращались какие-то колеса, она видела странных животных, будто сошедших с иллюстраций в астрологических книгах Гарольда, а затем упала в пруд с говорящими рыбками — либо она сама стала каким-то образом говорящей рыбой? — а на дне пруда было что-то написано. Она смутно припоминала, что надпись на дне относилась к истории, и к тому, зачем она, Гарольд, Иво и Афра прибыли в это место. В то место. Сейчас же она была одна, вне истории, и никто не давал объяснений, и она не знала, как сформулировать свой вопрос.

Эх, был бы здесь Гарольд, он бы обо всем позаботился! Он был так практичен в подобных вещах.

— Большое вам спасибо, — ничего лучше она не могла придумать.

— Споем песню в честь Беатрикс! — прокричал Хьюм. И полилась песня — воплощение бьющей

через край молодой радости этих людей. Голоса девушек напоминали флейты — они были изумительно чисты и высоки.

Затем все уселись вокруг костра — теперь он был уже сияющим кольцом багровых углей. По кругу начали передавать ломтики аппетитной, сочной рыбы, завернутой в плотные зеленые листья. Все пили какой-то напиток, похожий на кокосовое молоко, но более густой и сытный. Беатрикс было забеспокоилась, что это может быть алкоголь, но быстро обнаружила, что это не так.

Фонарей или светильников здесь, похоже, не было — когда костер погас, все сидели в темноте. Мужчины рассказывали истории о том, какую рыбу им удалось сегодня загарпунить, или почти удалось; о том, что за места они сегодня разведали — если верить их рассказам, то это были удивительные места, и тут водилась просто сказочная рыба. Девушки хвалились тем, какие прекрасные цветы они видели в лесу, либо какие замечательные камушки нашли на берегу. Никто не спрашивал Беатрикс, откуда она, что, впрочем радовала ее, так как сама она ничего не могла понять.

Все было чудесно, и даже вечерний бриз с моря не был холодным, но Беатрикс испытывала неко-

торое беспокойство. Она плотно поужинала и естественные позывы организма были все более настойчивыми. Но в какой же палатке…

Слева сидел Хьюм, справа Дурвин. У них спрашивать было неловко.

Наконец, все стали расходиться, и веселые голоса затихали где-то в ночи. Пришло время сна.

Она неуверенно встала. Беатрикс не знала еще твердо, где ее палатка, и что ей следует делать, когда она до нее доберется. А что касается…

Кто-то мягко взял ее под руку.

— Может, прогуляемся, — раздался нежный голос Персис.

Она с благодарностью согласилась. Они вышли из деревни и углубились в полосу прибрежной растительности — было совсем темно, и об этом можно было судить лишь по удаляющемуся шуму волн и силуэтам ветвей, иногда закрывавших звезды. Нога то и дело наступала на гальку или прутик, но было совсем не больно.

— Здесь.

— Здесь?

Они все еще находились в лесу, Беатрикс была в этом уверена. Во тьме слышался писк и возня насекомых. Где же здание?

Персис присела. Для Беатрикс это было настоя-

щим шоком. Здесь же нет элементарных удобств — с отчаянием подумала она. Ничего, кроме кустов. А они даже не замечают этого.

Гарольд бы соорудил, по крайней мере, дощатую уборную…

На полу ее жилища лежал мягкий пушистый матрац. Вход плотно закрывался, и ночной ветер не задувал в палатку. Персис указала ей, куда можно повесить купальный костюм и удалилась. Преимуществом вигвама было то, что в темноте все находилось под рукой. В общем, было достаточно удобно.

Удобно-то удобно, да душа вот не находит себе места. Как спать без ночной рубашки… опять же, отсутствие удобств. Она понимала, что это все мелочи, но все эти маленькие кирпичики, из которых складывалась примитивная бытовая идиллия, как оказалось, значили для нее много.

Затем она принялась размышлять о том, как же расположились на ночлег ее новые друзья. В деревне, по-видимому, не более двадцати палаток. На каждого по палатке не получается. Значит, некоторые из этих молодых людей были супругами? Но каких-либо свидетельств этому она не заметила: на пальцах не было колец, отсутствовали любые Признаки брачных уз.

Наверное, Дурвин и Хьюм спали в одной палатке, а Лида и Персис — в другой. Ведь молодые люди, как правило, не любят одиночества.

Гарольд бы сказал небось: «Другие народы, другие обычаи.» Если бы он только был здесь!

Утром мужчины собрали сучья для костра, но не зажигали его. Девушки принесли из лесу фрукты, и подтащили еще кокосов. Оказалось, что вчера вечером они пили таки кокосовое молоко. Мужчины пробивали острыми тяжелыми камнями дыры в скорлупе и ловко переливали молоко в бутыли из тыкв. Девушки добавляли в напиток сок из раздавленных ягод.

Завтрак был похож на ужин — общее собрание вокруг все еще не зажженного костра — по кругу передавались нежные дольки фруктов и чаши с напитком. На сей раз, вместо рассказов о дневных приключениях, обсуждались планы на день: в каком месте рыбалка будет самой удачной, не пора ли перенести лагерь на новое место, не пойдет ли сегодня дождь.

— Я, — заявил Хьюм, — разведаю места к югу. Может, удастся подыскать там хорошее место для лагеря.

— А кто пойдет с тобой? — подмигнула ему Персис. — Неужели ты думаешь, что столь важное

задание можно доверить *мужчине?*

— Трикс пойдет со мной, — весело ответил он. — Разве не я первый ее нашел?

— А ты уверен, что нашел именно ее, а не прекрасные белые волосы? — Персис делала вид, что задумчиво рассматривает прядь своих черных, как смоль, волос.

— Но я ничего не понимаю в местах для лагеря! — возразила Беатрикс.

Эта фраза казалась ей глупой, но она была польщена упоминанием волос. Когда-то они были по-настоящему красивы, но все же кое-что еще осталось. И даже только то, что осталось будет, безусловно, активно обсуждаться в компании черноволосых людей, хотя, на самом деле, ничего особенного в ее волосах нет.

— Ты думаешь, *он что-то понимает?* — сказала Персис.

Беатрикс не сразу сообразила, что Персис имела ввиду выбор места для лагеря. Что ж, похоже, все решено.

Беатрикс и Хьюм не спеша побрели вдоль берега. Беатрикс было забеспокоилась о том, чтобы не сгореть на солнце, но небо вскоре начало затягиваться тучами, и волноваться нужно было уже о дожде.

— Здесь всегда так? — спросила она, пытаясь в очередной раз сформулировать волновавший ее вопрос.

Раньше она не могла понять, почему Иво просто не проснулся тогда, когда ему приснилась Древняя Финикия. Только теперь она могла оценить ситуацию, в которой он очутился. Этот мир *включал в себя и сон!*

Когда просыпаешься — ты просыпаешься, и все тут, а не возвращаешься назад.

Здесь не было за что ухватиться, не было способа… ей не удавалось выразить то, что она чувствовала.

— Все время лето, — сказал он.

В руках Хьюм держал рыбацкую острогу, которую он использовал как посох.

Так вот, что это такое! Летние каникулы!

— Где же ваши семьи?

— О, они далеко от моря. Слишком опасно им быть на берегу.

— Опасно?

Это уже мало походило на каникулы.

— Черные, — сказал он, словно отрезал.

— Что за черные?

Он несколько замешкался с ответом. Тема явно была не из приятных.

— Они выходят из моря. Я думал, ты обо всем знаешь. Мы не должны позволять им осквернять нашу землю. Но каждый год кто-то да выползает. Если они нас одолеют и начнут размножаться…

Он взглянул вперед.

— Вон, смотри. Хочу тебе это показать.

Она проследила за его взглядом и заметила в море выступающий камень — ровный утес, вздымающийся над водой, футов двадцать высотой. Форма утеса была необычна, так как его отвесная грань была обращена к берегу, а не к океану. Гарольд непременно сказал бы что-нибудь о воздействии приливных волн, но Беатрикс в этом ничего не понимала. Но скала все равно была очень красивой. Солнце пряталось за тучами, но тут, словно по команде режиссера, тучи раздвинулись и из-за них выглянул яркий луч. Он упал на скалу, и она ослепительно засверкала.

— Что это? — спросила она, заинтригованная.

— Солнечный камень, — ответил он и побежал.

Ничего не понимая, Трикс последовала за ним.

Тучи вновь закрыли солнце, и когда они подошли поближе, Беатрикс поняла почему скала так ослепительно вспыхнула. У нее была зеркальная поверхность! Сторона, обращенная к берегу, была

гладким сколом, и то ли природа, то ли человек, отполировали ее до зеркального блеска. Скала отражала берег, деревья и казалась окном в другой мир.

Может, ей шагнуть туда? Перенесет ли ее *это* назад?..

Беатрикс увидела свое отражение и замерла. Она сбросила лет двадцать. Волна красивых белокурых волос — точно такими они были давно, еще до замужества. Тонкое лицо с острым подбородком — как у местных девушек, и убийственно стройное тело.

— А ты говорила, что некрасивая! — сказал Хьюм, угадав ее мысли. — Говорила, что тебе под сорок.

— Но так ведь оно и есть, — смущенно пробормотала она. — Я не могу ничего понять.

— А не надо и пытаться. Как известно, знание порождает скорбь.

Он двинулся в сторону берега, зеркальная скала была ему больше неинтересна.

Она задержалась, рассматривая другие грани камня — они были такие же гладкие — все это вместе выглядело, как чудо. Беатрикс еще раз осмотрела себя в скале-зеркале. Недавно еще казавшийся слишком вызывающим купальный

костюм теперь уже представлялся чрезмерно пуританским. Она вновь была молода и… красива. Наверное, она почувствовала это раньше, но не поверила.

— Трикс!

Она вздрогнула, удивленная его нетерпеливостью и устыдилась — со стороны она, верно, походила на школьницу, которая вертится у зеркала. Беатрикс побежала к нему, сомнений больше не оставалось — она вновь обрела молодое и здоровое тело семнадцатилетней девушки.

Но Хьюм вовсе не торопил ее. Он что-то нашел.

От воды к деревьям тянулась цепочка следов. Но это не были человеческие следы — вмятины широкие и неглубокие, даже в тех местах, где на мокром песке отпечатки были четкими.

— Прошел не более часа назад, — коротко бросил Хьюм.

У Беатрикс по спине пробежали мурашки, мускулы на шее напряглись.

— Черный?

Он кивнул.

— Теперь его не поймать. В кустах его не выследить, разве только если всем вместе не обложить его.

— Что же нам делать?

От напряжения у ее начала кружиться голова, так же, как, по рассказам Иво, это случалось с ним.

— Я посторожу здесь. А ты беги в деревню и предупреди остальных. И будь осторожна — они обычно ходят парами и выбираются на берег в разных местах. Но если словим одного… Поторапливайся!

Страх придал ей резвости. Она побежала по песку, прижимаясь к кромке воды, в мокром песке ноги не так вязли, хотя океан теперь пугал ее. Чудовища из морской пучины!

Она пронеслась мимо зеркальной скалы и вскоре начала задыхаться. Как далеко ушли они от лагеря? Как минимум на милю — это сейчас кажется так далеко! А что, если черные вернутся до того, как она подоспеет с подмогой? Ведь у Хьюма только его острога. Эти жуткие отпечатки…

Бег пришлось замедлить. Она была молода, но все равно не выдерживала столь бешеный темп. Бока пронзала острая боль.

Пришлось перейти на шаг. Она чувствовала себя виноватой, ведь от нее ждут помощи, но на большее она не способна.

Беатрикс оглянулась назад, боясь преследования. Зеркальная скала уже скрылась за

поворотом. Она еще больше занервничала.

Боковое зрение выхватило на поверхности воды какой-то предмет, и она, вздрогнув, повернулась к океану, хотя и уверяла себя, что это просто кусок дерева качается на волнах. Она побежала опять, но боли в боку быстро умерили ее пыл.

Вновь глаз мимо воли зафиксировал в воде какое-то движение. Она внимательно присмотрелась, пытаясь убедительно доказать себе, что там ничего нет. Случайное возмущение, вызванное встречей двух течений — наверняка так успокоил бы ее Гарольд.

Из белой пены показалась черная голова со страшными большущими глазами, увенчанная двумя колеблющимися антеннами.

Беатрикс завизжала.

А вот этого делать не следовало. Голова мгновенно повернулась к ней. Она увидела отвратительное тупое рыло, под ним зияло круглое отверстие — беззубый рот. Ушей не было, но чудовище как-то слышало и сейчас плыло, а может скользило к Беатрикс на устрашающей скорости.

Она рванулась к лесу, но рыхлый песок предательски уходил из-под ног. Потеряв равновесие, она упала, песок брызнул в глаза, ослепив ее. Откашлявшись, она попыталась протереть глаза,

но на руках тоже был песок.

Наконец, кое-как сориентировавшись, она обнаружила, что стоит на коленях недалеко от воды. Сквозь пелену слез проступали контуры приближающегося чудовища.

Оно вышло уже из воды и было совсем рядом — огромная статуя из черного дерева. Чешуя, укрывающая его тело, отливала металлом. Все конечности — все четыре — имели перепонки. Это черный!

Мрачная фигура нависла над Беатрикс — безобразное квадратное рыло маячило совсем близко. С дрожащих антенн капала вода.

Издалека послышался крик. Голова черного повернулась в направлении, откуда пришел звук, он поднял свои перепончатые лапы. В деревне услышали ее крики! Они спешат на помощь!

Тварь заковыляла к океану, спасаясь от людей. Но группа мужчин бежала уже в полосе прибоя, отрезая путь к отступлению. Черный был так неуклюж: он не мог быстро передвигаться по суше, широкие перепончатые лапы вязли в песке и, видимо, бежать ему было еще тяжелее, чем Беатрикс. Черный оказался в ловушке.

— О, радость! С тобой все в порядке! — закричала Персис, подбежала и бросилась рядом на

колени.

— Хьюм! — внезапно вспомнила Беатрикс. — Он там, сторожит другого, рядом со скалой-зеркалом.

— Солнечный камень!

Группа из нескольких мужчин помчалась по берегу дальше, потрясая копьями. Они сразу все поняли.

В это время шестеро оставшихся окружили черного. Он нелепо вертелся на месте, пытаясь найти путь к воде, но, увы, путь к океану был отрезан. В конце концов, отчаявшись, он бросился напролом, угрожающе подняв свои толстые передние лапы. Копье Дурвина вонзилось в тело твари. Черный зашатался, обхватил копье, но рана еще не была смертельной. Остальные начали швырять в него остроги.

— Убейте его! Убейте! — визжала Персис, глаза ее были расширены, пальцы скрючились и походили на когти.

— Убейте его! — эхом вторила Беатрикс, потрясенная тем, как близко она находилась от смерти.

Остроги неистово вонзались в тушу чудовища. Наконец его тело дернулось в последний раз и рухнуло, из-под чешуи потекли ручейки ярко-

красной крови. Черный издал что-то вроде стона и уткнулся мордой в песок, прибой лизал кончик его передней лапы — до спасения было так близко…

— Подох, — произнес Дурвин с мрачным удовлетворением. — Остался еще один. Остроги держать наготове и не зевать — на берег могут выйти и другие.

Мужчины двинулись дальше, а труп поверженного врага остался кровоточить на мокром песке. Женщины растянулись по берегу, пристально высматривая неприятеля на поверхности океана.

Теперь эти мрачные люди были совсем непохожи на веселую и радушную молодежь, которая встретила Беатрикс прошлым вечером.

— Какое счастье, что мы вовремя услышали тебя! — сказала Персис, помогая Беатрикс подняться на ноги. — Еще немного, и он бы тебя коснулся.

— Когда я упала, подумала — смерть пришла, — сказала Беатрикс, все еще дрожа от волнения. — Я не могла встать, я была так испугана.

— Смерть? — тонкая черная бровь вопросительно выгнулась.

— Я хотела сказать, я не могла убежать от него.

Персис кивнула.

— Я знаю, это ужасно. Однажды один коснулся моей руки, и я думала, что уже никогда не отмою это место. На несколько недель меня изгнали из общества. Мерзость какая.

Что-то здесь было не так.

— Он тебе сделал больно?

— Конечно нет. Они не осмеливаются нападать на людей.

У Беатрикс к горлу подступила тошнота.

— Что же они тогда *делают* плохого? Я хочу сказать, если бы вы не успели вовремя…

— Ты разве не знаешь? Наверное, он бы прикоснулся к тебе, попытался заговорить. Просто жуть.

— Они разговаривают?

— Разговаривают. Но давай оставим эту неприятную тему. Ты, должно быть, сильно устала, тебе ведь так много довелось пережить.

Беатрикс взглянула на тело.

— А что с этим?

— Мужчины сожгут тело и закопают костюм. Нам не стоит смотреть на это. Они надевают специальные перчатки, которые затем тоже сжигают. Это самое неприятное во всем деле — избавляться от трупов.

Что-то не давало покоя Беатрикс.

— Костюм?

— Подводный костюм. Они используют их для плавания под водой. Разве ты сама не видишь?

Беатрикс подошла к телу, ее пугало то, что она должна была увидеть.

— Это *человек?*

— Это *черный,* — поправила ее Персис.

Затем с испугом в голосе:

— Что ты делаешь?

Беатрикс не обращала на нее внимания. Она опустилась подле трупа на колени — теперь было видно, что чешуя — это металлические детали костюма. На маске были укреплены массивные окуляры — почти как на шлеме макроскопа.

То, что она приняла за рыло, на самом деле являлось частью дыхательного аппарата, пристегнутого к нижней части ребристого шлема. Беатрикс потянула шлем, что-то щелкнуло, маска отошла от лица. Она стянула шлем с головы мертвого.

Показалась голова молодого человека — он был по-своему красив и не меньше, чем Хьюм. Кожа его была темной: негр.

Черный.

Беатрикс, спотыкаясь, брела в темноте. Ветви кустов хлестали ее, острые камни и сучки впи-

вались в ступни ног, но она не замедляла шаг. Мужские и женские голоса, зовущие ее остались позади — сегодня ночью они ее не найдут, а что будет завтра — сейчас она не думала об этом.

И в этом чудесном мире есть место такому кошмару! Вначале все было так чудесно — приятный климат, сказочный берег моря, радушные люди. И, конечно, приятно получить в дар молодое и здоровое тело.

Но столь зверски убивать себе подобных только за то, что они выходят из моря — это невозможно ни понять, ни принять. Гарольд бы с этим не смирился. Он миролюбивый человек, но способен на суровые меры, если дело касается принципов.

— Гороскоп не различает цвет кожи, — говаривал он, бывало.

Она ушла от них. Не открыто — тайком, так как не была мужественной женщиной и не знала твердо, что же лучше всего предпринять. Они заставили ее тщательно и неоднократно вымыть руки, хотя она не стыдилась в душе того, что прикоснулась к черному, — совесть не давала ей покоя за то, что она не протянула ему руку, когда это было так необходимо, когда ее невежество погубило этого человека. Она дождалась ночи и углубилась в лес, будто для того, чтобы… восполь-

зоваться «удобствами». Войдя в лес, она отчаянно бросилась в темноту, не обращая внимания на царапающие тело ветки и врезающиеся в ноги камни. Нет, в ней не было никакой смелости, еще ребенком она боялась темноты, и сейчас ее воображение наполняло лес пауками, гадюками и волками. Но было одно дело, которое она непременно должна была сделать, то, что на ее месте обязательно сделал бы Гарольд. Она вышла на берег и отыскала место, где лежал труп. Затем двинулась к скале-зеркалу. Она была уверена, что даже ночью не пропустит этот ориентир — да и не так темно было — сияли незнакомые созвездия, мягко светился океан.

Было довольно прохладно, но она не ощущала холода.

Показалось темное пятно — зеркальная скала, значит, направление верное. Пройти еще немного дальше…

Она осторожно позвала:

— Черный, черный, я безоружна, черный, если ты здесь, я хочу поговорить с тобой… черный, где ты?..

Ведь где-то должен быть еще один черный. Мужчины не нашли его. Они пошли по следам, но они обрывались в кустарнике. Завтра они

планировали поджечь лес и выкурить его из укрытия. Хьюм пояснил, что где-то здесь, уходя от погони, он потерял маску. Хьюм нашел ее, взял руками в перчатках и швырнул в огонь, чтобы черный не смог уже ею воспользоваться. А без маски черный в море не уйдет.

И в глубь суши ему нет дороги, так как вторую линию обороны держали собаки. Здоровые злые псы будут спущены, как только они унюхают чужака, и черный это прекрасно знал. Хьюм сказал, что они хитрые бестии. По крайней мере, достаточно сообразительны, чтобы не подходить близко к собакам. Так что дальше берега черный не сунется. А завтра костер…

— Черный, — окликнула она. — У меня есть маска…

Не очень то приятно было в темноте снимать маску со шлема мертвого человека, но что делать? Беатрикс не могла позволить им убить еще одного.

Около часа она слонялась по берегу, не решаясь громко звать, так как боялась, что услышат в деревне. Никто не отзывался. Пришлось углубиться в лес, вновь досталось израненным ногам, но она упорно шла вперед, окликая черного. Она не могла думать ни о чем другом, кроме как о судьбе

этого человека.

Наконец, ее упрямство было вознаграждено. Из темноты откликнулся женский голос:

— Я слышу тебя, белый.

Беатрикс нашла ее, лежащую между стволами поваленных деревьев. У женщины был крохотный электрический фонарик, который она включила, убедившись, что это не ловушка. Неожиданно яркий свет выхватил из темноты фигуру женщины — Беатрикс увидела, что она сняла шлем, так же как и всю бесполезную теперь подводную амуницию. Она лежала на боку, подпирая рукой довольно милую черную головку.

— Тебе надо уходить, — начала убеждать ее Беатрикс. — Они собираются поджечь лес. Они хотят…

— Это место ничем не хуже, чем любое другое, — философски заметила женщина.

— Ты не понимаешь. Завтра утром…

— Завтра утром меня уже не будет здесь, белая. И не говори им, что видела меня, не то они и тебя убьют. Я не могу двигаться.

— Но я принесла тебе маску — того, мертвого человека. Ты можешь вернуться назад, в воду. Вот почему я…

— Белая.

Что-то в голосе ее было такое, что заставило Беатрикс замолчать. Женщина взяла фонарик и осветила им свои ноги.

Беатрикс все поняла. Один из голеностопных суставов чудовищно распух. Она не могла даже ступить на эту ногу.

— Я помогу тебе добраться до воды, — быстро нашлась Беатрикс. — Ты ведь сможешь медленно плыть? Работая руками и одной ногой.

— Смогла бы, — в голосе ее была обреченность. Очевидно, она не хотела и пытаться. — Куда мне плыть, что мне делать на дне морском, если муж мой мертв, и тело его на суше?

Ее муж!

Что делала бы Беатрикс, если бы Гарольд умер? И какой-то незнакомец между прочим упомянул бы об этом, предложив ей воспользоваться вещами покойного? Жизнь утратила бы всякий смысл. Почему же тогда эта женщина должна чувствовать себя иначе?

— Я Долорес, — представилась женщина, — дама печали.

— Я Беатрикс. Однако я принесла тебе не радость, но горе.

Каким же глупым теперь казалось ее имя!

Сколь же запоздалым было их знакомство, ведь

самые страшные слова уже сказаны!

Долорес бережно достала капсулу из герметичного кармана и проглотила ее.

— Это для ноги? — участливо спросила Беатрикс. — Чтобы не болело?

— Да, чтобы не болело.

— Как же все это произошло? — спросила Беатрикс после некоторой паузы. — Почему они ненавидят вас? Почему вы живете в океане?

Долорес поведала ей следующее.

Во время Великой Смуты белые жители этой планеты отправились грабить и завоевывать другие миры. Они не признавали никаких законов, кроме закона силы. Черные жители соседнего, менее развитого мира, были ими покорены. Многие были обращены в рабов и перевезены на эту планету.

— Но ведь вы все люди, — возразила Беатрикс. — Как они могли…

— У нас один генетический корень, — ответила Долорес, неправильно истолковав мысль Беатрикс. — По-видимому, когда-то давно еще была смута, и один мир колонизировал другой. Так что процесс эволюции во многом шел параллельно. Но этот мир плохо подходит для нас — солнце слишком тусклое.

Беатрикс возмущал сам факт порабощения одних существ другими, не независимо от генетического родства. Но тут она вспомнила, насколько это похоже на то, что творится на Земле и решила впредь не возвращаться к этому вопросу.

Долорес продолжала свой рассказ.

Когда, после исчезновения сигнала Странника, Смута закончилась, рабы навсегда остались в чуждом им мире. Но белые, не имея возможности продолжать завоевания и совершать пиратские набеги, вынуждены были вплотную заняться планетарными делами, и в их обществе постепенно начали набирать силу либеральные настроения.

По прошествии некоторого времени был формально отменен институт рабства. Но при этом пострадали интересы немногочисленной, но влиятельной прослойки общества. Напряжение нарастало. Черные осваивали технологии белых, но путь в белое общество был для них наглухо закрыт.

В конце концов был найден компромисс. Черные обрели свою территорию — на морском дне. Они построили под водой огромные города, укрытые куполами, искусственные солнца походили на светило их мира, активно и небезуспешно культивировались флора и фауна морского дна.

Шла интенсивная торговля с живущими на суше белыми: дары моря и металлы, добываемые в подводных шахтах, обменивались на пшеницу и древесину.

Но разделение все же было еще не полным. Небольшое количество черных, несмотря на жесткую дискриминацию, все же решило остаться на суше, в то же время некоторые белые стали подданными подводного царства.

Этим меньшинствам приходилось несладко, они находились под постоянным подозрением, мало кто верил, что ими руководят какие-то идеалы. Периодически кто-нибудь из черных бросал все и уходил в море, и наоборот — белые возвращались на сушу. Возвращенцев встречали как спасшихся чудом, и их душещипательные мемуары о тяжкой жизни среди варваров публиковались большими тиражами.

В этом месте рассказа Беатрикс наконец поняла, за кого же приняли ее жители деревни.

Но со временем этот, казалось, идеальный компромисс, перестал удовлетворять обе стороны. Слишком уж многие, как на суше, так и в море, считали, что их сторона ущемлена и несет убытки. Политики делали себе карьеру, избирая другую культуру в качестве козла отпущения,

и постепенно расовая ненависть стала основой государственной политики. Торговля была прервана, и черные обнаружили, что в их питании не хватает некоторых микроэлементов, поступающих в организм только вместе с продуктами суши, в тоже время промышленность белых страдала из-за недостатка металлов из океанических шахт. Каждому казалось, что противная сторона пытается их погубить.

Белые военные разрабатывали программы, которые, по их словам, станут эффективным, хотя и не очень гуманным решением проблемы. Действовали они скрытно, потому что большая часть белой общественности еще верила в компромисс двух культур, и обнародование милитаристских планов в то время вызвало бы большой скандал.

Черные военные тоже не теряли времени, они практически полностью контролировали правительство и были готовы развязать военные действия против белых, как только настанет подходящий момент. Они, как и их белые коллеги, верили в простые решения.

При самом благоприятном исходе одна из сторон понесла бы большие потери. А при неблагоприятном…

— *Нам* не нужна эта вражда, — сказала Доло-

рес. Ее голос становился все тише и печальнее, и Беатрикс приходилось напрягать слух, чтобы услышать ее.

— Это будет конец для всех нас. Необходимо установить связь, чтобы здравомыслящие люди из двух культур могли общаться, чтобы народы узнали, что затевают правительства, чтобы объединиться против общей беды. Этот, так называемый, компромисс, ведет планету к гибели…

— Но почему бы не послать… воззвание? *Сказать* им? Поговорить с…

— Правительства не очень-то умеют слушать, — голос Долорес почти сливался с шумом листвы. — Особенно консервативные правительства. А насчет поговорить — это как раз то, что мы собирались предпринять. Мы не были первыми. Многие годы люди вроде нас пытались установить контакт, но никто, не вернулся, и никто из белых ни разу не появился у нас. Но мы, — я и мой муж, — не верили, что простой человек из белых откажется слушать, если к нему прийти с миром. Мы вышли на берег без оружия и двинулись в глубь суши в надежде, что договориться с отдельным человеком легче, нам казалось, что добрых намерений будет достаточно…

И они встретили дикость. И Беатрикс, поддав-

шись общему безумию, кричала вместе со всеми: «Убейте его!»

Так был зверски убит ее муж-миротворец, ее обложила в лесу толпа убийц — все только потому, что тот человек увидел Беатрикс и попытался с ней заговорить.

— Теперь я вижу, как сильно мы ошибались, — прошептала Долорес. — Они *не хотят нас слушать.* Ничего уже не изменить.

Но Беатрикс ведь не знала ничего! Она закричала, увидев черного, вместо того, чтобы выслушать его. Что же сказать ей теперь, как оправдаться?

— Долорес, я…

Девушка не откликалась на ее слова. Она лежала неподвижно, откинувшись головой на подушку из сухих листьев.

Уснула?

Беатрикс взяла фонарь и осветила Долорес. Затем взяла ее вялую руку. Девушка была мертва.

Слишком поздно Беатрикс поняла, зачем Долорес проглотила капсулу. Она приняла яд, узнав, что мужа нет в живых…

Беатрикс осмотрелась — нужно чем-то вырыть могилу. Ей казалось важным то, чтобы девушка была похоронена до того, как здесь пройдет огонь. Но вдруг она вспомнила, что есть куда

более важная задача. Никто из белых никогда не приходил в подводные города…

Она осторожно сняла оставшиеся на мертвом теле части водолазного костюма. Затем повозилась с различными органами управления и системами контроля, выяснив, как работает система подачи воздуха. Пристегнула к шлему маску. Конструкция костюма была хорошо продумана, и все работало в автоматическом режиме, в противном случае она никогда бы не смогла им воспользоваться. По-видимому, застежка на маске Долорес ослабла, и она ее потеряла.

— Ты не ошибалась, Долорес, — сказала Беатрикс.

Она надела костюм, загерметизировала его, укрепила дыхательный аппарат и двинулась к воде. Уже светало.

Беатрикс была неважным пловцом, но, благодаря своему новому телу и подводному костюму, ее замысел оказался вполне осуществимым. Она устала, была не очень ловка и очень испугана, но у нее все же нашлись силы сделать это, потому что она должна была сделать это.

Беатрикс вошла в воду, царапины на ступнях тут же начали саднить под воздействием соленой морской воды.

Она погрузилась и с облегчением обнаружила, что дышать под водой совсем не сложно, и двинулась по прибрежному шельфу в глубь океана. Тяжелый костюм прижимал ее ко дну, так что она скорее шла, чем плыла.

Ей показалось, что она бредет уже по дну много часов. Ноги и руки невероятно устали, чужой костюм натирал, но она упрямо двигалась вперед. Приходилось подавлять нарастающий иррациональный страх; воображение рисовало акул, мурен, осьминогов, огромных крабов с жуткими клешнями, глубокие расселины в океанском дне.

Если бы только удалось добраться до города, где…

— Эгей! — возглас вывел ее из раздумий.

Голос исходил из ее шлема. Кто-то обращался к ней по радио! Ей удалось установить контакт! Из темноты появились две фигуры, на их шлемах были укреплены фонари.

— Назови себя, незнакомец! Ты не знаешь разве, что здесь проходит граница?

— Я… я Беатрикс. Я-я одолжила этот костюм, чтобы иметь возможность прийти к вам и сказать…

— Это *белый!* — говоривший был глубоко потрясен этим открытием.

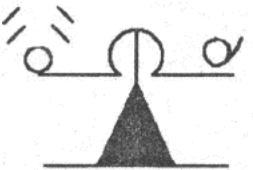
— Прикончи эту мерзость! — с отвращением произнес другой голос. — Не давай ему осквернять нашу воду.

— Но вы не понимаете, — закричала Беатрикс, — вы должны выслушать…

Реактивный гарпун пронзил ее.

Беатрикс умерла.

Воздух



На сей раз это был не жар пламени, не прохлада воды, но упругая податливость воздуха. Первыми Иво встретил Близнецов — два красивых молодых человека вдыхали воздух, выдыхая радость и жизнь. Затем неутомимый Водолей прошествовал в тумане — его ношей была истина, и совсем неудивительно, что этот человек напоминал чем-то Сиднея Ланье.

Всю жизнь Иво пытался принять на себя хоть часть ноши этого человека, нести рядом с ним хоть одно ведро, но это ему так и не удалось.

Наконец, он нашел то, что искал: огромные разукрашенные Весы, уходившие куда-то далеко в небеса, две чаши легонько раскачивались под мягкими порывами ветра. На одной из

них было написано РАВЕНСТВО, на другой — СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

Одной частью своего сознания Иво увидел трагедию Рыб, другой — авантюру Овна. В каком-то смысле все происходящее было лишь снами, но передавали они сведения о реальных событиях, и он знал, что требуются реальные действия. Но сам он не мог ничего предпринять, ведь как только он перестанет исполнять симфонию, замрет все, все формы бытия. Наверное здесь, у Весов, он найдет отчаянно необходимую слабому голосу своей флейты поддержку, здесь, где воздух наполнен трубными звуками симфонии.

Иво начал:

Чу, слышен смелый звук трубы вдали
Идет там битва…

Весы ответили трубным гласом:

Неужто Честь сошла в могилу?
А Вера стала ловким плутом?
Достоинство в прислугах у богача?

Иво прочитал текст, проступивший в воздухе, за Весами. Буквы были выписаны сконденсированной атмосферной влагой. Иво был уверен, что на сей раз все будет хорошо.

Сто миллионов лет — это очень много, и цивилизация вновь возродилась, после того, как прошел Странник.

Некоторые культуры угасли, так и не, сумев приспособиться вновь к чисто интеллектуальному контакту с другими, некоторые преодолели последствия осады и вышли на новый уровень. Далеко идущим следствием осады явилось то, что произошла селекция: культуры, не способные к цивилизованному галактическому контакту, погибли от собственного варварства и жестокости. К сожалению, они утащили за собой и тех, кто не был столь же самоубийственно жесток. Тем не менее заново отстроенная цивилизация вышла на новый уровень — поскольку Странник продемонстрировал всем потенциальные возможности прогресса науки и техники.

Но что, если Странник вернется вновь, и его пришествие будет столь же разрушительным? Существовали свидетельства, подтверждавшие, что в древние времена тоже случались вторжения и, по-видимому, неоднократно. Цивилизации поднимались, достигали расцвета и угасали — от них не оставалось даже памяти. Неужели и нынешним культурам суждено исчезнуть, когда вновь придет Странник? Или можно что-то

предпринять для того, чтобы предотвратить повторение Великой Смуты?

Был разработан План. Развивалась теория, строились новые станции. Из поколения в поколение, из тысячелетия в тысячелетие отбирались и готовились кадры. Галактика была готова ко второму пришествию Странника.

Он пришел, как и ожидалось — через один миллион лет после предыдущей осады. Где бы он ни являлся — вновь приносил с собой войны и беспорядки — так как молодые цивилизации не знали и не могли помнить о последствиях вторжения, и двинулись торговать с соседями, а затем и завоевывать их. Некоторые из них не подозревали о существовании Плана и, в неведении своем, пытались помешать его осуществлению. Многие станции были разрушены…

Гарольд Гротон вышел из восстановления так же, как и раньше — никакой тошноты или обеспокоенности, только небольшой стресс, так сказать, внутренняя перегрузка.

Ощущения не очень-то беспокоили его: ему казалось, что, с одной стороны, он вылупился из личинки и за считанные часы превратился во взрослую особь, с другой стороны, за тот же период он прошел путь эволюции своего роя.

Такова природа процесса восстановления, ничего тут не поделаешь.

Он выскочил из камеры и осмотрелся. Незнакомая, но приятная обстановка. Потолок светился мягким желтым светом, имитируя дневное освещение. На стенах фрески, изображающие сценки из жизни роя, на полу упругое покрытие, необычная изысканная мебель — все выглядело очень роскошно.

Он заметил трехстворчатые зеркала и подошел к одному из них — решил оценить свое физическое состояние, прежде чем одеться. Правда, в этот раз он не мог припомнить, как проходил деструкцию, ведь на самом деле он…

Праздные мысли моментально улетучились. То, что было в зеркале, только размерами соответствовало человеку. Существо обладало тремя нижними конечностями — одна большая центральная и две маленькие боковые. Передвижение осуществлялось прыжками — основной упор был на центральную ногу — боковые же выполняли вспомогательные функции и удерживали тело в равновесии, — нечто напоминающее одноногого калеку на костылях. На центральной ноге можно было стоять и совершать повороты на небольшие углы — пара маленьких ног была

неважной опорой. Ходить так, как это делают люди, оказалось невозможным — устоять на боковых ногах можно было только прикладывая невероятные усилия, — все равно, что устоять на пальцах ноги его человеческого тела.

Центральная нога переходила в выпирающий вырост, который, в свою очередь, сужаясь кверху, образовывал торс.

Верхних конечностей также было три — третья, центральная рука выходила из той части туловища, которую можно было бы назвать грудью. Но, в отличие от третьей ноги, рука эта была тонкой и ловкой. Очевидно, существа эти начали свой путь эволюции от шестиногих животных и затем освоили прямохождение.

Голову украшали Три глаза — каждый видел в своем цвете и со своим фокусным расстоянием — суммарная картина получалась впечатляющей.

Он закрыл один глаз — изображение существенно изменилось, можно было получить много полезной информации, посмотрев сначала одним глазом, затем двумя, а после уже проанализировать и отфильтровать полученные таким образом изображения. На затылке размещалось три уха, они также хорошо дополняли друг друга, каждое отвечало за свой диапазон

частот. С такими ушами, подумал Гротон, можно регистрировать очень слабые и сложные по спектральному составу сигналы — человек на такое не способен.

Это было хорошее тело, в отличном состоянии, он чувствовал абсолютное здоровье организма.

Гротон пришел к выводу, что этому инопланетному телу суждено надолго стать его оболочкой. Он чувствовал себя необычно, но тревоги не было.

— Дрон! — в три уха ворвался властный, нечеловеческий голос, доносившийся из соседней комнаты.

— Спешу, барыня, — ответил он на основной частоте и поскакал на зов. Гарольд полагал, что при ходьбе будет очень неуклюж, но в жизни все было иначе. Ощутив тело в действии, он пришел к выводу, что при прочих равных условиях стал бы чемпионом по ходьбе на Земле.

Язык общения, как и тело, был чем-то невиданным, но тем не менее Гротон без труда управлялся и с тем, и с другим.

Он ведь не намеревался отвечать — его тело сделало это автоматически. Может, Иво таким же образом получил свои способности к языкам в Тире?

Он приблизился к женской особи — тело в общих чертах походило на его собственное, но было крупнее и приспособлено для воспроизводства потомства.

Он знал, что она уже откладывала яйца, и, может, уже тысячи. Ее внешний вид, пусть и несколько непривычный, обладал сексуальной привлекательностью, в том смысле, в каком ее понимали здешние существа.

Он теперь тоже принадлежал к их виду, и почувствовал влечение, несмотря на сидевшего внутри Homo sapiens'а. Ну что ж, другая культура, другие нравы.

— Приготовьте меня к приему, — приказала она, не удосужившись даже объяснить причину такой спешки.

Гротон было возмутился таким тоном, но его тело уже засуетилось, он кинулся к стенному шкафу, ловко отомкнул его и вытащил на свет какой-то прибор, похожий на щетку, и, держа его в руке, приблизился к даме с должным почтением. Действия совершались самопроизвольно, и он почувствовал себя увереннее.

Тело, приютившее его, было достаточно самостоятельным. Как только он переставал сознательно управлять им, оно тут же занима-

лось своими делами.

Он (оно?) начал бережно расчесывать мех в районе горла, благодаря какому-то электрическому воздействию при каждом проходе волосы становились ярче и пушистее.

Гротон решил не вмешиваться в процесс и попытаться разобраться, что же с ним произошло. Должно же быть всему этому какое-то объяснение, должно же где-то находиться истинное сознание этого тела.

Так оно и было. Как только у него возникло желание разобраться, все стало на свои места.

Он — Это Дрон[42]: принц-консорт Королевы. Делом всей его жизни было угождать прихотям Королевы. Взамен он получал почет и то, с чем не сравнятся любые богатства — правда, только до тех пор, пока Королева к нему благосклонна.

— Принеси новую щетку, — сказала она, не дав ему понять, чем ей не нравится эта.

А зачем? Дрону не нужно думать. Дрон должен выполнять приказы.

Прежде, чем Гротон успел что-то сообразить, Дрон уже со всех ног мчался к кладовой. Может, это и к лучшему — в бесправном положении

---

[42] Примечания: 42
Drone — трутень, пчелиный самец (англ.).

Дрона человеческое вмешательство может все только испортить.

— Одну статическую щетку для Королевы, — отрывисто бросил он клерку, будто откусив конец фразы щелкающими челюстями. Он увидел первого рабочего — это создание было, по-видимому бесполым, внешне похоже на него, но раза в полтора меньше.

Рабочий сделал вид, что не слышит его и продолжал что-то невозмутимо жевать.

Это была беспрецедентная наглость, но Дрон ничем не мог себе помочь. Он скоро потеряет благосклонность Королевы, и рабочие это знали. Пройдет еще немного времени, и его вышвырнут отсюда, а рабочие будут получать высочайшее наслаждение, проходя мимо него, подыхающего с голоду, даже не повернув головы. Сам он не сможет добывать себе еду, только рабочие могут ее принести — он и Королева знатные особы, о которых следует заботиться. Тело напряглось в бессильной ярости.

Но Гротону-человеку ситуация казалась еще более безнадежной. Дрон зависел от обстоятельств, а не от своих физических способностей — Гротон быстро это понял. Гротона не оскорбляло невнимание рабочего — существовала более реальная

опасность. Если он хоть немного задержится, выполняя это задание, то Королева не преминет выказать свой крутой норов — на что и надеялся этот дерзкий работяга. Это злобное создание приближало смерть Дрона.

Из сознания Дрона он выяснил, что всего год назад все было совершенно иначе. Тогда он был обласкан вниманием Королевы, его все боготворили. Бесполые из кожи вон лезли, чтобы угодить ему. Ему казалось тогда, что он уже держит бога за бороду.

Тщетные иллюзии! Теперь он был игрушкой в руках Королевы и рабочих, его терпели лишь потому, что он был удобен. Ходячий резервуар для оплодотворяющей спермы. Он знал, что, в конце концов, все придет к этому, так как Королевы весьма непостоянны, — но как истинный трутень закрывал на это глаза.

Гротон не был сторонником грубой силы, но переживания этого бесправного существа глубоко задели его чувства, аналитический разум землянина принял нетипичное решение. Нетипичное и для него, и для Дрона. Дрон руководствовался чувствами, как и полагалось принцу-консорту, Гротон же был человеком действия. Выражаясь фигурально, в результате этой комбинации им-

потент превратился в настоящего мужчину.

Он перебросил две боковые руки через стойку и схватил рабочего за плечи. Легкое создание повисло в воздухе. Гротон подержал его немного, дав возможность ощутить большую физическую силу Дрона, которой хватило бы, чтобы раздавить тело рабочего. Слов не требовалось. Рот бесполого раскрылся, из него вывалилась жвачка — существо буквально было парализовано от удивления. Дрон сотворил немыслимое — он принял решение сам. Даже если бы вдруг Королева забеременела от бесполого, это не было бы столь экстраординарным событием.

Он поставил рабочего на место и через минуту уже мчался к Королеве с новой щеткой. Пройдет очень много времени, прежде чем этот рабочий еще раз позволит себе подобное хамство, и весть об этом поступке вскоре облетит всех.

Ожидания отставки Дрона оказались преждевременными.

К сожалению, поставив на место зарвавшегося рабочего, он не изменил в корне ситуацию. Он начал уже надоедать Королеве, и если как можно скорее не восстановит престиж, его судьба будет печальной. Демонстрации мускулов достаточно, чтобы впечатлить рабочего, но не Королеву.

Тело Дрона и его разум дрожали от волнения и страха. То, что он проделал сейчас, было чуждо его природе, и он терялся в догадках, что же заставило его так поступить.

Он обладал когда-то острым умом, но быстро деградировал, так как постоянно боялся воспользоваться им, дабы не навлечь на себя беду. Он хорошо научился контролировать даже импульсивные вспышки эмоций, чтобы, не дай Бог, никто со стороны ничего не заметил. Гротон успокоил Дрона — тот подчинился его воле так же легко, как и воле Королевы. Но теперь Гротон почувствовал, что создание переполнено тревоги и ожиданий — оно учуяло в своем сознании чужака.

Если бы Гротону предоставили право выбирать, в кого внедряться в этом мире, он бы остановился на Дроне. Дрон был хорошо физически развит, его положение таило в себе огромные возможности, к тому же он не обладал врожденным коварством и озлобленностью. Но все эти рассуждения не объясняли главного — как он, Гарольд Гротон, попал в этот мир. Неужели его занесло сюда в поисках истоков галактической цивилизации?

По-видимому, часть ответов есть в сознании Дрона, но это адский труд — извлекать из его па-

мяти факты, рассортировывать их и приводить в понятную для человека форму. Ведь сведений было раз в сто больше, чем нужно — память Дрона содержала массу фактов, относящихся к жизни Дрона, а не Гарольда Гротона.

Королева взглянула на него одним лишь глазом, давая понять, что недовольна небольшой задержкой, но никаких выводов не последовало. Он уложился в допустимые сроки — пока.

Он не закончил еще туалет Королевы, как засветился коммуникационный экран.

— Госпожа, — весь вид бесполого выдавал трепет, один глаз был закрыт — так выражалось почтение королевской особе.

— Кризис начался? — спросила Королева.

— Боевой планетоид фелков материализовался в восьми тви от нас.

Гротон почувствовал реакцию существа, в теле которого он гостил. Тви, здешняя единица измерения расстояний, равнялась сорока пяти световым секундам. Фелки — неприятели — были в шести световых минутах отсюда.

— Так скоро! И так близко! — гневно воскликнула Королева. — Как же они пронюхали?

Она не стала ждать ответа. Очевидно, была утечка информации, и фелки выследили их экс-

педицию. Они не могли бы так быстро найти их в космосе — из-за временной задержки на это ушли бы годы наблюдений.

Королева уже шествовала по коридору столь быстро, что Дрон едва поспевал за нею. Она была потрясающим индивидуумом — огромная, гладкая, сильная — она была не просто рождена, чтобы править, а представляла собой плод длительной эволюции правителей.

Командование, из рабочих, уже собралось в королевском зале.

— Покажите диспозицию, — резко бросила Королева, для церемоний времени не было.

Появилась светящаяся сфера, а на ней — яркие точки. Карта космоса, сообразил Гротон, изображающая область около светового часа в диаметре. Солнце, несколько планет и два отдельно стоящих спутника — планетоиды Королевы и фелков.

Солнце? Нет, поправила его память Дрона — это просто обозначение конечного пункта их экспедиции, место, куда нужно поставить станцию. Никакого солнца в радиусе двух световых лет и в помине нет.

Королева сделала нетерпеливый жест, и увеличение возросло: проступили контуры кораблей.

Планетоид Королевы был окружен дредноутами — но и из неприятельского спутника тоже начали появляться корабли.

— Что это за диспозиция? — спросила Королева. — Они же нас сомнут через час.

— Наш тактик погиб в последней стычке, — осторожно напомнил ей главный офицер-рабочий. — Мы не остановились, чтобы подыскать замену.

— Разумеется. Я не потерплю чужака в своем рое. Где же яйцо с новым тактиком? Он что, еще не вылупился?

Теперь Королева напоминала Гротону одну известную ему особу. Интересно, следующая фраза будет о том, что она не может заниматься всем сама?

— Я тактик, — откликнулся один из офицеров. — Но враг застал нас врасплох, и мне не хватает опыта.

Королева задумчиво уставилась на сферу:

— Мой Дрон выдумал бы лучшую диспозицию, — сказала она.

Офицер был явно оскорблен, и осмелился весьма недвусмысленно выказать свое недовольство столь уничижительным сравнением:

— Может, ваш Дрон примет на себя тактическое

руководство операцией?

Сознание Дрона буквально взорвалось после столь едкого замечания. Дрон никогда бы не проявил свои чувства в присутствии Королевы, но за него это сделал Гротон, выведенный из равновесия волной эмоций Дрона.

— Дрон примет на себя командование, — сказал он, вибрируя в резонанс всеми тремя голосовыми связками.

Королева повернулась, чтобы осадить его, возможное наказание, за подобную дерзость — ссылка, это как минимум. Но она передумала.

— Да, пусть командует. А вы, тактик, будете у него учеником. Для вас это будет полезный опыт.

Так… одна несдержанная реплика, и он уже отвечает за судьбу цивилизации. У Королевы жестокие капризы. Гротона охватили страх и отчаяние. Он вступил в должность командующего. Разум Дрона буквально съежился от страха, так, должно быть, чувствует себя военный, который, отдавая честь национальному флагу, вдруг с ужасным грохотом разбивает окно. Гротону пришлось изолироваться от сознания Дрона, он боялся, что в самый неподходящий момент его охватит панический страх. Это означало, что он принял на себя почти все функции существа, а

также и то, что ему придется распрощаться с возможностью черпать информацию из его памяти. Гротон стал Дроном.

И все же, шутка Королевы, по-видимому, была не такой уж нелепой, как могли бы подумать бесполые, знающие, что Дрон все больше теряет ее расположение. Ведь Дрон провел несколько лет в свите Королевы и, несомненно, имел возможность наблюдать, как она командует войсками. У Дрона был острый ум, и он был неплохо осведомлен; его робость и полная зависимость от Королевы — вот что делало идею командования столь смешной.

Но ни Королева, ни рабочие не знали, что за дело взялся решительный человеческий индивидуум. У Дрона была чувственная натура, но не хватало инициативы, Гротон же, напротив, был уравновешен и обладал сильной волей. В сумме могла получится слабая в обоих отношениях личность, но, к счастью, этого не произошло. Как показал инцидент с рабочим на складе, всякому терпению приходит конец.

Королева удалилась. Ну что ж, придется выкручиваться самому.

Тактик-рабочий стоял, ожидая, в стороне, как ему и было сказано. Гротон представлял, каким

это было унижением для него, но слово Королевы — закон; Этот офицер, подобно Гротону, стал жертвой собственной несдержанности. У Королевы были свои методы обуздания строптивых придворных, и это будет хорошим уроком для остальных.

— Какова наша оперативная задача? — спросил Гротон у офицера, решив действовать по своему усмотрению, ну а там уж, как бог даст.

— Отбросить флот противника, чтобы можно было установить станцию, активизировать ее и расставить мины, — ответил тактик.

— А мины сделают невозможными последующие атаки?

— Да.

— Как вооружены фелки по сравнению с нами?

— Они превосходят нас числом, но вооружение попроще. У нас были большие потери при установке предыдущих станций.

— Сколько у нас времени?

— Для чего?

Еще одна специфическая черта интеллекта рабочего.

— Сколько времени остается до того, как вражеский флот прорвется к нам и разрушит станцию?

— Около шести часов, если мы не будем маневрировать или не отгоним их.

Время, конечно же исчислялось в здешних единицах, но Гротону не составило труда перевести их в привычные часы. Он еще раз внимательно изучит карту космоса.

— Вы собираетесь ждать их атаки?

— Да.

— Почему?

— А как иначе мы сможем узнать направление их удара?

Несмотря на приказ, офицер явно не выказывал большого почтения к Дрону.

Гротону пришел на память сходный чем-то случай из его жизни, происшедший много лет назад. Тогда он имел дело со студентами высшей школы. Тогда, как и сейчас, его цель была весьма проста — либо справиться со всем самому, либо провалиться с треском, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Да, — заключил Гротон. — Если их корабли начнут нас атаковать все вместе на большой скорости, то наш разбросанный и малочисленный флот не сможет их остановить. А для того, чтобы уничтожить станцию, достаточно одного прорвавшегося корабля.

Бесполый не удостоил его ответом.

— У вас есть пособия по стратегии?

— Нет, разумеется. Тактик обучается по ходу дела.

Военный образ мышления!

— При условии, что он останется в живых.

— Да, — согласился офицер. — Мой предшественник…

— У фелков такая же организация? Они тоже не стремятся извлекать уроки из истории?

— Видимо так. А как же еще?

Действительно, как же еще!

Н-да, здравомыслящий штатский землянин может руководить ходом галактической компании с таким же успехом, как и местное военное командование.

— Ладно. Передайте приказ: все корабли, повторяю *все* корабли немедленно направляются к планетоиду фелков и без промедления, с ходу, атакуют его.

Офицер передал по флоту приказ. Гротон услышал, как офицер связи в пункте управления дает указания отдельным кораблям. К этому времени смысл сказанного Гротоном дошел до тактика, и тот недоуменно переспросил:

— Что?!

— Вы разве не знакомы с простой истиной: «Лучшая оборона — это наступление»?

— Нет.

— В таком случае, зарубите себе это на носу, вы свидетель того самого случая. Если мы будем дожидаться, пока они развернутся для атаки, то, без сомнения, проиграем, так как не сможем сдержать их удар, да и во встречном бою нас ждет поражение — перевес-то на их стороне. Но у нас есть преимущество во времени — несколько часов, до того, как их корабли выстроятся в боевые порядки. Мы можем ударить по фелкам прежде, чем они это сделают.

— Но без обороны…

— Поживем, увидим.

В душе Гротон молился, чтобы у неприятеля не нашлось козырей побить его карты, столь смело брошенные на стол. Ставки в игре были серьезные: верное поражение против победы при вероятности пятьдесят процентов «за», — будь Гротон настоящим тактиком, он бы знал, как играть при тридцати или даже двадцати процентах удачного исхода боя.

— А теперь вы вместе со мной последуете на флагманский корабль, — приказал Гротон офицеру.

Лица штабных изобразили удивление. Как правило, командование флотом находилось глубоко в недрах базовой планеты, и если ход операции складывался не в их пользу, покидали поле боя, переместившись в другую точку пространства. Не удивительно, что они несли порой очень тяжелые потери!

У Гротона не было времени подробно ознакомиться с характеристиками и устройством флагманского корабля. Это был вариант стандартного крейсера, с мощным вооружением и слабой маневренностью, способный, правда, развивать приличное ускорение и выдать хорошую скорость.

Через три часа они преодолели уже половину пути от своей базы к вражескому планетоиду. Флот фелков продолжал выходить из доков, вокруг базы развернулась лишь половина кораблей.

— Кораблям построиться в три клина, атаковать одновременно с трех направлений.

Все было в точности исполнено. Неприятельский флот начал перестраиваться для отражения атаки.

— Почему же они не атакуют нашу станцию? — спросил офицер.

— А вы стали бы атаковать вражескую базу, если бы надо было спасть свою шкуру?

— Шкуру?

— Каркас. Хитиновый покров. Собственное достоинство.

— А, да. Самосохранение.

Офицер связи доложил:

— Командование фелков передало сообщение командованию Королевы.

— Это не ловушка?

— Не думаю, — ответил тактик. — У фелков репутация честных воинов.

— Давайте тогда выслушаем их. Может, они предпочитают переговоры.

— Переговоры?

— Вам разве никогда не приходилось торговаться с неприятелем, когда у вас не хватает сил для полной победы?

— Торговаться?

Гротон пожал плечами и обратил свой взор на коммуникационный экран. На него глядело двуглазое существо, в чем-то напоминавшее человека, правда лицо было несколько вогнутым. *Неужели мы так безобразны?* — спросил себя Гротон. Он уже привык к облику своих новообретенных сородичей.

Командующий фелков говорил короткими свистками, складывая трубочкой дряблые губы, речь его синхронно переводилась.

— Адмирал, я поражен вашей манерой ведения боя.

Вести нормальный диалог не было никакой возможности, так временная задержка составляла около минуты — скорость света накладывала свои ограничения. Но к тому времени, когда станет возможен нормальный диалог, флот Королевы вплотную подойдет к их базе.

— Я не ожидал подобной инициативы от вооруженных сил Королевы. Судя по той легкости, с которой вы меняете расстановку кораблей, я заключаю, что вы, адмирал, находитесь на одном из них. Это свидетельствует о вашем мужестве и дает вам тактическое преимущество над нами, так как у меня временная задержка при связи с кораблями много больше. Я уполномочен предложить вам высокое звание в нашем флоте, если вы согласитесь примкнуть к нам.

Гротон застыл перед экраном, его ошеломила дерзость предложения адмирала фелков.

— Он проигрывает — и предлагает врагу высокий чин в своем флоте!

— Фелки никогда не теряются, — спокойно

согласился офицер. — Кстати, так и погиб мой предшественник.

— Он изменил Королеве?

— Пытался. Королева обо всем узнала и отсекла ему голову. Миссия закончилась успешно.

Гротон еще больше зауважал Королеву. По крайней мере, ей не надо было очень беспокоиться о лояльности придворных. Учитывая, что, тем паче, почти все они — ее дети…

Итак, нужно отвечать что-то фелкам, которые столь беспардонно пытаются его купить.

— Хорошо. Передайте мое изображение, — скомандовал он. — И ничего больше. Посмотрим, что он предложит в качестве взятки королевскому Дрону.

Через две минуты последовал ответ:

— Так получилось, — просвистел адмирал фелков, — что в результате одной молниеносной и очень удачной операции мы захватили одну Королеву вашего вида. К несчастью, ее Дрон умер. Вот уже год она очень скучает, хотя мы и позволили ей иметь небольшую свиту из бесполых, вылупившихся из имевшихся у нее яиц. Думаю, ей долго не надоест достойный партнер, особенно, если она будет знать, что другого ей не видать. Насколько нам известно, Дрону не удает-

ся продержаться в фаворе у правящей Королевы больше, чем два-три года. В моих силах доставить вас к ней.

Гротон вновь был удивлен. Неужели это существо ни перед чем не остановится? Память Дрона подтвердила, что фелки однажды захватили форпост Королевы, и она как раз находилась там. Королева, оказывается, не может родить себе Дрона — в этой культуре кровосмешение невозможно.

Сознание Дрона настойчиво взывало к вниманию Гротона. Предложение, оказывается, было весьма соблазнительным, особенно для того, кому вскоре светила отставка с должности консорта. Теоретически Дрон мог жить столько же, сколько и королева, ежели ему это позволят. Это составляло несколько десятков лет.

Выходит, фелки не лгали — предложение было стоящим.

— *Сожалею,* — ответил Гротон Дрону, затем обратился к офицеру, — передайте фелкам, пусть готовятся к обороне. Адмирал не променяет флагманский крейсер на будуар.

Во время передачи сообщений офицер подошел и, немного замявшись, спросил:

— Разрешите высказать свое мнение.

— Разрешаю, если это не долго.

— Я считал, что унизительно служить под командованием Дрона. Я ошибался.

— Все мы делаем ошибки.

Гротон был тронут, но не время было проявлять свои чувства. Операция еще не завершена. Гротон понял теперь, какую услугу оказал ему опыт, полученный в горячие деньки его преподавательской деятельности. Но тогда страдал он один, и удары приходились в основном по его самолюбию, сейчас же стоял вопрос о жизни и смерти тысяч живых существ.

Из третьего сообщения следовало, что фелки не из тех, кто так быстро сдается.

— Вы проявили достойную уважения верность своей Королеве. Но вы представляете себе, чего будет стоить ваша лояльность вашей цивилизации и другим технически развитым культурам? Вы же достаточно умны, и прекрасно знаете, что эта станция, как и другие в вашем проекте, принесут вред всем нам. Все, чего мы добиваемся, это право путешествия в космосе, но если станция заработает, то лишь один из тысячи сможет иметь это право. Кстати, ни мой, ни ваш вид не принадлежат к избранным. Почему же вы тогда действуете на руку разрушителю?

Разрушитель! Внезапно смысл происходящего стал для Гротона очевиден. Он участвовал в установке станции разрушителя, возможно, той самой, которая уничтожила лучшие человеческие умы. *Уничтожит*, так события происходили за четырнадцать тысяч лет до этого. Его загадочное путешествие подошло к концу — на его глазах творилась галактическая история, один из ее переломных моментов. И он оказался по другую сторону баррикад. Так ли это? Опыт всей его человеческой жизни подсказывал, что нужно быть осторожным в суждениях. Ведь Королева имела все основания пойти на эту опасную и хлопотную затею, решив установить разрушитель, делающий невозможными пространственные прыжки и для ее цивилизации. Она, должно быть, хорошо все взвесила, прежде чем решилась на такой шаг.

Но была еще одна, более насущная проблема — вражеский флот. Если он не уничтожит их, они уничтожат его, и тогда он ничего уже не сможет предпринять. А что, если изменить Королеве… но тогда станция обречена, а это может оказаться ошибкой.

— Отошлите им послание, — решился он. — «ВАШЕ СООБЩЕНИЕ ПРИНЯТО. ПРЕДЛАГАЮ

ОТСТУПИТЬ».

Офицер бросился исполнять приказ, и вскоре вернулся, ожидая дальнейших распоряжений.

— Вы считаете, что фелки отступят только потому, что вы их об этом попросили?

— Мы вскоре это увидим.

И они действительно увидели это через несколько минут. Корабли фелков затормозили, развернулись и направились к базе. Вскоре они уже входили в доки своего планетоида.

— Военная хитрость! — прокомментировал офицер.

— Вы же говорили, что фелки честны.

Офицер смутился.

Через некоторое время последний корабль вошел в док. Гротон приказал своему флоту отходить. Через три часа корабли Королевы были на безопасном расстоянии от планетоида фелков. Затем вражеская база исчезла.

Волна гравитационных возмущений расшвыряла королевский флот, корабли разлетались, кувыркаясь, в разные стороны. Пространство стянулось в узел, лопнуло, и вновь все стало на свои места. Сомнений быть не могло — фелки отступили.

— Они выскочат с другой стороны, поближе

к станции разрушителя, — предположил офицер. — Они ведь не обещали, что не будут этого делать.

Но фелки не вернулись. За двенадцать часов работы корабли установили мины, активизировали детонаторы и включили системы слежения. Эта область космоса была теперь неприступной. Все, вошедшее в этот район, хоть целый флот, будет превращено в плазму, если система минирования не получит закодированный дезактивирующий сигнал. В королевском флоте секретные коды, шифрующие сигнал, были известны только Королеве.

Станция разрушителя была отстыкована от базового планетоида, и корабли установили ее в выбранном месте. Когда все было включено, вокруг станции образовалось мощное гравитационное поле, захватившее на стационарные орбиты спутники-мины, при том, что диаметр разрушителя составлял лишь две мили, а планетоида — две тысячи миль. Для этого уровня технологий такая задача была как детская игрушка — гравитацию можно было просто включать и выключать, как магнитное поле. Наверное, на время транспортировки на планетоиде во избежание повреждений станция хранилась при

нулевой гравитации. Подумать только, знаменитый разрушитель, легенда для земных ученых, был для Королевы лишь станцией, с установкой которой возникают проблемы!..

Затем был включен сигнал, и Гротон знал, что теперь он мчится, заполняя своим излучением сферу с радиусом, увеличивающимся со скоростью света. Любой планетоид, попавший в эту сферу, никогда уже из нее не выберется, а уж шесть мин довершат дело, если кто-то умудрится подойти слишком близко.

— Разрешите задать вопрос.

Гротон уже научился различать интонации. Это было что-то очень важное для офицера.

— Разрешаю.

— Почему вы решили, что фелки отступят по вашему требованию? Я не заметил в вашей с ними беседе ничего такого, что указывало бы на эту возможность, — он на секунду замолчал. — Понимаете, я хочу набраться опыта, а вы завершили операцию, не потеряв ни одного корабля, в то время, как я точно потерпел бы поражение.

Гротон не очень-то жаждал отвечать на этот вопрос, но офицер был серьезен, и надо было все-таки ему растолковать.

— Поставьте себя на место адмирала фелков, —

ему показалось, что он нашел слова, понятные офицеру.

— Перейти на сторону фелков?

М-да…

— Нет, я хочу сказать, представьте себе следующую ситуацию: вы совершаете межпространственный прыжок и рассчитываете с ходу начать атаку. Выныриваете, а вражеский флот, пусть меньше вашего по численности, атакует. Что бы вы предприняли?

Офицер задумался, такое упражнение явно было ему внове.

— Я бы подождал развития событий, — наконец сказал он. И попытался бы выяснить, какое же преимущество у противника, раз он так смел.

— Совершенно верно. А если противник так быстро и уверенно перестраивает свои порядки, что вы вскоре оказываетесь в невыгодном положении, несмотря на численное преимущество?

Тактик вновь задумался.

— Я бы попытался завербовать адмирала…

И тут его осенило — средняя рука поднялась, центральный глаз заморгал.

— Именно это и пытались сделать фелки!

— Правильно. А если не удалось купить адмирала?

— Тогда пришлось бы честно вести переговоры. — Он опять задумался, пытаясь привести свои мысли в порядок, опираясь на только что виденное. — Я бы призвал его подумать о благе своей цивилизации, постарался бы убедить его в том, что у нас общие проблемы. Но делал бы это осторожно, чтобы не ущемить его самолюбие.

— А если он согласится рассмотреть ваше предложение?

— Если мое положение будет уже безнадежно плохим, то мне придется оставить решение за ним. Может, их адмирал передумает, проанализировав ситуацию самостоятельно, — он опять взглянул на Гротона. — Могу ли я…

— Не надо больше вопросов. Возможно, вы и сами сообразите, каким будет мое решение.

Офицер замолчал, он понял Гротона. Гарольд надеялся, что эти умственные усилия пойдут тактику на пользу, и в будущем из него получится командующий получше тех, что были до него. Ведь за несколько часов он узнал так много.

Но каким же должно быть его решение? У него был шанс изменить историю и, может, дать своему виду — человеку — свободу космических путешествий. Происходящее походило чем-то на сон или видение, но, с другой стороны, все было

так реально. Теперь он понимал, почему Иво не хотел признавать свои приключения в Тире плодом воображения. Казалось, что тело, оставшееся в реальном мире, было подделкой, манекеном, а истинно реальные события происходили здесь.

Может, ему следует взорвать станцию разрушителя, вместо того, чтобы лишить тысячи цивилизаций возможности путешествия в космосе, кроме одной — создавшей разрушитель? Ему не стоит ничего дать сейчас по станции залп орудий флагманского корабля, и, если даже станция не будет разрушена полностью, электроника точно выйдет из строя. Какое право имеет Королева распоряжаться судьбами многих цивилизаций, находящихся в этом секторе галактики?

Гротон не решился что-то предпринять, информации было явно маловато. Если позволять руководить собой предрассудкам и предвзятости, то катастрофа неизбежна. А о соображениях Королевы нужно спросить у нее самой.

Она уже ждала его.

— Дрон, это выше всяких похвал. Я уж думала, нам придется отступить, прыгнув на одну из подготовленных позиций, и, может, пришлось бы даже бросить тебя, но ты удивил всех — одержал победу. Что на тебя нашло?

Гротон попытался сказать: «Иногда даже червяк проявляет себя», но вместо этого получилось:

— Приходит время, и кольцевой червь совершает круговые движения.

— По-моему, ты это наглядно продемонстрировал. Было бы неразумно на этом этапе заводить нового Дрона, — сказала она. — Иди ко мне, моя драгоценность.

Поняв ее намерения, Гротон попытался было упираться. Тело было чужим, но в душе он был человеком — Гарольдом Гротоном, верным супругом, не допускающим и мысли об измене. Как же он будет смотреть в глаза Беатрикс, если…

Но тело Дрона уже приближалось к своей заветной цели. Королева была госпожой, в этом обществе она была едина в двух лицах. Она и жена, и монарх — одна обязанность неотделима от другой.

Рефлексы Дрона сработали безотказно, все происходило без участия сознания. Гротону оставалось только наблюдать, повлиять на ход событий он уже не мог.

Из выроста над центральной ногой выдвинулся орган, предназначение которого не вызывало сомнений. Его руки и ноги потянулись к ней, он обнял ее, занял соответствующую позу и начался

интимный акт.

Длилось все очень долго, оплодотворены несколько дюжин яиц, после чего обессилевший Дрон уснул.

Когда он проснулся, Гротон почувствовал себя несколько уставшим, но тело контролировал полностью. Слово насилие обрело смысл, неведомый никому на Земле.

— Дрон, — послышался голос Королевы.

И он опять со всех ног мчался к своей хозяйке. Гротон мог управлять телом лишь настолько, насколько ему позволяли — ослушаться прямого приказа он не мог.

— Приготовь меня, — сказала она.

Ничего не изменилось.

— А зачем нужен разрушитель? — спросил он, не прерывая работы. Хорошо хоть такой уровень общения был доступен.

— Хорвен знает, — ответила она. — Может, мне послать тебя вместо себя? И затем, в своей обычной манере, немедленно приняла решение: — Да, приготовься, поешь и ступай. Мне нужно отложить яйца.

Он беспрекословно выполнил ее приказ. Расчесал Свой мех, увы, не такой красивый, как у нее, и отправился полакомиться королевским

нектаром.

Кто же этот Хорвен? Дрон никогда не отличался особым любопытством и обладал очень скудными познаниями в этом вопросе. Хорвен был представителем высокоразвитой цивилизации — эта цивилизация считала ниже своего достоинства не то что торговать с другими, но даже просто общаться. Но все же один из них жил в этом планетоиде.

Гротон еще порылся в памяти Дрона. За все время Королева только три раза спускалась в недра планетоида, где находилась обитель Хорвена, и каждый раз это происходило после установки станции разрушителя. По ее возвращению начинался цикл трансформаций, затем прыжок, и они прибывали в новое место и устанавливали новый разрушитель. Может, она докладывала о ходе работ? Получала приказы?

Для Дрона это было просто немыслимо. Королева ни к одному существу не пойдет на поклон.

Зачем же нужны тогда эти регулярные визиты? О чем говорят между собой Королева и этот таинственный Хорвен? Это и предстояло выяснить.

Королева усадила его в кабину лифта, причем сделала это почти любовно.

— Не задерживайся, самчик мой.

Стенки капсулы были прозрачны, вогнутые стенки искажали образы наружного мира.

Капсула на впечатляющей скорости неслась вниз. Полированные металлические стены верхних уровней сменил унылый камень. Иногда казалось, что движение проходит по естественным пещерам, а порой, когда стены подходили очень близко, возникало ощущение движения сквозь тоннель. Однажды сверкнул яркий свет — словно мелькнули врата ада. Ясно одно — Хорвен любил уединение. О чем же с ним говорить? Гротон не имел об этом ни малейшею понятия.

По крайней мере одно ясно, после этого визита он останется невредимым. Какие бы тут ни были делишки у одной цивилизации с другой, для здоровья это не опасно. Но все равно, разум Дрона дрожал от страха.

Имел ли он право так жестко обходиться с чужим телом? Он ведь управлял им и управлял безжалостно. Что бы почувствовал он, если бы в его, человеческое тело вселился чуждый интеллект и принялся бы распоряжаться в мозгу по своему усмотрению?

— Думаю, это временное явление, — сказал он Дрону. — Когда я закончу свои дела здесь, ты получишь свое тело назад.

Гротона захлестнула волна ужаса и отчаяния Дрона, столь сильных эмоций Дрон не проявлял никогда раньше.

Капсула остановилась прежде, чем он успел выяснить причину столь бурной реакции на свое заявление. Боковая панель отъехала, и кабина наклонилась, приглашая его выйти.

Гротон осмотрелся. Он стоял на круглой платформе посередине просторного зала. Перед ним возвышалась фигура в свободном балахоне, напоминающая очертаниями человека. Но голова существа была нечеловеческой — Гротон не мог бы точно описать ее, словно его три глаза не могли точно на ней сфокусироваться. Если бы это даже удалось сделать, Гротон был уверен, что увидел бы совершенно чуждое лицо, настолько чуждое, что даже его воображение бессильно было хоть немного представить этот образ. Он пытался разглядеть фигуру, закрывая то один, то два глаза, но каждый раз, когда он пытался это сделать, зрительные рефлексы отключались, и он смотрел куда-то мимо. Это было похоже на то, как он пытался (еще будучи человеком) рассмотреть предмет в темноте — боковое зрение помогало лучше, чем прямой взгляд.

— Добро пожаловать, Гарольд, — обратилось

существо.

Голос, как и внешний вид, не поддавался определению, возможно, общение происходило телепатически.

— Я не уверен, что я…

Хорвен благодушно взмахнул расплывчатой конечностью и прервал его:

— Конечно, мы знаем тебя, Гарольд. Мы понимаем, что тебе было нелегко. Ты единственный землянин в нашем предприятии, и тебе пришлось проявить особое мужество.

Гротон не мог взять в толк, о каком же мужестве идет речь, да и вообще, такого развития событий он ожидал меньше всего.

— Вы знаете, кто я и откуда?

— Ты пришел из будущего, около ста миллионов лет, время Третьего Вторжения. У нас много добровольцев из этого периода, так как культурным эпохам лучше видна историческая перспектива галактической цивилизации.

— А я думал, что я посланник Королевы, ведь у меня тело ее консорта.

— Значит, так оно и есть, — ответил Хорвен, будто только что заметил это. — Это означает, что еще одна станция установлена и активизирована, и нам пора двигаться к месту установки

следующей. Я начну цикл.

— Так это вы управляете сжатием? Я думал Королева…

— Коль скоро станция запущена, цивилизации среднего уровня не смогут настроиться на прием Странника, — терпеливо объяснил Хорвен. — Но необходимо, чтобы несколько сот обитателей станции прошли деструкцию, а это означает, что на них должен воздействовать Странник. Я проведу их к нему.

Конечно же! Иво говорил о том, что разрушитель блокирует основной макронный диапазон и для существа с обычным интеллектом невозможно получить доступ к межгалактическому знанию. Но Иво все устроил для их экипажа, а Хорвен…

— Так вы и есть один-из-тысячи! — воскликнул Гротон. — Тот вид, у которого иммунитет к разрушителю!

Хорвен надел шлем, удивительно похожий на шлем земного макроскопа и прикоснулся к панели управления.

— Будет несколько смен, — сказал он. — Это потребует некоторого времени, но занята будет только часть моего интеллекта. Так что можете задавать вопросы.

Значит, рабочие Королевы выстроятся в очередь, и Хорвен проведет их к Страннику, точно так же, как Иво проводил их — его, Беатрикс и Афру — мимо затаившегося разрушителя. Но Хорвен должен будет проводить их дюжинами за раз!

— Вы, вы построили разрушитель!

— Мы — в союзе с другими цивилизациями — спроектировали его, — признал Хорвен. — Но сами мы не можем ни построить, ни установить станцию.

— Зачем вы сделали это? Почему вы считаете, что только у вас есть право на космические путешествия?

— Так должно быть.

Внутри шлема забегали огоньки. Гротон попытался разобраться в переплетениях соединений. Один кабель к макроскопу, разумеется, и жгут линий уходит наверх…

— Подождите! Мне нужно успеть наверх, прежде, чем начнется цикл.

Смены-то будут, но если он не успеет к последней, то это конец для него.

— Зачем? Твоя судьба — с нами.

— То есть? — Гротон замешкался.

— Мы положили груз на одну чашу весов — установить разрушитель, отняв у многих

возможность путешествовать в пространстве. Необходимо сбалансировать весы — иначе задача будет выполнена наполовину. Меня здесь сейчас подменят, а мы с тобой отправимся к Хорву.

— И мне тоже придется примкнуть к этой стороне? Даже если я не уверен, что согласен с позицией *этой* стороны?

— Извини меня за такую оплошность, — сказал Хорвен. — Я совсем забыл, что ты недостаточно информирован, так как твоя цивилизация появилась через многие миллионы лет после исчезновения моей.

— Странник однажды разрушил цивилизацию в нашей галактике и, по-видимому, делал это неоднократно. Мощь Странника слишком велика для юных цивилизаций, он лишь дает простор их варварству и инстинкту насилия. Поэтому мы, Вторая Цивилизация, поднявшаяся из руин первой, должны были возвести линию обороны к началу Второго Вторжения. Только мы, те кому чуждо насилие, можем путешествовать от звезды к звезде, не подвергая опасности судьбу цивилизации. Только так нам удастся сохранить ее до конца Вторжения.

Наконец-то, все становилось на свои места. Сейчас он вспомнил фрагмент — истории? — ко-

торый он то ли слышал, то ли прочел когда-то, дополнявший объяснения Хорвена.

— Разрушитель убивает только злые умы?

— Нет, не злые. Быть диким не значит быть злым. Это неизбежная фаза в становлении зрелой цивилизации. Но в такой период эту цивилизацию нужно оберегать саму от себя. Она не должна выходить за ближайшие окрестности своей планеты. У нее еще слишком мало мудрости для того, чтобы физический контакт не превратился в бойню. Надо многому научиться, прежде, чем станешь взрослым.

— Так вы, Хорвен, и есть представитель той самой зрелой цивилизации?

Гротон хотел вложить в свои слова иронию, но не смог этого сделать — он не сомневался уже, что Хорвен именно из такой цивилизации.

— Почему же тогда ваши замыслы исполняют те, кто стоит гораздо ниже вас?

— Потому, что нам чуждо насилие. Мы можем разработать стратегию блокировки Странника, хотя это нам и неприятно, но претворить эту стратегию в жизнь, мы не в состоянии. Если бы в нас не было этого пацифизма, мы не смогли бы пережить встречу с разрушителем.

Выходит, это сотрудничество между активной

и целеустремленной молодежью и немощными старцами? Но правы ли они? Это ли необходимо для спасения цивилизации?

Он вспомнил историю человечества — историю вражды и насилия — и это воспоминание поубавило его уверенности в том, что такой путь ошибочен. Ведь человек всегда охотнее тратил усилия на ведение разрушительных войн, а не на созидание мира. Правительства тратят миллиарды долларов, франков, рублей на гонку вооружений ежегодно, в то время, как часть их обездоленных граждан помирает от голода. Когда человек выйдет в космос — история повторится, вот только ставки поднимутся.

— Но я представитель молодой цивилизации, — сказал Гротон.

— Скорее ранней стадии эволюции вашей цивилизации. Ведь старыми не рождаются. Может, расцвет человечества затмит даже наш, цивилизации Хорвен. Если нас вдруг посетит гость из времен Четвертого Вторжения, он нам расскажет об этом. Мы надеемся, что меры, предпринятые нами, помогут вам достичь великой цели.

— Я тоже на это надеюсь, — с жаром поддержал его Гротон. Но тут он вспомнил: — А что за другая чаша весов? Если на этой — сохранение галакти-

ческой цивилизации?

— Исследования, знания. Природа Странника. Необходимо выяснить, что хотели создатели Странника, почему он воздействует на нас. Его создала цивилизация, которая стоит настолько выше Хорвена, насколько Хорвен стоит выше роя Королевы. Их целью просто не могло быть препятствование прогрессу в нашей галактике.

— Почему бы тогда не нанести им визит и все не выяснить?

— Такие попытки предпринимались во время Первого Вторжения. Но наши предшественники не смогли составить карты межгалактических искривлений пространства, прежде чем отправиться в путешествие. Посему все эти попытки были обречены на неудачу.

— Что случилось с ними?

— Они не вернулись. Некоторые выжили, но деформаторы пространства не работали.

— Как же вы тогда о них узнали?

— Впоследствии их следы удалось зарегистрировать макроскопу.

— Но, если бы они оказались в межгалактическом пространстве, прошли бы миллионы лет!

— Да, это так. Сигнал от них удалось принять только Второй Цивилизации, и то лишь потому,

что специально искали и ждали. Вы знаете, что за пределами галактики макроскоп малоэффективен. К тому времени, когда мы приняли сигнал, было уже слишком поздно отправлять спасательные экспедиции за теми, кто его послал, хотя подобные экспедиции были уже возможны в то время. Но жертвы эти были не напрасны, благодаря им стала известна в общих чертах топология межгалактического пространства, удалось также узнать кое-что о ее динамике. Мы считаем, что сейчас нам под силу добраться до галактик нашего кластера.

Межгалактические путешествия!

— Вы хотите узнать правду о происхождении Странника, — сказал Гротон.

Эта задача была в чем-то сходной с той, что поставили перед собой четыре человеческих существа, отправившись в далекий путь. Они считали разрушитель своим врагом, а он оказался, на самом деле, другом (правда, строгим!); если бы не его защита, то Землю уже давно бы неоднократно разграбили агрессивные цивилизации, и человечество так бы и не получило возможности подняться на высоту галактического знания. Истинным врагом был Странник — но это всего лишь догадка, так как не известны предпосылки

его создания.

— Ваше предложение соблазнительно, — сказал Гротон. — Это исследование обещает быть весьма интересным. Но у меня есть некоторые обязательства. Я не могу просто…

— У вас нет никаких обязательств. Заверяю вас, Королева недолго будет печалиться, потеряв своего нынешнего Дрона. Будем считать этого Короля нашим трофеем. Хотя, разумеется, в наших силах организовать вам другое тело, а это вернуть…

Нет! Нет! — завизжало сознание Дрона. — *Не отправляйте меня назад одного!*

— О, понимаю, — сказал Хорвен. — С моей стороны это было черствостью. Разумеется, ситуация несколько изменилась, и сейчас вам придется туго при дворе Королевы. — Хорвен обращался прямо к сознанию Дрона. — Но нам было бы не очень-то приятно держать вас все время в подчинении…

Другая Королева!

— Да, это реально, — согласился Хорвен. — Но вы отдаете себе отчет, что вы станете пленником фелков…

Дрон просто горел желанием стать пленником фелков.

— Вы не будете возражать, если вам придется

принять другую форму? — спросил Хорвен Гротона. — Мы ведь не можем отправиться, пока все не удовлетворены. Но предупреждаю, что вы будете выглядеть не совсем обычно.

— Гороскоп не различает цивилизаций, — пробормотал Гротон.

И куда это он ввязался?!

Хорвен не снимал шлема, и Гротон был уверен, что он одновременно готовится к прыжку.

— В ваше время все еще используют гороскопы?

— *Все еще?* Вы здесь практикуете астрологию?

— Ответ зависит от того, что вы вкладываете в это понятие. Я не знаю, как вы трактуете астрологию, для того чтобы верить или не верить ей и, тем более, практиковать ее. Если вы будете так добры и разъясните…

— Это… я, — Гротон не находил слов, он не ожидал такого поворота.

Наконец, он решил построить объяснение на конкретном примере, так как тексты его доходчивых лекций по астрологии вдруг улетучились из памяти.

— Хорошо, я родился 11 октября 1940 года в Ки Вест, Флорида. Это означает… но вы же не знаете земную хронологию и географию!

— Тем не менее, смысл я понял. Продолжайте.

— Время — 4.10 утра, Восточное Стандартное. Это важно для структуры дома. Определяется положение планет и светил в этот момент — получается, что я родился под знаком Весов, Солнце в седьмом доме, Луна в знаке Водолея, Меркурий…

— Если вы напишите полный список, то я переведу ваши термины в мою, так сказать, систему координат, — сказал Хорвен. — Ваша астрология очень похожа на одну из наших дисциплин, хотя положение вашей звездной системы иное, и, естественно, термины не совпадают.

— Значит, по моим данным вы можете построить гороскоп?

Это было еще одно чудо из множества, виденных им здесь.

— Мы, Хорвены, специализируемся на систематизации знаний. Один из методов познания, который мы развили, это универсальная гороскопия. Этот метод позволяет нам описать детали окружения любой планеты в галактике с помощью универсальных переменных. Точная интерполяция потребует много времени, так как в вашем случае необходимо вводить ощутимые поправки на временную разницу, но грубое при-

ближение можно получить прямо сейчас.

В течение следующего часа они сверяли свои данные, уточняли детали. Гротон так увлекся, что позабыл обо всем, Хорвен же продолжал параллельно работать с макроскопом. Хорвену не нужны были диаграммы, чтобы зафиксировать информацию Гротона, он держат все в голове.

— Мои предварительные расчеты показывают, что в сорок два года, согласно вашему исчислению, в вашей жизни наступит новый этап, — наконец произнес Хорвен.

— Мои расчеты тоже свидетельствуют об этом. В этой точке Солнце выходит из знака Скорпиона, — он остановился. — Ба! Да это же сейчас!

— Разумеется, ведь вы едете вместе с нами.

Все сходится.

— Но моя жена…

— Сообщите ее данные, и мы проверим, насколько мои методы будут применимы к ней.

Гротон сообщил ему данные Беатрикс. Им все больше овладевало чувство неясного беспокойства — это существо, представитель зрелой цивилизации, обладало устрашающим интеллектом, который проявлял себя нетривиальным образом.

— Сожалею, — сказал вскоре Хорвен. — Это

событие в ее жизни невозможно было бы предсказать вашим относительно несовершенным методом, но мои методы, не сочтите за оскорбление, более глубоки и универсальны. Ваша жена мертва.

Последние слова отозвались в душе Гротона почти физической болью.

— Но…

— Ваша астрология не в состоянии точно установить дату и место, но *нашей* это под силу. Даже не вводя поправки на транспортацию, могу с уверенностью сказать, что вероятность ошибки минимальна. Нить ее жизни внезапно прерывается.

Гротон оцепенел, он был не готов еще поверить этому.

— Когда? Где?

— Подробности сообщить пока не могу, но кое-что мне известно. Она погибла, осуществляя свое собственное решение, пытаясь сделать то, что она считала необходимым. Она ошибалась, но это была благородная смерть. А насчет даты — в настоящей реальности это произошло приблизительно девяносто восемь миллионов лет тому. В вашей — десять минут.

— Я должен вернуться к ней!

Хорвен снял шлем.

— Вам лучше этого не делать.

Гротон уставился в расплывчатые черты Хорвена, теперь он поверил что это — ужасная правда. Жизнь, которую он знал, подошла к концу, возвращаться смысла не имело. Теперь он входил в новую жизнь — один.

Земля

Иво приближался к последней триаде, его встречала здесь мягкая мелодия фагота.

Силы оставляли Иво — валторна уже не звучала, голос ее угас где-то безвозвратно. Оставалась только одна надежда, но ему не хватило сил поддержать мелодию.

На земле стояла красивая молодая женщина. Она улыбнулась ему, она протянула ему пригоршню земли, словно пытаясь завлечь его в свой мир, но Иво прошел мимо. Дальше могучий бык рыл копытом землю — воплощение силы, но без агрессивности. Последней была коза — милая козочка, все как положено — рога, борода, и прекрасное вымя. Но ведь, вне всякого сомнения, этот символ означал взрослого козла, самца, самое неутомимое в мире животное! Может быть,

где-то это было и так, но Иво ясно видел своими глазами и не мог отрицать этого — ОНА, взгляд одного глаза говорил о ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТИ, а другой, Иво даже остановился, чтобы в этом убедиться, — о ЛЮБВИ. Он стоял перед Козерогом, его окружала земля, он слушал блеяние фагота и не мог рта раскрыть.

Она сказала:

— Музыка — это любовь, которой не хватает слов.

Позади нее Гротон увидел скалу, а на ней, на изрытой временем поверхности камня был написан текст:

Поначалу были сложности в постановке излучателей помех — именуемых в просторечии разрушителями, так как многие молодые цивилизации не в состоянии были понять истинное предназначение этих устройств. Тем не менее, план был выполнен. Хотя и пришлось на время Второго Вторжения ограничить галактические обмены, для цивилизации это была скорее спячка, чем смерть..

Через четырнадцать тысяч лет сферы действия всех излучателей перекрылись, и на станции излучателей были посланы команды, которые отключили системы защиты на спут-

никах-минах.

Прошло еще некоторое время, и станции стали хранилищем экспонатов галактической истории и даже приобрели статус музеев.

По мере того, как цивилизация развивалась и, дойдя до определенного уровня, становилась невосприимчивой к сигналу разрушителя, ее представители стремились посетить станцию и пополнить музей своими экспонатами.

Природа сигналов была такова, что представители молодых цивилизаций физически не могли добраться до станций — таким образом, отбор экспонатов осуществлялся автоматически.

Второе Вторжение, как и Первое, длилось около миллиона лет. Так как цивилизация была подготовлена к ней, то потерь не было — на счету Второго Вторжения не было уже опустошенных войнами миров, если культуры и погибали, то лишь по естественным причинам.

Сеть станций-разрушителей рассматривалась лишь как превентивная мера, но не как решение проблемы. Главный удар был проведен на другом направлении. Была предпринята первая совместная галактическая экспедиция — целые планеты совершали прыжки в далекий космос. Основными участниками программы среди раз-

витых цивилизаций были: Нгасо, Хорвен и Доон. Целью экспедиции было выяснение происхождения Странника и его назначение. Они ушли и не вернулись.

Суть Странника была понята, лишь когда Третья Цивилизация приняла отчеты от выживших участников экспедиции, находившихся на расстоянии в несколько миллионов лет. Самый полный из них, отчет Хорвена, явился для всех откровением, и то, что он открыл, в корне изменило взаимоотношения между галактическими мирами.

Неведомая сила вытолкнула Афру в другую реальность. Она была зачарована божественной музыкой, величием галактической истории — теперь она узнала о ней больше, чем о чем-либо другом в своей жизни.

Затем она утратила ощущение времени, ее обволакивала мягкая мелодия. Наконец, окружающий мир обрел прочность, она стояла в…

Супермаркете.

Пред ней был проход меж горами консервированных продуктов. По одну сторону консервы с бобами: сорта лимо, пинто, флотские, большие северные, вегетарианские, со свининой, с черным горошком. По другую сторону прочие овощи:

картофель — резаный консервированный, кукуруза — мягкие хлопья, кукуруза — мягкое зерно, тушеные помидоры, горох — для детей, горох сушеный, свекла резаная. За одним из консервных монбланов стояли корзины со свежими овощами — свежая зелень, крутые красные бока, пышная белизна. Аккуратные и четкие таблички помогали ориентироваться в проходах. Вдали виднелись коробки из консервированных соков, сухого молока, коробок сигарет, мешочков с древесным углем. Штабелями были сложены книги — двенадцать томов дешевой краткой энциклопедии.

Степенно прохаживались покупатели, толкая перед собой корзины на колесиках.

Дети, оставленные без присмотра, носились по магазину, сморкались в вялые листья салата, разливали виноградный сок на побитый кафель пола, поедали бананы до того, как те успели взвесить и оплатить, а шкурки бросали за громадные контейнеры со стиральным порошком, где бригады уборщиков появятся лишь через несколько дней. Задерганные домохозяйки, решив вдруг, что сладкое уж очень повредит их фигуре, оставляли таять коробки с мороженым на полгаллона на стеллажах с жевательной резинкой возле касс. Мужчины в шортах, выпятив, кто воло-

сатую грудь, кто необъятных размеров живот, с важным видом тащили упаковки с банками пива. Девочки, лет по шестнадцать, шумной толпой собрались возле стойки с журналами, игнорируя надпись ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ЧИТАЙТЕ В МАГАЗИНЕ.

Афра стояла среди всего этого, впитывая всем' своим интеллектом окружающий мир. Она ожидала увидеть все, что угодно, но только не это. Супермаркет был самый обычный, и народ в нем был самый заурядный. Куда ни глянь, всюду унылый средний класс, ничего инопланетного или хотя бы экстравагантного, если не считать того, что все выглядело несколько старомодно. Если уж здесь и должно было воссиять перед ней «откровение» Странника, то изложено было оно в весьма неочевидной форме.

Она повернулась, ища выход.

Афра считала, что видение продлится отведенное ему время, и все, что нужно ей сообщить, сообщит, какие бы действия она не предпринимала. Нужно просто переждать и сохранять при этом спокойствие.

Ее взгляд зацепился за человека, стоящего в ближайшей очереди в кассу. Нижняя часть его лица была закрыта шарфом, как в сильные хо-

лода, хотя температура в магазине была вполне приемлемой, на голове этого человека сидела лихо заломленная шелковая шляпа. Одну руку он погрузил в карман, словно рылся в поисках мелочи. Что-то было в нем знакомое.

Афра закричала от ужаса и помчалась прочь от этого человека. Плечом она больно ударилась о пирамиду бобовых консервов, лавина банок окатила ее и потекла, громыхая, вдоль по проходу. Все удивленно обернулись на шум.

— Нет! — срывающимся голосом закричала она. — Я отказываюсь! Я не хочу…

Ее отрицательная реакция была столь сильной, что окружающий ее мир задрожал, утрачивая черты реальности. Она *знала*, что это всего лишь видение, да к тому же для нее характерным было активное неприятие иррациональных явлений, подкрепленное сильной волей. Иллюзия имела над ней власть не дольше, чем кошмар над спящим человеком, когда тот, осознав что спит, отказывается смотреть сон дальше.

Обрел очертания зал в станции разрушителя и парящие в невесомости фигуры людей. Ей удалось вырваться.

Вначале ей показалось, что Гарольд и Беатрикс тоже в норме, но потом она заметила, что их

действия — лишь реакция на события в каком-то параллельном мире. Их глаза следили за невидимыми событиями, ноги шагали по невидимой поверхности, то и дело обращались они к невидимым собеседникам, не обращая внимания друг на друга.

Иллюзии прочно удерживали их в своих объятиях.

Иво все еще играл на странном инструменте. Действовали только руки — у этого инструмента не было мундштука, как, например, у трубы — но звучание передавало гамму звуков целого оркестра, в котором доминировали четыре инструмента: скрипка, флейта, валторна и фагот. Ей удавалось разобрать даже отдельные партии. Ей показалось, что лучше всего различался фагот, она знала, что играть на нем очень непросто. Однажды ей рассказали историю о фаготисте, который сошел с ума. Сумасшествие вызвал целый ряд причин: реакция тела на звуковые колебания, постоянное напряжение губ, повышенное внутрилегочное давление — бедный фаготист задыхался между пассажами, так как у него не было времени выдохнуть полностью, и в результате мозг страдал от постоянного кислородного голодания.

Она даже в детстве не верила этой басне, но знала, что в некотором смысле фагот отрицает обычные законы музыки и только хорошей техники работы пальцев недостаточно для хорошей игры.

Она вспомнила, что — минуту назад? час назад? — слышала уже этот характерный для фагота пассаж, что очень любят композиторы, как правило, им нравятся многоцветные тона инструмента и шутовское звучание верхнего регистра. Она слышала все это недавно, когда она была…

Козой?

Она отшатнулась от этой мысли. Очевидно, эта музыка в состоянии создать для каждого из их компании свой эфемерный мир. А Иво тоже видит галлюцинации. Он играл, но глаза двигались, губы шевелились, говоря что-то беззвучно. Скорее всего, неполная галлюцинация.

Ей удалось вырваться из кошмара, предназначенного для нее, но лучше от этого не стало. Тела их были рядом, но фактически она оставалась одна. Что же было не так? Она ведь, несомненно, должна была войти в храм науки — истории, философии, но никак не в супермаркет.

Заговорила Беатрикс. Вначале послышался смущенный смех, затем:

— Я вовсе не красивая, мне уже почти сорок.

Почти. Гротон, конечно, составил в свое время ее гороскоп, и получилась какая-то конфигурация планет под названием «качели». Смешно даже представить, но он сделал из этого вывод, что Беатрикс — его женщина. Не ошибся ли он? Похоже, что нет. А что бы он сказал с перспективах замужества, определяемых ее, Афры, датой рождения? Она никогда не признавалась ему, насколько это ее интересует.

Как бы отвечая своей жене, Гарольд произнес:

— Одну статическую щетку для Королевы.

Иво продолжал играть, магическая музыка исходила из его инструмента и уносилась в бесконечность. Слух Афры по-прежнему четко различал пассажи фагота, вовсе не громкие и не резкие, а западающие ей в душу. Приглядевшись, она, казалось, рассмотрела в пальцах Иво очертания инструмента. Восьмифутовая труба, сужающаяся и загибающаяся назад, изящный изогнутый мундштук с двойным язычком, и отверстия, закрывая которые, музыкант управляет звуком.

Партия гобоя была выразительна, неповторима, задумчива, она будила воспоминания, уводила ее за собой…

Она вырвалась из объятий мелодии, не пожелав вернуться в мир иллюзий.

— Очень мило, — сказала Беатрикс, — но…

— Дрон примет командование, — ответил Гарольд.

Пауза.

— Большое вам спасибо.

Афра внимательно наблюдала за ними, отогнав навязчивую мелодию в дальние уголки сознания. Они участвовали в чем-то, она же оставалась без дела, это задевало ее, но ведь видение, которое ей подсунули, было просто неприличным. А может, ей удастся попасть в чей-нибудь сон?

— Какова оперативная задача? — спросил Гарольд.

Афра удивленно подняла брови.

— Оперативная задача? Выяснить, чем же на самом деле является…

— А мины сделают невозможными последующие атаки?

— Это зависти от…

— Что за вооружение у фелков, по сравнению с нашим?

Афра пожала плечами:

— Мне кажется, вы плохо меня слушаете, Гарольд.

— Сколько у нас времени?

Она взглянула на Иво и Беатрикс.

— Мы можем оставаться здесь хоть вечность, Гарольд, если не выберемся отсюда, то скоро помрем с голоду. Если можно умереть от голода в стране снов. Сон может быть весьма увлекательным, но, как сказал Фрост…

— Сколько у нас времени, до того, как неприятель прорвется и уничтожит станцию разрушителя?

— Ну, Роберта Фроста вряд ли можно назвать неприятелем, он…

— Вы планируете дождаться их атаки?

— Фрост сказал:

Мечты прекрасны, темны, глубоки,
Но есть у меня заботы,
И придется мне много миль пройти
До того, как меня обнимут сны.
И…

— Почему?

— Гарольд, о поэме не спрашивают «почему?»

— Правда, Фрост сказал «леса», а не «сны», но мне подумалось, что…

— У вас есть руководство по стратегии?

— Нет! Черт бы вас побрал! Я считаю секс луч-

шей стратегией.

— Если только он выживет.

— Если *вы* выживете. Вы невозможны, Гарольд.

— А у фелков такая же организация? Они не учатся на уроках истории?

Она отвернулась от Гротона. Это представление начало ей надоедать. Мягкая мелодия фагота вновь обволокла ее, но, как и в прошлый раз, она разрушила очертания музыки. И вновь ей почудились очертания фагота: его стройное тело из розового дерева, кольцо из слоновой кости, стягивающее выходное отверстие. Несмотря на необычное окружение, сладкий яд музыки Иво действовал на нее. Иво впервые взял эту инопланетную штуку, и ему удалось сыграть на ней целую симфонию, в которой партия каждого инструмента была совершенна. Он был виртуозом в игре на фаготе, и в то же время, талантливым флейтистом. Если бы она знала о его музыкальном даровании раньше!

Беатрикс была чем-то обеспокоена.

— Здесь? — спросила она.

Афра попыталась представить, что же так взволновало Беатрикс, но вскоре это стало ясно из ее действий. В ее сне были весьма несовершенные

санитарные удобства. Афра направилась было к Беатрикс, чтобы помочь, или хотя бы составить компанию в неловкой ситуации, но все было закончено, прежде, чем она успела приблизиться. К счастью, дело не пошло дальше имитации. Чуть позже Беатрикс уснула.

Время шло.

Гарольд все разглагольствовал о кораблях, тактике, переговорах, и ни разу, что было поразительно, не упомянул астрологию, Афра была бы счастлива услышать сейчас хоть что-то знакомое и понятное, пусть даже лекцию по астрологии.

Она решила поплавать в воздухе и двинулась куда глаза глядят, в надежде отыскать границы зала. Но чем дальше, тем плотней становился туман, «приятный, темный, глубокий» — на память ей пришла поэтическая строчка, да и в невесомости она совершенно потеряла способность ориентироваться. Пришлось оставить эту затею, Афре вовсе не улыбалась перспектива заблудиться и променять компанию, даже лунатиков, на одиночество во тьме.

Она вернулась к товарищам и, не сводя глаз с Иво и его призрачного оркестра, стала незаметно засыпать. Когда все это закончится, нужно будет обсудить с ним кое-какие вопросы. Ведь он… его

талант…

Когда она проснулась, ничего не изменилось.

— Я и вправду ничего не понимаю в местах для стоянки, — обратилась к кому-то Беатрикс.

Прошло несколько часов, по крайней мере, но Афра не чувствовала голода, и вообще, организм ничем о себе не напоминал. Казалось, что на какое-то время процессы обмена в организме прекратились, но в снах все было, как подобает. Каким-то образом люди даже в состоянии стасиса сохраняли сознание. Еще одно чудо галактической науки? Почему бы и нет.

А Иво все наяривал. Как пальцы его столь долго выдерживают этот бешеный темп? Здесь, что же, и усталость невозможна? Но одно очевидно, как только исчезнет музыка, исчезнут и видения. А что потом?

Выполняя задание — *ее* задание, они оказались в этом гиблом месте. Это можно, по идее, считать финалом их путешествия, развязкой затянувшейся приключенческой повести. Но где же враг? Она, конечно, не предполагала, что здесь ждет их сеча лютая с отрядами кровожадных чудищ, но *ЭТО?..*

Прошло еще несколько часов. Гарольд спал. Беатрикс переживала какие-то ужасные события,

кричала «Убейте его!», затем упавшим голосом произнесла «Это же человек», затем затихла.

Гарольд с кем-то беседовал, похоже, не с человеком.

— Вы один-из-тысячи! Тот вид, у которого иммунитет к разрушению… Вы, вы построили разрушитель!.. Зачем вы сделали это? Почему вы считаете, что только у вас есть право на космические путешествия? — И потом: — И мне тоже придется примкнуть к этой стороне? Даже если я не уверен, что согласен с позицией этой стороны?

Как во сне, так и наяву, Гарольд всегда знал, на чьей он стороне. Он всегда вел честную борьбу. А Афра бы на его месте, в его иллюзии, отбросила бы всякие правила приличия, и послала бы этого инопланетника ко всем чертям.

— Разрушитель, он уничтожает только злые умы?

Афра постепенно пыталась представить себе полную картину. Злые умы — как Брадли Карпентер. Ведь Гарольд всегда говорил прямо и не стал бы заниматься казуистикой.

Но фразы Гарольда все больше и больше тревожили ее, будили червя сомнений. А что, если они ошибались в своем отношении к разрушителю?

Невозможно, но все же…

Опять заговорила Беатрикс. Она беседовала с кем-то об огне, воде, бесчеловечности. До этого она довольно долго кого-то звала:

— Черный, черный, где ты?

Афре пришлось заткнуть уши, чтобы не слышать ее бесконечные жалобные взвывания. Теперь они заговорили все вместе, и Гарольд, наконец-то добрался до астрологии… Было трудно уследить одновременно за обоими, и ей пришлось ориентироваться по выхватываемым репликам то из одного, то из другого сна.

— Ты не ошибалась…

Беатрикс совершила серию странных движений и… поплыла, временами переходя на шаг. Гарольд живо обсуждал с кем-то проблемы методологии астрологии. Вдруг Беатрикс воскликнула:

— Вы не понимаете! Вы должны выслушать…

Запнувшись на полуслове, она издала нечленораздельный звук, тело ее конвульсивно дернулось, лицо исказила маска агонии.

Афра, как могла быстро, погребла к ней. Похоже, что эти сновидения имеют жуткое продолжение в реальности. Случилось что-то ужасное.

Иво продолжал играть.

Беатрикс была уже совершенно спокойной, когда Афра подплыла к ней. Она попыталась поднять Беатрикс, но тело в невесомости только перевернулось. Это было бессмысленно, ведь если нет тяжести, положение тела значения не имеет. Афра не знала, что же предпринять и действовала не задумываясь.

Внезапно ее ошеломило страшное открытие — Беатрикс не дышала.

Афра схватила голову Беатрикс, засунула ей палец в рот, проверяя, не запал ли язык, затем попыталась провести искусственное дыхание.

Результаты были нулевыми, но она не сдавалась, нагнетая воздух в легкие, останавливаясь лишь для вдоха, сжимая грудную клетку безжизненного тела.

Афра отчаянно пыталась оживить труп, до нее доносились мелодия фагота и голос Гротона, — это породило поток воспоминаний о прошлой жизни — ее и Беатрикс.

Вот Беатрикс на станции макроскопа — вносит поднос с обедом, тогда они в первый раз собрались вчетвером… и Брад еще был с ними. Она и Беатрикс рядом, когда Джозеф стартовал в глубокий космос. Беатрикс пытается проникнуть в суть сложных физических идей во время их споров.

Беатрикс призывает всех к порядку. Беатрикс в скафандре осторожно ступает по поверхности Шена-спутника.

Беатрикс, всегда такая дружелюбная.

Казалось, ничего не значащие сюжеты из глубин памяти — но лишь теперь Афра поняла, что значила для нее ненавязчивая поддержка и постоянное присутствие этой пожилой женщины.

Пожилой? Беатрикс никогда не выглядела так молодо, как сейчас…

Но она не дышала, и сердце ее не билось.

Беатрикс ухаживает за садом на Тритоне. Беатрикс доходит до истерики, защищая Афру на том бутафорском (а может, и нет) судебном заседании.

— О, Трикс, Трикс… — всхлипнула Афра. — Ты была единственной, кто понимал…

Все зря. Беатрикс мертва.

Афра оставила ее и метнулась к Гарольду. Схватила его за плечи и начала трясти, хотя и раскачивалась сама.

— Просыпайся! Просыпайся!

Гарольд не реагировал.

— Гарольд — *твоя жена умерла!* — прокричала она ему в самое ухо, больно ударяя по щекам.

Он будто бы ожил.

— Но…

— Она только что умерла, и я не смогла, не смогла… ты должен что-то сделать! Просыпайся!

Он тупо посмотрел на нее:

— Как? Где?

Афра спешно ему все изложила, продолжая теребить, чтобы не дать уснуть опять.

Глаза его расширились.

— Я должен пойти за ней!

Произнеся это, он закрыл глаза, тело его обмякло, и Афре не удалось больше оживить его.

Царство снов поглотило его. Афра в отчаянии оглянулась — и увидела Иво, продолжающего играть…

Пришло время остановить музыку. Она подплыла к Иво и вырвала у него из рук инструмент. Оркестр замолк, последние звуки растворились в туманном мраке зала.

Под ногами появился пол, их окружили стены, которые оказались гораздо ближе, чем можно было предположить, показались и двери — вход и выход. Сила тяжести навалилась на тело.

Афра внимательно следила за Иво, ожидая его пробуждения. Он сел на пал и уставился куда-то бессмысленным взглядом. Затем поднял голову, сделав это решительно и резко, совсем не похоже

на Иво. И прямо посмотрел на нее.

— Спасибо, куколка, — сказал он.

— Иво, случилось что-то ужасное, Беатрикс…

Он ловко встал, разминая пальцы, будто они онемели.

— Я знаю, черный проткнул ее гарпуном. Глупая женщина.

Афра изумленно уставилась на него.

— А этот ваш инженер — он в стасисе, на пути в глубокий космос. Сейчас этой игрушкой его уже не вернуть. Пройдет много лет, прежде, чем он проснется, если проснется вообще. Так что осталось нас двое.

Она попятилась.

— Вы не Иво! Вы…

Он подобрал инструмент-оркестр.

— Иво — Ивон-Иван-Иоганн-Джон-Шин-Шейн-Шен. Ты разорвала цепь, голубоглазка, ты опять вмешалась — в очередной раз! — и вот Иво, Иво-идиот на другом конце цепи пропал, как и Брад. Нужно признать, у тебя просто талант к подобным вещам. Сейчас…

Что-то очень важное рвалось на поверхность из бездны памяти, но не было времени выяснить, что же это. Афра ринулась к двери, даже не сообразив, куда она бежит и почему.

— Не нужно так спешить, красотка, — окликнул ее Шен.

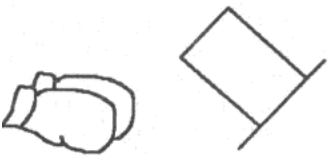
Он вытянул руку с инструментом и с наигранным драматизмом произнес:

— На самом деле, главная битва впереди.

Она почти добежала до приоткрытой двери и видела уже освещенный зал за ней, из которого они сюда попали. Она протянула руку…

И ее отбросила назад упругая сила натянутых канатов. Не удержавшись на ногах, она отлетела и приземлилась на задницу — но уже обращенная лицом к центру комнаты.

Восходящий



Это была уже не комната. Это был стадион, заполненный людьми, но невозможно было различить ни одного лица, слышен был лишь невнятный рокот толпы.

Она сидела на помосте, огражденном натянутыми упругими канатами. Помост представлял из себя квадрат — конструкция, известная как боксерский ринг.

В дальнем углу ринга появился Шен — в боксерских трусах и высоко зашнурованных спортивных туфлях. Мускулистый торс переливался в ярком свете юпитеров, глаза и зубы сверкали. Таким он и врезался ей в память — боксер, выходящий на ринг. Она видела, что пришел его час, час его несокрушимой мощи, когда он владеет всем. Что бы она не задумала и не предприняла

— ей не остановить его, даже не задержать.

Как будто заметив ее замешательство, он остановился — одна нога еще за рингом, рука опирается на канат.

— Ты и вправду не понимаешь ничего, глупышка, — сказал он. — Ты даже не представляешь, что все это значит. Да у тебя, белой дуры, не хватает даже духу встретить свой собственный символ.

Она собралась с силами и решила не выходить с ринга до тех пор, пока не узнает, что же затевает Шен, и какие еще барьеры, кроме канатов, он создал. Ведь вполне может оказаться, что безопаснее *внутри* ринга, а не *снаружи.*

Они не двигались и напряженно чего-то ждали, за это время Афра успела рассмотреть себя.

На ней было то же, что и раньше: шорты чуть выше колен, легкие туфли на застежках, которые хорошо входят в башмаки скафандра, эластичная блузка, волосы стянуты лентой.

Вещей немного, во-первых, чтобы хорошо циркулировал воздух и не стеснялись движения при работе в космосе, и, во-вторых, чтобы выглядеть как можно привлекательней вне космоса. Она не стала бы отрицать, что всегда была озабочена своим внешним видом, и сейчас у нее были веские причины выглядеть привлекательно.

Сейчас, когда Беатрикс мертва, Гарольда нет с ними, а Иво так нелепо проиграл Шену.

Беатрикс, смотрящая на творения неземного искусства…

Гарольд, восхищенный странными машинами…

Иво…

Сейчас все вчерашние устремления и желания стали ничтожны. Даже скорбь от утраты близких ей людей не могла отвлечь внимание — для нее придет время, когда удастся уйти от Шена.

Она оценила ситуацию с точки зрения физических возможностей: одежда не будет мешать ей двигаться, у нее превосходная реакция и хорошо поставленное дыхание. Она в свое время могла оценить мускулатуру тела Иво/Шена и нашла ее не очень впечатляющей.

Те горы мускулов, что видела она сейчас, были иллюзией, видением, которое для них обоих каким-то образом сотворил гений Шена. Она не сомневалась, что Шен, обладая многочисленными способностями, направляемыми злой волей, неминуемо поработит ее, как только поймает, но ведь может случиться так, что и не сможет поймать. Не возникало сомнений, что в создавшемся положении ей приходится надеяться только на те

самые физические способности. В интеллекте ей не сравниться с Шеном. Эмоционально он, верно, еще ребенок; но интеллектуально — гений, равного которому не знала Земля.

Пока она обдумывала все это, Шен говорил. Похоже, он просто хвастался своими знаниями, пользуясь наконец-то предоставившейся возможностью поразглагольствовать перед аудиторией.

— Нет, ты совсем ничего не понимаешь. Я прочитаю лекцию, но сниму за это очки, иначе ты не оценишь мои старания. Обидно, конечно, говорить перед столь ничтожной аудиторией, но, увы, ты единственный возможный здесь слушатель.

Афра положила руку на канат и готовилась нырнуть под него при первом удобном случае. Она знала, что ничего хорошего ее не ждет, но необдуманное бегство может привести ее туда, куда ей вовсе попасть не хочется. Ей дали уже это понять. Шен обладал какой-то необъяснимой силой и мог создавать на ее пути реальные физические преграды, так что глупо, пожалуй, бежать, пока не известно, как он это делает. Один раз это были канаты, а в следующий может быть что-то похуже.

— Этот ключ, — сказал Шен, — инструмент галактики.

Он поднял инструмент, на котором недавно играл Иво. Афра подумала, что он все время держал его в руках, хотя она заметила его только сейчас.

— «Ключ» — именно это я имею в виду. Ключ к святая святых, ключ к истории, ключ к душе человека. Назовем его символизатором. СИМВОЛЬНЫЙ = ПЕРВИЧНЫЙ СИМВОЛ = S'. Он превращает символы в реальность и наоборот — так мы получаем голую истину. Я, конечно, сразу сообразил, для чего он.

Шен хихикнул.

— Иво думал, что это флейта! Он пытался сыграть на ней Сиднея Ланье.

И ему это удалось, подумала Афра, но решила, что Шена сейчас лучше не перебивать. Она обретала все большую уверенность в своих силах — если удастся сейчас сохранить присутствие духа, то можно будет одержать верх над этим вундеркиндом.

— Фактически, это обучающий прибор, — продолжал он лекцию. — Он делает осязаемой символическую сущность ситуации либо личности, обучая тем самым зрителя, являющегося в то же время участником. И, естественно, необходимо правильно интерпретировать символы, любой, кто хоть немного в этом понимает… но

тебе даже этого не достает.

— Не достает чего? — спросила она, пытаясь продолжить диалог. Она уже сообразила, что он просто по-детски поддразнивает ее, но ей, тем не менее, удалось услышать кое-какие важные детали. Если бы ей только удалось отобрать у него галактический инструмент — S'…

— Астрология, — сказал он. Ты отказалась воспринять ее идеи — и теперь астрология лучшее оружие для меня. Ведь восходящие символы ничего не значат для тебя.

Она выжидала, отказываясь схватить приманку Шена. Он, очевидно, забрался в память Иво и выудил оттуда ее споры с Гротоном. Шен пытался разозлить ее, а это означает, что если она сохранит присутствие духа, то сила его убудет. Нужно крепко держать свои чувства в узде.

— Восходящий — это всеобщее определение личности, этот знак есть у каждого. Мой восходящий приходится на Овен 21, символ в этой позиции значит «боксер, выходящий на ринг» — как ты уже, наверное, заметила, если следила за событиями внимательно. Это означает мою непоколебимую уверенность в своих силах, естественно, небезосновательную, — и полное отсутствие личных привязанностей. Эта галакти-

ческая машина раскрыла глубинную суть моей личности и создала образы, отображающие кроющуюся во мне мощь.

— Гарольд не совсем так понимал астрологию, — тихо сказала Афра.

Как же она сожалела сейчас, что не удосужилась в свое время хоть немного ознакомиться с этой наукой, даже не доверяя ей! Ведь, несомненно, в эту игру играют по правилам астрологии.

— Гарольд был инженером, а не астрологом. Его подход был слишком традиционен и консервативен, хотя, когда я его видел в последний раз, он совершенствовал свои познания в спешном порядке. Старые галактические цивилизации знали толк в настоящих науках.

Он все еще играл с ней. Если она попытается защищать Гарольда, то, фактически, будет защищать и его хобби, а в этом она разбирается плохо и будет чувствовать себя неуверенно.

— А что с Иво? — спросила она.

Шен задумчиво посмотрел на нее, но не стал возражать против смены темы.

— Ах да, Иво. Ну, он все совсем запутал, таким уж я его создал. Он не знал, как правильно использовать S', взял понемногу от каждого из вас и в результате сыграл такое, что услышь

это создатели инструмента, они попадали бы без чувств. Поэзия Сиднея Ланье, астрология Гарольда Гротона, якобы интеллектуальная исключительность дражайшей Афры Саммерфилд и самоубийственная доброта Трикс — и все это замешано с текстами по галактической истории, которые мимоходом выдавал инструмент в качестве бесплатного приложения. Любопытная композиция, должен признать. Я был огненным бараном — «Стремление» астрологически, «Дело» поэтически и струнная партия музыкально. Я принимал участие в галактических политических играх, и не так уж плохо, но тут ты, как раз мне на руку, погубила Иво.

Внезапно ей стал понятен смысл символа козла и мягкой мелодии фагота. Это были *ее* символы, собранные воедино. И любовь, там, где поэма предопределила дело для него, ей была отведена любовь.

Она чувствовала это…

— Какой у меня символ? — спросила Афра, на сей раз с искренним интересом. — Мой — восходящий?

— А ведь ты не хочешь его узнать, милашка. Ты боишься его, ты ведь такая нервная.

— Я? Может, это вы боитесь узнать *мой* символ?

А что, если я после этого получу превосходство?

— Прекрасно, дорогая леди. Я с радостью буду вызывать твои и мои символы для каждой из планет, по очереди. Таким образом, мы будем в равных стартовых условиях, несмотря на мое превосходство в реальной жизни. Но шанс на успех у тебя появится только тогда, когда у тебя хватит духу посмотреть на то, что ты собой на самом деле представляешь — а ты не сможешь этого сделать. Твой восходящий знак правит тобой и, наверное, планеты тоже. Так что в этом поединке ты проиграешь из-за собственной предвзятости.

— Я рискну, если *вы* рискнете. Не думаю, что вы умеете сражаться на равных.

Он ухмыльнулся зловещей улыбкой воина, вкусившего крови.

— Значит, сыграем, Глинн?

Она ответила не менее злобной улыбкой, хотя в глубине души очень боялась.

— Да, красавчик. И если будешь жульничать — проиграешь.

Она не представляла, чем все это может завершиться, и признает ли Шен результат честного поединка, но коль скоро он терял свое главное преимущество — интеллект…

— Получай, крошка, — произнес он, положив

пальцы на инструмент, — твой восходящий — Телец 15 — завернувшийся в шарф человек с экстравагантной шелковой шляпой на голове.

И она вновь была в супермаркете, в том самом, из которого она сбежала, и смотрела на человека, стоявшего рядом в очереди в кассу. Она сама хотела этого и теперь потеряла голову от страха.

Что-то произошло. Люди попятились от стойки кассира. Человек в шляпе посмотрел на Афру, будто что-то решая. Афре он показался теперь горой, нависающей над ней, а она была такой маленькой, такой хрупкой… Сейчас должно произойти нечто значительное.

Огромная фигура человека в шляпе двинулась. Прогремел выстрел.

Солнце

Она вырвалась из иллюзии — перемахнула через канаты ринга и бросилась к двери — к той самой, к которой она стремилась в первый раз. Она покинула одно видение только для того, чтобы попасть в другое — казалось, что так будет вечно, если только ей не удастся скрыться от Шена и его дьявольского галактического творения — S'-прибора.

Вырвавшись в соседнюю комнату, она наконец-то оказалась в небольшом и хорошо освещенном помещении. Вдоль стен тянулись какие-то стойки — похоже, электронное оборудование, на многочисленных экранах мелькали, переливались какие-то образы — Афра решила, что это визуальное изображение передаваемой информации. Насколько она могла судить, это был узел связи. Это подразумевало, что станцию время от времени посещали. Ведь автономно работающую аппаратуру вовсе незачем оставлять на виду,

как эту.

Шен был уже здесь, он опередил ее. Он восседал на подиуме, в центре комнаты, за столом, накрытом белой скатертью, края которой свисали, касаясь пола. На голове его был высокий тюрбан, он внимательно глядел в сверкающий шар магического кристалла.

— Разум человека, — многозначительно произнес он, — способен охватить всю Вселенную.

В этой ситуации у Афры было два пути — либо возвращаться назад, либо идти прямо на него. Ни то, ни другое ей не нравилось, и она решила подождать развития событий.

— А я думала, вы должны быть кулачным бойцом.

— Дорогая моя, как я уже тебе доходчиво объяснял, это был восходящий знак. Сейчас же мы под Солнцем, а здесь принято думать, прежде чем говорить. У меня Солнце в знаке Овна 19, и я тот, кем ты меня сейчас и видишь — Гадатель по магическому кристаллу. Так написано в самой авторитетной книге по астрологии.

Он уставился на шар.

— Я вижу, рефери оценил наше выступление в первом раунде по десятибалльной шкале: десять очков Огню, ноль очков Земле — она проиграла

всухую. Превосходное начало, но хотелось бы, чтобы ты хоть немного сопротивлялась, иначе будет ужасно скучно.

Значит, она еще не проиграла!

— А как я узнаю, что счет честный?

Он подтолкнул шар в ее сторону.

— Смотри сама.

Она подошла к столу и взглянула в шар. Внутри его круторогий баран покрывал испуганного козла.

— Насколько я понимаю, это смешение видов, а больше — ничего…

Но когда она произнесла эти слова, до нее дошел смысл образа — двое животных это — два знака: баран — Овен, козел — Козерог. Очередная милая проказа Шена. Два разных вида — это соответствует тому, что она и Шен принадлежат к разным расам. Что это — дерзкое предложение, грязная шутка или угроза? Он же говорил ей, что предрассудки могут ее погубить…

— Очень жаль, но природа не разрешает подобного, — ответила она, когда он насмешливо посмотрел ей в глаза.

Ей не хотелось думать о том, что в такой ситуации у нее один выход — уступить сексуальным домогательствам самца — она знала, что эта

мысль традиционно противна женщине, но все же что-то в ней шевельнулось — было в Шене нечто привлекательное, нечто такое, чего не было в Иво. Но это вовсе не означало, что грубая похотливость Шена очаровала ее. Да и на память пришел рассказ Иво о разнообразной сексуальной жизни участников проекта: гомо, гетеро, групповуха. В последующих раундах нужно дать ему более решительный отпор, подумала она.

Удивительно, насколько иным становился человек с другим сознанием, даже если тело оставалось от прежнего хозяина — Шен ничем не напоминал Иво.

— Да, тебе придется поприсутствовать на лекции по природоведению, — сказал он таким тоном, как будто это что-то проясняло. — Твой знак — Козерог 12, студент на лекции по природоведению.

— Откуда вам это известно? — раздраженно спросила Афра.

— Дорогая моя, Иво изучал твой гороскоп. Теперь вся эта информация у меня, — он ухмыльнулся. — Теперь ты сама видишь, ты — в моей власти. У меня твой гороскоп — это все равно, что ты сама лежишь передо мной обнаженная, распростертая на операционном столе, так что

мне не составит труда препарировать любой твой орган, если я того пожелаю. К счастью, меня не интересует твой *разум.*

Она с трудом сдерживала нарастающее раздражение.

— И чего вы собираетесь достичь, применив вашу астрологию?

Ей приходилось все время поддерживать разговор, надеясь получить хоть маленькое, но преимущество. Ребяческая самонадеянность может сыграть с ним злую шутку, несмотря на всю его гениальность.

— Есть множество способов описания бытия, — сказал Шен. — Символы понятны всем, независимо от интеллекта, и астрология — это организованная система символов, ничего более. Ее нужно принять просто, как, скажем, религию. Но символ имеет, естественно, и собственную ценность, кроме значения и свойства, которое приписывает ему человек. А теперь подумай, есть ли у тебя альтернатива для замужества?

— Почему вы считаете, что баран в глазах козла шибко привлекателен? Вы воображаете, что ваше слово — закон для меня?

— Сестра моя, в радиусе сорока тысяч световых лет ни одного нормально функционирующего

представителя homo sapiens мужского пола, а сама ты не сможешь обойти разрушитель. Я — я *смогу.* Вопрос скорее в том, обременит ли меня твое общество по пути домой, или я пойду один.

Сможет ли он полететь один? Даже если ему удастся выключить этот передатчик сигнала, что маловероятно, принимая во внимание тот факт, что системы защиты воспрепятствуют подобному вмешательству — все равно ему не удастся освободить космос от излучения разрушителя. Ведь Земля находится в поле излучения другой станции, и, в любом случае, потребуется как минимум четырнадцать тысяч лет, прежде чем пройдет задний фронт сигнала, движущегося со скоростью света.

Но, с другой стороны, у него были в распоряжении тело и память Иво. Это означает, что он нашел способ обходить воспоминания Иво о разрушителе, а, значит, и реальный разрушитель.

По крайней мере, он очень хотел, чтобы она в это поверила.

— Я не верю вам, — ответила она. — И, думаю, вам не добраться до Земли без меня. В противном случае, вы бы меня не преследовали и не лезли бы из кожи вон, чтобы произвести впечатление.

— Или выигрывать у тебя раунд за раундом. А

что, если у меня слишком доброе сердце, и я не могу оставить тебя здесь одну? Или ты считаешь, что я блефую? Так может еще сыграем? — высокомерно спросил он.

Внезапно ее опять охватил страх, и она не нашлась, что ответить. Телом Иво овладел демон. Насколько важно это состязание, и сильно ли она в нем проигрывает? Очевидно, словесная перепалка была частью его, и в этой части программы она была не слишком сильна. Браду всегда легко удавалось выводить ее из себя в споре, оборачивая ее слова против нее же самой, и Шен тоже был не промах в таких вещах.

Но, с другой стороны, если вдруг победит она — ведь, теоретически, у нее равные с Шеном шансы, для победы ей нужно лишь собрать в кулак свою волю, все свое терпение — что выиграет она?

Связь с Шеном?

— Ты всегда не очень быстро соображала, — сказал он. — Я ведь ясно все изложил в том послании, что ты нашла после встречи Брада с разрушителем, да ты, как всегда, ни черта не поняла.

— Вы послали *мне!..*

— Уж не думаешь ли ты, что я стал бы что-то посылать *Иво*?! Мне пришлось только одолжить его руку, чтобы напечатать письмо.

Ей становилось все интереснее, и ее не беспокоила мысль, что как раз этого он и добивался.

— Почему же вы тоща просто не сказали ему, чего хотите?

— Он не стал бы меня слушать.

Неужели все так просто? Все эти тайны и загадки, вызванные посланиями, были просто следствием упрямства Иво? И вновь она засомневалась в правдивости Шена.

— Ты могла бы спросить, а почему я не адресовал послание прямо тебе? Так как твой символ сейчас как раз говорит о том, что ты очень интересуешься объяснениями, то я тебе объясню. Я не сделал этого из осторожности. Иво почти всегда был начеку, и лишь в редкие моменты, когда он терял бдительность, мне удавалось завладеть частью тела — например, рукой. Так уж случилось, что он проходил мимо телетайпа в состоянии шока после смерти сенатора и ментальной кончины Брада; я отключил его сознание и напечатал то письмо. Но я не решался составлять послание в понятной ему форме, или вообще упоминать в нем как-то о *тебе* — он бы сразу все разгадал. У меня было мало времени, поэтому я только успел набить первую строку «Болот Глинна» Сиднея Ланье, на многих языках, но придерживался только

тех, которые ты знаешь. Я думал, что ты достаточно умна и вычитаешь настоящее послание.

— Хорошо, пусть я глупа и ничего не поняла, — резко ответила она. — И что же это за *настоящее послание?*

— Последний куплет поэмы, глупенькая:

> *О, если бы знал я, скрывается что под прилива волной*
>
> *Когда она катится над Болотами Глинна.*

Любой, у кого есть хоть немного серого вещества в голове, тут же сообразил бы, что под поверхностью сознания Иво плавает Шен, и, конечно, девушка из Джорджии наверняка должна была знать поэму. А уж затем твои розовые ресницы затрепетали бы, и ты бы сказала, чтобы Иво выпустил меня.

— Почему вы так уверены, что я бы это сделала?

— В то время ты была уверена, что по гроб жизни влюблена в Брада Карпентера. Ты думала, Шен поможет тебе вернуть его. Ты была просто очаровательна в своей наивности. Такой ты и осталась.

Она вспомнила. Если бы она узнала правду то-

гда, она, не колеблясь, отдала бы Иво в жертву… какая жуть!

Потребовалась целая цепь невероятных событий и приключений, чтобы изменился ее образ мышления и система ценностей.

— После этого Иво знал уже про лингвистический фокус, и мне пришлось попробовать другой трюк. Не то, чтобы Иво был слишком умен, просто он уже многое знал, чтобы два раза попасться на одну уловку, да и упрям он, как черт. В этом-то и состояла главная сложность, указать на него так, чтобы сам он ничего не заподозрил, а возможностей для осуществления моей задумки у меня было не так уж много. К счастью, до него так и не дошло, что послания адресуются не ему, эта дурацкая стрела все время сбивала его с толку.

— Так значит, вы нарисовали в послании символ Нептуна, чтобы заслать нас к черту на кулички, откуда мы бы не выбрались без вашей помощи?

— Да, вам пришлось бы позвать дядюшку. Нептун — это планета обязанности, если стать на точку зрения инженера, который был главным авторитетом в этой области. Бесспорно, Нептун традиционно ассоциируется с жидкостями, газами, тайнами, иллюзиями, мечтами — но ты, как

всегда, не ухватила смысла даже столь прозрачного намека. А вот Гротон, какой он ни тупица, и то начал уже понимать, в чем дело…

— А стенограмма, посланная вами, когда мы уже были там, — сказала она, обрывая его словоизлияния. Она злилась на себя за то, что видела только внешнюю сторону посланий Шена. Жидкости и газы — процесс деструкции? Мог ли Шен действительно это предвидеть? Тайна, иллюзия — это Шен, стоящий за иллюзией, которой является Иво. В сообщениях было множество смысловых уровней, а у нее не хватало ума докопаться даже до самого первого.

Брад бы сразу все понял…

— Но почему вы стремились выйти, если не стремились помочь Браду? — спросила она. — Ведь вас не интересовал мировой кризис?

— Назревали интересные события, чего же еще я мог желать?

Афра с ужасом посмотрела на него, такой цинизм был ей внове. Шен не отвел глаз.

— Брад лишился рассудка, сенатор США погиб, будущее проекта макроскопа под вопросом — что здесь веселенького?

— Любопытного. Есть некая разница, но нужно обладать хотя бы рудиментарным мозгом, чтобы

увидеть ее. Это был вызов — сигнал из космоса, который может превратить человека в дебила, а то и просто убить.

— Но почему погиб сенатор? Почему не умерли остальные?

— Напомню тебе, что, согласно правилам нашей игры, как только я серьезно отвечаю на серьезный вопрос, я получаю очки.

— А если вы не захотите или не сможете ответить, то очки получаю я.

По крайней мере, она на это надеялась.

Он пожал плечами.

— Погибло бы больше, если бы больше народу посмотрело разрушитель. Остальные-то были добропорядочными, мирными, зрелыми учеными, не стремившиеся перевернуть мир. Дело в том, что при воздействии разрушителя на мозг формируется обратная связь, прямо пропорциональная уровню интеллекта и обратно пропорциональная уровню развития сознания индивидуума. Таким образом, зрелый и умный человек остается невредим, точно так же, как не поражается незрелая и тупая личность. Но человек с высоким уровнем интеллекта и низким уровнем сознания получает удар, пропорциональный разнице этих двух уровней. Сенатор был

примитивным гением (я вольно трактую этот термин) — и он погиб. Брад же был несозревшим гением, как и другие ученые.

— А вы? — резко спросила она.

— Я как сенатор, только намного хуже. Я умнее его и более беспринципен. В этом и была часть вызова: одолеть инопланетный сигнал, в то время, как встреча с ним лицом к лицу завершится тем, что мои мозги заклинят — в буквальном смысле. Не побоюсь сказать, что я самый яркий примитив из всех родившихся на земле.

Афра не стала это отрицать.

— Вы планируете экстренно созреть в течение нескольких последующих часов — или когда вы собираетесь отправиться домой?

— Навряд ли, я себе и таким нравлюсь. Не вижу смысла в повторении пути Брада. Кстати, я *смог бы* спасти его жизнь, там, на Тритоне, окажись под рукой. Другой вопрос, ты бы не захотела, чтобы я это сделал.

— Что?

Она знала — он пытается шокировать ее своими заявлениями. Ему это удалось. Он вел по числу вопросов, и ее положение все ухудшалось. Она прекрасно понимала, что Шен подбрасывает ей куски информации в качестве приманки, и

она заглатывает их. Осознавая это, она все же не может остановиться — она должна все знать.

— Нет, я вовсе не хочу сказать, что тогда ты любила Иво. Ты упрямо оставалась с Брадом, по крайней мере с тем, что от него осталось. Но ты бы не позволила ему жить.

Взгляд Афры молил о милосердии. Шен вперился в кристалл.

— Я вижу, — тихо произнес он. — Вижу эволюцию человека от комочка протоплазмы до зрелости. Я вижу плавающие в реликтовом океане личинки эхинодермов, которые развиваются в радиально-симметричные взрослые формы. Но вот произошла мутация — один подвид личинок приобрел репродуктивную способность, они начали плодиться, минуя зрелую фазу. Я вижу долгий путь эволюции этого смелого вида, они выходят на сушу, где истинная зрелость особи становится не только непрактичной, но и невозможной. Таким образом, вместо взрослой морской звезды мы имеем личинку — Человека.

— Вы хотите сказать…

— Вы знали, что мы происходим от Echinoderm superhilum, Вы знаете отличительные черты этой формы жизни. И что же, по-вашему, случилось, когда вы вмешались в эволюционный процесс

при восстановлении? Отключив механизм, ограничивающий время процесса, вы прогнали полный процесс эволюции — при этом соответствующие конечные условия отсутствовали.

— О, Брад! — с болью в голосе воскликнула она.

— Но выйти замуж за морскую звезду, пусть даже взрослую — да это просто смешно, и вы подстроили убийство.

— Я не знала!

— Душенька, незнание закона не является оправданием — особенно законов природы, и тем паче, если обвиняемый — студент на лекции по природоведению.

— Но…

— Но даже если бы вы учли это, вам бы не удалось восстановить его поврежденный мозг. Повторный цикл не удалил бы никоим образом поврежденные ткани — они просто приняли бы другую форму — и ничего более. Он был бы невыносимо тупой морской звездой.

— Прекратите! — закричала она.

— В твоих силах прекратить это, и ты даже знаешь как, нужно только немного мужества.

Она опять была в супермаркете. И вновь был страх.

Гром выстрела все еще звучал в ушах. Возле кассы завязалась борьба. Завизжала девушка-кассир, упал какой-то мужчина. Шелковая шляпа покатилась по полу к ногам Афры. Шляпа была огромной, и росла по мере приближения, все раздуваясь и раздуваясь, будто хотела смять Афру своей массой. Она с криком бросилась прочь. Больно ударилась плечом о пирамиду консервированных бобов, банки посыпались, гулко ударяясь об пол… Она знала, что это было уже раньше, но не могла остановить видение. Все повернулись и удивленно смотрели на нее, но она, не обращая ни на кого внимания, только истерически орала:

— *Нет! Нет! Нет!*

Сломя голову она пронеслась по магазину и выскочила в какую-то дверь. Вот она уже в морозильной камере пробирается между свисающими брусками сырого мяса, натыкаясь на гигантские коробки. Над ней нависает человек с разделочным ножом в руке, она видит на лезвии темную кровь, кричит и бросается к другой двери.

Вот она бежит уже по узкой дорожке между дымящимися мусорными контейнерами. Дверь сзади распахивается, какой-то человек гонится за ней.

— Девочка! — кричит он. — Девочка! Вернись!

Он вдвое крупнее ее, у него черная кожа и крупные белые зубы. Она бежит от него.

Кругом черные резиновые шины грузовиков, она ниже их, рев моторов, удушающий запах бензина и автомобильные выхлопы — она в ловушке — черный человек приближается. Она опять кричит и бросается к следующей двери — символу побега. Она закрыта. Афра отчаянно тянется к ручке, пытаясь открыть тугую защелку — черный человек все ближе. Внезапно дверь открывается, и она врывается внутрь.

Какие-то странные апартаменты — необычной формы столы, кровати — само воплощение неудобства, туалет — просто насмешка над двуногими формами жизни.

Луна

И все же, это была жилая квартира, в которой, должно быть, кому-то удобно, если не человеку, то существу, несколько отличающемуся от него формой.

Афра прошла через анфиладу комнат, размышляя о том, где же могут быть хозяева и когда они могут вернуться. Очевидно, кто-то управлял станцией, или, по крайней мере, сюда регулярно наведывались, — и здесь обслуживающий персонал мог отдыхать в перерывах.

Одна из комнат оканчивалась низкой стеной и дальше была уже пустота. Это оказался балкон. Он выходил на обширный двор. По периметру двора рядами были посажены зеленые кусты. По крайней мере в этом хозяева походили на людей. Здесь была самая настоящая земная гравитация, земной воздух, нормальная температура и интерьер, схожий с человеческим. По-видимому, два вида — человеческий и хозяев станции — были

очень похожи, а то, сколько у кого глаз или антенн, значения не имело.

Шум: внизу через двор проходит толпа мужчин, разношерстная толпа. Это рабочие, синие воротнички — грязные, в комбинезонах, в защитных касках. Белые, черные, желтые лица, хотя преобладают промежуточные оттенки.

Она обнаружила, что у нее в руках большая сумка для покупок — по-видимому, из супермаркета. Пытаясь перегнуться через перила балкона, чтобы разглядеть получше происходящее внизу, она не выпускает сумку из рук. Но балкон рассчитан на взрослых, для нее перила расположены высоковато. Ей даже в голову не приходит поставить сумку, ведь она набита неведомыми вещами, она знает только, что из этих вещей рождается чудо. Из них ее мама, как настоящая волшебница, сотворит столько замечательного: шоколадное пирожное, малиновое мороженое, хрустящее печенье. Эту сумку нельзя отпускать ни на секунду.

Когда она высунула голову за перила, а одна из ее косичек забавно свесилась вниз, люди внизу заметили ее. Рев многих глоток донесся до нее.

— Мы хотим ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА! — кричали рабочие.

— Хорошо, пришлите вашего пред… пред… ну кого-нибудь, — прокричала она в ответ, не надеясь, что ее сопрано будет услышано в этом гаме.

Из-за спины к ней подошел человек.

— Я представитель, — сказал он.

Она вздрогнула, начала было плакать, но тут же прекратила, так как сообразила, что слезами тут делу не поможешь.

Этим человеком был исполинский Шен.

— А я думала, вы гадаете по кристаллу, — заметила она, пытаясь скрыть все еще льющиеся из глаз слезы. На самом деле, появление Шена удивило ее не так сильно, как могло бы сначала показаться.

— Это было там, в знаке Овна 9, — ответил он. — Под Солнцем. Результат раунда судья оценил как 10:2 в пользу гадателя по кристаллу. А сейчас — *Луна.* Близнецы 21 для меня и Козерог 19 для тебя. Ты, как я посмотрю, оделась соответствующим образом.

— Оделась?

Разговор взрослых так трудно понять.

— Твой символ, РЕБЕНОК, ЛЕТ ПЯТИ, С БОЛЬШОЙ СУМКОЙ ДЛЯ ПОКУПОК.

— Мне *семь,* — строго поправила она его.

И затем, потрясенная своими же словами:

— Мне семь?

Так оно и было. Не удивительно, что взрослые казались ей такими большущими.

— И ты называла меня незрелым индивидуумом, — воскликнул Шен и захохотал. — Ты, должно быть, здорово позабавилась, когда я подмешал немного жизни в беспросветную серость, которой был Иво. Ты — стопроцентная БАСП — белая англо-саксонская протестантка хотела провести психоаналитические тесты на *мне,* в то время, как я отсутствовал. Но ты не учла присущую роду человеческому агрессивность — это та черта, которая привела человека к господству на Земле. Так что можешь называть меня ЧАСП, если тебе легче оперировать подобной терминологией.

— Как?

— Черный англо-саксонский протестант. Или коричневый монголоидный католик, или желтый готтентотский католик. Я представляю всех их, *я* есть они, посмотри на мой символ — он во дворе. И, скорее всего, это вовсе не случайно, что твое имя — Афра. Оно очень близко к имени Афрам, или Афро-Американец, удобное обозначение…

— Целой группы. Так это что, демонстрация

рабочих?

— Именно. Я есмь универсальная душа человечества, я не признаю собственности и права владения чем-либо, как неестественные ограничения, выдумку нашего общества. Я говорю, что свобода и справедливость восторжествуют только тоща, когда будут доведены до логической крайности — когда насилие взорвет общество, так долю попиравшее их. Я возьмусь за дело так, как я берусь за все — со смелостью и отчаянием.

— И без ложной скромности, — тихо добавила Афра.

Ей показалось, что она должна помочь рабочим, каковы бы ни были их требования. Она хотела быть частью толпы, идти с ними до конца, хоть на баррикады.

— Так что же вы хотите конкрр… ну чего вам нужно?

Присутствие пятилетней девочки в этой сцене, не умеющей еще выговаривать слово «конкретно», не казалось чем-то странным в этом театре абсурда.

— Я хочу свободу, — сказал Шен, зловеще делая ударение на последнем слове. — Я хочу безопасности. Я хочу власти. Я хочу равенства. Я есмь обездоленные люди всего мира, я хочу все, что

есть у вас.

— У нас — белых?

— Да. Вы здорово живете. Я хочу иметь право загадить планету, как это сделали вы. Я хочу иметь право разрушить столько же, сколько разрушили вы. Я хочу подойти к краю пропасти, имя которой смерть, так же, как это сделали вы, самодовольные белые ублюдки. Ты, белая сучка, я хочу взять…

Она опять помчалась прочь от его безумия, то ли по коридорам станции, то ли по улицам Макона — она уже не ощущала разницы, и это не имело для нее значения.

Марс

Ветер гулял по океанскому берегу. Пожилая индианка сидела лицом к океану, ее руки проворно ткали полотно. Афра осмотрелась — укрыться негде, а погоня близко. Здесь он ее быстро поймает, если…

Рядом лежало сотканное из разноцветной пряжи одеяло, наполовину завершенное. Афра уселась рядом — теперь тело ее было взрослым и на лице появились старческие морщины, Она взяла одеяло, ткацкие принадлежности, и вот ее уже нельзя отличить от индейских мастериц, сидящих на берегу.

Шен не появлялся. Афру заинтересовала структура ткани — сложные переплетения разноцветных нитей основы. Она удивленно наблюдала за тем, как ее загорелые морщинистые руки ловко управлялись с челноком и пряжей. Эта монотонная работа оказалась превосходным способом самовыражения для человека, чего

ему так часто не достает. Ей было по душе это спокойное неторопливое занятие, она находила в нем невыразимое удовлетворение. Она была хранительницей искусства, что с лихвой окупало этот труд, и пусть цивилизация с ее машинами добралась до невообразимых вершин прогресса. Жизнь древних совсем не кажется примитивной, если пошире взглянуть на проблему бытия. А усердный, пусть даже простой, труд, всегда получит достойное вознаграждение.

Над волнующимися водами показался белый голубь. Она безразлично взглянула на него, подумав, а удастся ли ему выбраться из дикой смеси водяных брызг и порывов ветра. Но голубь упрямо летел, у него была четкая цель. Он летел над самой поверхностью воды, искусно маневрируя между вздымающимися волнами, вихрями водяной пыли и клочьями пены, не сбиваясь с курса. Умная птичка.

Голубь проплыл над полосой прибоя, направился к Афре и сел в нескольких футах от нее. Она ощутила запах морской пены, который он принес на своих крыльях. Но через несколько секунд его оперение было уже сухим. Голубь пошел к ней, наклоняя при каждом шаге голову вперед, словно цыпленок. Подойдя совсем близко, он уставился

на нее красным глазом.

— Добро пожаловать на Марс, дорогуша, — сказал он.

Шен! Он таки отыскал ее и явился к ней в том виде, в котором она совсем не ожидала его встретить.

— Как вы меня нашли?

— Ну, мне не нужно сообщать тебе счет, милая моя. На Луне у тебя получалось уже неплохо, но ты все испортила, когда сбежала оттуда. Так дела не делаются. Судья сказал, что счет 10:5 в мою пользу.

— А кто судья?

— Любопытно. У меня Марс в знаке Тельца, там же, где и твой восходящий, а вот у тебя Марс в знаке Овна. Как ты думаешь, от перемены мест что-нибудь изменится? Кстати, Марс — планета инициативы.

— Вы уклоняетесь от ответов на мои вопросы, голубок, — заметила она.

Но она и так уже знала ответ. Очевидно, они все еще персонифицировали символы, а в этом случае все ее внешне самостоятельные действия предопределены. А он ведь знал значения символов и, значит, имел определенное преимущество. И он будет выигрывать каждый раз, когда ему

удастся ее запугать, вывести из равновесия и обратить в бегство. Нужно брать инициативу в свои руки и, похоже, это подходящее для этого место.

Она встала и разрушила чары символа. Это уже был не океанский берег, а большой зал, заполненный работающими машинами, их гул напоминал отдаленный рокот океанского прибоя. Это, по-видимому, была силовая установка станции. В мощных генераторах пульсировало, грохотало, ревело сжатое гравитационное поле. Где-то там, в глубине, был ядерный котел, в котором материя без остатка превращалась в энергию. Все это были лишь вспомогательные устройства, задачей которых было обуздать эту невероятную мощь и направить ее в пространство в виде потока излучения.

Шен стоял рядом и насмешливо смотрел на нее. Если бы он просто хотел овладеть ее телом, он давно бы заполучил то, что хотел без всякого соревнования. Ее сознание — вот чего он домогался, хотя и отрицал это на словах. Он не уймется, пока баран не получит свое, либо пока коза не окажется вне пределов его досягаемости. Была ли у него когда-нибудь овца, подумала Афра.

— Ты знаешь происхождение символа Марса, — спросил он, и тут же нарисовал его в воздухе:

кружок, из которого на северо-восток торчит стрелка.

— Конечно знаю. Он означает…

— Только не нужно той лапши, которую ты вешала инженеру. Ведь ты сразу поняла фалличе-ский подтекст этой пиктограммы. И Венера, — он нарисовал в воздухе символ Венеры, — столь очевидное изображение женского полового ап-парата…

— Все зависит от точки зрения, — прервала его Афра.

Она никогда не видела в этих символах ничего такого, несмотря на то, что они традиционно обозначали мужской и женский пол.

На самом-то деле, Шен наносил сейчас ей пря-мые удары, пытаясь сбить с ног, как настоящему боксеру, ему нужно было одно — нокаут.

Несомненно, его восходящий знак определял его манеру ведения игры. Точно так же, как ее восходящий заставлял ее все время отступать под натиском Шена, — ей необходимо было это честно признать, чтобы попытаться оказать ему хоть какое-то сопротивление.

Сколько еще планет? Сколько раундов осталось до конца поединка? Семь?

— А знала ли ты, что маленький невинный Иво

думал, что у тебя роман с Гарольдом Гротоном?

Она попыталась сдержать свои эмоции, но это было равносильно тому, чтобы пытаться дышать после апперкота в солнечное сплетение.

— *Что?!*

— Иво не мог взять в толк, что это не флирт, а типичный для Козерога каприз, к тому же, он весьма был обременен старомодными предрассудками — много чего о вас насочинял. Белая девушка, белый мужчина, все эти многозначительные диалоги…

— Но ведь это все было только потому, что Гарольд понимал, как я… — она запнулась, и продолжила упавшим голосом. — Как я позволила Браду умереть…

— И отдала свое переменчивое сердце Иво, посчитав излишним даже уведомить его об этом. Ты прогуливалась под ручку с инженером, тебе это нравилось, ты ждала романтической минуты, когда Иво узнает, что же ему уготовано, и совершенно не беспокоилась о том, что же он чувствует. О, красотка, это был твой звездный час. Это было прекрасно! Меня очень забавляла ваша комедия ошибок! Помнишь, он чуть было однажды не догадался, но, к счастью, мне удалось отвлечь его, прежде чем он все осознал.

Она с ужасом посмотрела на него.

— Вы, вы и вправду…

— Нужно мыслить практично, куколка. Почему собственно *я* должен сводить Марс и Венеру или дарить водолею его козочку? Если бы Иво знал о твоих истинных чувствах, он бы никогда меня не выпустил. А развязка была так близко! Если бы не его депрессия, и если бы ты, так сказать, не наступила на горло его песне в самый неподходящий момент, когда он…

— Ох, Иво! — воскликнула она, душу ее разрывало отчаяние.

— Поздно-то каяться, дорогая. Иво больше нет, правда, если тебя интересуют его воспоминания, то теперь они часть моей памяти. В настоящий момент он не более реален, чем я в то время, когда он был во власти. Так что придется тебе довольствоваться его телом.

Опять она побежала, вновь за ней была погоня.

Она знала, что преследователь неизбежно схватит ее, так как ей некуда укрыться, и некому ее защитить. Ее отец погиб: она видела, как он упал после выстрела пистолета, она видела его тело в пальто, его шляпу, на самом деле не шелковую, которая катилась к ней, словно отрубленная

голова…

Сейчас черный злодей почти уже настиг ее, он хотел убить и ее. Еще немного, и его грубые лапы сцапают ее хрупкое тельце и разорвут пополам… Она споткнулась и растянулась в полный рост на тротуаре. Убийца рядом, черная тень упала на нее, и, как в кошмарном сне, она не могла пошевелить и пальцем.

— Поймал! — воскликнул он.

Венера

Шла пасхальная заутреня. Иисус Христос умер и воскрес, и она пришла в этот светлый праздник помолиться господу. Но на сердце ее была тоска, в жизни своей она никогда не видела воскрешения. Два, три раза ее слова могли спасти жизнь дорогого ей человека — но она либо слишком смущалась, либо была слишком горда, чтобы сказать…

Она опять проиграла, но поражение дало ей духовную силу, непоколебимую веру, которые помогут ей перенести все, что произошло и что еще грядет. Эта заутреня молитва…

Она стояла под деревом, среди сельского люда, собравшегося на службу.

Это был развесистый виргинский дуб, элегантно увешанный гирляндами мха. На ближайшей к ней ветке висел большой, но изящный кокон.

Она отвлеклась от службы, разглядывая кокон, как вдруг куколка раскрылась, и появилась яр-

кая, еще влажная бабочка. Она развернула свои новорожденные крылышки для просушки. Это было неописуемо прекрасное создание, такого Афра в жизни еще не видывала.

Бабочка затрепетала крыльями, по ним побежали радужные переливы.

— Меня называют Шеном не просто так, — сказала она Афре.

Афра выскочила из видения.

Это была еще одна напичканная машинами комната в недрах станции.

Чудовищные силовые кабеля отходили от многослойной сетчатой конструкции, предназначение которой она не могла представить даже приблизительно. Но устройство по-своему было тоже прекрасно, на что бы она ни посмотрела, все ей напоминало радугу.

— Гравитационный генератор, — раздался громкий голос Шена. — Любопытная штучка, весьма эффективно преобразует электрическую энергию в гравитационную. Они, конечно, не сами это выдумали, а разузнали принцип действия и устройство генератора несколько миллионов лет назад из макронной передачи другой цивилизации; никто не знает, кто же первый разработал и построил первый макронный передатчик — в

старые времена побаивались его использовать. Как только мы вернемся на Землю, мы построим местный узел связи, с его помощью можно будет не только отсылать информацию в космос, но и проделать массу других интересных делишек.

— Это все, что вас здесь интересует? Вы лишь хотите извлечь выгоду?

— Ни в коем случае, крошка. В этом случае я вряд ли бы тратил на тебя свое драгоценное время. Кстати, на Марсе я обошел тебя на шесть очков.

Значит, общий счет 40:11. Нужно начинать серьезную борьбу, иначе финальные раунды ничего уже решать не будут.

— И почему же вы тратите время на *меня?* Потому, что я единственная жизнеспособная девушка в радиусе сорока тысяч световых лет?

— Ты очень тривиально мыслишь. Ты всегда рассматривала взаимоотношения мужчины и женщины прежде всего как плотскую связь. Это одна из тех черт, которые так раздражали Иво. Он дал тебе свою любовь, а ты взамен подставила половые губы.

Он остановился, но она воздержалась от комментариев.

— Нелепейшая мысль, что если женщина

отдается, то это означает, что она любит, интеллектуально или физически. На самом-то деле, она только принимает подаяние от мужчины и больше ничего.

— Если она его принимает. Ведь не всякое подаяние привлекательно.

— К счастью, у людей всем заправляет мужчина. В этом одна из причин, почему Человек развил свой интеллект и культуру, вместо того, чтобы остаться волосатой обезьяной. Нужно отнять у самок возможность контроля над рождаемостью и, следовательно, над процессом эволюции, прежде чем можно будет говорить о каком-то прогрессе. Говорят, что способность человека к насилию означает, что он более злобное существо, чем те животные, которые на это не способны. Может, это и так, но обратное верно уж точно.

— Из всех…

Она попала в казуистическую ловушку Шена. Это был путь к поражению.

— Даже если это принять, все равно сексу придают слишком большое значение. Как только желание удовлетворено, секс теряет свою привлекательность. Моя истинная страсть — это знание: в этом случае удовлетворение порождает желание знать еще больше. У меня неутомимый голод

к познанию. А если под руками есть макроскоп, так можно долго вкушать плоды галактической науки.

Но он так пока и не сказал, зачем же он преследует ее. Как только она узнает, чего он от нее хочет, Афра получит ключ к победе и тоща уже добьется преимущества.

— Как вам удалось обойти разрушитель, — спросила она, пытаясь подобраться к нему с другой стороны. — Вы же говорили, что он убьет вас при встрече, а собираетесь как-то совершать межпространственные прыжки.

— Все равно тебе не понять всех технических деталей и медицинских терминов, так что это будет объяснение для дураков, — произнес Шен с таким видом, будто сделал большое одолжение.

Она знала, что перечить ему сейчас не стоит. Он продолжил:

— Проблема была в том, чтобы заблокировать воспоминания и не *пережить* их. Я знал, что разрушитель где-то там, и боялся коснуться его даже пальцем. Иво он не причинил вреда, так как он был неполноценной личностью, эта неполноценность действовала как ментальный барьер, но как только я выйду и заполню собой пустующие разделы его личности, она станет

завершенной, цепь замкнется и защита будет прорвана. Но без его части я не смог бы управлять телом, так что деваться мне было некуда. И, к сожалению, информация о воспоминании не сосредоточена в каком-то участке мозга. Мимолетное впечатление может быть размазано по бесчисленному количеству синапсов, как тонкий слой масла. Фактически, там происходит пространственно разнесенный синтез кислот. Таким образом, мне пришлось вначале очертить слой памяти, в котором залегает воспоминание о разрушителе, а затем, шаг за шагом, синапс за синапсом, нейтрализовать его, пока весь слой не был дезактивирован.

Он прошелся по комнате, было видно, что наслаждается, рассказывая о своем подвиге.

— Чтобы сделать это, я создал энзимные глобулы, которые были настроены только на конфигурацию радикалов, типичную для информации о разрушителе. Заметь, все это не покидая тела и мозга! Ты пыталась когда-нибудь контролировать синтез энзимов, если у тебя для этого в распоряжении нет даже тела? Думаю, что не будет преувеличением сказать, что это была самая выдающаяся операция в истории земной медицины.

Хотя ей и нельзя было позволять себе этого, но Афра была потрясена услышанным.

— Так вы управляли химическими процессами в своем собственном мозге.

— На это ушло шесть месяцев, — продолжал он. — Последним шагом была фазировка заблокированных сигналов, — это необходимо для того, чтобы я имел доступ ко всей памяти минуя разрушитель. Но мне ни к чему была поверхность мышления Иво — я унаследовал бы ее, если бы просто оградил место, которое занимал разрушитель, не восстановив при этом связи. Я не вошел в его мир, напротив, я вобрал его в себя, в сознании остался только шрам от разрушителя. Но чтобы все прошло гладко, потребовались многочисленные испытания и тщательные проверки. Для этого я и забросил его в то историческое приключение, где у него была возможность получить массу переживаний и эмоций. Я в какой-то мере управлял развитием событий и в то время, как в его сознании проходили лавины новых сигналов, я проверял старые и устанавливал новые связи.

— И все это только для того, чтобы гоняться за девушкой по помещениям станции.

— Все это во имя самосохранения. Иво был просто обязан где-то ошибиться, и он вполне мог нас

всех угробить, а не только троих или четверых, как это ему уже удалось. Я не в восторге от того, что моей судьбой управляет дебил. Ведь ежели б у него хватило-таки ума позвать дядюшку, я должен был быть готовым вступить в этот мир.

— Или немного *раньше.*

— Он никогда не знал, где остановиться.

— Но если вам было под силу проделать такой сложный трюк, как блокировка пространственного воспоминания, — медленно произнесла она, — почему же вы не заблокировали Иво, когда все это понадобилось? Вы, похоже, прекрасно обходитесь без него. Что же помешало вам овладеть телом в нужный момент?

— Дорогуша, если я тебе это скажу, то по гроб жизни буду в твоей власти, — ответил он.

Весь его вид говорил о том, что он лжет, и именно поэтому она ему поверила.

Меркурий

В следующей комнате не было никакого громоздкого оборудования. Обстановка напоминала лекционный зал — ряды скамеек перед лекторской кафедрой. Афра прошла немного по залу и остановилась.

— У вас уже закончились символы, мистер гений? — крикнула она назад Шену.

Она знала, что на Венере проиграла не очень много — очко-два, не больше.

Ряды аудитории заполнили птицы. Воробьи, аисты, колибри, орлы, попугаи, канюки — были представлены все виды, тесное помещение было буквально набито ими, стоял жуткий птичий гам, шелестели перья, в воздухе летал пух, на пол падал помет.

И она, тоже птица, была среди них, свой вид так определить и не удалось. Она, вместе со всем этим птичьим братством была заключена в огромную клетку, в которую превратилась те-

перь аудитория.

Снаружи, там, где только что стояла кафедра, собрались слушатели, но это уже были люди. Все были роскошно одеты, будто старались блеском своих нарядов затмить буйство красок оперений птичьей орды.

Каждая пара одета элегантнее предыдущей, они важна шествовали мимо пернатой стаи, даже не глядя в ее сторону. На самом деле они даже не замечали птиц, настолько они были поглощены демонстрацией собственного великолепия.

Наконец Афра поняла, что же она видит. Это гуляние на Пасху — все было чинно, должно быть, шествие проникло сюда после заутреней из предыдущего видения. Но такого непробиваемого тщеславия она не видела еще никогда. Каждый, казалось, кричал: «Посмотрите на меня!» и уж верно получили бы разрыв сердца, окажись где-то рядом хоть пятнышко грязи.

Шен тоже был здесь, и на нем была роскошная… шелковая шляпа. Этого было достаточно, она даже не рассмотрела, что он еще на себя напялил. Он слишком много себе позволил. Взбешенная, она осмотрелась, размышляя, что же можно предпринять. Что-то несомненно должно сыграть ей на руку. Ей было просто необходимо

собрать силы и иметь возможность их с толком применить. Она стала выбираться — было слишком тесно, чтобы полететь — к огромной дверце, которая отделяла птиц от людей. Насколько она знала помещения станции, где-то должен был быть… должен быть — ага, запор, очень простой, не рассчитанный на птицу с человеческим мозгом. Поддеваем засов клювом, затем аккуратный толчок крылом…

Дверца клетки распахнулась.

Птичья стая с шумом вырвалась на волю. Перья, пыль, помет окатили стоящих внизу людей. Поднялась невообразимая суматоха, все в панике бросились подальше от грязных птиц. Громадный альбатрос попытался взлететь и врезался в шляпу Шена, облив его с ног до головы. А может Афра это сделала сама.

Вновь возникла аудитория. Кафедра была сдвинута, рядом с ней стоял взъерошенный Шен. На этот раз контакт и вправду состоялся не по инициативе Шена. На сей раз *он* разрушил иллюзию. Она взяла инициативу в свои руки. Она села на первую скамью уверенная, что это послужит сигналом к началу лекции.

Она не ошиблась. Освещение померкло, и прямо в воздухе в центре комнаты появилась кар-

тина. Это был Образ — тот самый, неуловимый, переливающийся, извивающийся многоцветный образ, на который она мельком взглянула еще тогда, на станции макроскопа, когда Брад с сенатором просматривали разрушитель. То же красное пятно, та же голубая точка — будто бледно-голубая карликовая звезда вращается вокруг красного гиганта. Все то же слияние понятий, все тот же нарастающий ком информации… Она не могла оторвать глаз от изображения — эта штука цепко держала мозг. Наверное, Шен сейчас не в лучшем положении. Разрушитель таки настиг их и нанес свой смертельный удар.

Но ход и содержание программы изменились, она сообразила, что это не убийца разума. Метод похож, но передаваемое послание было явно другим — и это послание было важнее самой передачи, хотя присутствовали и другие интересные моменты. Через некоторое время ее мозг воспринял структуру универсального языка, она обрела дар галактической речи, она наблюдала лекцию по истории галактики.

Формально галактическая история началась с созданием первой межзвездной коммуникационной сети. Известны лишь отрывочные достоверные данные, относящиеся к более ран-

ним периодам…

Она зачарованно поглощала поток информации. Никогда раньше ей не представлялась возможность прослушать полный курс. Сейчас речь шла о развитии макронной информационной сети, о формировании сфер культурного влияния и о Первом Вторжении.

— *Иллюстрация,* — произнес «лектор».

Затем образы программы наполнились содержанием — сознание восприняло их как реальные события. Афра уже стояла на цивилизованной планете, ее прижимала к поверхности планеты гравитация, она чувствовала температуру окружающей атмосферы, ее запахи, видела и слышала окружающий мир.

— Я могу объяснить тебе, как это получается, — голос Шена несколько отвлек ее.

Когда она вновь сосредоточилась, меняющиеся многоцветные фигуры, рассказывающие повесть галактических лет, были уже трехмерны и, казалось, их можно потрогать руками.

Сознание вновь настроилось на полное восприятие, и неземной мир вернулся. Она проходила мимо кошмарного вида (но самого заурядного, по галактическим меркам) существ, беседовала с ними, слушала их рассказы о войне, в которую

они ввязались, и которой конца-края не видно. Война была повсюду — и на планете, и в космосе — и у этих существ выбора особого не было — рабство или смерть.

Так вот в чем дело, подумала она. Сигнал Странника высвобождает агрессивное начало незрелых цивилизаций, что ведет к бесконечным войнам и конфликтам. Это все равно, что дать моторные лодки жителям враждующих островов, которые раньше были разделены рифами и водой, кишащей акулами. Возможность мгновенной телепортации используется незрелыми индивидами как средство агрессии и, как следствие, взаимного уничтожения.

Физический контакт между звездными цивилизациями породил хаос. У всех были интересы и амбиции, и лишь немногие были в высшем смысле этичны, чтобы не поддаться многообещающему соблазну… — гласил текст, и, ознакомившись воочию с результатами этих контактов, Афра не могла не согласиться с этим. Последовали еще примеры, иллюстрирующие ситуацию в конце Вторжения. На сей раз был представлен еще один совершенно реальный трехмерный эпизод, рассказывающий о том, как две родственные культуры объединились на одной планете, но

их сожительство оказалось не очень-то мирным. Существа, как и в первом случае были негуманоидами, но Афра все равно сочувствовала их беде. Она была вместе с группой берегового дозора, видела, как они убивали посланника мира из подводной страны, она с ужасом наблюдала, как один из сухопутных жителей, движимый идеями братства и мира между культурами, направился с миротворческой миссией к подводным жителям и точно так же был убит пограничным патрулем. И вновь разразилась война, вновь представители двух культур принялись уничтожать друг друга, цивилизация на планете пришла в упадок, но взаимная вражда не угасла.

Уход Странника не решил галактических проблем, он только загнал их вглубь. Было бы лучше, если бы он вообще никогда не появлялся.

Но во всем этом была своя положительная сторона — возрождение цивилизации после ухода Странника. Шли активные приготовления ко Второму Вторжению. Предполагалось, что удастся уменьшить ее губительные последствия. В исторической перспективе разрушитель выступал как ураган, не позволяющий дикарям использовать их новые катера. Многие погибли, пытаясь выйти в море — но это все же было

меньшим злом, чем вакханалия времен Первого Вторжения.

Повествование поведало также о другой части проекта разрушителя: вопрос о природе и происхождении сигнала Странника.

Предполагалось, что Странник был послан из фугой галактики направленным пучком. Разрушал ли он одинаково все на пути? Макроскоп не давал ответа.

Получалось, если Странник заходил в другие галактики, то все походило на вселенский заговор с целью уничтожить цивилизации, где бы они не возникали. А ежели так, то крайне необходимо подавить передающую станцию Странника.

Экспедиции в ближайшие галактики потерпели неудачу. Шесть команд отправились к Андромеде и не вернулись. Если бы Странник был там, то возможность возвращения существовала. Но если его там не было, то единственным выходом было создание макронной передающей аппаратуры нового уровня — только так можно было бы связаться с родной галактикой. Дело в том, что обычные передачи со сферической диаграммой направленности были неэффективны на межгалактических расстояниях, положение мог спасти только остронаправленный луч, како-

вым и являлся Странник.

И еще один вопрос: проходил ли Странник через другие галактики после того, как покидал Млечный Путь, и было ли его воздействие аналогичным на другие цивилизации?

Сигнал, похоже, излучался точечным источником с расстояния три миллиона световых лет и охватывал всю галактику, и ее ближайшее окружение: глобулярные кластеры, Магеллановы облака, но в то же время излучение не доходило до Фарнакса и Скульптора.

На расстоянии приблизительно тридцати пяти тысяч лет от края галактики (довольно условный термин, так как физически не существует строгой границы галактики) сигнал сходил на нет, таким образом, диаметр облучаемого Странником пятна составлял на то время приблизительно 150 000 световых лет. Следовательно, когда Странник покинет Млечный Путь и дойдет до соседней галактики, облучаемая им площадь будет невообразимо велика и интенсивность будет мала для того, чтобы кто-то мог воспользоваться программой.

Сомнений быть не могло — Странник был создан именно для Млечного Пути. А если передачи формировались и для других галактик, то, скорее

всего, передающая станция просто меняла время от времени диаграмму направленности. Миллион лет Странник излучается на одну галактику, затем, пока сигнал в пути, антенна переориентируется, и передача идет на другую галактику. Таким образом, зная расстояние и график работы передатчика, можно определить время начала Вторжения.

После Второго Вторжения стали поступать подтверждения подобным предположениям. Целые обитаемые планеты совершали межпространственные прыжки в другие галактики и, не имея возможности вернуться, передавали на родину крупицы добытой информации. Им удавалось добраться до конечной точки маршрута, но, если там отсутствовало излучение Странника, необходимого для восстановления, выйти из органического стасиса было невозможно. Проходили миллионы лет, прежде чем Странник появлялся в месте нахождения экспедиции. Проходило восстановление, правда, не всегда, так как даже газообразное состояние органики имеет ограниченный срок хранения. Это означало, что *возрождение* возможно лишь через десятки миллионов лет, ко времени Третьего Вторжения Млечного Пути.

Таково было краткое содержание донесения цивилизации Хорв, чья планета была выброшена из подпространства в глобулярном кластере Андромеды. Выходило, что Странник задумывался, как барьер на пути межгалактической торговли. Исследования Хорвена продолжались, так как тот сигнал, что оживил сильно поредевшее население их планеты, теперь позволил им путешествовать по всей галактике Андромеды. Через некоторое время они передали второй, более содержательный и интересный отчет.

Приблизительно в то же время в Млечном Пути выскочил из подпространства связной планетоид цивилизации Доон, принесший с собой полный отчет и запись Странника, на который они наткнулись. Запись была сама по себе недейственной, но с ее помощью можно было провести сравнение двух сигналов — местного и присланного Доонами. Выяснилось, что существуют различные Странники (как минимум, два). «Отпечатки пальцев» были похожи внешне, но детальный осмотр выявил мелкие, но вполне конкретные отличия. Еще один факт подтвердил давнюю догадку, а на гипотетической карте путешествия Странников была поставлена еще одна точка. Всего удалось получить три набора

данных для различных локальных версий Странника — и во всех трех случаях передача велась из одной точки.

Больше связных планетоидов обнаружить не удалось. Их, по-видимому, было послано великое множество, но кто-то просто терялся из-за ошибок при прокладке курса, а кого-то не смогли засечь во время выныривания в галактике или ее окрестностях. Постоянное детальное сканирование всего объема, занимаемого галактикой было нереальной задачей, так что экспедициям приходилось полагаться на удачу при попытках связаться с родиной.

В конце концов, тщательно проанализировав несколько дошедших-таки по каналам макронной связи отчетов, записи сигнала со связного планетоида и собственно сигнал Странника, появившийся во время Третьего Вторжения, участники проекта смогли составить полную картину.

Это стало началом новой эры.

Юпитер

Лекция закончилась. Извивающиеся образы погасли. Появилась сцена, на которой выступала примадонна. О, это был изумительный талант, ее исполнение было великолепным проявлением возможностей человека. Казалось, ни один смертный не мог столь близко подойти к совершенству, как она. Это было воплощенное великолепие.

Афра размышляла о галактическом наследии человека. Если подходить с позиций искусства, то историю галактики можно представить как шесть величайших культурных событий в жизни ее обитателей. Галактика прошла через шесть продолжительных периодов роста цивилизаций, три коротких вторжения, последняя еще не кончилась, и сейчас стояла на пороге седьмой цивилизации. Каждый индивидуум, все виды, все культуры находились на пороге этого. Зеркало истории отражало события прошлого, которым суждено было стать лишь маленьким разделом

грядущей галактической летописи.

Примадонной был Шен. Знаки мало интересовались полом обладателя. Афра не могла сказать, каков ее символ на сей раз, видимых трансформаций не произошло, не считая того, что она была захвачена ощущением истины — личной, галактической, вселенской, и этого было вполне достаточно. Шен, пускай он ребенок, вполне мог сойти за вершину первого этапа эволюции homo sapiens'a, — но будущее человечества не за ним. Точно так же, как морская звезда, в которую превратился Брад, была тупиковой ветвью эволюции, логическим завершением бесплодной попытки одного из видов развиться, приспосабливаясь к сиюминутным и специфическим внешним условиям. Человеку суждена была другая судьба. Его будущее не в развитии технологий и удовлетворении материальных потребностей, но в духовном развитии и социальном совершенствовании общества. Возможно, пройдут миллионы лет, прежде чем человечество достигнет зрелости, но, по галактическим меркам, это лишь миг. Сейчас Человек стоял на пороге взрослой жизни, он был уверен в своих силах и видел свое будущее.

Афре не составило большого труда вернуть-

ся в реальность, на станцию разрушителя. Комната была другой — еще один постоянно функционирующий станционный комплекс. Машины изготавливали образцы элементов периодической системы и опускали их во входные отверстия транспортеров — по-видимому, продукция отправлялась на выставку для гостей. Здесь же копировались произведения искусства и готовилась пища. То ли приходилось постоянно пополнять выставку, что означало, что визиты не такая уж редкость, то ли просто экспонаты обновлялись с течением времени.

Шен тоже был здесь, в руках он держал S'-прибор.

— Ты выиграла на Меркурии, 10:5, — объявил он. — Эти чертовы птицы…

Он хлопнул по инструменту.

Так, она все-таки выиграла раунд!

Но видение вновь захватило ее:

Улица Макона, ей семь лет, мужчина-негр стоит над ней. Но страха больше нет. Шесть знамений — восходящий, Солнце, Луна, Марс, Венера, Меркурий уступили место седьмому — Юпитеру — и сейчас она находилась под покровительством доброго бога. Она знала, что этот негр не обидит ее, он не был бандитом. Грабителем был белый.

— Девочка, идем со мной, твоего папу ранили.

— Я знаю, — ответила она.

— Я работаю в магазине, — продолжал он, помогая ей подняться на ноги. — Я видел, как ты выскочила и представляю, как ты сильно испугалась. Но теперь уже все в порядке. Твой папа схватил грабителя и не дал ему уйти, он теперь в тюрьме, я точно знаю, но…

Она ободрала колено, на плече был синяк — она получила его в столкновении с горой банок в магазине, но эти ранения были пустяковыми. Она взяла протянутую руку и пошла назад.

— А как сильно мой папа…

— Ну, я уверен, что его легко ранили. Он такой храбрый человек, не побоялся пистолета. Очень храбрый человек.

Афра опять вышла из видения-воспоминания, но уже по своей воле, иллюзия утратила власть над ней. Ей уже не нужно из нее бежать.

Шен раздраженно смотрел на нее, было очевидно, что у него начала уходить почва из-под ног. Он рассчитывал победить еще раз, забросив ее в кошмарное видение и заставив ее еще раз капитулировать, но она переборола свой страх. Теперь от ее уступчивости не осталось и следа. Какое бы соревнование ни придумывал Шен,

теперь он был гораздо дальше от победы, чем в первом раунде под восходящим. Она набирала силу, победа под Меркурием воодушевила ее, над ней все меньше довлел ужас восходящего. Теперь она была готова расширить горизонты своего сознания, разум ее был открыт для новых потоков информации, которые принесут ей победу.

— Вы когда-нибудь задумывались, — спросила она Шена, — над сутью парадокса Странника? Над той единственной его особенностью, которая отличает его от всех прочих макронных передач, и свидетельствует о том, что III тип технологии, это не только количественный, но и качественный скачок?

— Разумеется, — сказал он, но в его голосе чувствовалась неуверенность, он явно просмотрел это, как и многое другое, и лишь сейчас задумался… Еще одно очко в ее пользу! — Странник — это импульс, движущийся со скоростью света, и он принципиально не может управлять таким сложным и хронологически связанным процессом, как деструкция, или, например, восстановление незнакомой живой формы, так как образование, движущееся со скоростью света — максимально возможной в природе скоростью — не имеет обратной связи с событиями в своем прошлом.

Та часть программы деструктора, которая начала растворять эпидермис, удалится на расстояние двадцать четыре световые минуты, когда начнет растворяться сердце. А та часть, которая завершает процесс, не будет знать, когда же все началось, так как она теоретически не может подоспеть к месту на двадцать четыре минуты раньше, чтобы засвидетельствовать начало. Ведь информация в реальной Вселенной не может распространяться со скоростью больше скорости света. Выходит, Страннику деструкция не под силу, но в жизни он это делает прекрасно. Парадокс.

— Вы упустили главное! — воскликнула она. — Гений, вы не видите истину! Вы понимаете феномен Странника на уровне ранних галактических цивилизаций.

— Нелепость какая, — раздраженно заметил он. — Я могу показать, как процесс плавления может происходить при подобных условиях. Нужно ли мне рисовать тебе картинку?

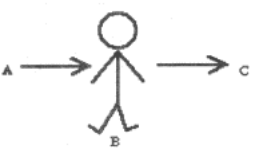
— Это невозможно изобразить на рисунке, тупица.

Шен перехватил куб углерода — огромный алмаз — на его пути к одной из выставок, и поставил его на машину, производящую предметы искусства. Затем сбегал в глубь зала, нашел нечто,

напоминающее мелок и принялся рисовать на импровизированной доске. Рисунок мелком на алмазе!

— Луч выходит из точки А, взаимодействует с субъектом в точке В и уходит в направлении С, никогда не возвращаясь, — прокомментировал он свой рисунок.

Афра не сомневалась, что он бы изобразил шедевр, если бы захотел, но мелок был слишком грубым, а поверхность алмаза слишком скользкой, и Шен был слишком озабочен тем, что в их поединке удача все меньше ему улыбалась.



— Для простоты, — продолжал он, — мы опустим такие детали, как собственно разлагающий луч, который делает всю работу, на самом деле, это просто модификация основного луча, которая возникает непосредственно на месте соответствующей ситуации. Главное заключается в том, что Странник соприкасается с субъектом только раз и тут же уносится дальше со скоростью света. Он

не останавливается посмотреть на завершение работы, точно так же, как река не останавливается посмотреть, кто же переходит ее вброд. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

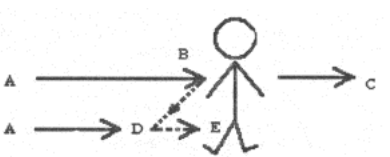
— Вы все еще ничего не понимаете, — сказала она.

— Но объект постоянно генерирует возмущения, — продолжал он невозмутимо. Она знала, что ему сейчас крайне важно доказать свою правоту, иначе он проиграет. — Возмущения распространяются уже во всех направлениях, а не в одном, как набегающий поток. В случае со Странником, взаимодействие в точке B генерирует сигнал обратной связи, который идет назад и подготавливает последующие части программы. Таким образом осуществляется взаимодействие между частями программы.

Он нарисовал еще один рисунок на другой стороне куба.

— Пусть точка D — место, где происходит интерференция сигнала обратной связи и основного сигнала, хотя, на самом деле, этот процесс не строго ограничен в пространстве. Здесь приходящему сигналу заранее передается необходимая информация — следовательно, возможно что-то вроде памяти и перспективного планирования. Таким

образом, деструктурирующая программа — это функция от сигнала в точках E и A плюс влияние петли обратной связи BD. Луч A воздействует прямо только один раз — во время введения, то есть, когда вы смотрите на клетку и все такое, — но, на самом деле, *это введение* необходимо для установления обратной связи. Без петли обратной связи деструкция была бы просто хаотическим процессом удаления тканей, результатом которого неизбежно была бы смерть.



Опять же, когда подходит критическая точка — удаление одного легко при сохранении другого — Странник заранее знает об этом и соответствующим образом модифицирует программу. То же самое справедливо и для восстановления, которое едва ли является просто ускоренным процессом эволюции. Не важно, где это произойдет, коль скоро Странник присутствует, — луч так устроен, что последовательность действий всегда будет правильной, и процесс начинается, как только

создается подходящая ситуация. Это очень сложная программа, особенно если учесть, что она с равным успехом работает с твердыми, жидкими и газообразными компонентами. Но, как мы прекрасно знаем, она весьма эффективна.

— Вы говорите о деталях и не в состоянии охватить целое, так же, как и те цивилизации, — сказала она. — Старая задача о том, чем отличаются деревья от леса. Что же вы знаете? Думаю, вы сами не понимаете, что такое Странник. Вы заблокировали его вместе с памятью о разрушителе. Истина недостижима для вас!

Лицо его сохраняло спокойное выражение, но она знала, что он в ярости.

— И как же тебе это твое пресловутое понимание поможет сделать то, чего не смогу сделать я? Покажи же хоть что-нибудь.

— Я могу разговаривать со Странником, — ответила она.

— Не сомневаюсь. Скажу больше, я, например, могу разговаривать со своей ногой. Но что за *ответ* ты получишь?

Она сосредоточила все силы своего разума, всю свою волю в единой попытке доказать Шену свою правоту, свое превосходство над ним, ведь от этого так много зависело.

— Странник, — закричала она. — Странник, ты слышишь меня?

Ничего не изменилось. Шен смотрел на нее с насмешливым состраданием.

Неужели она ошиблась? Ведь она была так уверена.

— Странник, ты слышишь меня? — повторяла она настойчиво. Ответь…

ДА

Этот божественный ответ исходил отовсюду. Он ворвался в ее сознание, опалил ее пальцы, разорвал барабанные перепонки, швырнул ее глаза в жар пламени. Не это ли пережил Моисей на горе? Шен был просто ослеплен. Он тоже получил ответ.

— Кто ты? — спросила она.

Ей было страшно, ее пугала собственная дерзость — но это была единственная возможность установить контакт. Нельзя упускать удачу…

Странник вновь ответил — лавина информации обрушилась на ее мозг, так же, как во время деструкции излучение обрушивалось на ее клетки. Проходящие фрагменты луча воздействовали непосредственно на ее синапсы — это была настоящая телепатия.

Суть послания Странника была следующей:

Так же, как для межзвездных путешествий требуется превращение основных органов в жидкую, а затем газообразную фазу, для межгалактических путешествий требуется качественно иная форма жизни: излучение.

Странник не был передачей — это было живое, разумное существо.

Первоначально он образовался из обычных форм жизни, но технологические достижения зрелой цивилизации позволили им достичь невозможного — были сняты все ограничения, кроме скорости распространения излучения в пространстве. Но даже это ограничение было несущественно, коль скоро освоены межпространственные прыжки, и есть карта космоса, составленная во время путешествий со скоростью света.

Не было места во Вселенной, недостижимого для этих существ.

Очень немногие формы жизни достигли этого уровня.

Почему?

Странники исследовали этот вопрос и выяснили, что в котле злобы и насилия, которым фактически является любая населенная галактика, цивилизация, которая первой осваивает

технику межпространственных прыжков, подавляет менее развитые цивилизации, а затем загнивает и сама, не имея стимулов к развитию. Проблема была в том, что, зачастую, уровень технологий не соответствовал уровню сознания.

И лишь в том случае, когда сразу много цивилизаций, пусть и с посторонней помощью, достигнут истинной зрелости, вселенская цивилизация станет реальностью.

Но им нужно время — чтобы подрасти.

Так Странники стали миссионерами.

Каждый прыгнул в определенную точку пространства и превратился в излучение, причем разум постоянно работал. Физические синапсы превратились в волновые, мыслью стал процесс интерференции отраженного излучения с основным потоком.

Каждый индивид принес своей галактике в дар возможность межзвездных путешествий.

Млечный Путь также не остался без их опеки.

Приносящий дары Странник был как разрушитель: внешне грубый, но ускоряющий на самом деле развитие цивилизации.

Те галактики, которым удалось обуздать своих незрелых членов — а все они так хорошо проявили себя, когда стали возможны прыжки в

пространстве — были уже на пути к успеху.

Млечный Путь, после нескольких неудач, все-таки добился самоконтроля и стоял на пороге взрослой жизни — как единое целое.

Это был истинный дар Странника — пропуск во Вселенную и во вселенское сообщество.

— Белый человек, приносящий веру дикарям-язычникам, — пробормотал Шен. — Миссионеры хреновы, — и вышел в соседнюю комнату.

— Это великое дело, даже если вы не доросли еще до понимания того, что эти пришельцы из других галактик несут благо всем цивилизациям — вам бы это и в голову никогда не пришло, — прокричала она ему вслед и затем направилась за ним. — И человечество в свое время будет делать то же самое, если переживет отрочество. Но повзрослеть, это не просто поумнеть, это..

Сатурн

Шен был в неопрятной солдатской форме, в руке он держал бутылку дешевого виски. Если это был его пост, то охрана не слишком соответствовала требованиям устава. Он допустил где-то ошибку, принял неверное решение, и результат не замедлил сказаться.

Афра влетела в комнату — златовласая богиня в сияющей мантии. Она осмотрела стойки со сложным оборудованием и решила, что это центр управления и контроля станции. Но сейчас больше всего ее интересовало положение в поединке. Падение Шена было ее подъемом, его неверие в возможность благополучия для всех было ее козырем в игре — нужно только не терять уверенности и самообладания.

Он неверным движением поднял бутылку в пьяном салюте:

— Моя свеча, увы, догорает, — пробурчал он. — Ты опять победила.

Вдруг странная мысль прорвалась через защитные порядки в ее сознании: Брадли Карпентер сообщил ей что-то важное. Во время стресса эта мысль всплывала однажды ненадолго, но лишь для того, чтобы забраться поглубже в недоступные подвалы мозга. Но сейчас она все вспомнила.

«— Шен опасен. Никогда не забывай об этом. У него нет принципов. Но есть один способ обуздать его, если очень нужно и подошло время. Сейчас я расскажу тебе, как это делать, но хочу, чтобы ты никому не рассказывала об этом, особенно Иво.

— Кто такой Иво? — спросила она тогда.

— Он — мой контакт с Шеном, но он не все знает о Шене, по крайней мере один факт ему неизвестен. Мне придется поставить тебе гипнотический блок, чтобы ты не проболталась».

И он поставил его столь же умело, как он делал все. Она не вспоминала об этом разговоре до самой последней минуты, когда Шен был слаб. Но она знала, что его уязвимость — временное явление, следствие смены отражений символов. Шен по-прежнему вел в счете, он обладает грандиозными возможностями, и ей ни за что не выиграть, если не прикончить его сейчас. На Уране и Нептуне маятник может качнуться в его

сторону, а вместе с ним на стороне Шена окажется окончательная победа.

— Вы помните Ивонну? — спросила она у него.

Видение исчезло. Шен повернулся к ней, бутылка в его руках превратилась в S', и, казалось, что огонь — его стихия — хлещет из его яростных глаз.

— Брад, ты ублюдок! — заорал он. — Ты все ей рассказал!

В его слабости была ее сила.

— У вас, как и у меня, есть воспоминание, которого вы боитесь. Вот почему, подделав всякие хитрые штучки с мозгом, вы не смогли отобрать у Иво контроль над телом. Это знание дает мне власть над вами.

Но удастся ли ей сейчас обуздать Шена? Есть ли для этого те необходимые условия, о которых говорил Брад? В принципе — наличие необходимых условий — вопрос определений.

В том проекте был еще один гений — с уровнем интеллекта между Брадом и Шеном. И воина — «Лучница» — и она постоянно враждовала с Шеном. Им было по пять лет, когда наступила кульминация в их взаимоотношениях. Он и она знали и пережили намного больше, чем многие взрослые, но оставались эмоционально детьми.

Это был классический пример двух скорпионов в банке или двух сверхдержав с ядерным оружием и абсолютной нетерпимостью друг к другу: это были два ребенка со способностями и возможностями взрослых. Так как они были разного пола, существовало некое подсознательное влечение, но соперничество было для них превыше всего, и, когда дружба кончилась, они затеяли игру — большее, чем спортивный поединок, большее, чем интеллектуальное соревнование, точные правила никто кроме них, не знал. На целые сутки они заперлись наедине друг с другом в отдельной комнате, и, в конце концов, Шен победил, а Ивонна покончила жизнь самоубийством.

Заметая следы, Шен препарировал тело так, чтобы оно напоминало его собственное, но сильно изувеченное. Затем он устроил впечатляющий «несчастный случай» с пожаром и, таким образом, завершил свой замысел, заняв ее место в сообществе участников проекта. Так он стал Иво, и еще умудрился как-то исправить документацию и окончательно запутать взрослых, которые ни о чем не догадывались, хотя постоянно подглядывали.

Убийство сошло Шену с рук.

Но сверстников ему не удалось провести. Они

были не так умны, как он, но знали, кто такой Шен и знали, чем закончилась игра. Это была группа его сверстников, и законы этой группы не мог оспаривать даже Шен. Они не сообщили о его преступлении взрослым — это противоречило их кодексу чести, вместо этого они сами осудили его и вынесли приговор. Тогда он стал Иво. Он не мог уже просто скрываться под чужим обличьем, снимать маску, когда ему этого захочется и одевать ее по мере надобности. Группа имела специфическую связь со своими членами, она была для ребенка из проекта всем: религией, этикой, силой, семьей: то, что постановила группа, обязаны были выполнять все.

Секрет не выдали, но Шен был наказан. Даже после того, как проект распался, группа осталась, остались ее нерушимые законы, остался в силе приговор Шену, который сам он не мог отменить. Только Иво мог выпустить его, если посчитал бы нужным — сам Иво никогда не знал всей правды и был чертовки упрям. Иво думал, что скука будней загнала Шена в спячку. Он никогда не слышал об Ивонне.

Так же, как Странник дисциплинировал Вселенную, разрушитель дисциплинировал галактику, а природа Земли дисциплинировала

человека, так и группа сверстников дисциплинировала Шена.

И ничего больше! Но Шен все еще обладал галактическим инструментом, S', и находятся они не на Земле, а Афра не девушка из проекта.

— Тебе не добраться до Земли без меня, — сказал он. — А здесь приговор не может приводиться в исполнение, я еще нужен.

Замысел провалился, и маятник, набирая скорость, пошел назад, увеличивая силу Шена и уменьшая силу Афры.

Теперь придется отступать ей.

Уран

С

ледующая станция тоже была заставлена сложной аппаратурой. По трубе странной формы текло что-то неосязаемое, и еще более странного вида устройства управляли потоком.

— Цикл преобразования, — заметил Шен, былая уверенность вернулась к нему. — Поток гравитонов преобразуется в макроны для передачи.

Он прикоснулся к S’.

Земля. Пять человек стояли на освещенной солнцем равнине. Женщина и двое мужчин смотрели на юг, и футах в сорока впереди стояли еще две женщины — пожилая и молодая.

Афра первый раз видела символы и не могла разобрать, который из них ее. Женщина в северной группе, должно быть, она сама, двое мужчин — это, наверное, Шен и Иво. Южной парой были старомодного вида женщина и современная девушка. Пожилая женщина выглядела строго и скованно, девушка была жизнерадостной и рас-

крепощенной. О них многое было можно сказать по одежде и манере держаться, но кто же из них троих — Афра.

Афра колебалась, и Шен, должно быть, чувствовал то же самое.

— Неужели я так плох? — почти жалобно спросил он. — Я никогда не мучил до смерти животных, а немногие, у кого было обычное детство, могут этим похвастаться. Я никогда не стрелял в людей, а немногие, кто служил в армии, могут про себя это сказать. Я просто пошел на игру с крупными ставками и выиграл. Проиграй я, и мне пришлось бы умереть. Я всегда придерживался правил игры.

Тут Афра поняла, что женщина между двумя мужчинами — Ивонна, такая, какой бы она была сейчас. Шен был ограничен в жизни своим прошлым и правилами игры — так что не ей с ходу судить его.

Но и Афра была ограничена. Она видела историю галактики и поняла значение увиденного. Что ей сделать сейчас — вернуться к старой жизни, с ее мелочными интересами и стремлениями, или открыть свой разум и тело для перемен, движения, развития? Какой же из женщин является она? В обычной жизни есть свои преимущества,

но она нестерпимо скучна.

Раньше ей не приходило в голову, что ее антипатия к неграм — следствие воспоминаний детства, той самой погони, когда за ней, из лучших побуждений, побежал работник магазина. Она хорошо запомнила погоню и связала ее с внезапной, ужасной табелью отца, который был смертельно ранен в этот день, и подсознательно винила в этом негров. Но ведь стрелял белый человек, именно он пытался ограбить кассира. А вот негр попытался ей помочь, искренне сочувствовал ее горю и высказал надежду на выздоровление ее отца. Сильнейшими воспоминаниями от этих событий остались негры и убийство, подсознание связало их вместе, хотя сознание этого никогда не делало. Несомненно, что окружение, в котором она росла, способствовало укоренению этого предрассудка.

Здесь для них ответов не было. Они направились в следующую комнату.

Нептун

Это был зал технического обслуживания: чистка, ремонт машин, тестирование роботов. Афра шла по проходу, Шен следовал за ней, несколько поодаль. В дальнем конце прохода она увидела знакомую пляску многоцветных образов — коммуникационный галактический код. Присмотревшись, она прочла послание — все входящие предупреждались, что в соседнем помещении находится программатор разрушителя.

В других комнатах предупреждения не было, почему же здесь есть?

Она была уверена, что знает ответ. Теоретически, любые существа, которым удалось попасть на станцию, достаточно зрелы и не восприимчивы к разрушителю. Но ведь у них могут быть менее зрелые попутчики, как, например, те, кто устанавливал эту станцию — истинно зрелые существа неспособны к осуществлению насилия, даже если оно неизбежно для достижения цели.

Посему более молодым цивилизациям приходится заботиться об оборудовании и делать грязную работу.

Или здесь могут оказаться дети, которые любят шнырять по всяким закоулкам. Ведь ребенок, фактически — низшая ступень эволюции вида, поэтому разрушитель также для него опасен. Вот для чего нужно это предостережение. Даже здесь вполне может присутствовать случайно просочившееся излучение.

— Конец пути, — сказала она Шену, указав на предостережение. — Нам нужно возвращаться. Почему бы нам не прекратить этот дурацкий поединок и не помочь друг другу?

Она подумала, что действительно избавилась от страха, избавилась от отвращения к Шену.

Он просиял.

— Мы пленники самих себя. Все эти символические картинки суть отражения нашего внутреннего мира. Сейчас мы на Нептуне — это планета обязанности. А твой символ — СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА, означает строительство, поддержку, радость в совместной работе. Вот почему ты сказала именно это.

— Каков же ваш символ?

— ЧЕЛОВЕК, ЧЬИ ДЕЛА ИДУТ НА ПОПРАВКУ.

Теперь стало ясно, что игра еще не окончена, и он почти победил в ней. Беатрикс мертва, Гарольда нет с ними, вместо Иво незнакомец — и она, одержимая духом сотрудничества, готова отдать все, что имеет, победителю. Наверное в другой обстановке, подсказывал разум, она бы чувствовала себя совсем иначе. Но не сейчас.

— Счет 78:69 в мою пользу, — сообщил Шен. — Если мы на этом остановимся, и я с этим соглашусь, то мы могли бы…

Она попыталась еще раз позвать Странника, но та чудесная способность оставила ее. Может, ей никогда не доведется испытать той уверенности, силы, которые нужны для того, чтобы прямо вызвать его. На это надежды нет. Не дав себе даже поразмыслить, что же она делает в своей отчаянной попытке вырвать у Шена победу, Афра шагнула в комнату разрушителя.

— Эй! — воскликнул оторопевший от неожиданности Шен. Он бросился к ней, проявив при этом достойную удивления прыть, но было уже поздно.

Плутон

С первым ударом разрушителя Иво перехватил контроль над мозгом и телом. Радуга цветов-понятий теснила сознание, с нарастающей силой толкала в бездну забвения — но Иво имел уже богатый опыт противодействия разрушителю. Он отразил атаку программы и вспомнил об Афре. Она, коленопреклоненная, пыталась закрыть лицо руками, но разрушитель был всюду. Здесь он трансформировался в формы, воспринимаемые ушами, кожей точно так, как глазами. На такой близости от передатчика его излучение просто физически нельзя было заблокировать.

Иво подбежал к ней, схватил за запястья, поднял и вытащил из комнаты. Глаза ее были неподвижны, губы полураскрыты — она уже начала познавать дьявольскую сущность разрушителя. Когда они вышли из комнаты, излучение тут же исчезло — его отсек какой-то невидимый экран. Тело Афры обмякло — она потеряла созна-

ние. Он прислонил ее спиной о неработающую очистительную машину и с надеждой стал ждать ее пробуждения, вглядываясь в неподвижные черты лица. Успел ли он ее вытащить? Если она оживет, вернется ли к ней сознание, или это будет лишенное разума тело?

Она победила Шена в этом поединке. Ее акт отчаяния принес ей полную победу на Плутоне — она выжила там, где Шен бы умер. Это была та самая ситуация, в которой преимущество у игрока с более низким интеллектом. Лишняя минута, которую она простояла под разрушителем, была нокаутом для Шена. Шену нужна была ее помощь, если он собирался когда-либо покинуть станцию, так как он мог встретить разрушитель, лишь глубоко упрятав свою личность. Он легко мог бы создать личность идиота для этой цели, но тогда бы вновь вступил в силу приговор — и он был бы заперт навсегда, если кто-то другой не высвободит его. Достаточно простого приказа: «Шен — выходи!», но этот приказ должен дать независимый посторонний человек. Должен быть кто-то снаружи бутылки, так как изнутри пробку не вышибить. Кто-то, кто знал его и знал, что значит приказ.

Бесспорно, Шен бы никогда не передал управ-

ление Иво добровольно. Тем более, если он знал, что Афра влюблена в его alter ego. Но Афра не стала бы терпеть идиота, годного лишь для прямого приема Странника. Ее темперамент вынудил бы ее приоткрыть бутылку и выпустить более мощный разум, даже при всей к нему ненависти. И, разумеется, проиграй она, чувство долга не позволило бы ей нарушить условия поединка.

Но она выиграла. Иво был уверен в этом, ведь он был судьей.

Иначе и не могло быть, если бы Шен вел нечестную игру, ее результат никого бы ни к чему не обязывал. Законная победа Шена обязала бы Иво уступить ему, даже после того, как он спас Шена от разрушителя. Иво тоже был связан договором, после того, как согласился судить состязание.

И так уж случилось, что его вмешательство спасло их общий мозг от разрушения, но это стоило Шену десяти очков в финальном раунде, Афра повела со счетом 79:78, и при этом счете игра завершилась.

Она выиграла право выбрать себе компанию на обратную дорогу. Она желала именно право выбора в качестве приза и дала это понять Шену во время диалога.

Правда, право это будет реализовано, если у нее

хватит ума для того, чтобы принять решение. В противном случае она тоже проиграла, и игра завершится бессмысленной ничьей, так как Шену безумная Афра вовсе ни к чему.

Иво любовался ее лицом, оно было столь прекрасно в своей безмятежности. Он ждал этой минуты с тех пор, как увидел ее в первый раз. Он прошел всю галактику, чтобы угодить ей.

Поверхность машины, к которой он подтащил Афру, была зеркально отполирована. В этом зеркале он увидел голову мужчины. Казалось, голова улыбается ему, как старому знакомому. Во время состязания Шен подарил ему один из своих осязаемых образов, и он знал, что это символ Афры на Плутоне — ГОЛОВА МУЖЧИНЫ, а радуга, которую он увидел, когда принял управление телом в комнате разрушителя — символ Шена.

Но чья голова символ Афры?

Неужели он всю жизнь шел к этому кризису, к этому бессмысленному бдению над телом девушки? Если ее уже нет, то что же осталось?

Иво очень осторожно, боясь разбудить, взял ее за руку. Он вспоминал.

Проект развалился, и все его участники были вышвырнуты в огромный, сложный, неспокойный мир — но большинство радовалось, ведь это

одновременно была свобода и возможность испытать себя. Они рассеялись по планете, триста тридцать юношей и девушек, спешащих жить и чувствовать… и мир поглотил их бесследно.

Брад поступил в колледж, Иво последовал за мелодией флейты и разыскивал памятники жизни Сиднея Ланье. Немногие образовали семьи с людьми из проекта. Все пытались поддерживать связь друг с другом, но со временем все как будто забылось. Но случайных встреч было достаточно для того, чтобы быть в курсе дел большинства. Иногда Иво мечтал о большой встрече, о сборе всех участников проекта — и сам понимал, что такая мысль свидетельствует об отрыве от жизни, о том, что он чужой в этом мире, мире 70-х.

Затем Гротон встретил его на душной улице в Джорджии, и начались его приключения. Браду был нужен Шен! Афра, иллюзия любви, ловушка или приманка — вошел бы он в эту ловушку, если бы сам не хотел это сделать? Пробоскоиды планеты Санча, самоубийственно разоряющие свой мир, и человечество, ведущее себя так же. Человеческие органы, черный рынок. Полноватая Беатрикс, жена инженера. Образ кризиса школы: подростки в классной комнате — сигарета, ухмылки. Сенатор Борланд, могущественный

и тщеславный. Образ разрушителя: один мертв, другой лишен разума, третий невредим? Спраут, выигрышная комбинация, SPDS, Ковонов, который мечтал улететь сам…

Ракета Джозеф — дом для пятерых. Обучение работе с макроскопом, инструментом галактической цивилизации. Астрология: «Путь вашей жизни и путь Вселенной могут идти параллельно». Погоня ООН. Образ живой клетки. Ощупывание — подтверждение идентичности или сексуальное переживание. Деструкция — опрокидывается череп, из глазниц вытекает сероватая жижа. Восстановление: от клетки до человека за четыре часа.

Грандиозный Нептун. Бушующее море метана. Тритон, Трикс находит жука. Шен, спутник спутника. Здесь он научился ценить настоящих людей, познал значение дружбы с ее радостями и невзгодами. Преобразование Тритона: общая работа. Поэзия, предрассудки, шахматная аналогия. Морская звезда. Гороскоп Афры, таблица, определяющая ее натуру.

Он бросает автобусный жетон.

Суд. Еще одно самое настоящее ощупывание. Диаграммы подпространства. Исследование недр Нептуна — карлик с дыханием гиганта, более

древний, чем Солнце. Гравитационный радиус.

Тир. Маттан говорит о сверхдержавах. Ваал Мелкат, обожающий детей. Мечи, факелы, ночь. Айя: «Мы получили удовольствие и не изменили нашей памяти». Образ Астраты, молоко бьет из ее груди. Зловоние гниющих моллюсков, краситель для пурпурных тог. Афра, занимающая место Айи, удобной гавани для кораблей. Все потому, что Шен рвался к свободе.

В любом случае Шен проиграл, сохранилась Афра или нет.

Внезапно Иво почувствовал, что не может больше выносить это напряжение. Он взял Афру под мышки, поставил ее на ноги и поцеловал. Страсть, так долго скрываемая, нашла выход. Чем это хуже ощупывания?

Она немедленно очнулась. Высвободилась и отстранила его губы своими негнущимися пальцами.

— Отпусти меня! — гневно воскликнула она.

Иво смутился и поспешно ее отпустил.

Она выбрала не его!

Затем его окатила волна радости и облегчения — она думает, что он — Шен! Ведь она не знала еще исход их поединка и совершившуюся смену. Он открыл было рот для объяснений.

— Не будь смешным, Иво, — резко сказала она. — Я без труда различаю вас двоих. Кроме того, я прекрасно знаю, что Шен бы меня оттуда ни за что бы не вытащил. Это мог быть только ты.

Осознание собственной неполноценности вернулось вновь и причинило невыносимую боль. Он опять попытался заговорить.

— Ты решил, что если Шена нет, то все прекрасно? Парень и девушка падают в объятия, романтический закат, занавес? Сожалею, но когда мне понадобится собачка — я свистну.

Что же случилось? Ведь из ее диалога с Шеном следовало, что она презирает его, а теперь она презирает его пуще прежнего.

— Шен был прав в одном, — продолжала она, приводя одежду в порядок. — Ты действительно не слишком смышленый парень, а я не переношу глупых.

Означает ли это, что она хочет вернуть Шена? Ему казалось это бессмысленным. Но если ей не нужен ни Шен, ни Иво…

Афра развернулась и пошла назад, в комнату, где все начиналось. Он был уверен почему-то, что если она сейчас уйдет, он больше никогда ее не увидит… но не мог пошевельнуться. Он потерял ее, не произнеся ни единого слова.

Он отчетливо вспомнил, как они прыгали на тысячи световых лет, пока не оказались над огромным диском галактики, затем вернулись — но ему сейчас не под силу преодолеть несколько шагов, разделяющих двоих людей.

История Солнечной системы, миллиарды лет — а сейчас секунды убили его. Где же он ошибся?

Приближение к комплексу разрушителя. «Они следят за нами!» Его дурацкая ревность к Гарольду Гротону, вновь в его сознании образ этого человека заменяет безликая фамилия. Возбуждение Афры на выставке элементов. Последняя комната. S'. Вращаются колеса, из символов сплетается «Симфония». Одновременные и хронологически разделенные события из галактической истории.

Шен: «Они и наших дочерей заберут». Беатрикс: «Ты не ошиблась...» Гарольд: «Я думал, что унизительно служить под началом Дрона».

Где же он ошибся?

Шена нет, Беатрикс погибла, Гарольд в поисках Странника, и Афра не переносит глупых. Но он остался, и осталась ответственность. Где же он это слышал? Выполнить обещание и пройти, прежде чем... Он должен был что-то сделать для милой пары Гротонов. Сколь несправедлива их разлука!

Но я люблю тебя! — беззвучно прокричал он вслед Афре. Может она высокомерна, может у нее есть недостатки — но под этой прекрасной внешностью скрывается необыкновенная женщина. Она боролась с Шеном.

А она все шла, шорты плотно облегали упругий зад, золотые волосы колыхались в такт шагам.

Афра — ее видение, предназначенное для Козерога, почему-то дало сбой, и вместо него она попала на безжалостный поединок с жестоким гением. Но эта ошибка программы спасла его и ее — иначе они бы так и остались в истории, пока их тела не разложились бы.

Как показали Гарольд и Беатрикс, нормальный человек не просыпается после такого сна. Очевидно, это и был последний тест: разум, который переживет видение и вырвется из стасиса, получает право идти дальше. Человеческий разум не обладает такой способностью. Даже Шен попал в эту ловушку.

Странно, неужели это счастливая случайность, что Афре удалось выбраться из этой засасывающей трясины? И впоследствии именно ей удалось установить контакт со сверхсуществом, со Странником.

Странник — нервный импульс между галакти-

ческими клетками, ему в равной мере подвластен макрокосм и микрокосм.

Случайность? Наверное, Странник *специально коснулся ее!* При его возможностях это не так уж сложно сделать. Просто разок подтолкнуть ее, чтобы она вышла из транса, и еще разок, чтобы выиграть у Шена решающие очки… и он не мог коснуться самого Шена — или Иво! — потому, что Шен старательно заблокировал воспоминания о разрушителе. И, поскольку Афра была доступна — единственная с развитым и открытым сознанием…

Почему? Почему во все вмешиваются эти существа, ведь для них объектами заботы являются целые галактики? А что, если они надеются на нее, на человечество в целом? Что, если Странники хотят, чтобы он и Афра вернулись на Землю и передали весть о галактических и межгалактических цивилизациях? Но самой Афре на Землю не вернуться, а она повернулась к нему спиной.

Что ж, подумал он с иронией, теперь, по крайней мере, можно не опасаться вмешательства Шена. С уговором, или без оного, ему уже не выйти, так как Афре наплевать на Иво, а вся галактика заполнена излучением разрушителя. Теперь он, Иво, может использовать любой талант Шена,

какой только потребуется, не опасаясь утратить индивидуальность. И он сможет свободно вернуться домой. Придется только немного редуцировать личность при работе с разрушителем в макронном эфире, это необходимо для эффективной работы сознания; в остальное же время он будет гением в прямом смысле этого слова.

Здорово ты себя утешаешь, подумал он, глядя, как Афра перебирает своими изящными ножками, *теперь ты можешь использовать интеллект Шена, для того, чтобы выяснить, почему ты ее потерял.*

А ведь и вправду, гений Шена все сразу прояснит. Он потянулся… вспышка! Он точно знал, что же делает Афра.

— Девушка, — четко произнес он.

Она остановилась. Она еще не достигла двери в соседнюю комнату. Над ней все еще довлели видения двух последних поединков — на Плутоне и Нептуне. Одержимость и долг — и в ней всего гораздо больше, и хорошего, и плохого.

— Куда плывет облако, — сказал он, — ведает Господь, но облако не ведает того.

Она медленно повернулась.

— Не понимаю.

— Это цитата из Сиднея Ланье. Путь облака

может быть предрешен, но Человек обладает свободой выбора.

Он произнес это по-русски.

Ее капитуляция была столь же неожиданной, как и ее пробуждение. В несколько прыжков она преодолела разделяющее их расстояние и бросилась в его объятия.

— Я знала, ты не облако, Иво! — успела сказать она, прежде чем Иво успел прижаться губами к ее губам.

Объяснения здесь были явно ни к чему, но прежний Иво успел разложить все по полочкам во время продолжительных объятий. Афре не нужен был ни высокомерный всезнайка Шен, ни нудный тупица Иво. Она жаждала компромисса: личность Иво и способности Шена. Так как ни один из них не был полноценным человеком. Шен так и не повзрослел, а Иво отказывался использовать принадлежащие ему по праву способности. Как женщина может полюбить половину шизоидной личности?

Но разрушитель нарушил равновесие, разорвав порочный круг, и сделал Иво художником. Теперь он мог владеть и объединять — а время и жизненный опыт развили в нем одну существенную способность, которой Шен не обладал — спо-

собность к человеческому общению. Ребенок нормально вырос и стал взрослым — и отказаться от взрослого человека Иво в пользу ребенка Шена было бы вопиющей несправедливостью.

Вот и решение уравнения жизни. Мальчик не добился любви девочки, но мужчина добился любви женщины.

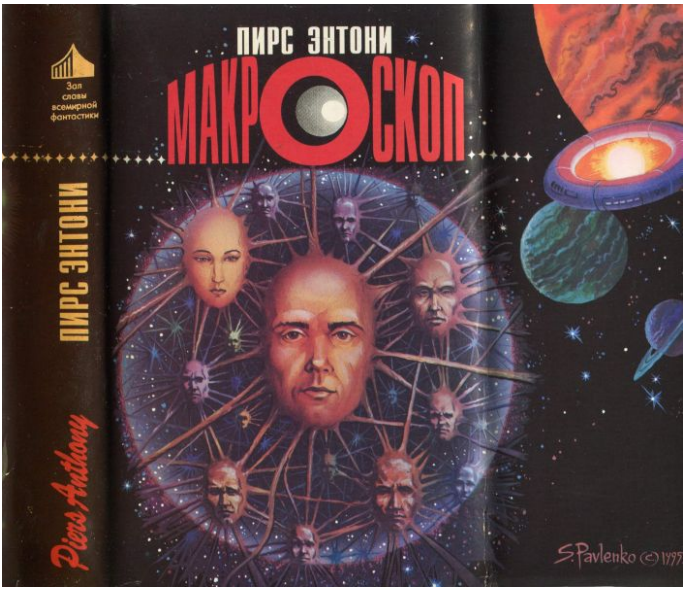
А как же Земля? Ведь человечество — незрелая цивилизация с детской технологией, достойна ли она вкусить запретные плоды галактического знания? Или лучше остаться в стороне, и пусть естественный отбор делает свое дело, как это происходило и происходит со всей галактикой?

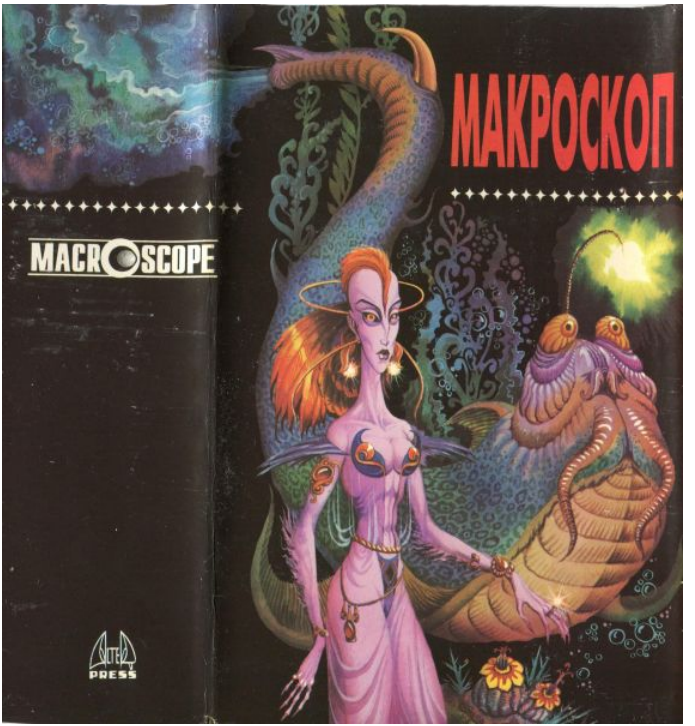
— *Что творит художник,* — тихо сказал Иво, — *Господь ведает, но ведает ли об этом художник?*

Ентоні Пірс

Макроскоп: Пер. з англ. Ю.Скорпінова. — К.: МСП "Альтерпрес", 1995. — 543с.:іл. — (Зал слави всесвітньої фантастики). — Рос. мовою.

ISBN 5-7707-7239-5


Зал
славы
всемирной
фантастики
ПИРС ЭНТОНИ
Piers Anthony
ПИРС ЭНТОНИ
МАКРОСКОП
S.Pavlenko © 1999


MACROSCOPE
МАКРОСКОП
PRESS